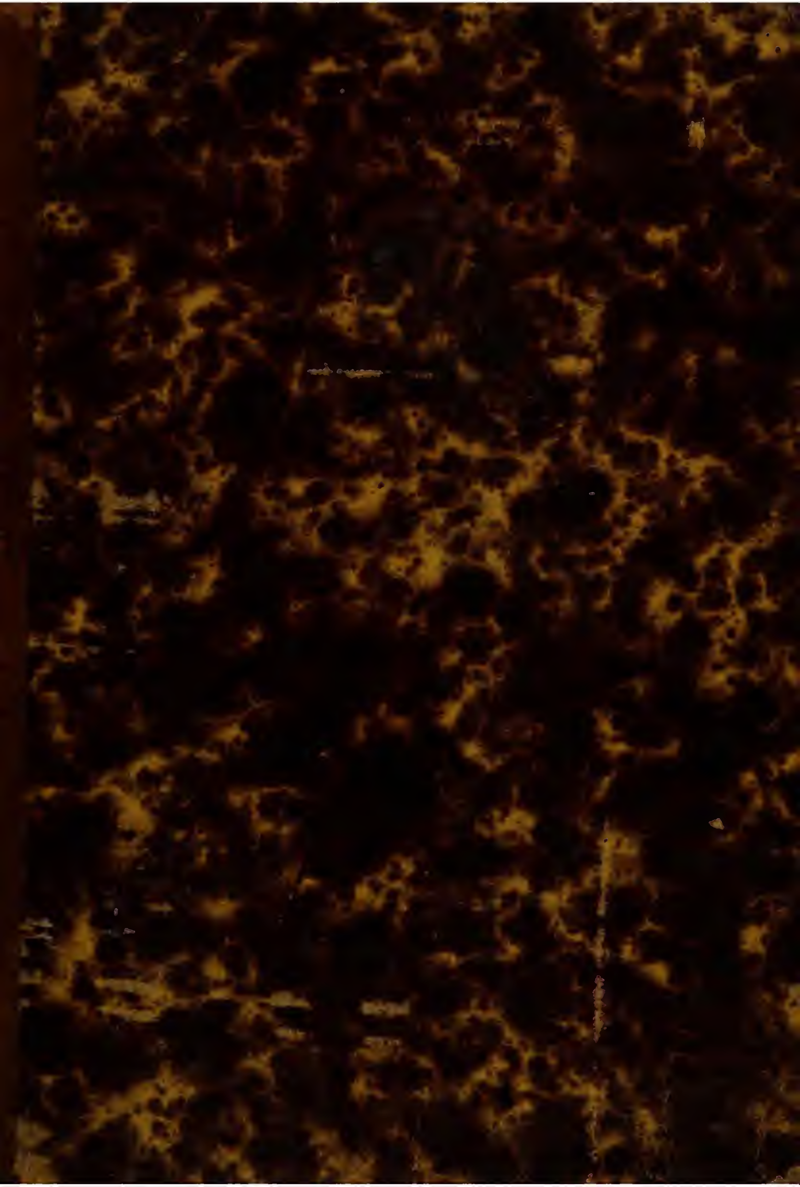





NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V.E. II
ROMA
GOGOL
B
2946 /1

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

Переведено подъ редакціей

Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ

А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

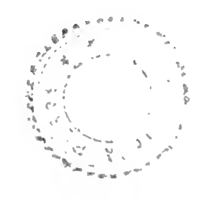
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

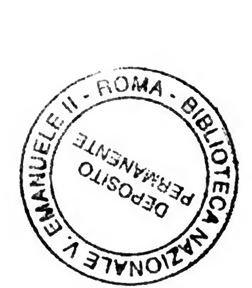
С.-Петербургъ 27 октября 1861 года.

Цензоръ Веселаго.



ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

I. ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ.



ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

I. Восточные народы.

II. Народы Греко-Римскаго періода.

Исторія Грековъ.

III. Исторія грековъ отъ конца героическаго періода до начала Персидскихъ войнъ.

IV. Исторія грековъ отъ начала Персидскихъ войнъ до конца Пелопоннесской войны.

Всемірную исторію обыкновенно дѣлятъ на исторію древняго міра, исторію среднихъ вѣковъ и исторію новѣйшаго времени. Первый изъ этихъ отдѣловъ распадается еще на двѣ главныя части: на *эпоху древнѣйшихъ восточныхъ народовъ*, и на *эпоху греко-римскую*. Постепенное развитіе человѣческаго рода, въ главныхъ чертахъ, шло по направленію суточнаго движенія солнца. Въ Азіи, гдѣ родъ человѣческій получилъ начало, и въ сосѣднемъ съ нею Египтѣ культура разцвѣла впервые. Затѣмъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, она не переходила за предѣлы востока. Но, лѣтъ за тысячу до рождества Христова во всемірной исторіи принимаетъ участіе Европа; и, между тѣмъ какъ восточные народы падаютъ все ниже и ниже, греки и римляне дѣлаютъ эту часть свѣта средоточіемъ всемірныхъ событій. Въ послѣднія времена древняго міра, эти два главные народа древней Европы, и затѣмъ христіанство, распространили культуру въ западной половинѣ европейскаго материка, а тысячу лѣтъ спустя, она, подобнымъ же образомъ, перешагнула за предѣлы стараго свѣта и коснулась Америки.

Главное различіе двухъ великихъ періодовъ древняго міра заключается въ томъ, что образованность древнѣйшихъ восточныхъ народовъ всегда, болѣе или менѣе, носила печать неподвижности, съ выступленіемъ же греческаго народа на историческое поприще начался періодъ новаго, дѣйствительно свободнаго развитія человѣчества. Нѣкоторые народы востока и до нашихъ дней неизмѣнно сохранили этотъ характеръ отдаленной древности. Таковы китайцы и индійцы, — древнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ

и въ настоящее время отдѣльныя государства. И тѣ и другіе могутъ поэтому всего лучше показать намъ, какъ были устроены государства первобытной эпохи. Первый изъ этихъ народовъ принадлежитъ къ монгольскому племени, второй — къ кавказскому. Поэтому ихъ исторія приводитъ насъ къ первымъ временамъ двухъ главныхъ вѣтвей нашего племени, которыя прежде однѣ составляли предметъ исторіи человѣчества. Китайцы, въ историческомъ отношеніи, важны еще и потому, что, какъ образованнѣйшій изъ всѣхъ монгольскихъ народовъ, они знакомятъ насъ съ главными характеристическими чертами этого племени на высшей степени его развитія. Дѣйствительно, хотя монгольскія племена достигли въ Китаѣ, Японіи и Индо-Китаѣ извѣстной степени цивилизаціи, но затѣмъ, въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ столѣтій, не сдѣлали ни одного шага впередъ. Остальная часть этого племени никогда не оставляла своего кочеваго быта.

Изъ народовъ кавказскаго племени, одни только индійцы сохранили до нашего времени, безъ значительныхъ измѣненій, цивилизацію первобытной эпохи. Всѣ прочіе народы этого племени, достигшіе высшей образованности, сбросили съ себя печать этого періода. Въ ихъ средѣ развилась цивилизація прогрессивная, при чемъ, то тотъ, то другой народъ становился передовымъ. Вслѣдствіе этого кавказское племя, уже въ отдаленнѣйшія времена возвысившееся надъ другими, сохранило свое первенство и въ позднѣйшіе періоды. Съ первыхъ дней исторіи и до настоящаго времени оно, безъ всякаго перерыва, составляетъ ядро человѣчества, и центръ, вокругъ котораго вращается вся всемірная исторія.

Совсѣмъ другое значеніе имѣло африканское племя, — третья главная вѣтвь обитателей стараго свѣта. Эта многочисленная группа народовъ, никогда не распространявшаяся за предѣлы Африки, не имѣла почти никакого вліянія на исторію остальнаго человѣчества. Большая часть африканскихъ народовъ никогда не достигала той степени развитія, которую мы называемъ цивилизаціей. Да и тѣ немногіе, которые поднялись на первую степень образованности,

развились такъ мало, что ихъ исторія состоитъ только изъ ряда случайныхъ, внѣшнихъ событій. Совершенно несходные въ этомъ отношеніи съ главными народами двухъ первыхъ племенъ, — народы африканскаго племени, по этому самому, весьма рѣдко упоминаются во всемірной исторіи. Основываясь на темномъ преданіи, дошедшемъ до грековъ, можно только предполагать, что въ отдаленнѣйшей древности часть этого племени достигла довольно высокой степени развитія и, вслѣдствіе этого, играла значительную роль въ сѣверной Африкѣ. Поэтому всего приличнѣе упомянуть объ африканскомъ племени здѣсь, при вступленіи въ исторію первобытныхъ государствъ.

У грековъ, называвшихъ всѣ народы, обитавшіе къ югу отъ Египта и въ средней Африкѣ, эѳіопами, было древнее преданіе о томъ, что въ глубокой древности эѳіопскія племена сѣверной Африки жили въ тѣсномъ союзѣ между собою и достигли высокой степени цивилизаціи и могущества. При царѣ, по имени Теарконѣ, завоеванія ихъ распространились до самыхъ береговъ Средиземнаго моря. Но, государство это, въ теченіе извѣстнаго періода времени, угрожавшее даже востоку и крайнему западу нашей части свѣта, скоро распалось и африканское племя уже рано впало въ то состояніе, въ которомъ осталось и до настоящаго времени. Нельзя однако опредѣлить съ достовѣрностью всѣ ли народы, подвластные Теаркону, были дѣйствительно негры, потому что греки называли именемъ эѳіоповъ, не только людей этого племени, но и вообще всѣхъ жителей извѣстнаго имъ крайняго юга. Поэтому самому нельзя также съ достовѣрностью сказать къ какому племени принадлежало другое знаменитое эѳіопское государство — Мероэ, лежавшее къ югу отъ Нубіи и достигшее цивилизаціи тоже въ первобытныя времена. Государство это процвѣтало еще въ началѣ государственной жизни египтянъ и продолжало существовать почти до рождества Христова. Главою его считался царь, находившійся однако въ полной зависимости отъ духовенства, которое управляло всѣми дѣлами. Столица государства, называвшаяся также Мероэ,

имѣла знаменитый оракулъ и была средоточіемъ дѣятельной караванной торговли между Египтомъ и внутренней Африкой.

Но, какова бы ни была судьба этого первобытнаго государства, и вообще народовъ африканскаго племени этой эпохи, — достовѣрно однако, что въ позднѣйшее время вліяніе ихъ на сосѣдніе народы было очень незначительно. Для цѣлаго же человѣчества, они никогда не имѣли никакого значенія. Поэтому всѣ народы африканскаго племени исключаются изъ числа народовъ, исторія которыхъ необходима для яснаго изложенія постепеннаго развитія человѣчества.

Эти послѣдніе народы принадлежатъ къ кавказскому или къ монгольскому племени. Впрочемъ, значеніе послѣдняго, сравнительно съ первымъ, почти ничтожно. Всѣ монгольскіе народы, достигшіе цивилизаціи, уже весьма рано отказались отъ всякаго дальнѣйшаго развитія. Поэтому они и занимаютъ только вторую главную ступень человѣческаго развитія. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что образованнѣйшій изъ монгольскихъ народовъ, еще въ первобытныя времена, достигъ своей нынѣшней цивилизаціи, — исторію древнихъ государствъ и начинаютъ съ китайцевъ. Отъ китайцевъ, — у которыхъ монгольская цивилизація достигла высшаго своего развитія, — слѣдуетъ перейти къ индійцамъ, потому что, изъ всѣхъ народовъ кавказскаго племени, они одни сохранили свою древнюю культуру, и, такимъ образомъ, по своей неподвижности, усвоили главную характеристическую черту монгольскихъ народовъ. Прочіе главные народы нашего племени постепенно достигли высшихъ степеней развитія и на этомъ пути не только пріобрѣли себѣ владычество надъ міромъ, но и создали для цѣлаго человѣчества средства и формы лучшаго общественнаго быта. Народамъ кавказскаго племени принадлежитъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, общественной и домашней жизни, въ наукѣ и искусствѣ, изобрѣтеніе всего дѣйствительно благороднаго, всего, что достойно разумнаго существа.

КИТАЙЦЫ.

Какъ образованнѣйшая часть монгольскаго племени, китайцы стоятъ во главѣ великой восточно-азіятской вѣтви человѣческаго рода. Ихъ культура относится еще къ первобытной эпохѣ, а государство древнѣе всѣхъ теперь существующихъ. Значеніе китайцевъ во всемірной исторіи важно въ особенности потому, что, со временъ отдаленнѣйшей древности и до нашихъ дней, ихъ цивилизація сохранила почти одинъ и тотъ же характеръ. Они представляютъ намъ образецъ народа, который, не смотря на раннюю и довольно высокую цивилизацію, остановился на извѣстной степени умственнаго развитія.

Письменные памятники Греціи и Рима, заключающіе въ себѣ большую часть достовѣрныхъ извѣстій о древнихъ народахъ, ничего не говорятъ намъ о китайцахъ. Съ этимъ народомъ, извѣстнымъ у нихъ подъ именемъ серовъ, греки и римляне не имѣли никакихъ столкновеній, и только со временъ Александра Великаго стали покупать шелкъ въ Бухаріи у китайскихъ торговцевъ. Напротивъ того, сами китайцы имѣютъ историческія книги, составленіе которыхъ должно быть отнесено за нѣсколько вѣковъ до рождества Христова. Съ этого времени и до нашихъ дней исторія Китая была ведена у нихъ безъ всякаго перерыва и составляетъ предметъ особенныхъ сочиненій китайскихъ историковъ. Изъ болѣе

отдаленныхъ временъ у китайцевъ сохранились только неточныя извѣстія и сказочныя преданія, помѣщенныя однако въ упомянутыхъ сочиненіяхъ какъ часть ихъ достовѣрной исторіи. Такимъ образомъ, хотя событія, разсказанныя въ китайскихъ историческихъ книгахъ, и восходятъ до 3082 года до р. Х., но достовѣрныя извѣстія начинаются не ранѣе какъ за 782 года до нашего лѣтосчисленія.

Родоначальники китайскаго народа, по всей вѣроятности, прикочевали въ Китай изъ горъ Кунь-луня или Куль-куня, лежащихъ въ западной части сѣвернаго Китая. Время этого событія совершенно неизвѣстно. Китайцы не были однако первыми поселенцами этого края. Въ эпоху ихъ прибытія онъ уже былъ населенъ другимъ народомъ, который сначала былъ покоренъ, а потомъ частью истребленъ ими. И до сихъ поръ еще остатки этого народа живутъ въ дикомъ состояніи подъ именемъ Мяо-це въ горахъ южнаго Китая. Предки нынѣшнихъ китайцевъ поселились сначала въ средней части края и здѣсь то были положены начатки китайской цивилизаціи. Время появленія этихъ первыхъ начатковъ образованности опредѣлить невозможно, но, нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно относится къ эпохѣ первобытной древности.

Всего замѣчательнѣе въ китайскихъ сказаніяхъ о первоначальной жизни народа то, что и они говорятъ о наводненіяхъ, уничтожившихъ почти весь человѣческій родъ. Преданія упоминаютъ о двухъ такихъ наводненіяхъ или потопахъ: первое произошло за 2600 лѣтъ до р. Х. въ правленіе китайскаго владѣтеля Фо-ги, второе — при владѣтелѣ Іао, царствованіе котораго относятъ къ 2350 году до р. Х. Китайцы превозносятъ обоихъ этихъ государей, какъ первыхъ цивилизаторовъ народа и великихъ законодателей. Изъ остальныхъ правителей этой малоизвѣстной эпохи, упоминаемыхъ въ китайскихъ преданіяхъ, замѣчателенъ только императоръ Ву-ванъ. Онъ былъ первоначально правителемъ области, подвластной китайскому императору, но, впослѣдствіи, соединившись съ другими вельможами, возсталъ противъ своего повелителя,

свергнулъ его съ престола (1122 до р. Х.) и самъ сдѣлался императоромъ. Потомки его съумѣли удержать престолъ въ своемъ родѣ, и, такимъ образомъ, Ву-Ванъ сталъ основателемъ новой династіи, царствовавшей съ 1122 по 248 до р. Х., и извѣстной подъ именемъ Че-у. Съ половины періода, въ теченіе котораго эта династія царствовала въ Китаѣ, извѣстія, сообщаемыя китайскими историками, становятся достовѣрными.

До вступленія на престолъ Ву-вана, форма правленія въ Китаѣ была таже самая, какъ и у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ въ первыя времена ихъ существованія. Эта патріархальная форма правленія была впослѣдствіи снова введена въ Китаѣ, и сохранилась тамъ до нашихъ дней.

Сущность ея состоитъ въ томъ, что весь народъ принимается за одно семейство, въ которомъ государь считается отцомъ. Всѣ члены государства обязаны оказывать ему тоже безусловное повиновеніе, на которое, по тѣмъ же идеямъ, въ частной жизни имѣетъ право глава каждаго семейства. Во время владычества династіи Че-у, эта правительственная форма была замѣнена другою, вслѣдствіе того что вельможи, помощи которыхъ Ву-ванъ былъ обязанъ престоломъ, не согласились признать его неограниченнымъ властителемъ. Онъ былъ принужденъ раздѣлить между ними всю страну, распавшуюся, такимъ образомъ, на множество владѣній, правители которыхъ хотя и признавали верховную власть императора, но не были обязаны безусловно повиноваться ему, и, большею частью, произвольно распоряжались въ своихъ владѣніяхъ. Эта феодальная система (какъ обыкновенно называютъ государственное устройство подобнаго рода) ослабила въ Китаѣ верховную власть. Но, съ другой стороны, она имѣла и благодѣтельное вліяніе на страну: существованіе мелкихъ владѣній способствовало повсемѣстному распространенію цивилизаціи, а возникновеніе большаго числа дворовъ мелкихъ владѣтелей, одновременно, во многихъ частяхъ государства, оживило искусства, ремесла и торговую дѣятельность. Вслѣдствіе этого населенность страны стала быстро увеличиваться;

вмѣсто прежнихъ мѣстечекъ и селъ, изъ княжескихъ резиденцій образовались города, число которыхъ постоянно возрастало вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности.

Такимъ образомъ, въ эту эпоху Китай впервые получилъ тотъ оригинальный видъ, который онъ сохраняетъ и въ настоящее время. Тогда на ряду съ земледѣліемъ стала развиваться промышленность и сдѣлалась замѣтною чрезвычайная населенность, поражающая европейскихъ путешественниковъ, и достигшая въ собственномъ Китаѣ, большихъ размѣровъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ земнаго шара.

Въ царствованіе династіи Че-у жилъ величайшій и знаменитѣйшій изъ китайскихъ философовъ Кон-фуце, или, какъ его обыкновенно называютъ въ Европѣ, Конфуцій. Время его жизни не извѣстно съ достовѣрностью, но, по свѣдѣніямъ, заслуживающимъ наибольшаго вѣроятія, можно полагать что онъ жилъ около 484 года до р. Х. Конфуцій былъ основателемъ литературы Китая, создалъ особенную религіозную систему, и долженъ считаться истиннымъ творцомъ нынѣшняго государственнаго устройства китайцевъ. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ, справедливѣе назвать его не творцомъ, а только реформаторомъ. Великое значеніе Конфуція заключается не во введеніи новыхъ идей, новаго образа жизни или новаго государственнаго быта, но, подобно большей части великихъ людей, дѣятельность которыхъ служила началомъ новой эпохи въ жизни человѣчества, — онъ потому только имѣлъ продолжительное вліяніе на судьбу своего народа; что глубоко изучилъ и понялъ природу китайцевъ. Преобразовывая религіозную жизнь, умственное образованіе и государственныя отношенія народа, Конфуцій руководствовался не столько своими собственными идеями, сколько духомъ китайской жизни и національнымъ характеромъ. Онъ отыскивалъ господствовавшія нѣкогда у китайцевъ понятія о предметахъ высшихъ, собиралъ поученія, сохранявшіяся отъ мудрецовъ китайской древности, и изучалъ обычаи, пустившіе глубокіе корни въ жизни народа. Возста-

новляя забытое, или замѣняя его новымъ, но близко подходящимъ къ старому, — Конфуцій все это связалъ въ одно цѣлое, и далъ новую силу жизненнымъ элементамъ своего народа. Такимъ образомъ, Конфуцій не былъ творцомъ цивилизаціи, религіи и государственныхъ учрежденій китайцевъ, но только собралъ, привелъ въ порядокъ и возстановилъ остатки старины и тѣхъ особенностей жизни, которыя были свойственны коренной природѣ китайца. Ниже будетъ подробно сказано, что сдѣлалъ Конфуцій —(которому и теперь еще во многихъ, въ честь его построенныхъ, храмахъ поклоняются, какъ величайшему представителю націи) — для умственнаго развитія и религіозныхъ вѣрованій народа. Относительно государственнаго управленія, дѣятельность его важна въ особенности потому, что онъ снова пріучилъ китайцевъ къ патріархальнымъ учрежденіямъ, и, такимъ образомъ, вызвалъ возстановленіе прежняго государственнаго устройства, распространившагося однако во всей странѣ не ранѣе, какъ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ его смерти. Вскорѣ послѣ Конфуція явился новый дѣятель, по имени Мен-це, учившій въ духѣ своего предшественника и считаемый китайцами величайшимъ мудрецомъ послѣ Конфуція.

Лѣтъ черезъ двѣсти послѣ смерти Конфуція, въ 248 до р. X., могущественнѣйшій изъ китайскихъ князей, Чванъ-сянъ-ванъ, свергнулъ своего верховнаго повелителя съ престола и положилъ конецъ династіи Че-у. Затѣмъ, онъ превозгласилъ себя императоромъ. и сдѣлался основателемъ новой династіи, Циновъ, — вытѣсненной съ престола въ 206 году. Чванъ-сянъ-ванъ и его преемникъ Чинъ-ванъ (Ши-хоанъ-ти) выгнали изъ Китая всѣхъ мелкихъ владѣтелей, соединили всѣ части государства въ одно цѣлое, и возстановили прежнее патріархальное управленіе. Послѣдній изъ этихъ двухъ императоровъ раздвинулъ завоеваніями предѣлы своего государства. Чинъ-вану, одному изъ знаменитѣйшихъ императоровъ въ китайской исторіи, приписываютъ постройку великой стѣны, для защиты сѣверо-востока собственнаго Китая отъ сосѣднихъ разбойничьихъ племенъ, называемыхъ тата-

рами. Эта стѣна, теперь приходящая въ разрушеніе, проведена большими изгибами черезъ горы и долины вплоть до моря, на протяженіи 300 нѣмецкихъ миль. Мѣстами она идетъ въ два и три ряда и имѣетъ въ высоту до 26, а въ толщину до 15 или 16 футовъ. Впрочемъ, Чинъ-ванъ построилъ не всю стѣну: отдѣльныя части ея уже были построены до него двумя мелкими князьями, вассалами императорскаго китайскаго престола, для защиты своихъ владѣній. Чинъ-ванъ соединилъ эти части, и продолживъ ихъ, воздвигъ, такимъ образомъ, громадное сооруженіе. Разсказываютъ также, что для того, чтобъ царствовать неограниченно и уничтожить даже воспоминанія о прежнихъ правахъ и обычаяхъ, онъ приказалъ сжечь всѣ книги, кромѣ относящихся до земледѣлія, медицины и другихъ, какъ ему казалось, не опасныхъ предметовъ. По всей вѣроятности преданіе это вымышлено.

Цины пали также вслѣдствіе возстанія; за ними, въ теченіе четырнадцати вѣковъ, слѣдуетъ длинный рядъ разныхъ династій, изъ которыхъ одна только династія Соновъ заслуживаетъ вниманія. Вотъ замѣчательнѣйшія событія этого длиннаго періода. Въ 57 году до р. Х. начались первыя сношенія китайцевъ съ японцами. Народъ этотъ, также принадлежащій къ монгольскому племени, отправилъ въ этомъ году въ Китай пословъ съ подарками императору. По разсказамъ китайцевъ японцы находились тогда въ полу-дикомъ состояніи, и, только благодаря сношеніямъ съ Китаемъ, получили настоящую цивилизацію. Около того же времени былъ положенъ конецъ могуществу разбойничьяго и воинственнаго народа, жившаго на сѣверѣ Китая и, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, часто разорявшаго эту страну. Народъ этотъ, принадлежавшій къ тюркскому племени и называвшійся Хіонъ-ну, не задолго передъ тѣмъ производилъ самые опустошительные набѣги на Китай; но, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій до и послѣ р. Х., китайцы, съ помощью какого то другаго средне-азіятскаго народа, частью покорили, а частью оттѣснили его къ западу. Думали, что Хіонъ-ну не что иное, какъ прославившіеся впослѣдствіи въ евро-

пейской исторіи Гунны, но это предположеніе основано только на сходствѣ именъ и не подтверждается никакими другими доказательствами. Въ 386 году по р. X. Китай распался на два государства, изъ которыхъ каждое имѣло своего императора. По географическому положенію, ихъ обыкновенно называютъ сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ. Въ 581 году они снова соединились. Какъ прежде и послѣ, такъ и въ то время, тюркскія и монгольскія орды часто разоряли страну своими набѣгами. Книгопечатаніе, изобрѣтенное китайцами никакъ не позже 930 года нашей эры, до сихъ поръ совершенно отлично отъ нашего; у нихъ книги печатаются посредствомъ деревянныхъ досокъ, на которыхъ вырѣзанъ текстъ каждой страницы.

Послѣдней династіей этого длиннаго періода была династія — Соновъ. Государи этого дома, владѣвшаго престоломъ съ 960 по 1280, не стѣсняли свободы мысли и сношеній съ другими народами, и отличались любовью къ наукамъ и искусствамъ. По этому самому они порицаются китайцами всѣхъ позднѣйшихъ временъ. Ихъ упрекаютъ въ томъ, что, отступивши отъ старинныхъ обычаевъ страны, они не только были свергнуты чужеземными варварами, но, вмѣстѣ съ собою, погубили и отечество. И теперь еще судьба этихъ государей приводится какъ примѣръ гибельныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ нововведеній и сношеній съ иностранцами. А между тѣмъ, если бы ихъ начинанія успѣли укорениться, Китай получилъ бы живую, прогрессивную цивилизацію и снова соединился бы съ массой человѣческаго рода, отъ которой отдѣленъ уже столько вѣковъ. Впрочемъ Соны господствовали только въ южной и средней части Китая; на сѣверѣ держались нѣкоторыя независимыя владѣтельныя фамиліи. Эта часть страны была вскорѣ покорена монголами, распространившими оттуда свое владычество на югъ, и принудившими императоровъ сонской династіи къ платежу дани. Наконецъ, когда великій завоеватель, Чингисъ-ханъ, соединилъ въ одно цѣлое многочисленныя тюркскія и монгольскія племена и основалъ свою громадную монархію, — весь

Китай былъ покоренъ оружіемъ его народовъ. Въ 1280 году палъ послѣдній императоръ сонской династіи, и вся нація должна была признать своимъ владыкой внука Чингисъ-хана—Кубилай-хана.

Владычество монголовъ въ Китаѣ продолжалось съ 1280 по 1368. Монгольскіе государи, династія которыхъ называется Івенъ, рѣзко отличались отъ китайцевъ своими нравами и обычаями. Подобно Сонамъ, они не стѣсняли сношеній съ иностранцами. Поэтому, во время ихъ владычества, были посланы съ запада въ Китай, въ качествѣ миссіонеровъ христіанскіе епископы, которые и оставались въ немъ до паденія монголовъ. Тогда же предпринялъ свое путешествіе въ Китай знаменитый венеціянецъ, Марко Поло, путевыя записки котораго до сихъ поръ еще составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для изученія этой страны. Религія Івеновъ, — такъ называемый ламаизмъ, — пустила также въ Китаѣ глубокіе корни. Такимъ образомъ, Китай, подъ монгольскимъ владычествомъ, пришелъ въ еще болѣе близкое соприкосновеніе съ чужеземной цивилизаціей и обычаями, нежели во времена Соновъ. Но, не смотря на это, бытъ китайцевъ все-таки нисколько не измѣнился, все чужое, что успѣвало проникнуть въ Китай, скоро гибло, или преобразовывалось на китайскій ладъ.

Въ 1368 китайцы возстали и свергли монгольское иго. Предводителемъ ихъ былъ человѣкъ не знатнаго происхожденія, нѣкто Чу, названный по вступленіи на императорскій престолъ Хонъ-ву, и сдѣлавшійся основателемъ новой династіи Миновъ. Въ 1644 и этотъ домъ палъ вслѣдствіе бунта, имѣвшаго послѣдствіемъ вторженіе чужеземцевъ. Когда одному предпріимчивому китайскому простолюдину удалось счастливо начать возстаніе, правительство призвало на помощь манджуровъ, обитающихъ къ сѣверо-востоку отъ Китая и принадлежащихъ къ такъ называемой тунгузской вѣтви монгольскаго племени. Манджуры явились и низложили узурпатора, но возвели на китайскій престолъ своего собственнаго князя. Манджурская династія называется иначе Тай-цинской и до сихъ поръ владѣетъ престоломъ. Изъ государей этого

дома знаменитѣе другихъ Канъ-хи (1661 — 1722) и Кянъ-лунь (1736 — 1799). Государи эти хотя и были чужеземцы, но не произвели никакой перемѣны въ характерѣ китайцевъ; напротивъ того, ихъ собственная народность совершенно измѣнилась подъ вліяніемъ китайской національности.—

Таковы замѣчательнѣйшія событія китайской исторіи, и уже этихъ немногихъ данныхъ достаточно, чтобы понять характеристическую черту быта китайцевъ. Ихъ давняя отчужденность отъ всего остальнаго человѣчества была возможна единственно вслѣдствіе чудовищнаго расширенія границъ государства. Пространство имперіи со всѣми подвластными ей землями покрайней мѣрѣ вдвое больше пространства всей Европы. Одинъ собственный Китай больше половины нашей части свѣта. По переписи 1813 года населеніе имперіи доходитъ до 370 милліоновъ. Слѣдствіемъ чрезвычайнаго расширенія границъ является такое разнообразіе почвы, произведеній и климата, что Китай гораздо скорѣе можетъ обходиться безъ чужеземныхъ произведеній и безъ сношеній съ иностранцами, нежели вся Европа, съ тѣхъ поръ, какъ ее населяютъ образованные народы.

Главная характеристическая черта китайской жизни заключается въ ея неподвижности или въ постоянно отличавшемъ ее недостаткѣ прогрессивнаго развитія. Государственное устройство, идеи и промышленность китайцевъ неизмѣнились въ главныхъ чертахъ своихъ въ теченіе 2500 лѣтъ. Перемѣны замѣтны только въ мелочахъ. Китайцы отличаются безпримѣрнымъ въ исторіи цѣлаго человѣчества упорствомъ и мертвой неподвижностью, съ которыми они держатся всѣхъ преданій и обычаевъ старины. Это свойство ихъ характера до того сильно, что, даже принимая что нибудь чужое, они никогда не измѣняли своего историческаго направленія. Напротивъ того, это чужое, не только вскорѣ теряло свою самобытность и подчинялось китайскому элементу, но даже примѣнялось ко всѣмъ его прихотливымъ особенностямъ.

Другая главная черта, столь же рѣзко отличающая китайцевъ

отъ народовъ запада, заключается въ слабомъ развитіи чувства и фантазіи. Китайцы скорѣе всякой другой націи могутъ считаться народомъ, въ которомъ преобладаетъ разсудокъ. Фантазія и чувство, составляющія особенность нашего быта, въ Китаѣ всегда имѣли мало вліянія на національный характеръ, и оставались чуждыми китайцамъ. Въ ихъ литературѣ нѣтъ высоко поэтическихъ произведеній, которыя могли бы дать имъ право на мѣсто въ ряду другихъ великихъ по умственному развитію народовъ. Ихъ жизни недостаетъ высшаго поэтическаго наслажденія. Поэзія, составляющая у насъ во всѣхъ своихъ разнообразныхъ видахъ одно изъ лучшихъ украшеній жизни, у китайцевъ играетъ совершенно второстепенную роль, и служитъ только предметомъ разговоровъ, развлеченія, а не источникомъ болѣе глубокаго и продолжительнаго наслажденія. Подобнымъ же образомъ, въ искусствахъ пластическихъ, они въ такой же мѣрѣ отдаютъ преимущество полезному, практическому, разсчитанному, — и вообще разсудку, прилежанію и технической сторонѣ, — въ какой мы подчиняемъ все это въ нашихъ художественныхъ произведеніяхъ идеѣ прекраснаго. Ихъ религія основана не на чувствѣ, а на разсудкѣ; поэтому для массы она является дѣломъ предразсудка и обычая, а для образованныхъ людей — простою философіей и моралью. Подобнымъ же образомъ, китайцы не могутъ возвыситься до пониманія требованій чести. Вслѣдствіе этого, мы не находимъ въ ихъ исторіи ни общей любви къ родинѣ, ни національнаго воодушевленія и мужества, благодаря которымъ столько другихъ народовъ въ теченіе цѣлыхъ періодовъ старались превзойти другъ друга и снискать уваженіе современниковъ и потомства. Наконецъ, третья характеристическая черта китайцевъ заключается въ преобладаніи чувственныхъ потребностей, или въ томъ, что какъ массы, такъ и отдѣльныя личности, заботятся преимущественно объ удобствахъ матеріальной жизни. Вслѣдствіе этого господствующаго направленія, мы находимъ въ Китаѣ такое раннее и полное развитіе всего, что служитъ къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей

жизни. Земледѣліе, фабрики, каналы, рано достигли у нихъ замѣчательной степени совершенства, между тѣмъ какъ все, что порождается чувствомъ и фантазіей, всегда находилось въ грубомъ и неразвитомъ состояніи.

Основной характеръ существующаго въ Китаѣ правительства всегда былъ патріархальнымъ, хотя эта форма правленія, — остатокъ временъ первобытныхъ, — въ существѣ своемъ давно лишилась смысла и обратилась въ пустую форму. Народъ составляетъ какъ бы одно семейство, въ главѣ котораго стоитъ единодержавный неограниченный императоръ. Императору оказываются величайшія почести, распространяющіяся даже на самое имя его, на его дворецъ и одежду. Это благоговѣніе передъ лицомъ императора тѣмъ глубже коренится въ народѣ, что государь считается сыномъ неба и носитъ этотъ титулъ. Безусловное повиновеніе, сходное съ дѣтскимъ послушаніемъ, — вотъ высшій и священнѣйшій законъ государства. Всѣ граждане считаются равными другъ другу по рожденію. Члены императорскаго дома составляютъ единственное дворянство имперіи, и, за исключеніемъ ихъ, одни только потомки Конфуція пользуются наслѣдственными привилегіями. Но, несмотря на эти основныя начала государственнаго устройства, несмотря на чрезвычайное преклоненіе передъ личностью императора и кажущуюся неограниченность его власти, — Китай все таки не чистая монархія. Императоръ самъ находится въ зависимости отъ того неизмѣняющагося духа, которымъ съ незапамятныхъ временъ проникнутъ Китай, отъ древнихъ учрежденій, нравовъ и обычаевъ націи. Управленіе имперіи находится въ рукахъ ученаго сословія, изъ среды котораго выбираются всѣ чиновники. Ученѣйшіе изъ нихъ составляютъ высшій государственный совѣтъ, который подъ предсѣдательствомъ императора издаетъ законы и, какъ высшая инстанція, рѣшаетъ всѣ дѣла. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Китаѣ монархическая форма только прикрываетъ владычество аристократіи, хотя и не наслѣдственной. Это аристократія школьной учености. Ученые, — т. е., не тотъ классъ общества, который

мы называемъ образованнымъ сословіемъ, а просто всѣ выдержавшіе экзаменъ по извѣстной программѣ, — составляютъ почетнѣйшую часть націи. Мандарины или чиновники выбираются только изъ ихъ среды, и занимаютъ высшее мѣсто въ общественной іерархіи. Все прочее населеніе стоитъ далеко ниже этихъ избранниковъ, и, напримѣръ, промышленный классъ, которому европейскія государства обязаны всѣмъ своимъ могуществомъ и величіемъ,— въ Китаѣ не только не пользуется уваженіемъ, но даже смѣшивается съ простымъ народомъ или чернью. Сами мандарины дѣлятся на девять классовъ, смотря по своимъ знаніямъ, отъ которыхъ и зависитъ назначеніе на высшія или нисшія должности. Различіе классовъ (чиновъ) обозначается одеждой и преимущественно видомъ и цвѣтомъ шарика, носимаго на шапкѣ. — Мандарины подчинены другъ другу по старшинству своихъ чиновъ; каждый изъ нихъ рабъ своего начальника и полновластный повелитель своихъ подчиненныхъ.

Области, города и села въ Китаѣ точно также распредѣлены по разрядамъ, какъ и чиновники. Управленіе страной, до мельчайшихъ подробностей, подчинено опредѣленнымъ правиламъ и предписаніямъ. Всѣ сношенія производятся письменно, и, вслѣдствіе того, крайне неудобны по своему формализму. Весьма многія стороны частной дѣятельности опредѣляются правительственными распоряженіями: можно даже положительно сказать, что почти все, что происходитъ въ Китаѣ, дѣлается по предписанію закона. Никто не имѣетъ права открыто жить по своему вкусу, а долженъ, и въ этомъ отношеніи, сообразжаться съ опредѣленными правилами. Даже одежда и домашнее хозяйство не избѣжали правительственнаго вмѣшательства. Внѣшній видъ и размѣры домовъ также опредѣляются закономъ, соотвѣтственно званію владѣльца. Частный человѣкъ, какъ бы богатъ онъ ни былъ, не имѣетъ права строиться иначе, какъ по образцамъ, установленнымъ для простыхъ гражданъ. Такимъ образомъ, Китай, въ сущности, не что иное, какъ обширное полицейское учрежденіе. Имперія поддержи-

вается и управляется нравственными изреченіями, заучиваемыми въ дѣтствѣ, приманкою чиновничьихъ отличій и, наконецъ, палочными ударами. Послѣдніе употребляются какъ весьма обыкновенная исправительная мѣра, распространяемая на всѣ сословія государства.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ Китаѣ все дѣлается по заведенному однажды порядку, основанному на завѣщанныхъ предками законахъ и учрежденіяхъ, и поддерживаемому полицейскимъ насиліемъ. Жизни нѣтъ въ такомъ государствѣ, и понятіе о политическомъ развитіи совершенно чуждо китайцу. Все общественное зданіе можно сравнить съ машиной, гдѣ различныя сословія, многочисленные разряды чиновниковъ и территоріяльныя дѣленія замѣняютъ колеса, а государь съ своимъ государственнымъ совѣтомъ служитъ двигателемъ, и гдѣ, для избѣжанія порчи механизма, необходимо устранять все, что не подходитъ къ дѣдовскимъ правиламъ и учрежденіямъ. Для болѣе нагляднаго представленія, можно привести слова китайца, который говоритъ, что китайская имперія экипажъ, постоянно ѣдущій по одной и той же дорогѣ; экипажъ, — гдѣ государь замѣняетъ кучера, высшіе чиновники — его руки, остальные — возжи, и гдѣ уздою служитъ законъ, а кнутомъ — наказанія.

Промышленность и ремесла, также какъ и государственное устройство, зависятъ отъ старыхъ обычаевъ и отличаются своею глубокою древностью и застоемъ. Нѣкоторыя отрасли ихъ достигли высокаго совершенства, но они находились въ такомъ же состояніи уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ; другія же — и теперь также несовершенны, какъ были въ первобытныя времена. Земледѣліе, напримѣръ, все еще слѣдуетъ правиламъ, заключающимся въ древнѣйшихъ книгахъ китайцевъ. Малоспособное къ полевымъ работамъ животное, родъ буйвола, никогда не было замѣняемо другимъ. Въ плугъ до сихъ поръ еще впрягаются люди. Такъ же неизмѣнно сохранилась система рѣчнаго судоходства и канализація. Въ Китаѣ и въ настоящее время не чеканятъ другой монеты,

кромѣ мелкихъ, просверленныхъ кусковъ, изъ смѣси мѣди съ цинкомъ, цѣною около полушки. Для болѣе крупныхъ платежей употребляютъ связки такихъ монетъ, нанизанныхъ сотнями на шнурокъ, также куски серебра, которые каждый разъ приходится взвѣшивать, или, наконецъ, привезенные изъ Европы испанскіе піастры. Напротивъ того, хорошій фарфоръ выдѣлывается уже давно. Еще въ періодѣ, предшествовавшемъ ихъ достовѣрной исторіи, китайцы приготовляли отличные письменные матеріалы, совершенно неизвѣстные большей части народовъ древности. Бумага, которую китайцы теперь употребляютъ, была изобрѣтена еще за 150 лѣтъ до р. Х. Приготовленіе шерстяныхъ и бумажныхъ матерій и фабрикацію многихъ инструментовъ и утвари также должно отнести къ первобытной эпохѣ. Тоже слѣдуетъ сказать о шелкѣ, выдѣлка котораго была изобрѣтена китайцами слишкомъ за двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, и въ теченіе многихъ вѣковъ оставалась извѣстна имъ однимъ. Въ древности, за предѣлами Китая шелкъ считался рѣдкимъ и дорогимъ произведеніемъ, которое греки и римляне получали чрезъ Бухарію. Не прежде шестаго вѣка нашей эры начали выдѣлывать шелкъ въ восточной Европѣ, и только въ двѣнадцатомъ стали разводить шелковичныхъ червей въ Италіи.

Сообразно съ характеромъ китайцевъ, ихъ духовная жизнь также рѣзко отличается отъ нашей. У нихъ все ученіе и знаніе есть, главнымъ образомъ, дѣло памяти, направленное ко внѣшнимъ интересамъ. Воспитаніе стремится только къ тому, чтобы юношество заучивало наизусть мораль и знанія, завѣщанныя предками, и чтобы будущее поколѣніе жило точно также, какъ предъидущее. Китайцы не заботятся о томъ, чтобъ пріучить молодой умъ къ самостоятельному мышленію и сдѣлать его способнымъ понять и оцѣнить то, что дѣйствительно важно для человѣчества. Такимъ образомъ, въ китайскомъ воспитаніи молодому поколѣнію стараются вбить въ голову запасъ мертвыхъ знаній и развить въ немъ практическую снаровку. Самое свойство китайскихъ письменъ значительно пре-

пятствуетъ развитію истиннаго и самостоятельнаго образованія. Они состоятъ не изъ буквъ, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ звукамъ, а изъ знаковъ, выражающихъ опредѣленное понятіе. Такимъ образомъ, каждому слову соотвѣтствуетъ особенный знакъ. Эти знаки, конечно, можно разложить на меньшее число такъ называемыхъ основныхъ знаковъ или ключей, изъ соединенія которыхъ и образуются всѣ слова. Хотя, вслѣдствіе этого, изученіе китайскихъ письменъ не такъ трудно, какъ у насъ обыкновенно воображаютъ, но, все же, на это нужно гораздо больше времени, чѣмъ сколько употребляется на обученіе грамотѣ у народовъ, имѣющихъ звуковую (фонетическую) азбуку.

Такимъ образомъ, у китайцевъ называется образованіемъ заучиваніе наизусть и умѣнье примѣнять заученное къ интересамъ практической жизни. Умственная независимость, поэзія и искусства не имѣютъ и не даютъ у нихъ никому значенія. Къ этому присоединяется еще и другая замѣчательная черта китайской цивилизаціи, — совершенная зависимость отъ правительства образованности и науки, подчиненныхъ его распоряженіямъ точно также, какъ у насъ мѣры и вѣсы. Умственный капиталъ націи не составляетъ тамъ общественнаго имущества, которымъ каждый имѣетъ право свободно пользоваться и наслаждаться. Правительство опредѣляетъ предметъ и способъ преподаванія, заказываетъ книги, подвергаетъ лицъ, посвятившихъ себя ученому поприщу, частымъ испытаніямъ, и доставляетъ имъ, какъ ученымъ, то мѣсто въ обществѣ и то значеніе, которое въ европейскихъ государствахъ зависитъ единственно отъ мнѣнія образованныхъ людей. Военные, также какъ и гражданскіе чиновники, подвергаются экзамену; строго опредѣленными статьями закона, весь ученый міръ раздѣленъ на степени и разряды, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ быть обойденъ. Стать въ главѣ образованнаго сословія и имѣть вліяніе на развитіе націи позволяется только тому, кто прошелъ всѣ эти ступени и принаровилъ свой умъ къ предписаніямъ закона.

Впрочемъ и умственное развитіе китайцевъ принадлежитъ глу-

бочайшей древности. Конфуцій первый положилъ прочное основаніе этому направленію. Поэтому его творенія остаются постоянно главнымъ предметомъ преподаванія и изученія, и на экзаменахъ обращается вниманіе на то, чтобы экзаменующіеся умѣли подражать не только его взглядамъ и образу мыслей, но даже и самой манерѣ писать.

Важнѣйшія произведенія китайской литературы — Кины, то есть пять самыхъ древнихъ сочиненій, считающихся образцовыми и даже отчасти священными книгами. Онѣ частью написаны самимъ Конфуціемъ, частью же составлены имъ по дошедшимъ до него письменнымъ памятникамъ древности, и называются: И-кинъ, Шу-кинъ, Ши-кинъ, Ли-кинъ и Чунъ-це. Книги эти заключаютъ въ себѣ нравственныя поученія, изложеніе гражданскихъ обязанностей, стихотворенія и, наконецъ, разсказы изъ древнѣйшей исторіи Китая. Знаменитѣйшее и важнѣйшее изъ этихъ произведеній Шу-кинъ—исторія Китая, восходящая до 620 года до р. Х. Написанная Конфуціемъ какъ наставленіе въ правительственной мудрости и указатель истинныхъ основаній гражданственности,—она поэтому самому изобилуетъ мудрыми правилами и изреченіями великихъ людей. Кромѣ Киновъ, китайцы сохранили еще многія другія сочиненія, принадлежащія отдаленной древности. Нѣкоторыя изъ нихъ, по мнѣнію китайцовъ, могутъ быть поставлены непосредственно за кинами, и называются малыми кинами. Какъ одно изъ важнѣйшихъ произведеній китайской литературы слѣдуетъ также назвать государственныя лѣтописи, начатыя лѣтъ за сто до р. Х. и продолжаемыя до сихъ поръ. Онѣ составляютъ шестьдесятъ весьма объемистыхъ томовъ, и содержатъ не только государственную исторію, но и исторію торговли, изобрѣтеній, литературы и, наконецъ, статистическія и географическія данныя о Китаѣ.

Подобно образованію, религія тоже подчинена государственнымъ цѣлямъ. По формѣ и по имени каждый долженъ держаться религіи императора, точно также, какъ въ Англіи, до послѣдняго

времени, каждый, желавшій занять общественную должность или мѣсто въ парламентѣ, долженъ былъ клятвенно признать такъ называемый „test act“, то есть, изложеніе 39 догматовъ англиканской церкви. О религіозныхъ убѣжденіяхъ никто не справляется. Поэтому въ Китаѣ можетъ держаться всякая религія, склоняющаяся передъ государствомъ и подходящая къ китайскому быту. Но, по той же причинѣ, тамъ не могло укорениться христіанство — религія, по самому существу своему, требующая самостоятельности. Въ Китаѣ дозволяется исповѣдывать всякую религію, не нападающую на авторитетъ правительства и на духъ государственныхъ учрежденій. Настоящая религіозная потребность не можетъ быть сильна въ народѣ, у котораго преобладаетъ разсудокъ, а чувство развито такъ мало. И дѣйствительно, у китайцевъ религія состоитъ только въ исполненіи нравственныхъ обязанностей, причемъ она съ одной стороны обставляется философскими поученіями, а съ другой—чисто внѣшнимъ, обрядовымъ культомъ. Поэтому то, между тремя, господствующими нъ Китаѣ, религіями очень мало вражды и многіе посѣщаютъ храмы всѣхъ трехъ религій. Къ этимъ, господствующимъ въ Китаѣ, религіямъ принадлежатъ ученія Конфуція, Лао-це и Фо. Первой изъ нихъ держится большая часть образованныхъ и ученыхъ, и такъ какъ они управляютъ государствомъ, то ее можно назвать государственной религіей, тѣмъ болѣе, что она основана на тѣхъ же принципахъ, на которыхъ построена и правительственная система. Хотя она и признаетъ невидимаго, на небѣ живущаго, Бога, называемаго Шанъ-ти, но не приписываетъ никакого внѣшняго поклоненія ему и вообще не выводитъ обязанностей человѣка изъ его отношеній къ божеству. Поэтому, приверженецъ ученія Конфуція можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ держаться и другой религіи. Также мало говоритъ Конфуцій и о свойствахъ божества, о состояніи человѣка послѣ смерти и обо всемъ, что не подлежитъ нашимъ чувствамъ. Онъ былъ занятъ только здѣшнимъ міромъ и ученіе его указываетъ пути къ истинному счастію, заключающемуся, по мнѣнію Конфуція, въ познаніи самого себя, въ

преобладаніи въ насъ благороднѣйшихъ свойствъ нашего существа, въ исполненіи обязанностей и въ желаніи добра ближнимъ. Въ этомъ ученіи, какъ повсюду у китайцевъ, послушаніе родителямъ считается одной изъ высшихъ добродѣтелей. Отсюда явилось у его приверженцевъ поклоненіе предкамъ и великимъ людямъ старины, и поэтому же въ честь Конфуція построено много храмовъ. Самому божеству можетъ приносить жертвы одинъ только императоръ, считающійся сыномъ неба и представителемъ бога на землѣ.

Другая, господствующая въ Китаѣ, религія получила начало немного ранѣе ученія Конфуція. Основателемъ ея былъ современникъ Конфуція — Лао-це или Лао-кіюнь. Послѣдователи этой религіи называются Тао-це. Она основана на древнемъ, принадлежащемъ востоку Азіи, міросозерцаніи, по которому коренной причиной всего существующаго признается высшее, вѣчное духовное существо, а души-изліяніемъ (эманаціей) этого существа. Сообразно съ этимъ понятіемъ Лао-це проповѣдывалъ переселеніе душъ, т. е., встрѣчающееся также и у другихъ народовъ вѣрованіе, что душа человѣка, незапятнанная грѣхами, возвращается послѣ смерти къ божественному началу, тогда какъ грѣхи осуждаютъ ее на посмертное пребываніе въ другихъ тѣлахъ физическаго міра. Во имя этой идеи онъ проповѣдывалъ также презрѣніе къ внѣшности и подавленіе своихъ вожделѣній и страстей, превозглашая душевное спокойствіе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, величайшимъ благомъ. Его послѣдователи постепенно примѣшали къ этому ученію самое отчаянное суевѣріе, и религія Тао-це стала теперь смѣсью волхвованій, предвѣщаній и самыхъ странныхъ идей и стремленій, какъ, напримѣръ, желаніе отыскать напитокъ безсмертія или философскій камень.

Всего болѣе распространена въ Китаѣ религія Фо. Это не что иное, какъ возникшее въ Индіи и искаженное въ Китаѣ ученіе Будды, котораго китайцы называютъ Фо, и который, быть можетъ, былъ современникомъ Лао-це. Ученіе Фо проникло въ Китай въ

58 году нашей эры, но распространилось повсемѣстно не ранѣе 265 года.

Религія эта,—жрецы которой называются бонзами,—искаженіе господствующаго въ Монголіи, Тибетѣ и Индо-Китаѣ буддизма, также извращеннаго суевѣріемъ и часто называемаго въ Европѣ ламаизмомъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ, религія Фо есть организованная система обмана, съ помощью котораго толпы, находящихся будто бы въ ближайшихъ сношеніяхъ съ богами, жрецовъ, живутъ въ праздномъ покоѣ на счетъ народа, проповѣдуя, вмѣсто истинной нравственности, одни суевѣрные обряды и повиновеніе духовенству.

ИНДІЙЦЫ.

Индійцы составляютъ самое восточное звѣно длинной цѣпи близко родственныхъ между собою народовъ, которые мы соединяемъ подъ именемъ индо-германской или индо-европейской группы. Эта многочисленная семья народовъ, заключающая въ себѣ образованнѣйшую часть кавказскаго племени, занимаетъ на поверхности земной болѣе мѣста, чѣмъ какая бы то ни было другая вѣтвь человѣческихъ племенъ. Она распространена отъ устьевъ Ганга, черезъ среднюю и сѣверо-западную Азію и всю Европу, до Америки, гдѣ къ ней принадлежатъ всѣ христіане европейскаго происхожденія. Въ Европѣ къ индо-германской вѣтви принадлежитъ все населеніе, за исключеніемъ лапландцевъ, немногихъ малочисленныхъ народовъ въ Россіи, мадьяровъ въ Венгріи, турокъ, евреевъ, басковъ и, можетъ быть, албанцевъ.

Индо-германская группа распадается на шесть вѣтвей, а каждая вѣтвь въ свою очередь состоитъ изъ нѣсколькихъ народовъ, ближе подходящихъ другъ къ другу, чѣмъ къ остальнымъ частямъ группы. Индійцы принадлежатъ къ такъ называемой индійской вѣтви народовъ. Кромѣ индійцевъ, къ ней относятъ еще только два народа: кафировъ, живущихъ въ горахъ Гинду-ку, и цыганъ, разсѣянныхъ почти повсюду. Впрочемъ, родство цыганъ съ индійцами положительно доказано только недавно, благодаря изу-

ченію ихъ языка. Въ Индіи съ незапамятныхъ временъ живутъ еще и другія племена, какъ: Туды, Куліи, Билли, (Tuda, Kulie, Bill,) оставшіяся въ первобытной дикости и глубоко презираемыя индійцами; но, всѣ они не имѣютъ ничего общаго съ народами индо-германской группы. Можно даже сказать, что до сихъ поръ еще неизвѣстно, къ какому племени они принадлежатъ.

Индійцы въ свою очередь распадаются на болѣе мелкія племена, каковы, напримѣръ, маграты, раджпуты, сейки и кашмирцы. Ихъ общее имя индійцы было дано имъ древними персами, заимствовавшими его отъ названія Инда, одной изъ двухъ главныхъ рѣкъ страны. Индійцы (Jndi) есть искаженное древними греками имя индусы (Hindu). При открытіи Америки этотъ новый материкъ былъ сочтенъ частью Индіи, и потому тоже имя было дано и туземнымъ жителямъ Америки, не принадлежащихъ однако ни къ индійской вѣтви, ни даже къ кавказскому племени вообще. Въ послѣднее время, для отличія туземныхъ жителей Америки отъ настоящихъ индійцевъ, послѣднихъ стали обыкновенно называть индусами и индійцами, а первыхъ индѣйцами.

Индійцы принадлежатъ къ древнѣйшимъ народамъ, и уже за много столѣтій до нашей эры составляли особую націю; но, свѣдѣнія наши объ ихъ древнѣйшей исторіи такъ ничтожны, что мы не можемъ ничего опредѣлить съ достовѣрностью до эпохи ближайшей къ рождеству Христову. Сочиненія индійцевъ о древнѣйшемъ періодѣ ихъ исторіи наполнены исключительно недостовѣрными и, иногда, крайне несвязными извѣстіями. Другіе же народы, у которыхъ, какъ, напримѣръ, у грековъ, мы находимъ кое какія свѣдѣнія объ Индія, лишь весьма поздно вступили съ нею въ соприкосновеніе. Поэтому, для насъ исторія Индіи начинается приблизительно за 300 лѣтъ до р. Х., когда македонскій царь Александръ Великій покорилъ часть этого народа. Греки разсказываютъ намъ еще и о другихъ походахъ, предпринятыхъ въ Индію полубогами Геркулесомъ и Вакхомъ, ассирійской царицей Семирамидой, египетскимъ царемъ Сезострисомъ и царемъ персид-

скимъ Киромъ; но, нѣтъ сомнѣнія однакожъ, что всѣ эти преданія миѳы, изъ которыхъ можно только заключить, что владычество ассиріянъ и персовъ простиралось до Инда, и что Индія уже тогда была богатой и населенной страной. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти извѣстія положительнѣйшимъ образомъ доказываютъ, что начало индійской цивилизаціи относится къ эпохѣ, далеко предшествовавшей началу положительной исторіи Индіи.

Кажется, что индійцы, также какъ и китайцы, не были первыми поселенцами страны. Можно думать, что, еще до появленія индійцевъ, она была заселена тѣми необразованными народами другаго происхожденія, языка и нравовъ, которые и теперь живутъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи, уступивъ большую часть края сильнѣйшимъ пришельцамъ. Миѳы индійцевъ говорятъ, что они явились въ страну съ сѣверо-запада, и можно со всею вѣроятностью предполагать, что они поселились первоначально въ верхней части бассейна Ганга. Здѣсь и слѣдуетъ искать причину, почему индійцы считаютъ эту страну священной, а находящуюся въ ближайшей части Гималайскаго хребта гору Меру—центромъ земли и жилищемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ боговъ.

Однимъ изъ древнѣйшихъ индійскихъ учрежденій является раздѣленіе народа на извѣстное число наслѣдственныхъ сословій, называемыхъ кастами, которыя отличаются другъ отъ друга занятіями, обязанностями и правами, и считаются неизмѣнными и установленными волею божества.

Распаденіе индійцевъ на такія касты произошло, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ. Часть народа, превосходившая массу умомъ и силою, подчинила ее и заставила служить себѣ. Чтобы сдѣлать свое владычество наслѣдственнымъ и обезпечить его отъ возмущеній, эта часть націи стала увѣрять остальную, что такой порядокъ выражаетъ собою волю божества. Религію старалась она обогатить миѳами, умножила богослужебные обряды, и облекла, завѣщанное стариной, ученіе о богѣ въ форму сказокъ и образныхъ представленій. Она окружила себя ореоломъ глубокаго знанія, свя-

тости и исключительнаго права на священство, и, въ религіозномъ ученіи, которое проповѣдывала народу, превозглашала власть свою божескимъ установленіемъ. Такъ сложилась важнѣйшая изъ индійскихъ кастъ — каста духовенства, члены которой называются брамaнами или браминами. Чтобы поддерживать свое значеніе также и внѣшней силой, эта каста впослѣдствіи предоставила богатымъ и воинственнымъ родамъ нѣкоторыя особенныя преимущества, и образовала изъ нихъ двѣ другія касты. Такимъ образомъ, еще въ глубокой древности, индійцы распались на четыре касты. Жрецы, воины и земледѣльцы съ торговцами образовали три высшія и, такъ сказать, благородныя касты; между тѣмъ какъ изъ массы остальнаго населенія составилась четвертая каста, обязанная повиноваться тремъ первымъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что кастовой бытъ индійцевъ съ самаго начала былъ тѣсно связанъ съ ихъ религіей. Первоначально, она была чрезвычайно простымъ культомъ, состоявшимъ въ поклоненіи невидимой, господствующей въ природѣ, божественной силѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ развивалось кастовое устройство и усиливалось вліяніе жрецовъ, религія эта все болѣе и болѣе искажалась, такъ, что перешла, наконецъ, въ то нелѣпое идолопоклонство, которое и до сихъ поръ еще держится въ Индіи, и въ которомъ только образованнѣйшая часть націи можетъ узнать чистыя идеи, когда-то служившія основаніемъ ему. Эту религію называютъ религіей браминовъ, для отличія отъ сектъ, возникшихъ изъ нея. Одна изъ этихъ сектъ образовалась еще въ отдаленныя времена индійской исторіи. Лѣтъ за 500 или 600 до рождества Христова явился въ Индіи реформаторъ, по имени Гаутама, или, какъ его обыкновенно называютъ, Будда, и основалъ религію, извѣстную подъ именемъ буддизма. Гаутама возставалъ не только противъ идолопоклонства, въ которое впала браминская религія, но проповѣдывалъ равенство людей, и старался навсегда уничтожить кастовой бытъ. Онъ нашелъ многихъ приверженцевъ и нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ его смерти ученіе его было принято даже

нѣкоторыми индійскими государями. Въ теченіе долгаго времени оно держалось во многихъ мѣстностяхъ Индіи рядомъ съ брамаизмомъ, но, затѣмъ, вступило съ нимъ въ отчаянную борьбу, въ которой, наконецъ, было побѣждено. Въ неизвѣстную для насъ эпоху послѣ рождества Христова, кровавое преслѣдованіе совершенно уничтожило буддизмъ въ Индіи, но онъ распространился въ сосѣднихъ странахъ, и до сихъ поръ еще существуетъ на островѣ Цейлонѣ, въ Индо-Китаѣ, Тибетѣ, Китаѣ и у монголовъ. Однако и это ученіе уже давно перешло въ самое нелѣпое идолопоклонство, и хотя кастовое устройство не было возстановлено, но поклонники буддизма снова были подчинены власти празднаго духовенства.

Замѣчательнѣйшими событіями достовѣрной исторіи Индіи, насколько она принадлежитъ древнему міру, были слѣдующія. Въ 327 году до р. Х. Александръ Великій предпринялъ свой походъ въ Индію, западная часть которой была раздѣлена тогда на нѣсколько государствъ, между повелителями которыхъ замѣчательнѣе другихъ были Поръ и Таксилъ. Онъ проникъ въ Индію черезъ области нынѣшнихъ городовъ Кабула и Пешауэра, но, вслѣдствіе отказа арміи идти дальше, былъ принужденъ остановиться у восточныхъ границъ нынѣшняго Пенджаба. Македонскій царь покорилъ себѣ западную Индію, и, покидая ее въ 325 году, раздѣлилъ между нѣсколькими владѣтелями, которые должны были управлять его именемъ. По смерти Александра одинъ индіецъ, котораго греки называютъ Сандрокоттомъ, подчинилъ себѣ всю западную Индію, и успѣлъ даже присоединить къ своему государству восточныя области, т. е., всю обширную страну, омываемую Гангомъ. Вскорѣ послѣ этого на него напалъ Селевкъ I, владѣвшій Сиріей и всѣми странами, лежащими между нею и Индіею. Селевкъ побѣдоносно проникъ до среднихъ частей Ганга и принудилъ Сандрокотта признать его своимъ верховнымъ повелителемъ. Потомство Сандрокотта царствовало въ Индіи до II вѣка нашей эры, и внукъ его былъ первымъ царемъ, перешедшимъ къ буддизму и сдѣлав-

шимъ это ученіе государственной религіей. Владѣтели Индіи были сначала вассалами сирійскаго царства, и хотя на время сдѣлались независимыми, но, были снова покорены сирійскимъ царемъ Антіохомъ III. Вскорѣ, западная Индія подчинилась Бактріи, — греческому государству, образовавшемуся къ сѣверо-востоку отъ нея. Вслѣдствіе этихъ отношеній къ Сиріи и Бактріи, индійцы долго находились въ частыхъ сношеніяхъ съ народами, усвоившими себѣ языкъ, нравы и цивилизацію Греціи. Это не могло не отразиться на нихъ, и особенно на ихъ литературѣ, и, нѣтъ сомнѣнія, что большая часть того, въ чемъ эти народы сходятся, перешло не отъ индійцевъ къ грекамъ, а наоборотъ.

Около этого времени жили два знаменитые индійскіе царя, Викрамадитія и Саливагана, являющіеся героями многихъ преданій и поэмъ. Царствованіе перваго изъ нихъ считается золотымъ вѣкомъ индійской науки и искусствъ. Кромѣ того, съ именами этихъ государей связаны два особенныя лѣтосчисленія: эра Саливагана, начинающаяся 78 года по р. Х., и эра Викрамадитія, начинающаяся 56 годомъ до р. Х. послѣдняя до сихъ поръ еще повсемѣстно употребляется въ Индіи.

Послѣ паденія Бактріи отдѣльныя части Индіи находились въ постоянной зависимости отъ персидскихъ царей. Наконецъ, чрезъ тысячу лѣтъ послѣ р. Х., вся Индія была завоевана мухаммеданскими народами, и съ этихъ поръ индійцы никогда уже не могли возстановить своей независимости.

Рядомъ съ этими важнѣйшими событіями древнѣйшей исторіи Индіи, мы видимъ еще совершенно особенный интересъ въ неизмѣнившемся съ незапамятныхъ временъ оригинальномъ бытѣ народа. Индійцы рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ народовъ, не исключая и китайцевъ, начало общественности которыхъ относится къ той же первобытной древности. Китайцы — народъ односторонній, народъ, у котораго преобладаетъ разсудокъ; Индійцы — народъ фантазіи и чувства. Способность пониманія, практичности

и наблюденія, свойственная первымъ, почти никогда не проявляется у послѣднихъ, но, съ другой стороны, индійцы обладаютъ высокимъ поэтическимъ чувствомъ, котораго китайцы совершенно лишены. Кромѣ того, они отличаются наклонностью къ загадочному, мистическому, и религіозными вѣрованіями, которыя, — въ противоположность религіи Китая, состоящей изъ морали и внѣшнихъ церемоній,—изобилуютъ образами, миѳами и разнообразнѣйшими представленіями о божествѣ и его отношеніяхъ къ человѣку. Но, индійцы имѣютъ ту общую черту съ китайцами, что они также давно страдаютъ недостаткомъ прогрессивнаго развитія, что и у нихъ жизнь и бытъ неподвижны, неизмѣнны, и за двѣ тысячи лѣтъ, а можетъ быть и ранѣе, находились въ томъ же состояніи, въ какомъ мы видимъ ихъ теперь.

Духовная жизнь этого народа выражается въ постоянномъ смѣшеніи религіозныхъ ощущеній, философскихъ идей и поэтическаго созерцанія. Ни одинъ изъ этихъ трехъ видовъ дѣятельности человѣческаго духа никогда не господствуетъ у нихъ исключительно, а всегда находится подъ вліяніемъ остальныхъ. Вслѣдствіе этихъ особенностей своей внутренней природы, индійцы, при всемъ своемъ религіозномъ одушевленіи и мечтательности, разнообразіи философскихъ представленій и богатствѣ поэтическихъ образовъ, не имѣютъ ни настоящей религіи, ни здраваго взгляда на вещи, ни истинной поэзіи.

Религія индійцевъ съ теченіемъ времени видоизмѣнялась въ ученіи четырехъ главныхъ сектъ, извѣстныхъ подъ именемъ: браманизма, буддизма, секты джаиновъ и секты сейковъ. Послѣдняя изъ нихъ, возникшая нѣсколько столѣтій тому назадъ, и предпослѣдняя, явившаяся, по видимому, въ періодъ искорененія въ Индіи буддизма, принадлежатъ не къ древней, а къ новѣйшей исторіи Индіи. Буддизмъ произошелъ изъ браманизма, то есть изъ искаженія первобытной религіи Индіи, состоявшей въ поклоненіи силамъ природы. Религія браминовъ учитъ, что вселенная была создана божествомъ, установившимъ извѣстные законы, по кото-

рымъ все въ мірѣ совершается само собою. Но, отъ времени до времени, міровой порядокъ растроивается и затрудняется, и тогда, по ученію браминовъ, снова является божество, въ видѣ человѣка или животнаго, и возстановляетъ гармонію. Ученіе это признаетъ существованіе трехъ главныхъ божествъ, соединяющихся въ одно подъ именемъ Тримурти. Божества эти: Брама (творецъ) Вишну сохранитель и Сива (разрушитель). Изъ нихъ воплощается и является на землю для возстановленія порядка только Вишну, носившій при одномъ изъ своихъ воплощеній имя Кришны, почему его иногда и боготворятъ подъ этимъ именемъ. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ божествъ, религія браминовъ признаетъ еще множество высшихъ и низшихъ боговъ и богинь и при нихъ цѣлые милліоны служебныхъ духовъ. Многія растенія и животныя, преимущественно корова, считаются также священными и составляютъ предметъ поклоненія.

Объ образованіи земли и объ ея первыхъ переворотахъ, также какъ и о жизни и отношеніяхъ боговъ у браминовъ, есть множество разныхъ преданій, иногда весьма нелѣпыхъ. Ихъ ученіе говоритъ, что сначала Брама сотворилъ только духовный міръ и духовныя существа, и уже потомъ, когда многія изъ нихъ отвратились отъ божества, создалъ міръ видимый, который долженъ былъ служить мѣстомъ ссылки для падшихъ духовъ и дать имъ возможность собственными силами снова возвратить свое достоинство. Смотря по степени, въ какой это удается существамъ вещественнаго міра, они послѣ смерти переселяются въ болѣе благородные организмы. Такимъ образомъ, браманизмъ тоже проповѣдуетъ переселеніе душъ и признаетъ жизнь въ этомъ мірѣ наказаніемъ и временемъ испытанія. Но всѣ ученія браминовъ скрыты подъ аллегоріями и миѳами, и достигаютъ слуха и чувства народа уже въ непонятномъ видѣ. По ученію этой религіи молитва, жертвоприношенія, покаяніе, очищенія, для которыхъ вода Ганга считается самой священной, благочестивыя странствованія, особенно къ источникамъ Ганга, дѣла благотворительности и состраданіе къ животнымъ

служатъ средствами постоянно приближаться къ божеству. Самое богослуженіе окружено большимъ блескомъ и состоитъ изъ многихъ обрядовъ, часто глубоко оскорбляющихъ нравственное чувство истинно религіознаго человѣка, и въ которыхъ весьма важную роль играетъ пляска посвященныхъ богу дѣвъ (баядерокъ). Священнымъ языкомъ у нихъ служитъ санскритскій, а, такъ называемыя, Веды считаются священнѣйшими книгами.

По ученію буддистовъ богъ и природа одно, такъ какъ видимый и невидимый міръ только различныя части и состоянія одного и того же существа. Это существо не имѣетъ лица, а есть самое бытіе, — жизнь сама по себѣ. Оно предвѣчно и является въ двухъ различныхъ состояніяхъ — въ покоѣ и въ дѣятельности. Покой—состояніе совершенное, высшее; а природа и вселенная не что иное, какъ перешедшія въ дѣятельность силы божества, постоянно стремящіяся вернуться въ состояніе покоя. Но, физическія существа достигаютъ этого не иначе, какъ рядомъ переселеній изъ низшихъ тѣлъ въ высшія и наконецъ въ тѣло человѣка. Уже изъ него они могутъ, исполненіемъ требованій религіи, перейти въ свое первобытное состояніе и вернуться къ блаженству покоя. Отъ времени до времени, человѣкъ успѣваетъ еще во время земной своей жизни достигнуть высшаго совершенства,—такого человѣка называютъ буддой (мудрецомъ). Онъ издаетъ законы, которые должны служить человѣчеству путеводной нитью до тѣхъ поръ, пока другой человѣкъ не возвысится до буддическаго просвѣтленія. Всѣ такіе будды у послѣдователей буддизма считаются святыми, и одинъ изъ нихъ, по имени Гаутама, былъ основателемъ этого ученія. У буддистовъ главными средствами достигнуть блаженства считается исполненіе начертанныхъ Гаутамой обязанностей, созерцаніе и изслѣдованіе законовъ природы, и разнаго рода эпитиміи, освобождающія человѣка отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Такова сущность буддизма. Слѣдовательно, онъ, подобно браманизму, проповѣдуетъ переселеніе душъ, но, вмѣсто того, чтобы воплощать и низводить на землю божество, допускаетъ, что, отъ вре-

мени до времени, люди возвышаются до значенія бога. По ученію буддистовъ, богъ не есть особенное, личное существо, а только первобытная, пребывающая въ покоѣ, сила, и всѣ духовныя и физическія существа—только части ея, перешедшія въ дѣятельность, но стремящіяся къ соединенію съ ней и къ покою. Поэтому буддисты не признаютъ Тримурти и прочихъ браминскихъ боговъ, а поклоняются предвѣчному бытію и порядку вселенной, но, затѣмъ, еще различнымъ буддамъ, богамъ и духамъ, потому что и ихъ религія постепенно перешла въ идолопоклонство. Такъ, напримѣръ, они поклоняются тѣламъ своихъ буддъ, тогда какъ послѣдователи браманизма, питаютъ отвращеніе ко всѣмъ мертвымъ тѣламъ, какъ къ чему то нечистому. Буддисты тоже приносятъ жертвы, но ни въ какомъ случаѣ не кровавыя, держатъ очень строгіе посты, и имѣютъ великолѣпныя богослужебныя торжества. Они отвергаютъ священныя книги браминовъ, и, для отличія отъ послѣднихъ, ихъ собственныя написаны языкомъ называемымъ пали. Они не признаютъ раздѣленіе на касты, какъ устройство по ихъ понятіямъ весьма гнусное, поэтому ихъ жрецы, называемые бонзами, набираются изъ всѣхъ сословій. Бонзы должны соблюдать обѣтъ безбрачія, — но только до тѣхъ поръ, пока остаются въ своемъ званіи, и каждый изъ нихъ имѣетъ право, когда захочетъ, вернуться въ свѣтъ и тогда жениться. Жрецы буддистовъ живутъ въ монастыряхъ, построенныхъ поблизости отъ храмовъ.

Всѣ разнородные языки, которыми говорятъ индійцы, родственны между собою и принадлежатъ къ такъ называемой индо-германской группѣ. Всего ближе подходятъ они къ языку цыганъ, кафировъ и къ мертвому, но служащему на островѣ Явѣ для священнодѣйствія, языку кави. Вмѣстѣ съ этими тремя языками, они составляютъ то подраздѣленіе индо-германской группы, которое извѣстно подъ именемъ индійской или санскритской семьи языковъ. Важнѣйшій изъ индійскихъ языковъ—санскритскій. Вмѣстѣ съ зендскимъ, принадлежащимъ къ персидской семьѣ языковъ, онъ древнѣйшій изъ языковъ индо-германской группы, и

всего ближе подходитъ къ совершенно уже исчезнувшему, коренному, первобытному языку Индіи. Прежде, санскритскій языкъ употреблялся народомъ, но вышелъ изъ употребленія еще за нѣсколько вѣковъ до р. Х. Изъ всѣхъ извѣстныхъ языковъ, это одинъ изъ самыхъ богатыхъ, и въ Индіи на немъ совершается богослуженіе и написаны важнѣйшія произведенія литературы. Отсюда и взялось его имя, потому что „санскритъ“ значитъ „священный, чистый или классическій языкъ“ и, слѣдовательно, выражаетъ понятіе противоположное простонародному языку. Всѣ, дѣйствительно образованные индійцы знаютъ по санскритски. Языкъ пали, принадлежащій также къ индійской семьѣ языковъ, тоже уже весьма давно вышелъ изъ употребленія, и теперь сохранился только у буддистовъ въ Индо-Китаѣ и на островѣ Цейлонѣ, какъ языкъ богослуженія и литературы. Онъ ближе другихъ подходитъ къ санскритскому и можетъ считаться происходящимъ отъ него. Третій, тоже мертвый, языкъ этой семьи — пракритъ, на которомъ написаны священныя книги джаинской секты, встрѣчается только въ индійскихъ драмахъ и другихъ произведеніяхъ поэзіи, гдѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сценахъ, его употребляютъ вмѣстѣ съ санскритскимъ. Впрочемъ, словомъ „пракритъ“, которое значитъ простой, низкій языкъ, иногда пользуются для обозначенія всѣхъ индійскихъ языковъ, кромѣ санскритскаго. Къ той же семьѣ языковъ относятся, наконецъ, различныя народныя нарѣчія, употребляемыя индусами въ разныхъ мѣстностяхъ страны, и происходящія отъ санскритскаго, съ которымъ однако они имѣютъ гораздо менѣе сходства, чѣмъ пали и пракритъ. Всѣхъ ихъ считается до двадцати шести. Въ это число включается также языкъ инди или индави и языкъ индустани. Оба они не принадлежатъ ни какой опредѣленной мѣстности; первый языкъ поэзіи въ средней Индіи, а второй служитъ разговорнымъ языкомъ образованныхъ индійцевъ, а также, живущихъ въ Индіи, мухаммеданъ и европейцевъ. Индустани называется также у европейцевъ языкомъ браминовъ, деванагари,

нагри или, наконецъ, (что весьма неправильно), монгольскимъ языкомъ.

Литература индійцевъ, также какъ и весь ихъ бытъ, есть смѣшеніе идей съ поэтическими и религіозными впечатлѣніями, въ которомъ нельзя найти порядка и единства ни въ содержаніи, ни въ формѣ. Кромѣ того, почти всѣ, даже ученыя, произведенія индійской литературы написаны въ поэтической формѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ сочиненій весьма древни, такъ какъ индійцы еще въ самую отдаленную эпоху имѣли азбучныя письмена, и древнѣйшій ихъ языкъ, санскритскій, выработался уже очень давно. Произведенія собственно индійской, т. е. браминской, литературы написаны частью этимъ языкомъ, частью пракритомъ, инди, или индустани. Однако, большая часть книгъ, написанныхъ этими двумя нарѣчіями, или пракритомъ,—только переводъ съ санскритскаго. Сочиненія, написанныя буддистами, пока ихъ секта держалась въ Индіи, почти всѣ погибли, — большая часть изъ нихъ была написана языкомъ пали.

У индійцевъ, слѣдующихъ браминскому ученію, самымъ древнимъ и священнымъ литературнымъ произведеніемъ считаются четыре такъ называемыя Веды. Такъ какъ онѣ были написаны въ глубокой древности, то въ нихъ еще видна простая, чуждая идолопоклонства, религія первобытныхъ временъ Индіи. Веды не были произведеніемъ одного человѣка, написаны не въ одно время, и потому разнятся между собою по духу и языку. Каждая изъ этихъ четырехъ книгъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: литургическаго и поучительнаго, — первый содержитъ молитвы и гимны, второй разныя правила и наставленія, какъ относительно вѣры, такъ и по другимъ предметамъ, напримѣръ, по части медицины, астрономіи и т. п. Теперь, впрочемъ, ищутъ назиданія и духовнаго просвѣтленія не въ содержаніи этихъ книгъ; по нимъ просто читаютъ и молятся, вовсе не понимая того, что написано, и одному чтенію Ведъ приписывается освѣщающая и омывающая грѣхи сила. При этомъ можно повторять слова молитвъ даже въ обратномъ порядкѣ, по-

тому что чудотворная сила приписывается не содержанію ихъ, а самимъ словамъ. Священнѣйшею книгою послѣ Ведъ считается книга законовъ Мену или Ману, названная такъ по имени одного, вымышленнаго, властителя древности. Это сочиненіе явилось позднѣе Ведъ, но также принадлежитъ отдаленной эпохѣ и содержитъ поученія относительно общественной и частной жизни и религіи. Кастовое устройство, слѣдовъ котораго нѣтъ въ Ведахъ, выставляется въ немъ какъ божественное установленіе. Священными сочиненіями считаются также, непринадлежащія уже къ глубокой древности, Упаведы и Веданги, составляющія какъ бы толковникъ Ведъ, и Пураны, т. е. собраніе длинныхъ поэмъ о сотвореніи міра, подвигахъ боговъ и полубоговъ и о разныхъ преданіяхъ индійской древности, заключающей въ себѣ самыя нелѣпыя басни и сказки. Къ священнымъ книгамъ причисляются также двѣ большія героическія поэмы: Магабгарата и Рамайана. Онѣ состоятъ изъ множества эпизодовъ и содержатъ: первая повѣствованіе о междоусобной борьбѣ одного владѣтельнаго дома, вторая — разсказъ о подвигахъ Вишну во время одного изъ его воплощеній. Индійцы имѣютъ также юридическія, философскія, грамматическія и другія научныя сочиненія, написанныя на санскритскомъ языкѣ какъ въ давнее, такъ и въ новѣйшее время. Врожденная склонность этого народа къ созерцательной жизни, частое раздѣленіе его на мелкія государства, и связанное съ этимъ существованіе многихъ дворовъ, должны были вызвать весьма раннее развитіе наукъ и искусствъ. Индійская литература богата разнаго рода поэтическими произведеніями, написанными какъ по санскритски, такъ и на другихъ языкахъ. Изъ нихъ особенно интересны поэтическія сказки и разсказы, служившіе отчасти образцомъ для арабскихъ сказокъ, и, наконецъ, драматическія произведенія трагедіи и комедіи, содержаніе которыхъ заимствовано изъ миѳологіи, или изъ домашней и общественной жизни. (Сборникъ нѣкоторыхъ сказокъ, извѣстный подъ именемъ Гитопадесы, былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ). Въ драматическихъ произведе-

ніяхъ встрѣчаются нѣкоторыя простонародныя нарѣчія, но боги и знатные люди говорятъ въ индійскихъ драмахъ по санскритски, а остальныя дѣйствующія лица на народныхъ нарѣчіяхъ. Лучшая и знаменитая драма индійцевъ называется кольцо Сакунталы, и приписывается поэту Калидасѣ, котораго индійцы считаютъ своимъ величайшимъ драматическимъ писателемъ. Онъ жилъ, по всей вѣроятности, незадолго до р. Х. Другая знаменитая въ исторіи индійской литературы личность — Віясъ жилъ, какъ полагаютъ, за нѣсколько вѣковъ до р. Х. Индійцы приписываютъ ему множество произведеній и, сверхъ того, приведеніе въ порядокъ и распредѣленіе содержанія Ведъ и Пуранъ.

Подобно литературѣ, искусство индійцевъ возникло также изъ религіи и ея обрядовъ. Впрочемъ, самые древніе изъ сохранившихся памятниковъ, большею частью, принадлежатъ не религіи браминовъ, а буддизму. Основываясь на разныхъ надписяхъ и символахъ, этой религіозной сектѣ приписываютъ подземныя постройки, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи. Онѣ состоятъ изъ многихъ, соединенныхъ между собою, храмовъ, жилищъ и галлерей, высѣченныхъ въ скалѣ. Громаднѣйшія изъ нихъ находятся въ Эллорѣ, гдѣ онѣ углубляются во внутрь горы почти на 4 версты и богато украшены изваяніями. Кромѣ нихъ пользуются извѣстностью подземные храмы въ Элефантѣ, Сальсеттѣ и Магамалайпурамѣ. Такія громадныя сооруженія возможны только тамъ, гдѣ духовенство, пользуясь изобиліемъ рабочихъ силъ, суевѣріемъ и терпѣніемъ народа, можетъ, во имя служенія божеству, заставлять работать всю массу подвластнаго ему населенія. Неизвѣстно, принадлежатъ ли буддистамъ и древнѣйшіе изъ подземныхъ храмовъ Индіи, — но достовѣрно, что имъ однимъ принадлежатъ два особенныхъ вида священныхъ зданій, называемыхъ ступами и пагодами. Ступы — каменныя куполообразныя зданія, имѣвшія назначеніе хранить въ себѣ тѣла почитаемыхъ ими святыхъ, и до сихъ поръ еще въ значительномъ числѣ встрѣчаются въ Индіи. Пагоды, — имѣющія видъ башень, строятся надъ свя-

щеннѣйшимъ мѣстомъ храма, и, повидимому, предназначены единственно для того, чтобы еще издали указывать вѣрующимъ мѣсто молитвы. Такихъ пагодъ у буддистовъ чрезвычайно много.

Картины и изваянія, находимыя въ храмахъ и пещерахъ, составляютъ относительно красоты совершенную противоположность съ произведеніями высокаго искусства, созданнаго греками на западѣ. Одинъ англійскій художникъ, занимавшійся ихъ изученіемъ, ставитъ ихъ въ этомъ отношеніи на одну степень съ грубыми художественными попытками островитянъ Южнаго океана, хотя, по его же словамъ, механическая часть работы часто превосходна. Произведенія эти отличаются преобладаніемъ колоссальнаго, неестественнымъ соединеніемъ животныхъ и человѣческихъ формъ тѣла, безобразнымъ увеличеніемъ числа отдѣльныхъ членовъ тѣла и изображеніемъ боговъ, со множествомъ разнообразныхъ аттрибутовъ.

Подчиненіе искусства религіи и зависимость его отъ духовенства не давали простора свободной творческой фантазіи художника. Поэтому характеръ индійскаго искусства оставался неизмѣннымъ во всѣ времена, такъ что трудно различать другъ отъ друга произведенія разныхъ вѣковъ. Индійское искусство страдало застоемъ, недостаткомъ развитія, и, сравнивая себя съ народами запада, индійцы могутъ гордиться только раннимъ возникновеніемъ у нихъ художествъ, но никакъ не ихъ совершенствомъ.

Такое же раннее развитіе, въ соединеніи съ пренебреженіемъ къ усовершенствованію, мы видимъ и въ ремеслахъ Индіи. Рядомъ съ земледѣліемъ, всегда уважавшимся болѣе всѣхъ прочихъ промысловъ, индійцы уже въ отдаленнѣйшія времена занимались промышленностью въ значительныхъ размѣрахъ. Они имѣютъ большую природную способность къ ручнымъ работамъ, и ловкость ихъ въ этомъ отношеніи удивляла грековъ еще во время похода Александра. По природѣ своей индійцы склонны къ механическимъ и сидячимъ занятіямъ. Ихъ страна не нуждается ни въ какихъ иностранныхъ произведеніяхъ, кромѣ развѣ шелка, и, напротивъ того, имѣетъ много продуктовъ, съ давнихъ поръ служившихъ приманкою для дру-

гихъ народовъ. Наконецъ, несмотря на свое нерасположеніе къ иностранцамъ, они не только никогда не запрещали сношеній съ ними, но особенная и уважаемая часть ихъ націи постоянно вела торговлю съ чужими краями. Этими обстоятельствами легко объясняется высокая степень и раннее начало промышленности и торговли индійцевъ. Но, и здѣсь мы видимъ, обусловливаемый учрежденіями и законами страны, недостатокъ въ развитіи, въ движеніи впередъ. Дѣйствительно, еще въ ближайшее къ рождеству Христову время, каждая отрасль промышленности, въ каждой общинѣ, была подчинена наблюденію особаго наслѣдственнаго должностнаго лица, что стѣсняло свободную дѣятельность духа изобрѣтательности. Важнѣйшею отраслью промышленности въ Индіи издавна было тканье, находившееся постоянно на одной и той же степени совершенства. Торговля также рано развилась въ Индіи, и еще до рождества Христова въ этой странѣ были проведены большія искуственныя дороги съ обозначеніемъ ихъ протяженія и гостинницами для путешественниковъ. Торговое сословіе принадлежитъ къ одной изъ трехъ высшихъ кастъ и индійскіе купцы, называемые баніанами, съ давнихъ поръ посѣщали рынки западной Азіи.

Наконецъ, и общественная жизнь индійцевъ и ихъ оригинальное государственное устройство находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ браминской религіи. Въ основаніе всего быта индійскихъ государствъ легло кастовое устройство, которое брамины успѣли глубоко вкоренить въ народѣ, выставляя касты учрежденіемъ самого божества. По смыслу ихъ ученія, причина, почему человѣкъ рождается въ нисшей, а не въ высшей кастѣ, заключается въ образѣ жизни передъ его рожденіемъ, и только путемъ добросовѣстнаго исполненія обязанностей своей касты можетъ онъ, при слѣдующемъ рожденіи, перейти въ высшую. Народы Индіи раздѣляются на четыре главныя касты, изъ которыхъ первыя три составляютъ благороднѣйшую часть націи, а послѣдняя, т. е. простой народъ, считается подвластной и созданной единственно для служенія имъ.

Члены первой или жреческой касты называются браманами или браминами; затѣмъ слѣдуютъ Кшаттріи, или члены второй, военной касты; потомъ Вайзіи, — составляющіе третью земледѣльческую и торговую касту; и, наконецъ, Судры, т. е. лица, принадлежащія къ кастѣ ремесленниковъ и слугъ. Кромѣ этихъ четырехъ кастъ, есть еще многочисленный классъ людей, называемыхъ паріями, которыхъ индійцы не причисляютъ ни къ одной изъ кастъ и не признаютъ частью націи. Это очевидно остатки покоренныхъ народовъ не-индійскаго происхожденія. Теперь ихъ точно также глубоко презираютъ, какъ и въ древности, когда они назывались Чандалами, и даже совсѣмъ не считаютъ людьми, хотя степень этого презрѣнія не одинакова въ разныхъ мѣстностяхъ Индіи. Паріевъ заставляютъ исполнять самыя унизительныя работы, запрещаютъ всякія сношенія съ индусами, и одно прикосновеніе къ нимъ считается грѣхомъ; — такимъ образомъ, этотъ классъ людей впалъ въ самую глубокую, скотскую безнравственность.

Священная для индійцевъ, книга законовъ Мену учитъ, что брамины созданы изъ рта Брамы, воины — изъ его рукъ, вайзіи — изъ лядвей и, наконецъ, судры — изъ ногъ. Поэтому призваніе браминовъ и заключается въ проповѣди священнаго слова, воиновъ — въ охраненіи общества, вайзій — въ произведеніи жизненныхъ продуктовъ, а судровъ — въ служеніи тремъ высшимъ кастамъ. Эти призванія наслѣдственны, и дѣти, родившіяся отъ членовъ разныхъ кастъ, не причисляются къ четыремъ отдѣламъ, которые одни считаются чистыми, настоящими кастами, а составляютъ промежуточныя или смѣшанныя касты. Такихъ кастъ весьма много, и священная книга законовъ въ Мену съ большою подробностью опредѣляетъ относительную степень ихъ достоинства. Члены первыхъ трехъ кастъ носятъ общее имя дважды рожденныхъ, потому что, при вступленіи ихъ въ юношескій возрастъ, надъ ними совершаютъ торжественный обрядъ принятія и посвященія въ касту, — что считается вторымъ рожденіемъ и не дѣлается въ четвертой кастѣ. Посвященіе заключается въ торжественномъ возложеніи шнурка,

который служитъ отличительнымъ знакомъ высшихъ кастъ, и носится черезъ лѣвое плечо поперегъ груди. Только первымъ тремъ кастамъ разрѣшено чтеніе священныхъ книгъ, четвертой же запрещается, какъ тяжкій грѣхъ, не только читать, но и слушать ихъ. Даже предписанные религіозные обряды различны для каждой касты, и, по закону, всякій человѣкъ долженъ исполнять только обязанности своего сословія и не позволять себѣ нести обязанности кастъ высшихъ.

По книгѣ законовъ Мену, главное призваніе браминовъ заключается въ чтеніи и толкованіи богослужебныхъ обрядовъ. Поэтому ихъ земли должны быть освобождены отъ налоговъ, и имъ позволено принимать милостыню, тогда какъ остальныя сословія имѣютъ право только раздавать ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ таже книга законовъ позволяетъ браминамъ прибѣгать для пропитанія себя къ земледѣлію, скотоводству, торговлѣ и другимъ занятіямъ. Не всѣ изъ нихъ жрецы, но весьма многіе становятся купцами, воинами, врачами и должностными лицами; нѣкоторые занимаются преподаваніемъ или изученіемъ наукъ. Но, чѣмъ бы они ни занимались, ихъ вниманіе прежде всего должно быть обращено на точное исполненіе всѣхъ правилъ и обрядовъ, предписанныхъ для нихъ закономъ. На этомъ, въ значительной степени, основано значеніе браминовъ въ обществѣ, и всякое упущеніе должно быть искуплено тяжелымъ покаяніемъ. Такъ, напримѣръ, они не имѣютъ права умерщвлять животныхъ иначе, какъ для жертвоприношеній, не должны ѣсть съ лицами остальныхъ кастъ, чаще другихъ обязаны совершать омовенія и т. п. По своему происхожденію брамины дѣлятся на разные классы, но степень уваженія къ нимъ все таки зависитъ, главнымъ образомъ, отъ рода ихъ занятій. Наибольшимъ почетомъ окружены тѣ, которые посвятили себя преимущественно толкованію Ведъ. Каста воиновъ первоначально имѣла своимъ назначеніемъ защиту страны, но въ позднѣйшее время войска стали набираться и изъ другихъ сословій. Кромѣ того, съ давнихъ поръ существовалъ обычай выбирать изъ этой

касты мѣстныхъ властителей, — обычай, не всегда впрочемъ исполнявшійся, такъ, что въ исторіи Индіи встрѣчаются государи, принадлежавшіе не только къ остальнымъ двухъ высшимъ кастамъ, но даже къ кастѣ судровъ. Вайзіи были обложены податями и занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговлею. Судры, составляющіе огромное большинство индійскаго народа, имѣли назначеніе прислуживать высшимъ кастамъ, и, взамѣнъ этого, должны были получать отъ нихъ необходимое содержаніе. Въ случаѣ невозможности вступить въ услуженіе, законодательство Мену позволяетъ имъ заниматься ремеслами, запрещая однако пріобрѣтать имущество. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, положеніе судровъ совершенно измѣнилось. Теперь они составляютъ ремесленный классъ и, сверхъ того, занимаются земледѣліемъ.

Кромѣ этихъ четырехъ главныхъ отдѣловъ или кастъ, изъ которыхъ вторая и третья почти совсѣмъ вымерли, — населеніе Индіи раздроблено еще на множество цеховыхъ подраздѣленій, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ родамъ занятій. Это также основано на господствующихъ понятіяхъ о наслѣдственности человѣческой дѣятельности. Иностранцы часто смѣшивали эти второстепенныя подраздѣленія съ настоящими кастами, и оттого то приходится часто слышать, что въ Индіи болѣе четырехъ кастъ. Такъ, напримѣръ, древніе греки думали, что индійскій народъ раздѣленъ на семь кастъ.

Кастовое устройство составляетъ основу всего государственнаго быта Индіи и въ тоже время язву, задерживающую развитіе индійской націи. Въ отношеніи къ другимъ народамъ единство религіи связываетъ всѣ касты въ одно цѣлое, но между собою они до такой степени разъединены взаимными предразсудками, презрѣніемъ къ низшимъ кастамъ и ненавистью къ высшимъ, что нечего и думать о соглашеніи интересовъ, объ одинаковыхъ и дружнымъ стремленіяхъ къ одной общей цѣли. Благодаря кастамъ и вкоренившемуся понятію объ ихъ необходимости и святости, жреческое сословіе успѣло чрезвычайно прочно утвердиться въ

Индіи, и задерживаетъ тамъ всякое совершенствованіе націи, всякое проявленіе истинно человѣческаго величія. Касты и ихъ подраздѣленія служатъ преградами, разобщающими націю и уничтожающими возможность единства. Каждой отдѣльной кастѣ предписана особенная форма жизни, особенный родъ образованія, и всякое стремленіе къ иной жизни, иному образованію, запрещается какъ грѣхъ. Вслѣдствіе этого, въ Индіи уже давно не существуетъ единства, — этой благороднѣйшей черты человѣческой природы, — исчезла всякая индивидуальность, всякое свободное развитіе силъ, и масса народа унижена до состоянія животнаго. Индійской націи совершенно чуждо высокое понятіе объ отечествѣ, каждый живетъ только для своей касты, и прозябаетъ неподвижно на опредѣленномъ ему клочкѣ земли. Удивительно ли, что, не смотря на свою храбрость и отвращеніе ко всему иностранному, этотъ народъ всегда былъ порабощаемъ чужеземными завоевателями! Непреодолимыя преграды, положенныя въ Индіи развитію человѣческой личности, дали народу жизнь спокойную и удобную, но однообразную и пустую, и неизбѣжно должны были привести къ изнѣженности и чувственности. Тамъ человѣкъ уже привыкъ находить счастье въ механическомъ прозябаніи и ненарушимомъ покоѣ, онъ не чувствуетъ униженія своей природы и даже доходитъ до того, что гордится имъ. Такимъ образомъ, въ Индіи для высшихъ классовъ жизнь всегда была пріятнымъ сномъ, а для нисшихъ колебаніемъ между тяжелымъ трудомъ и постыдной чувственностью.

Основываясь на своихъ священныхъ книгахъ, индійцы держатся наслѣдственно-монархическаго правленія. Уже въ древнѣйшей ихъ исторіи мы видимъ страну раздѣленною на мелкія владѣнія, правители которыхъ или раджи обыкновенно находились въ вассальной зависимости отъ какого нибудь верховнаго властителя. Кажется, что такое верховное владычество всего чаще принадлежало царямъ Магады, т. е. страны, омываемой верхнимъ теченіемъ Ганга. Въ Индіи существовала, значитъ, такъ называемая

феодальная система, и это названіе здѣсь тѣмъ болѣе умѣстно, что, по древне-индійскимъ понятіямъ, царь былъ владѣтелемъ, собственникомъ всей земли. Цари и владѣтельные князья воспитывались браминами, посвящавшими ихъ также на царство. Большая часть высшихъ должностей тоже находилась въ рукахъ браминовъ, и такъ какъ священные законы Мену обязывали властителей почитать и повиноваться браминамъ, то весьма часто царь былъ простымъ орудіемъ жрецовъ и управленіе находилось въ рукахъ одного или нѣсколькихъ лицъ изъ жреческой касты.

Даже при вассальной подчиненности другому большему государству, каждое владѣніе составляло, и до сихъ поръ составляетъ, что-то замкнутое, отдѣленное отъ остальной страны. Тоже самое должно сказать и о каждомъ округѣ, городѣ и селеніи. Всѣ эти части имѣютъ свое отдѣльное управленіе, и каждый житель знаетъ только своего ближайшаго начальника, не имѣя понятія о цѣлой системѣ. Каждое селеніе управляется своими наслѣдственными должностными лицами и, платя царю извѣстную подать, не имѣетъ болѣе никакихъ другихъ отношеній къ нему. Весь урожай считается достояніемъ всего селенія и, за вычетомъ подати царю и жрецамъ округа, жалованія браминамъ, наслѣдственнымъ должностнымъ лицамъ, ремесленникамъ, врачу, музыканту и нѣкоторымъ другимъ лицамъ въ селеніи, распредѣляется между жителями, смотря по количеству принадлежащей имъ земли.

Суды въ Индіи третейскіе. Члены ихъ выбираются старшинами кастъ или семействъ, а иногда и всѣми лицами, составляющими общину. На рѣшенія дозволяется аппелировать высшимъ судамъ, учреждаемыхъ правителями. Приговоры составляются на основаніи священныхъ книгъ, которыя опредѣляютъ не только религіозныя обязанности, но и гражданскія права частныхъ лицъ. Способы доказательствъ и роды наказаній, теперь еще употребляемые въ Индіи, одни уже достаточно показываютъ до какой степени задерживается развитіе народа, связаннаго неизмѣннымъ государственнымъ устройствомъ и клерикальными узами. Между

тѣмъ какъ у другихъ народовъ, съ развитіемъ образованности и теченіемъ времени, наказанія все болѣе и болѣе смягчаются, въ Индіи и до сихъ поръ еще употребляются самыя свирѣпыя истязанія. Ордаліи или божьи суды, точно также, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, были оставляемы греками и христіанскими народами среднихъ вѣковъ, замѣнившими ихъ, наконецъ, исключительно показаніями свидѣтелей. Въ Индіи, напротивъ того, и до сихъ поръ еще держатся суды божьи, состоящіе изъ испытанія огнемъ и водой и другихъ суевѣрныхъ способовъ доказательствъ.

Такимъ образомъ, знакомство съ различными сторонами быта индійцевъ раскрываетъ передъ нами печальный примѣръ вреднаго вліянія, которое имѣетъ духовное рабство даже на народъ, богато одаренный отъ природы, и уже рано достигшій извѣстной степени развитія. Кто изъ насъ не ужаснется при видѣ этого вѣчнаго стѣсненія ума, кто, взглянувъ на этотъ народъ, не полюбитъ еще съ большей силой цивилизацію Европы, — кто вдвойнѣ не проклянетъ преступленіе тѣхъ, которые низкимъ обманомъ заграждаютъ путь свѣту разума и задерживаютъ свободное развитіе человѣчества.

ВАВИЛОНЯНЕ и АССИРІЯНЕ.

Юго-западная Азія колыбель особой группы народовъ, извѣстной подъ именемъ семитической или арамейской вѣтви кавказскаго племени. Главное ея отличіе отъ вѣтви индо-германской заключается въ совершенно другомъ характерѣ языковъ, но обѣ онѣ играютъ одинаково важную роль въ исторіи цивилизаціи человѣчества. Имя семитическихъ народовъ происходитъ отъ имени Сима, библейскаго ихъ родоначальника, а арамейскими ихъ зовутъ потому, что Сирія или Арамъ есть одно изъ важнѣйшихъ обиталищъ этихъ племенъ. Изъ народовъ древности къ нимъ принадлежатъ: евреи, арабы, сирійцы, финикіяне и пунійцы или карфагеняне. Обыкновенно къ нимъ же причисляютъ вавилонянъ, ассиріянъ и египтянъ. Хотя результаты новѣйшихъ филологическихъ изысканій привели нѣкоторыхъ ученыхъ къ сомнѣнію въ справедливости этого предположенія, но до сихъ поръ они еще не успѣли пріискать для этихъ племенъ болѣе близкаго родства. Изъ народовъ новѣйшихъ, къ семитической вѣтви принадлежатъ кромѣ евреевъ и арабовъ, еще копты, курдистанскіе несторіяне, марониты, друзы и нѣкоторыя другія немногочисленныя племена Сиріи. Большинство абиссинцевъ тоже принадлежитъ къ этому племени.

На востокѣ сирійской пустыни, на берегахъ рѣкъ Евфрата и

Тигра, находилось средоточіе двухъ государствъ, — вавилонскаго и ассирійскаго, — игравшихъ важную роль въ древнѣйшей исторіи востока. Собственная Вавилонія лежала между обѣими названными рѣками, гранича къ сѣверу Месопотаміей, а къ югу Персидскимъ заливомъ. Столицей ея былъ Вавилонъ, построенный на обоихъ берегахъ Евфрата, и лежавшій нѣсколько южнѣе нынѣшняго Багдада. Ассирія находилась по другую сторону Тигра, къ востоку отъ Месопотаміи, и столица ея, Ниневія, стояла на Тигрѣ, не далеко отъ нынѣшняго города Моссула. Вавилонія, юго-западная часть которой, прилегающая къ Аравіи, называлась Халдеей, извѣстна теперь подъ именемъ Иракъ-Араби. Большая часть Ассиріи соотвѣтствуетъ нынѣшнему Курдистану и Моссулу. На сѣверѣ страна эта гориста, но южная, большая, ея часть представляетъ богато орошенную и потому, почти вездѣ, плодоносную равнину. Вавилонія, напротивъ того, совершенно плоская низменность, подверженная ежегоднымъ разливамъ Тигра и въ особенности Евфрата. Въ древности, — благодаря обширной канализаціи, регулировавшей разлитіе рѣкъ, предохранявшей страну отъ образованія болотъ и съ другой стороны доставлявшей ей необходимое орошеніе, — Вавилонія была одной изъ плодоноснѣйшихъ странъ земнаго шара.

Древнѣйшіе изъ извѣстныхъ жителей этихъ двухъ странъ уже рано сложились въ особыя націи, подъ именемъ вавилонянъ и ассиріянъ. Вавилонское государство образовалось ранѣе Ассирійскаго, потому что, по первой книгѣ Моисея, Ассирія была заселена выходцами изъ Вавилона. Тотъ же историческій источникъ относитъ основаніе города Вавилона еще къ первобытной эпохѣ человѣчества.

Древнѣйшая исторія обоихъ государствъ скрывается въ баснословныхъ преданіяхъ. Первымъ правителемъ Вавилона считаютъ Нимврода, бывшаго, будто бы, страстнымъ охотникомъ, и имя котораго въ этомъ отношеніи перешло даже въ пословицу. Вавилоняне рано освоились съ земледѣліемъ и ремеслами и, подъ

вліяніемъ этихъ мирныхъ занятій, пріобрѣли болѣе кроткій характеръ и привычку къ наслажденіямъ и нѣгѣ. Поэтому имъ приходилось много терпѣть отъ сосѣднихъ грубыхъ и сильныхъ народовъ. Наконецъ, Вавилонія подпала подъ власть ассирійскаго царя Нина, который считается основателемъ этой послѣдней монархіи и строителемъ города Ниневіи, и, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, составляла провинцію Ассиріи. Нинъ, о которомъ древніе передали намъ лишь сказочныя извѣстія, выставляется ими какъ великій завоеватель. По одному преданію онъ жилъ за 2000 лѣтъ, а по другому за 1200 лѣтъ до р. X., и покорилъ, какъ говорятъ, всю западную и среднюю Азію. Нинъ долго былъ несчастливъ въ попыткахъ завоевать Бактрію, находившуюся въ нынѣшней Великой Бухаріи, но, наконецъ, ему удалось побѣдить бактрійцевъ и овладѣть ихъ столицей, Бактрою. Онъ долго тщетно осаждалъ ее, пока жена одного изъ его полководцевъ, Семирамида, не открыла пути, по которому можно было проникнуть въ городъ и въ расплохъ напасть на жителей. Овладѣвъ Бактрою, Нинъ женился на этой женщинѣ. Основанный имъ городъ, Ниневія, имѣлъ впослѣдствіи отъ 10 — 12 нѣмецкихъ миль въ окружности, и населеніе въ 2 милліона, по свидѣтельству пророка Іоны. Стѣны Ниневіи имѣли до 100 футъ высоты и были такъ толсты, что по нимъ могли ѣхать рядомъ три колесницы. Эти стѣны были укрѣплены 1500 оборонительныхъ башенъ. Съ небольшимъ за 600 лѣтъ до нашей эры, Ниневія была разрушена мидянами и вавилонянами, но, впослѣдствіи, на томъ же мѣстѣ, или близко отъ него, былъ построенъ новый городъ, того же имени, развалины котораго сохранились и до сихъ поръ.

По смерти Нина, правительницею, за своего сына Ниніаса, сдѣлалась Семирамида, управлявшая государствомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Ея исторія также наполнена баснями и сказками. Древніе воображали себѣ царицу Семирамиду женщиной предпріимчивой, воинственной и рожденной для власти, и, сообразно съ этимъ представленіемъ, приписали ей множество разныхъ подви-

говъ. По словамъ преданія, она предпринимала побѣдоносные походы до предѣловъ Индіи и внутренней Африки, вновь основала городъ Вавилонъ, украсила его великолѣпнѣйшими зданіями, и провела въ своемъ царствѣ и въ покоренныхъ ею областяхъ много дорогъ и каналовъ. На основаніи этого преданія, въ позднѣйшія времена, Семирамидѣ стали приписывать во многихъ мѣстностяхъ Азіи всѣ такого рода великія сооруженія, происхожденіе которыхъ не было извѣстно. По легендамъ востока, Вавилонъ подъ властью Семирамиды сталъ однимъ изъ чудесъ свѣта, но, по другимъ, болѣе правдоподобнымъ, извѣстіямъ, надо думать, что постройка его величественныхъ зданій принадлежитъ гораздо позднѣйшему вавилонскому царю, Навуходоносору. Древніе писатели говорятъ, что окружность Вавилона составляла 12 нѣмецкихъ миль, а городская стѣна его имѣла 350 футъ высоты и 87 толщины. Для въѣзда въ городъ, расположенный огромнымъ четыреугольникомъ, находилось съ каждой стороны двадцать пять воротъ, а для защиты городскаго вала на немъ были построены цѣлыя сотни оборонительныхъ башень. По срединѣ города протекалъ Евфратъ, на обоихъ берегахъ котораго стояли два большіе царскіе дворца. Въ центрѣ Вавилона стояла высокая башня, воздвигнутая въ честь бога Бела. Знаменитѣйшимъ изъ памятниковъ города были, такъ называемые, висячіе сады, т. е. гигантское каменное сооруженіе съ четырьмя огромными террасами, засыпанными землей и обращенными въ сады. Но, уже во время рождества Христова, великій Вавилонъ почти весь лежалъ въ развалинахъ, а теперь отъ него остались только кучи мусора.

Слѣдующіе періоды исторіи вавилонянъ и ассиріянъ для насъ совершенно неизвѣстны, до начала восьмаго вѣка предъ р. Х., когда эти народы пришли во враждебное столкновеніе съ евреями. Въ это время въ Ассиріи царствовалъ государь, называющійся въ ветхомъ завѣтѣ Фуломъ. Въ 773 году онъ напалъ на Израильское царство и на сосѣднее съ нимъ государство Сирійское или Дамасское, но потомъ, за деньги, согласился заключить съ

ними миръ. Ему наслѣдовалъ Тиглатъ-Пилесаръ, къ которому обратился съ просьбой о помощи іудейскій царь Ахазъ, когда противъ него соединились цари Израиля и Сиріи (740). Тиглатъ-Пилесаръ охотно исполнилъ его желаніе, и при этомъ случаѣ завоевалъ всю Сирію и большую часть Израиля. Покоренныя страны были обращены въ области Ассирійской монархіи, а большая часть ихъ населенія отведена въ плѣнъ и поселена недалеко отъ Каспійскаго моря. Царь іудейскій преклонился передъ владыкой Ассиріи, обѣщалъ платить ему дань, и очистилъ одному изъ ассирійскихъ идоловъ мѣсто въ храмѣ Іеговы.

Со времени покоренія жителей Палестины, Ассирійская монархія пришла въ непріязненныя столкновенія съ египтянами. Палестина стала театромъ войны между этими двумя державами, и Израильское царство первое пало жертвою ихъ соперничества. Преемникъ Тиглатъ-Пилесара, Салманъ или Салманассаръ принудилъ послѣдняго израильскаго царя Осію къ платежу дани, но тотъ вскорѣ отказался отъ исполненія договора и, посредствомъ союза съ Египтомъ, старался защищать себя отъ ассиріянъ. Тогда Салманассаръ снова направилъ противъ него свое побѣдоносное оружіе, овладѣлъ, послѣ трехлѣтней осады, столицей его Самаріей, и обратилъ Израиль въ провинцію своей монархіи (730—722). Финикія, за исключеніемъ стоявшаго на островѣ города Тира, также была принуждена подчиниться ассирійскому царю. Кажется, что тогда же ассиріяне снова покорили Вавилонъ, возвратившій свою независимость за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, но когда именно неизвѣстно.

Салманассару наслѣдовалъ Санхерибъ. Этому государю пришлось прежде всего подавлять возстаніе, вспыхнувшее въ Вавилонѣ подъ предводительствомъ Меродаха-Валадана. Затѣмъ, Санхерибъ рѣшился напасть на Египетъ, чтобъ подчинить и его ассирійскому владычеству. Онъ успѣлъ уже привести свою армію къ самой границѣ Египта, но другіе враги заставили его поспѣшно отступить. Въ Палестинѣ чума истребила большую часть

его войска, и, когда Тиргака, царь Эѳіопіи и Египта, двинулся противъ него, Санхерибъ поспѣшно отступилъ въ Ассирію (около 712 до р. Х.). Вскорѣ послѣ того, онъ былъ убитъ тамъ двумя своими сыновьями. Этимъ воспользовался Ассаргаддонъ, ассирійскій намѣстникъ въ Вавилоніи, и овладѣлъ престоломъ. Убійцы Санхериба были принуждены бѣжать изъ государства, и Ассаргаддонъ восемь лѣтъ владычествовалъ надъ Ассиріей и Вавилоніей. Послѣ него, въ теченіе 21 года, правилъ Саммугъ, а потомъ Сарданапалъ, извѣстный по своей роскоши и сладострастію.

Въ правленіе Сарданапала ассирійскимъ намѣстникомъ въ Вавилоніи былъ Набополассаръ или Навуходоносоръ I, человѣкъ предпріимчивый, объявившій себя (около 600 до р. Х.) независимымъ властителемъ своей области. Вслѣдъ затѣмъ, онъ соединился съ мидійскимъ царемъ Кіаксаромъ, на дочери котораго женился сынъ его Навуходоносоръ и, вмѣстѣ съ мидійцами, напалъ на Ассирію. Сарданапалъ погибъ въ этой борьбѣ. Онъ былъ осажденъ въ Ниневіи и, когда разливъ Тигра разрушилъ часть городской стѣны, сжегъ себя вмѣстѣ съ своими женами и сокровищами. Городъ былъ разрушенъ, а государство раздѣлено между завоевателями.

Въ Вавилоніи, достигшей, такимъ образомъ, господства въ передней Азіи, были въ неизвѣтное намъ время поселены ассиріянами халдеи,—воинственное племя, жившее до тѣхъ поръ къ сѣверу отъ Ассиріи въ гористомъ краѣ, прилегающемъ къ Черному морю, и долгое время составлявшее ядро ассирійской арміи. По всей вѣроятности, это теперешніе курды, принадлежащіе къ персидской вѣтви кавказскаго племени. Это сильное воинственное племя вскорѣ сдѣлалось господствующей частью населенія Вавилоніи, гдѣ оно даже передало свое имя кастѣ жрецовъ. Слово халдеецъ имѣетъ, такимъ образомъ, двойной смыслъ, и безразлично употребляется какъ названіе этого народа и для обозначенія вавилонской жреческой касты. Основатель новой вавилонской династіи, Набополассаръ, также происходилъ изъ этого племени.

Набополассаръ былъ вовлеченъ въ войну съ египетскимъ царемъ Нехао, распространившимъ свое владычество до самого Евфрата. Но, въ 604 году до р. Х. сынъ Набополассара, Навуходоносоръ II, бывшій сначала его соправителемъ, разбилъ египетскаго царя при Кархемишѣ или Киркезіумѣ на Евфратѣ, отнялъ у него завоеванныя имъ азіятскія области и подчинилъ себѣ іудейскаго царя Іоакима. Іудеи нѣсколько разъ безуспѣшно пытались освободиться отъ него. Наконецъ въ 585 году онъ разрушилъ ихъ столицу Іерусалимъ и отвелъ большую часть населенія въ Вавилонъ. Финикіяне, за исключеніемъ жителей Тира, добровольно покорились ему еще въ самомъ началѣ войны. Съ Тиромъ вавилонскій царь велъ войну нѣсколько лѣтъ сряду, но не могъ его покорить. Онъ завоевалъ Египетъ, часть его жителей переселилъ въ Вавилонъ и, говорятъ, даже обложилъ податью сосѣднія съ Египтомъ африканскія земли. По всей вѣроятности, Навуходоносоромъ же были построены тѣ величественныя зданія Вавилона, громадныя стѣны, великолѣпныя ворота, дворцы и висячіе сады, которые считались у древнихъ чудесами свѣта и обыкновенно приписывались Семирамидѣ.

По смерти этого царя, которому наслѣдовалъ (562) сынъ его Эвильмеродахъ, Вавилонская монархія стала быстро клониться къ упадку, между тѣмъ какъ царство мидянъ и персовъ росло и возвышалось. Еще нѣсколько государей процарствовало въ Вавилонѣ, а затѣмъ персидскій царь, Киръ, напалъ на распадавшуюся монархію, послѣдній царь которой былъ въ союзѣ съ лидійскимъ царемъ Крезомъ, незадолго передъ тѣмъ побѣжденнымъ персами. Киръ разбилъ войско вавилонянъ и осадилъ городъ, которымъ персы овладѣли, отведя воды изъ Евфрата и вступивъ въ Вавилонъ ночью, по сухому руслу рѣки. Вавилонія потеряла самостоятельность и стала персидской провинціей (539 до р. Х.). —

Вотъ главныя событія исторіи двухъ государствъ, которыя съ береговъ Евфрата и Тигра, поочередно, господствовали надъ значительной частью передней Азіи. О нравахъ, частной жизни и ре-

лигіи ассиріянъ до насъ дошло такъ мало свѣдѣній, что мы не можемъ сказать о нихъ ничего положительнаго; напротивъ того, о внутреннемъ бытѣ Вавилоніи мы имѣемъ болѣе подробныя извѣстія. Въ обѣихъ странахъ государи пользовались неограниченною властью, слѣдовательно въ нихъ была чисто деспотическая форма правленія, господствующая и теперь еще въ западной половинѣ Азіи. Религія вавилонянъ состояла въ поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ, особенно солнцу и лунѣ, а также производительной силѣ земли. Совершеніе богослуженія и все высшее образованіе націи находилось въ рукахъ касты жрецовъ. Эта каста была единственной въ Вавилоніи, такъ какъ касты возникаютъ исключительно подъ клерикальнымъ владычествомъ, а Вавилонія уже весьма рано стала деспотической монархіей. Вавилонская жреческая каста, первоначальное устройство которой намъ неизвѣстно, въ позднѣйшее время не имѣла чисто наслѣдственнаго характера, какъ въ Индіи или Египтѣ. Въ нее часто принимались лица, непринадлежавшіе къ ней по рожденію, а иногда и иностранцы — по приказанію государя или вслѣдствіе ихъ учености, какъ напримѣръ пророкъ Даніилъ. Члены этой касты, въ позднѣйшее время вавилонской исторіи, назывались халдеями, а въ библіи, магами, имя, которое давали также членамъ жреческой касты въ древней Персіи. Они были разсѣяны по всей странѣ, жили доходами съ розданныхъ имъ земель, имѣли своего верховнаго главу, назначавшагося государемъ, и, по роду своихъ занятій, распадались на многія подраздѣленія или классы. Греки и римляне приписывали халдеямъ большія астрономическія свѣдѣнія. Существовавшее въ Вавилоніи поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ, обычай опредѣлять по положенію звѣздъ благопріятное для всякаго дѣла время, и, наконецъ, необходимость, по случаю наводненій и канализаціонной системы, съ точностью знать времена года, еще въ глубокой древности, должны были привести вавилонянъ къ занятіямъ астрономіей. Однако халдеи, одни занимавшіеся тамъ науками, не далеко подвинули впередъ астрономію.

Геометрія, также рано понадобившаяся имъ для канализаціи и постройки плотинъ, оставалась тоже во младенческомъ состояніи, не простираясь далѣе простаго землемѣрія и первыхъ началъ науки. Затѣмъ, халдеи занимались еще толкованіемъ сновъ, колдовствомъ и медициной.

Раннее развитіе и громадные памятники строительнаго искусства въ Вавилоніи легко объясняются свойствами страны. Дѣйствительно, она не была защищена горами, а между тѣмъ ее окружали воинственныя кочевыя племена, и слѣдовательно уже рано возникла необходимость укрѣпленій. Камня годнаго для построекъ въ странѣ не было, и потому вавилоняне принуждены были замѣнять его кирпичемъ, а для большей прочности кирпичныхъ укрѣпленій стѣны нужно было дѣлать толще и массивнѣе.

Благодаря системѣ орошеній, Вавилонія уже въ отдаленныя времена была хорошо воздѣлана. Съ другой стороны, городскія ремесла также должны были развиться и умножиться, вслѣдствіе значительнаго числа большихъ городовъ, частаго пребыванія двора въ Вавилонѣ, даже во время подчиненія его ассирійскимъ царямъ, и, наконецъ, вслѣдствіе роскоши, которой окружали себя тамошніе деспоты. Тканье полотна и шерсти, вышиваніе, красильное производство, приготовленіе ковровъ и косметическихъ издѣлій и многія другія отрасли промышленности уже рано процвѣтали въ Вавилонѣ. Подобнымъ же образомъ еще въ древнѣйшія времена началась тамъ довольно оживленная торговля съ Индіей и Персіей съ одной стороны, и съ передней Азіей съ другой; но невѣроятно, чтобы вавилоняне находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ Индіей.

Вавилоняне съ самаго начала своей исторіи являются народомъ мирнымъ, изнѣженнымъ, любившимъ роскошь и наслажденіе и вообще глубоко упавшимъ въ нравственномъ отношеніи.

ЕГИПТЯНЕ.

Въ Египтѣ, гдѣ населеніе теперь незначительно и находится въ нищитѣ, когда-то, въ теченіе цѣлыхъ тысячилѣтій, процвѣтала цивилизація, развалины которой и теперь еще возбуждаютъ удивленіе всего свѣта. Остатки древне-египетской образованности представляются намъ въ многочисленныхъ и величественныхъ архитектурныхъ произведеніяхъ. Но, кромѣ своихъ громадныхъ размѣровъ и многочисленности, они удивляютъ насъ своею глубокою древностію, доказывающею раннее развитіе въ Египтѣ цвѣтущей цивилизаціи; дѣйствительно, нѣкоторыя изъ этихъ зданій, можетъ быть, древнѣйшіе памятники человѣчества. Наши историческія извѣстія о древнемъ мірѣ не показываютъ намъ ни одного государства, которое могло бы быть съ достовѣрностью признано древнѣе египетскаго. Еще въ эпоху Авраама, когда исторія іудеевъ, какъ отдѣльной націи, только что начиналась, въ Египтѣ, — по книгамъ Моисея, самому древнему и вѣрному изъ историческихъ источниковъ, — существовало образованное государство, а во времена Іосифа, когда іудеи еще кочевали, египетская цивилизація уже достигла почти полнаго своего развитія.

Бытъ древнихъ египтянъ обусловливался особенностями страны болѣе, чѣмъ бытъ всѣхъ остальныхъ народовъ; не зная этихъ особенностей, нельзя даже понять характера народа и его цивили-

заціи. Египетъ начинается въ жаркомъ поясѣ и простирается къ сѣверу до Средиземнаго моря, на протяженіи почти равномъ протяженію Германіи отъ Сѣвернаго моря до Адріатическаго. Сѣверная часть страны, или нижній Египетъ, большая низменность, орошаемая многочисленными развѣтвленіями Нила, и сливающаяся на западѣ съ ливійской, а на востокѣ съ аравійской пустыней. Остальная и гораздо большая часть страны, т. е. верхній и средній Египетъ, представляетъ собою длинную долину, орошаемую Ниломъ и образованную двумя горными цѣпями: ливійской съ запада и аравійской съ востока. Эти горные хребты, въ различныхъ пунктахъ неодинаково удаленные другъ отъ друга, на югѣ Египта состоятъ преимущественно изъ массъ гранита, а далѣе къ сѣверу изъ песчаника, и, наконецъ, отъ окрестностей древнихъ Ѳивъ до границъ нижняго Египта, изъ мѣла и известняка. Обѣ цѣпи невысоки и совершенно лишены растительности, за исключеніемъ немногихъ рѣдкихъ кустарниковъ. Своими склонами горы эти прилегаютъ къ пустынямъ, которыя съ восточной стороны простираются до Аравійскаго залива, а съ западной сливаются съ великою ливійской пустынею.

Такимъ образомъ, Египетъ представляетъ на сѣверѣ расширяющуюся въ видѣ вѣера полосу плодородной почвы, окруженную пустынями. Съ юга Египетъ также отдѣленъ отъ остальнаго міра, такъ какъ Нилъ течетъ тамъ тоже посреди пустынь, и недалеко отъ границы Египта перестаетъ быть судоходнымъ, вслѣдствіе множества пороговъ и быстринъ. Въ пустынѣ къ востоку отъ Египта, до самыхъ береговъ Краснаго моря, нѣтъ ни одного клочка плодородной земли. Но къ западу, въ различныхъ разстояніяхъ отъ нильской долины, подобно островамъ въ песчаномъ морѣ, попадаются отдѣльныя полосы земли, имѣющія источники и покрытыя растительностью. Пространства эти, называемыя у арабовъ уахъ или уади, а у европейцевъ оазами, по одному древне-египетскому слову, представляютъ впадины пустыни, гдѣ ключи, бьющіе изъ подошвы окрестныхъ возвышенностей, даютъ жизнь раститель-

ности. Знаменитѣйшіе изъ нихъ: во-первыхъ, наиболѣе удаленный отъ Египта, оазъ Сиуа или, какъ его называли древніе, оазъ Аммоніумъ; затѣмъ, оазы эль-Баріэ, Фарафрэ, Дакхэль и, наконецъ, лежащій южнѣе прочихъ оазь эль-Харгэ, извѣстный у древнихъ подъ именемъ Великаго оаза. Въ древности всѣ эти оазы принадлежали Египту. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ первый, потому что тамъ находился храмъ, оракулъ котораго пользовался большимъ уваженіемъ даже за предѣлами Египта. Храмъ этотъ былъ посвященъ богу Аммону-Ра, высшему изъ всѣмъ египетскихъ божествъ. Онъ изображался съ бараньей головой и у грековъ и римлянъ назывался Юпитеромъ аммонскимъ. Для служенія этому богу и его оракулу состояло при храмѣ многожество жрецовъ, управлявшихъ и всѣмъ оазомъ. Развалины храма или Аммоніума, какъ его часто называютъ, сохранились и до нашихъ дней.

Самъ Египетъ превратился бы въ такую же пустыню, какъ и окружающія его страны, если бы не орошался Ниломъ. Дѣйствительно, въ нижнемъ Египтѣ дожди такъ рѣдки, что иногда ихъ не бываетъ цѣлый годъ, а въ верхнемъ они бываютъ не чаще, какъ черезъ 15 или 20 лѣтъ. Такимъ образомъ, въ цѣломъ Египтѣ не было бы ни какой растительности, если бы Нилъ своими разливами каждый годъ не увлажнялъ почвы. Эта же рѣка доставляетъ жителямъ единственную годную для питья воду. Съ конца іюня до осенняго равноденствія уровень воды въ Нилѣ постепенно подымается, держится затѣмъ около двухъ недѣль на наибольшей своей высотѣ, и потомъ начинаетъ медленно понижаться до конца мая слѣдующаго года. Достигнувъ наибольшей высоты воды, Нилъ заливаетъ на нѣкоторое время оба берега. Вездѣ куда достигнутъ волны, земля становится плодородной, а непосредственно за этимъ предѣломъ начинается голая, лишенная растительности, пустыня. Въ Египтѣ Нилъ имѣетъ, такимъ образомъ, два русла: большое, которое онъ занимаетъ разъ въ годъ во время своего разлива, и малое, которое онъ наполняетъ постоянно. Все,

что не входитъ въ черту его большаго русла составляетъ пустыню. Граница между пустыней и покрытой растительностью почвой большею частью проведена такъ рѣзко, что можно стоять одной ногой въ пустынѣ, а другой на плодородной почвѣ. Но Нилъ не только орошаетъ, но и удобряетъ почву Египта. Во время разлива вода его содержитъ необыкновенно плодоносный илъ, который и остается на покрытой водою землѣ. Правильное возвышеніе уровня Нила зависитъ отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей, падающихъ въ жаркомъ поясѣ въ извѣстное время года. Илъ, вѣроятно, состоитъ изъ разложившихся вулканическихъ камней, которые приносятся Ниломъ изъ Абиссиніи и составляютъ лучшее удобреніе почвы.

Ежегоднымъ наслоніемъ этого удобренія Нилъ постепенно возвысилъ почву Египта, а въ первобытныя времена осадокъ этотъ образовалъ даже весь нижній Египетъ. Эта часть страны есть дѣйствительно не что иное, какъ образовавшійся въ устьи рѣки наносъ, посредствомъ котораго Нилъ постепенно расширяетъ предѣлы страны по направленію своего теченія. Древніе египтяне утверждали, что въ первое время ихъ исторіи нижній Египетъ былъ просто болотомъ, которое уже впослѣдствіи постепеннымъ наслоеніемъ Нила поднялось на столько, что обратилось въ сухую и обитаемую мѣстность. По этой же причинѣ и вся почва Египта постоянно возвышается, такъ, что развалины сохранившихся еще древнихъ городовъ теперь уже не подымаются надъ поверхностью почвы, а, напротивъ, углублены въ землю. Это возвышеніе, впрочемъ, не вездѣ равномѣрно и постоянно уменьшается по направленію къ нижнимъ частямъ рѣки. У южныхъ границъ Египта почва подымается на одинъ футъ, приблизительно, въ каждые 188 лѣтъ; между тѣмъ какъ въ мѣстности, гдѣ стоялъ нѣкогда древній городъ Ѳивы, для образованія такого наноса требуется не менѣе 244 лѣтъ. Въ новѣйшее время этимъ обстоятельствомъ воспользовались для того, чтобъ опредѣлить время сооруженія зданій, развалины которыхъ еще существуютъ и, такимъ образомъ, повѣрить точность

историческихъ преданій, гдѣ говорится объ ихъ построеніи. Эти вычисленія также убѣждаютъ насъ въ томъ, что еще въ первыя времена достовѣрной исторіи Египетъ былъ уже населенъ древнимъ и давно цивилизованнымъ народомъ.

Высота разлива Нила не всегда бываетъ одинакова. Иногда она такъ незначительна, что рѣка заливаетъ лишь небольшое пространство, и тогда бываетъ неурожай, потому что почва Египта ничего не можетъ производить безъ такого орошенія. Чтобы усилить ея плодородіе и провести воду въ мѣста, незаливаемыя Ниломъ, еще въ глубокой древности были устроены плотины и каналы. Благодаря этимъ же средствамъ, орошеніе и удобреніе были регулированы и явилась возможность удерживать воду на поляхъ долѣе, чѣмъ сколько бы она оставалась безъ этихъ мѣръ. Въ новѣйшее время вся эта система пришла въ большое запущеніе, и потому производительныя силы страны уменьшились. Но, какъ велико было плодородіе ея въ древности, можно видѣть изъ того, что во времена Іосифа избытокъ семи хорошихъ годовъ позволилъ выдержать семь послѣдовавшихъ за тѣмъ неурожаевъ.

Египетъ, — почва котораго такъ хороша, что дѣлаетъ излишними почти всѣ полевыя работы, кромѣ попеченія о правильномъ орошеніи, могъ нѣкогда прокармливать громадное населеніе. Греческіе писатели говорятъ, что, во время завоеванія этой страны персами, число довольно населенныхъ городовъ доходило до 20,000. Цыфра эта очевидно преувеличена, но самая смѣлость преувеличенія показываетъ, какъ густо былъ населенъ Египетъ, сравнительно съ другими странами. Тогдашнее населеніе его полагаютъ въ 7 милліоновъ, тогда какъ теперешнее не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ или $2\frac{1}{2}$ милліоновъ. Въ Египтѣ климатъ очень здоровъ, и не бываетъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ въ другихъ странахъ, подверженныхъ правильнымъ періодическимъ наводненіямъ: почти всегда безоблачное небо и жгучее солнце быстро осушаютъ влажность, оставляемую Ниломъ по вступленіи его въ берега.

Первоначально жители Египта дѣлили страну свою на двѣ

главныя части, называвшіяся верхнимъ и нижнимъ Египтомъ Первый былъ расположенъ южнѣе, имѣя столицею Өивы, а послѣдній, съ главнымъ городомъ Мемфисомъ, занималъ сѣверную, большую часть страны. Впослѣдствіи, отъ нижняго Египта отдѣлили все пространство, заключенное между горными цѣпями, и назвали его среднимъ Египтомъ, такъ что подъ именемъ нижняго Египта стали разумѣть съ тѣхъ поръ одну только равнину, разстилающуюся между моремъ и сѣверною оконечностью этихъ горъ. Въ среднемъ Египтѣ столицею сдѣлался Мемфисъ, а въ нижнемъ Геліополисъ. Нижній Египетъ, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, у грековъ назывался также Дельтой, потому что Нилъ, раздѣленный тамъ на два главные рукава, даетъ ему форму треугольника, третью сторону котораго образуетъ морской берегъ, а такую же форму Δ имѣетъ въ греческой азбукѣ буква дельта (Д).

Знаменитѣйшими мѣстностями древняго Египта были: въ верхнемъ Египтѣ, — который, по имени своей столицы, назывался также Өиваидой, - южнѣе прочихъ городовъ лежалъ городъ Филе, построенный на острову Нила, и недалеко отъ него, также на острову, городъ Элефантина. Близь этихъ острововъ находятся, такъ называемые нильскіе водопады, или вѣрнѣе пороги. Ни одинъ изъ этихъ водопадовъ не достигаетъ высоты болѣе 5 или 7 футовъ, и у лѣваго берега рѣки есть мѣсто, гдѣ суда могутъ проходить внизъ, а при помощи бичевы, даже вверхъ по рѣкѣ, хотя съ значительными предосторожностями и не безъ опасности. Ниже водопадовъ, не далеко отъ нынѣшняго Ассуана, лежалъ городъ Сіене, отъ котораго произошло слово сіенитъ, названіе одной горной породы, очень похожей на гранитъ.

Изъ остальныхъ городовъ верхняго Египта, всѣхъ значительнѣе и знаменитѣе была его столица—Өивы. Они были построены на обоихъ берегахъ Нила и занимали протяженіе около четырнадцати верстъ вдоль по рѣкѣ. Въ отдаленнѣйшія времена Өивы были столицей всего края и царской резиденціей, но, послѣ перенесенія мѣстопребыванія правительства въ Мемфисъ, стали клониться къ

упадку. Развалины Ѳивъ, также какъ и выше названныхъ городовъ, существуютъ и до сихъ поръ. Къ числу этихъ развалинъ принадлежатъ два большіе храма, Луксорскій и Карнакскій, лежащіе на правомъ берегу Нила и названные такъ отъ двухъ деревень, находящихся на занимаемыхъ ими нѣкогда мѣстахъ. Луксорскій храмъ имѣетъ до 500 футовъ длины. Двухверстное разстояніе, отдѣляющее его отъ Карнакскаго храма, было покрыто цѣлыми аллеями колоссальныхъ сфинксовъ, которыхъ было такъ много, что одна изъ этихъ аллей состояла приблизительно изъ 600 такихъ колоссовъ. Въ томъ же мѣстѣ находятся развалины Карнакскаго дворца, главная зала котораго имѣетъ 318 футовъ длины и 159 ширины, и украшена 134 колоннами; поперечникъ самыхъ толстыхъ изъ нихъ доходитъ до 11 футовъ, а окружность ихъ капителей составляетъ 74 фута, такъ, что на верхней ихъ площадкѣ могутъ удобно помѣщаться 100 человѣкъ. На лѣвомъ берегу рѣки лежатъ также величественныя развалины храма и дворца Мединетъ-Абу, и другихъ храмовъ, называемыхъ Мемноніумомъ, какъ и вообще вся западная часть Ѳивъ. Тамъ же находятся двѣ знаменитыя статуи одного царя, высѣченныя изъ одного камня, каждая въ 61 футъ высоты, и извѣстныя подъ именемъ Мемнонскихъ колоннъ, потому что греки считали ихъ изображеніемъ упоминаемаго въ ихъ миѳологіи героя, Мемнона, одного изъ сыновей Авроры. Одна изъ этихъ статуй славилась у грековъ и римлянъ въ особенности тѣмъ, что, по распространенному въ древности преданію, при восхожденіи солнца издавала гармоническіе звуки. Эти звуки, которыми, какъ говорили, Мемномъ привѣтствовалъ свою мать,—происходили, можетъ быть, отъ того, что нагрѣтый лучами восходящаго солнца воздухъ приводилъ въ движеніе отдѣлившіяся пластинки и зерна гранита. На лѣвомъ берегу рѣки находятся остатки двойной аллеи изъ каменныхъ сфинксовъ, величественныя развалины гробницы царя Озимандиса, и обломки одной изъ его статуй, имѣющей между плечами 21 футъ ширины. На ней находится, какъ говорятъ, слѣ-

дующая надпись: „Я Озимандисъ, царь царей; кто хочетъ знать какъ я былъ великъ, тотъ превзойди меня въ одномъ изъ моихъ твореній.“ Наконецъ, должно еще упомянуть объ остаткахъ подземныхъ построекъ въ Ѳивахъ или о знаменитыхъ подземныхъ кладбищахъ этого города. Въ горахъ западнаго берега Нила, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ Ѳивъ, высѣчены въ скалахъ на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга разной величины помѣщенія, соединенныя между собою галлереями, и простирающіяся далеко внутрь горы. Они служили для сбереженія мертвыхъ тѣлъ. Изъ этихъ многочисленныхъ кладбищъ замѣчательнѣе всѣхъ, такъ называемыя, Ѳивскіе царскіе склепы въ Бибанъ-эль-Молукской долинѣ этой цѣпи горъ, дѣйствительно служившіе мѣстомъ погребенія царскихъ труповъ, и отличающіеся своими размѣрами и великолѣпіемъ. Впрочемъ, они уже давно разрушены и ограблены позднѣйшими обитателями Египта.

Къ сѣверу отъ Ѳивъ, также на берегу Нила, находятся развалины города Тентиры, въ одномъ изъ храмовъ котораго въ новѣйшее время было найдено изображеніе зодіакальнаго круга египтянъ. Этотъ кругъ, находящійся теперь въ Парижѣ, однако не остатокъ египетской древности, а, также какъ и самый храмъ, принадлежитъ ко времени римскаго владычества.

Въ среднемъ Египтѣ, особенно замѣчательна большая круглая равнина,—эль Фаюмъ (въ древности Арсиноэ),—лежащая въ западной горной цѣпи и замкнутая со всѣхъ сторонъ горами и пустыней. Эта, въ высшей степени плодородная, равнина соединяется съ нильской долиной горнымъ проходомъ, составляющимъ единственный входъ въ нее. Большой каналъ, называемый каналомъ Іосифа, соединяетъ равнину съ Ниломъ, и оплодотворяетъ ее его водами. Каналъ Іосифа ведетъ къ такъ называемому Меридову озеру, которое въ глубокой древности, при царѣ того же имени, было, какъ говорятъ, выкопано человѣческими руками, но нѣтъ сомнѣнія, что оно естественный водяной бассейнъ, расширенный только при этомъ государѣ. Меридово озеро имѣло когда

то болѣе 24 нѣмецкихъ миль въ окружности, и посреди его возвышались тогда двѣ пирамиды. Оно регулировало высоту уровня воды, какъ при недостаточномъ, такъ и при слишкомъ сильномъ разливѣ Нила, и, такимъ образомъ, обезпечивало урожай не только въ Фаюмской равнинѣ, но и въ части средняго Египта. На краю этой равнины, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ къ юго-востоку отъ города Медина-эль-Фаюмъ, находятся громадныя массы камня и мусора, считаемыя остатками знаменитаго Лабиринта. По описанію древнихъ грековъ, онъ былъ величайшимъ зданіемъ въ цѣломъ свѣтѣ, и имѣлъ такіе громадные размѣры, что всѣ зданія Греціи, взятыя вмѣстѣ, не могли съ нимъ сравняться. Лабиринтъ состоялъ, какъ говорятъ, изъ соединенія двѣнадцати дворцевъ и заключалъ 3000 комнатъ, въ которыхъ каждый уголъ былъ сдѣланъ изъ одного куска камня. Зданіе было построено четыреугольникомъ, стороны котораго имѣли до 650 футовъ длины. По множеству ходовъ и комнатъ этого зданія, гдѣ безъ проводника легко можно было заблудиться, имя его стало употребляться для обозначенія всякой постройки, состоящей изъ запутанныхъ ходовъ. Назначеніе лабиринта неизвѣстно. По неправдоподобнымъ разсказамъ древне-греческихъ писателей, онъ былъ построенъ двѣнадцатью, когда то вмѣстѣ царствовавшими, египетскими царями, какъ общій ихъ дворецъ.

Мемфисъ, столица средняго Египта, лежалъ къ югу отъ нынѣшняго Каира, у выхода изъ долины, образуемой двумя цѣпями горъ, сопровождающихъ теченіе Нила до начала дельты. Онъ былъ когда то также великъ какъ Ѳивы, но отъ него не осталось такого множества памятниковъ, потому что развалины ихъ совершенно занесены иломъ и пескомъ. Близь мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ Мемфисъ, т. е. къ западу отъ него и отъ Нила, находятся величайшія изъ египетскихъ пирамидъ. Онѣ составляютъ нѣсколько группъ и общее число ихъ доходитъ до сорока. Три самыя большія и знаменитыя изъ нихъ принадлежатъ къ группѣ, которую, по имени одного новаго поселенія, называютъ пирамидами Гизе.

Онѣ окружены безчисленными кладбищами, и, по имени своихъ предполагаемыхъ строителей, называются пирамидами Хеопса, Хефрена и Микерина. Самая большая изъ нихъ пирамида Хеопса, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть величайшее зданіе въ мірѣ. Она состоитъ изъ 203 рядовъ камней, имѣетъ 468 парижскихъ футовъ отвѣсной высоты и четыреугольное основаніе въ 716½ футовъ въ каждомъ фасѣ. Вершина ея представляетъ теперь площадку въ 31 футъ въ поперечникѣ. Входъ во внутренность находится на высотѣ 38 футовъ. Пирамида Хефрена имѣетъ 428, а пирамида Микерина 307 футовъ высоты. По разсказу греческаго историка Геродота, доставкою матеріаловъ и постройкою Хеопсовой пирамиды занимались 100,000 человѣкъ въ продолженіи 20 лѣтъ. Говорятъ, что и другія пирамиды на нѣкоторой высотѣ отъ подошвы, и притомъ всегда съ сѣверной стороны, имѣютъ отверстіе, которое узкимъ ходомъ ведетъ во внутренность зданія. Въ Хеопсовой пирамидѣ находится глубокая яма, ведущая вверхъ и внизъ, корридоры и нѣсколько комнатъ. Въ каждой изъ нихъ стоитъ продолговатый каменный ящикъ, считающійся за царскій саркофагъ, въ которомъ, будто бы, прежде лежала мумія. Подобнымъ же образомъ устроены и прочія пирамиды, во внутренность которыхъ могли проникнуть. Недалеко отъ пирамидъ Гизе находится высѣченная въ скалѣ статуя сфинкса, въ 117 парижскихъ футовъ длины, и теперь по шею засыпанная пескомъ. Открытая часть ея имѣетъ около 27 футовъ высоты, а окружность головы статуи составляетъ 81 футъ. Между передними лапами и шеей, въ новѣйшее время, было отыскано отверстіе, теперь, однако, снова засыпанное пескомъ. Многіе полагаютъ, что оно ведетъ подземными ходами въ самую большую изъ пирамидъ.

Столицей нижняго Египта былъ Геліополисъ, (городъ солнца), названный такъ греками потому, что былъ посвященъ богу солнца и заключалъ самый знаменитѣйшій изъ его храмовъ. Египетское имя города было: Онъ, и подъ этимъ названіемъ Геліополисъ упоминается и въ библіи въ разсказѣ объ Іосифѣ. Подобно

Ѳивамъ и Мемфису, онъ былъ знаменитъ жреческимъ училищемъ и считался какъ бы университетомъ Египта. При устьяхъ двухъ крайнихъ изъ семи рукавовъ Нила стояли два большіе города: Пелузіумъ на востокѣ и Канопусъ на западѣ. Но важнѣйшимъ изъ нижне-египетскихъ городовъ, послѣ Геліополиса, былъ Саисъ, лежавшій внутри дельты и также славившійся своей жреческою академіей. Въ этомъ-то городѣ Амазисъ, одинъ изъ послѣднихъ царей Египта, поставилъ высѣченный изъ цѣльной скалы небольшой храмъ, перевозка котораго съ острова Элефантины, гдѣ онъ былъ изготовленъ, до Саиса потребовала трехлѣтняго труда 3000 человѣкъ. Онъ имѣлъ 34 фута длины, $24\frac{1}{2}$ ширины и 12 высоты. Александрія, самый знаменитый изъ всѣхъ городовъ нижняго-Египта, была построена Александромъ Великимъ уже чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ паденія независимости Египта.

Источниками для египетской исторіи служатъ: указанія ветхаго завѣта, — самыя вѣрныя изъ всѣхъ извѣстій, какія мы только имѣемъ объ Египтѣ, извѣстія древне-греческихъ историковъ, нѣсколько легковѣрно записанныя съ изустныхъ разсказовъ, дошедшіе до насъ отрывки такъ же мало достовѣрной исторіи, составленной по храмовымъ архивамъ, египетскимъ жрецомъ Манеѳо въ третьемъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія, нѣсколько отысканныхъ древне-египетскихъ рукописей, архитектурные памятники страны и, наконецъ, гіероглифическія надписи на стѣнахъ этихъ зданій. Но, несмотря на всѣ эти источники, невозможно составить полную исторію Египта, которая бы шла далѣе восьмаго вѣка до р. X. Относительно болѣе отдаленныхъ временъ мы принуждены ограничиться нѣкоторыми отдѣльными происшествіями и общей характеристикой состоянія цивилизаціи, не будучи въ состояніи очертить связный ходъ событій этой эпохи.

Древніе египтяне не принадлежали африканской расѣ, какъ это прежде думали нѣкоторые ученые. Историческія данныя и изслѣдованія, произведенныя надъ муміями, доказываютъ несомнѣннѣйшимъ образомъ, что ихъ должно причислить къ кавказскому

племени; но ближайшее ихъ родство съ которой нибудь изъ вѣтвей этого племени до сихъ поръ еще не опредѣлено положительно. Нѣкоторые ученые держатся мнѣнія, что они принадлежали къ одной семьѣ съ нынѣшними нубійцами или барабрами и, вмѣстѣ съ ними и нѣкоторыми другими сѣверо-африканскими народами, составляли такъ называемую нубійскую или эѳіопскую вѣтвь кавказскаго племени. Другіе, напротивъ того, причисляютъ ихъ къ семитическому или арамейскому племени, къ которому также принадлежатъ евреи, арабы, финикіяне и другіе народы. Нынѣшнихъ христіанскихъ обитателей Египта, извѣстныхъ подъ именемъ коптовъ, считаютъ потомками древнихъ египтянъ. Языкъ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ отъ древне-египетскаго.

Вѣроятно, что предки египтянъ прикочевали черезъ Аравію и Бабъ-эль-Мандебскій проливъ сначала въ Нубію, и уже потомъ переселились въ Египетъ. Съ жителями Нубіи и даже болѣе южныхъ принильскихъ странъ они всегда оставались въ сношеніяхъ. Жившіе тамъ въ древности народы были имъ родственны по происхожденіе, — а многочисленные остатки зданій и статуй, встрѣчающіеся тамъ теперь и отмѣченные печатью египетскаго стиля, доказываютъ продолжительную связь этихъ народовъ съ египтянами.

Первоначально египтяне занимали только верхнюю часть страны. Но, уже во времена Авраама, т. е. за 2000 до р. Х., нижній Египетъ былъ не только заселенъ, но и успѣлъ достигнуть цвѣтущей цивилизаціи. Египетскій лѣтописецъ насчитываетъ 26 династій, послѣдовательно властвовавшихъ въ Египтѣ до персидскаго нашествія. Первымъ царемъ страны считаютъ Менеса. Однимъ изъ его преемниковъ, время жизни котораго точно также нельзя опредѣлить, былъ упомянутый нами Озимандисъ. Подобнымъ же образомъ, нельзя съ точностью сказать, какіе цари властвовали въ Египтѣ во время прибытія туда Авраама и впослѣдствіи Іосифа.

Въ эпоху, слѣдовавшую за появленіемъ въ нильской долинѣ Авраама, Египетъ подвергся нападенію, грозившему совершеннымъ

уничтоженіемъ его цивилизаціи. Въ нижнемъ Египтѣ находились болотистыя мѣстности и луга, гдѣ жили египетскіе пастушескіе роды, и которые, какъ кажется, часто отводились подъ извѣстными условіями иногороднымъ кочующимъ племенамъ. Такого рода примѣръ мы видимъ на евреяхъ. Эти номады размножались иногда до такой степени, что производили нападенія на цивилизованныя области Египта и грозили ихъ независимости. Подобная же опасность нѣсколько разъ угрожала въ средніе вѣка мухаммеданскому государству, образовавшемуся въ Египтѣ; и такую то грозу пришлось выдержать египтянамъ нѣсколько позже эпохи Авраама. Многочисленное пастушеское племя, неизвѣстнаго происхожденія, называвшееся **гиксами**, завоевало тогда нижній и средній Египетъ, и затѣмъ, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, господствовало въ этомъ краѣ. Лишь послѣ столь длиннаго періода удалось наконецъ египтянамъ изгнать ихъ изъ своего отечества. Во время владычества гиксовъ, которыхъ считаютъ 17-й египетской династіей, прибылъ въ Египетъ Іосифъ, а въ царствованіе 18-й династіи Моисей вывелъ израильтянъ изъ Египта въ Ханаанъ. Правленіе этой династіи считается самымъ цвѣтущимъ временемъ египетской цивилизація.

Въ 15-мъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія царствовалъ **Меридъ**, который построилъ во многихъ городахъ большія сооруженія, провелъ каналъ изъ Нила въ Фаюмскую долину, и соединилъ эту рѣку съ названнымъ по его имени озеромъ. Знаменитѣйшимъ изъ царей слѣдовавшихъ за нимъ былъ **Сезострисъ**, которому впрочемъ это имя дали греки, между тѣмъ какъ его настоящее египетское имя было, кажется, **Рамзесъ** или **Рамессесъ**. Преданіе приписываетъ этому царю походы въ глубь Эѳіопіи, въ отдаленный востокъ Азіи, также какъ и въ Европу до Ѳракіи и береговъ Дона. Въ изображеніяхъ, сохранившихся еще на египетскихъ памятникахъ, ни одинъ изъ царей не прославляется такъ часто, какъ Сезострисъ. Впрочемъ, по всей вѣроятности, экспедиціи его не переходили за предѣлы Эѳіопіи, Аравіи и странъ, прилегающихъ

къ Персидскому заливу; въ противномъ случаѣ, невозможно бы было объяснить, почему объ этихъ походахъ не упоминается въ ветхомъ завѣтѣ. Сезострису приписываютъ также множество большихъ сооруженій всевозможныхъ родовъ.

Одинъ изъ слѣдующихъ за тѣмъ царей, Рампсинитъ, жившій приблизительно за 1200 лѣтъ до р. Х., украсилъ великолѣпными зданіями городъ Мемфисъ. Его ближайшими преемниками были два брата Хеопсъ и Хефренъ, и сынъ перваго, Микеринъ, которымъ греческіе историки приписываютъ постройку большихъ пирамидъ Гизе. Многіе изслѣдователи древности полагаютъ однако, что подъ этими тремя именами слѣдуетъ разумѣть царей гораздо древнѣйшаго періода. Въ новѣйшее время очень многіе пришли къ заключенію, что эти пирамиды были построены за 2000 лѣтъ до р. Х. и даже гораздо ранѣе, и что вообще это древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ человѣческаго искусства. Они основываютъ это мнѣніе на томъ, что въ кладбищахъ, находящихся близъ пирамидъ, найдены были имена царей, которыхъ нѣтъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ египетскихъ династій; а также и на томъ, что на большемъ сфинксѣ есть гіероглифическая надпись, относящаяся, будто бы, къ періоду между Меридомъ и Сезострисомъ. Впрочемъ, дѣйствительная древность пирамидъ вѣроятно никогда не будетъ опредѣлена съ точностью, потому что на нихъ нѣтъ никакихъ надписей, ни даже малѣйшаго слѣда скульптурной работы.

Ближайшее затѣмъ время египетской исторіи покрыто мракомъ, который только отъ времени до времени разсѣевается извѣстіями, сообщаемыми ветхимъ завѣтомъ. Внутреннія безпокойства, нападенія другихъ народовъ и завоеваніе страны нубійскими и эѳіопскими царями потрясли и разстроили древнѣйшее государство, которое около этого времени начинаетъ терять свою замкнутость и вступаетъ въ постоянныя сношенія съ государствами передней Азіи. Іудейскій царь Соломонъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ тогдашнимъ царемъ Египта, но, подъ конецъ его прав-

ленія, отношенія между обѣими державами измѣнились. Въ Египтѣ вспыхнула революція, при помощи которой Шешонкъ или Сизакъ успѣлъ низвергнуть царя и вступить на престолъ. Новый царь сталъ поддерживать Іеровоама противъ Ровоама, сына Соломона, обложилъ Іудею контрибуціей, овладѣлъ Іерусалимомъ, и похитилъ всѣ сокровища храма (971 до р. Х.). Послѣ Шешонка, египетская исторія снова становится темной и запутанной. Хотя въ правленіе Ассы, третьяго царя іудейскаго, и вторгается изъ Египта въ Іудею царь Серахъ, испытывающій при этомъ сильное пораженіе (947 до Р. Х.), но библія говоритъ, что онъ былъ кушитъ. А въ библіи этимъ именемъ называются то эѳіопы, то аравійскія племена по обоимъ берегамъ Краснаго моря; такъ что никакъ нельзя рѣшить, былъ ли Серахъ эѳіопскимъ царемъ, покорившимъ Египетъ, или правителемъ какого нибудь государства, возникшаго между Египтомъ и Краснымъ моремъ.

Около половины восьмаго вѣка до нашего лѣтосчисленія Египетъ былъ завоеванъ эѳіопами подъ предводительствомъ царя Сабакона, который властвовалъ въ Египтѣ съ 765 по 715 годъ. Въ библіи этого царя называютъ Со или Севе. Израильское царство было тогда сильно стѣснено ассирійскими царями Тиглатъ-Пилесаромъ и Салманассаромъ, и потому царь Осія обратился съ просьбою о помощи къ Сабакону, который однако не захотѣлъ начинать войны съ могущественной Ассирійской монархіей, и Израиль былъ подавленъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ. Вслѣдствіе этого граница Ассирійской монархіи приблизилась къ Египту, и оба государства должны были неизбѣжно придти въ непріязненное столкновеніе. По словамъ одного греческаго историка, египтяне, послѣ смерти Сабакона, сбросили съ себя эѳіопское иго, и вскорѣ за тѣмъ на престолъ вступилъ жрецъ по имени Сетосъ, долго удерживавшій засобою власть. Но, по другимъ, гораздо болѣе правдоподобнымъ, извѣстіямъ, которыя сходятся также и съ показаніями библіи, послѣ Сабакона вступилъ на престолъ сынъ его Себихосъ, по смерти котораго верховною властью овладѣлъ эѳі-

опскій царь Таракъ или Тиргака. Этотъ царь, господствовавшій въ одно и тоже время въ Египтѣ. Эѳіопіи и надъ сосѣдними народами пустыни, велъ войну съ Санхерибомъ, тогдашнимъ царемъ Ассиріи. Санхерибъ хотѣлъ завоевать Египетъ и двинулся туда съ огромной арміей, но Тиргака выступилъ противъ него съ еще большими силами, и Санхерибъ, потерявшій отъ чумы большую часть своихъ войскъ, былъ принужденъ оставить предпріятіе и спѣшить назадъ въ Ассирію.

Въ ближайшее затѣмъ время, исторія котораго очень безсвязна, эѳіопская династія была изгнана египтянами. Но, въ тоже время, началась анархія, потомъ многодержавіе, пока наконецъ, въ половинѣ седьмаго вѣка до р. Х. не удалось одному изъ многихъ владѣтелей Египта, Псамметиху изъ Саиса, вытѣснить остальныхъ и основать новую династію, господствовавшую надъ цѣлою страною. Греки называли время, непосредственно предшествовавшее Псамметиху, Додекархіей или правленіемъ двѣнадцати, — потому что государство было раздѣлено на двѣнадцать частей, имѣвшихъ своихъ отдѣльныхъ царей. Вотъ, что объ этомъ времени говоритъ одинъ греческій историкъ, разсказъ котораго впрочемъ, не болѣе какъ романическое представленіе того простаго факта, что Псамметихъ съ помощью наемныхъ иностранныхъ солдатъ выгналъ изъ страны остальныхъ владѣтелей. Греческій историкъ говоритъ, что двѣнадцать государей рѣшились управлять сообща, и, въ знакъ своей тѣсной дружбы, построили величественный, составленный изъ двѣнадцати дворцовъ, лабиринтъ. По другимъ источникамъ онъ былъ построенъ позже, однимъ Псамметихомъ, а по третьимъ — гораздо ранѣе этого времени и совсѣмъ съ другою цѣлью, можетъ быть просто изъ желанія воздвигнуть громадное зданіе, возбуждающее удивленіе. Союзные владѣтели слышали отъ одного оракула, что судьба предназначила единодержавіе тому изъ нихъ, который въ извѣстномъ храмѣ принесетъ жертву въ мѣдномъ сосудѣ. И вотъ, когда однажды они совершали въ этомъ храмѣ торжественное жертвоприношеніе, и

первосвященникъ сталъ раздавать имъ золотыя чаши для обычнаго обряда съ жертвеннымъ питьемъ, — оказалось, что въ храмъ по ошибкѣ было принесено всего одиннадцать чашъ. Тогда Псамметихъ, бывшій послѣднимъ и потому не получившій чаши, снялъ свой мѣдный шлемъ и въ немъ принесъ жертву. Остальные государи, помня предсказаніе оракула, увидѣли въ этомъ поступкѣ умышленное дѣйствіе и потому лишили Псамметиха власти, и изгнали еговъ дальнюю область нижняго Египта. Онъ рѣшился отмстить имъ, и для того обратился къ оракулу, который отвѣчалъ, что за него отмстятъ мѣдные люди изъ за моря. Псамметихъ не понялъ этого отвѣта, но увидѣлъ, что предсказаніе сбылось, когда, покрытые латами греческіе и карійскіе морскіе разбойники высадились въ нижнемъ Египтѣ. Узнавъ въ нихъ исполнителей своей мести, Псамметихъ купилъ ихъ содѣйствіе блестящими обѣщаніями, и, во главѣ ихъ, побѣдилъ остальныхъ владѣтелей Египта.

Достигнувъ господства надъ Египтомъ съ помощью иноземныхъ наемниковъ, превосходившихъ египтянъ храбростью и вооруженіемъ, Псамметихъ, даже послѣ паденія своихъ противниковъ, содержалъ иностранную армію, которая была ему безусловно предана и помогла утвердиться на престолѣ. Туземная каста воиновъ была раздражена этимъ, и значительная часть ея переселилась изъ Египта въ Эѳіопію. Правленіе Псамметиха замѣчательно въ особенности потому, что онъ наперекоръ давней привычкѣ египтянъ къ отчужденности и неудовольствію, съ которымъ они встрѣчали иностранцевъ, облегчилъ послѣднимъ доступъ въ Египетъ. Болѣе всего заботился онъ о томъ, чтобъ оживить торговыя сношенія съ энергическими и промышленными греками и этимъ путемъ доставить египтянамъ преимущества, которыя имѣли передъ ними греки. Затѣмъ, Псамметихъ старался подвинуть предѣлы своего государства къ Азіи. Съ этою цѣлью онъ напалъ на филистимлянъ, которыхъ и побѣдилъ послѣ весьма продолжительной и упорной борьбы; но смерть остановила дальнѣйшее исполненіе его плана.

Въ 617 до р. Х. ему наслѣдовалъ сынъ его Нехао, все вниманіе котораго было обращено на развитіе торговли и на завоеванія. Онъ снова создалъ египетскій флотъ и, въ видахъ торговли, сдѣлалъ попытку соединить посредствомъ канала Средиземное море съ Краснымъ. Каналъ этотъ, который долженъ былъ связать верхнюю часть самаго восточнаго изъ рукавовъ Нила съ крайними пунктами Краснаго моря, не былъ однако оконченъ, и неизвѣстно какія причины заставили Нехао бросить начатое дѣло. Нехао съ большою энергіей продолжалъ завоевательныя предпріятія своего отца. Онъ двинулся на завоеваніе Вавилонской монархіи и на пути, въ сраженіи при Мегиддо, разбилъ іудейскаго царя Іосію (611), пытавшагося задержать его, и сдѣлалъ его данникамъ Египта. Противъ вавилонянъ онъ сначала дѣйствовалъ счастливо и завоевалъ даже все пространство отъ Палестины до Евфрата; но, въ 604 году до р. Х., былъ разбитъ на голову Навуходоносоромъ при Кархемишѣ на Евфратѣ. Это пораженіе лишило его всѣхъ сдѣланныхъ имъ завоеваній, и, къ концу царствованія Нехао, владѣнія его снова ограничились однимъ Египтомъ. Сынъ и преемникъ Нехао, Псаммисъ или Псамметихъ II, царствовавшій съ 594 по 588 до р. Х., предпринималъ походъ въ Эѳіопію, о которомъ мы знаемъ только то, что онъ не могъ быть особенно счастливъ, потому что нигдѣ нѣтъ и слѣда разсказовъ объ его успѣхѣ. Сынъ его Апрій (588 — 563) продолжалъ политику Псамметиха и Нехао. Онъ направилъ свое оружіе противъ финикіянъ и имѣлъ успѣхъ въ этой войнѣ. Но его походы, произволъ, жестокость и наконецъ пристрастіе къ иностранцамъ, составлявшимъ значительную часть арміи, возбудили противъ него всеобщее неудовольствіе египтянъ. По этому когда онъ былъ разбитъ въ походѣ противъ греческой колоніи Кирены, лежавшей къ западу отъ Египта, египетская часть его арміи возмутилась и выбрала царемъ одного изъ полководцевъ — Амазиса. Между обоими претендентами завязалась борьба. Оставшіеся вѣрными Апрію иностранные наемники дрались весьма храбро, но все таки должны

были уступить перевѣсу силъ египтянъ. Самъ Апрій былъ взятъ въ плѣнъ. Амазисъ отвезъ его въ тогдашнюю резиденцію Саисъ, хотѣлъ сохранить ему жизнь и обращался съ нимъ какъ съ царемъ, но былъ, наконецъ, принужденъ уступить неистовству народа, въ высшей степени озлобленнаго противъ Апрія. Низложенный царь былъ выданъ саисской черни и задушенъ ею. Около этого времени, вѣроятно въ продолженіе борьбы между Апріемъ и Амазисомъ, Египетъ былъ завоеванъ Навуходоносоромъ, и на короткое время подчинился вавилонянамъ. Но быстрое паденіе вавилонскаго могущества, начавшееся со смертью этого царя, спасло тогда Египетъ отъ долговременной потери политической самостоятельности.

Амазисъ царствовалъ съ 563 по 525 годъ до р. Х. и, подобно царямъ низложенной имъ династіи, имѣлъ резиденціею Саисъ. Онъ возстановилъ порядокъ, потрясенный насильственной перемѣной династіи, сильною рукою управлялъ Египтомъ, и, по примѣру своихъ ближайшихъ предшественниковъ, вскорѣ составилъ себѣ греческое наемное войско. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ не могъ не видѣть, что греки были гораздо искуснѣе въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ египетская военная каста. Онъ также всячески старался оживить торговлю, заключалъ для этого союзы съ различными греческими государствами, и вообще поощрялъ сношенія съ греками больше, чѣмъ всѣ прежніе египетскіе цари. Амазисъ позволилъ имъ не только поселиться въ странѣ для торговли, но даже строить себѣ храмы и открыто отправлять богослуженіе; онъ самъ сдѣлалъ нѣкоторымъ храмамъ Греціи дорогіе подарки и прислалъ, напримѣръ, весьма значительную сумму для возстановленія знаменитаго дельфійскаго храма. Изъ его греческихъ союзниковъ всѣхъ болѣе прославился Поликратъ, владѣтель острова Самоса. Этотъ человѣкъ такъ удачно велъ всѣ свои предпріятія, что его другъ Амазисъ былъ даже встревоженъ этихъ. Убѣжденный въ непрочности всего земнаго, въ томъ, что человѣкъ не можетъ быть постоянно счастливъ, и

тѣмъ тяжелѣе поражается неизбѣжнымъ горемъ, чѣмъ болѣе счастія выпало ему на долю, — Амазисъ упрашивалъ Поликрата самому причинить себѣ несчастіе, чтобы такимъ образомъ удовлетворить завистливую судьбу и доставить себѣ ту очередующуюся смѣсь страданія и радостей, изъ которой необходимо должна состоять жизнь. Поликратъ послѣдовалъ совѣту, и бросилъ въ море величайшее свое сокровище дорогое кольцо. Чрезъ нѣсколько дней одинъ рыбакъ принесъ ему въ подарокъ какую то пойманную имъ рѣдкую рыбу, и, когда ее стали варить, въ ней нашли брошенное кольцо. Поликратъ счелъ это за знакъ особенной милости боговъ, и въ этомъ смыслѣ написалъ Амазису письмо. Но Амазисъ тогда испугался еще болѣе и еще тверже укрѣпился въ своей мысли, что избытокъ счастія долженъ впослѣдствіи подвергнуть Поликрата тѣмъ большему бѣдствію. Онъ даже объявилъ Поликрату, что отказывается отъ его дружбы, чтобы, — какъ говоритъ разсказывающій эту исторію греческій писатель Геродотъ, — избавить себя отъ скорби, которую ему пришлось бы ощутить, если бы несчастіе постигло Поликрата, пока тотъ еще продолжалъ оставаться его другомъ. И день несчастія дѣйствительно наступилъ для владыки Самоса. Одинъ персъ хитростью лишилъ Поликрата власти и задушилъ его. Хотя Геродотъ, справедливо признающій въ судьбѣ Поликрата поразительный примѣръ непостоянства счастія, и говоритъ, что чисто человѣческія причины побудили Амазиса разорвать дружбу съ нимъ, но, нѣтъ сомнѣнія, что тутъ дѣло не обошлось безъ какихъ нибудь, недошедшихъ до насъ, политическихъ отношеній.

Всѣ извѣстія сходятся въ томъ, что подъ управленіемъ Амазиса Египетъ благоденствовалъ. Его благосостояніе значительно развилось и доставило Амазису средства украсить нѣкоторые города, и особенно Мемфисъ и Саисъ, величественными зданіями и увеличить великолѣпіе многихъ храмовъ новыми статуями. Но и Египетъ долженъ былъ испытать прихотливый нравъ счастія и измѣнчивость всего земнаго; потому что, еще въ правленіе Ама-

зиса, разыгралась буря, лишившая страну независимости. Въ Азіи въ это время была основана Киромъ огромная Персидская монархія, второй властитель которой, Камбисъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, рѣшился покорить Египетъ. Смерть избавила самаго Амазиса отъ грозившей опасности, но еще до этого Камбисъ окончилъ почти всѣ приготовленія къ походу, и чрезъ полгода Египетъ уже былъ персидской провинціей. Финикіяне, — вѣроятно изъ зависти къ цвѣтущей торговлѣ грековъ, покровительствуемыхъ Амазисомъ, — Поликратъ Самосскій и жители Кипра, когда то покоренные Амазисомъ, добровольно присоединились къ врагамъ его, и поддержали персовъ своимъ флотомъ. Одинъ изъ предводителей греческихъ наемныхъ войскъ, обиженный Амазисомъ, бѣжалъ къ Камбису и своимъ знаніемъ положенія дѣлъ въ Египтѣ много помогъ персамъ, при составленіи плана кампаніи.

Можно сказать, что сынъ Амазиса, Псамменитъ, вступилъ на престолъ только за тѣмъ, чтобы уступить его персамъ, потому что, едва прошло шесть мѣсяцевъ со смерти отца его, какъ онъ уже былъ плѣнникомъ персидскаго царя (525 до р. X.). Персы двинулись въ Египетъ сухимъ путемъ, и потому Псамменитъ расположился лагеремъ на восточной границѣ государства при городѣ Пелузіумѣ. Здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ, послѣ долгаго и упорнаго боя, египтяне были разбиты. Черезъ семьдесятъ лѣтъ, греческій историкъ, Геродотъ, видѣлъ еще это поле усѣяннымъ костями убитыхъ. Онъ считалъ возможнымъ отличать между ними персовъ по хрупкости ихъ черепа, сравнительно съ твердымъ, какъ камень, черепомъ египтянъ. Ему объясняли эту разницу тѣмъ, что персы постоянно покрывали головы тогда какъ въ Египтѣ низшія сословія съ молодыхъ лѣтъ брили голову и подвергали ее дѣйствію воздуха и солнечныхъ лучей. Разбитая армія египтянъ потянулась назадъ къ Мемфису и заперлась тамъ, но Камбисъ овладѣлъ городомъ и взялъ въ плѣнъ царя и все войско. До паденія города, египтяне убили присланнаго къ нимъ персидскаго парламентера, вмѣстѣ со всѣмъ эки-

пажемъ корабля, на которомъ онъ пріѣхалъ. По этому, весьма вѣроятно, что очень многіе молодые египтяне были казнены въ Мемфисѣ, по приговору персидскихъ войсковыхъ судей. Съ царемъ Псамменитомъ Камбисъ поступилъ также милостиво какъ это всегда дѣлали персы отдаленнѣйшаго періода съ побѣжденными государями. Онъ получилъ владѣніе въ окрестностяхъ персидскаго города Сузы, съ позволеніемъ привести туда, для своего развлеченія, шесть тысячъ, имъ самимъ выбранныхъ египтянъ. По другому, гораздо менѣе правдоподобному, извѣстію, онъ подвергся болѣе жестокой участи. Говорятъ, что, вмѣстѣ съ упомянутыми выше молодыми египтянами, былъ казненъ и единственный сынъ Псамменита. Псамменитъ видѣлъ какъ его вели въ оковахъ, но не пролилъ при этомъ ни одной слезы. Онъ сохранилъ такое же наружное спокойствіе и при видѣ своей дочери, которая въ одеждѣ невольницы проходила подъ его окнами. Но, увидѣвъ одного престарѣлаго и любимаго имъ египтянина, лишеннымъ имущества и просящимъ милостыню, — онъ заплакалъ объ его участи. Узнавъ объ этомъ, Камбисъ приказалъ спросить Псамменита о причинахъ его страннаго поведенія. Псамменитъ отвѣтилъ, что онъ могъ проливать слезы о несчастіи друга, но что скорбь его о дѣтяхъ была такъ велика, что онъ не могъ плакать. Тогда Камбисъ почувствовалъ состраданіе и сталъ не только ласково обращаться съ Псамменитомъ, но даже сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ въ Египтѣ. Однако, вскорѣ послѣ того Псамменитъ составилъ заговоръ, и потому былъ казненъ.

Впослѣдствіи египтяне приписывали персидскому царю и много другихъ варварскихъ поступковъ. Говорятъ, напримѣръ, что онъ ограбилъ и разрушилъ множество храмовъ и кладбищъ, и ругался надъ религіозными понятіями и обычаями египтянъ. Но эти разсказы очевидно частью выдуманы, частью преувеличены, и объясняются сильной ненавистью къ нему даже позднѣйшихъ египтянъ. Разсказываютъ, между прочимъ, что въ Саисѣ онъ приказалъ открыть гробъ Амазиса и выбросить трупъ этого царя.

Такъ же варварски поступилъ онъ, будто бы, когда вернулся изъ неудачнаго похода въ пустыню, и засталъ мемфисское населеніе празднующимъ рожденіе священнаго быка. Быкъ этотъ былъ зарѣзанъ, жрецы преданы бичеванію, а жители подверглись всякаго рода насиліямъ. Камбисъ хотѣлъ также покорить оазъ Сиуа или Аммоніумъ, и съ этой цѣлью отправилъ туда часть своего войска; но отрядъ этотъ заблудился въ пустынѣ и погибъ до послѣдняго человѣка, неизвѣстно гдѣ и какъ. Самъ Камбисъ съ большей частью оставшагося у него войска пошелъ въ Эѳіопію, для завоеванія одного тамошняго негрскаго государства; но и этотъ походъ былъ немногимъ счастливѣе. Взятые въ путь запасы истощились въ нѣсколько дней, и персы должны были питаться мясомъ вьючныхъ животныхъ и встрѣчавшимися травами и кореньями; наконецъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи стали по жребію выбирать даже людей на съѣденіе. Тогда Камбисъ отказался отъ своего плана и поспѣшилъ назадъ въ Египетъ.

Египетъ оставался персидской провинціей впродолженіи двухъ вѣковъ. Затѣмъ, когда Александръ Великій произвелъ переворотъ на всемъ востокѣ историческаго міра, онъ снова на нѣкоторое время сталъ свободенъ, подъ управленіемъ династіи греческихъ царей. Древній бытъ египтянъ хотя и продолжалъ существовать во все время персидскаго владычества и даже долгое время спустя, но никогда уже не достигалъ прежняго своего значенія. Египетъ былъ однимъ изъ тѣхъ первобытныхъ государствъ, развитіе которыхъ было дѣломъ исключительно одной жреческой касты, а тогда уже наступилъ новый періодъ міровой жизни, въ которомъ могло процвѣтать только то, что соотвѣтствовало духу времени. Общественные принципы и формы, господствовавшіе въ Египтѣ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, уже не подходили къ духу новаго времени; и потому первобытная цивилизація этой страны осталась тѣмъ же, чѣмъ была со временъ завоеванія его персами, — т. е. грудой развалинъ, гдѣ жизнь открывается только ищущему назиданія историку.

Въ Египтѣ, также какъ и въ большей части первобытныхъ государствъ, характеристическою чертою общественнаго быта было преобладаніе жрецовъ и кастовое устройство. О числѣ кастъ въ Египтѣ существуютъ весьма различныя мнѣнія. Можно однако положительно сказать, что главныхъ кастъ тамъ было всегда четыре; всѣ же остальныя были только подраздѣленія ихъ и корпораціи. Жрецы и воины составляли двѣ первыя и знатнѣйшія касты. Остальныя двѣ заключали въ себѣ всю массу трудящагося класса, но нельзя опредѣлить гдѣ проходила между ними раздѣльная черта, потому что древніе писатели въ этомъ отношеніи противорѣчатъ другъ другу. Каста жрецовъ была почетнѣйшею и своимъ преобладающимъ вліяніемъ господствовала надъ всѣми остальными. Къ ней принадлежали жрецы и всѣ служители культа. Она одна обладала всѣми тайнами религіи, знаніями науки и глубокими познаніями въ искусствахъ. Занимая, кромѣ того, всѣ судебныя мѣста и высшія должности по всѣмъ отраслямъ управленія, и составляя въ то же время верховный совѣтъ государя, жрецы, такимъ образомъ, давали направленіе всей общественной жизни. Самъ царь, при вступленіи на престолъ, дѣлался членомъ жреческой касты. Совершенная независимость ея положенія обезпечивалась и тѣмъ, что она владѣла особенными землями, освобожденными отъ налоговъ, и составлявшими, говорятъ, цѣлую треть плодороднаго пространства Египта. Главою касты былъ первосвященникъ—важнѣйшее лицо въ государствѣ, послѣ царя. Затѣмъ жрецы имѣли особенныя духовныя коллегіи или академіи, изъ которыхъ самыя знаменитыя были въ Ѳивахъ, Мемфисѣ и Геліополисѣ. Всѣ высшія судебныя мѣста замѣщались не иначе, какъ членами этихъ коллегій. Жрецы распадались на нѣсколько отдѣловъ, болѣе или менѣе почетныхъ, смотря по божествамъ, которымъ они служили, и по роду своихъ занятій. Сверхъ того, существовало нѣсколько степеней посвященія въ тайны религіи и каждый жрецъ могъ проходить ихъ не иначе, какъ одну за другой. Значеніе жрецовъ зависѣло отъ той степени, къ которой они принадлежали, но

достигшихъ высшей степени посвященія всегда было очень немного. Въ эти же религіозныя тайны постоянно посвящались и вступавшіе на престолъ цари. Кромѣ царя, онѣ не могли быть открыты ни одному лицу другой касты. Только въ позднѣйшее время отъ этого правила стали дѣлать отступленія, но и тогда свѣтскіе люди допускались только къ нисшимъ степенямъ посвященія. Новѣйшія изысканія доказали, что у египтянъ жреческимъ саномъ могли быть облечены и женщины изъ жреческой касты или изъ царской фамиліи. Жрецы жили въ зданіяхъ, принадлежавшихъ къ храмамъ тѣхъ божествъ, которымъ они служили. Всѣ они должны были исполнять извѣстныя обязанности, предписанныя только членамъ ихъ касты. Такимъ образомъ, важнѣйшей внѣшней добродѣтелью ихъ была опрятность, поэтому они не имѣли права носить шерстяныхъ тканей, и должны были брить волосы на всемъ тѣлѣ. На египетскихъ картинныхъ изображеніяхъ всегда можно узнать жреца по бритому темени и лицу.

Слѣдующей, по значенію, кастой была военная. Она пользовалась въ Египтѣ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ какое обыкновенно имѣетъ это сословіе въ клерикальныхъ государствахъ, потому что Египетъ былъ богатой страною, окруженный бѣдными и грубыми племенами, постоянно грозившими ему нападеніемъ. Военная каста зависѣла исключительно отъ царя, и этимъ самымъ давала ему силу, безъ которой онъ необходимо сдѣлался бы простымъ орудіемъ въ рукахъ жрецовъ. Военная каста также была освобождена отъ налоговъ и владѣла землями, раздѣленными между ея членами, которые во время войны получали, говорятъ, еще особенное жалова́нье. По извѣстіямъ греческихъ писателей, воиновъ было болѣе 400,000, но въ мирное время на службѣ находилось не болѣе 180,000. Они были расположены по разнымъ городамъ и пограничнымъ крѣпостямъ, часто перемѣщались съ мѣста на мѣсто и, прослуживъ извѣстный срокъ, увольнялись по домамъ. Въ военномъ отношеніи страна дѣлилась на двѣ части; воины, поселенные въ одной изъ нихъ, назывались калазирійцами, а въ другой гер-

мотибійцами. Главное начальство надъ войскомъ во время войны принадлежало обыкновенно самому царю; полководцами были члены царской фамиліи и знатныя лица изъ военной касты. Въ случаѣ большихъ войнъ, войска набирались также въ покоренныхъ областяхъ. Армія состояла изъ пѣхоты и колесницъ. Въ безчисленныхъ изображеніяхъ египетскихъ войскъ, встрѣчающихся на древнихъ памятникахъ, нѣтъ ни одного всадника, хотя верховая ѣзда была въ употребленіи и египетскія лошади славились въ древности даже за предѣлами страны. Впрочемъ, такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ и въ другихъ источникахъ часто упоминается объ египетскихъ всадникахъ, то нужно допустить, что у древнихъ египтянъ существовалъ и этотъ родъ войска, но только имѣлъ второстепенное значеніе. Главною частью были стрѣлки, вооруженные луками и дѣйствовавшіе какъ въ сомкнутомъ строю такъ и съ колесницъ. Колесницы были двуколесныя и устроены такъ, что на нихъ можно было только стоять. Оружіе состояло изъ латъ, щитовъ, шлемовъ, мечей, пикъ, метательныхъ копій, боевыхъ топоровъ, палицъ и пращей; военная музыка — изъ трубъ и барабановъ. Въ египетской арміи употреблялись также знамена и значки съ весьма различными изображеніями.

Остальныя двѣ касты, которыя можно назвать народными, состояли изъ податной и подчиненной массы населенія. Къ нимъ принадлежало торговое сословіе и весь трудящійся классъ, начиная отъ земледѣльцевъ, — самаго почетнаго въ Египтѣ рабочаго сословія, — до пастуховъ, занятіе которыхъ считалось самымъ низкимъ, и между которыми свинопасы были въ особенномъ презрѣніи. У египтянъ были также бѣлые и черные рабы, которыми дѣлались не одни военноплѣнные, но и покупавшіеся въ другихъ странахъ невольники, какъ это мы видимъ изъ исторіи Іосифа. Покоренные народы, большею частью, считались какъ бы собственностью государства и употреблялись на общественныя работы.

Кастовой бытъ такъ глубоко укоренился въ египетскомъ народѣ и такъ тѣсно слился съ его взглядами и привычками, что

держался еще цѣлыя три столѣтія послѣ паденія независимости Египта; держался и прежде, не смотря на частыя ссоры между двумя высшими кастами и царемъ. Въ древности ссоры эти едва не довели однажды до междоусобной войны между воинами и жрецами, вслѣдствіе стремленія послѣднихъ завладѣть свѣтскою властію, а при Псамметихѣ значительная часть военной касты выселилась изъ Египта, оскорбленная тѣмъ, что этотъ государь основалъ свою власть при содѣйствіи иноземныхъ войскъ.

Во главѣ государства стоялъ царь, принадлежавшій къ кастѣ воиновъ, но при вступленіи на престолъ принимавшійся въ касту жрецовъ. Онъ былъ въ одно и тоже время главою государства и главою религіи, потому что въ Египтѣ религія и государство были нераздѣльны. Престолъ былъ наслѣдственный, и, повидимому, царь пользовался неограниченною властью, но въ сущности онъ былъ связанъ жрецами, занимавшими мѣста первыхъ сановниковъ, нравами, обычаями и древними законами страны, считавшимися у народа священными, установленными божествомъ. Нѣкоторые изъ этихъ древнихъ законовъ касались даже частной жизни царя. Его занятія и удовольствія были ему предписаны на каждый день и на каждый часъ. Даже ежедневная пища не зависѣла отъ его выбора, и вино, которое въ древнемъ Египтѣ всѣ пили охотно, было или совершенно запрещено царю или разрѣшено ему лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности царская власть была очень ограничена. Но съ другой стороны, благодаря особеннымъ условіямъ общественнаго быта, энергическій правитель могъ всегда пріобрѣсть гораздо большую и самостоятельную власть. Дѣйствительно, военная каста была подчинена не жрецамъ, а непосредственно царю; сосѣдство же дикихъ народовъ часто заставляло египтянъ вести войны. Такимъ образомъ, если счастливый походъ пріобрѣталъ царю расположеніе военной касты, то, опираясь на нее, онъ могъ сломить вліяніе духовенства и царствовать по своему произволу. Напримѣръ, во времена Іосифа, египетскій царь такъ мало зависѣлъ отъ жрецовъ

и такъ мало подчинялся старымъ обычаямъ, что могъ сдѣлать иностранца своимъ министромъ!

Какъ и вездѣ на востокѣ, царь былъ предметомъ глубочайшаго благоговѣнія, и, при вступленіи на престолъ, былъ весьма торжественно посвящаемъ въ свой новый санъ. Особенная одежда, посохъ и носимый надъ нимъ вѣеръ изъ страусовыхъ перьевъ — были главными знаками царскаго достоинства. Въ живописи и скульптурѣ, также какъ и на царскихъ знаменахъ, достоинство царя аллегорически изображалось посредствомъ ястреба и державы. Это были собственно эмблематическіе знаки солнца и этимъ выражалась мысль, что царь господствуетъ на землѣ, какъ солнце на небѣ. Отсюда явилось, такъ часто употребляемое въ библіи, имя фараонъ, или собственно фра, которое по египетски значило солнце. Царскій дворецъ находился вблизи храма и имѣлъ съ нимъ сообщеніе. Хотя онъ состоялъ изъ многихъ и прекрасныхъ зданій, но все же не былъ такъ великолѣпенъ, какъ строенія, предназначавшіяся для погребенія царей. Впрочемъ, почетъ, отдаваемый умершему царю, заключался не въ одномъ только блестящемъ украшеніи его тѣла и гробницы. Вся страна въ этомъ случаѣ носила въ теченіе 72 дней трауръ, впродолженіе котораго всѣ храмы были заперты, народъ носилъ траурныя одежды, совершалъ молитвы и не употреблялъ мяса и вина. По окончаніи этого траура, происходилъ весьма странный обрядъ. Набальзамированное тѣло царя ставилось при входѣ въ склепъ, вокругъ собирался народъ и жрецъ говорилъ похвальное слово покойнику. Если народъ былъ недоволенъ его правленіемъ и принималъ рѣчь съ ропотомъ, царь лишался чести быть погребеннымъ въ царскомъ склепѣ, и тогда его хоронили вмѣстѣ съ прочими.

Администрація Египта была очень проста. Страна была раздѣлена на, такъ называемые, номы или округи, въ каждомъ изъ которыхъ находилось должностное лицо, завѣдывавшее всѣми дѣлами по управленію. Номы въ свою очередь дѣлились на другія меньшія части, управлявшіяся подобнымъ же образомъ. О законо-

дательной дѣятельности въ Египтѣ мы не имѣемъ свѣдѣній; но, кажется что новыя статьи или дополненія закона появлялись чрезвычайно рѣдко. О содержаніи законовъ мы знаемъ многое, что можетъ дать намъ понятіе объ оригинальномъ взглядѣ древнихъ египтянъ на право. Основной принципъ египетскаго законодательства заключался въ томъ, что нужно лишать преступника возможности повторить свое преступленіе. По этому, напримѣръ, составителей фальшивыхъ актовъ или дѣлателей фальшивой монеты лишали орудій ихъ преступленія, т. е. обѣихъ рукъ, а за выдачу непріятелю государственной тайны отрѣзывали языкъ. Другое основное начало заключалось въ томъ, что должно предупреждать преступленія, и что всякій, кто пренебрегъ этой обязанностью, подлежитъ наказанію. Сообразно съ этимъ, всякаго кто видѣлъ совершеніе убійства, и не старался ему препятствовать, наказывали, также какъ и убійцу. Каждый имѣлъ не только право, но и обязанность доносить о всякомъ преступленіи, котораго былъ свидѣтелемъ; не исполнившихъ этого подвергали тѣлесному наказанію и трехсуточному лишенію пищи. Ложнаго доносчика приговаривали къ тому наказанію, какое было опредѣлено за преступленіе, о которомъ онъ доносилъ. Третья особенность египетскаго законодательства заключалась въ томъ, что можно было обвинить человѣка судебнымъ порядкомъ даже послѣ смерти. Въ случаѣ доказательства преступленія, покойникъ лишался чести погребенія. По египетскимъ законамъ, убійство наказывалось строже, чѣмъ у грековъ и римлянъ. Даже за убійство раба, если только оно было совершено съ умысломъ, полагалась смертная казнь. Родители, убивавшіе собственныхъ дѣтей, наказывались только тѣмъ, что три дня и три ночи сряду должны были, подъ надзоромъ воиновъ, держать на рукахъ трупъ своего ребенка. Это исключеніе было сдѣлано, повидимому, на основаніи той мысли, что тотъ кто убиваетъ существо, которому самъ далъ жизнь, не такъ виноватъ, какъ убійца другаго человѣка. — Судопроизводство древняго Египта отличалось тѣмъ стран-

нымъ установленіемъ, что истецъ и отвѣтчикъ хотя и являлись въ судъ вмѣстѣ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права говорить въ судѣ. Первый подавалъ свою жалобу письменно, второй точно также подавалъ свое оправданіе, и за тѣмъ обѣимъ сторонамъ объявлялся приговоръ.

Образъ жизни нисшихъ классовъ былъ простъ и сообразенъ съ климатомъ. Обыкновенный хлѣбъ, остатки котораго въ новѣйшее время были найдены въ склепахъ, приготовлялся изъ дурры или индійскаго проса. Кромѣ того дѣлали хлѣбъ изъ другихъ зеренъ и изъ сѣмени лотуса, болотнаго растенія, корень котораго также употреблялся въ пищу. Затѣмъ, пища состояла главнымъ образомъ изъ разнаго рода мяса, фруктовъ и множества овощей; свинина была запрещена. Высшія сословія пили очень много вина и особый родъ пива, приготовлявшагося изъ ячменя. Обыкновеннымъ питьемъ была нильская вода, которая и теперь еще считается очень здоровой. На время наводненія, когда Нилъ былъ мутенъ, египтяне составляли запасы воды, которую держали въ особенныхъ сосудахъ. Жилища многихъ лицъ изъ высшихъ сословій были отдѣланы съ большимъ великолѣпіемъ и снабжены самой разнообразной мебелью. Судя по изображеніямъ на памятникахъ, надобно также думать, что египтяне имѣли бо́льшіе и прекрасно расположенные сады.

Женщины пользовались бо́льшею независимостью и свободою, нежели вообще на востокѣ. Многоженство было однако позволено, но примѣры его встрѣчались рѣдко. Вопреки господствующему на востокѣ обычаю, женщины могли также являться въ обществѣ вмѣстѣ съ мущинами.

Религія египтянъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, была очень проста и состояла въ поклоненіи единому, невидимому, высшему существу, и многочисленные боги, обожаемые египтянами, были не что иное, какъ олицетворенія различныхъ свойствъ и проявленій этого существа. Такимъ образомъ, религія эта имѣла характеръ исключительно эмблематическій, символическій. Но такъ по-

нимали ее только тѣ немногіе жрецы, которые достигали до полнаго посвященія въ тайны египетской религіи. Масса народа, напротивъ, была убѣждена въ дѣйствительномъ существованіи всѣхъ этихъ боговъ, вѣрила буквальному значенію тѣхъ миѳовъ, какіе про нихъ разсказывали, и которые должны бы были только служить ей аллегорическимъ представленіемъ догматовъ, — и, такимъ образомъ, пришла къ чистому идолопоклонству. Жрецы, умышленно скрывая отъ народа истину, развили въ немъ суевѣріе, усилившееся еще вслѣдствіе идей о загробной жизни, побуждавшихъ народъ заботиться о строгомъ исполненіи всѣхъ мелочныхъ религіозныхъ обрядовъ. Египетская религія исказилась, наконецъ, до того, что стала предметомъ отвращенія, даже для языческихъ народовъ древности, и совершенно утратила свою первоначальную чистоту. Египтяне вѣрили въ переселеніе душъ, и, по ихъ понятіямъ, каждая человѣческая душа до своего рожденія странствуетъ по тѣламъ различныхъ животныхъ, а послѣ смерти нисходитъ въ преисподнюю, называемую Аменти, гдѣ ее судитъ богъ подземнаго міра, Озирисъ. Если она окажется чистой и доброй, то переходитъ въ лучшій міръ, гдѣ пользуется полнымъ блаженствомъ. Въ противномъ случаѣ, она въ извѣстной части ада подвергается разнымъ мукамъ, потомъ переходитъ въ тѣла различныхъ животныхъ и, пространствовавъ такимъ образомъ по меньшей мѣрѣ 3000 лѣтъ, снова возвращается въ прежнее свое человѣческое тѣло.

Высшее существо, принадлежности и свойства котораго, по тайному ученію жрецовъ, были олицетворены многочисленными богами, которымъ поклонялись египтяне, — само не имѣло у нихъ никакого имени, и не могло быть изображаемо ни въ какомъ видѣ. Кромѣ того, египтяне имѣли 8 великихъ боговъ и множество мелкихъ и поклонялись еще особеннымъ, покровительствующимъ божествамъ городовъ, разныхъ мѣстностей, мѣсяцевъ и дней.

Былъ также и богъ зла—Тифонъ. Сильнѣе и распространеннѣе всего было поклоненіе Озирису и Изидѣ, которые потому такъ и прославились за предѣлами Египта. Еще писатели древности

были несогласны между собою относительно идей представляемыхъ различными божествами. Озириса и Изиду, напримѣръ, считали, то солнцемъ и луной, то солнцемъ и природой, то олицетвореніемъ оплодотворяющей воды Нила и земли. Положительное рѣшеніе подобныхъ вопросовъ затрудняется тѣмъ, что египтяне часто придавали аттрибуты одного божества другому.

Храмы обыкновенно посвящались нѣсколькимъ богамъ вмѣстѣ; вслѣдствіе этого, египетскіе боги раздѣлялись на многія группы, которыя въ различныхъ городахъ составлялись различно.

Общими отличительными чертами или аттрибутами боговъ, которые почти всегда можно отыскать на изображеніяхъ, были: скипетръ, такъ называемый ключь Нила, и у боговъ мужескаго пола поднятая къ верху косичка бороды. Такъ называемый нильскій ключь состоитъ изъ палки съ прикрѣпленной къ верхнему концу поперечной палкой, составляющей съ первой фигуру большаго Т. Боги изображаются держащими его одной рукой за рукоятку, придѣланную къ поперечной палкѣ. Этотъ аттрибутъ былъ символомъ жизни. Ученые держались прежде ложнаго мнѣнія, будто онъ изображаетъ благодѣяніе, оказываемое божествомъ Египту, посредствомъ ежегодныхъ разливовъ Нила, и потому дали ему названіе нильскаго ключа. — Боги изображались въ трехъ видахъ: или въ чисто человѣческомъ образѣ, къ которому тогда присоединяли отличительные аттрибуты изображаемаго божества; или съ человѣческимъ тѣломъ и головою какого нибудь животнаго, посвященнаго этому божеству; или, наконецъ, въ полномъ образѣ этого животнаго, украшеннаго въ такомъ случаѣ общими аттрибутами. Признаніе животныхъ священными и поклоненіе имъ имѣло, вѣроятно, различныя причины, и главнымъ образомъ: пользу, приносимую ими человѣку, вѣрованіе въ переселеніе душъ и, наконецъ, мысль что нѣкоторыя животныя, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, могутъ считаться аллегорическимъ изображеніемъ извѣстныхъ свойствъ боговъ. Священныхъ животныхъ было множество, также какъ и священныхъ растеній. Важнѣйшимъ изъ первыхъ былъ,

рождавшійся съ особеннымъ знакомъ, быкъ Аписъ. — Богослуженіе египтянъ отличалось торжественностью, но многіе изъ обрядовъ были отвратительны. Религіозные праздники и процессіи повторялись весьма часто. Постройка храмовъ и изображеніе различныхъ миѳовъ стоили громадныхъ суммъ, и поглощали всю дѣятельность и силу трудящагося населенія Египта.

Съ религіей египтянъ было тѣсно связано и, употреблявшееся у нихъ, бальзамированіе труповъ. Одинъ французскій ученый въ новѣйшее время выразилъ мнѣніе, что жрецы въ глубокой древности ввели этотъ обычай, заботясь о здоровьи живыхъ. Ежегодные разливы Нила, размягчая почву до извѣстной глубины, производятъ быстрое гніеніе тѣлъ, которое распространяетъ въ воздухѣ заразительныя міазмы. Чтобы предупредить могущія произойти отъ этого болѣзни, и былъ введенъ, по мнѣнію этого ученаго, обычай бальзамировать тѣла людей и всего чаще встрѣчающихся въ Египтѣ животныхъ. Но хитрые жрецы скрыли дѣйствительную причину обычая, и связали его съ религіей, такъ какъ она лучше, нежели строгость гражданскихъ законовъ, обезпечиваетъ исполненіе данныхъ народу постановленій. Доказательства своего мнѣнія этотъ ученый видитъ въ томъ, что чума, теперь такъ часто свирѣпствующая на востокѣ, всегда начинается въ Египтѣ, и стала тамъ появляться не прежде VI вѣка нашей эры, когда впервые окончательно прекратился обычай бальзамированія, и что, наконецъ, эта губительная болѣзнь никогда не посѣщала верхняго Египта, гдѣ Нилъ уже давно не выступаетъ изъ своихъ береговъ. Но, это предположеніе не имѣетъ ни малѣйшей вѣроятности, уже по той простой причинѣ, что можно было достигнуть той же цѣли гораздо легче, хороня мертвыхъ въ ближайшей пустынѣ, гдѣ трупы скорѣе бы высыхали. Ни одинъ народъ не дѣлалъ для своихъ мертвыхъ такъ много, какъ египтяне, ни одинъ такъ не заботился объ ихъ сохраненіи, ни одинъ не соединялъ такъ близко столь противоположныя во всѣхъ отношеніяхъ понятія жизни и смерти. Поэтому невозможно, чтобы чисто внѣшняя причина

привела къ обычаю бальзамированія; и хотя мы не знаемъ положительно какъ онъ возникъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ тѣсное соотношеніе съ внутреннимъ бытомъ египетскаго народа, съ его самобытнымъ взглядомъ на жизнь и его религіозными понятіями. Вѣроятно что обычай этотъ возникъ подъ вліяніемъ вѣрованія въ возвращеніе души въ прежнее тѣло.

Способъ бальзамированія былъ различенъ, смотря по состоянію семейства умершаго. Тѣла бѣдняковъ просто погружались на нѣсколько недѣль въ жидкость, устранявшую гніеніе, и завертывались въ какую нибудь грубую ткань или рогожу. Напротивъ того, трупы богатыхъ предохранялись отъ гніенія самыми дорогими химическими веществами, завертывались въ тонкое полотно и клались въ изящно украшенные каменные или деревянные гробы. Муміи бѣдныхъ помѣщались въ общественныхъ склепахъ, а у богатыхъ устроивались для этого особенные склепы, иногда состоявшіе изъ нѣсколькихъ комнатъ, и богато украшенные живописью и скульптурной работой. Помѣщеніе, гдѣ клалась мумія, было, по мнѣнію египтянъ, настоящимъ жилищемъ человѣка, тогда какъ дома, занимаемые людьми при жизни, служатъ имъ не болѣе, какъ временнымъ пристанищемъ. И до сихъ поръ еще находятъ множество мумій въ египетскихъ склепахъ. Самые богатые изъ нихъ уже давно открыты и ограблены, а муміями арабы въ верхнемъ Египтѣ уже давно пользуются какъ дешевымъ топливомъ, замѣняющимъ весьма рѣдкое въ томъ краѣ дерево. Родственники умершихъ приносили имъ жертвы и вообще ихъ считали поддерживающими нѣкоторую связь съ своими семействами, до тѣхъ поръ, пока не распадалось ихъ тѣло. Пренебреженіе родственниковъ къ ихъ памяти считалось безчестіемъ. Пиры египтянъ часто сопровождались обыкновеніемъ, доказывающимъ до какой степени этотъ народъ свыкся съ мыслью о смерти и какъ серьезно глядѣлъ онъ на жизнь. Въ самомъ разгарѣ пира, мимо гостей проносили неожиданно деревянное изображеніе муміи, а иногда и настоящую мумію. И это дѣлалось не за тѣмъ, чтобы, какъ думаютъ нѣкоторые,

напомнить, что жизнь коротка и что ею должно наслаждаться, но для того, чтобы понудить присутствующихъ къ умѣренности и возбудить въ нихъ мысль о высшихъ цѣляхъ жизни.

Наука въ Египтѣ была предоставлена жрецамъ, которые одни только и занимались ею. Это ограниченіе предѣловъ высшаго образованія одной только частью націи съ самаго начала стѣснило его развитіе. Другія препятствія къ этому заключались въ высокой цѣнѣ письменнаго матеріала и въ свойствахъ письменъ. Египтяне еще въ первобытныя времена изобрѣли бумагу, вошедшую въ употребленіе и за предѣлами Египта. Сами египтяне пользовались только ею, да и въ цивилизованныхъ странахъ Европы она держалась весьма долго, пока наконецъ, во II вѣкѣ до р. Х., была совершенно вытѣснена пергаментомъ. Она приготовлялась изъ водяного растенія, которое называется папирусомъ. Стволъ его разрѣзывался на тонкія пластинки, которыя склеивались вмѣстѣ. Имя этого растенія не только стало именемъ бумаги египтянъ, но и перешло въ языки образованныхъ народовъ запада, для обозначенія различныхъ письменныхъ матеріаловъ.

У египтянъ было три рода письменъ: гіероглифическое письмо, гіератическое и демотическое или обыкновенное. Эти три рода письменъ образовались послѣдовательно одинъ изъ другаго. Первоначальное гіероглифическое письмо было рисованіемъ и состояло изъ фигуръ предметовъ, о которыхъ шла рѣчь. Въ сохранившихся египетскихъ письменахъ насчиваютъ до 800 такихъ фигуръ. Гіератическое письмо было только сокращеніемъ гіероглифическаго и первымъ переходомъ египтянъ отъ рисованія къ письму. Вмѣсто того чтобы рисовать цѣлую фигуру, стали ограничиваться одною только частью ея, — изображали, напримѣръ, вмѣсто цѣлаго льва, одну только заднюю часть его тѣла. Демотическое письмо есть въ свою очередь сокращеніе гіератическаго, и возникло вслѣдствіе необходимости имѣть для вседневнаго употребленія болѣе скорый видъ письма. Знаки были не только упрощены, но и число ихъ значительно сокращено по срав-

ненію съ гіератическимъ письмомъ, гдѣ ихъ почти также много какъ въ гіероглифическомъ. Легко понять, что посредствомъ гіероглифовъ въ ихъ первоначальномъ видѣ нельзя написать и одной фразы. Поэтому еще въ древности египтяне должны были въ своихъ гіероглифахъ прибавить къ простымъ рисункамъ предметовъ другіе знаки, изображающіе понятія аллегорически или напоминающіе звукъ слова. Для изображенія однихъ собственныхъ именъ, они необходимо должны были уже рано перейти къ употребленію буквъ. Такимъ образомъ, гіероглифическое письмо еще въ раннемъ періодѣ утратило свой первоначальный характеръ и стало заключать три рода знаковъ: начертательные или простые рисунки предметовъ, аллегорическіе (напримѣръ поднятыя руки для изображенія понятія о жертвоприношеніи) и фонетическіе, т. е. выражающіе звукъ слова или отдѣльной буквы. Египетскія буквы образовались такимъ образомъ, что начертательные и аллегорическіе знаки предметовъ превратили въ начальныя буквы словъ, которымъ они соотвѣтствуютъ: напримѣръ, знакъ орла, котораго древне-египетское названіе было "агомъ„ обращенъ былъ въ букву А. Въ эту азбуку однако вошли только знаки извѣстнаго числа словъ, при чемъ ихъ приходилось по нѣскольку на каждую букву.

Такимъ образомъ, гіероглифы египтянъ отличаются отъ нашего письма бо̀льшимъ количествомъ буквъ и соединеніемъ ихъ съ начертательными или символическими значками. Въ новѣйшее время достигли, наконецъ, искусства отчасти разбирать эти письмена. Найденъ былъ камень, извѣстный подъ именемъ Розетской надписи, на которомъ были три надписи. Въ одной изъ нихъ греческой было, между прочимъ, объяснено, что остальныя двѣ содержатъ тоже самое и высѣчены одна гіероглифами, а другая демотическимъ письмомъ. Хотя, къ несчастію, начало гіероглифической надписи разрушено, но все же можно было составить гіероглифическую азбуку, отыскивая нѣсколько разъ повторяющіяся собственныя

имена, и опредѣляя отдѣльныя буквы сравненіемъ этихъ именъ между собою.

Гіероглифы вовсе не были, какъ многіе думаютъ, письменами тайными, извѣстными только жрецамъ. Писатели древности увѣряютъ, что каждый благовоспитанный человѣкъ умѣлъ читать ихъ. Кромѣ того, на домашней утвари, встрѣчаемой въ гробницахъ бѣднѣйшихъ ремесленниковъ, есть такія же гіероглифическія надписи, заставляющія думать, что и эти люди могли ихъ разбирать. Всего болѣе употреблялись гіероглифы для надписей на общественныхъ зданіяхъ. Гіератическое письмо обыкновенно употреблялось жрецами. Демотическое служило преимущественно для ежедневнаго употребленія.

Хотя у древнихъ египтянъ и существовали науки, однако степень, до которой онѣ успѣли развиться, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа высокой. Такъ, съ медициной, напримѣръ, они познакомились уже очень рано, но на этомъ поприщѣ были далеко превзойдены греками, и уже потому не могли сдѣлать въ этой наукѣ большихъ успѣховъ, что не знали химіи и не занимались анатоміей. Въ такомъ же положеніи были у нихъ и математическія науки. Хотя разливы Нила и потребность земледѣлія рано заставили египтянъ заняться землемѣріемъ, но, такъ какъ они не знали даже теоремы Пиѳагора и нѣкоторыхъ другихъ положеній начальной геометріи, то можно сказать, что эта наука у нихъ не пошла далѣе первыхъ началъ и простѣйшаго практическаго примѣненія. Система орошеній, имѣвшая для нихъ такую важность, находилась постоянно въ одномъ и томъ же положеніи. Ихъ механика была также не совершенна. Конечно, нельзя не удивляться видя, что въ Ѳивахъ, напримѣръ, есть статуя, вѣсящая 17740 центнеровъ и перевезенная туда слишкомъ за пятьдесятъ миль, или что вѣсъ другаго памятника, поставленнаго въ одномъ изъ храмовъ и высѣченнаго изъ цѣльной скалы, превосходитъ 100,000 центнеровъ. Но египтяне передвигали эти громадныя массы камня

посредствомъ множества рукъ, съ помощью только крайне простыхъ машинъ, и притомъ употребляли на это очень много времени.

Ремесла у египтянъ стояли высоко. Утварь и ткани, находимыя въ ихъ гробницахъ, доказываютъ удивительно раннее и высокое развитіе матеріальныхъ средствъ жизни. Но, мы видимъ, что и въ ремеслахъ, какъ во всемъ остальномъ, египтяне, разъ достигнувъ извѣстной степени совершенства, останавливались и не шли далѣе. Позднѣйшія ихъ произведенія были повтореніемъ прежнихъ или шагомъ назадъ. Затѣмъ, мы видимъ у нихъ распредѣленіе труда, доведенное до самыхъ мелочей. Какъ теперь у насъ на фабрикахъ каждый разрядъ рабочихъ постоянно изготовляетъ извѣстную часть предмета, такъ и въ Египтѣ каждый отдѣлъ касты изъ поколѣнія въ поколѣніе занимался одной и той же работой или только частью ея. Народъ точно пріобрѣталъ этимъ путемъ большую снаровку, но за то былъ униженъ до значенія простой машины. Произведенія египетской промышленности были очень разнообразны. Найденныя вещи доказываютъ большое разнообразіе утвари, оружія и тканей. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ были очень тонки, прочны и великолѣпны. Ихъ выдѣлывали изъ льна, шерсти, бумаги и смѣси двухъ послѣднихъ веществъ. Древніе въ особенности прославляютъ матерію по имени виссонъ, о которой мы однако не знаемъ положительно, изъ льну или бумаги она приготовлялась. Египтяне были въ совершенствѣ знакомы съ искусствомъ золоченія. Кромѣ того, въ гробницахъ найдены изображенія фабрикаціи стекла и различные стеклянные сосуды; цвѣтное стекло и поддѣльные драгоцѣнные камни также изготовлялись очень искусно. Египтяне были знакомы съ стекляннымъ фарфоромъ и эмалью. Кожи выдѣлывали они также какъ мы, умѣли вытѣснять на нихъ разные узоры и украшали ихъ рельефными фигурами. Имъ былъ извѣстенъ и родъ сафьяна, для котораго, какъ и для другихъ издѣлій, они имѣли особенный лакъ. Но, они не умѣли приготовлять и смѣшивать красокъ, изъ которыхъ всего чаще употреблялись у нихъ зеленая, красная, голубая и желтая.

Искусство египтянъ, также какъ и вся ихъ цивилизація вообще, отмѣчено тѣмъ же характеромъ застоя и недостатка прогрессивности. Какъ и все прочее, оно было поставлено въ тѣснѣйшую зависимость отъ религіи, и потому связано законами, составленными жреческою кастою. Оно служило, главнымъ образомъ, только для приданія большаго великолѣпія культу, а не для вседневной жизни вообще. Въ дѣлѣ искусства египтяне постоянно держались несовершенныхъ образцовъ своихъ предковъ; полагаютъ даже, что художникамъ было запрещено изображать предметы религіознаго содержанія иначе, чѣмъ это было принято и предписано встарину. Поэтому произведенія египетскаго искусства были до такой степени тождественны во всѣ времена, что еще Платонъ говоритъ, что тысячелѣтнія картины и статуи египтянъ ничуть не лучше и не хуже тѣхъ какія дѣлались въ его время. Произведенія разныхъ столѣтій очень часто кажутся произведеніемъ одного и того же человѣка. Даже и въ позднѣйшее время, когда Египетъ подпалъ подъ власть греческой династіи и познакомился съ твореніями греческаго искусства, — египтяне остались вѣрны своему художественному стилю и продолжали работать по образцамъ, которыхъ держались ихъ предки. Въ памятникахъ ихъ искусства замѣчается только та разница, что чѣмъ они древнѣе, тѣмъ болѣе отличаются смѣлостью плана и совершенствомъ исполненія.

Изображенія живыхъ существъ какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ, далеки отъ недостижимой красоты произведеній искусства Греціи, и обличаютъ свойственную египтянамъ неспособность сознавать и передавать идеалъ красоты въ образахъ реальнаго міра. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ не видно настоящаго характера предмета, и нѣтъ гармоніи, связывающей отдѣльныя части тѣла въ стройное цѣлое. Также плохи изображенія сценъ, въ которыхъ нѣтъ ни перспективы, ни настоящей группировки. Кромѣ того, всѣ фигуры, за весьма рѣдкими исключеніями, постоянно рисуются въ профиль. Всѣ онѣ вообще выражаютъ только какое нибудь дѣйствіе, но нигдѣ не видно настоящей

жизни, признака чувства или страсти. Воинъ, напримѣръ, отличается отъ жреца только одеждой и внѣшними признаками; лицо какого нибудь царя всегда одно и тоже, сражается ли онъ въ бою или приноситъ жертву въ храмѣ. Грація также чужда фигурамъ египетскаго искусства. Изящныя формы встрѣчаются только въ ихъ мебели и утвари, а также и въ нѣкоторыхъ архитектурныхъ украшеніяхъ. Животныя большею частью изображены вѣрнѣе и живѣе, чѣмъ люди.

Скульптура египтянъ отличается колоссальностью своихъ созданій, но страдаетъ тѣми же самыми недостатками, какъ и живопись. Ихъ барельефы, въ сущности, просто копіи съ картинъ. Большею частью ихъ и дѣлали такъ, что рисовали сначала картину на стѣнѣ, а потомъ выдалбливали камень вокругъ фигуръ. Барельефы эти также постоянно раскрашивались. — Одно созданіе ихъ фантазіи, часто повторяющееся въ египетскихъ изваяніяхъ и весьма часто упоминаемое, заслуживаетъ особеннаго описанія. Это сфинксъ, или изображеніе львинаго тѣла съ головою какого нибудь другаго животнаго или человѣческою. Всего чаще попадаются сфинксы съ человѣческими, бараньими и ястребиными головами. Первый изъ этихъ видовъ, выражавшій соединеніе мудрости и физической силы, всего чаще повторяется нашими художниками. Всѣ сфинксы вообще были символическими изображеніями царей и боговъ. Боговъ узнавали по ихъ звѣринымъ головамъ и украшеніямъ, составлявшимъ ихъ аттрибуты. На сфинксахъ, изображавшихъ царей, высѣкались съ боку ихъ имена.

Произведенія египетской архитектуры возбуждаютъ въ насъ удивленіе точно также не своею художественностью, а чудовищными размѣрами, громадностью механическаго труда и своимъ техническимъ совершенствомъ. Общественныя зданія Египта, развалины которыхъ еще и теперь удивляютъ путешественниковъ, были созданіемъ клерикальной эпохи, когда вся сила націи направлялась къ такого рода предпріятіямъ, и цѣлыя масы народа трудились надъ однимъ дѣломъ, какъ живая машина. Кромѣ

того, для такихъ построекъ пользовались еще трудомъ побѣжденныхъ, или заискивавшихъ покровительства египтянъ, народовъ. Терпѣніе и настойчивость, необходимыя для такихъ произведеній, тѣмъ удивительнѣе, что египтяне употребляли для нихъ самые твердые камни, какъ напримѣръ: гранитъ, сіенитъ и базальтъ. Можно, сверхъ того, довольно положительно сказать, что они дѣлали это въ такія времена, когда еще не имѣли желѣзныхъ инструментовъ. Безъ этихъ инсрументовъ египтяне умѣли также высѣкать съ большою тонкостью и чистотою надписи въ 2 дюйма глубины; и рѣшительно непонятно какими средствами они придавали такую твердость мѣднымъ и бронзовымъ инструментамъ.

Древнѣйшіе памятники египтянъ находятся въ верхнемъ Египтѣ. Они или высѣчены въ скалахъ, или построены изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ, или же изъ тесанныхъ камней. Послѣдніе употреблялись для постройки храмовъ, и имѣли иногда такіе громадные размѣры, что, напримѣръ, въ развалинахъ Карнакскаго дворца, есть вдѣланный въ стѣну кусокъ песчаника, имѣющій 40 футовъ длины и 5 толщины. Деревянныя зданія строились очень рѣдко, что объясняется уже однимъ недостаткомъ лѣса въ странѣ. Потолки храмовъ, за самыми рѣдкими исключеніями, дѣлались изъ горизонтально положенныхъ плитъ. Искусство кладки сводовъ было примѣнено въ Египтѣ лишь незадолго до завоеванія его персами. Многіе, несмотря на это, полагаютъ, что египтяне были знакомы съ этимъ искусствомъ и прежде, но какъ бы ни было, достовѣрно покрайней мѣрѣ, что своды не появлялись ранѣе и что вообще сводчатая форма совершенно не входила въ египетскую архитектуру. Стѣны почти всѣхъ египетскихъ зданій, снаружи и внутри, разукрашены яркими цвѣтами, и очень часто покрыты раскрашенными фигурами и надписями. Колонны составляютъ единственную часть египетскихъ построекъ, въ которой встрѣчается нѣкоторое разнообразіе. Своею массою, числомъ и покрывавшей ихъ живописью, онѣ производили въ храмахъ величественное, и въ тоже время подавляющее, впечатлѣніе.

Къ знаменитѣйшимъ произведеніямъ египетской архитектуры принадлежатъ кладбища въ скалахъ, пирамиды, храмы и обелиски. Послѣдніе, только какъ составныя части храмовъ, могутъ быть отнесены къ числу произведеній архитектуры. Кладбища въ скалахъ были устроены въ огромномъ числѣ въ горахъ, по обоимъ берегамъ Нила, но преимущественно на западной сторонѣ. По величинѣ и отдѣлкѣ замѣчательнѣе всѣхъ такъ называемые ѳивскіе царскіе склепы, составлявшіе когда-то настоящіе города мертвыхъ; до сихъ поръ ихъ отыскано до двадцати одного. По своей величинѣ, числу комнатъ и корридоровъ, и по великолѣпію украшеній, склепы были далеко не одинаковы. Всѣ они имѣютъ одну только дверь, и никогда не освѣщаются дневнымъ свѣтомъ. Ихъ стѣны покрыты надписями, изваяніями и живо изображаютъ все окружавшее человѣка въ жизни: производство различныхъ ремеслъ, земледѣльческія занятія, охоту, сцены домашней жизни и т. п. Въ этихъ склепахъ находятъ также постоянно погребавшуюся вмѣстѣ съ трупами всевозможную утварь и даже дѣтскія игрушки. Благодаря всему этому, мы теперь знакомы съ бытомъ египтянъ почти до малѣйшихъ подробностей, и знаемъ его точнѣе, чѣмъ жизнь всѣхъ остальныхъ народовъ древности.

Пирамиды — четырехстороннія зданія, боковыя поверхности которыхъ составляютъ треугольники и сходятся на верху въ одну точку, имѣютъ видъ искуственныхъ горъ, и предназначались для погребенія мертвыхъ. Большая часть пирамидъ находилась близъ Мемфиса на его большомъ кладбищѣ. Они были построены здѣсь царской династіей, сдѣлавшей Мемфисъ своей столицей, съ цѣлью противопоставить прославленнымъ верхне-египетскимъ каменнымъ кладбищамъ исполинское сооруженіе другаго рода, хотя имѣвшее тоже назначеніе. Нельзя съ точностью опредѣлить, сколько пирамидъ еще уцѣлѣло близъ Мемфиса или во всемъ Египтѣ вообще. Нѣкоторыя изъ нихъ очень малы, и потому легко могутъ быть незамѣчены путешественниками; притомъ многія

изъ тамошнихъ развалинъ сохранились въ такомъ видѣ, что нельзя узнать были ли онѣ пирамидами или чѣмъ нибудь другимъ. Стороны пирамидъ вполнѣ соотвѣтствуютъ четыремъ странамъ свѣта. Большая часть изъ нихъ построена изъ известняка; другія сложены изъ необожженныхъ кирпичей; наконецъ у третьихъ ребра выведены изъ плитняка, а остальная часть состоитъ изъ тогоже кирпича. Прежде, большая часть изъ нихъ была одѣта гранитомъ или мраморомъ, который теперь почти весь исчезъ.

Храмы египтянъ раздѣлены на нѣсколько большихъ и малыхъ отдѣленій, и часто окружены множествомъ пристроекъ, принадлежавшихъ къ нимъ. Великолѣпнѣе всего отдѣлывались обыкновенно передовыя входныя залы и, такъ называемые, пилоны, т. е. два очень-высокія массивныя зданія, строившіяся впереди храмоваго двора; между ними помѣщались главныя въѣздныя ворота. Пилоны составляли самую высокую, возносившуюся надъ прочими часть зданія; но ихъ строили не при всѣхъ храмахъ. Передъ каждымъ пилономъ обыкновенно ставили два обелиска или остроконечныя колонны. Эти памятники, принадлежащіе собственно одному Египту, всегда состоятъ изъ цѣлаго куска камня, и имѣютъ видъ высокой четыреугольной колонны, въ верху постепенно съуживающейся, и вдругъ заканчивающейся фигурой маленькой пирамиды. Такъ какъ первый обелискъ, привезенный изъ Египта въ Римъ, былъ взятъ изъ посвященнаго солнцу города Геліополиса,—то въ Европѣ и составилось мнѣніе, что всѣ обелиски были поставлены въ честь бога солнца, и какъ бы указывали на него. Это однако несправедливо, и назначеніе обелисковъ заключалось въ томъ, чтобы, посредствомъ надписей, которыми они всегда были покрыты, сообщать входящему въ храмъ время построенія или расширенія послѣдняго и увѣковѣчить имя строителя. Обелиски дѣлались всегда изъ самыхъ твердыхъ камней, и, при средней высотѣ отъ 100 до 150 футовъ, постоянно состоятъ изъ одного куска. Привезенный въ Парижъ, Луксорскій

обелискъ, стоялъ прежде въ Ѳивахъ, въ одномъ большомъ дворцѣ, и имѣетъ 70 парижскихъ футовъ высоты.

Такимъ образомъ, главные памятники египетскаго искусства отмѣчены характеромъ колоссальнаго. Но, въ произведеніяхъ этого страннаго народа еще болѣе господствуетъ неизмѣнная приверженность къ старинѣ — другая черта, составлявшая основаніе всего его быта. Прогрессивность — это характеристическое отличіе западныхъ народовъ и новаго времени — была чужда египтянамъ и ѳеократическимъ государствамъ первобытныхъ временъ. Поэтому ихъ созданія лишены той свѣжести и жизни, ихъ національный бытъ — того разнообразія личностей и отношеній, благодаря которымъ ходъ событій плодотворно дѣйствуетъ на внутреннюю жизнь народа. Ихъ отношенія, ихъ произведенія и ихъ духовная жизнь не измѣнились въ главныхъ чертахъ во все продолженіе ихъ исторіи. То, что этотъ народъ разъ себѣ усвоивалъ, пускало въ немъ глубокіе корни: кастовой бытъ египтянъ, характеръ ихъ искусства, путаница ихъ миѳологическихъ образовъ и представленій, ихъ жизнь, обусловливавшаяся вѣрованіемъ въ переселеніе душъ, и наконецъ чрезвычайная заботливость объ умершихъ — все это держалось у нихъ еще цѣлыя столѣтія послѣ того, какъ духъ времени совершенно измѣнился и Египетъ, подъ персидскимъ, греческимъ и римскимъ владычествомъ, познакомился съ другими принципами и другими формами жизни. Только послѣ прочнаго утвержденія въ этой странѣ христіанства, преобразившаго весь міръ, — рушился, наконецъ, древній бытъ Египта, исполинскіе памятники котораго уже давно лежали въ развалинахъ.

ИЗРАИЛЬТЯНЕ.

Израильтяне важнѣйшій изъ народовъ востока. Мѣсто это принадлежитъ имъ не только потому, что они, при царяхъ своихъ Давидѣ и Соломонѣ, пріобрѣли большое вліяніе на государства западной половины Азіи, — но и вслѣдствіе того, что, съ возникновеніемъ у нихъ христіанства, ихъ исторія и литература получили великое значеніе для народовъ всѣхъ странъ. Кромѣ того, книги, переданныя намъ израильтянами, составляютъ рядъ самыхъ достовѣрныхъ и систематически изложенныхъ сочиненій о древнѣйшей исторіи человѣчества. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ даже быть названы самими древними изъ имѣющихся историческихъ сочиненій. Такъ какъ подробности древнѣйшей исторіи израильтянъ извѣстны всякому, то здѣсь нѣтъ надобности разсказывать объ этихъ событіяхъ, а достаточно будетъ очертить общій ходъ развитія еврейскаго народа.

Исторія этого народа самымъ тѣснымъ образомъ связана съ его религіей; но только иначе, чѣмъ въ другихъ первобытныхъ государствахъ. У евреевъ мы не видимъ, чтобы незначительная часть націи, составляющая касту духовенства, подчинила себѣ остальную массу народа, посредствомъ различныхъ злоупотребленій религіею. Весь народъ считался какъ бы однимъ семействомъ равноправныхъ братьевъ, главою и руководителемъ которыхъ былъ

самъ Богъ. По понятіямъ израильтянъ, народъ могъ подчиняться только Богу, а не власти одного человѣка. Государство имѣло только одну цѣль— религію, и эта идея проходитъ чрезъ всю исторію еврейскаго народа.

Сами израильтяне дали своему бытописанію характеръ исторіи воспитанія народа Богомъ. Богъ является у нихъ владыкой и руководителемъ, который, наказывая и награждая свой народъ, ведетъ его путемъ разныхъ событій къ достиженію высшихъ цѣлей. Съ этой основной идеей, съ самаго начала проникнувшей въ народъ и постоянно выражавшейся въ его исторіи, связано еще другое представленіе, также встрѣчаемое въ древнѣйшихъ книгахъ іудеевъ и, по мѣрѣ хода исторіи, выступавшее впередъ съ большей и большей силою и значеніемъ. Это идея о „Мессіи“, т. е. искупителѣ и спасителѣ, который, какъ видимый посланникъ невидимаго Бога, долженъ явиться между іудеями, обновить ихъ въ нравственномъ отношеніи, и основать вѣчную монархію, обнимающую все человѣчество.

Израильтяне главный народъ семитической или арамейской группы. Они вышли первоначально изъ страны, лежащей у верховьевъ Евфрата и Тигра, и отсюда переселились въ Месопотамію, а потомъ въ Палестину. Древнѣйшее ихъ имя евреи. Обыкновенно полагаютъ, что это имя значитъ пришлецы или чужеземцы, и было дано израильтянамъ, во время ихъ переселенія въ Палестину, тамошними кочевыми племенами. Но противъ этого объясненія можно представить много возраженій, и гораздо вѣроятнѣе, что имя „евреи“ принадлежало израильтянамъ еще до водворенія ихъ въ Палестинѣ, и имѣло какое нибудь другое значеніе, намъ неизвѣстное. Можетъ быть также, что первоначально оно было тождественно съ словомъ „арабы“ и впослѣдствіи замѣнено именемъ израильтянъ, вошедшимъ во всеобщее употребленіе въ періодъ наибольшаго могущества іудейскаго народа, и мало по малу вытѣснившимъ прежнее имя евреевъ. Въ послѣдній періодъ

своей исторіи они стали называться іудеями и первоначальнымъ именемъ евреевъ.

Исторія израильтянъ начинается со временъ Авраама, жившаго болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ до рождества Христова. Только съ этого времени являются они какъ нація, живущая своей отдѣльной жизнью, и отличающаяся отъ остальныхъ своимъ самобытнымъ развитіемъ. Прежде, они исчезали въ общей массѣ человѣчества. Авраамъ и его современники — евреи вели жизнь кочевую, и составляли какъ бы одно семейство или немногочисленный родъ, управлявшійся однимъ верховнымъ главою или патріархомъ. При жизни Авраама, это кочевое племя переселилось изъ Месопотаміи въ Палестину или Ханаанъ. Здѣсь, также какъ и прежде, оно вело кочующую, пастушескую жизнь. Однажды неурожай заставилъ это племя перейти въ Египетъ; но оно снова покинуло эту страну и вернулось въ Палестину, съ тѣхъ поръ сдѣлавшуюся настоящимъ мѣстомъ жительства и родиной іудеевъ. Здѣсь продолжали они свою кочевую жизнь при сынѣ Авраама Исаакѣ и внукѣ его Іаковѣ или Израилѣ, оставаясь постоянно простымъ, честнымъ пастушескимъ народомъ, съ неиспорченными нравами и вѣрой въ единаго Бога.

У Іакова было двѣнадцать сыновей, сдѣлавшихся родоначальниками двѣнадцати колѣнъ, на которыя раздѣлялся народъ израильскій. Младшій изъ нихъ, Іосифъ, былъ проданъ въ рабство и отвезенъ въ Египетъ, гдѣ необыкновенныя обстоятельства дали ему возможность достигнуть высокаго сана при царскомъ дворѣ. Онъ призвалъ въ Египетъ своихъ приближенныхъ и соплеменниковъ, которымъ было позволено поселиться въ богатомъ пастбищами округѣ Гесемъ (Гозенъ) въ нижнемъ Египтѣ (около 1900 лѣтъ до р. Х.) Израильтяне пробыли здѣсь 430 лѣтъ, и въ теченіе этого времени такъ размножились, что стали уже многочисленнымъ племенемъ. Но египтяне ихъ ненавидѣли — вслѣдствіе глубокаго своего презрѣнія къ пастушеской жизни и отвращенія, вообще ко всѣмъ иностранцамъ и иновѣрцамъ. Видя постоянное умноженіе

евреевъ, они стали подвергать ихъ самымъ невыносимымъ притѣсненіямъ, опасаясь, что это племя можетъ сдѣлаться опаснымъ для Египетскаго государства. Египтяне всячески старались уменьшать ихъ число, изнуряли тяжелыми работами, и, наконецъ, рѣшились совершенно истребить ихъ. Но время самаго ужаснаго гнета и жёстокихъ преслѣдованій сдѣлалось для израильтянъ временемъ освобожденія и возрожденія. Человѣкъ, котораго сами враги его народа познакомили со всею своею наукою и посвятили въ свои религіозныя тайнства, — Моисей, на сороковомъ году жизни, явился спасителемъ своего народа. Израильтяне подъ гнетомъ ужаснаго рабства глубоко упали въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи; Моисей возвратилъ имъ свободу и прежнюю родину, составилъ новое законодательство, не только обеспечивавшее политическую ихъ независимость отъ преждевременной гибели, но и сдѣлавшее израильтянъ однимъ изъ важнѣйшихъ народовъ міра. Моисей и братъ его Ааронъ вывели израильтянъ изъ Египта въ сѣверную Аравію. Чтобъ спасти свой народъ отъ религіознаго паденія и разврата, внушить ему болѣе благородный образъ мыслей и сохранить чистоту первобытной вѣры, — великій законодатель долго кочевалъ въ этомъ пространствѣ; только послѣ сороколѣтняго странствованія, и уже посмерти Моисея, израильтяне достигли своего прежняго отечество. На горѣ Синаѣ Моисей далъ іудеямъ священные законы, какъ руководство въ ихъ будущей жизни и основаніе государственнаго ихъ устройства въ Ханаанѣ.

Законодательство Моисея установило между религіею и государствомъ совсѣмъ иную связь чѣмъ какая существовала у другихъ народовъ востока, государственныя учрежденія которыхъ далеко уступаютъ іудейскимъ. Утвержденіе вѣры въ единаго Бога, возстановленіе правильнаго богослуженія, т. е. такого поклоненія божеству, которое не могло уже, какъ у индійцевъ и египтянъ, перейти во внѣшніе обряды и вредныя для нравственности церемоніи, преобразованіе пастушескаго быта израильтянъ въ земледѣльческій, и, наконецъ, обеспеченіе каждой личности отъ произ-

вола властей — вотъ главныя цѣли, которыхъ старался достигнуть Моисей. Единственною главою государства долженъ былъ считаться одинъ Богъ. Именемъ Его должны были управлять старшины колѣнъ, при которыхъ должно было состоять наслѣдственное духовенство для совѣта и для наблюденія за ненарушимостью государственныхъ законовъ. Судебныя должности замѣщались духовенствомъ и старшинами каждаго города. Для исполненія священническихъ обязанностей было избрано одно изъ двѣнадцати колѣнъ — колѣно Левія, раздѣленное на двѣ части: собственно духовенство, съ первосвященникомъ во главѣ, составляло одно только семейство брата Моисея, Аарона. Остальнымъ членамъ этого колѣна были предоставлены мѣста нисшихъ священно служителей, законовѣдовъ, судей и врачей. Прочія колѣна, число которыхъ, посредствомъ распаденія одного изъ нихъ на два, снова было доведено до двѣнадцати, сдѣлались владѣльцами раздѣленной между ними ханаанской земли. Колѣно Левія не имѣло особаго участка, но было поселено на землѣ остальныхъ колѣнъ и получало десятую часть ихъ доходовъ. Такимъ образомъ, и у израильтянъ организовалась каста духовенства; но она не была какъ у индійцевъ и египтянъ въ прямомъ противорѣчіи съ свѣтскими сословіями, а, напротивъ, сама на половину принадлежала къ нимъ. Вслѣдствіе этого израильскій народъ былъ навсегда обеспеченъ отъ униженія, какое выпало на долю нисшихъ кастъ въ Египтѣ и въ Индіи. Религія была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ государствомъ и съ бытомъ его гражданъ; законодательство старалось предупредить упадокъ нравственности и возможность перехода къ идолопоклонству. Запрещеніе торговать и поклоняться всякимъ изображеніямъ и различныя религіозныя правила и поученія были главными мѣрами, направленными къ этой цѣли.

Моисей умеръ около 1480 г. до р. Х. Новый предводитель израильтянъ, Іисусъ Навинъ, завоевалъ Ханаанъ, жители котораго были истреблены, а вся страна раздѣлена между двѣнадцатью

колѣнами. Первые триста лѣтъ пребыванія израильтянъ въ Ханаанѣ (до половины двѣнадцатаго вѣка до р. Х.) называются періодомъ судей. Это было время колебанія израильтянъ между ихъ прежнимъ бытомъ и религіозными и гражданскими законами, установленными Моисеемъ. Израильтяне часто возвращались къ кочевой жизни, запрещенной Моисеемъ, и, вслѣдствіе сношеній съ сосѣдними племенами, впадали иногда въ идолопоклопство. Единство происхожденія, вѣры, законовъ и нравовъ должно бы было поддерживать согласіе между двѣнадцатью колѣнами или штатами, на которыя Моисей раздѣлилъ народъ, — но этого не было; колѣна часто враждовали между собою, нѣкоторыя изъ нихъ оказывались слабыми въ борьбѣ съ сосѣдними язычниками, или уступали приманкѣ ихъ идолослуженія, и, такимъ образомъ, отдѣлялись отъ остальныхъ колѣнъ, то своимъ вѣроотступничествомъ, то подчиненіемъ непріятелю. Тогда отъ времени до времени являлись вдохновленные герои, возбуждавщіе падающій патріотизмъ и теплоту вѣры, ободрявшіе малодушныхъ, и освобождавшіе своихъ соплеменниковъ отъ владычества язычниковъ. Такіе люди предводительствовали иногда однимъ только колѣномъ, иногда нѣсколькими, а иногда и всѣми вмѣстѣ. Такъ какъ по окончаніи войны они обыкновенно оставались въ главѣ народа, то имъ и дали названіе судей. Знаменитѣйшими изъ нихъ были Гоѳоніилъ, пророчица Девора, Гедеонъ, Іефѳай и Самсонъ. Впослѣдствіи, когда первосвященникъ Илій былъ облеченъ саномъ судьи, вопреки закону Моисея соединили духовную власть съ свѣтской,—должность свѣтскаго правителя съ должностью первосвященника. Эти годы были для израильтянъ временемъ самаго глубокаго паденія. Злоупотребляя именемъ и властью отца, два сына Илія позволяли себѣ гнуснѣйшія преступленія. Казалось, что растлѣніе нравовъ и могущество враждебнаго народа филистимлянъ доведутъ израильтянъ до окончательной гибели. Но въ это время умеръ Илій, и на его мѣство, въ 1156 г. до р. Х., избранъ судьею человѣкъ, спасшій израильтянъ отъ грозившей имъ опасности.

Это былъ Самуилъ, съ избраніемъ котораго должность судьи была снова отдѣлена отъ сана первосвященника. При немъ вѣра, заповѣданная Моисеемъ, успѣла наконецъ укорениться вполнѣ. Истинно набожный, строго справедливый и одаренный высокимъ умомъ, Самуилъ успѣлъ снова оживить полуугасшій національный духъ, и возбудить въ израильтянахъ патріотизмъ и мужество для отраженія опасности, грозившей со стороны филистимлянъ. Для этого онъ основалъ такъ называемыя школы пророковъ, гдѣ молодые люди получали высшее умственное и нравственное образованіе, приготовлявшее ихъ къ дѣлу поученія народа и управленія имъ. Изъ этихъ школъ вышли не только величайшіе поэты націи, но и тѣ вдохновленные патріоты и люди оппозиціи, которые впослѣдствіи, подъ именемъ пророковъ съ смѣлой энергіей защищали законъ Моисея и право противъ насилія царей.

Воинственный духъ, овладѣвшій тогда народомъ, вслѣдствіе вновь оживившейся идеи національности и побѣдъ, внушилъ израильтянамъ желаніе имѣть, подобно другимъ народамъ, своего царя, который, какъ единственный и постоянный глава государства, могъ бы поддерживать связь между колѣнами и предводительствовать войскомъ во время войны. Исполненіе этого желанія рѣзко противорѣчило законодательству Моисея, по которому главою государства признавался одинъ только Богъ, и народомъ можно было управлять не иначе, какъ по его заповѣдямъ. Поэтому Самуилъ всѣми силами старался отклонить израильтянъ отъ ихъ желанія, но не имѣлъ однако успѣха, и долженъ былъ уступить настойчивымъ требованіямъ народа. Онъ выбралъ въ цари Саула, изъ колѣна Веніяминова, и, послѣ побѣды надъ аммонитами, выборъ этотъ былъ утвержденъ всѣмъ народомъ (1095 до р. Х.) Храбрый Саулъ велъ много удачныхъ войнъ съ врагами своей страны, но задача правителя была выше его силъ, и онъ не избѣжалъ ошибокъ. Послѣ его смерти на престолъ вступилъ Давидъ изъ могущественнаго племени Іуды, уже прежде посвященный въ цари Самуиломъ (1055) и прославившійся какъ

пророкъ, поэтъ и военачальникъ. Сначала большая часть колѣнъ оставалась вѣрною единственному сыну Саула, но постепенно и они подчинились Давиду и въ 1048 г. онъ былъ уже признанъ царемъ всего Израиля.

Правленіе Давида и его сына и преемника Соломона составляютъ самый блестящій періодъ исторіи израильскаго народа. Подъ властью этихъ государей израильтяне достигли вершины своего могущества, и сдѣлались главнымъ народомъ передней Азіи. Въ ихъ же правленіе возникли у израильтянъ ремесла и торговля и Палестина достигла высокой степени благосостоянія. Давидъ царствовалъ съ 1048 по 1014 годъ, и, какъ человѣкъ и царь, былъ безспорно лучшимъ правителемъ, котораго когда либо имѣлъ іудейскій народъ. Онъ велъ счастливыя войны съ сосѣдними народами, но предпринималъ походы не для распространенія своего царства, а для того только, чтобы прикрыть его границы владѣніями побѣжденныхъ народовъ. Удовлетворяя потребностямъ израильтянъ, онъ открылъ пути торговли и, такимъ образомъ, положилъ начало той великой торговой дѣятельности, которую Соломонъ впослѣдствіи развилъ въ подвластныхъ ему странахъ.

Внутренняя политика Давида отличается большимъ благоразуміемъ, справедливостью и отсутствіемъ всякаго деспотизма. Онъ сохранилъ прежнихъ князей колѣнъ, оставилъ старшинамъ управленіе округами, и назначалъ судей и должностныхъ лицъ изъ самыхъ почетныхъ гражданъ. Предводительство надъ войскомъ онъ ввѣрялъ только такимъ людямъ, которые, какъ его знаменитый полководецъ Іоавъ, выказали свои достоинства во дни опасности. Повелѣвая могущественной державой, простиравшейся отъ границъ Египта до лежащаго на Евфратѣ богатаго торговаго города Тапсака или Типсака, онъ сохранилъ однако простоту нравовъ и образа жизни и весьма искусно распоряжался финансами страны. Кромѣ того, израильтяне обязаны ему основаніемъ столицы Іерусалима, который онъ отнялъ у непріятеля, укрѣпилъ, и сдѣлалъ своею резиденціею и религіознымъ центромъ,

перенеся туда величайшую святыню израильтянъ — кивотъ завѣта. Давидъ хотѣлъ также построить въ Іерусалимѣ и храмъ, но былъ удержанъ отъ этого плана пророкомъ Наѳаномъ. Наконецъ, вдохновленный, набожный и смиренный духъ царя имѣлъ могучее вліяніе на поэзію и внѣшнее богослуженіе народа. Онъ былъ творцомъ лирической поэзіи израильтянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ основателемъ ихъ церковной музыки. Конецъ его царствованія былъ омраченъ мятежами, возбужденными сыномъ его Авессаломомъ, заплатившимъ за это своею жизнью.

Соломонъ, царствовавшій съ 1014 по 975 годъ, самый славный изъ израильскихъ царей. Отличаясь предпріимчивостью, поэтическимъ даромъ, образованностью и любовью къ наукѣ и искусствамъ, — онъ доставилъ Израилю почетнѣйшее мѣсто въ ряду тогдашнихъ государствъ, и царствовалъ съ мудростью, справедливостью и великолѣпіемъ, вошедшимъ въ пословицу. Благосостояніе и могущество его народа доставили ему средства содержать блестящій дворъ, основывать новые города, и строить великолѣпные дворцы. Важнѣйшими и самыми знаменитыми изъ его построекъ были: Іерусалимскій храмъ и основанный имъ городъ Тадморъ или Пальмира. Городъ этотъ, построенный для оживленія торговли въ одномъ оазѣ сирійской пустыни, между Дамаскомъ и Евфратомъ, сдѣлался однимъ изъ главныхъ пунктовъ караванной торговли древняго міра и, вслѣдствіе этого, однимъ изъ самыхъ богатыхъ и великолѣпныхъ городовъ западной Азіи. Храмъ Соломона былъ построенъ на горѣ Моріи иностранными художниками и рабочими, потому что сами израильтяне были еще очень не развиты въ художественномъ и ремесленномъ отношеніи. Болѣе всего было призвано работниковъ изъ богатаго промышленностью финикійскаго города Тира. Храмъ, — раскинутый на очень большомъ пространствѣ, вслѣдствіе значительнаго числа жилищъ для священниковъ и другихъ пристроекъ, — отличался не красотою архитектуры, но своимъ необыкновеннымъ великолѣ-

піемъ и громадной массой благородныхъ металловъ, употребленныхъ на его украшеніе.

Соломонъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ сосѣдними финикіянами и египтянами, и, вмѣстѣ съ первымъ изъ этихъ двухъ народовъ, пускался въ обширныя торговыя предпріятія. Они доставляли ему много богатствъ, но были вредны для націи, потому что занятія торговлей противорѣчили ихъ законамъ, и, сверхъ того, потому, что торговля эта велась не израильтянами, а финикіянами и на финикійскихъ корабляхъ. Морская торговля Соломона шла чрезъ Аравійскій заливъ, и главнымъ рынкомъ ея былъ Офиръ, страна, положеніе которой теперь нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. Нѣкоторые полагаютъ, что это была часть Аравіи, другіе говорятъ, что подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть извѣстную часть восточно-африканскаго прибрежья; наконецъ, въ новѣйшее время, многіе стали склоняться къ мысли, что Офиръ Соломона былъ не что иное какъ Остъ-Индія. Поддерживая союзъ съ финикіянами, и занимаясь торговлей, не смотря на то что она была запрещена законодательствомъ Моисея, Соломонъ въ тоже время измѣнилъ и устройство войска, взявъ при этомъ за образецъ египетскую армію. Онъ ввелъ запрещенную Моисеемъ кавалерію, приводя для этого лошадей изъ Египта, такъ какъ въ Аравіи въ то время еще не было коневодства. Приближаясь къ старости, Соломонъ сталъ все болѣе и болѣе подражать образу жизни деспотическихъ владыкъ востока и, такимъ образомъ, отдѣлился отъ народа, предался роскоши и великолѣпію, обременительнымъ для его подданныхъ, взялъ множество женъ, большею частью иностранокъ, и, наконецъ, ввелъ даже при дворѣ идолослуженіе сосѣднихъ народовъ. По этому неудивительно, что къ концу его царствованія вспыхнуло возстаніе, въ главѣ котораго сталъ Іеровоамъ, одинъ изъ его высшихъ сановниковъ. Возстаніе было подавлено; но Іеровоамъ бѣжалъ въ Египетъ, и съумѣлъ склонить на свою сторону тамошняго царя, такъ что Соломону стала грозить новая опасность. Тотчасъ послѣ смерти Соломона, надъ Палести-

ной разразилась гроза, которую онъ навлекъ на нее своими поступками. Старшія десять колѣнъ соединились, чтобы положить конецъ деспотизму, введенному Соломономъ. Они потребовали отъ сына Соломона, Ровоама, чтобы онъ отказался отъ отцовской системы правительственнаго произвола и снялъ съ народа давящій его гнетъ; не получивъ удовлетворенія на свои требованія, они превозгласили царемъ Іеровоама. Власть Ровоама признали только колѣна Іуды и Веніямина (975). Такимъ образомъ, Израильское царство распалось на двѣ части. Большая изъ нихъ сохранила названіе Израиля, а царство Ровоама стало называться царствомъ Іудейскимъ. Столицей Іудеи былъ Іерусалимъ, а столицей Израиля сначала Сихемъ, потомъ Ѳерса и, наконецъ, Самарія, построенная чрезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ этого распаденія. Израильское царство существовало 253 года и имѣло въ это время двадцать царей, изъ которыхъ уже третій не принадлежалъ къ дому Іеровоама. Іудейское царство продержалось 390 лѣтъ, въ немъ также смѣнилось двадцать царей, которые всѣ были потомками Ровоама.

Съ раздѣленіемъ израильскаго народа, который непосредственно передъ тѣмъ достигъ высшей точки своего могущества и блеска, начинается и его паденіе. Но не это раздѣленіе и не могущество враговъ погубили Израиль. Причины паденія заключались въ, начавшемся уже при Соломонѣ, упадкѣ національнаго духа и въ пренебреженіи закона Моисея. Тотчасъ послѣ образованія Израильскаго царства, цари его отпали отъ вѣры отцовъ своихъ и предались идолопоклонству, заимствованному у египтянъ, финикіянъ, ассиріянъ и сирійскихъ племенъ. Чтобы предупредить возможность перехода своихъ подданыхъ на сторону іудейскихъ царей, они даже запретили имъ ѣздить въ Іерусалимъ, гдѣ находились храмъ и кивотъ завѣта. Народъ возвращался иногда къ прежней національной религіи, но цари замѣнили настоящихъ пророковъ, проникнутыхъ духомъ истиннаго патріотизма и народности, толпою пророковъ придворныхъ, т. е. лгуновъ и гнусныхъ льстецовъ,

и, такимъ образомъ, сами лишили себя средства узнавать настроеніе умовъ въ народѣ. Лишь изрѣдка слышали они голосъ правды истинныхъ пророковъ, какими были, напримѣръ, Илія и Елисей. Но и цари іудейскіе, при которыхъ постоянно находились истинные пророки (напримѣръ Амосъ, Михей, Исаія) по своимъ связямъ съ другими народами часто впадали въ идолопоклонство египетское, вавилонское или финикійское. Оба государства къ собственному своему вреду часто заключали союзы съ другими народами, изъ которыхъ иные были когда то покорены Давидомъ и Соломономъ, но снова освободились въ моментъ распаденія Израиля. Находясь между сильными монархіями: Египетской съ одной стороны и Ассирійской и Вавилонской съ другой, они всетаки постоянно враждовали между собою. Египетъ, Ассирія и Вавилонія, имѣя центромъ своего могущества берега Нила и Евфрата, сталкивались въ Палестинѣ, которая дѣлалась, такимъ образомъ, театромъ ихъ войнъ и добычею побѣдителя.

Израильское царство было уничтожено въ 722 году до р. Х. ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ. Послѣдній владыка этого царства Осія и большая часть народа были принуждены оставить Палестину и переселиться въ далекія области Ассиріи. Это событіе называется обыкновенно ассирійскимъ плѣненіемъ. Напротивъ того, жители Вавилоніи и ближайшихъ къ Сидону мѣстностей были принуждены переселиться въ Палестину, и тамъ, обращенные левитами къ закону Моисея, смѣшались съ оставшимися израильтянами, и стали родоначальниками, ненавистныхъ для чистыхъ евреевъ, самаритянъ. Царство Іудейское было покорено въ 585 г. до р. Х. вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ, разрушившимъ Іерусалимъ и переселившимъ большую часть жителей Іудеи, вмѣстѣ съ послѣднимъ ея царемъ Седекіей, въ Вавилонъ, куда незадолго передъ тѣмъ уже была привезена значительная часть евреевъ. Въ этомъ, такъ называемомъ, вавилонскомъ плѣненіи, началомъ котораго считается 604 г., т. е. годъ перваго отведенія туда іудеевъ, — они пробыли до

535 года, когда персидскій царь Киръ позволилъ имъ вернуться на родину. Съ этого времени Іудеи снова жили въ Палестинѣ, но уже какъ персидскіе подданные. Вернувшіеся были однако только левиты или же принадлежали къ колѣнамъ Веніяминову и Іудину, и потому съ тѣхъ поръ имя іудеевъ стало обыкновенно употребляться для обозначенія всего израильскаго народа. Судьба остальныхъ десяти коленъ совершенно неизвѣстна. Позднѣйшая исторія евреевъ принадлежитъ къ греко-римскому періоду исторіи древняго міра.

ФИНИКІЯНЕ.

Финикіяне, подобно евреямъ, принадлежавшіе къ семитическому племени, въ отдаленнѣйшій періодъ своей исторіи жили на берегахъ Персидскаго залива. Еще въ глубокой древности они переселились отсюда въ страну, названную ихъ именемъ, и лежащую къ сѣверу отъ Палестины и къ югозападу отъ Сиріи, между Ливанскимъ горнымъ хребтомъ и Средиземнымъ моремъ. Финикіяне стали заниматься торговлею и промышленностію, достигли на этомъ поприщѣ весьма рѣдкаго въ древнемъ мірѣ развитія, и, вслѣдствіе этого, пріобрѣли большое значеніе въ исторіи Азіи и Европы. Ихъ собственная исторія, о которой они намъ не оставили никакихъ письменныхъ памятниковъ, постоянно сосредоточивается на городахъ Сидонѣ и Тирѣ, бывшихъ попеременно центромъ ихъ торговой и промышленной дѣятельности, и поочередно являвшихся въ главѣ всѣхъ финикійскихъ городовъ. Финикіяне никогда не были соединены въ одно государство; всѣ города сохраняли свою независимость, но часто соединялись между собою и, еще чаще, подчинялись вліянію тѣхъ, которымъ удавалось достигнуть особенной степени богатства и могущества. Внутреннее управленіе городовъ, большею частью, было ввѣрено правителю, ограниченному аристократіей. Власть правителей была

иногда наслѣдственною, иногда пожизненною, или вручалась имъ только на извѣстное число лѣтъ.

Въ началѣ финикійской исторіи самымъ могущественнымъ городомъ и средоточіемъ торговли и промышленности народа является Сидонъ. Еще во времена Іосифа о немъ упоминаютъ, какъ о мѣстѣ, съ которымъ Египетъ велъ торговлю, а въ періодъ переселенія евреевъ изъ Египта, онъ уже является господствующимъ надъ большею частью страны. Пестрыя финикійскія ткани, еще во времена Гомера, считались у Грековъ лучшими. Въ глубокой древности Сидонъ основалъ нѣсколько колоній въ другихъ частяхъ Финикіи и, между прочими, Тиръ, достигшій впослѣдствіи такого могущества. Такимъ образомъ, когда кругомъ Финикіи еще разстилались невоздѣланныя пространства и кочевали полудикія племена, финикіяне уже достигли высокой цивилизаціи. Но, когда израильтяне заняли Палестину и, перейдя къ земледѣлію, обратили безплодную, скалистую ея почву въ непрерывный рядъ садовъ, когда цивилизація начала распространяться между жителями Сиріи и произведенія Финикіи сдѣлались потребностью этихъ странъ — промышленная и торговая дѣятельность финикіянъ стала развиваться еще быстрѣе.

Въ этотъ то періодъ впервые возвысился Тиръ, и постепенно достигъ такого могущества, что во времена Давида и Соломона былъ уже самымъ цвѣтущимъ городомъ передней Азіи и главою всего финикійскаго союза, и даже господствовалъ надъ Сидономъ. Жители Тира имѣли тогда монополію торговли стекломъ, пурпуромъ и кермесомъ, т. е. лучшей красной краской извѣстной древнему міру. Литейное искусство, чеканка золота, тканье, вышиваніе, ваяніе и производство разныхъ украшеній составляли главныя отрасли народной промышленности въ Тирѣ. Жители его имѣли большіе корабли, на которыхъ ихъ купцы объѣзжали прибрежья восточной части Средиземнаго моря и ходили также изъ Краснаго моря въ неизвѣстную намъ страну Офиръ. Тирскій царь Хирамъ заключилъ съ Давидомъ и Соломономъ союзъ, по которому

жители Тира могли извлечь выгоды изъ всѣхъ сдѣланныхъ израильтянами завоеваній, и тирскіе мастера руководили постройкой храма Соломона. Рядомъ съ морской торговлей процвѣтала и торговля сухопутная, главные пути которой въ среднюю Азію пролегали чрезъ вновь основанный Тадморъ или Пальмиру, или чрезъ Тапсакъ—торговый пунктъ на Евфратѣ. Съ теченіемъ времени торговля Тира достигла еще высшей степени развитія. Тогда была основана первая финикійская колонія на сѣверозападномъ берегу Африки — мавританскій городъ Ауца (920), а еще прежде заселенъ островъ Кипръ. Въ тотъ же періодъ подчинились ихъ власти Критъ, Родосъ, Тазосъ и другіе острова Эгейскаго моря, гдѣ, также какъ и на твердой землѣ, жители Тира вступили въ сношенія съ древнѣйшими греками, и гдѣ они, между прочимъ, занимались рудокопствомъ. Въ Сициліи, Сардиніи и Корсикѣ, они также устроили свои поселенія.

Въ это самое время (около 880 года) была основана жителями Тира знаменитѣйшая изъ всѣхъ финикійскихъ колоній — Карѳагенъ, лежавшій въ нынѣшнемъ Тунисѣ. Основательницей этого важнаго торговаго города была Дидона, сестра тирскаго правителя Пигмаліона. Эта женщина удалилась изъ Тира съ большимъ числомъ недовольныхъ, вслѣдствіе того, что Пигмаліонъ убилъ ея мужа Сихея, желая завладѣть его богатствами. Преданіе говоритъ, что приплывъ къ берегамъ сѣверной Африки она купила у жителей для построенія города столько земли, сколько можно обнять бычачьей шкурой, и, изрѣзавъ такую шкуру на тонкіе ремни, обвела довольно большое пространство. Въ ближайшее къ основанію Карѳагена время, финикіяне стали посылать свои корабли до крайнихъ предѣловъ Средиземнаго моря, высаживались въ Испаніи и основали тамъ различныя колоніи, самыми знаменитыми изъ которыхъ были нынѣшній Кадиксъ и также лежавшій въ Андалузіи но теперь исчезнувшій, Тартессъ.

Въ періодъ распространенія Ассирійской и Вавилонской монархій, — періодъ, стоившій израильтянамъ независимости — Фи-

никія также была принуждена принять участіе въ этихъ войнахъ. Разрушитель израильскаго царства, Салманассаръ, подчинилъ себѣ и финикіянъ. Одни только жители Тира не уступили его требованіямъ и угрозамъ, и мужественно выдержали его нападеніе. Хотя городъ ихъ и былъ взятъ Салманассарамъ, но большая часть жителей удалилась на небольшой островъ передъ городомъ, называвшійся съ тѣхъ поръ Новымъ Тиромъ и сдѣлавшійся средоточіемъ могущества тирянъ. Эта лучшая часть населенія Тира доказала тогда, что любовь къ родинѣ, соединенная съ терпѣніемъ и искусствомъ, можетъ побѣдоносно отразить всякій натискъ грубой силы. Хотя флотъ, съ помощью котораго ассиріяне хотѣли сдѣлать высадку на островъ, состоялъ изъ шестидесяти большихъ судовъ и восьмисотъ лодокъ, однако тиряне отразили его, имѣя всего двѣнадцать кораблей. Несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ и недостатокъ воды, они сопротивлялись пять лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока ассиріяне были принуждены удалиться, бросивъ осаду. Тиръ не только снова разцвѣлъ, но въ періодъ могущества Ассиріи и Вавилона богатство его еще достигло высшей степени. Жители Сидона и арабы служили матросами на тирскихъ корабляхъ, между тѣмъ какъ съ сѣверныхъ береговъ Африки и прибрежій Краснаго моря и въ Персіи они вербовали наемниковъ для своей арміи. Они имѣли большой торговый флотъ и многіе изъ ихъ кораблей были отдѣланы съ большою роскошью. Разсказываютъ даже, что не рѣдко можно было встрѣтить суда, обшитыя драгоцѣннымъ деревомъ, выложенныя самшитомъ (buxus) и слоновой костью, и покрывавшіяся въ праздничные дни парусами изъ тонкихъ бумажныхъ тканей.

Жителямъ Тира опять угрожала большая опасность, когда вавилонскимъ владыкой сталъ Навуходоносоръ, но и тогда мужествомъ и настойчивостью имъ удалось спасти свою свободу. Какъ и во времена Салманассара, вся Финикія преклонилась передъ могущественнымъ царемъ. Одни только жители Тира снова удалились на свой островъ и сохранили независимость, хотя вави-

лонская армія тринадцать лѣтъ стояла въ Финикіи и вела войну съ Тиромъ. Навуходоносору достался только старый городъ, и, по его приказанію, всѣ захваченные тамъ жители были отведены плѣнниками въ Вавилонъ.

Когда, впослѣдствіи, при царѣ Кирѣ, персы распространили свою власть надъ всей передней Азіей, — вся Финикія подчинилась имъ добровольно, но, кажется, на извѣстныхъ условіяхъ. Финикійскіе города были обязаны морской службой и платежемъ дани, оставаясь независимыми во всемъ прочемъ. Они управлялись сами собою, сохранили прежнія свои учрежденія, и рѣшали общія дѣла на конгресахъ въ Тирѣ, составленныхъ изъ депутатовъ отдѣльныхъ городовъ. Только незаконныя притѣсненія персидскихъ намѣстниковъ и военачальниковъ давали финикіянамъ чувствовать потерю независимости. Особенно чувствительны были эти притѣсненія въ Сидонѣ, снова поднявшимся тогда выше Тира и сдѣлавшимся средоточіемъ финикійской морской торговли. Вмѣстѣ съ покоренными малоазійскими греками, финикіяне составляли ядро персидскаго флота. Около половины четвертаго вѣка до нашего лѣтосчисленія, финикіяне, возбужденные Сидономъ, приняли участіе въ возстаніи, вспыхнувшемъ въ Египтѣ и распространившемся въ Азіи. Возстаніе это не удалось и Финикія была принуждена снова подчиниться персамъ. По мѣрѣ приближенія персидской арміи, всѣ города покорялись ей безъ боя. Одинъ Сидонъ послѣдовалъ примѣру, уже два раза поданному Тиромъ. Чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ, сидонцы сожгли корабли свои, и, когда измѣна одного изъ союзныхъ имъ князей передала ихъ городъ въ руки персидскаго царя приказавшаго умертвить даже знатнѣйшихъ гражданъ, они сами подожгли городъ и сожгли себя и свои богатства. Впослѣдствіи Сидонъ былъ снова отстроенъ, и двадцать лѣтъ спустя сталъ населеннымъ и цвѣтущимъ городомъ, хотя Тиръ тогда опять превзошелъ его въ торговомъ отношеніи.

Когда около 333 г. до р. Х. Александръ Великій завоевалъ

Персидскую монархію, финикійскіе города подчинились ему добровольно, за исключеніемъ Тира, который тогда ограничивался однимъ островомъ. Жители Тира сопротивлялись съ самымъ настойчивымъ мужествомъ, и, чтобы покорить ихъ, Александру — пришлось употребить все свое искусство въ дѣлѣ войны и всю храбрость своихъ войскъ; городъ былъ взятъ послѣ семи мѣсяцевъ осады и цѣною большихъ потерь. Тирянъ постигла жестокая участь: Александръ приказалъ продать въ рабство всѣхъ, кто попался въ его руки. Несмотря на это, городъ скоро возникъ изъ своихъ развалинъ, но время Финикіи уже миновалось. Средоточіемъ всемірной торговли сдѣлалась, основанная Александромъ, столица Египта, а Финикія потеряла при этомъ послѣдній остатокъ своего торговаго значенія. Съ тѣхъ поръ она постоянно оставалась несамостоятельною частью другихъ государствъ.

Торговля и мореходство, доставившія Финикіи великое значеніе во всемірной исторіи, очень часто преувеличиваются. Финикіяне прежде всѣхъ западныхъ народовъ стараго свѣта плавали по морю и развили мореходное искусство, но приписываемыя имъ далекія плаванія или вовсе не были совершены ими, или не относятся къ очень отдаленнымъ временамъ. Весьма вѣроятно, что они достигли береговъ Испаніи не прежде девятаго вѣка до р. Х., хотя плаваніе это относятъ за многія столѣтія до этого времени, основываясь на встрѣчающемся уже въ первой книгѣ Моисея, словѣ Таршишъ, которое принимаютъ за Тартессъ. Точно также финикіяне лишь въ позднѣйшее время достигли сѣверо-западныхъ береговъ Европы, гдѣ они добывали олово, на такъ называемыхъ Касситеридахъ, т. е. Британскихъ островахъ. Разсказы о ихъ плаваніяхъ въ Балтійское морѣ и вокругъ Африки вымышлены. Цѣнимый въ древности на вѣсъ золота янтарь, они конечно не сами добывали въ Балтійскомъ морѣ, а покупали его на берегахъ Сѣвернаго моря, куда онъ доходилъ чрезъ мѣновую торговлю между жителями сѣверной Германіи. По разсказу одного древне-греческаго

писателя, плаваніе ихъ вокругъ Африки было совершено около 600 года до р. Х., но есть самыя положительныя причины считать это предпріятіе за чистую выдумку. Какъ далеко простирались ихъ плаванія изъ Краснаго моря, совершенно неизвѣстно. — Важнѣйшими предметами ихъ торговли, кромѣ произведеній собственной промышленности, были: ладонъ, слоновая кость, олово, благородные металлы, желѣзо, черное дерево, корица, янтарь, шерсть, лошади, зерновой хлѣбъ, вино и невольники.

Промышленность финикіянъ была очень разнообразна и удивительна для своего времени. Важнѣйшими ея продуктами, кромѣ уже названныхъ нами, были цвѣтныя ткани, сидонское полотно и различная утварь, выдѣлываемая изъ благородныхъ металловъ, слоновой кости, чернаго дерева и янтаря. Финикіяне какъ говорятъ, стали приготовлять стекло прежде другихъ народовъ, и преданіе разсказываетъ, что на это изобрѣтеніе навелъ ихъ случай. Однажды, раскладывая огонь на песчаной почвѣ, они подложили подъ горшокъ нѣсколько кусковъ селитры и вдругъ увидѣли, что селитра соединилась съ пескомъ и золой, и образовала стекло. Изобрѣтеніе употреблявшагося въ древнемъ мірѣ пурпура также приписывается финикіянамъ. Здѣсь опять они, какъ говорятъ, были обязаны своимъ открытіемъ случаю: побагровѣвшая морда собаки, ѣвшей моллюсковъ на морскомъ берегу, обратила вниманіе финикіянъ на породу раковинъ, изъ которыхъ добывалась эта краска.

Въ дѣлѣ образованія финикіяне также оказали услуги человѣчеству. Древніе приписываютъ имъ изобрѣтеніе ариѳметики и азбуки. Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что греки отъ нихъ заимствовали оба эти изобрѣтенія, точно также какъ позднѣе римляне и мы отъ грековъ. Были также у финикіянъ свои историческіе писатели. Знаменитѣйшаго изъ нихъ звали Санхоніатономъ. Онъ написалъ древнѣйшую исторію Финикіи, съ которой мы однако знакомы только по немногимъ отрывкамъ, переведеннымъ греческими писателями.

Религія финикіянъ была идолопоклонствомъ, соединеннымъ съ принесеніемъ въ жертву людей. Главную роль играли богъ солнца Ваалъ и другой богъ, котораго греки сравниваютъ съ своимъ Геркулесомъ (Мелькартъ).

МИДЯНЕ и ПЕРСЫ.

На обширномъ пространствѣ между Персидскимъ заливомъ, Каспійскимъ моремъ и рѣками Тигромъ и Индомъ жило, съ незапамятныхъ временъ, нѣсколько родственныхъ между собою народовъ, составляющихъ персидскую или мидо-персидскую вѣтвь индо-германской группы народовъ. Изъ народовъ древняго міра къ этой вѣтви принадлежатъ мидяне, персы, бактріяне или бактрійцы, согдіяне, жившіе на Кавказѣ аланы и, по всей вѣроятности, халдеи. Изъ новѣйшихъ народовъ къ ней относятся таджики или ново-персы, съ принадлежащими къ нимъ бухарцами, живущіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи и Индіи, парсы или гвебры, курды (вѣроятно потомки халдеевъ) афганы, белуджи и осетины на Кавказѣ.

Языки этихъ народовъ составляютъ особенную семью или вѣтвь большой индо-германской группы языковъ. Самый древній изъ нихъ, и вообще одинъ изъ древнѣйшихъ языковъ всей группы — зендскій, уже задолго до рождества Христова переставшій быть живымъ языкомъ. Въ отдаленнѣйшіе періоды исторіи этихъ народовъ, онъ былъ священнымъ языкомъ приверженцевъ ученія Зороастра и на немъ написана древнѣйшая изъ ихъ духовныхъ книгъ, такъ называемая, Зендъ-Авеста. Изъ зендскаго языка образовался древне-персидскій, т. е. языкъ тѣхъ персовъ, которые, подъ предводительствомъ Кира, Дарія, Ксеркса и дру-

гихъ царей, играли такую важную роль въ исторіи передней Азіи и Греціи. Изъ древне-персидскаго языка произошелъ, въ свою очередь, языкъ парси или гвебри, употребляемый парсами или гвебрами. Онъ также далъ начало языку ново-персидскому, которымъ говорятъ нынѣшніе персіяне и который, какъ утверждаютъ, имѣетъ большое сходство съ нѣмецкимъ. Это однако справедливо въ томъ только смыслѣ, что всѣ языки большой индогерманской группы, въ которую входитъ и нѣмецкій языкъ, сходны между собою; болѣе близкаго сходства между персидскимъ и нѣмецкимъ языкомъ не существуетъ. Къ персидской же вѣтви принадлежитъ и языкъ дери, который впрочемъ есть не что иное, какъ болѣе утонченное нарѣчіе, употреблявшееся при дворѣ сассанидовъ, царствовавшихъ въ Персіи въ началѣ среднихъ вѣковъ. Наконецъ, сюда же относятся языки выше названныхъ новѣйшихъ народовъ.

Есть еще одинъ мертвый языкъ, пельви, иногда причисляемый къ персидскимъ языкамъ. Въ время владычества въ Персіи парѳянъ и сассанидовъ, онъ служилъ, вмѣсто зендскаго, священнымъ языкомъ религіи Зороастра, но затѣмъ нигдѣ болѣе не употреблялся. Этотъ языкъ не имѣетъ ничего общаго съ персидскими, и даже вовсе не принадлежитъ къ индо-германской группѣ. Подобнымъ же образомъ не могутъ отнести его ни къ одной изъ остальныхъ извѣстныхъ группъ и не знаютъ народа, который когда то говорилъ имъ. Можно предполагать, что пельви былъ языкомъ древнихъ парѳянъ.

Тоже, что мы сказали объ этомъ языкѣ, должно сказать и о парѳянахъ, появившихся въ исторіи лишь за нѣсколько лѣтъ до рождества Христова. Неизвѣстно, къ какому племени ихъ слѣдуетъ отнести, и, причисляя ихъ то къ персидской вѣтви, то къ тюркскимъ племенамъ, ученые высказываютъ только свои, ни на чемъ не основанныя, предположенія.

Въ персидской исторіи часто упоминается еще о другомъ народѣ, жившемъ къ сѣверу отъ Каспійскаго и Чернаго морей, между

Аральскимъ озеромъ и нижнимъ Дунаемъ, и раздѣлявшемся на множество мелкихъ племенъ. Всѣ они вели жизнь кочевую и назывались массагетами, роксоланами, язигами и т. д. Греки и римляне давали имъ имя скиѳовъ или сарматовъ, а у древнихъ персовъ они были извѣстны подъ общимъ именемъ саковъ. Многіе полагаютъ, что эти племена были въ родствѣ съ персами, другіе, напротивъ, причисляютъ ихъ къ славянской вѣтви народовъ. Но гораздо вѣроятнѣе, что они вовсе не были однимъ народомъ, а просто смѣсью многихъ племенъ разнаго происхожденія и языка, сходныхъ между собою по образу жизни, и потому только обозначаемыхъ у персовъ, грековъ и римлянъ подъ однимъ общимъ именемъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали, можетъ быть, къ персидскимъ народамъ, другіе—къ тюркскимъ, третьи—къ такъ называемымъ финскимъ. —

Страны, бывшія колыбелью персидской вѣтви народовъ, обозначаются иногда именомъ Ирана или Аріи (Aria). Обыкновенно же подъ этими именами понимаютъ только пространство, между Тигромъ, Персидскимъ заливомъ, Каспійскимъ моремъ и западной границей земли афгановъ и белуджей. Прилегающее къ этой странѣ, съ сѣверо-востока, пространство за Оксомъ или Аму-Дарьею извѣстно подъ именемъ Турана, и было съ давнихъ поръ заселено народами другаго происхожденія, болѣе дикихъ нравовъ и воинственнаго настроенія.

Въ сѣверо-восточномъ углу Ирана находились въ древности Согдіана и Бактрія. Первая изъ нихъ занимаетъ сѣверную, а вторая южную часть нынѣшней Великой Бухаріи. Сѣверозападный уголъ Ирана былъ занятъ Мидіей, граничившей Каспійскимъ моремъ, Арменіей, Ассиріей, Парѳіей и Персіей, и заключавшей въ себѣ нынѣшній русскій округъ Ширванъ и персидскія области Азербиджанъ, Гилянъ, Мазандеранъ и Иракъ-Аджеми. Къ югу отъ Мидіи лежала страна Эламъ, часть нынѣшняго Хузистана, граничившая тогда съ Вавилоніей, Мидіей, Персіей и Персидскимъ заливомъ. Эта страна была въ теченіе довольно продолжи-

тельнаго времени подвластна Мидійской монархіи и потому ея имя въ библіи нѣсколько разъ употребляется вмѣсто Мидіи. Настоящая Персія, соотвѣтствующая нынѣшней области Фарсу или Фарсистану, лежала къ югу отъ Мидіи и къ юго-востоку отъ Элама. Пароія, играющая роль лишь въ позднѣйшей исторіи древняго міра, лежала къ востоку отъ Мидіи и къ юго-востоку отъ Элама.

Въ обширномъ пространствѣ, важнѣйшія части котораго сейчасъ были поименованы, уже очень рано возникли религія и цивилизація, получившія начало въ Бактріи или, какъ ее иначе называютъ, въ Восточной Персіи, и оттуда распространившіяся по всему этому краю. Но объ особенностяхъ этой религіи и цивилизаціи, и вообще обо всемъ, что относится до отдаленнѣйшихъ временъ жизни персидскихъ народовъ, мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій. Сохранившіеся до позднѣйшихъ временъ остатки старины и сказочные разсказы персидскихъ историковъ и поэтовъ доказываютъ только существованіе въ этихъ странахъ древней цивилизаціи, но даютъ намъ о ней весьма поверхностное понятіе.

Родственные между собою народы, жившіе на означенномъ пространствѣ, издавна имѣли общую религію. Она состояла, главнымъ образомъ, въ поклоненіи верховному божеству, стихіей котораго былъ свѣтъ, и огню, какъ его символу, и въ признаніи другаго высшаго существа—божества мрака или зла. Народы, имѣвшіе эту религію, уже рано достигли извѣстной степени цивилизаціи. Древнѣйшая ихъ исторія состоитъ изъ безпрерывныхъ войнъ съ дикими обитателями Турана. Вотъ все, что можно сказать положительнаго объ отдаленнѣйшихъ временахъ исторіи мидо-персидскихъ народовъ. Персидскіе историки и поэты называютъ множество царей этого періода и сообщаютъ разныя подробности о подвигахъ ихъ въ войнахъ съ туранцами; но всѣ эти извѣстія искажены вымыслами и, нерѣдко, противорѣчатъ другъ другу. Знаменитѣйшими изъ царей, составляющихъ главный предметъ ново-персид-

ской эпической поэзіи, были: родоначальникъ династіи Пишдадовъ-Хаюмаратъ, которому приписывается основаніе бактрійскаго города Балка, Лагораспъ и сынъ его Густаспъ, врагомъ которыхъ былъ Афразіабъ, владѣтель Турана, Феридунъ, Джемшидъ, основатель Персеполиса, внукъ его Рустунъ и Хай-Хозру, — родоначальникъ династіи Хаянидовъ.

Въ времена могущества Ассирійской и Вавилонской монархій, персидскіе народы подчинились ихъ владычеству. Въ періодъ упадка этихъ государствъ, они возвратили свою независимость, способствовали ихъ разрушенію и наслѣдовали имъ во владычествѣ надъ передней Азіей. Въ эпоху, которую нельзя опредѣлить съ точностью, у нихъ явился реформаторъ, по имени Зердучтъ или Зороастръ, возстановившій забытое древнее вѣрованіе и снова организовавшій религіозный культъ. Вслѣдствіе этого ему, позднѣе, приписали и самое ученіе и созданіе возстановленной имъ религіи. Поэтому, время его жизни иногда относятъ къ самой отдаленной древности, а, иногда, ко времени мидійскаго царя Кіаксара или персидскаго царя Дарія Гистаспа. Оставшіеся еще послѣдователи древне-персидскаго ученія, живущіе въ Персіи и въ Индіи подъ именемъ парсовъ или гвебровъ, приписываютъ ему книгу, называемую Зендъ-Авестой или живымъ словомъ, и считающуюся у нихъ самымъ священнымъ изъ религіозныхъ сочиненій. Она содержитъ сущность древне-персидскаго религіознаго ученія, но безъ сомнѣнія написана не Зороастромъ. Въ ней также замѣтно частое искаженіе его ученія вставками, заимствованными у индійцовъ, съ которыми послѣдователи Зороастра вступили въ соприкосновеніе въ началѣ среднихъ вѣковъ. У приверженцевъ этого ученія есть впрочемъ нѣсколько другихъ священныхъ книгъ, которыя еще менѣе могутъ быть приписаны Зороастру. По ученію Зороастра, какимъ оно является въ Зендъ-Авестѣ, надъ всею вселенною господствуетъ высшее, несозданное, первоначальное существо, отъ котораго произошли Ормуздъ, богъ свѣта и добра, и

Ариманъ, богъ мрака и зла. Міръ, созданный Ормуздомъ и Ариманомъ, состоитъ изъ хорошихъ и дурныхъ, чистыхъ и нечистыхъ веществъ, и управляется этими же богами, находящимися въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Богамъ этимъ подвластно множество служебныхъ духовъ, съ которыми они и воюютъ другъ противъ друга. Духи, подвластные Ариману, называются девами, а повинующіеся Ормузду раздѣляются на три разряда: амшаспандовъ, изедовъ и ферверовъ или феруэровъ. Эта борьба, въ которой сторонникомъ Ормузда долженъ являться и человѣкъ, кончится со временемъ совершеннымъ пораженіемъ Аримана. Огонь, какъ источникъ свѣта враждебнаго мраку, считается священнымъ у послѣдователей религіи Зороастра, которая, вслѣдствіе этого, называется также религіей огнепоклонниковъ. —

Достовѣрная исторія персидскихъ народовъ начинается не прежде седьмаго вѣка до нашего лѣтосчисленія. Въ это время освободился отъ ассирійскаго ига одинъ изъ этихъ народовъ, — мидяне, которые, подобно прочимъ, были прежде покорены ассиріянами. Разобщенныя до тѣхъ поръ индійскія племена соединились въ одно цѣлое, избрали своимъ общимъ главой и судьею Дейока, и построили для него Экбатану, сдѣлавшуюся съ тѣхъ поръ столицей Мидіи. Сынъ и преемникъ новаго царя Мидіи, Фраортъ, подчинилъ себѣ родственный народъ персовъ, но сдѣлавъ нападеніе на ассиріянъ, былъ разбитъ, и въ одномъ сраженіи лишился жизни. Сынъ его, Кіаксаръ, соединился съ вавилонскимъ царемъ Набополассаромъ, напалъ вмѣстѣ съ нимъ на Ассирійскую монархію, разрушилъ ее, и подѣлился съ своимъ союзникомъ ея обширными владѣніями. Затѣмъ, онъ освободилъ Мидію отъ разбойничьихъ ордъ скиѳовъ, прошедшихъ черезъ всю переднюю Азію, до границъ Египта, и на пути вторгнувшихся также въ Мидію. Наконецъ, Кіаксаръ началъ войну съ мало-азійскимъ народомъ лидійцами. Война эта, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, кончилась миромъ и женитьбой его сына Астіага на доче-

ри лидійскаго царя Аліатта. Кіаксаръ былъ истиннымъ основателемъ мидо-персидскаго владычества въ Азіи, заступившаго мѣсто владычества Ассиріи и Вавилона. Онъ пріобрѣлъ право на это названіе не однѣми только войнами и расширеніемъ предѣловъ Мидіи, но и тѣмъ, что возстановилъ въ народѣ древнія учрежденія и нравы Ирана.

Итакъ, со временъ Кіаксара эти народы начинаютъ достигать преобладанія въ западной половинѣ Азіи. Но, съ этого же времени, у нихъ начинаетъ развиваться чисто деспотическая форма правленія, которую мы видимъ у всѣхъ историческихъ народовъ этой части Азіи, начиная съ первой большой Вавилонской монархіи. До сихъ поръ еще, эта форма составляетъ главное различіе между Азіей и Европой. Рядомъ съ этой характеристической чертой, мы видимъ въ средней и западной Азіи еще ту особенность, что верховное владычество надъ землями отъ Инда до Средиземнаго моря постоянно переходило отъ одного народа къ другому, и что каждый сохранялъ его до тѣхъ поръ, пока его военная сила не уничтожалась дѣйствіемъ роскоши, въ которую они всѣ впадали, тотчасъ послѣ достиженія могущества. Тоже самое повторяется и до нашего времени въ исторіи всѣхъ владѣтельныхъ домовъ этихъ странъ. Отдѣльныя династіи точно также впадали въ нѣгу и безсиліе и становились жертвой смѣлыхъ узурпаторовъ, пользовавшихся этимъ, чтобъ низвергнуть ихъ и основать новую династію, впослѣдствіи подвергавшуюся той же участи. —

Сынъ и преемникъ Кіаксара, Астіагъ, былъ послѣднимъ мидійскимъ царемъ. Противъ него возстали, покоренные прежде мидянами, персы, которымъ удалось не только возвратить себѣ независимость, но и подчинить все Мидійское государство (559 до р. Х.) Дѣйствіями персовъ при этомъ возмущеніи руководилъ Киръ, принадлежавшій съ отцовской стороны къ дому Ахеменидовъ, — самой знатной изъ всѣхъ персидскихъ фамилій. Мать его была дочерью Астіага, который, по одному греческому преданію, увидѣвъ во снѣ предсказаніе своего паденія, думалъ

предупредить его, приказавъ погубить маленькаго Кира. Но ребенокъ былъ спасенъ и воспитанъ пастухами, и впослѣдствіи Астіагъ призналъ его своимъ внукомъ и снова принялъ ко двору. Затѣмъ, преданіе говоритъ, что Кира уговорилъ къ возстанію одинъ изъ мидійскихъ полководцевъ Гарпагъ, оскорбленный Астіагомъ. Увѣренный въ его содѣйствіи, Киръ склонилъ своихъ соплеменниковъ къ возмущенію, и, благодаря измѣнѣ Гарпага, побѣдилъ своего дѣда и лишилъ его престола. Съ плѣннымъ Астіагомъ Киръ обращался почтительно и ласково, и назначилъ для его содержанія цѣлую область въ восточной Персіи.

Такимъ образомъ, персы заняли мѣсто мидійцевъ, и достигли верховнаго владычества въ передней Азіи. Впрочемъ, Персидское государство не должно быть отдѣляемо отъ Мидійскаго, такъ какъ персы и мидяне не были отдѣльными народами, а составляли только два различныхъ племени одной и той же націи. Уже одно то обстоятельство, что мидійскій царь Астіагъ выдалъ свою дочь за перса, показываетъ, что эти два племена были близко родственны между собою и пользовались равными правами. Достигнувъ власти, Киръ также не дѣлалъ различія между мидянами и персами. Персы обитали въ собственной Персіи, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, и раздѣлялись на десять колѣнъ, изъ которыхъ три считались благороднѣе прочихъ и пользовались извѣстными преимуществами. Самымъ знатнымъ изъ нихъ считалось колѣно Пасаргадовъ. Когда персы достигли власти, три старшихъ колѣна, составлявшихъ какъ бы высшее дворянство, были поставлены выше мидянъ; но это преимущество выкупалось тѣмъ, что всѣ члены персидской касты жрецовъ были мидяне и пользовались большимъ уваженіемъ и вліяніемъ въ управленіи. За исключеніемъ этихъ жрецовъ, называвшихся магами, ни у персовъ, ни у мидянъ не было другихъ кастъ.

Киръ своими завоеваніями распространилъ Мидо-персидскую монархію. Прежде всего покорилъ онъ Бактрію. Затѣмъ, направилъ свое оружіе противъ Малой-Азіи, которая тогда почти

вся признавала верховную власть лидійскаго царя. Государство Лидійское, существовавшее давно, при царѣ Крезѣ, сынѣ Аліатта, достигло высшей степени своего могущества. Въ составъ его входили слѣдующія земли Малой Азіи: на западномъ берегу Виѳинія, Мизія, Лидія, Карія и греческія колоніи, округи которыхъ по именамъ главныхъ племенъ Греціи назывались: Эоліей, Іоніей и Доридой; на южномъ берегу — Ликія, Памфилія, Писидія, Исаврія, и Киликія; у Чернаго моря и на востокѣ — Понтъ, Пафлагонія и Каппадокія; наконецъ, во внутренности края — Фригія. Всѣ эти страны были подвластны царю Крезу, за исключеніемъ Киликіи и Ликіи, сохранявшихъ еще свою независимость.

Крезъ владѣлъ огромными, вошедшими въ пословицу, сокровищами и арміею, превосходившею войска Кира военнымъ искусствомъ и дисциплиной; наконецъ, онъ могъ быть увѣренъ въ преданности покоренныхъ имъ народовъ, которымъ оставилъ ихъ прежнее управленіе. Такимъ образомъ, въ предстоявшей борьбѣ съ персидскимъ царемъ, на его сторонѣ были весьма важныя выгоды. Но армія его была составлена изъ войскъ всѣхъ этихъ малоазійскихъ народовъ, и каждая отдѣльная часть находилась подъ начальствомъ своего собственнаго предводителя, вассала Креза. Напротивъ того, ядро персидской арміи состояло только изъ персовъ и мидянъ, пріученныхъ къ безусловному повиновенію. Крезъ самъ погубилъ себя тѣмъ, что имѣлъ слишкомъ невысокое мнѣніе о персахъ и полагалъ, что персидская армія состоитъ изъ непривыкшей къ порядку толпы, неспособной къ быстрымъ и стройнымъ передвиженіямъ. Поэтому онъ надѣялся удержать ее, въ пограничныхъ горныхъ проходахъ, въ теченіе зимы, небольшимъ числомъ войскъ и распустилъ войска своихъ вассаловъ. Воспользовавшись этимъ, Киръ перевелъ свою армію черезъ слабо занятую границу Лидійскаго царства, проникъ во внутренность монархіи, овладѣлъ, послѣ непродолжительной осады, столицей ея, Сардами, и взялъ въ плѣнъ самаго лидійскаго царя (552 до р. X.). Еще прежде

греческій мудрецъ Солонъ говорилъ Крезу, проникнутому гордымъ сознаніемъ своего царскаго величія, о непостоянствѣ всего земнаго и теперь слова его оправдались. Греческіе писатели разсказываютъ даже, что Киръ сначала хотѣлъ убить Креза. Уже Крезъ стоялъ на кострѣ, на которомъ его готовились сжечь въ присутствіи персидскаго царя, какъ изъ его устъ три раза вырвалось имя Солона. На вопросъ, что это значитъ — Крезъ отвѣчалъ, что однажды, во дни минувшаго счастія, мудрый Солонъ, не ослѣпленный его могуществомъ и богатствомъ, говорилъ ему объ измѣнчивости судьбы, и что теперь конецъ его жизни даетъ ему горестное убѣжденіе въ справедливости этихъ словъ. Отвѣтъ лидійскаго царя произвелъ на Кира глубокое впечатлѣніе, и мысль о томъ, что и онъ, подобно всѣмъ людямъ, подверженъ этому непостоянству судьбы, побудила его пощадить человѣка, несчастіе котораго было его счастіемъ. Онъ даровалъ Крезу жизнь. Впослѣдствіи, низложенный царь сталъ другомъ Кира, и персидскій царь, въ позднѣйшихъ своихъ предпріятіяхъ, часто руководствовался совѣтами богатаго опытностью Креза.

Вслѣдъ затѣмъ Киръ послалъ часть своихъ войскъ на завоеваніе греческихъ колоній, которыя однѣ, изъ всѣхъ частей Лидійской монархіи, не хотѣли покориться Персіи. Вскорѣ однако всѣ эти города, за исключеніемъ только двухъ, подчинились превосходству персидскихъ силъ. Киръ оставилъ имъ прежнія ихъ учрежденія, такъ что они продолжали пользоваться самоуправленіемъ, и въ каждый городъ былъ назначенъ только одинъ мидянинъ или персъ, для высшаго надзора за управленіемъ. Въ древности, такой образъ дѣйствія былъ въ повсемѣстномъ употребленіи у всѣхъ народовъ востока, и отчасти сохранился и до нашего времени. И послѣ Кира, долгое время никому не приходило въ голову вводить у побѣжденныхъ народовъ правительственныя учрежденія побѣдителей; напротивъ того, у каждаго народа оставлялись неприкосновенными прежнія учрежденія и управленіе, даже и тогда, когда сомнѣвались въ его вѣрности. Въ подобныхъ слу-

чаяхъ предпочитали ослаблять ихъ перемѣщеніемъ части жителей въ отдаленныя страны. Два греческіе города въ Малой Азіи, Теосъ и Фокея, хотѣли не только сохранить самоуправленіе, но и остаться независимыми отъ верховнаго владычества Персіи. Они предпочли лучше покинуть родину, чѣмъ подчиниться персамъ. Жители Теоса отплыли съ своими женами и дѣтьми къ берегамъ Ѳракіи, поселились тамъ и основали городъ Абдеру, который впослѣдствіи, подобно нѣмецкимъ городамъ Шильдѣ, Гиршау и другимъ, имѣлъ несчастіе прославиться, вошедшей въ пословицу, предполагаемой глупостью своихъ жителей.

Будучи не въ силахъ противиться превосходству персидскихъ войскъ, граждане Фокеи перенесли на корабли своихъ женъ, дѣтей и идоловъ, и поплыли къ заселенному греками острову Хіосу; но тамошніе жители не позволили имъ поселиться на этомъ островѣ, опасаясь промышленнаго и предпріимчиваго духа фокейцевъ. Тогда они рѣшились поселиться на далекомъ островѣ Корсикѣ, гдѣ лѣтъ за двадцать до того была основана ими колонія. Но прежде чѣмъ фокейцы отправились туда, они еще разъ поплыли къ берегамъ родины и отмстили за себя непріятелю, истребивъ застигнутый въ расплохъ персидскій гарнизонъ своего города. Послѣ этого всѣ они поклялись, что не вернутся болѣе въ Фокиду, пока кусокъ желѣза, брошенный ими въ море, не всплыветъ на поверхность воды. Но едва началось ихъ плаваніе къ Корсикѣ, какъ большая часть изъ нихъ уступила чувству тоски по родинѣ и, забывъ свою клятву, поплыла назадъ къ родному городу и подчинилась персамъ. Остальные достигли Корсики и провели тамъ нѣсколько лѣтъ въ принадлежавшей имъ колоніи, но безпокоимые карѳагенянами и этрусками, господствовавшими въ Тосканскомъ морѣ, снова сѣли на корабли, и поселились на берегахъ нижней Италіи. Здѣсь они также не могли удержаться, и поплыли въ Массилію, нынѣшнюю Марсель, основанную ими за сто лѣтъ передъ тѣмъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлавшуюся постепенно од-

нимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ западной части Средиземнаго моря.

Участи Лидійской монархіи подверглась и Вавилонія, царь которой былъ въ союзѣ съ Крезомъ противъ Кира. Войска Кира, подъ личнымъ его начальствомъ, разбили вавилонянъ, взяли ихъ столицу, и обратили все государство въ персидскую провинцію (539 до р. Х.). Кажется, что Киръ думалъ также и о походѣ въ Египетъ, и этимъ отчасти объясняется данное евреямъ позволеніе вернуться изъ Вавилоніи въ Палестину. Чувство состраданія къ несчастному народу конечно также играло здѣсь роль, но, тѣмъ не менѣе, очевидно, что главной причиною этого было намѣреніе Кира, посредствомъ поселенія евреевъ по сосѣдству съ Египтомъ, приготовить себѣ безопасный путь въ эту страну. Финикія, до тѣхъ поръ подвластная Вавилону, тогда добровольно признала власть персидскаго царя.

Подчинивъ персидскому владычеству различные народы передней Азіи, Киръ основалъ для своей обширной монархіи новую столицу, такъ какъ Экбатана была слишкомъ удалена отъ ея средоточія, а весьма выгодно расположенный для столицы передней Азіи — Вавилонъ былъ городомъ народа покореннаго и чуждаго персамъ. Новая столица — Суза была построена въ югозападной части собственной Персіи.

Извѣстія, сообщаемыя намъ древними, о послѣднемъ походѣ Кира и его смерти, случившейся въ 530 году до р. Х., не согласны между собою. Наиболѣе достовѣрный источникъ говоритъ, что Киръ предпринялъ походъ противъ воинственнаго кочеваго племени дербиковъ, бродившихъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, въ нынѣшней Туркменіи. Сражаясь съ ними, онъ былъ разбитъ и раненъ. Затѣмъ, при помощи одного скиѳскаго племени, постоянно враждебнаго дербикамъ, онъ снова пошелъ на нихъ, побѣдилъ ихъ на этотъ разъ, но вторично былъ раненъ въ сраженіи и умеръ отъ раны. По другимъ свѣдѣніямъ, Киръ напалъ на скиѳское племя массагетовъ, жившее также къ востоку отъ Каспійскаго моря, и

управлявшееся тогда царицей Томирисою. Прибывъ въ ихъ страну, онъ сдѣлалъ видъ что отступаетъ и при этомъ бросилъ на пути большое количество вина. Перепившіеся массагеты были перебиты и взяты въ плѣнъ Киромъ. Предводитель ихъ, сынъ царицы Томирисы, лишилъ себя жизни. Но царица сама стала въ главѣ вновь собраннаго войска и нанесла персамъ страшное пораженіе. Въ этомъ бою былъ убитъ Киръ. Преданіе говоритъ, что царица въ поруганіе надъ трупомъ Кира приказала обезглавить его и бросить голову въ мѣшокъ съ человѣческой кровью. Послѣдняя часть этого разсказа опровергается тѣмъ, что трупъ Кира былъ погребенъ въ Пасаргадѣ, царскомъ склепѣ персовъ, гдѣ, два вѣка спустя, Александръ Великій велѣлъ показать его себѣ, и нашелъ на памятникѣ слѣдующую надпись: „О человѣкъ, я Киръ, доставившій персамъ верховное владычество и господствовавшій надъ Азіей; поэтому не удивляйся великолѣпію моего гроба.„

Преемникомъ Кира былъ сынъ его Камбисъ, царствовавшій съ 530 по 522 годъ. Онъ уступалъ дарованіями своему младшему брату, котораго звали Смердисомъ, а по другимъ источникамъ Таніоксарксомъ, и уже прежде былъ нелюбимъ персами за свою жестокость. По распоряженію Кира, Смердисъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ своего брата въ сѣверовосточной части Персидской монархіи, и управлялъ ею почти съ неограниченною властью. Одинъ изъ маговъ, оскорбленный имъ вскорѣ послѣ смерти Кира, рѣшился отмстить ему, и съ этой цѣлью, поѣхалъ къ Камбису, который въ это время былъ въ походѣ противъ Египта, и уже прежде, изъ недовѣрчивости, приказалъ брату слѣдовать за собою. Клеветникъ обвинилъ Смердиса въ властолюбивыхъ замыслахъ и царь, тѣмъ легче повѣрилъ ему, что уже былъ раздраженъ противъ брата не исполнившаго его приказанія. Камбисъ поручилъ магу собрать нѣсколько персидскихъ вельможъ и передать имъ царское приказаніе умертвить Смердиса. Убійство должно было остаться тайной и магу было приказано, до возвращенія Камбиса изъ Египта, управлять страною именемъ Смердиса. Все

было исполнено какъ приказалъ Камбисъ, и никто не подозрѣвалъ о случившемся, такъ какъ магъ, выдававшій себя за Смердиса, и потому обыкновенно называемый Псевдо-или-Лже-Смердисомъ, никогда не выходилъ изъ внутреннихъ комнатъ дворца и самъ царь оффиціально называлъ его своимъ братомъ.

Камбисъ, между тѣмъ, безъ труда завоевалъ Египетъ и взялъ въ плѣнъ тамошняго царя Псамменита. Побѣдитель, какъ это всегда дѣлали древніе персы, пощадилъ несчастнаго царя, позволилъ Псаммениту выбрать себѣ въ спутники шесть тысячъ египтянъ, и далъ ему владѣніе въ окрестностяхъ Сузы, гдѣ онъ и провелъ остатокъ жизни въ кругу своихъ соотечественниковъ. Другіе писатели обвиняютъ Камбиса въ весьма жестокомъ обращеніи съ Псамменитомъ и его семействомъ, но разсказъ этотъ гораздо менѣе вѣроятенъ. Тоже самое должно сказать и объ извѣстіи, сообщаемомъ однимъ греческимъ историкомъ, который говоритъ, что во время пребыванія Камбиса въ Египтѣ, частые припадки падучей болѣзни и пьянство ослабили его разсудокъ, и онъ, вслѣдствіе этого, предавался все большимъ и большимъ жестокостямъ. Извѣстіе это не можетъ быть вѣрно потому, что въ поступкахъ Камбиса, до послѣдней его минуты, видно разумное пониманіе обстоятельствъ и положенія дѣлъ. Не нужно забывать, что этотъ историкъ получилъ большую часть своихъ свѣдѣній о персидскомъ царѣ отъ египетскихъ жрецовъ, и что египтяне питали къ нему, даже послѣ его смерти, глубокую ненависть, какъ къ виновнику порабощенія Египта. Нельзя однако не согласиться, что этотъ царь былъ одаренъ отъ природы недовѣрчивымъ умомъ и сердцемъ склоннымъ къ жестокости, и потому многое изъ того, что разсказываютъ о его свирѣпыхъ поступкахъ, можетъ быть дѣйствительно справедливо. Говорятъ, напримѣръ, что онъ, ударомъ ноги, убилъ одну изъ своихъ сестеръ, казнилъ, по простому капризу, знатныхъ персидскихъ воиновъ, приказалъ даже убить друга своего отца Креза, и т. п. Подвластныя Египту африканскія племена подчинились Камбису добровольно; но походъ противъ

Аммонскаго оаза, куда онъ отправилъ часть своихъ войскъ, кончился совершенной неудачей: отрядъ этотъ весь погибъ въ пустынѣ. Почти тоже случилось съ главной арміей, которую самъ Камбисъ повелъ на завоеваніе Эѳіопіи. Истративъ взятые съ собою жизненные припасы и испытавъ большую потерю въ людяхъ, онъ былъ принужденъ отказаться отъ своего предпріятія и вернуться въ Египетъ.

На обратномъ пути въ Персію, Камбисъ случайно ранилъ себя, садясь на лошадь, обнаженнымъ мечемъ, или, какъ говорятъ другіе, стараясь однимъ ударомъ перерубить деревянную колоду. Рана оказалась смертельной и царь вскорѣ умеръ. Передъ смертью, онъ разсказалъ приближеннымъ объ участи своего брата и открылъ тайну, кто управлялъ именемъ Смердиса. Умирая бездѣтнымъ, Камбисъ долженъ былъ ожидать, что если это останется тайною, то Лже-Смердисъ, какъ ближайшій, повидимому, наслѣдникъ престола, овладѣетъ царскою властію. Разсказываютъ даже, что еще при жизни Камбиса, его мнимый братъ возсталъ противъ него и провозгласилъ себя царемъ. При содѣйствіи своей касты, онъ успѣлъ, послѣ смерти Камбиса, продержаться на престолѣ девять мѣсяцевъ, такъ какъ народъ, зная о несогласіяхъ двухъ братьевъ, не рѣшался вѣрить словамъ Камбиса, и, сверхъ того, утомленный продолжительными войнами, радовался миролюбію Лже-Смердиса, отмѣнившаго налоги, взимавшіеся въ военное время. Наконецъ, семь важнѣйшихъ полководцевъ изъ племени Пасаргадовъ составили заговоръ противъ узурпатора. По преданію, они начали свои дѣйствія тѣмъ, что при помощи одной изъ женъ мага, убѣдились въ справедливости предсмертныхъ словъ Камбиса. Настоящій Смердисъ, еще при жизни отца, за какой то проступокъ поплатился обоими ушами, и потому приближеннымъ къ царю было легко удостовѣриться дѣйствительно ли онъ былъ сыномъ Кира, тогда какъ обычный головной уборъ скрывалъ это отъ всѣхъ остальныхъ. Разъяснивъ свои сомнѣнія, заговорщики ворвались

однажды вооруженные во дворецъ и умертвили узурпатора и всѣхъ приближенныхъ къ нему маговъ (521 до р. X).

Такъ какъ мужеское потомство Кира пресѣклось, то заговорщики выбрали царемъ сына Гистаспа, Дарія, одного изъ участниковъ въ заговорѣ. Выборъ ихъ палъ на него потому, что онъ принадлежалъ къ дому Ахемидовъ и, кромѣ того, былъ женатъ на дочери Кира, Атоссѣ. Разсказъ о томъ, будто эти семь человѣкъ совѣщались между собою на счетъ введенія той или другой правительственной формы—демократической республики, олигархіи или монархіи,—должно считать чистою выдумкою, точно также, какъ и то, что они рѣшились предоставить выборъ царя чему-то въ родѣ божьяго суда. Преданіе говоритъ, что они назначили быть тому царемъ, чья лошадь заржетъ первая въ виду восходящаго солнца, во время прогулки, которую они предприняли вмѣстѣ. Дарій прибѣгнулъ при этомъ къ хитрости, приказавъ наканунѣ накормить свою лошадь въ одномъ мѣстѣ у самаго начала пути. На другой день, лошадь, приблизившись къ знакомому мѣсту, заржала отъ радости.

Дарій I или Дарій Гистаспъ, какъ обыкновенно называютъ этого основателя новой персидской династіи, царствовалъ съ 521 по 485 годъ до р. X. Это одинъ изъ важнѣйшихъ властителей Персіи, замѣчательный какъ завоеваніями и военными подвигами, такъ и новой организаціей, которую онъ далъ Персидской монархіи. Безпорядки, происходившіе во время отсутствія Камбиса, вслѣдствіе крайней неопредѣленности отношеній намѣстниковъ, полководцевъ и вассальныхъ князей, вѣроятно дали почувствовать недостатокъ въ положительныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Поэтому Дарій рѣшился дать государственному управленію больше силы и болѣе ясную форму. Онъ основалъ свои учрежденія на древне-персидскихъ обычаяхъ и законахъ, и связалъ ихъ съ тѣмъ древнимъ религіознымъ ученіемъ, которымъ руководствовался и Кіаксаръ, и которое въ неизвѣстную намъ эпоху воззвалъ къ новой жизни Зороастръ. Но и въ Персіи повтори-

лось тоже, что часто случается въ исторіи. Обращенное въ государственный законъ, ученіе Зороастра было во многихъ отношеніяхъ превосходно, превозглашенные Даріемъ принципы высшаго управленія и администраціи были сами по себѣ также очень хороши, — но исполненіе ихъ не сходилось съ теоріей. Большая часть того, что происходило въ государствѣ, явно противорѣчило этому ученію и принципамъ. Форма правленія, выбранная Даріемъ, была деспотія, основанная на предписаніяхъ религіи. Государь являлся священнымъ существомъ, высоко-поставленнымъ надъ народомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и недоступнымъ ему. Монархія была раздѣлена на двадцать намѣстничествъ или сатрапій, изъ которыхъ каждая управлялась своимъ сатрапомъ, и платила опредѣленное количество податей. Администрація являлась, такимъ образомъ, весьма простою, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень однообразной и произвольной. Въ каждой сатрапіи все зависѣло отъ одного лица. Каждый намѣстникъ скоро обзаводился собственнымъ дворомъ, подавалъ примѣръ роскоши и распутства, своимъ произволомъ развращалъ нравственность цѣлаго народа, и, наконецъ, весьма часто держался политики, рѣзко противорѣчившей политикѣ ближайшаго своего сосѣда — намѣстника. При преемникахъ Дарія дѣло дошло даже до того, что сатрапы почти всегда враждовали между собою, а персидскія намѣстничества сдѣлались какъ бы отдѣльными государствами.

Дарій продолжалъ рядъ завоеваній, посредствомъ которыхъ два его предшественника сдѣлали персовъ господствующимъ народомъ Азіи. Одна изъ его армій проникла въ сѣверную Африку до Великаго Сирта, залива, находящагося между Баркой и Триполи. Здѣсь, однако, африканскія орды и жители греческой колоніи Кирены нанесли этой арміи чувствительное пораженіе и принудили ее вернуться въ Египетъ съ большими потерями. Находившійся въ персидской службѣ карійскій морякъ, Скилаксъ, посланный Даріемъ для изслѣдованія западнаго полуострова Индіи, спустился внизъ по Инду и возвратился черезъ Индійскій

океанъ и Красное море. Собравъ свѣдѣнія о пути въ Индію, Дарій двинулся туда съ войскомъ и обложилъ данью нѣкоторыя области въ западной части полуострова. Западные предѣлы монархіи были также расширены его завоеваніями. Онъ перешелъ изъ Азіи въ Европу по большему мосту, наведенному черезъ Босфоръ, и, такимъ образомъ, первый изъ азіятцевъ вторгнулся въ Европу. Этотъ походъ былъ направленъ противъ кочующихъ племенъ, называемыхъ скиѳами, постоянно дѣлавшихъ набѣги на прикаспійскія области Персіи. Дарій двинулся черезъ сѣверную Турцію, и вступилъ въ землю скиѳовъ, начинавшуюся у нижняго Дуная. Предпріятіе не удалось и едва не кончилось гибелью персидской арміи. Скиѳы не вдавались въ бой съ персами, а постоянно отступали передъ ними въ глубь страны бѣдной съѣстными припасами и гдѣ лишь изрѣдка попадались клочки воздѣланной земли. Персы были приведены въ отчаяніе, и Дарій увидѣлъ себя принужденнымъ отступить, не осуществивъ своего плана. Во время этого отступленія, онъ подвергся новой и еще гораздо большей опасности. Нѣкоторые изъ начальниковъ греческихъ дружинъ, взятыхъ Даріемъ изъ подвластныхъ ему мало-азійскихъ торговыхъ городовъ, и охранявшихъ мостъ черезъ Дунай, задумали было уничтожить этотъ мостъ, и, такимъ образомъ, обречь на гибель персидскаго царя и его армію и освободиться отъ персидскаго ига. Но большинство греческихъ начальниковъ воспротивилось этому намѣренію, понимая, что съ возстановленіемъ независимости, они безъ сомнѣнія потеряли бы ту почти неограниченную власть, которой пользовались въ своихъ городахъ, управляя ими въ качествѣ вассаловъ Персіи. Этимъ Дарій былъ спасенъ и вернулся въ Персію, оставивъ въ Европѣ одного изъ своихъ полководцевъ, завоевавшаго впослѣдствіи весь южный берегъ Ѳракіи и принудившаго къ покорности македонскаго царя. Такимъ образомъ, предѣлы Персидской монархіи раздвинулись до Ѳессаліи.

Дарію пришлось бороться противъ двухъ опасныхъ возстаній,

вспыхнувшихъ въ Вавилоніи и въ Малой Азіи. Послѣднее было поводомъ къ продолжительнымъ войнамъ, которыя чрезъ нѣсколько поколѣній кончились гибелью Персидской монархіи. Вавилонское возстаніе было подготовлено во время смутъ при Камбисѣ и Лже-Смердисѣ, и вспыхнуло вскорѣ послѣ вступленія Дарія на престолъ. Вавилоняне превосходно организовали свои оборонительныя средства, и потому Дарій, явившись подъ стѣнами Вавилона, въ теченіе почти двухъ лѣтъ ничего не могъ сдѣлать. Наконецъ, ему помогъ одинъ изъ его полководцевъ, Зопиръ, который, съ вѣдома Дарія, отправился къ вавилонянамъ, отрѣзавъ себѣ предварительно носъ и уши, чтобы походить на человѣка, оскорбленнаго царемъ и желавшаго отмстить ему. Ему удалось пріобрѣсть довѣріе вавилонянъ и получить даже начальство надъ ихъ арміей. Достигнувъ этого, онъ устроилъ все такъ, что армія была разбита и городъ взятъ персами. Зопиръ получилъ въ награду званіе намѣстника Вавилоніи, съ правомъ пожизненнаго пользованія всѣми доходами этой богатой провинціи. Вавилонъ же подвергся жестокому наказанію: три тысячи гражданъ его были казнены и часть городской стѣны разрушена.

Возстаніе мало-азійскихъ грековъ также было неудачно, но повлекло за собою чрезвычайно важныя послѣдствія не только для Персіи, но и для всего міра. Грекъ Гистіей, уроженецъ Милета и персидскій намѣстникъ въ этомъ важнѣйшемъ изъ всѣхъ мало-азійскихъ городовъ, много содѣйствовалъ сохраненію моста на Дунаѣ и спасенію Дарія при отступленіи его изъ скиѳскаго похода. Въ награду за эту услугу, онъ получилъ землю на ѳракійскомъ берегу и основалъ тамъ греческую колонію. Это обстоятельство возбудило въ сатрапѣ Малой Азіи подозрѣніе, что Гистіей становится уже слишкомъ могущественнымъ и питаетъ опасные замыслы. По совѣту этого сатрапа, Дарій, какъ бы въ видѣ особенной почести, пригласилъ Гистіея ко двору въ Сузу, и назначилъ правителемъ Милета близкаго его родственника Аристагора. Персы имѣли тогда намѣреніе завоевать острова Архипелага,

и всѣ ихъ дѣйствія въ этомъ отношеніи были вполнѣ удачны, за исключеніемъ только одного нападенія, сдѣланнаго Аристагоромъ на островъ Наксосъ. Опасаясь отвѣтственности за неудачу въ этомъ несчастномъ предпріятіи, Аристагоръ уступилъ давнишнему стремленію мало-азійскихъ грековъ къ независимости и произвелъ возстаніе. Тайное письмо, присланное ему Гистіемъ, недовольнымъ своимъ положеніемъ въ Сузѣ, не мало содѣйствовало ускоренію взрыва. На успѣхъ нельзя было надѣяться, но тѣмъ не менѣе заговорщики привели свой планъ въ исполненіе. Возстановленіемъ демократическаго правленія они легко склонили на свою сторону гражданъ другихъ городовъ, выхлопотали себѣ также помощь аѳинянъ, страстно преданныхъ этой формѣ правленія, и жителей, лежавшаго на островѣ Эвбеѣ, города Эретріи. Оба города прислали имъ по нѣскольку кораблей. Возстаніе грековъ, которые почти всѣ были жителями іонійскихъ городовъ, продолжалось съ 502 по 496 годъ. На сушѣ имъ конечно было не подъ силу сражаться съ персами, но на морѣ они безъ сомнѣнія одержали бы надъ ними верхъ, еслибы только умѣли сохранить согласіе и единство въ своихъ дѣйствіяхъ. Аѳиняне вернулись домой послѣ перваго пораженія іонійцевъ. Не надѣясь на счастливое окончаніе борьбы, Аристагоръ также вскорѣ бѣжалъ во Ѳракію, гдѣ былъ убитъ дикими туземцами. Гистіей, отпросившійся изъ Сузы подъ тѣмъ предлогомъ, что своимъ вліяніемъ укротитъ возстаніе, прибылъ однако въ Милетъ не въ счастливую минуту. Встрѣченный іонійцами съ недовѣрчивостью, онъ, несмотря на это, принялъ участіе въ борьбѣ, снова попался въ плѣнъ къ персамъ и былъ ими распятъ. Іонійцы успѣли распространитъ возстаніе и въ другихъ частяхъ Малой Азіи, но все таки были принуждены покориться. Измѣна и недостатокъ единства подвергли ихъ пораженію даже на морѣ. Вся страна была страшно разорена и многіе жители потерпѣли жестокое наказаніе. Въ этихъ насиліяхъ виноваты были персидскія войска, а не самъ царь. Когда полководецъ, распявшій Гистіея, прислалъ его голову въ Сузу, Дарій

остался недоволенъ убійствомъ человѣка, который нѣкогда оказалъ ему важныя услуги и пріобрѣлъ право на его благодарность. Голова Гистіея была, по приказанію царя, похоронена съ почестями. Дарій былъ также тронутъ, когда большую часть жителей Милета привели плѣнниками въ Сузу, освободилъ ихъ отъ рабства и позволилъ имъ поселиться близъ устьевъ Тигра.

Естественнымъ послѣдствіемъ возстанія мало-азійскихъ грековъ и ихъ подавленія была рѣшимость Дарія не только завоевать всѣ острова Архипелага, но и обратитъ европейскую Грецію въ провинцію своей монархіи. Можетъ быть этотъ планъ и удался бы, еслибъ персы старались подчинять каждое греческое государство отдѣльно. Напротивъ того, они хотѣли покорить грековъ непремѣнно всѣхъ разомъ, думая громадными массами войскъ и силою добиться того, чего можно было достигнуть только терпѣніемъ и пользуясь постоянными несогласіями грековъ. Наконецъ, противъ страны, жители которой далеко превосходили ихъ въ морскомъ дѣлѣ, и мѣстность которой не позволяла употреблять большихъ массъ кавалеріи,—персы дѣйствовали именно съ моря, а на суши — посредствомъ кавалеріи. Такимъ образомъ, государство было вовлечено въ изнурительныя и гибельныя войны, описаніе которыхъ будетъ сообщено впослѣдствіи въ греческой исторіи. При Даріи было предпринято два похода въ Грецію, и оба кончились неудачно. Третій походъ былъ пріостановленъ несогласіями при дворѣ и возстаніемъ въ Египтѣ. Дарій все таки не отказывался отъ него, но умеръ внезапно въ 485 году.

Позднѣйшая исторія Персіи, до самаго паденія монархіи, тѣсно связана съ исторіей грековъ и будетъ разсказана въ связи съ нею. Теперь достаточно представить перечень преемниковъ Дарія Гистаспа и присоединить къ нему нѣсколько короткихъ замѣчаній. Дарію наслѣдовалъ сынъ его, Ксерксъ I, царствовавшій съ 485 по 467 годъ и павшій жертвою придворнаго заговора. На престолъ вступилъ тогда его младшій сынъ, Артаксерксъ I

(467—424), прозванный Лонгиманомъ (Долгорукимъ) и начавшій свое царствованіе убійствомъ старшаго брата и того придворнаго, которому былъ обязанъ престоломъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Ксерксъ II, умерщвленный однимъ изъ своихъ братьевъ на 45 день царствованія. Убійца, называвшійся Согдіаномъ, въ свою очередь погибъ жертвою братоубійства, послѣ шести съ половиною мѣсяцевъ владычества. Убійца Согдіана, Охъ, владѣлъ престоломъ съ 424 по 404-й годъ и, сдѣлавшись царемъ, получилъ имя Дарія II Нота. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его, Артаксерксъ II, (404—364), прозванный за хорошую память Мнемономъ. При самомъ вступленіи на престолъ, новому царю пришлось вести войну съ возставшимъ противъ него меньшимъ братомъ, Киромъ Младшимъ, который былъ убитъ въ сраженіи. По смерти Артаксеркса II-го, царемъ сталъ одинъ изъ его сыновей, Охъ или Артаксерксъ III, достигшій престола умерщвленіемъ нѣкоторыхъ членовъ своего семейства. Онъ царствовалъ съ 364 по 339 годъ и былъ отравленъ однимъ изъ своихъ царедворцевъ, который также лишилъ жизни сына и преемника его Арзеса, царствовавшаго съ 339 по 336 годъ. На престолъ вступилъ тогда Дарій III Кодоманъ, правнукъ царя Дарія II, бывшій послѣднимъ персидскимъ царемъ. Въ 330 г. до р. Х. онъ лишился и престола и жизни въ борьбѣ съ Александромъ Великимъ, завоевателемъ Персидской монархіи. —

Въ эпоху величайшаго распространенія персидскаго владычества, при Даріѣ I, началось и постепенное развращеніе нравовъ и упадокъ могущества персовъ. Государство простиралось тогда отъ Инда до границъ Ѳессаліи и западныхъ предѣловъ Египта, и отъ Персидскаго и Аравійскаго заливовъ до восточныхъ прикаспійскихъ степей и Кавказа, обитатели котораго также причислялись въ то время къ народамъ Персидской монархіи. Не смотря на систематическій порядокъ, введенный Даріемъ I въ управленіе этой обширной массой земель, не смотря на простое и чистое ученіе Зороастра, котораго держалось господствовавшее племя, — госу-

дарство, съ этого же времени, стало представлять картину постепенно усиливавшагося разложенія и упадка нравовъ.

Уже съ самаго начала войнъ съ греками, персидская исторія представляетъ однообразный разсказъ объ интригахъ двора, полководцевъ и намѣстниковъ, внутреннихъ безпокойствахъ, нравственныхъ и религіозныхъ заблужденіяхъ и безразсудныхъ походахъ противъ грековъ. Неудача этихъ экспедицій повлекла за собою потерю западныхъ провинцій монархіи и, затѣмъ, Персія подверглась частымъ набѣгамъ и завоевательнымъ предпріятіямъ, полнаго силъ, греческаго народа. Придворные и высшіе сановники были, по большей части, трусливыми и изнѣженными эгоистами, а намѣстники отличались властолюбіемъ, старались губить другъ друга и часто воевали между собою. Царь былъ только орудіемъ ихъ,—священнымъ именемъ, посредствомъ котораго въ тогдашней Персіи обманывали народъ, какъ впослѣдствіи въ имперіи Великаго Могола, или теперь въ Турціи. Имя царя служило только щитомъ, подъ прикрытіемъ котораго можно было дѣйствовать еще произвольнѣе. Поэтому персидскіе сатрапы, какъ нынѣшніе турецкіе паши, никогда не старались отдѣлиться отъ монархіи. Каждый изъ нихъ стремился только къ совершенной независимости въ управленіи, и, разъ достигнувъ этой цѣли, спокойно продолжалъ распоряжаться именемъ царя, хотя всего менѣе думалъ объ исполненіи его приказаній. Измѣны и интриги всякаго рода стали обычнымъ дѣломъ; царемъ управляли любимцы и женщины. Уже при Даріѣ Гистаспѣ одна изъ царскихъ женъ, дочь Кира, умѣла сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, и, вопреки собственному желанію Дарія, успѣла настоять на томъ, чтобы престолъ перешелъ не къ одному изъ сыновей его отъ перваго брака, а къ собственному ея сыну Ксерксу. Вліяніе женъ стало въ Персіи господствующимъ обычаемъ и дѣломъ совершенно законнымъ. Царскимъ женамъ, и даже наложницамъ, дарились цѣлые округи или области и отдавались въ распоряженіе войска. Такія же обширныя земли раздавались любимцамъ и иностранцамъ, приходившимъ

искать счастія при дворѣ. О желаніи жителей при этомъ, конечно, не спрашивали. Также возмутительны были употреблявшіяся наказанія, какъ напримѣръ, отсѣченіе членовъ, сажаніе на колъ и варварское замучиваніе людей на смерть солнечными лучами или укушеніями насѣкомыхъ. Эти мерзости были введены совершенно наперекоръ ученію Зороастра, также какъ и заимствованное у вавилонянъ гаданіе по звѣздамъ, толкованіе сновъ, употребленіе египетскихъ талисмановъ и другіе отвратительные или суевѣрные обычаи. Не довольствуясь этимъ, съ религіей огня, возстававшей противъ всѣхъ подобныхъ заблужденій, связали также поклоненіе идоламъ сосѣднихъ народовъ. Наконецъ, стали даже приносить въ жертву людей, такъ что нерѣдко можно было видѣть, что живыя дѣти были зарываемы въ землю, какъ искупительныя жертвы для взрослыхъ.

Какъ мало походилъ на эту картину характеръ и образъ жизни персидскаго народа прежняго времени! Древній бытъ этого народа мы еще видимъ въ тѣхъ персахъ, съ которыми Киръ создалъ свою азіятскую монархію, и которые, во многихъ отношеніяхъ, представляютъ разительное сходство съ древними германцами. До Кира, персы еще сохраняли свои простые, но не грубые, нравы и отличались любовью къ правдѣ. Колѣна, на которые раздѣлялась нація, считались неравными по достоинству, но у персовъ не существовало той непреодолимой преграды между людьми, какую мы видимъ въ общественномъ устройствѣ Индіи и Египта. Они имѣли извѣстныя нравственныя правила, глубоко вкоренившіяся въ понятіи народа, жизнью котораго управлялъ обычай, а не полицейскія постановленія или божескія заповѣди. Поэтому, персы легко перенимали чужіе нравы, чужія добродѣтели и пороки, — черта свойственная германцамъ, и сохранившаяся у нынѣшнихъ персіянъ. Наконецъ, древніе персы, подобно германцамъ, имѣли большую склонность къ вину. Они любили пить во время совѣщаній, но рѣшали дѣла не прежде слѣдующаго дня.

Сдѣлавъ обширныя завоеванія, персы развратились, и, вмѣстѣ

съ древней простотой своихъ нравовъ, навсегда потеряли все, что было добраго и благороднаго въ ихъ племени. Несмотря на весь блескъ своего величія, они подверглись такой же печальной участи, какъ и покоренные ими народы. Персидское государство заключало тогда самыя богатыя и прекрасныя земли древняго міра, но, вмѣстѣ съ потерэю независимости, персы лишились настоящей жизни и благосостоянія. Въ огромномъ Персидскомъ царствѣ вскорѣ исчезло всякое національное чувство и вообще всякое стремленіе къ высшимъ человѣческимъ цѣлямъ. Человѣкъ сталъ видѣть свое счастіе въ томъ, чтобы пить, ѣсть, исполнять приказанное и предаваться праздности. Гражданинъ государства пахалъ землю, сидѣлъ за ткацкимъ станкомъ, хозяйничалъ и строилъ, и отъ времени до времени послушно отправлялся на войну, въ которой его сердце не принимало участія. Все населеніе обширной монархіи походило на стадо овецъ, которое паслось на привольномъ лугу, пока, наконецъ, не сдѣлалось добычею волковъ.

Въ государственномъ управленіи маги или члены жреческой касты пользовались большимъ вліяніемъ. Они посвящали царя при вступленіи его на престолъ, вели лѣтопись его правленія, получали свѣтскія должности, для которыхъ требовались особенныя познанія и, наконецъ, распоряжались царскими похоронами. Послѣ нихъ ближайшими къ царю лицами были семь князей, имѣвшіе во всякое время безпрепятственный входъ во внутреннія комнаты дворца. При вступленіи царя на престолъ, трое изъ нихъ исполняли особенныя почетныя должности, состоявшія въ возложеніи на царя одежды и тіары Кира и въ опоясаніи его мечемъ. Царь считался священной особой, передъ которой каждый долженъ былъ падать ницъ. Его окружалъ блестящій и чрезвычайно многочисленный дворъ, и всѣ слуги и придворные были подчинены самому строгому этикету. Кромѣ великолѣпныхъ дворцовъ въ различныхъ резиденціяхъ государства, царь имѣлъ еще множество загородныхъ замковъ и, такъ называемыхъ, парадизовъ, т. е. царскихъ садовъ и парковъ.

Государство было, какъ мы уже сказали, раздѣлено на двадцать сатрапій или намѣстничествъ, изъ которыхъ каждое управлялось сановникомъ, назначавшимся по личному выбору царя. Хотя царь часто посылалъ своихъ уполномоченныхъ для надзора за сатрапами, но послѣдніе все таки управляли совершенно произвольно. Войска, стоявшія въ намѣстничествахъ, были подчинены не сатрапамъ, а особеннымъ полководцамъ, но каждый сатрапъ старался составлять себѣ свое особенное войско. Доходы государства состояли въ собственной Персіи изъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ и изъ добровольныхъ подарковъ, которые въ военное время требовались насильно. Покоренные народы ежегодно платили извѣстную дань. Дарій сохранилъ въ собственной Персіи этотъ порядокъ добровольныхъ приношеній, но въ остальныхъ частяхъ государства ввелъ опредѣленную подать натурою и наличными деньгами, представляемую или прямо ко двору, или въ руки сатраповъ. Напримѣръ Мидія, послѣ собственной Персіи находившаяся въ самомъ выгодномъ положеніи, должна была ежегодно, кромѣ денежныхъ податей, представлять ко двору 3000 лошадей, 4000 муловъ и 800 овецъ. Къ этимъ налогамъ присоединялись еще въ отдѣльныхъ провинціяхъ таможенные сборы и различныя поставки въ государственные магазины и обязанность прокармливать во время путешествій свиту царя и сатраповъ.

Армія, во время Кира и Камбиса заключавшая въ себѣ всѣхъ персовъ способныхъ носить оружіе, имѣла свое оригинальное вооруженіе и тактику. Но уже при Даріѣ I единственная надежная часть арміи состояла только изъ 10,000 такъ называемыхъ безсмертныхъ, навербованныхъ изъ трехъ благороднѣйшихъ персидскихъ колѣнъ. Остальныхъ персовъ уже не требовали на службу и войско составлялось изъ контингентовъ различныхъ провинцій, уроженцы которыхъ не понимали другъ друга, и не соблюдали дисциплины. Въ кавалеріи употреблялись лошади, мулы, ослы и колесницы. Войны персовъ съ греками доказали, что чѣмъ многочисленнѣе бывала такая армія, тѣмъ легче было ее побѣдить.

Истинно человѣческое умственное образованіе было чуждо персидской жизни, и, несмотря на блескъ и богатство ихъ царства, у персовъ не было ни науки ни настоящаго искусства. Ихъ умственная дѣятельность не развилась даже съ тѣхъ сторонъ, которыя необходимы для чисто внѣшней жизни. Такъ напримѣръ, до самаго паденія государства, мы постоянно видимъ въ должностяхъ придворныхъ врачей или египтянъ или грековъ, и нигдѣ не упоминается о персидскихъ врачахъ. Точно также, во главѣ флота находились всегда иностранцы, а во время войны имъ постоянно поручались всѣ работы, требовавшія особенныхъ познаній, какъ напримѣръ, устройства мостовъ, которые Дарій I приказалъ навести чрезъ Босфоръ и Дунай. Употреблявшееся у персовъ раздѣленіе дня и года показываетъ недостаточность ихъ научныхъ свѣдѣній. Они не пользовались даже прежними открытіями вавилонянъ, хотя этотъ народъ входилъ въ составъ ихъ монархіи. Когда, во время скиѳскаго похода, Дарій I приказалъ полководцамъ, оставленнымъ на Дунаѣ, дожидаться его два мѣсяца, то для поясненія своей мысли, долженъ былъ прибѣгнуть къ такому календарю, какіе употребляются лишь у самоѣдовъ или другихъ дикарей. Онъ далъ имъ ремень съ шестидесятью узлами, приказавъ ежедневно развязывать по одному.

Остатки искусства персовъ сохранились только въ развалинахъ ихъ столицъ. Подобно всѣмъ сооруженіямъ востока, они отличаются колоссальностью. Впрочемъ, крайне сомнительно, чтобы которое нибудь изъ сохранившихся до насъ развалинъ персидскихъ зданій относилось ко временамъ до Камбиса. Напротивъ того извѣстно, что персидская династія сассанидовъ, являющаяся уже нѣсколько вѣковъ послѣ рождества Христова, присоединила къ старымъ сооруженіямъ много новыхъ пристроекъ и скульптурныхъ произведеній, такъ что въ персидскихъ развалинахъ многое принадлежитъ уже этой позднѣйшей эпохѣ.

Персидскихъ резиденцій считалось пять: древній Вавилонъ, гдѣ цари часто проводили зиму, Суза, гдѣ они любили

жить весной, мидійская столица Экбатана, которую они, вслѣдствіе ея болѣе прохладнаго климата, предпочитали лѣтомъ, и наконецъ древне персидскіе города Персеполисъ и Пасаргада. Послѣдніе лежали недалеко одинъ отъ другаго, въ юговосточной части собственной Персіи, и были ея древнѣйшими городами. Въ новѣйшее время явилось мнѣніе, что оба эти названія принадлежатъ одному и тому же мѣсту, и что первое изъ этихъ двухъ именъ употреблялось только греками для обозначенія позднѣйшихъ пристроекъ, образовавшихъ какъ бы новый городъ подлѣ Пасаргады. Оба эти города лежали въ долинѣ Мардаштъ, орошаемый рѣкою Араксомъ, которую теперь называютъ Бендъ-Эміръ. Персы считали ихъ священнымъ средоточіемъ своей монархіи; здѣсь персидскіе цари торжественно посвящались на царство, часто совершали богослуженіе и, наконецъ, были погребаемы. Тамъ же хранилась государственная казна. И теперь еще вся мѣстность, гдѣ находились эти города, покрыта развалинами; но нѣкоторыя изъ нихъ относятся ко времени сассанидовъ, а другія даже къ мухаммеданскому періоду Персіи. Важнѣйшимъ изъ остатковъ древности считаются развалины большаго дворца, называемаго персіянами Чиль-Минаръ, т. е. сорокъ колоннъ. (Персы для обозначенія большаго, но неопредѣленнаго, числа предметовъ говорятъ: сорокъ) У персіянъ эти развалины извѣстны также подъ именемъ Туклъ-аль-Джемшидъ, т. е. трона Джемшида, миѳическаго персидскаго царя, который въ поэтическихъ легендахъ персовъ является основателемъ Персеполиса. Къ остаткамъ древности относятся также развалины нѣсколькихъ большихъ надгробныхъ памятниковъ, изъ которыхъ одинъ считается въ народѣ гробницею Дарія Гистаспа, и, наконецъ, обломки нѣкоторыхъ другихъ зданій. На нихъ найдены грубыя скульптурныя изображенія, изображающія, по видимому, религіозные обряды царей и церемоніалы посвященія ихъ на царство. Найдены также остатки клинообразнаго письма, которое въ новѣйшее время ученыя старались разобрать, но, не смотря на видимый

успѣхъ, до сихъ поръ не пришли еще ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Отъ Сузы остались лишь такія развалины, какія сохранились и отъ Вавилона, т. е. безобразныя мусорныя кучи изъ обозженнаго или высушеннаго камня, въ которыхъ найдено нѣсколько кусковъ мрамора и гранита, покрытыхъ гіероглифами и клинообразнымъ письмомъ. Развалины эти находятся при рѣкѣ Керрѣ или Кара-Су. Древняя Суза заключала въ себѣ большіе дворцы, дворы и обширные парки и имѣла $2^3/_4$ нѣмецкія мили въ окружности. Въ ней также находилась царская сокровищница или казна. Отъ Экбатаны сохранились лишь немногія мусорныя кучи и одна клинообразная надпись, высѣченная въ скалѣ. Эта столица лежала на мѣстѣ нынѣшняго города Гамадана, въ прекраснѣйшей мѣстности Мидіи, на склонѣ и у подножья одной богатой родниками горы, вблизи большаго лѣсистаго хребта, съ вершины котораго виднѣется Каспійское море. Экбатана была очень велика; въ рединѣ ея находилась цитадель, окружность которой греческій историкъ Геродотъ считаетъ равною окружности Аѳинъ. Послѣ паденія Персидской монархіи, Экбатана стала одной изъ резиденцій парѳянскихъ царей, и потому нельзя опредѣлить какому народу и какому времени принадлежалъ великолѣпный царскій дворецъ, въ которомъ, по описанію позднѣйшихъ греческихъ писателей, вся деревянная работа была сдѣлана изъ кедра и кипариса, колонны и балки были обиты золотыми и серебряными листами, а крыши выложены серебряными кирпичами.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

II. НАРОДЫ ГРЕКО-РИМСКАГО ПЕРІОДА.

ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ.

I. ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Страна Грековъ.

Къ югу отъ нижняго Дуная лежитъ большой полуостровъ, составляющій юго-восточную оконечность Европы и получившій историческое значеніе прежде всѣхъ остальныхъ странъ этой части свѣта. Теперь весь этотъ полуостровъ занятъ Европейскою Турціею и Греческимъ королевствомъ, и потому часто называется Турецко-Греческимъ полуостровомъ. По своему внѣшнему очертанію онъ раздѣляется на двѣ главныя части: на очень большую сѣверную и на незначительную южную. Первая лежитъ между Адріатическимъ и Чернымъ моремъ, и простирается къ югу до Архипелага; вторая заключается между Архипелагомъ и Іоническимъ моремъ. Сѣверная часть состоитъ изъ большой сплошной массы земли, съ относительно мало развитой береговой линіей, и поэтому болѣе походитъ на материкъ, чѣмъ на полуостровъ. Напротивъ, южная часть, за исключеніемъ сѣверной своей трети занимаемая нынѣшнимъ Греческимъ королевствомъ, представляетъ собою одинъ изъ совершеннѣйшихъ полуострововъ земнаго шара; въ немъ берега занимаютъ почти болѣе пространства, чѣмъ внутренность страны. Какъ та, такъ и другая часть содержатъ въ себѣ значительное

число разнообразныхъ горныхъ хребтовъ, и, раздѣляясь ими на множество горныхъ котловинъ, не имѣютъ большихъ рѣкъ. Особенно рѣзко проявляется эта характеристическая черта въ южной части, состоящей изъ множества горныхъ хребтовъ, долинъ и небольшихъ равнинъ. Кромѣ того, къ востоку отъ этой части находится столько острововъ, что названіе моря, омывающаго восточные берега Греціи (Архипелага), сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для обозначенія всякаго богатаго островами моря.

Южная часть Турецко-Греческаго полуострова заключаетъ въ себѣ страну древнихъ грековъ. Вмѣстѣ съ принадлежащими къ ней островами, она составляетъ не болѣе шестой доли Германіи, т. е. равняется королевствамъ Баварскому и Виртембергскому взятымъ вмѣстѣ.

Вотъ нѣкоторыя данныя о географическихъ свойствахъ этой страны, наиболѣе необходимыя для пониманія греческой исторіи:

Греція, естественнымъ образомъ, раздѣляется на три части: Сѣверную Грецію или Ѳессалію и Эпиръ, Среднюю Грецію и Пелопоннесъ или Морею. На сѣверѣ, полуостровъ соединяется съ горами западной и сѣверной Турціи посредствомъ горнаго хребта Пинда, въ семь тысячъ футовъ высоты. Хребетъ этотъ тянется въ югозападномъ направленіи, черезъ сѣверную Грецію, отдѣляя отъ себя съ западной стороны нѣсколько цѣпей, образующихъ суровую горную страну Эпиръ. Къ востоку, Пиндъ дѣлится на двѣ главныя вѣтви: одна, менѣе замѣчательная, хребетъ Камбунскій или, какъ его зовутъ теперь, Волуца, образуя границу между Ѳессаліей и Македоніей, оканчивается у Салоникскаго залива горою Олимпомъ, въ шесть тысячъ футовъ высоты; другая, Отрисъ тянется по сѣверной границѣ нынѣшней Греціи къ заливу Воло. Между крайними восточными оконечностями этихъ двухъ горныхъ цѣпей тянется параллельный Пинду хребетъ Пеліонъ, сѣверная оконечность котораго, Осса, примыкаетъ къ Олимпу, а южная соединяется съ Отрисомъ посредствомъ ряда незначительныхъ высотъ. Между Пиндомъ, Камбунскими горами, Пеліономъ и Отрисомъ,

лежитъ важнѣйшая часть сѣверной Греціи, древняя Ѳессалія, состоящая изъ продолженія склоновъ названныхъ горъ и изъ весьма плодоносныхъ равнинъ. Она орошается рѣкою Пенеемъ и имѣетъ одинъ только выходъ — естественный живописный горный проходъ между Оссою и Олимпомъ, при впаденіи Пенея въ море. Эта, такъ называемая, Темпейская долина славится какъ одна изъ прекраснѣйшихъ въ Греціи. Южнѣе Отриса, и параллельно ему, тянется хребетъ Эта, также выходящій изъ оконечности Пинда, и отдѣленный отъ Отриса узкой долиной. Приближаясь къ морю, хребетъ этотъ спускается въ него крутымъ обрывомъ, такъ что между подошвой горы и болотистымъ морскимъ берегомъ остается лишь узкая полоса земли, составляющая единственный естественный входъ изъ Ѳессаліи въ среднюю Грецію — это знаменитые Термопилы.

За этимъ проходомъ хребетъ Эта, теряющій здѣсь свое названіе, еще не кончается, а продолжается въ юговосточномъ направленіи черезъ всю восточную часть средней Греціи, вплоть до южной ея оконечности, знаменитаго мыса Сунія. Изъ высотъ этой части хребта особенно замѣчательны: Пентеликъ, доставляющій превосходный бѣлый мраморъ, Гиметтъ, прославленный своимъ медомъ, и Лаврій, знаменитый серебряными рудниками. Къ западу отъ Эты тянется по средней Греціи, также въ юговосточномъ направленіи, другая цѣпь горъ, выходящая изъ Эпира, съ вершинами: Парнассомъ (7500 ф.), Геликономъ (5300 ф.) и Китерономъ (4000 ф.) Мѣстность по обѣимъ сторонамъ этого хребта состоитъ изъ болѣе или менѣе обширныхъ равнинъ, горъ и горныхъ хребтовъ. Знаменитѣйшія изъ рѣкъ этой части Греціи на западѣ Ахелой, а на востокѣ Кефиссъ, вливающійся въ Копаидское озеро

Узкій и плоскій перешеекъ Истмъ (Коринѳскій перешеекъ) соединяетъ среднюю Грецію съ третьей или южной частью страны, называемою нынѣ Мореей, а въ древности Пелопоннесомъ. Внутренность ея занята возвышенною страною, поверхность ко-

торой состоитъ изъ перемежающихся горныхъ цѣпей и небольшихъ равнинъ. Древніе называли ее Аркадіей. Эта внутренняя возвышенность Пелопоннеса окружена со всѣхъ сторонъ еще болѣе высокими горами. Между ними и моремъ разстилается болѣе или менѣе гористое пространство, горныя цѣпи котораго находятся въ связи съ горами окружающими Аркадію или отдѣлены отъ нихъ глубокими впадинами. Извѣстнѣйшій изъ этихъ послѣднихъ горныхъ хребтовъ суровый Тайгетъ (южная часть котораго, (Майна), въ новѣйшее время прославилась подвигами разбойничьяго племени майнотовъ) оканчивается мысомъ Тенаромъ (Матапаномъ), одной изъ крайнихъ оконечностей европейскаго материка. Изъ горныхъ цѣпей Аркадіи вытекаютъ значительнѣйшія рѣки Пелопоннеса, Эвротъ, текущій на югъ, и Алфей, впадающій въ море на западѣ полуострова.

Берега древней Греціи большею частью скалисты и круты, изрѣзаны множествомъ бухтъ и изобилуютъ прекраснѣйшими гаванями. Западное море Греціи называлось у древнихъ Іоническимъ; восточное или Архипелагъ—Эгейскимъ. Изъ заливовъ, образуемыхъ этими морями, наиболѣе замѣчательны Термейскій или нынѣшній Салоникскій; Малійскій или Зейтунскій; Эвбейское море, узкій проливъ между средней Греціей и островомъ Эвбеей, съуживающійся по срединѣ, и называемый въ этомъ мѣстѣ Эврипомъ, и расширяющійся къ сѣверу и югу; Саронскій заливъ или Эгинское море, къ востоку отъ Истма; заливы Арголидскій (нынѣ Навплійскій), Лаконскій (Колокитскій) и Мессенскій (Коронскій), находящіеся на югѣ Пелопоннеса; Коринѳскій или Лепантскій заливъ, къ западу отъ Истма; наконецъ Амбракійскій или Артскій.

По свойствамъ своего климата, Греція принадлежитъ къ теплымъ странамъ умѣреннаго пояса. Однако, вслѣдствіе ея гористой мѣстности и восточнаго положенія, воздухъ тамъ холоднѣе чѣмъ въ Сициліи и южной Италіи, лежащихъ почти въ одной широтѣ съ нею. Внутри страны климатъ чрезвычайно разнообразенъ, смо-

тря по высотѣ надъ морскимъ уровнемъ, и въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ зима также холодна и сурова, какъ и въ западной Германіи. Вѣчнаго снѣга нѣтъ однако ни на одной изъ горныхъ вершинъ Греціи.

Вслѣдствіе огромнаго историческаго значенія отдѣльныхъ племенъ и мѣстностей Греціи, необходимо, прежде, чѣмъ приступить къ исторіи грековъ, сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о частяхъ, на которыя распадалась древняя Греція.

Острова по западному берегу Греціи, т. е. нынѣшній Іоническій архипелагъ, въ древности не имѣли одного общаго названія, а причислялись къ сосѣднимъ съ ними странамъ твердой земли. Самые важные изъ нихъ были: на крайнемъ сѣверѣ, Керкира (Корцира) или нынѣшній Корфу, называвшаяся въ отдаленной древности также Схеріей или островомъ Феаковъ. Левкадія (нынѣ Санта-Мавра), съ знаменитымъ Левкадскимъ мысомъ. Итака — нынѣ Теаки; Кефалленія, нынѣ Кефалонія; Закинтъ или Занте. Къ югу отъ Пелопоннеса лежитъ островъ Китера, нынѣшній Чериго, также причисляемый къ Іоническому архипелагу, и знаменитый въ древнемъ мірѣ по находившемуся на немъ храму Венеры.

Острова Архипелага, гористые какъ и всѣ острова южной Европы, не представляются отдѣльными, поднявшимися со дна морскаго, возвышеніями, но составляютъ только высшія точки подводныхъ продолженій горныхъ хребтовъ собственной Греціи и западной части Малой Азіи. Поэтому и можно весьма точно провести граничную черту, отдѣляющую европейскіе острова Архипелага отъ азіятскихъ. Большая часть острововъ, лежащихъ въ южной части этого моря, была раздѣляема древними на двѣ группы: Кикладовъ и Спорадовъ. Первымъ именемъ означаютъ острова принадлежащіе къ Европѣ, а другимъ острова принадлежащіе къ Азіи, хотя и между древними греками господствовало различіе въ мнѣніяхъ относительно принадлежности нѣкоторыхъ острововъ къ той или другой группѣ. Изъ Кикладовъ особенно

замѣчательны: Делосъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ острововъ этой группы, съ славнымъ въ древности храмомъ Аполлона, по греческимъ миѳамъ бывшій мѣсторожденіемъ Аполлона и Діаны, потому сдѣлавшійся однимъ изъ главныхъ мѣстъ поклоненія этому богу и однимъ изъ средоточій греческой торговли. Паросъ, гдѣ добывался одинъ изъ лучшихъ сортовъ бѣлаго мрамора, Антипаросъ, знаменитый своею пещерою, и Наксосъ—самый большой изъ Кикладскихъ острововъ. Изъ Спорадовъ заслуживаютъ вниманія: Патмосъ,—прославленный въ особенности пребываніемъ на немъ евангелиста Іоанна, и Косъ, — родина великаго греческаго врача Гиппократа. Недалеко отъ этой группы острововъ находится островъ Самосъ, иногда причисляемый къ ней, но принадлежащій собственно къ Азіи. Къ югу отъ Спорадовъ лежитъ знаменитѣйшій изъ острововъ Азіи, Родосъ. Кандія, самый большой изъ острововъ Архипелага, въ древности называвшійся Критомъ, принадлежитъ къ Европѣ.

Въ Саронскомъ заливѣ находятся острова: Эгина и Саламинъ. — Островъ Эвбея (нынѣ Негропонтъ), самый большой въ Архипелагѣ послѣ Кандіи, лежитъ близь восточнаго берега средней Греціи. Въ послѣднія времена древняго міра онъ былъ соединенъ съ твердой землей мостомъ, построеннымъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Часть сѣвернаго берега Эвбеи сдѣлалась славною въ греческой исторіи подъ именемъ Артемизія.

Изъ остальныхъ острововъ Эгейскаго моря въ исторіи древней Греціи имѣютъ значеніе: Тасосъ, Самотракія, Лемносъ, Тенедосъ и Лесбосъ на сѣверѣ, и Хіосъ въ средней части Архипелага, близъ береговъ Малой Азіи.

Въ древности Пелопоннесъ заключалъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Во внутренности полуострова находилась привольная для скотоводства, лѣсистая и гористая страна Аркадія, со всѣхъ сторонъ отрѣзанная отъ моря другими государствами Пелопоннеса. Къ югу отъ нея лежали Лаконія и Мессенія. Первая, имѣвшая столицей Спарту или Лакедемонъ, раз-

стилалась по обѣ стороны рѣки Эврота, переходя за Тайгетскій хребетъ. Это была суровая горная страна, съ нѣсколькими плодоносными мѣстностями въ долинахъ. Къ западу отъ Аркадіи и къ сѣверу отъ Мессеніи лежала Элида, одна изъ плодороднѣйшихъ и наиболѣе воздѣланныхъ странъ Пелопоннеса. Пространство между нею, Аркадіей и Коринѳскимъ заливомъ занимала Ахаія и маленькія государства Сикіонъ и Коринѳъ. Территорія Коринѳа занимала собою и часть Истма, простираясь, такимъ образомъ, отъ Коринѳскаго до Саронскаго моря. На восточной сторонѣ полуострова, къ сѣверовостоку отъ Аркадіи и къ сѣверу отъ Лаконіи, лежала Арголида, съ главнымъ городомъ Аргосомъ.

Средняя Греція, или страна, называемая теперь Ливадіей, въ ранній періодъ древности носила имя Эллады, употреблявшееся впослѣдствіи для обозначенія всей Греціи. Она дѣлилась на нѣсколько мелкихъ государствъ, изъ которыхъ граничившая съ Коринѳомъ Мегарида составляла переходъ къ Пелопоннесу. Важнѣйшимъ изъ государствъ средней Греціи была Аттика. Эта страна, столицей которой были Аѳины, лежала на крайнемъ юго-востокѣ, была покрыта горами и холмами, и имѣла скалистую, сухую и безплодную почву, гдѣ первоначально могли расти только одни оливковыя деревья. Лишь изрѣдка попадались плодородныя равнины, какъ, напримѣръ, Тріазійская, близь города Элевзина. Но, несмотря на это, въ древности Аттика была тщательно воздѣлана и производила много вина, смоквъ и оливокъ. Къ западу отъ Аттики и Мегариды, между Коринѳскимъ и Эвбейскимъ морями, лежала весьма плодородная Беотія, имѣвшая столицей Ѳивы. Далѣе къ западу простиралась почти вся покрытая горами Фокида, съ Дельфами, прославленными своимъ оракуломъ. Къ юго-западу и къ сѣверу отъ нея лежали три небольшія государства, извѣстныя подъ общимъ именемъ Локриды, и отличавшіяся одно отъ другаго дополнительными именами. Между двумя изъ нихъ, и къ сѣверозападу отъ Фокиды, лежала Дорида, небольшая, суровая горная страна, а къ западу отъ

послѣдней разстилалась Этолія и, еще далѣе на западъ, — Акарнанія.

Сѣверная Греція состояла изъ Эпира и Ѳессаліи. Послѣдняя была со всѣхъ сторонъ замкнута горами, но заключала нѣсколько значительныхъ и весьма плодородныхъ равнинъ. Въ древности она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ, число, размѣры и значеніе которыхъ часто измѣнялись въ продолженіи греческой исторіи. Къ сѣверовостоку отъ Ѳессаліи, начиная отъ Олимпа, вдоль берега Салоникскаго залива, простиралась далѣе къ сѣверу Піэрія, причислявшаяся уже къ Македоніи, но въ отдаленной древности принадлежавшая къ Греціи.

Къ западу отъ Ѳессаліи лежалъ Эпиръ, отдѣленный отъ нея Пиндскимъ хребтомъ, почти весь покрытый горами и простиравшійся до Іоническаго моря и Акарнаніи. Древніе греки иногда причисляли его къ своему отечеству, а иногда считали его не греческой страной. Онъ заключалъ въ себѣ большую часть нынѣшней Албаніи и обыкновенно раздѣлялся въ древности на три части: Хаонію, Теспротію и Молоссію, изъ которыхъ первая лежала на сѣверѣ, вторая—къ югу отъ нея по морскому берегу, а третья — занимала собою всю южную часть Эпира.

Еще менѣе греческою страною, чѣмъ Эпиръ, считали древніе греки Македонію, простиравшуюся къ сѣверу отъ Ѳессаліи, по берегамъ нынѣшняго Салоникскаго залива. Къ востоку отъ Македоніи, вдоль Эгейскаго моря, Геллеспонта, Босфора и Чернаго моря лежала, совершенно уже не греческая, Ѳракія, соотвѣтствующая нынѣшней турецкой области Румеліи. Земли же лежавшія къ западу отъ Македоніи и къ сѣверу отъ Эпира до Адріатическаго моря, въ древности часто означались общимъ именемъ Иллиріи.

2. Происхожденіе грековъ.

Древніе греки принадлежали къ индо-европейской группѣ народовъ, и именно къ вѣтви, извѣстной подъ именемъ греко-ла-

тинской или пеласгической. Изъ народовъ древняго міра къ ней принадлежатъ греки или, какъ они сами себя называли, эллены, римляне и большая часть остальныхъ народовъ средней и южной Италіи. Между новѣйшими племенами Италіи нѣтъ ни одного, которое бы можно было назвать чистою отраслью пеласгической вѣтви. Всѣ они принадлежатъ къ смѣшаннымъ народностямъ, означаемымъ общимъ именемъ романской вѣтви большой индо-европейской семьи народовъ. Племена эти образовались изъ смѣси грековъ, древнихъ жителей Италіи, германцевъ и галловъ. Чистые потомки древнихъ грековъ сохранились только въ немногихъ мѣстностяхъ Греціи и Турціи. Большая же часть нынѣшнихъ грековъ произошла отъ сліянія древнихъ элленовъ съ другими, именно славянскими племенами.

Изслѣдованія языковъ и историческихъ памятниковъ заставляютъ предполагать, что въ первыя времена европейской исторіи прибыли въ Европу и поселились на Турецко-Греческомъ полуостровѣ, кромѣ грековъ, еще двѣ другія группы народовъ — иллирійская и ѳракійская. Основываясь на свойствахъ языковъ этихъ народовъ, ихъ считаютъ отдѣльными и не близко родственными племенами. Но дошедшія до насъ преданія о древнѣйшей исторіи Малой Азіи и Европы указываютъ намъ на общее происхожденіе и первоначальное существованіе общаго языка ѳракійскихъ, иллирійскихъ и греческихъ племенъ.

Иллирійская отрасль поселилась въ сѣверо-западной Турціи, и распространилась отъ сѣверныхъ границъ Эпира и Іоническаго моря, вдоль береговъ Адріатики, до устьевъ рѣки По, а внутрь страны до рѣкъ Савы и Дуная. Важнѣйшими народами этого племени были: тавланты, либурны, истры и энеты или венеды, жившіе вдоль Адріатическаго прибрежья; затѣмъ на границахъ Македоніи и нынѣшней Сербіи — дарданы, и, наконецъ, паннонны, обитавшіе сначала въ нынѣшней Босніи, но, около рождества Христова, переселившіеся въ Венгрію, которая поэтому иногда и называется Паннонiей. Жители Эпира или

эпироты составляли посредствующее звено между греками и иллирійцами, хотя большинство изъ нихъ принадлежали къ послѣднему племени. Съ теченіемъ времени, иллирійскіе народы или были истреблены, или смѣшались съ народами другаго происхожденія. Въ чистомъ видѣ сохранился только весьма небольшой остатокъ этого племени, извѣстный у христіанъ подъ именемъ албанцевъ, а у турокъ подъ именемъ арнаутовъ. Въ новѣйшее время большинство филологовъ, по сравненію языка албанцевъ съ дошедшими до насъ словами древне-иллирійскаго языка, признаетъ за этимъ воинственнымъ народомъ происхожденіе отъ иллирійскаго племени.

Ѳракійское племя поселилось къ востоку отъ иллирійцевъ и къ сѣверо-востоку отъ грековъ. Занятая имъ территорія простиралась до Дуная и Чернаго моря. Древніе греки говорятъ даже, что въ отдаленнѣйшія времена ѳракійскіе народы жили и въ Малой Азіи. За нѣсколько вѣковъ до рождества Христова, племя это распространилось далѣе къ сѣверу, за Дунай, и заселило Валахію и нѣкоторыя части Венгріи. Въ древности, къ нему принадлежали, между прочимъ, слѣдующіе народы: во Ѳракіи жили собственно ѳракійцы, давшіе ей имя, и одрисы; въ Валахіи геты; въ Сербіи — трибаллы; къ сѣверу отъ Ѳракіи жили мизійцы, по имени которыхъ римляне называли Мизіей нынѣшнія Булгарію и Сербію; затѣмъ, на лѣвомъ берегу Дуная, въ Венгріи и Трансильваніи, — обитали даки или дакійцы, по имени которыхъ у римлянъ назывался весь край, заключающій въ себѣ юговосточную Венгрію, Валахію, Молдавію и Трансильванію. Кромѣ того, древніе-греки относили къ этому же племени жившихъ въ Малой-Азіи фригійцевъ, мизійцевъ и виѳинцевъ; что касается до македонянъ, то нельзя съ достовѣрностью опредѣлить, принадлежали ли они къ ѳракійскому, или къ какому нибудь другому племени. По изслѣдованіямъ одного ученаго, они оказываются ѳракійцами;—у другаго выходитъ, что они были греки; третій доказываетъ, что они принадлежали къ иллирійскому племени. Четвертое и самое вѣроятное мнѣніе заключается въ

томъ, что македоняне были народомъ иллирійскаго происхожденія, смѣшаннымъ съ греками. Народы ѳракійской отрасли также исчезли съ лица земли. Между современными народами, только одинъ можетъ считаться остаткомъ древнихъ ѳракійцевъ, смѣшанныхъ съ римлянами, славянами и другими народами. Это влахи или валахи, живущіе въ Молдавіи, Валахіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Венгріи, Трансильваніи, собственной Турціи и Греціи. Въ языкѣ ихъ можно отыскать слабые слѣды погибшихъ ѳракійскихъ языковъ.

II. ДРЕВНѢЙШІЯ ВРЕМЕНА ГРЕКОВЪ.

1) Общія замѣчанія.

Съ появленіемъ греческаго народа на историческомъ поприщѣ начинается новый періодъ въ жизни человѣчества. Греки перенесли изъ Азіи въ Европу сцену всемірныхъ событій. Сверхъ того, они вызвали новыя формы жизни и новый характеръ человѣческаго развитія и это измѣненное ими направленіе человѣчества и его исторіи осталось господствующимъ и во всѣ послѣдующія времена. Возвышеніе греческой націи было знакомъ, что уже миновало время восточнаго порядка вещей, восточнаго быта. Между тѣмъ какъ западная часть человѣчества подвигалась впередъ, восточная оставалась неподвижною. Она какъ бы окаменѣла, и потому потеряла, почти на все послѣдующее время, всякое вліяніе на событія, не касавшіяся ея непосредственно. Только два восточныхъ народа, евреи и арабы, пріобрѣли въ позднѣйшія времена значеніе для всего человѣчества. Первые — потому, что въ своемъ бытѣ оградили чисто человѣческое отъ разрушительнаго вліянія востока, и, такимъ образомъ, приготовили мѣсто для христіанства, возникшаго впослѣдствіи; а вторые — потому, что прониклись отчасти духомъ запада и началами этой всемірной религіи, и, такимъ образомъ, могли придать новую жизнь древне-восточному элементу.

Греки являются передовымъ народомъ, настоящими творцами новаго періода. Когда началось ихъ историческое развитіе, между черными племенами юга господствовали рабство и грубая чувственность, навсегда оставшіяся ихъ удѣломъ. У народовъ сѣвера и запада господствовали нераздѣльно пламенная любовь къ свободѣ и воинственный духъ, но на ряду съ ними ощущался недостатокъ образованности, болѣе мягкихъ нравовъ, и духа организаціи. Народы востока хотя уже давно вышли изъ состоянія дикости и достигли извѣстной степени развитія въ наукахъ, искусствахъ и общественной жизни, но и они также впали въ умственную односторонность и ограниченность, упали въ нравственномъ отношеніи и сдѣлались жертвой деспотизма. Вотъ общая картина тогдашняго человѣчества; и среди подобной то обстановки греки съумѣли вступить на путь совершенно другаго развитія, и дали всему міру новое направленіе. Успѣхи ихъ на этомъ пути были такъ велики и такъ прочны, что до сихъ поръ вся наша чисто — умственная образованность ведетъ свое начало изъ Греціи, подобно тому, какъ наше религіозное развитіе изъ Палестины.

Греки первые создали свободное, независимое искусство, потому что первые стали заниматься искусствомъ для искусства и, такимъ образомъ, дали человѣчеству новое важное средство къ возвышенію и облагороженію себя. Греки первые основали самостоятельную философію, отличивъ стремленія мыслящей силы отъ чисто — религіозной потребности, и, слѣдовательно, открыли разуму человѣка предѣлы высшаго и безконечнаго, до тѣхъ поръ доступные только одному его чувству. Они же первые призвали къ жизни истинную науку, сдѣлавъ изысканія разума независимыми отъ произвола отдѣльнаго сословія и отъ служенія матеріальнымъ потребностямъ; такъ напримѣръ, они создали математику и исторію, изъ которыхъ первая не составляла до тѣхъ поръ самостоятельной науки и служила только внѣшнимъ потребностямъ жизни, а вторая, вмѣсто того, чтобы стремиться къ ура-

зумѣнію человѣка и хода его развитія, искала только удовлетворенія патріотическому чувству и анекдотической занимательности. Греки дали новое и чрезвычайно высокое развитіе богатому элементу образованности, заключающемуся въ языкѣ. Они не только создали многія совершенно новыя формы поэзіи и выработали свой языкъ такъ, что онъ сталъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ и выразительныхъ языковъ, но изобрѣли еще искусство писать прозой. Народы, предшествовавшіе имъ, или давали произведеніямъ своей письменности поэтическую форму, или писали ихъ несвязнымъ и неправильнымъ языкомъ, подобнымъ дѣтскому лепету. Напротивъ того, благодаря періодическому построенію фразъ и соблюденію требованій гармоніи, во внѣшней формѣ литературныхъ произведеній грековъ отражается весь міръ идей во всемъ его разнообразіи. Наконецъ, греки, прежде всѣхъ другихъ народовъ, создали настоящую государственную жизнь. Дѣйствительно, они первые предоставили каждой отдѣльной личности полное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, первые возвысили голосъ массы до значенія общественнаго мнѣнія, и поставили развитіе государства въ исключительную зависимость отъ однихъ только успѣховъ разума. Поэтому они и являются первымъ историческимъ народомъ, съумѣвшимъ развить и долго поддерживать у себя дѣйствительно республиканскія учрежденія.

Исторія греческой націи, столь важной для развитія человѣчества, начинается, какъ и исторія почти всѣхъ народовъ, миѳами и легендами, историческое значеніе которыхъ теперь уже невозможно разъяснить. Первыя историческія сочиненія появились у нихъ не прежде шестаго вѣка до р. Х., а до тѣхъ поръ событія прошлаго передавались въ видѣ простыхъ легендъ или повѣствовательныхъ (эпическихъ) поэмъ. Но и послѣднія начали записываться незадолго до этого времени; а до того, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, передавались изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Часть этихъ поэмъ и многія легенды о первобытныхъ временахъ Греціи сохранились и до нашихъ дней. Въ новѣйшее время сдѣланы были

весьма остроумныя попытки опредѣлить ихъ историческое значеніе, и, такимъ образомъ, прояснить мракъ первоначальной исторіи Греціи. Но эти усилія дали однако весьма мало положительныхъ результатовъ.

Древнѣйшая исторія греческаго народа дѣлится на двѣ главныя части: на первобытныя времена до 1400 года передъ р. X. и на, такъ называемый, ахейскій или героическій періодъ, оканчивающійся приблизительно 900 годомъ до нашего лѣтосчисленія.

2. Первобытная эпоха.

Слабые лучи свѣта, проникающіе во мракъ отдаленнѣйшихъ временъ Греціи, показываютъ намъ слѣды положенія дѣлъ, несоотвѣтствующаго характеру греческаго народа, какимъ онъ является въ позднѣйшей исторіи. Греція была заселена уже очень давно, но прежнее ея населеніе не носило имени грековъ или эллиновъ. Эти древнѣйшіе обитатели страны были до нѣкоторой степени цивилизованы, но ихъ культура походила отчасти на цивилизацію древняго востока, и, напротивъ, рѣзко отличалась отъ характера позднѣйшей греческой образованности. Сами греки не знали, какъ имъ понимать содержаніе своихъ легендъ, относящихся къ этому времени, и не имѣли точныхъ свѣдѣній о своихъ родственныхъ отношеніяхъ къ первобытнымъ жителямъ страны. Само собою разумѣется, что намъ еще труднѣе добиться полнаго разъясненія этого вопроса, и мы можемъ позволить себѣ лишь слѣдующія догадки о древнѣйшемъ періодѣ Греціи.

Въ эпоху заселенія юго-востока Европы греко-латинскими, иллирійскими и ѳракійскими племенами, народы эти вѣроятно были еще весьма сходны между собою по языку и нравамъ, но распадались на множество отдѣльныхъ племенъ, часто враждебныхъ другъ другу. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ достигли цивилизаціи ранѣе прочихъ, подчинили себѣ значительную часть послѣднихъ, и,

вслѣдствіе этого, стали могущественнѣе и извѣстнѣе. Имена ихъ перешли на подвластные имъ народы и, такимъ образомъ, пріобрѣли особенное значеніе въ легендахъ, сохранившихся въ потомствѣ; извѣстнѣе всѣхъ сдѣлались имена пеласговъ и элленовъ. Первое изъ этихъ именъ преобладало въ отдаленнѣйшія времена, и только послѣ того, какъ оно было забыто, стало постепенно пріобрѣтать значеніе второе имя, сдѣлавшееся наконецъ общимъ родовымъ именемъ всѣхъ грековъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слово „эллены“ стало употребляться уже послѣ Гомера, а до того не было вовсе слова для обозначенія всей совокупности греческихъ племенъ. Къ западу отъ Греціи пріобрѣло особенную извѣстность имя одного элленскаго племени, называвшагося грайками или греками; потому древне-итальянскіе народы звали этимъ именемъ все населеніе Греціи. Позднѣе, при посредствѣ римлянъ, оно вошло въ употребленіе и у другихъ народовъ западной и сѣверной Европы, и сохранились до нашего времени, хотя сами греки называютъ себя элленами.

У позднѣйшихъ грековъ слово пеласги не всегда употреблялось въ одномъ и томъ же смыслѣ. Иногда оно является именемъ одного изъ первобытныхъ племенъ, населявшихъ Грецію, а иногда служитъ для обозначенія всего древнѣйшаго населенія этой страны. Для избѣжанія путаницы, всего лучше принимать это слово въ послѣднемъ смыслѣ, т. е. какъ имя первобытныхъ обитателей Греціи; точно также какъ германцами мы называемъ всѣхъ древнѣйшихъ обитателей Германіи, начиная употреблять слово нѣмцы лишь со времени возникновенія нѣмецкой имперіи. Отдѣльные народы пеласгическаго періода назывались лапитами, перребами, минійцами, флегійцами, лелегами и т. д.

Пеласги прибыли въ Грецію съ сѣвера, изъ Ѳракіи и, можетъ быть, заимствовали свою цивилизацію отъ ѳракійскихъ племенъ. Поэтому и называютъ ѳракійцами нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ, имена которыхъ дошли до насъ.

Пеласги поселились сначала въ Ѳессаліи, и уже оттуда заселили остальныя части Греціи. Они пускались также и въ море; потому многіе изъ греческихъ острововъ сдѣлались обитаемыми еще въ очень отдаленныя времена. Преданіе говоритъ, что къ нѣкоторымъ изъ острововъ, заселенныхъ ими, приставали впослѣдствіи толпы чужеземныхъ выходцевъ, которые познакомили пеласговъ съ употребленіемъ металловъ и ихъ обработкою. Этихъ пришельцовъ называютъ куретами, тельхинами, корибантами, идейскими дактилами и циклопами; но невозможно опредѣлить, изъ какой страны они явились и къ какому племени принадлежали. Пеласги достигли извѣстной степени цивилизаціи, которая и развилась преимущественно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Эпирѣ, гдѣ еще издревле славился, какъ особенная святыня, посвященный Зевсу Додонскій храмъ. Въ пеласгическій періодъ отличалась цивилизаціей Ѳессалія, плодоносныя равнины которой воздѣлывались еще въ самыя отдаленныя времена, столь же плодородныя мѣстности при озерѣ Копаидѣ въ Беотіи, гдѣ чрезвычайно древній городъ Орхоменъ уже издавна славился своимъ богатствомъ и, наконецъ, лежащая къ юговостоку отъ Беотіи, Аттика и пелопоннесскія страны Арголида и Сикіонъ. Въ какой степени родства находились между собою племена, заселявшія всѣ эти мѣстности, теперь уже невозможно опредѣлить. Преданіе сообщаетъ имена нѣкоторыхъ предводителей этихъ племенъ и изъ нихъ особенно знамениты: Огигъ, господствовавшій въ Беотіи и Аттикѣ еще за двадцать два вѣка до рождества Христова и царь Аргоса Инахъ, время жизни котораго относятъ къ девятнадцатому вѣку до Христа. Преданіе говоритъ, что при первомъ изъ нихъ произошло наводненіе, затопившее всѣ низменности Беотіи и Аттики, и истребившее ихъ жителей. Имя же Инаха вошло у грековъ и римлянъ въ пословицу, для обозначенія весьма отдаленныхъ временъ. Важнѣйшимъ изъ государствъ древнѣйшаго періода Греціи былъ Орхоменъ, жители котораго, вѣроятно по имени одного изъ входившихъ въ его составъ племенъ,

назывались минійцами. Онъ лежалъ въ сѣверо-восточной Беотіи, и до такой степени славился своимъ благосостояніемъ, что столица его Орхоменъ считалась однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ отдаленной древности. Прибрежья озера Копаиды и окружающіе его склоны горъ были тщательно воздѣланы, а прорытые въ горахъ каналы соединяли озеро съ Эвбейскимъ моремъ и предохраняли страну отъ его разливовъ. Большія зданія, объ архитектурѣ которыхъ будетъ сказано ниже, уже весьма рано воздвигались въ Орхоменѣ.

Отъ темныхъ временъ древнѣйшей исторіи Греціи сохранились кое гдѣ постройки особеннаго рода, которыя народными повѣрьями приписаны впослѣдствіи полу-божественнымъ существамъ, называвшимся циклопами. Постройки эти получили названіе циклопическихъ стѣнъ. Развалины подобныхъ памятниковъ и теперь еще встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Греціи, какъ напримѣръ сводообразная постройка въ Микенахъ въ Арголидѣ, называемая въ ученомъ мірѣ сокровищницей Атрея, и остатки стѣны этого города съ воротами, надъ которыми находятся два льва, высѣченные изъ камня, древнѣйшее произведеніе греческой скульптуры. Циклопическія постройки существовали и до сихъ поръ еще отчасти сохранились въ Аѳинахъ, Аргосѣ, въ арголидскомъ городѣ Тиринтѣ, въ Орхоменѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Ихъ остатки попадаются и въ Италіи. Циклопическія постройки отличаются тѣмъ, что состоятъ изъ каменныхъ глыбъ, иногда удивительной величины, грубо обтесанныхъ, сложенныхъ безъ всякаго цемента, и имѣютъ внутри сводчатую форму, хотя онѣ клались вовсе не такъ какъ наши своды. Неизвѣстно, какому народу и какому вѣку греческой старины слѣдуетъ приписать эти постройки. Ихъ можно относить и къ пеласгическому періоду и къ позднѣйшему времени. Но такъ какъ онѣ попадаются преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, о которыхъ положительно извѣстно, что тамъ жили пеласги, то можно сказать, что онѣ во всякомъ случаѣ принадлежатъ пеласгическому періоду. Нѣкоторыя изъ этихъ зда-

ній были такъ громадны, что, по мнѣнію многихъ, постройка ихъ, подобно постройкѣ египетскихъ памятниковъ, могла быть произведена не иначе, какъ цѣлой массой населенія подвластнаго жреческому сословію, или покоренными народами, принужденными къ такого рода обязательному труду. Въ періодъ, непосредственно слѣдующій за пеласгическимъ, уже не было преобладающаго сословія жрецовъ и не существовало обыкновенія обрекать побѣжденные народы на такія работы.

Въ Греціи, какъ и вездѣ, начало нѣсколько высшей цивилизаціи было связано съ земледѣліемъ, которое всего легче могло развиться въ низменныхъ равнинахъ съ наносной почвой, которыя, какъ напримѣръ въ Ѳессаліи, орошались рѣками и, такимъ образомъ, легко могли получать необходимое въ теплыхъ странахъ количество влаги. По этой то причинѣ, въ греческихъ сказаніяхъ, такія равнины преимущественно и называются мѣстами поселенія пеласговъ. Характеръ цивилизаціи, развившейся въ Греціи во время пеласгическаго періода, намъ неизвѣстенъ. Дошедшія до насъ преданія даютъ поводъ предполагать, что религіозный и гражданскій бытъ этого періода имѣлъ нѣкоторое сходство съ древне-восточнымъ бытомъ. Съ этой стороны пеласгическій періодъ также рѣзко отличался отъ позднѣйшихъ временъ Греціи, какъ отличались циклопическія постройки отъ зданій болѣе близкаго къ намъ времени. Во всей достовѣрной исторіи грековъ мы не видимъ и слѣдовъ существованія какой нибудь жреческой касты. Послѣ пеласгическаго періода, это восточное учрежденіе было до такой степени чуждо грекамъ, что уже въ пѣсняхъ Гомера, т. е. въ древнѣйшемъ изъ сохранившихся поэтическихъ произведеній Греціи, мы, вмѣсто господствующей касты жрецовъ, видимъ свѣтскаго властителя, соединяющаго въ своемъ лицѣ и первосвященническое достоинство. Изъ этихъ же пѣсень можно заключить, что въ періодъ, слѣдовавшій непосредственно за пеласгическимъ, господствовалъ уже въ Греціи тотъ взглядъ на земное и божественное, которымъ греки такъ рѣзко отличаются отъ народовъ востока.

Поэтому не трудно понять, отчего не смотря на изобиліе легендъ о древнѣйшемъ періодѣ Греціи, мы все таки не можемъ составить себѣ яснаго понятія объ этой эпохѣ. Позднѣйшій бытъ грековъ такъ разнился отъ пеласгическаго, что преданія этой эпохи не могли быть сохранены ими для потомства съ любовію и уваженіемъ. Своею настоящею стариною, къ которой всего охотнѣе и почти исключительно обращалась ихъ мысль, греки считали эпоху, слѣдовавшую непосредственно за пеласгической; изъ нея то они почерпали матеріалы для всѣхъ поэтическихъ произведеній, касавшихся старины. Все, такъ называемое, пеласгическое казалось грекамъ до такой степени чуждымъ, не греческимъ, что ихъ поэты почти никогда не выбирали пеласгическихъ легендъ предметомъ своихъ пѣсень. Эта отдаленная эпоха такъ слабо жила въ памяти грековъ, что ихъ собственные историки имѣли не болѣе ясное понятіе о пеласгахъ, чѣмъ мы.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что древне-греческія преданія говорятъ о колоніяхъ, еще въ весьма отдаленныя времена основанныхъ въ Греціи выходцами изъ Египта и нѣкоторыхъ странъ Азіи. Прежде другихъ, около 1582 до р. Х., изъ египетскаго города Саиса, прибылъ въ Аттику Кекропсъ, радушно принятый царемъ страны. Онъ женился на дочери послѣдняго и наслѣдовалъ его престолъ. Аѳины тогда еще несуществовали, и Кекропсъ положилъ начало этому городу, построивъ крѣпость, названную имъ Кекропіей. Преданіе говоритъ, что тогдашніе дикіе обитатели страны обязаны этому египтянину начатками своей цивилизаціи и образованіемъ государства. Около 1519 до р. Х. прибылъ въ Беотію финикіянинъ Кадмъ и построилъ тамъ укрѣпленіе или замокъ Кадмею, у подножія которой возникли впослѣдствіи Ѳивы. По словамъ преданія, онъ также царствовалъ въ странѣ и далъ жителямъ начальные элементы нѣсколько высшей цивилизаціи. Преданіе приписываетъ ему между прочимъ введеніе въ Греціи азбуки. Восемью годами позже Кадма, явился въ Грецію египтянинъ Данай, съ пятидесятью дочерьми

и толпой выходцевъ. Онъ высадился недалеко отъ города Аргоса, овладѣлъ правленіемъ, и также распространилъ между туземцами сѣмена образованности. Слишкомъ черезъ полтора вѣка послѣ Даная, въ половинѣ четырнадцатаго вѣка до р. Х., по словамъ греческихъ легендъ, явился къ берегамъ Элиды, въ Пелопоннесѣ, фригіецъ Пелопсъ, сынъ правителя одного изъ мало-азійскихъ государствъ, изгнанный изъ отечества царемъ сосѣдняго города Трои, и, въ сопровожденіи небольшой толпы своихъ приверженцевъ, отплывшій къ берегамъ Греціи. Въ Элидѣ онъ женился на дочери пизанскаго царя и наслѣдовалъ ему во власти. Преданіе производитъ отъ его имени даже названіе „Пелопоннеса“, означающее островъ Пелопса.

Исторія этихъ четырехъ поселенцевъ сохранилась въ греческихъ преданіяхъ въ сказочномъ видѣ и находится въ связи съ религіозными миѳами грековъ. Поэтому даже простой фактъ основанія въ Греціи египетскихъ, финикійскихъ и фригійскихъ колоній подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Достовѣрно, впрочемъ, что въ отдаленныя времена финикіяне часто посѣщали берега Греціи, и, вѣроятно, туда являлись иногда также египтяне и фригійцы. Изъ этихъ четырехъ колонизаціонныхъ предпріятій, переселеніе Кекропса можетъ быть почти положительно признано выдумкою. Этотъ разсказъ объ египетскомъ поселеніи въ Аттикѣ вовсе не основывается на давнихъ сказаніяхъ, а явился гораздо позднѣе; тоже самое должно сказать и о многихъ другихъ древнѣйшихъ греческихъ легендахъ. Въ позднѣйшее время торговля и колоніи, основанныя греками на берегахъ Азіи и Африки, привели ихъ въ дѣятельныя сношенія съ тамошними народами. Греки заимствовали у нихъ многія религіозныя представленія, и въ тоже время старались въ идеяхъ и обычаяхъ востока отыскивать объясненіе миѳамъ и обычаямъ Греціи. Вслѣдствіе такого стремленія, не одна греческая легенда была приплетена къ исторіи восточныхъ народовъ, и многое, что было заимствовано отъ нихъ лишь недавно, стало считаться преданіемъ первобытной старины.

3. Героическій періодъ грековъ до похода Аргонавтовъ.

За пеласгическимъ періодомъ Греціи слѣдуетъ періодъ называемый героическимъ, потому что героическій духъ и геройскіе подвиги составляютъ средоточіе, вокругъ котораго вращалась вся жизнь тогдашнихъ грековъ. Онъ извѣстенъ также подъ именемъ ахейскаго, потому что племя ахеянъ играло въ то время главную роль. Періодъ этотъ начинается не задолго передъ 1400 годомъ до р. Х., и оканчивается около 900 года. Самое цвѣтущее его время совпадаетъ съ вѣкомъ похода Аргонавтовъ и Троянской войны, т. е. временемъ между 1280 и 1180 годами до р. Х. Героическій періодъ Греціи не имѣетъ почти никакого отношенія къ предшествовавшему. Имя пеласговъ исчезаетъ, и вмѣсто ихъ въ различныхъ частяхъ Греціи являются другія, родственныя между собою племена, носившія другія имена и распространившіяся изъ Ѳессаліи по большей части твердой земли и острововъ Греціи. Пеласги или были покорены ими, или лишились своего могущества. Степень родства ихъ съ пеласгами намъ неизвѣстна. Нѣтъ однако сомнѣнія, что народы эти принадлежали не къ ѳракійскому и не къ иллирійскому, а къ греко-латинскому племени, и что греки были ихъ потомками. Они не носили общаго имени и въ поэмахъ, воспѣвающихъ ихъ подвиги, а обозначаются именемъ того или другаго изъ могущественнѣйшихъ отдѣльныхъ народовъ. Такимъ образомъ, Гомеръ иногда называетъ ихъ ахеянами, иногда элленами, данаями, или также пан-ахеянами, панэлленами, т. е. все-ахеянами и все-элленами.

Преданіе обыкновенно выводитъ происхожденіе различныхъ народовъ отъ какого нибудь лица, и потому часто обращаетъ имя націи въ имя личности, которое впослѣдствіи приписывается народу, какъ потомству этого лица и входитъ въ кругъ народныхъ сказаній. Тоже самое мы видимъ и въ греческомъ преданіи о племенахъ и народахъ, на которые дѣлились древніе греки. По этому

преданію, всѣ греки происходятъ отъ Девкаліона, сына полубога Прометея, время жизни котораго относятъ къ шестнадцатому вѣку до нашего лѣтосчисленія. При жизни этого человѣка произошло одно изъ тѣхъ губительныхъ наводненій, о которыхъ говорятъ легенды всѣхъ древнихъ народовъ. Девкаліонъ и жена его Пирра были единственными обитателями сѣверной и средней Греціи, которымъ удалось пережить этотъ потопъ и спастись на кораблѣ, построенномъ для этой цѣли. Послѣ девятидневнаго плаванія, корабль этотъ присталъ къ горѣ Парнассу, и Девкаліонъ, по повелѣнію верховнаго божества, снова возстановилъ родъ человѣческій, кидая сзади себя камни. Изъ камней, брошенныхъ Девкаліономъ, вышли мужчины; изъ камней Пирры — женщины. Этого греческаго Ноя легенда и превозглашаетъ родоначальникомъ грековъ. Греки носили общее имя элленовъ, и потому преданіе говоритъ, что у Девкаліона былъ сынъ Элленъ. Далѣе, такъ какъ греческая нація, по различнымъ нарѣчіямъ своего языка, распадалась на четыре главныя отрасли: ахеянъ, іонянъ, эолянъ или аіолянъ и дорянъ, то легенда приписываетъ Эллену трехъ сыновей: Эола или Аіола, Дора и Ксута, а послѣднему, въ свою очередь, двухъ сыновей: Іона и Ахея. Такъ говоритъ сказочное преданіе, настоящее же происхожденіе греческаго народа и различныхъ его племенъ покрыто непроницаемымъ мракомъ.

Главнѣйшія событія героическаго періода: основаніе на островѣ Критѣ царемъ Миносомъ оригинальнаго государственнаго устройства и значительной морской силы, такъ называемый походъ Аргонавтовъ и Троянская война. Время жизни царя Миноса относятъ къ началу героическаго періода; начало похода Аргонавтовъ — къ 1263 году; а Троянскую войну къ пространству времени между 1193 и 1183 годомъ до р. X.

На островѣ Критѣ мы впервые встрѣчаемся съ тѣмъ государственнымъ устройствомъ, которымъ греки отличались отъ всѣхъ другихъ народовъ. Поэтому въ древнѣйшей исторіи греческаго

народа этотъ островъ играетъ важную роль, хотя въ позднѣйшее время, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ сталъ совершенно на задній планъ, и, не смотря на свое выгодное положеніе, имѣлъ лишь ничтожное значеніе, сравнительно съ другими греческими островами. Въ древности на островѣ Критѣ жилъ царь Миносъ, котораго называютъ первымъ греческимъ законодателемъ. Его законы и правительственная мудрость пріобрѣли такую извѣстность, что преданіе приписываетъ ему близкія сношенія съ верховнымъ божествомъ, и ставитъ его, также какъ и брата его Радаманта, въ число судей подземнаго міра. Законодательство, посредствомъ котораго Миносъ далъ Криту новое государственное устройство, отличалось принципомъ равенства всѣхъ гражданъ и стремленіемъ къ поддержанію между ними рыцарскаго духа и энергіи, если только преданіе говоритъ правду и не относитъ къ этой ранней эпохѣ учрежденія позднѣйшаго времени. На Критѣ не было частной собственности: все считалось общественнымъ достояніемъ всѣхъ; граждане должны были обѣдать публично, всѣ вмѣстѣ. Власть царя была неограничена только на войнѣ, и правленіе находилось главнымъ образомъ въ рукахъ совѣта гражданъ. Воздѣлываніе земли лежало на обязанности однихъ рабовъ. Молодое поколѣніе получало на счетъ государства строгое воспитаніе, причемъ вниманіе было обращено преимущественно на развитіе сильнаго, способнаго къ войнѣ тѣла и духа, скромности и умѣренности. Миносъ пріучилъ также своихъ подданныхъ къ морскому дѣлу, и въ его правленіе воинственные и привыкшіе къ порядку критяне далеко распространили свое владычество на морѣ. До тѣхъ поръ торговля въ Архипелагѣ находилась въ рукахъ карійцевъ, которые, какъ и всѣ морскія націи въ древнѣйшія времена, занимались и морскими разбоями. Миносъ очистилъ море отъ этихъ пиратовъ, и заставилъ ихъ отказаться отъ своего ремесла. Онъ покорилъ всѣ острова Архипелага отъ Ѳракіи до Родоса, и старался утвердить морское владычество Крита посредствомъ колоній, основанныхъ имъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ и

мало-азіатскомъ берегу. Такимъ образомъ, Критъ былъ древнѣйшей въ исторіи морскою державою Греціи. Миносъ построилъ на Критѣ три главные города: Кноссъ, Кидонію и Фестъ, изъ которыхъ послѣдній палъ еще въ весьма отдаленной древности, а два остальные держались во все время существованія древняго міра.

Нѣкоторыя греческія легенды упоминаютъ о другомъ царѣ Миносѣ, жившемъ будто бы нѣсколько поколѣній позднѣе знаменитаго критскаго законодателя. Другія легенды, напротивъ того, признаютъ только одного царя этого имени, и приписываютъ ему все, что разсказывается про втораго Миноса. Въ правленіе этого Миноса II, жилъ на островѣ Критѣ нѣкто Д е д а л ъ, одинъ изъ древнѣйшихъ греческихъ художниковъ, имена которыхъ мы знаемъ. Исторія Дедала и сына его, И к а р а, имѣетъ до того сказочный характеръ, что самое существованіе ихъ становится сомнительнымъ. Миносъ II знаменитъ въ греческихъ легендахъ въ особенности постройкой критскаго л а б и р и н т а. Въ его время свирѣпствовалъ въ Критѣ дикій быкъ, М и н о т а в р ъ. По однимъ сказаніямъ островъ былъ освобожденъ отъ него Геркулесомъ, но, по другому разсказу, звѣрь этотъ былъ запертъ въ огромное зданіе, построенное Дедаломъ, и называющееся лабиринтомъ, по имени знаменитаго громаднаго сооруженія египтянъ. Оно находилось вблизи города Кносса, и состояло изъ множества ходовъ, такъ что въ немъ очень легко было заблудиться. Уже въ слѣдующія времена древняго періода не существовало и слѣдовъ этой постройки, и хотя новѣйшіе путешественники отыскали на Критѣ запутанную сѣть пещерообразныхъ ходовъ, обыкновенно называемыхъ лабиринтомъ, однако ходы эти вовсе не зданіе, а простая каменоломня въ скалистомъ холмѣ, и находятся не близъ Кносса, а недалеко отъ древняго города Гортины. Вѣроятно, что зданіе это никогда не существовало и было просто произведеніемъ поэтической легендарной фантазіи. Минотавръ, какъ будетъ разсказано ниже, былъ убитъ аоинняниномъ Тезеемъ, при помощи дочери Миноса — А р і а д н ы. Преданіе говоритъ, что М и н о с ъ II, какъ и соименный ему пра-

дѣдъ его, далеко распространилъ свое господство и на нѣкоторое время покорилъ себѣ даже аѳинянъ. Но, послѣ его смерти, могущество критскихъ властителей стало падать весьма быстро, и уже во время Троянской войны, тогдашній царь Крита владѣлъ очень небольшимъ числомъ кораблей, а море было снова усѣяно пиратами. Во времена Миноса втораго, рядомъ съ Кноссомъ, Кидоніей и Фестомъ, сталъ возвышаться городъ Гортина, сдѣлавшійся, мало по малу, однимъ изъ главныхъ городовъ острова. Развалины его и теперь еще занимаютъ весьма обширное пространство. —

Кромѣ острова Крита, главныя роли въ богатомъ мірѣ греческихъ легендъ играютъ Арголида, Лаконія, Коринѳъ, Аттика, Беотія, Этолія и Ѳессалія. Разсказы о событіяхъ, происходившихъ тамъ впродолженіи героическаго періода, также часто являются предметомъ поэтическихъ созданій грековъ, какъ и легенды о великихъ общественныхъ предпріятіяхъ, какими были походъ Аргонавтовъ и Троянская война. Поэтому важнѣйшіе изъ этихъ разсказовъ должны быть изложены отдѣльно. Древнѣйшая исторія остальныхъ странъ и государствъ Греціи хотя и связана подобнымъ же образомъ съ греческими героическими легендами, но имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Вездѣ новые поселенцы вытѣснили пеласгическій бытъ, и вездѣ населеніе видоизмѣнилось вслѣдствіе прилива новыхъ элементовъ. Только одна греческая страна, Аркадія, избѣгла такихъ перемѣнъ. Аркадяне не были вытѣснены изъ своего первоначальнаго мѣста жительства, и чужеземныя племена не проникали въ ихъ страну и не смѣшивались съ ними. Поэтому то они впослѣдствіи и гордились постоянно тѣмъ, что изъ всѣхъ грековъ одни были автохтонами, т. е. коренными жителями страны. Впрочемъ, подобно остальнымъ жителямъ Пелопоннеса, они были чисто греческаго происхожденія, съ самыхъ отдаленныхъ временъ говорили по гречески, вмѣстѣ съ остальными пелопоннесцами принимали участіе въ Троянской войнѣ, и уже въ то время обнаруживали въ своемъ характерѣ главныя черты греческаго народа.

Въ Арголидѣ верховная власть осталась въ рукахъ потомковъ Даная. Два правнука его, Акрисій и Претъ поссорились между собою, вслѣдствіе чего государство распалось на двѣ части. Акрисій сохранилъ Аргосъ съ прилежащей къ нему мѣстностью, а Претъ сдѣлался правителемъ другой части Арголиды, и построилъ тамъ городъ Тиринтъ. У Акрисія не было сыновей, а одна только дочь Даная. Сынъ этой женщины и бога Зевса Персей, — одна изъ знаменитѣйшихъ личностей героическихъ преданій Греціи. Оракулъ предсказалъ его дѣду, что внукъ будетъ виновникомъ его смерти. Поэтому вскорѣ послѣ рожденія Персея, Акрисій приказалъ запереть Данаю и ея сына въ ящикъ, и бросить ихъ въ море. Но они счастливо приплыли къ чужому берегу, и были радушно приняты повелителемъ страны. Возмужавъ, Персей поплылъ къ берегамъ западной Африки, для умерщвленія Медузы, одной изъ Горгонъ или трехъ сестеръ, однимъ видомъ своей головы, покрытой змѣями, превращавшихъ людей въ камни. Изъ нихъ одна только Медуза была существомъ смертнымъ. Благодаря покровительству Минервы, молодому герою удалось исполнить свое смѣлое предпріятіе. На обратномъ пути въ Грецію, Персей, посредствомъ окаменяющей головы Медузы, освободилъ Андромеду, дочь эѳіопскаго царя, отданную на съѣденіе морскому чудовищу, и женился на ней. Въ Греціи Персей примирился съ своимъ дѣдомъ, но вслѣдъ затѣмъ нечаянно убилъ его, во время праздничныхъ игръ, и сдѣлался царемъ Аргоса. Вскорѣ однако онъ промѣнялъ это государство на Тиринтъ, и построилъ тамъ новую столицу, Микены.

У Персея былъ внукъ Эвристей, не только сдѣлавшійся правителемъ Микенъ, но и пріобрѣвшій господство надъ всѣми остальными потомками Персея. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ сынъ Зевса и внуки Персея, Алкмены, Геркулесъ или Гераклъ, герой, прославленный въ греческихъ преданіяхъ. Геркулесъ или, какъ его иначе называютъ, Алкидъ могъ освободиться изъ подъ владычества Эвристея не иначе, какъ исполнивъ

двѣнадцать геройскихъ подвиговъ, по назначенію самого Эвристея. Герой рѣшился исполнить это трудное дѣло, и, вмѣстѣ съ многими другими подвигами, совершилъ и двѣнадцать, такъ называемыхъ, дѣяній, которыя назначилъ ему Эвристей. Прежде всего, онъ убилъ льва, свирѣпствовавшаго въ Немейскомъ лѣсу, въ Арголидѣ. Левъ этотъ былъ неуязвимъ человѣческимъ оружіемъ, но Геркулесъ задушилъ его. Шкура льва сдѣлалась отличительнымъ аттрибутомъ героя. Затѣмъ, онъ убилъ многоголовную гидру или змѣю, жившую въ Лернейскихъ болотахъ, въ Арголидѣ, и казавшуюся непобѣдимой потому, что, вмѣсто каждой отрубленной головы, у нея выростало двѣ новыхъ. Геркулесъ помѣшалъ этому, прижигая шею каждой отрубленной головы. Третья и четвертая задача состояли въ поимкѣ знаменитаго оленя и страшнаго кабана, жившаго въ Аркадіи, на горѣ Эримантѣ. Послѣдняго онъ притащилъ живымъ къ Эвристею. Послѣ этого, онъ долженъ былъ очистить въ одинъ день конюшни элидскаго царя Авгія, гдѣ содержалось до трехъ тысячъ штукъ скота, поймать большаго дикаго быка на островѣ Критѣ, и изгнать страшныхъ хищныхъ птицъ, жившихъ у Стимфальскаго озера, въ Аркадіи. Подвергаясь большимъ опасностямъ, Геркулесъ привелъ Эвристею дикихъ, питавшихся человѣческимъ мясомъ морскихъ лошадей ѳракійскаго царя Діомеда и стада испанскаго царя Геріона; добылъ ему драгоцѣнную перевязь Ипполиты, царицы воинственнаго малоазійскаго племени Амазонокъ, и золотыя яблоки изъ сада Гесперидъ—трехъ нимфъ, жившихъ въ западной Африкѣ и ввѣрившихъ охраненіе этого сокровища дракону. Послѣдній и самый трудный подвигъ состоялъ въ томъ, что Геркулесъ спустился въ адъ и привелъ оттуда Эвристею страшную адскую собаку, Цербера, и опять отвелъ ее въ преисподнюю. Послѣ всего этого Геркулесъ вышелъ изъ зависимости Эвристея, но продолжалъ трудное поприще героя и совершилъ еще много блистательныхъ подвиговъ, изукрашенныхъ и преувеличенныхъ поэтической фантазіею грековъ. Легенды и поэтическія созданія грековъ сдѣлали его образцомъ истиннаго героя, который, благодаря своей физической

и нравственной силѣ, достигаетъ свободы, и борьбою со всѣмъ грубымъ, низкимъ и вреднымъ благодѣтельствуетъ міру, и себя самаго доводитъ до высшей степени героической добродѣтели. Какъ и все великое и прекрасное, Геркулесъ имѣетъ божественное происхожденіе, но, съ другой стороны, онъ, какъ сынъ смертной матери, не чуждъ слабостей человѣческой природы. Преданіе повѣствуетъ и о томъ, что онъ однажды сбился съ истиннаго пути, унизился до зла, и даже такъ низко палъ, что предался изнѣженности и, какъ рабъ лидійской царицы, носилъ женскую одежду и исполнялъ обязанности ея прислужницъ. Но павшій герой просыпается и снова выступаетъ на свое почетное поприще. Наконецъ, въ силу идеи, что истинное величіе не боится смерти, онъ кончаетъ жизнь мучительнымъ образомъ, очищается при этомъ отъ всѣхъ смертныхъ слабостей, и возносится на небо, гдѣ занимаетъ мѣсто въ ряду боговъ.

Сыновья и потомки Геркулеса или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, Гераклиды, были изгнаны изъ родины, снова вернулись изъ средней Греціи въ Пелопоннесъ, уже послѣ Троянской войны, и мало по малу овладѣли большей частью полуострова. Вскорѣ послѣ смерти героя, оба арголидскія царства перешли во власть другихъ владѣтельныхъ родовъ. Эвристей не оставилъ дѣтей, и послѣ его смерти Микены досталась Пелопидамъ или сыновьямъ Пелопса, Атрею и Тіесту. Въ Аргосѣ же послѣдовательно господствовали двѣ чужеземныя династіи. Изъ государей первой въ особенности замѣчателенъ Адрастъ, а изъ второй — храбрый Діомедъ.

Исторія Пелопидовъ замѣчательна въ особенности рядомъ преступленій, которыя впослѣдствіи сдѣлали этотъ родъ однимъ изъ главныхъ предметовъ трагической поэзіи. Уже отецъ Пелопса, Танталъ заслужилъ гнѣвъ боговъ, отличавшихъ его больше всѣхъ смертныхъ. Чтобы испытать ихъ всевѣдѣніе, онъ убилъ сына своего Пелопса, и угостилъ ихъ его мясомъ. Разгнѣванные боги возвратили Пелопсу жизнь, но самого Тантала бросили въ адъ, гдѣ

онъ, стоя въ водѣ и раздражаемый видомъ роскошныхъ плодовъ, долженъ былъ вѣчно страдать отъ голода и жажды, въ наказаніе за свою ненасытность и за преступную заносчивость, выказанную имъ среди величайшаго счастія, доступнаго смертному. Сынъ его Пелопсъ хитростью убилъ элидскаго царя Эномая, у котораго хотѣлъ отнять дочь и царство. Впослѣдствіи онъ убилъ и помогавшаго ему исполнить это дѣло слугу Эномая, Миртила, чтобы не отдавать ему обѣщанной половины царства. Но Миртилъ былъ сыномъ Нептуна, и съ тѣхъ поръ непримиримый гнѣвъ этого бога сталъ тяготѣть надъ всѣмъ родомъ Пелопса. Междоусобія, убійства и другія преступленія стали какъ бы наслѣдственными въ домѣ Пелопидовъ. Изъ сыновей Пелопса прославились болѣе другихъ Атрей и Тіестъ, владѣвшіе Микенами и раздѣлившіе это царство между собой. Они жили въ постоянной враждѣ, умерщвляли другъ у друга дѣтей, и, подъ вліяніемъ злобы и ненависти, запятнали себя еще многими другими преступленіями. Атрей былъ наконецъ убитъ сыномъ Тіеста, Эгистомъ, а самъ Тіестъ погибъ отъ руки сына Атрея, Агамемнона, изгнавшаго Эгиста изъ его царства, и овладѣвшаго его престоломъ. Впослѣдствіи Агамемнонъ женился на дочери спартанскаго царя Тиндарея, Клитемнестрѣ, предводительствовалъ союзными греками въ Троянскомъ походѣ, и былъ наконецъ убитъ Эгистомъ и своей невѣрной женой. Его дѣти Ифигенія, Электра и Орестъ также раздѣлили трагическую участь всѣхъ Пелопидовъ. —

Современникомъ Агамемнона въ Лаконіи былъ царь Тиндарей. Онъ имѣлъ сыновей Кастора и Поллукса, которыхъ вмѣстѣ называютъ Діоскурами, и двухъ дочерей, Клитемнестру и Елену. Впрочемъ, оба сына и дочь Елена были только его пріемными дѣтьми, отцемъ же ихъ преданіе называетъ Зевса. Елена была первою красавицею въ цѣлой Греціи. Поэтому искателей ея руки явилось такъ много, что отецъ ея сталъ бояться вражды отвергнутыхъ жениховъ и прежде нежели Елена рѣшилась сдѣлать выборъ, онъ заставилъ ихъ всѣхъ дать клятву, что

они защитятъ отъ всякаго оскорбленія его дочь и того, кому она отдастъ свою руку. Елена избрала брата Агамемнонова, Менелая, который, послѣ принятія Діоскуровъ въ число боговъ, сдѣлался царемъ Лаконіи.—

Самымъ древнимъ правителемъ Коринѳа называютъ Сизифа, который, въ наказаніе за свои преступленія, былъ приговоренъ въ аду поднимать на гору тяжелый камень, постоянно скатывавшійся внизъ, едва достигнувъ вершины горы. И каждый разъ Сизифъ снова долженъ былъ начинать свою работу. Потомки Сизифа вскорѣ лишились власти, и, во времена Агамемнона, Коринѳъ входилъ въ составъ его владѣній. —

Въ Аттикѣ, въ ближайшее послѣ Кекропса время, властвовалъ рядъ царей, принадлежащихъ къ различнымъ домамъ. При одномъ изъ нихъ, Эрехтеѣ, прибылъ въ Аттику сынъ Эллена, Ксутъ, который женился здѣсь на Креузѣ, дочери царя, но, вмѣстѣ съ сыновьями Іономъ и Ахеемъ, былъ принужденъ оставить Аттику. Эти родоначальники грековъ приплетены къ исторіи Аѳинъ потому, что жители Аттики принадлежали къ іонійскому племени. Восьмымъ царемъ послѣ Кекропса былъ Эгей, воевавшій съ критскимъ царемъ Миносомъ II. Преданіе говоритъ, что сынъ этого критскаго правителя, Андрогей, былъ убитъ въ Аѳинахъ, и что Миносъ началъ войну въ отмщеніе за убійство. По словамъ легенды, аѳиняне были побѣждены и обязались каждыя девять лѣтъ посылать въ Критъ семь юношей и столько же дѣвушекъ, на съѣденіе Минотавру. Но, еще при жизни Эгея, сынъ и преемникъ этого царя, Тезей освободилъ ихъ отъ этой дани. Тезей жилъ въ тринадцатомъ вѣкѣ до р. Х. и, послѣ Геркулеса, является одной изъ блистательнѣйшихъ личностей героическихъ преданій грековъ, гдѣ его жизнь изображена весьма романически. Онъ родился не въ Аѳинахъ, а въ арголидскомъ городѣ Трезенѣ, гдѣ Эгей оставилъ его маленькимъ ребенкомъ, вмѣстѣ съ матерью, дочерью тамошняго царя. По приказанію отца, Тезей могъ явиться въ Аѳины не иначе, какъ взрослымъ и достаточно сильнымъ,

чтобы поднять тяжелый обломокъ скалы, подъ которымъ Эгей спряталъ мечь и пару сандалій. Тезей исполнилъ это на шестнадцатомъ году, и отправился къ отцу съ этими доказательствами своей силы. Дорогой онъ всячески искалъ случая показать свое мужество, и прежде всего убилъ близъ Эпидавра знаменитаго разбойника Перифета, нападавшаго на всѣхъ путешественниковъ, и убивавшаго ихъ желѣзной палицей. Онъ освободилъ міръ и отъ другаго изверга, жившаго на Истмѣ и называвшагося Синисомъ сосносгибателемъ. Синисъ также останавливалъ путешественниковъ, привязывалъ ихъ за ноги къ вершинамъ двухъ согнутыхъ сосенъ и, отпустивъ деревья, разрывалъ, такимъ образомъ, тѣло несчастнаго. Тезей побѣдилъ его и подвергнулъ такой же ужасной смерти. Третій злодѣй, убитый имъ, назывался Керкіономъ. Онъ заставлялъ всѣхъ встрѣчавшихся бороться съ нимъ, и убивалъ тѣхъ, кого ему удавалось побѣдить. Затѣмъ дошла очередь до разбойника Скирона, жившаго на границѣ Мегариды и Аттики. Сидя на скалѣ, онъ принуждалъ путешественниковъ мыть ему ноги и потомъ сбрасывалъ ихъ въ море. Тезей заставилъ его умереть той же смертью. Послѣ того былъ наказанъ разбойникъ Прокрустъ, жившій въ Аттикѣ, и встрѣчавшій путниковъ съ большимъ радушіемъ. У него были два ложа: одно очень большое, а другое очень маленькое. Къ первому приводилъ онъ людей малорослыхъ, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что постель имъ не въ пору, до того растягивалъ ихъ, что они умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Путешественниковъ большаго роста онъ напротивъ клалъ на маленькое ложе и отрубалъ имъ непомѣщавщуюся на немъ часть ногъ. На пути своемъ Тезей истреблялъ также и дикихъ животныхъ Прійдя въ Аѳины, онъ тотчасъ нашелъ случай оказать большую услугу своему отцу. Въ то время Эгей былъ царемъ только по имени, а вся власть перешла въ руки одной знатной аѳинской фамиліи и знаменитой чародѣйки Медеи, бѣжавшей въ Аѳины изъ Коринѳа. Тезей изгналъ властолюбцевъ изъ Аттики, и возстановилъ самостоятельную власть своего отца.

Вскорѣ за тѣмъ Тезей освободилъ аѳинянъ отъ человѣческой дани, которую они платили Криту. Онъ приказалъ помѣстить себя въ число молодыхъ людей, отправляемыхъ на этотъ островъ, и поплылъ туда съ намѣреніемъ убить Минотавра. По прибытіи въ Критъ, онъ тотчасъ съумѣлъ пріобрѣсть любовь Аріадны, дочери Миноса, которая помогла ему выбраться изъ запутанныхъ ходовъ лабиринта. Она дала ему клубокъ нитокъ, и посовѣтовала, привязавъ одинъ конецъ его у входа, постепенно разматывать его, углубляясь въ лабиринтъ. Тезей убилъ Минотавра, поспѣшно сѣлъ на корабль и бѣжалъ вмѣстѣ съ Аріадной, но тайкомъ оставилъ ее на островѣ Наксосѣ, повинуясь богу Вакху, объявившему, что онъ выбралъ ее себѣ въ жены. Корабль, на которомъ Тезей совершилъ плаваніе къ острову Криту и обратно, былъ съ черными парусами въ знакъ того, что онъ везъ на смерть аѳинскихъ юношей и дѣвушекъ. Тезей же обѣщалъ отцу своему, въ случаѣ успѣшнаго окончанія боя съ Минотавромъ, замѣнить черные паруса бѣлыми. Онъ забылъ исполнить это обѣщаніе, и Эгей, увидя приближеніе корабля съ черными парусами, съ отчаянія о мнимой смерти сына бросился въ море, которое съ тѣхъ поръ стало называться Эгейскимъ. Въ благодарность за освобожденіе Аѳинъ отъ этой позорной дани, аѳиняне еще нѣсколько столѣтій спустя ежегодно посылали корабль съ подарками на посвященный Аполлону островъ Делосъ.

Тезей наслѣдовалъ отцу въ управленіи Аѳинами и, будучи царемъ, оказалъ этому городу большія услуги, за которыя и въ позднѣйшія вѣка его прославляли какъ благодѣтеля. Аттика издавна состояла изъ двѣнадцати округовъ или волостей; постепенно связь между ними ослабѣла, такъ что они обратились почти въ независимыя государства и нерѣдко вступали въ открытую вражду между собою. Тезей снова соединилъ жителей Аттики въ одинъ народъ, уговоривъ ихъ отказаться отъ раздѣльнаго управленія и признать Аѳины средоточіемъ общаго управленія и суда. Для утвержденія этого единства, онъ учредилъ въ честь Минервы большое

празднество панатенеи (т. е. праздникъ всѣхъ аѳинянъ). Существованіе государства было, такимъ образомъ, связано съ религіей жителей, именно съ поклоненіемъ Минервѣ или Палладѣ-Аѳинѣ, какъ главному божеству. Она была признана покровительствующей богиней Аттики, и главный городъ этой страны по ея имени сталъ называться Аѳинами. На этомъ прочномъ соединеніи жителей Аттики основано до извѣстной степени позднѣйшее величіе ея народа. Иначе Аттика, подобно Беотіи и другимъ греческимъ странамъ, можетъ быть навсегда распалась бы на нѣсколько мелкихъ республикъ, слишкомъ слабыхъ, чтобы когда нибудь достигнуть хотя нѣкотораго значенія. Благодарное потомство приписываетъ Тезею и ту заслугу, что онъ, для блага народа, отказался отъ нѣкоторой доли своей власти, и предоставилъ гражданамъ большое участіе въ законодательствѣ, управленіи и судопроизводствѣ. Не смотря на все это, Тезей, по словамъ преданія, потерялъ подъ конецъ своей жизни любовь народа, былъ свергнутъ съ престола и изгнанъ изъ Аттики властолюбивымъ вельможей Менестеемъ. Онъ отправился къ своему другу, владѣтелю острова Скироса, лежащаго къ востоку отъ Эвбеи, но по неизвѣстнымъ причинамъ былъ убитъ имъ. Въ пятомъ вѣкѣ до рождества Христова аѳиняне съ торжествомъ перевезли тѣло Тезея въ Аѳины, и стали строить ему храмы и алтари какъ полу-богу.

Героическія преданія грековъ содержатъ еще множество разсказовъ о смѣлыхъ предпріятіяхъ, совершенныхъ Тезеемъ въ то время, какъ онъ уже былъ царемъ Аттики. Въ главныхъ чертахъ предпріятія эти таковы, что ихъ могъ совершить только человѣкъ съ дикимъ, неспокойнымъ духомъ, такой, какимъ былъ Тезей въ молодости. Но они совершенно противорѣчатъ характеру, который, по словамъ тѣхъ же легендъ, обнаруживалъ Тезей какъ правитель. Очевидно, что ихъ слѣдуетъ причислить къ прикрасамъ, которыми поэты позднѣйшаго времени старались придать болѣе блеску героическому періоду и великимъ людямъ той эпохи. По этимъ разсказамъ Тезей, между прочимъ, сопутствовалъ Геркулесу въ по-

ходѣ его въ страну амазонокъ, и даже женился на ихъ плѣнной царицѣ, Ипполитѣ. Потомъ, завязавъ дружбу, которая вошла въ пословицу по своей искренности и вѣрности, съ другимъ знаменитымъ героемъ, царемъ лапитовъ, Пиритоемъ, Тезей принялъ участіе въ его кровавой войнѣ съ центаврами, и однажды даже спустился съ нимъ въ преисподнюю, чтобы похитить царицу подземнаго міра, Прозерпину. При помощи своего друга, Тезей успѣлъ увезти и знаменитую Елену, но братья ея принудили возвратить плѣнницу. По смерти Ипполиты, онъ женился на сестрѣ Аріадны, Федрѣ, до того оклеветавшей передъ нимъ сына его, Ипполита, что Тезей передалъ его проклятію и возбудилъ Нептуна умертвить его. —

Беотія, во все продолженіе достовѣрной исторіи Греціи успѣвшая только однажды пріобрѣсть важное значеніе, играетъ, напротивъ того, первостепенную роль въ преданіяхъ народа. За исключеніемъ исторіи пелопидовъ, изъ всего предшествовавшаго Троянской войнѣ періода, нѣтъ легендъ, которыми греческіе поэты занимались бы такъ часто, какъ высоко трагическимъ разсказомъ о судьбѣ ѳиванской династіи. Беотія, жители которой принадлежали къ эолійскому племени, состояла въ древности изъ двухъ государствъ: Орхоменскаго и Ѳиванскаго. Первое, жители котораго назывались минійцами, достигло такой степени благосостоянія, благодаря развитію земледѣлія и торговли, что, въ первобытныя времена, считалось богатѣйшимъ государствомъ во всей Греціи. Было даже время, когда Ѳивы платили дань минійцамъ; но, послѣ Троянской войны, могущество Орхомена начало быстро приходить въ упадокъ, и съ этихъ поръ, до самаго паденія Греціи, Ѳивы оставались единственной столицей Беотіи. Въ четвертомъ вѣкѣ до р. Х. Орхоменъ былъ разрушенъ ѳиванцами, и хотя впослѣдствіи снова поднялся изъ своихъ развалинъ, но уже навсегда потерялъ свое значеніе.

Исторія Ѳивъ начинается прибытіемъ финикійца Кадма, совпадающимъ съ 1519 годомъ до р. Х. Легенда разсказываетъ,

что Кадмъ былъ посланъ отцомъ своимъ, Агеноромъ, для отысканія похищенной сестры своей, Европы, безъ которой отецъ запретилъ ему возвращаться въ Финикію. Не найдя ея нигдѣ, онъ обратился за совѣтомъ къ дельфійскому оракулу, который отвѣтилъ, что онъ долженъ послѣдовать за первой встрѣтившейся ему коровой и заложить городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она ляжетъ. Разсказъ этотъ основанъ на значеніи имени Беотія, которое, можетъ быть произведено отъ одного греческаго слова, означающаго корову. Кадмъ послѣдовалъ указанію оракула, и основалъ Кадмею, цитадель города Ѳивъ. Въ тоже время онъ убилъ жившаго по близости дракона и, по совѣту божества, посѣялъ его зубы, изъ которыхъ выросло множество вооруженныхъ людей. Эти воины тотчасъ же стали драться между собою, и истребили другъ друга, за исключеніемъ пяти человѣкъ, которые были названы спартами (т. е. посѣянными) и стали родоначальниками ѳиванскаго дворянства. Кадмъ женился на Гармоніи или Герміонѣ, дочери Марса и Венеры. Всѣ боги удостоили сватьбу своимъ присутствіемъ. Въ числѣ подарковъ, сдѣланныхъ ими новобрачнымъ, находились ожерелье и плащъ, данные имъ однимъ разгнѣваннымъ на нихъ богомъ. Эти вещи сдѣлались для дома Кадма источникомъ постоянныхъ несчастій. Кадмъ имѣлъ одного сына и четырехъ дочерей: Семелу, Ино, Агаву и Автоною. Исторія ихъ, наполненная несчастіями, находится въ связи съ миѳомъ о богѣ Вакхѣ, потому что онъ былъ главнымъ божествомъ Ѳивъ; Семена считалась его матерью.

Послѣ Кадма, въ Ѳивахъ царствовали одинъ за другимъ сынъ его Полидоръ, внукъ Лабдакъ, и правнукъ Лаій. Послѣдній былъ изгнанъ двумя ѳиванцами, Амфіономъ и Зетомъ, которыхъ считаютъ строителями Ѳивъ, потому что они распространили городъ, возникшій у подножья Кадмеи, соединили его съ этой цитаделью и обнесли крѣпкой стѣной съ семью воротами. Съ тѣхъ поръ городъ этотъ сталъ называться Ѳивами. Амфіонъ былъ мужемъ знаменитой Ніобы, которая осмѣлилась поставить

себя выше матери Аполлона, гордясь красотою своихъ дѣтей, и въ наказаніе за это лишилась всѣхъ ихъ. Аполлонъ умертвилъ ихъ своими стрѣлами, а сама Ніоба была превращена въ камень. Преданіе говоритъ, что Амфіонъ и Зетъ также лишились жизни вслѣдстіе гнѣва Аполлона. Амфіонъ, котораго преданіе прославляетъ какъ знаменитаго пѣвца и пророка, и братъ его Зетъ умерли бездѣтными. Тогда Лаій снова вернулся на родину и вступилъ на ѳиванскій престолъ.

Лаій женился на ѳиванкѣ Іокастѣ, и имѣлъ отъ нея сына, знаменитаго Эдипа. Оракулъ предсказалъ, что этотъ ребенокъ будетъ со временемъ убійцей своего царя и мужемъ своей матери. По этому Лаій приказалъ выбросить своего сына тотчасъ же послѣ рожденія, и, чтобы никто не взялъ его на воспитаніе, прокололъ ему ноги; но пастухи сосѣдняго царя нашли ребенка и пріютили его, а жена ихъ господина взяла его на свое попеченіе. Она дала ребенку, ноги котораго были опухлыми, имя Эдипъ, означающее подобнаго рода болѣзненное состояніе. Достигнувъ юношескаго возраста, Эдипъ встрѣтилъ однажды, въ путешествіи, своего отца и, незная его, поссорился съ нимъ и убилъ его.

Въ то время въ окрестностяхъ Ѳивъ свирѣпствовало странное чудовище, называвшееся сфинксомъ. Оно помѣстилось на скалѣ у большой дороги и всякому прохожему предлагало загадку, сбрасывая въ пропасть не умѣвшихъ разрѣшить ее. Загадки никто не могъ разгадать и потому ежедневно погибало нѣсколько ѳиванцевъ. Чтобы избавиться отъ чудовища, братъ Іокасты, Креонъ, принявшій правленіе послѣ смерти зятя, предложилъ царство и руку сестры въ награду тому, кто разрѣшитъ загадку. Въ это время прибылъ въ Ѳивы Эдипъ. Онъ разгадалъ загадку сфинкса, который тотчасъ же кинулся въ пропасть. Эдипъ сталъ ѳиванскимъ царемъ, женился на своей матери, и имѣлъ отъ нея четырехъ дѣтей: двухъ сыновей близнецовъ, Этеокла и Полиника, и дочерей Исмену и Антигону. Впослѣдствіи случай раскрылъ тайну его происхожденія. Іокаста въ отчаяніи сама лишила себя

жизни, а Эдипъ, у котораго подданные отняли власть, выкололъ себѣ глаза, проклялъ своихъ сыновей, присоединившихся къ его врагамъ, и навсегда оставилъ Ѳивы. Водимый своею дочерью Антигоною, онъ долго странствовалъ, и наконецъ умеръ недалеко отъ Аѳинъ.

Этеоклъ и Полиникъ поссорились за обладаніе Ѳивами. Послѣдній былъ принужденъ бѣжать, нашелъ убѣжище у аргосскаго царя Адраста, который далъ ему въ жены одну изъ своихъ дочерей и предпринялъ походъ для возстановленія своего зятя въ Ѳивахъ. Предводителями войска, кромѣ Адраста и самого Полиника, были еще пять человѣкъ, родственниковъ Адраста. Потому война эта и называется походомъ Семи противъ Ѳивъ. Время ея относятъ къ 1230 году до р. Х. Полиникъ владѣлъ пагубнымъ свадебнымъ подаркомъ, даннымъ когда то его праотцу Кадму, и потому походъ кончился дурно для него и для его союзниковъ. Всѣ начальники, за исключеніемъ Адраста, были убиты во время осады. Самъ Полиникъ и братъ его Этеоклъ убили другъ друга на единоборствѣ.

По смерти обоихъ братьевъ, правителемъ Ѳивъ сталъ ихъ дядя Креонъ, овладѣвшій властью въ качествѣ опекуна сына Этеокла. Креонъ торжественно похоронилъ отца своего питомца, а трупы Полиника и другихъ непріятельскихъ начальниковъ оставилъ на полѣ битвы на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, грозя казнью тому, кто осмѣлится похоронить ихъ. Запрещеніе это не удержало Антигону отъ исполненія долга любви и она погребла трупъ своего несчастнаго брата. Въ наказаніе за это, Креонъ приказалъ зарыть ее въ землю живою,—не смотря на то, что она была невѣстой сына его Гемона, который съ отчаянія лишилъ себя жизни на ея могилѣ. Когда сынъ Этеокла, Лаодамантъ, вступилъ въ управленіе государствомъ, сыновья Семи отмстили за смерть своихъ отцовъ новымъ походомъ противъ Ѳивъ. Эта война продолжалась десять лѣтъ и извѣстна подъ именемъ войны Эпигоновъ, т. е. войны сыновей (послѣ-рожденныхъ). Она кончилась въ 1210 году тѣмъ, что

Лаодамантъ, вмѣстѣ съ частью своихъ подданныхъ, долженъ былъ бѣжать въ Ѳессалію, а царемъ. Ѳивъ сдѣлался Терсандръ, сынъ Полиника. Надъ его потомками продолжала тяготѣть печальная судьба Эдипова дома.

Въ Этоліи, также какъ и въ остальной части средней Греціи, коренные жители смѣшались съ позднѣйшими пришельцами греческаго происхожденію. Но по образованію это населеніе всегда считалось самымъ отсталымъ изъ грековъ; и жители Этоліи и сосѣдней съ ней Акарнаніи постоянно отличались своею грубостью. Исключеніе составляетъ только героическій періодъ, когда этолійцы ни въ чемъ не уступаютъ остальнымъ греческимъ племенамъ. Замѣчательнѣшею легендою о нихъ въ этомъ періодѣ является разсказъ о царѣ Энеѣ и его сыновьяхъ Мелеагрѣ и Тидеѣ. Эней господствовалъ въ городѣ Калидонѣ, и жилъ передъ самою Троянской войной. Въ его правленіе страна была опустошаема необыкновенно свирѣпымъ кабаномъ, извѣстнымъ подъ именемъ калидонскаго вепря. Чтобы убить этого звѣря, Мелеагръ устроилъ большую охоту, на которую пригласилъ героевъ всей Греціи. За честь убіенія кабана и за обладаніе его шкурой между этолійцами и однимъ грубымъ сосѣднимъ народомъ вспыхнула кровопролитная война, украшенная у поэтовъ позднѣйшаго времени множествомъ вымысловъ, въ которой Мелеагръ былъ убитъ. Впослѣдствіи, сыновья одного изъ братьевъ Энея пытались отнять у него престолъ; сынъ его Тидей умертвилъ ихъ, но за то подвергся преслѣдованіямъ остальныхъ своихъ родственниковъ и былъ принужденъ бѣжать. Тогда сыновья другаго брата Энея свергли этого царя съ престола, заключили его въ темницу и обращались съ нимъ такъ жестоко, что несчастія, которыя ему пришлось испытать на старости лѣтъ, вошли въ пословицу у древнихъ грековъ. Спустя долгое время, сынъ Тидея, Діомедъ, явился наконецъ избавителемъ и мстителемъ своего дѣда. Жестокіе племянники поплатились за свое преступленіе жизнью, а Эней снова занялъ престолъ, который и сохранялъ до конца своей необыкновенно долгой жизни.

Тидей встрѣтилъ радушный пріемъ у аргосскаго царя Адраста, и женился на одной изъ его дочерей. Онъ принималъ участіе въ первомъ походѣ противъ Өивъ, и лишился при этомъ жизни. Сынъ его, Діомедъ сталъ аргосскимъ царемъ послѣ смерти Адраста. —

Одно изъ древнѣйшихъ преданій Өессаліи есть легенда о борьбѣ лапитовъ съ центаврами. Послѣдніе изображаются существами грубыми, имѣющими получеловѣческій и полулошадиный образъ, хотя впрочемъ легенда причисляетъ одного изъ нихъ, Хирона, къ величайшимъ мудрецамъ древности. Лапиты, которыхъ преданіе иногда перемѣщаетъ изъ Өессаліи въ Аркадію, также представляются народомъ грубымъ. Поводомъ къ кровавой борьбѣ между обоими племенами была сватьба лапитскаго царя Пиритоя. Опьяненные виномъ центавры, знатнѣйшіе представители которыхъ были приглашены на сватьбу, оскорбили Пиритоя и его народъ. Слѣдствіемъ этого былъ бой, въ которомъ въ особенности отличились Пиритой и другъ его Тезей. Центавры потерпѣли пораженіе и были принуждены обратиться въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ битвы множество убитыхъ; послѣ этого вспыхнула продолжительная война, въ которой перевѣсъ былъ сначала на сторонѣ центавровъ, но впослѣдствіи они, по словамъ преданія, были изгнаны изъ Өессаліи Геркулесомъ, и во время бѣгства погибли всѣ отъ голода. Вѣроятно, что въ основаніи позднѣйшихъ пѣсень, гдѣ разсказываются эти событія, лежитъ только тотъ фактъ, что разноплеменные народы Өессаліи вели между собою войну, и старались вытѣснить другъ друга изъ этой страны. Древнѣйшіе греческіе источники ничего не говорятъ о полузвѣриномъ видѣ центавровъ, такъ что, очевидно, это выдумка позднѣйшаго времени, основанная по всей вѣроятности на томъ, что Өессалія всегда славилась своими лошадьми, и, уже въ глубокой древности, имѣла превосходную конницу.

Въ южной Өессаліи находилась область Фтія, жители которой назывались фтіотами, ахеянами, элленами и мирмидонами. По-

слѣдніе, по словамъ преданія, пришли туда съ острова Эвбеи, гдѣ правителемъ ихъ былъ Эакъ, назначенный послѣ смерти однимъ изъ трехъ адскихъ судей. Сынъ Эака, Пелей убилъ своего своднаго брата, потому былъ принужденъ бѣжать изъ Эвбеи и вмѣстѣ съ мирмидонами перешелъ въ Ѳессалію, гдѣ женился на дочери фтійскаго царя и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ въ управленіе часть этой страны. Послѣ смерти своего тестя, онъ овладѣлъ всѣмъ царствомъ. У царя Пелея, отъ второй его жены, богини моря Ѳетиды, былъ сынъ Ахиллесъ или Ахиллей, знаменитѣйшій изъ героевъ Троянской войны, въ которой онъ былъ убитъ еще при жизни своего отца.

Въ юговосточной Ѳессаліи лежали два государства, Феры и Іолкъ, имѣющія большое значеніе въ сказочной исторіи Греціи. Одинъ изъ ферскихъ царей, Адметъ прославился преимущественно любовью, которую питала къ нему его жена Алькеста. Когда онъ однажды заболѣлъ, Аполлонъ, изъ милости къ нему, согласился сохранить ему жизнь, но съ тѣмъ, чтобы вмѣсто него умеръ кто нибудь изъ его ближнихъ. Алькеста тотчасъ же рѣшилась пожертвовать собою для спасенія жизни мужа. Но такъ какъ Адметъ не могъ утѣшиться въ потерѣ жены, другъ его Геркулесъ спустился въ преисподнюю и возвратилъ оттуда Алькесту. Во времена Адмета, въ Іолкѣ правилъ царь Пелій, незаконнымъ образомъ свергнувшій съ престола своего своднаго брата Эзона, или управлявшій царствомъ какъ опекунъ сына его Язона. Язонъ былъ воспитанъ за предѣлами родины и въ первый разъ показалъ себя героемъ на калидонской охотѣ. Между тѣмъ дядя его получилъ отъ оракула совѣтъ остерегаться человѣка, который явится къ нему въ одной сандаліи. Случилось, что Язонъ, на обратномъ пути въ Іолкъ, переправляясь въ бродъ черезъ какой то ручей, неподалеку отъ роднаго города, потерялъ одну сандалію. Пелій сообщилъ племяннику о предсказаніи оракула, и спросилъ его, что бы онъ сдѣлалъ въ его положеніи. Язонъ отвѣтилъ, что отправилъ бы такого человѣка въ Колхиду за золотымъ

руномъ. Властолюбивый дядя исполнилъ совѣтъ и приказалъ племяннику пуститься въ это опасное предпріятіе. Такимъ образомъ Язонъ и Пелій находились повидимому въ такихъ же отношеніяхъ другъ къ другу, въ какія преданіе ставитъ Эвристея и Геркулеса.

4. Походъ Аргонавтовъ.

Плаваніе въ Колхиду, обыкновенно называемое походомъ аргонавтовъ, является однимъ изъ тѣхъ предпріятій, внушенныхъ жаждой къ добычѣ, приключеніямъ и славѣ, которыя часто встрѣчаются въ героическомъ періодѣ всѣхъ народовъ. Храбрые и войнолюбивые предводители, связанные между собою единствомъ происхожденія, языка и религіи, соединились для похода въ страну, гораздо болѣе отдаленную, чѣмъ всѣ мѣста предшествовавшихъ греческихъ предпріятій. Удачно выполненное, опасное предпріятіе это сдѣлалось знаменитымъ по всей Греціи, и долгое время оставалось однимъ изъ главныхъ предметовъ ея героическихъ пѣсень. Таковъ фактъ, лежащій въ основаніи разсказа о походѣ аргонавтовъ. Но подробности этого событія, бывшаго въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ исключительнымъ достояніемъ преданія и поэзіи, до такой степени изукрашены и развиты вымыслами, что нѣтъ никакой возможности прослѣдить истинный ходъ предпріятія. Греки героическаго періода и даже, отчасти, позднѣйшихъ вѣковъ считали эти разсказы дѣйствительными фактами и главное значеніе ихъ заключается вътомъ, что, подобно другимъ поэтически изукрашеннымъ событіямъ, облекшимся въ форму легендъ или поэмъ, разсказы эти долгое время были однимъ изъ элементовъ народнаго образованія грековъ.

Походъ аргонавтовъ начинается въ 1263 г. до р. Х., но преданіе связываетъ его съ событіемъ случившимся, какъ говорятъ, лѣтъ за сто передъ тѣмъ. Нѣкто Атамантъ, владѣтель одной части Беотіи, развелся съ первой своей женой Нефелой, и женился на

дочери Кадма Ино. Этой женщинѣ Юпитеръ далъ на воспитаніе молодаго Вакха, и за то Ино и Атамантъ подверглись всякимъ бѣдствіямъ, ниспосланнымъ на нихъ богиней Юноной, ненавидѣвшей и преслѣдовавшей ихъ воспитанника. Она внушила Ино глубокую ненависть къ дѣтямъ ея мужа отъ перваго брака, Фриксу и Геллѣ. Ино старалась погубить ихъ и для того подкупила пословъ, отправленныхъ ея мужемъ къ оракулу, уговоривъ ихъ сообщить въ отвѣтъ ложное требованіе, отъ имени оракула, чтобы Атамантъ принесъ обоихъ своихъ дѣтей въ жертву богамъ. Атамантъ дѣйствительно хотѣлъ это исполнить, но ихъ отняла у него отверженная имъ Нефела, бдительно слѣдившая за своими дѣтьми. Чтобы освободить ихъ отъ жестокой мачихи, она дала имъ подаренняго ей Меркуріемъ барана съ золотымъ руномъ. Баранъ этотъ могъ летать по воздуху, и перенесъ дѣтей Нефелы къ проливу, который теперь называется Дарданельскимъ. Онъ пустился черезъ него вплавь, но при этомъ Гелла утонула, вслѣдствіе чего проливъ и был ъназванъ Геллеспонтомъ, т. е. моремъ Геллы. Фрикса баранъ донесъ до лежавшей въ отдаленнѣйшей части Чернаго моря Колхиды, гдѣ Фриксъ былъ радушно принятъ царемъ Э е т о м ъ. Здѣсь онъ принесъ барана въ жертву Зевсу, и подарилъ колхидскому царю его золотое руно Царь посвятилъ его Марсу, и повѣсилъ на дубѣ въ рощѣ, посвященной этому богу. Для охраненія руна, Марсъ приставилъ къ нему чудовищнаго дракона и двухъ быковъ, извергавшихъ изо рта пламя.

Молва о золотомъ рунѣ, какъ о богатомъ сокровищѣ, распространилась повсюду, и даже въ далекой Греціи волновала воображеніе воинственныхъ юношей. Но похищеніе его считалось однимъ изъ самыхъ опасныхъ предпріятій; потому Язонъ и получилъ приказаніе отправиться въ Колхиду и привезти оттуда чудесное руно. Для выполненія этого предпріятія, онъ приказалъ построить себѣ корабль, невиданной до тѣхъ поръ величины. По имени корабля „Арго“, участники экспедиціи и были названы аргонавтами. Величайшіе герои Греціи собрались въ

Іолкъ, чтобы принять участіе въ этомъ походѣ. Преданія не согласны между собою относительно числа аргонавтовъ, но всѣ говорятъ, что ихъ было болѣе пятидесяти. Большая часть изъ нихъ принадлежала къ племени минійцевъ, изъ котораго состояло и населеніе Іолка. Потому аргонавтовъ довольно часто называютъ минійцами.

Предпріятіемъ предводительствовалъ Язонъ, а изъ спутниковъ его самыми знаменитыми были: Геркулесъ, который однако не до конца оставался въ экспедиціи, Тезей, Пиритой, Касторъ и Поллуксъ, Мелеагръ и Пелей. Кромѣ того нужно еще замѣтить барда, Орфея, знаменитѣйшаго пѣвца первобытныхъ временъ. Какъ священникъ, пророкъ и поэтъ, онъ низвелъ на аргонавтовъ милость боговъ, удалилъ съ ихъ корабля несогласіе, и тѣхъ враговъ, которыхъ нельзя было смирить оружіемъ, побѣждалъ волшебной силой своего пѣнія. Встрѣчая на пути разныя приключенія, аргонавты посѣтили острова Лемносъ и Самотракію, прошли Геллеспонтъ и Босѳоръ, и поплыли вдоль мало-азійскаго берега до Колхиды. У береговъ Мизіи Геркулесъ отсталъ отъ нихъ, и отправился искать своего любимца Гиласа, который также сопровождалъ аргонавтовъ, но вдругъ пропалъ.

Когда аргонавты прибыли въ Колхиду и объявили царю Эету свое желаніе, онъ отвѣчалъ имъ, что золотое руно будетъ имъ выдано, если только Язонъ выполнитъ геройскій подвигъ, который онъ ему предпишетъ. Подвигъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы запречь обоихъ огнедышащихъ быковъ въ плугъ, вспахать ими извѣстное пространство земли, посѣять на ней зубы дракона, и истребить вооруженныхъ людей, которые появятся изъ этого сѣмени. Язонъ взялся за это, и при помощи дочери Эета, Медеи, благополучно совершилъ требуемый подвигъ. Медея полюбила предводителя аргонавтовъ; знакомая съ тайнами волшебства, она приготовила мазь, которая дѣлала безвреднымъ пламя быковъ, и посовѣтовала герою набросать вооруженнымъ людямъ камней, вслѣдствіе чего они должны были сами перебить другъ друга. Но,

не смотря на то, что условія были выполнены, Эетъ отказался выдать золотое руно, даже рѣшился неожиданно напасть на аргонавтовъ, и сжечь ихъ корабль. Но Медея сообщила своему возлюбленному объ этомъ замыслѣ, и силой волшебства помогла ему овладѣть руномъ. Аргонавты тотчасъ же сѣли на корабль, и, вмѣстѣ съ Медеей, отплыли изъ Колхиды. Эетъ погнался за ними, и вѣроятно успѣлъ бы ихъ настигнуть, еслибы Медея не остановила его безчеловѣчнымъ средствомъ. Она убила взятаго ею съ собою младшаго брата своего, Апсирта, поставила его голову на скалу, и разбросала по дорогѣ его изрубленные члены. Увидавъ его окровавленную голову, Эетъ присталъ къ берегу, чтобы собрать смертные останки сына, и это задержало его такъ долго, что онъ уже долженъ былъ отказаться отъ погони за аргонавтами.

Различныя легенды несогласны между собою на счетъ пути, которымъ аргонавты вернулись домой. Съ теченіемъ вѣковъ направленіе этого пути мѣнялось въ устахъ разсказчиковъ, сообразно съ распространеніемъ ихъ свѣдѣній о берегахъ Чернаго моря. Вѣроятно также, что мѣсто, куда отправилась экспедиція, лежало гораздо западнѣе, чѣмъ утверждаетъ легенда, и постепенно было отодвигаемо въ отдаленнѣйшія части этого моря. Разсказы о чародѣйствахъ Медеи и о вымышленномъ золотомъ рунѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ представленіямъ о чудесныхъ далекихъ странахъ, которыя мы встрѣчаемъ у всѣхъ неразвитыхъ еще народовъ, одаренныхъ поэтическимъ инстинктомъ. Преданіе ничего не говоритъ о томъ, что сдѣлалось съ привезеннымъ въ Грецію чудеснымъ сокровищемъ, и позднѣе ни въ одномъ греческомъ городѣ не показывали ничего, что считалось бы у грековъ золотымъ руномъ. Въ послѣднее время древняго міра стали искать объясненія этому преданію въ существующемъ будтобы на Кавказѣ обычаѣ, пропускать воду ручьевъ, содержащихъ золотой песокъ, черезъ мохнатыя шкуры, задерживающія въ себѣ крупинки золота.

Преданіе приписываетъ предводителю аргонавтовъ разнооб-

разныя приключенія и по возвращеніи его на родину, но разсказы о нихъ противорѣчатъ другъ другу. По словамъ большей части легендъ, онъ, кажется, или не достигъ власти, или вскорѣ опять потерялъ господство въ своемъ государствѣ; потому что остатокъ своихъ дней онъ прожилъ въ Коринѳѣ. Здѣсь онъ, какъ говорятъ, покинулъ Медею, отъ которой имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, и обручился съ дочерью коринѳскаго царя Креона. Но Медея убила его невѣсту и дѣтей своихъ, и унеслась по воздуху, а Язонъ, съ отчаянія, лишилъ себя жизни.

5. Троянская война.

Троянская война, время которой опредѣляютъ десятилѣтіемъ между 1193 и 1183 годомъ до р. X., составляетъ въ двоякомъ отношеніи важнѣйшее событіе древнѣйшей исторіи Греціи. Героическія легенды грековъ изображаютъ эту борьбу какъ самый блестящій моментъ героическаго періода. Изъ всего, что перешло въ потомство о первыхъ дняхъ Греціи, ничто не запечатлѣлось такъ глубоко въ памяти послѣдующихъ поколѣній, ничто такъ часто не вдохновляло поэтовъ и художниковъ, какъ легенды о герояхъ, которые первые отправились изъ Европы на побѣдоносную борьбу съ азіятскимъ народомъ. Такимъ образомъ, не самое событіе, а разсказъ о немъ, взглядъ на него, способъ его изображенія — вотъ что могущественно дѣйствовало на народъ во всѣ послѣдующія времена греческой исторіи. Самая война не имѣла вліянія на положеніе дѣлъ въ Греціи; гораздо богаче послѣдствіями было другое событіе, случившееся чрезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ Троянской войны, и называемое возвращеніемъ Гераклидовъ. Потому не столь важно изслѣдовать историческую сторону разсказовъ объ этой войнѣ, сколько познакомиться съ подробностями самихъ легендъ, и ясно и вѣрно понять отражающійся въ нихъ духъ времени.

Троянская война, сама по себѣ, историческій фактъ, не под-

лежащій сомнѣнію; но причины и ходъ ея облечены въ такую сказочную форму, что въ ней нельзя отличить достовѣрнаго отъ вымышленнаго. Разсказы объ этой войнѣ можно сравнить съ позднѣйшими сѣверными легендами о кругломъ столѣ Артура, подвигахъ Одина и Бальдера и приключеніяхъ Фингала. Разсказчики искали только поэтической, а не исторической истины. До насъ впрочемъ дошли только двѣ раннія греческія поэмы, воспѣвающія Троянскую войну и ея героевъ — Иліада и Одиссея, приписываемыя Гомеру, жившему около ста восьмидесяти лѣтъ послѣ этого событія.

Городъ Троя или Иліонъ лежалъ на мало-азійскомъ берегу, въ Мизіи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Геллеспонтъ или Дарданельскій проливъ соединяется съ Эгейскимъ моремъ. Онъ былъ построенъ у подошвы горы Иды, и имѣлъ замокъ (кремль) или цитадель, называвшуюся Пергамомъ. Часть мало-азійскаго прибрежья принадлежала также троянскимъ царямъ, которые, по словамъ преданія, были могущественнѣйшею династіею во всей передней части Малой Азіи, подобно тому, какъ домъ Агамемнона въ Греціи. Можно думать, что троянцы были родственны грекамъ, потому что въ разсказахъ о войнѣ вовсе не упоминается ни о трудности взаимныхъ сношеній, ни о какомъ нибудь замѣтномъ различіи въ языкѣ, религіи и нравахъ. Напротивъ того, въ легендѣ, вспомогательныя ополченія, присланныя троянцамъ народами внутренней Малой Азіи, разнятся своимъ языкомъ и нравами какъ отъ грековъ, такъ и отъ троянцевъ. Сами троянцы отличались отъ грековъ въ одномъ только отношеніи: они были богаче, жили роскошнѣе, сдѣлали больше успѣховъ въ искусствахъ, и относились къ грекамъ почти также, какъ жители Франціи и Англіи VIII и IX вѣка по р. X., къ поселявшимся на ихъ берегахъ норманнамъ.

Еще до Троянской войны, греки пускались въ экспедиціи противъ Трои. Преданія говорятъ, что одинъ изъ главныхъ героевъ первобытныхъ временъ Греціи, Геркулесъ, предпринималъ блистательный походъ противъ троянскаго царя Лаомедонта. Троя

была тогда взята и разграблена. Этотъ разсказъ, также какъ и легенда объ аргонавтахъ и другія, свидѣтельствуетъ о частыхъ разбойничьихъ поискахъ, которые въ отдаленныя времена не рѣдко производились греками въ Малой Азіи, и на оборотъ. Легко можетъ быть, что страсть къ такимъ предпріятіямъ съ особенною силою развилась незадолго до Троянской войны, когда, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, грекамъ уже не представлялось случая бороться съ дикими звѣрями и свирѣпыми разбойниками, и воинственныя стремленія молодежи должны были искать удовлетворенія за предѣлами родины. Такимъ образомъ, большая война, вспыхнувшая между всей массой населенія противоположныхъ береговъ Архипелага, легко можетъ быть объяснена безъ всякихъ дальнѣйшихъ поводовъ. Но преданіе рѣдко удовлетворяется простой причиной, вытекающею изъ самихъ обстоятельствъ, и любитъ пріискивать для событій особыя и интересныя причины. Такъ и Троянская война была связана съ исторіей греческаго владѣтельнаго дома Пелопидовъ, которые были родомъ изъ Малой Азіи, откуда переселились въ Грецію, когда предокъ ихъ Пелопсъ былъ лишенъ своихъ владѣній однимъ изъ троянскихъ царей. Къ этому дому принадлежали Агамемнонъ, владѣтель Микенъ, и Менелай, царь спартанскій. Къ послѣднему изъ нихъ царь троянскій Пріамъ, сынъ Лаомедонта, отправилъ однажды, неизвѣстно по какой причинѣ, посольство, въ главѣ котораго находился сынъ его Парисъ или Александръ. Еще прежде, этому Парису пришлось однажды быть судьей въ спорѣ трехъ богинь о томъ, которая изъ нихъ прекраснѣе. Онъ рѣшилъ споръ въ пользу Венеры, и эта богиня обѣщала дать ему въ награду красивѣйшую изъ всѣхъ женщинъ. А первою красавицею того времени была Елена, супруга Менелая, въ домѣ котораго Парисъ былъ принятъ съ радушіемъ. Благодаря содѣйствію Венеры, спартанская царица полюбила Париса, и онъ вмѣстѣ съ ней бѣжалъ въ Трою. Это и было поводомъ къ Троянской войнѣ, и такъ какъ въ ней приняли участіе почти всѣ греческія государства, то

преданіе пріискало и этому обстоятельству внѣшнюю и непосредственную причину, заключавшуюся въ вымышленной клятвѣ, которую будто бы всѣ искатели руки Елены дали отцу ея, и вслѣдствіе которой участіе въ войнѣ съ Троей сдѣлалось для нихъ обязательнымъ.

Въ Троянской войнѣ приняла участіе вся Греція, отъ острова Крита и южной оконечности Пелопоннеса до сѣверныхъ границъ Θессаліи. Только акарнанцы и дорійцы не участвовали въ этомъ движеніи. Съ другой стороны на борьбу съ греками явились всѣ жители западной части Малой Азіи, какъ вассалы или какъ союзники Трои. Такимъ образомъ, Троянская война была борьбою не за отдѣльный городъ. Тутъ вооружились другъ противъ друга жители обоихъ береговъ Эгейскаго моря или, какъ выражались позднѣйшіе греки, Европа подняла оружіе противъ Азіи. Къ числу союзниковъ Трои принадлежали впрочемъ и нѣкоторыя племена, жившія во Θракіи и Македоніи. Число кораблей, на которыхъ греки переправились въ Малую Азію, показываютъ до 1186, а общую численность ихъ войска болѣе чѣмъ въ сто тысячь; троянскія ополченія, напротивъ того, не доходили и до половины этой цифры. Впрочемъ всѣ эти данныя не имѣютъ конечно никакого значенія, потому что рѣчь идетъ о событіи, съ которымъ мы знакомы только по разсказу поэтовъ.

Главными героями троянцевъ были Гекторъ, сынъ Пріама, храбрѣйшій изъ своихъ соотечественниковъ, и Эней, сынъ Анхиса и богини Венеры, принадлежавшій къ боковой линіи троянскаго царскаго дома. Въ числѣ греческихъ героевъ болѣе другихъ знамениты: Агамемнонъ, Менелай, Ахиллесъ, Патроклъ, Діомедъ, два Аякса, Несторъ, Одиссей, Филоктетъ и Протесилай. Агамемнонъ, Атридъ, т. е. сынъ Атрея и царь Микенскій былъ верховнымъ предводителемъ грековъ. Къ его владѣніямъ принадлежали Коринѳъ, Сикіонъ, Ахаія и большая часть Арголиды. Онъ считался могущественнѣйшимъ изъ государей поднявшихся противъ Трои. Его братъ, Менелай владѣлъ Лаконіей. Ахиллесъ, сынъ

Пелея и поэтому часто называемый Пелидомъ, стоялъ въ главѣ ѳессалійскихъ мирмидоновъ и элленовъ, и былъ самымъ храбрымъ и красивымъ воиномъ въ цѣломъ войскѣ. Патроклъ приходился ему родственникомъ, и былъ съ нимъ связанъ самой тѣсной дружбой. Діомедъ, сынъ Тидея или Тидидъ, также прославляется поэтами какъ одинъ ихъ храбрѣйшихъ грековъ. Аяксъ малый, сынъ Оилея, предводительствовалъ локрійцами. Аяксъ Теламонидъ или сынъ Теламона, владѣтель острова Саламина, считался красивѣйшимъ и храбрѣйшимъ грекомъ послѣ Ахиллеса. Его сопровождалъ братъ его Тевкръ. Несторъ, царь Пилоса въ Элидѣ, былъ самымъ старымъ и опытнымъ полководцемъ между греками. Глубокая старость его вошла въ пословицу, такъ что имя его до сихъ поръ сохранило тоже значеніе, какъ имя Маѳусаила. Одиссей или Улиссъ, владѣтель острова Итаки и нѣкоторыхъ сосѣднихъ странъ, болѣе всѣхъ прочихъ грековъ отличался хитростью. Филоктетъ былъ царемъ небольшаго округа въ Ѳессаліи, славился своимъ неподражаемымъ искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ лука, и владѣлъ знаменитыми стрѣлами Геркулеса. Протесилай царствовалъ въ другой ѳессалійской области. Кромѣ этихъ главныхъ героевъ греческаго войска, стоявшаго передъ Троей, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ человѣкѣ, который столько же прославился своими позорными и смѣшными качествами, какъ тѣ своимъ геройствомъ, именно объ этолійскомъ князѣ Терситѣ, самомъ безобразномъ, хвастливомъ и бранчивомъ изъ всѣхъ грековъ, собравшихся подъ Троей. Его несносная заносчивая болтовня сдѣлала его имя типическимъ.

Гавань Авлида, въ Беотіи, была сборнымъ мѣстомъ греческаго флота, отплытіе котораго было надолго задержано здѣсь безвѣтріемъ. Преданіе и въ этомъ обстоятельствѣ нашло поводъ къ вымыслу, о которомъ ничего не говорится въ Иліадѣ и Одиссеѣ, такъ что вымыселъ этотъ принадлежитъ вѣроятно позднѣйшему времени. Легенда говоритъ, что Агамемнонъ убилъ близь Авлиды оленя, посвященнаго Діанѣ. Въ наказаніе за это послѣдовало без-

вѣтріе, и находившійся при греческомъ войскѣ гадатель объявилъ, что оно прекратится только тогда, когда Агамемнонъ принесетъ свою дочь Ифигенію въ жертву разгнѣванной богинѣ. Агамемнонъ дѣйствительно приказалъ привезти изъ Микенъ дочь свою, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ отдать ее въ замужество Ахиллесу. Жертвоприношеніе было совершено, но въ ту минуту, когда Ифигенія уже должна была умереть, Діана невидимымъ образомъ перенесла ее въ Тавриду (нынѣшній Крымъ), гдѣ она и сдѣлалась жрицею въ храмѣ этой богини. Путь грековъ пролегалъ мимо острова Лемноса, гдѣ былъ оставленъ Филоктетъ, страдавшій злокачественной раной. Высадку на троянскомъ берегу пришлось дѣлать съ боя, и Протесилай, первый достигшій берега, былъ также первымъ героемъ, лишившимся жизни въ Троянской войнѣ.

Война эта продолжалась десять лѣтъ. Греки съ самаго начала устроили на берегу большой лагерь, но не могли открытою силою взять городъ, окруженный рвомъ и крѣпкою стѣною. О настоящей осадѣ не могло быть и рѣчи; но сдѣлано было нѣсколько попытокъ взять городъ приступомъ, и кромѣ того происходили частыя схватки въ открытомъ полѣ. О систематическомъ боѣ и тутъ никто не думалъ, а каждый военачальникъ распоряжался, какъ ему казалось лучше. Мало того, въ большей части случаевъ, армія вовсе не сражалась, и бой происходилъ только между предводителями. Вообще, они оставляли свои ополченія на мѣстѣ, и одни, пѣшкомъ или на колесницѣ, выступали противъ непріятельскихъ вождей. У грековъ, у которыхъ Агамемнонъ вовсе не имѣлъ значенія неограниченнаго повелителя, и каждое предпріятіе постоянно обсуживалось всѣми сообща, часто происходили несогласія. Отъ времени до времени, отдѣльные военачальники, вынуждаемые недостаткомъ въ продовольствіи, предпринимали разбойничьи набѣги на сосѣднія страны.

Однимъ изъ важнѣйшихъ несогласій между греками была ссора Агамемнона съ Ахиллесомъ, по поводу набѣга, предпринятаго послѣднимъ. Вслѣдствіе этой ссоры, Ахиллесъ рѣшился не принимать

болѣе участія въ войнѣ. Положеніе грековъ сдѣлалось тогда бѣдственнымъ. Они терпѣли неудачи во всѣхъ стычкахъ. Однажды троянцы проникли даже въ лагерь грековъ, но тогда Патроклъ тронулся положеніемъ своихъ соплеменниковъ и бросился къ нимъ на помощь. Онъ надѣлъ вооруженіе Ахиллеса, и этимъ произвелъ на троянцевъ такое впечатлѣніе, что они тотчасъ же побѣжали въ городъ. Одинъ Гекторъ не потерялъ мужества. Онъ выступилъ противъ мнимаго Ахиллеса и успѣлъ убить его. Тогда, чтобы отмстить за смерть друга, Ахиллесъ снова принялъ участіе въ битвѣ и тотчасъ же вогналъ всѣхъ троянцевъ въ городъ. Гекторъ опять остался одинъ на полѣ битвы, но на этотъ разъ погибъ отъ руки греческаго героя. Вскорѣ послѣ того погибъ и самъ Ахиллесъ. Преданіе говоритъ, что Парисъ убилъ его коварнымъ образомъ, во время переговоровъ. За обладаніе оружіемъ Ахиллеса, которое по просьбѣ его матери Ѳетиды было сдѣлано богомъ Вулканомъ, и потому не имѣло себѣ подобнаго, — произошелъ между греками большой споръ. Нѣсколько героевъ изъявили на него притязаніе; Агамемнонъ приговорилъ отдать его Одиссею. Раздраженный этимъ Аяксъ Теламонидъ сошелъ съ ума отъ бѣшенства и закололъ себя во время припадка. Въ другомъ разсказѣ говорится однако, что онъ былъ тайно убитъ Одиссеемъ. Мѣсто Ахиллеса занялъ юный сынъ его, Пирръ или Неоптолемъ, который вскорѣ послѣ смерти отца былъ вызванъ изъ отечества и, подобно Ахиллесу, отличался храбростью. Одиссей привелъ также грекамъ оставленнаго на Лемносѣ Филоктета, такъ какъ, по предсказанію оракула, Троя не могла быть взята безъ помощи стрѣлъ Геркулеса. Тотъ же коварный герой, соединившись съ Діомедомъ, похитилъ стоявшій среди Трои, такъ называемый, палладіумъ, т. е. упавшее когда то съ неба изображеніе богини Паллады или Минервы, одаренное тѣмъ свойствомъ, что городъ, гдѣ оно находилось, не могъ быть взятъ. Діомедъ и Одиссей пробрались въ городъ переодѣтые, и благополучно перенесли

палладіумъ въ лагерь грековъ. Вслѣдъ затѣмъ Филактетъ убилъ Париса одною изъ стрѣлъ Геркулеса.

Тогда пробилъ для Трои часъ паденія. Непріятель овладѣлъ городомъ посредствомъ хитрости. Преданіе говоритъ, что греки построили большую деревянную лошадь, въ которую спряталось нѣсколько вооруженныхъ людей. Остальные сѣли на корабли и поплыли въ море, какъ бы возвращаясь въ Грецію. Между тѣмъ одинъ изъ нихъ явился къ троянцамъ, назвавъ себя бѣглецомъ, обиженнымъ соотечественниками и желающимъ отмстить имъ. Онъ разсказалъ имъ, что лошадь была построена по приказанію боговъ, въ замѣну палладіума, но что ее нарочно сдѣлали гораздо больше чѣмъ ворота Трои, чтобы нельзя было ввезти ее въ городъ, который она стала бы защитить отъ враговъ. Троянцы поддались обману коварнаго грека, и срыли часть стѣны, чтобы, такимъ образомъ, ввезти лошадь въ городъ. На слѣдующую ночь вооруженные воины вылѣзли изъ лошади; греки въ то же время высадились на берегъ, и проникли въ городъ черезъ открытую часть стѣны. Троя очутилась въ рукахъ непріятеля, предавшагося рѣзнѣ и грабежу. Эней спасъ лишь небольшую часть жителей; остальные погибли при разрушеніи города, или были взяты въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ былъ и царь Пріамъ съ своими сыновьями. Пирръ за волосы вытащилъ дряхлаго царя и умертвилъ его предъ алтаремъ Зевса. Городъ былъ срытъ до основанія. Впослѣдствіи, на мѣстѣ прежней Трои или Иліона, былъ построенъ новый Иліонъ, и, такъ называемыя, развалины Трои составляютъ уже остатки этого новаго города.

Плѣнниковъ разобрали себѣ предводители грековъ. Женщины царскаго дома подверглись при этомъ трагической участи. Гекуба, жена Пріама, стала рабой Одиссея. Когда тотъ, возвращаясь въ Грецію, высадился на ѳракійскомъ берегу, она встрѣтилась съ однимъ тамошнимъ владѣтелемъ, къ которому незадолго передъ тѣмъ отправила своего младшаго, несовершеннолѣтняго сына, съ большими сокровищами, чтобы, такимъ образомъ, въ случаѣ паденія Трои, спасти его отъ рабства. Безчестный ѳракіецъ изъ коры-

столюбія убилъ этого ребенка. Гекуба отмстила ему. Обманувъ его обѣщаніемъ показать ему спрятанныя сокровища, она завела его въ уединенное мѣсто и тамъ убила его, при помощи другихъ плѣнныхъ троянокъ. Послѣ того, Гекуба хотѣла броситься въ море, чтобы кончить свою печальную жизнь, но по непонятной выдумкѣ легенды, была превращена въ собаку. Изъ дочерей Гекубы, одна, Креуза, жена Энея погибла неизвѣстно какимъ образомъ; она исчезла во время взятія города. Другой дочери Гекубы, Кассандрѣ, пришлось испытывать печальную участь какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи Въ ранней молодости ей былъ данъ Аполлономъ даръ предвидѣнія. Впослѣдствіи онъ разлюбилъ ее, и хотя не могъ отнять у нея этотъ даръ, но сдѣлалъ его источникомъ несчастія для Кассандры. Онъ наложилъ на нее такое проклятіе, что никто не вѣрилъ ея предсказаніямъ. Кассандра часто предсказывала своимъ ужасный исходъ войны; но ей не вѣрили, считая ее безумною. При взятіи Трои, дикій Аяксъ, сынъ Оилея, взялъ ее въ плѣнъ въ храмѣ Минервы, и вытащилъ оттуда за волосы. Потомъ она досталась въ рабыни Агамемнону, которому также напрасно предсказывала судьбу, ожидавшую его по возвращеніи въ Грецію. Она была убита въ Микенахъ въ одно время съ Агамемнономъ. Сестра ея, Поликсена была одна изъ красивѣйшихъ дочерей Пріама. Ахиллесъ, увидѣвъ однажды эту дѣвушку влюбился въ нее и просилъ ея руки, но во время переговоровъ объ этомъ былъ убитъ Парисомъ. Когда, послѣ взятія города, греки дѣлили между собою добычу, изъ могилы Ахиллеса раздался голосъ, требовавшій, чтобы и ему выдали его часть. Греки, обратившись къ гадателю, находившемуся при ихъ войскѣ, услышали въ отвѣтъ, что Поликсена должна быть принесена въ жертву герою. И несчастную дѣвушку дѣйствительно умертвили на его могилѣ. Жена Гектора, Андромаха, прославляемая въ пѣсняхъ грековъ за искреннюю свою любовь къ мужу, была отдана сыну Ахиллеса, который взялъ ее съ собой въ Эпиръ, гдѣ основалъ государство. Андромаха испытала въ Эпирѣ много перемѣнъ счастія,

вернулась потомъ въ Азію, и умерла въ мало-азійскомъ городѣ Пергамѣ. —

На ряду съ разсказами и героическими пѣснями о Троянской войнѣ, существуетъ другой циклъ преданій, касающійся судьбы героевъ на обратномъ пути ихъ въ Грецію. Приключенія ихъ на этомъ пути также были описываемы во многихъ героическихъ поэмахъ, составленныхъ какъ въ героическія времена, такъ и позднѣе. Изъ этихъ поэмъ до насъ дошла только одна, Одиссея, гдѣ воспѣвается обратное плаваніе Улисса. Легенды о судьбѣ героевъ Троянской войны, подобно сказаніямъ о самой войнѣ, имѣли такое вліяніе на поэзію позднѣйшихъ грековъ и новѣйшихъ народовъ, цивилизація которыхъ основана на греческой,—что необходимо дать краткое понятіе и объ нихъ.

Одиссей былъ прибитъ бурями сначала къ ѳракійскому, а потомъ къ африканскому берегу. Оттуда онъ попалъ въ Сицилію, гдѣ встрѣтилъ людоѣда, циклопа Полифема, и лишь съ величайшимъ трудомъ и съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ успѣлъ избѣгнуть опасности быть съѣденнымъ со всѣми своими спутниками. Такъ какъ онъ, чтобы спасти себя, ослѣпилъ циклопа, то съ тѣхъ поръ его сталъ преслѣдовать гнѣвъ бога морей Нептуна, отца Полифема. Послѣ того, Одиссей присталъ къ одному изъ эолійскихъ или липарскихъ острововъ, принадлежавшихъ богу вѣтровъ Эолу, который принялъ его дружески, и далъ ему кожаный мѣхъ, наполненный попутными вѣтрами. Съ помощью ихъ Одиссей почти достигъ Итаки, но тутъ буря, произведенная спутниками его, неумѣвшими обращаться съ мѣхомъ, снова отогнала его въ западную часть Средиземнаго моря. Онъ опять отправился къ Эолу; но тотъ, узнавъ объ его несчастіи, счелъ его за человѣка ненавидимаго богами, и потому отослалъ его отъ себя. Тогда Одиссей попалъ къ Лестригонамъ, людоѣдамъ, жившимъ въ Сициліи или въ нижней Италіи. При этомъ онъ лишился нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей и всѣхъ кораблей, кромѣ одного. Послѣ того, онъ прибылъ на лежавшій близъ береговъ Италіи или

Сициліи островъ волшебницы Цирцеи, которая ударомъ своего жезла тотчасъ же превратила часть его спутниковъ въ свиней. Но, при содѣйствіи бога Меркурія, Одиссей принудилъ волшебницу возвратить несчастнымъ человѣческій образъ. По ея настоянію онъ отправился въ преисподнюю, чтобы посовѣтоваться съ знаменитымъ пророкомъ Тиресіемъ. Слѣдующее приключеніе Одиссея состояло въ томъ, что онъ долженъ былъ плыть мимо нѣкоторыхъ южно-итальянскихъ острововъ, населенныхъ сиренами. Это были чудовища съ женскими лицами и длинными скрытыми когтями, которыя пѣли такъ прекрасно, что нельзя было устоять противъ желанія послушать ихъ; но всякаго пловца, который, привлеченный ихъ пѣніемъ, высаживался на берегъ, онѣ разрывали на части. Одиссей лишь съ трудомъ избѣжалъ угрожавшей ему опасности. Затѣмъ онъ проѣхалъ между Сциллою и Харибдою, черезъ мѣсто въ Мессинскомъ проливѣ, считавшееся у древнихъ чрезвычайно опаснымъ. Сциллою называлась крутая скала итальянскаго берега, а Харибдою водоворотъ, находящійся противъ этой скалы. Въ Одиссеѣ онѣ изображены страшными чудовищами, старавшимися поглотить всѣхъ, кто близко подплывалъ къ нимъ. У Одиссея онѣ похитили, такимъ образомъ, шестерыхъ спутниковъ. На островѣ Сициліи, куда присталъ Одиссей, экипажъ его корабля посягнулъ на собственность бога солнца. Вслѣдствіе этого, при отплытіи Одиссея, произошла буря, потопившая корабль со всѣмъ экипажемъ. Одинъ Одиссей остался въ живыхъ. Схватившись за бревно, онъ девять дней носился по морю и былъ выброшенъ на островъ Огигію, обитаемый одной только нимфой Калипсо. Наскучивъ своимъ одиночествомъ, она очень обрадовалась его прибытію, приняла его чрезвычайно ласково, и умѣла удержать его при себѣ цѣлыя семь лѣтъ. Прося его остаться съ нею навсегда, она даже обѣщала ему взамѣнъ этого безсмертіе и вѣчную молодость; но Одиссей не могъ побѣдить своей тоски по родинѣ. Наконецъ, нимфа отпустила его съ крайней неохотой. Одиссей отправился отъ нея на утлой ладьѣ и, послѣ семнадцатидневнаго плаванія, уже при-

ближался къ острову Коркирѣ, гдѣ жили добродушные феаки, когда разгнѣванный Нептунъ, замѣтивъ его лодку, разбилъ ее, и Одиссей едва могъ достигнуть берега вплавь. Онъ былъ радушно принятъ царемъ феаковъ, Алкиноемъ, и наконецъ благополучно достигъ Итаки на кораблѣ, принадлежавшемъ этому государю. Между тѣмъ въ его семействѣ уже нѣсколько лѣтъ царствовало смятеніе и горе. Девяносто восемь государей добивались руки его супруги Пенелопы, и, ожидая ея отвѣта, жили на ея счетъ въ царскомъ дворцѣ. Отъ заносчивости искателей много терпѣли вѣрная супруга Одиссея, его старый отецъ Лаэртъ и сынъ Телемакъ, наставникомъ котораго былъ другъ Одиссея, Менторъ, вошедшій въ пословицу, какъ хорошій руководитель молодаго человѣка. Неожиданный и неузнанный вернулся Одиссей въ свой родной домъ, жестоко отмстилъ женихамъ Пенелопы, и спокойно и счастливо провелъ остатокъ дней въ кругу своихъ близкихъ.

Послѣ разсказа о странствіяхъ Одиссея, наибольшею извѣстностью пользуется преданіе о судьбѣ Агамемнона и его дѣтей, описывающее продолженіе и конецъ тѣхъ несчастій, на которыя былъ обреченъ домъ Пелопидовъ. Агамемнону не пришлось долго странствовать, какъ Одиссею. Но бѣдствіе постигло его въ собственномъ домѣ. Его двоюродный братъ, Эгистъ, съумѣлъ пріобрѣсть любовь его жены Клитемнестры. Узнавъ о возвращеніи Агамемнона, они сговорились убить его, встрѣтили героя съ притворными ласками, но за обѣдомъ или въ банѣ неожиданно напали на него и убили. Эгистъ продолжалъ управлять его царствомъ. У Агамемнона остался молодой сынъ, Орестъ, и можно было опасаться, что онъ со временемъ отмститъ за смерть отца. Чтобы Клитемнестра и Эгистъ не убили его, сестра Орестра, Электра отвезла его къ другу своего отца, фокидскому царю Строфію. Тамъ онъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ сыномъ Строфія, Пиладомъ, и оба юноши всю жизнь оставались искреннѣйшими друзьями. Возмужавъ, они рѣшились отмстить Клитемне-

стрѣ и Эгисту, явились во дворецъ царицы подъ чужими именами, и, выдавъ себя за пословъ Строфія, сообщили ей о мнимой смерти ея сына. Клитемнестра и Эгистъ были очень обрадованы этимъ извѣстіемъ, и приняли ихъ чрезвычайно радушно. Но Орестъ и Пилатъ, избравъ удобную минуту, лишили ихъ обоихъ жизни.

Тотчасъ послѣ совершенія этого дѣла, въ Орестѣ проснулся голосъ совѣсти, и онъ почувствовалъ глубокое раскаяніе въ томъ, что убилъ свою мать. Легенда говоритъ, что его стали преслѣдовать Эвмениды или Фуріи, т. е. богини мщенія, не дававшія ему покоя ни днемъ ни ночью. Безутѣшный бродилъ онъ по Греціи въ сопровожденіи своего вѣрнаго друга. Дельфійскій оракулъ, къ которому онъ обращался, отвѣчалъ ему, что онъ долженъ искать совѣта въ храмѣ Діаны таврической. Друзья отправились туда, но были взяты въ плѣнъ тотчасъ же по выходѣ на берегъ. Въ Тавридѣ былъ обычай приносить въ жертву Діанѣ всѣхъ пріѣзжавшихъ иностранцевъ. Оресту и Пиладу было объявлено, что одинъ изъ нихъ долженъ быть убитъ. Каждому хотѣлось умереть за друга; но наконецъ Пиладъ уступилъ въ этомъ благородномъ спорѣ, и Орестъ былъ отправленъ къ жрицѣ, которая должна была принести его въ жертву богинѣ. Жрица эта была Ифигенія, сестра Ореста, но они не узнали другъ друга. Уже она обнажила предъ алтаремъ кинжалъ противъ Ореста, когда тотъ воскликнулъ: „Такъ умерла нѣкогда въ Авлидѣ и сестра моя Ифигенія!“ Тогда она узнала своего брата, тотчасъ же нашла предлогъ отложить жертвоприношеніе и потомъ сговорилась съ Орестомъ и Пиладомъ бѣжать вмѣстѣ. Всѣ трое благополучно прибыли въ Грецію, и только тутъ богини мщенія оставили наконецъ въ покоѣ Ореста. Послѣ того, онъ владѣлъ спартанскимъ престоломъ, оставшимся свободнымъ по смерти дяди его Менеля, на дочери котораго Герміонѣ онъ былъ женатъ. Еще прежде овладѣлъ онъ Аргосомъ, а сдѣлавшись спартанскимъ царемъ завоевалъ и отцовское царство Микены, гдѣ до тѣхъ поръ властвовалъ сынъ Эгиста. Орестъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ отъ укушенія змѣи.

Ифигенія, какъ говорятъ, преобразовавшая во многихъ мѣстахъ Греціи культъ Діаны, и Электра, выданная за Орестова друга Пилада, — умерли естественною смертью.

Изъ приключеній остальныхъ героевъ Троянской войны, чаще другихъ упоминаются похожденія Менелая, Діомеда, Тевкра и одного изъ Аяксовъ, пережившаго разрушеніе Трои. По взятіи Трои Менелай снова взялъ въ жены прекрасную Елену. На обратномъ пути онъ также былъ занесенъ въ далекія страны, и восемь лѣтъ блуждалъ у африканскихъ и финикійскихъ береговъ. Остатокъ своей жизни онъ провелъ въ спокойномъ обладаніи своимъ спартанскимъ царствомъ, и умеръ неизвѣстнымъ образомъ, оставивъ одну дочь, Герміону, вышедшую за мужъ за Ореста. О смерти Елены, пережившей своего мужа, сохранилось нѣсколько противорѣчащихъ преданій.—Аргосскому царю, Діомеду пришлось испытать печальную участь, потому что однажды, въ борьбѣ съ Энеемъ, онъ ранилъ богиню Венеру, спѣшившую на помощь своему сыну. Онъ благополучно возвратился домой, но, во время его отсутствія, Венера побудила жену его измѣнить супружеской вѣрности, и та, вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ, рѣшилась убить Діомеда по его возвращеніи. Діомедъ едва могъ избѣжать смерти, и поспѣшно сѣвъ на корабль поплылъ къ Италіи, гдѣ окончательно поселился и основалъ нѣсколько городовъ. Легенды о судьбѣ его въ Италіи и объ основанныхъ имъ городахъ очень несогласны между собою. Аргосскій престолъ, по смерти узурпатора, не оставившаго потомства, перешелъ къ Оресту.—Аяксъ малый при взятіи Трои встрѣтилъ въ храмѣ Минервы дочь Пріама, Кассандру, обнимавшую руками статую богини. Онъ оттащилъ ее за волосы, и при этомъ опрокинулъ статую. За то Минерва, во время обратнаго плаванія его въ Грецію, навела его корабль на подводный камень. Аяксъ избѣжалъ смерти, но его хвастливое увѣреніе, что онъ не погибнетъ, не смотря на гнѣвъ богини, раздражило всѣхъ боговъ, и онъ былъ убитъ Минервой или потопленъ Нептуномъ. Тевкръ, братъ другаго Аякса, благополучно вернулся на свою родину —

островъ Саламинъ, но отецъ отвергъ его за то, что онъ не отмстилъ Одиссею за смерть брата. Поэтому онъ былъ принужденъ начать новое странствіе, для отысканія себѣ новаго Саламина. Наконецъ онъ высадился на островѣ Кипрѣ, поселился тамъ и основалъ городъ, который, въ память своей родины, назвалъ Саламиномъ.

Взглянувъ на состояніе Греціи непосредственно послѣ Троянской войны, мы увидимъ повсемѣстное потрясеніе порядка, державшагося во время войны. Приведенныя нами легенды о возвращеніи героевъ показываютъ, что, въ большей части государствъ, происходили раздоры, имѣвшіе слѣдствіемъ внутренніе перевороты и эмиграцію въ чужія страны. Могущественный домъ пелопидовъ, стоявшій въ главѣ всей Греціи, утратилъ блескъ свой. Орестъ хотя и основалъ государство, которое было больше отцовскаго, но не умѣлъ упрочить ни его внутренняго устройства, ни его отношеній къ другимъ державамъ. Могущество пелопидовъ рушилось навсегда. Связь, во время Троянской войны соединявшая съ ними другія государства, была разорвана, и чрезъ восемьдесятъ лѣтъ по окончаніи этой войны почти всѣ государства, принимавшія въ ней участіе, должны были уступить нашествію энергическихъ дорянъ и этолійцевъ, которые нахлынули изъ своихъ сѣверныхъ гористыхъ странъ, и произвели въ Греціи коренной переворотъ. Это важное событіе хотя и принадлежитъ къ героическому періоду, который оканчивается еще цѣлымъ вѣкомъ позже, но такъ тѣсно связано съ слѣдующимъ затѣмъ временемъ, что лучше сказать о немъ впослѣдствіи, въ связи съ событіями этого времени.

6. Характеръ и духъ героическаго періода.

Разсказы легендарной исторіи Греціи показываютъ намъ большое различіе между начальными и позднѣйшими вѣками героическаго періода. Мы видимъ изъ нихъ, какъ, съ теченіемъ времени, развивалась въ Греціи цивилизація. Легенды о Персеѣ,

Геркулесѣ и Тезеѣ или о борьбѣ лапитовъ съ центаврами представляютъ намъ грековъ народомъ полудикимъ и страдающимъ отъ хищныхъ звѣрей, разбойниковъ и тирановъ. Великаны, страшные змѣи и другія чудовища, также какъ фантастическія путешествія въ подземный міръ, нерѣдко встрѣчаются въ этихъ легендахъ, и греки являются намъ въ борьбѣ съ силами природы и своею собственною дикостью. Совершенно иною представляется намъ Греція въ разсказахъ и поэмахъ о Троянской войнѣ и другихъ событіяхъ позднѣйшихъ временъ героическаго періода. Въ этихъ преданіяхъ бытъ грековъ изображенъ уже болѣе мирнымъ и покойнымъ, о чудесахъ почти нѣтъ рѣчи, и все указываетъ на болѣе кроткій духъ времени и болѣе стройный порядокъ вещей.

Точное и полное описаніе этихъ послѣднихъ столѣтій или самаго цвѣтущаго времени героическаго періода мы находимъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ, двухъ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятникахъ греческой литературы. Обѣ эти поэмы, обыкновенно приписываемыя поэту Гомеру, заключаютъ въ себѣ часть героическихъ легендъ, и въ тоже время представляютъ вѣрную картину нравовъ, господствовавшаго духа и домашней общественной жизни грековъ въ эпоху Троянской войны и непосредственно за ней слѣдовавшее время.

Греки этого времени вездѣ являются націею еще не многочисленной и раздѣленной на мелкія государства, находящіяся однако въ непрерывной связи между собою и не представляющія большаго различія въ нравахъ, образѣ жизни и языкѣ. Это сильный и воинственный народъ, съ простыми нравами, живущій легко и весело подъ благословеннымъ небомъ. Благодаря единству религіи, языка и нравовъ, греки, при всей своей раздробленности на множество племенъ и государствъ, являются намъ тѣсно соединенными между собою членами одного цѣлаго. Въ концѣ героическаго періода болѣе близкое родство, общіе храмы и празднества еще тѣснѣе связали между собой нѣкоторыя племена. Но

узы, соединявшія всѣхъ, были невидимы, и потому еще не существовало общаго имени для всего греческаго народа.

Земледѣліе и скотоводство составляли главное занятіе народа, но кромѣ того была замѣтна незначительная ремесленная дѣятельность. Другими народными промыслами были охота, рыбная ловля и война. Сельское хозяйство состояло въ воздѣлываніи зерноваго хлѣба и винограда и въ садоводствѣ. Для упряжи служили быки, а вьючнымъ скотомъ были ослы и мулы. Лошади мало употреблялись для верховой ѣзды, а запрягались обыкновенно въ боевыя колесницы. Стада состояли изъ рогатаго скота, овецъ, козъ и свиней. Болѣе грубыя и грязныя работы исполнялись рабами, которыхъ покупали у морскихъ разбойниковъ или пріобрѣтали на войнѣ. Искусство мореплаванія было извѣство грекамъ, но суда ихъ не имѣли палубы и приводились въ движеніе большею частью не парусами, а веслами. Торговлей занимались очень мало, а главными средствами къ пріобрѣтенію богатства считались война и морскіе разбои. Греки знали многіе металлы, между прочимъ добывали и желѣзо; но его выдѣлка была еще очень затруднительна. Монеты еще вовсе не было или было чрезвычайно мало. Занятіемъ женщинъ было тканье, но лучшія ткани привозились изъ Финикіи. Оружіе дѣлалось различное, иногда отличавшееся художественною отдѣлкою. Посуда и разныя украшенія были изъ металловъ, слоновой кости, глины и дерева. Дошедшія до насъ описанія этихъ вещей доказываютъ, что пониманіе пластическаго искусства (т. е. изящныхъ формъ и ихъ изображенія) уже пробудилось. Строительное искусство также успѣло сложиться: мы встрѣчаемъ разсказы о городахъ и селахъ, о стѣнахъ съ башнями и воротами и о царскихъ домахъ, построенныхъ изъ камня, со множествомъ большихъ комнатъ, галлереями и садами.

Кастовый бытъ всегда былъ чуждъ грекамъ. Хотя въ героическія времена народъ и дѣлился на благородныхъ и неблагородныхъ, но послѣдніе принимали участіе во всѣхъ важныхъ общественныхъ дѣлахъ, а преимущества первыхъ зависѣли не отъ одного

только происхожденія, а должны были поддерживаться бо́льшею физическою силою, мужествомъ и ловкостью. Такимъ образомъ, различіе между двуми сословіями основывалось не на суевѣріи и на обманѣ, какъ въ кастахъ восточныхъ народовъ, а на томъ общемъ мнѣніи, что нѣкоторыя семейства были преимущественно одарены силой и военными способностями, и потому предназначались самими богами быть защитниками страны. Но, по понятіямъ грековъ, только дѣйствительныя правительственныя и военныя способности давала право на какое бы то ни было преимущество передъ остальными членами общества. Правленіе имѣло аристократическо-монархическій характеръ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опиралось на самосознаніе и одобреніе народа. Государство было только воинственнымъ союзомъ сильныхъ и энергическихъ людей, распадавшихся на сословія благородныхъ и неблагородныхъ и имѣвшихъ главою одного предводителя, который въ своихъ распоряженіяхъ долженъ былъ руководствоваться согласіемъ благородныхъ, а въ важныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ ко всему народу.

Такимъ образомъ, царь былъ не болѣе какъ первымъ между благородными, и только какъ первосвященникъ и предводитель на войнѣ пользовался особенными державными правами, которыхъ не имѣли прочіе благородные. Поэтому преобладаніе царя надъ благородными зависѣло единственно отъ его личныхъ качествъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ долженъ былъ превосходить всѣхъ окружающихъ богатствомъ, тѣлесной силой, храбростью, проницательностью и опытностью. Царь приносилъ богамъ жертвы за всю общину и распоряжался религіозными торжествами. Онъ участвовалъ и въ судѣ, но большею частью вмѣстѣ съ опытными старцами изъ благородныхъ, да и тутъ являлся только третейскимъ судьею и защитникомъ слабаго противъ сильнаго; безъ жалобы обиженнаго ни одно дѣло не поступало на публичное разбирательство. На царѣ лежала обязанность принимать въ своемъ домѣ посланниковъ другихъ государствъ, и вообще угощать чуже-

земцевъ. Его доходы состояли исключительно въ добровольныхъ подаркахъ подданныхъ, въ бо́льшей долѣ военной добычи и въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ предоставленныхъ ему земель. Единственными знаками его достоинства были скипетръ и ходившіе впереди его герольды. Во всѣхъ собраніяхъ и торжествахъ онъ садился на первомъ мѣстѣ, и на пирахъ, послѣ жертвоприношеній, получалъ двойное количество пищи и питья. Его всегда встрѣчали и привѣтствовали съ почтеніемъ, но вообще обращались съ нимъ, какъ и со всякимъ другимъ благороднымъ; слѣдо́въ же восточнаго поклоненія и благоговѣнія передъ царемъ мы не видимъ и у самыхъ древнѣйшихъ грековъ.

Сословіе благородныхъ состояло изъ людей извѣстныхъ фамилій, которымъ приписывали особенныя преимущества врожденной силы и ловкости. Эти качества они старались постоянно поддерживать рыцарскими упражненіями, и доказать ихъ на полѣ битвы. Какъ уже сказано, они принимали преобладающее участіе въ правленіи. Неблагородные, или масса свободныхъ гражданъ нисшаго сословія, были постоянно собираемы во всѣхъ важныхъ случаяхъ, чтобы дать свое согласіе на миръ, войну или какое нибудь другое важное дѣло. Народныя собранія, описанныя въ Иліадѣ и Одиссеѣ, уже показываютъ намъ то всеобщее участіе въ общественныхъ дѣлахъ и ту живую впечатлительность, которыя въ послѣдствіи до такой высокой степени развились въ греческихъ республикахъ. Мужество и сила доставляли тогда каждому человѣку то значеніе, на которое онъ имѣлъ право. Но еще болѣе, чѣмъ тѣлесная сила, вели къ вліянію и почестямъ опытность, краснорѣчіе, разумное пониманіе жизни и ея отношеній.

На войнѣ чаще всего сражались цари и благородные, а не народъ, становившійся на полѣ битвы въ сомкнутыхъ массахъ. Самое воспитаніе царей имѣло цѣлью образовать изъ нихъ не только полководцевъ и начальниковъ, но и мужественныхъ, ловкихъ бойцевъ. Главное вниманіе было обращаемо на быстроту бѣга, вѣрность и силу метанія, ловкость въ борьбѣ и въ употребле-

нія оружія. Каждый начальникъ имѣлъ свою боевую колесницу, на которой сражался копьемъ, предоставляя управленіе колесницею стоявшему подлѣ него возницѣ — обыкновенно молодому человѣку. Городскія укрѣпленія состояли изъ рва и стѣны съ башнями. Осаднаго искуства еще не существовало, и не было еще изобрѣтено ни одного орудія, которое могло бы облегчить взятіе города.

Музыка и поэзія играли важную роль въ жизни этихъ воинственныхъ племе..ъ, и были неразлучны съ ихъ пирами, праздниками и военными предпріятіями. Музыкальными инструментами героическаго періода были лира, флейта и рожокъ. Трубы вошли въ употребленіе только въ концѣ его. Флейта и рожокъ употреблялись пастухами и земледѣльцами. Лира, напротивъ, была инструментомъ поэтовъ и пѣвцовъ; на ней часто играли цари и благородные, и звуками ея постоянно сопровождалось пѣніе, которое играло главную роль и предметомъ котораго служили военные подвиги живыхъ или умершихъ героевъ. Пѣсни эти сочинялись особенными пѣвцами или бардами, пѣвшими ихъ въ кругу мужчинъ. Эти пѣвцы пользовались большимъ уваженіемъ.

Религія была очень тѣсно связана съ государственной жизнью, но все таки не было и слѣдовъ вліятельнаго жреческаго сословія. Царь являлся распорядителемъ и въ духовныхъ дѣлахъ, и не нуждался въ жрецѣ для совершенія жертвоприношеній. Хотя, кромѣ чрезвычайно древняго додонскаго, существовалъ уже и столь важный въ послѣдующія времена дельфійскій оракулъ, въ Фокидѣ, однако оба они въ героическомъ періодѣ не пользовались всеобщимъ уваженіемъ и не имѣли большаго вліянія. Напротивъ того, въ это время были такъ называемые прорицатели, которымъ приписывали высшую мудрость и сношенія съ богами, и къ которымъ обращались за предсказаніями объ исходѣ какого нибудь важнаго предпріятія. Во время общественныхъ несчастій ихъ же спрашивали о причинахъ бѣдствія и о средствахъ къ устраненію его. Знаменитѣйшими изъ числа ихъ были: Орфей,

игравшій роль прорицателя въ походѣ аргонавтовъ; Амфіарай, занимавшій подобное же мѣсто въ походѣ Семи противъ Ѳивъ; Тирезій, бывшій прорицателемъ ѳиванцевъ какъ во время этого похода, такъ и во время войны Эпигоновъ; и наконецъ Калхантъ, прорицатель грековъ въ Троянской войнѣ. Но и эти люди не имѣли вліянія, которое, хотя бы отчасти, можно было сравнить съ вліяніемъ восточныхъ жреческихъ кастъ. Въ сущности на нихъ смотрѣли какъ на примирителей народа съ оскорбленнымъ божествомъ, и какъ на совѣтниковъ; но предсказанія ихъ не всегда принимались во вниманіе, и случалось, что, въ случаѣ неблагопріятнаго предсказанія, они испытывали на себѣ гнѣвъ царя.

Вѣрованія героическихъ временъ служатъ основаніемъ позднѣйшей народной религіи грековъ. Она возникла, вѣроятно, изъ разныхъ источниковъ, и потому не можетъ быть подведена подъ одну главную идею, какъ индійская или египетская. Религія грековъ вообще никогда не была замкнутой системой, и потому не чужда противорѣчій, тѣмъ болѣе, что послѣ Троянской войны въ нее были занесены и нѣкоторыя идеи востока. Греки героическаго періода представляли себѣ небо или скорѣе подымающуюся въ небо вершину горы Олимпа, точно также какъ и землю, населенною существами, которыя по внѣшнему виду и по духовной природѣ своей походили на людей, съ тою только разницею, что имъ приписывали невидимость, бо́льшую силу и вліяніе на земное. По понятіямъ героическаго періода и самая жизнь боговъ была сходна съ человѣческою, отличаясь отъ нея только большимъ изяществомъ и высшими радостями. Такимъ образомъ, греки считали божества личностями и ихъ религія была, такъ называемымъ, антропоморфизмомъ, характеристическая черта котораго состоитъ въ представленіи себѣ боговъ подобными людямъ. Но вмѣстѣ съ такимъ возрѣніемъ на божество, греки непостижимымъ образомъ соединяли и ту мысль, что боги въ тоже время представляютъ собою естественныя силы и явленія природы. Такъ, напримѣръ, Зевсъ, царь и повелитель въ царствѣ боговъ, былъ въ тоже время богомъ эѳира

(воздушнаго пространства); Аполлонъ считался солнцемъ, а Посейдонъ или Нептунъ былъ божествомъ моря. Въ лѣсахъ, ручьяхъ, долинахъ и горахъ обитали, по понятіямъ грековъ, божественныя существа, называемыя нимфами.

Собственно жрецовъ, кромѣ прорицателей, въ героическомъ періодѣ не было; царь совершалъ жертвоприношенія за свою общину, точно также какъ каждый отецъ семейства за себя и своихъ домашнихъ. Въ позднѣйшихъ легендахъ только изрѣдка упоминается о жрецахъ; въ Иліадѣ и Одиссеѣ о нихъ совсѣмъ не говорится. Богослуженіе состояло главнымъ образомъ изъ жертвоприношеній и молитвъ. Храмовъ было немного, но при каждомъ городѣ находилось извѣстное пространство земли, на которомъ стоялъ жертвенникъ. Такого рода священные участки не были однако единственными мѣстами богослуженія. Весьма часто для жертвоприношеній и молитвъ ставились жертвенники и въ открытомъ полѣ. Жертвоприношенія состояли въ сожиганіи въ честь боговъ нѣсколькихъ кусковъ мяса и вливаніи въ огонь небольшаго количества вина, а остатки, среди всеобщаго веселья, съѣдались присутствовавшими при жертвоприношеніи. Дни опредѣленныхъ религіозныхъ торжествъ также имѣли веселый характеръ, и посвящались пированію, сопровождавшемуся веселыми шутками, военными играми и пѣснями бардовъ о подвигахъ знаменитыхъ героевъ. Дикаго и буйнаго характера, которымъ отличались празднества большей части восточныхъ народовъ, мы совершенно не видимъ въ религіозныхъ торжествахъ грековъ героическаго періода.

Такова была греческая жизнь въ позднѣйшее время этого періода. Мы видимъ націю полную силъ и энергіи, съ воинственнымъ духомъ и простыми нравами, живущую подъ благодатнымъ небомъ. Всѣ принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, всѣ были свободны и, не смотря на нѣкоторое неравенство, всѣ были тѣсно соединены между собою, и не знали притѣсненія въ своей общественной жизни. Благодаря незначительной населенности страны и существованію рабства, жизнь свободныхъ людей была легка

и чужда заботъ. Часть націи была совершенно незнакома съ работами тяжелыми и низкими. Военныя предпріятія, охота, упражненія въ употребленіи оружія и военныя игры развивали тѣло и закаляли его силы; между тѣмъ духъ націи былъ направляемъ къ высшимъ цѣлямъ религіозными обычаями и словами прорицателей, и сталъ на путь прогрессивнаго развитія, благодаря веселой общественной жизни благородныхъ, частымъ совѣщаніямъ объ общественныхъ дѣлахъ и военныхъ экспедиціяхъ и, всего болѣе, благодаря поэтическимъ разсказамъ бардовъ и облагороживающему вліянію музыки.

Всемірная исторія показываетъ намъ, нѣсколько вѣковъ спустя, почти такой же народный бытъ на сѣверѣ Европы. Сравненіе его съ героическимъ періодомъ Греціи можетъ служить намъ къ уясненію духа этого періода, который не переживаетъ появленія первыхъ начатковъ высшей цивилизаціи, и потому большею частью выходитъ изъ области положительной исторіи. Древніе бритты Уэльса, шотландцы сѣверной части Британскихъ острововъ и скандинавскіе германцы оставили легенды и пѣсни, рисующія намъ бытъ народовъ до начала среднихъ вѣковъ, и отражающія въ себѣ героическій періодъ сѣвера, продолжавшійся болѣе тысячи лѣтъ. Господствующій духъ, образъ жизни и степень цивилизаціи героическихъ временъ сѣвера въ высшей степени сходны съ характеромъ героическаго періода Греціи, а малочисленныя различія между ними отчасти объясняются вліяніемъ климата.

Прежде всего, при изслѣдованіи этой разницы, бросается въ глаза то обстоятельство, что греки героическаго періода съ теченіемъ времени становились образованнѣе и благороднѣе, между тѣмъ какъ сѣверные народы, въ первые вѣка своего героическаго времени, представляютъ намъ болѣе величія, стремленія къ прекрасному, чистоты и достоинства, чѣмъ впослѣдствіи. Кромѣ того, греки имѣли передъ сѣверными героями то преимущество, что умъ, опытность и краснорѣчіе пользовались у нихъ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ простая тѣлесная сила, что племена ихъ были тѣс-

нѣе соединены между собою, и что совершались у нихъ общія предпріятія, въ которыхъ принимали участіе весьма многія изъ ихъ общинъ. Различныя же племена сѣверныхъ народовъ являются намъ сначала совершенно разобщенными, а въ позднѣйшее время связанными только ленными отношеніями. Первыя отличали грековъ отъ не грековъ; между тѣмъ какъ сѣверный герой считалъ равнымъ себѣ всякаго, кто обладалъ равной силой. Точно также, грекъ предпочиталъ свою родину всѣмъ прочимъ странамъ и всюду носилъ съ собою воспоминаніе объ отечествѣ, а бродячій житель сѣвера, вездѣ, куда ни приходилъ, чувствовалъ себя какъ дома. Онъ искалъ, и находилъ, на чужбинѣ мѣста для поселенія, которыя были лучше чѣмъ его родной край, и потому не жаждалъ вернуться на родину. Наконецъ, главное различіе состоитъ въ стремленіи грековъ къ наслажденію жизнью и въ сумрачномъ, грустномъ характерѣ отличавшемъ сѣверные народы. Житель сѣвера былъ мраченъ какъ его небо, и потому земная жизнь представлялась ему преимущественно со стороны своего ничтожества и своихъ лишеній. Отсюда въ немъ являлось суровое презрѣніе къ жизни, и мысль о томъ, что только въ иномъ мірѣ, уготованномъ героямъ, человѣкъ можетъ найти истинную жизнь и продолжительное наслажденіе. Напротивъ того, грекъ, подъ своимъ сіяющимъ небомъ, считалъ истинною жизнью именно ту, которую онъ проводилъ на землѣ подъ веселыми лучами солнца. Жизнь подземнаго міра, даже самая блаженная, казалась ему только тѣнью этой жизни. Потому онъ любилъ жизнь, всегда считалъ смерть бѣдствіемъ, и, сообразно съ этимъ, придавалъ большую важность даже быстротѣ ногъ героя.

III. ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ,

ОТЪ КОНЦА ГЕРОИЧЕСКАГО ПЕРІОДА ДО НАЧАЛА ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ.

I. Возвращеніе гераклидовъ и его послѣдствія.

Вскорѣ послѣ Троянской войны, Греція подверглась перевороту, давшему иной видъ не только ей самой, но и большей части береговъ Средиземнаго моря. Въ Греціи этотъ переворотъ разрушилъ почти всѣ прежнія государства и, вмѣсто нихъ, основалъ новыя, которыя, за немногими исключеніями, продолжали свое существованіе до конца греческой исторіи. Эти насильственныя перемѣны повели за собой сильную эмиграцію въ другія страны, такъ что греческое населеніе распространилось, посредствомъ своихъ колоній, въ одну сторону по берегамъ Малой Азіи и всему черноморскому прибрежью, а въ другую до Африки и Испаніи.

Эти перевороты могутъ быть сравнены съ тѣми, которые, нѣсколькими вѣками ранѣе, уничтожили въ Греціи бытъ и самое имя пеласговъ. Незначительныя до тѣхъ поръ, греческія племена бурнымъ потокомъ разлились по всей Греціи, и подчинили себѣ ахеянъ, въ теченіе героическаго періода составлявшихъ преобладающую и господствующую часть націи.

Ранѣе другихъ, лѣтъ чрезъ шестьдесятъ послѣ взятія Трои, пришло въ движеніе племя ѳессалійцевъ, до тѣхъ поръ жившее въ Эпирѣ, и ворвалось въ страну, которую съ тѣхъ поръ и стали, по ихъ имени, называть Ѳессаліей. Оно поселилось во внутренности этой страны, и частью вытѣснило, частью покорило туземные народы. Покоренные жители равнинъ были обращены въ крѣпостное состояніе, и потому стали называться пенестами, а два изъ числа вытѣсненныхъ изъ Ѳессаліи племенъ переселились въ среднюю Грецію. Одно изъ нихъ, у котораго нѣкогда, послѣ войны Эпигоновъ, искали убѣжища многіе ѳиванцы, называлось беотійцами, другое — дорянами. Первые двинулись въ названную по ихъ имени страну, гдѣ, по словамъ преданія, они уже жили въ отдаленныя времена, и тамъ покорили царства минійцевъ и ѳиванцевъ. Вторые перекочевали въ лежавшую къ югу отъ хребта Эты Дориду, гдѣ еще прежде поселились толпы ихъ соплеменниковъ.

Такимъ образомъ измѣнился порядокъ вещей въ Ѳессаліи и части средней Греціи. Подобныя же перемѣны произошли и на западѣ этой страны, въ Этоліи и Акарнаніи, но объ нихъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Вслѣдствіе этого переворота сѣверная Греція и западная половина средней потеряли значеніе, которое онѣ имѣли впродолженіи героическаго періода. Въ дѣлѣ цивилизаціи онѣ далеко отстали отъ остальной Греціи, и потому, впродолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, находились на заднемъ планѣ, до такой степени, что совершенно утратили вліяніе на дальнѣйшій ходъ исторіи.

Остальныя части Греціи также подверглись перемѣнамъ, потому что начавшееся въ Эпирѣ и Ѳессаліи движеніе племенъ не остановилось въ средней части края, а продолжалось до самой южной оконечности Пелопоннеса. Значительная часть дорянъ, присоединивъ къ себѣ многихъ этолійцевъ, скоро опять двинулась въ путь и, перейдя на этотъ полуостровъ, покорила большую часть его. Настоящая причина этого переселенія, начало котораго от-

носятъ къ 1104 году до р. Х. намъ неизвѣстна. Преданіе говоритъ, что гераклиды или потомки Геркулеса, изгнанные изъ отечества Эвристеемъ, нашли убѣжище у дорянъ, и склонили ихъ къ этому походу. Потому переселеніе дорянъ въ Пелопоннесъ и называется обыкновенно возвращеніемъ гераклидовъ. Уже сынъ Геркулеса, Гиллъ, нѣсколько разъ дѣлалъ попытки изъ Аѳинъ возвратить себѣ отцовское наслѣдіе; но не имѣлъ въ этомъ успѣха. Вскорѣ послѣ его смерти гераклиды отправились къ дорянамъ; вмѣстѣ съ ними перешли изъ Ѳессаліи въ Дориду, и отсюда два раза безуспѣшно старались завоевать свою родину. Наконецъ этой цѣли успѣли достигнуть правнуки Гилла, Теменъ, Кресфонтъ и Аристодемъ, завоевавшіе Пелопоннесъ, предводительствуя дружиною дорянъ, состоявшею изъ двадцати тысячъ человѣкъ способныхъ носить оружіе. Къ этимъ дорянамъ пристало много этолійцевъ подъ начальствомъ Оксила.

Гераклиды завоевали не только свою родину Арголиду, но и весь Пелопоннесъ, за исключеніемъ Аркадіи и Ахаіи; они раздѣлили между собою покоренныя земли. Теменъ взялъ Арголиду, Кресфонтъ — Мессенію; Аристодемъ умеръ во время похода, но два его сына-близнеца Эвристенъ и Проклъ получили въ общее управленіе Лаконію. Коринѳъ достался четвертому правнуку Геркулеса, Алету. Сикіонъ также былъ отданъ одному изъ членовъ дома гераклидовъ; въ Элидѣ сдѣлался царемъ этоліецъ Оксилъ. Аркадія сохранила свою независимость, но тотчасъ же вступила въ дружественныя сношенія съ новыми властителями Пелопоннеса, и царь ея выдалъ свою дочь за Кресфонта. Въ Ахаіѣ, жители которой принадлежали къ іонійскому племени и до тѣхъ поръ были подвластны аргосскимъ царямъ, утвердился послѣдній изъ нихъ, Тисаменъ, сынъ Ореста, выгнавъ оттуда іонянъ. Изгнанники переселились къ своимъ соплеменникамъ въ Аттику, между тѣмъ какъ въ отнятой у нихъ землѣ, которая съ тѣхъ поръ стала называться Ахаіей, успѣлъ удержаться послѣдній самостоятельный остатокъ прежде столь могущественнаго племени ахеянъ. Вскорѣ

послѣ возвращенія гераклидовъ, доряне заняли и лежащую за предѣлами Пелопоннеса Мегариду.

Значительная часть побѣжденнаго ахейскаго населенія эмигрировала, и искала новой родины по ту сторону Архипелага. Участь оставшихся въ дорійскихъ государствахъ ахеянъ была не одинакова. Всего хуже съ ними обращались въ Лаконіи, гдѣ еще долгое время спустя вспыхивали возмущенія, пока наконецъ часть населенія не была обращена въ рабство, а другая получила извѣстныя права и составила второй классъ гражданъ. Въ Мессеніи, съ самаго начала, обращеніе съ побѣжденными было лучше, хотя они и тамъ не были уравнены въ правахъ съ дорянами. Жители Элиды принадлежали къ эолійскому племени точно также, какъ и завоевавшіе ихъ край этолійцы, потому побѣдители не смотрѣли на нихъ какъ на подвластное племя, а тотчасъ же слились съ ними въ однородную націю. Въ Коринѳѣ и Сикіонѣ доряне также скоро смѣшались съ немногочисленными остатками побѣжденныхъ. Тоже случилось и въ Арголидѣ, гдѣ число вновь поселившихся дорянъ было незначительно въ сравненіи съ числомъ оставшихся ахеянъ. Вѣроятно однако, что побѣдители и ихъ потомки составили аристократію того края.

Переселеніе дорянъ въ Пелопоннесъ имѣло чрезвычайно важное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію Греціи. Пелопоннесъ сталъ съ тѣхъ поръ страной дорійской, подобно тому какъ прежде онъ былъ страной ахеянъ. Такъ какъ за его предѣлами дорянамъ принадлежали только двѣ небольшія земли, Дорида и Мегарида, то этотъ полуостровъ сталъ съ тѣхъ поръ составлять нѣчто противоположное съ остальной Греціей. Какъ прежде въ главѣ ахейскихъ государствъ стояли цари Микенъ, такъ теперь господствующимъ дорійскимъ государствомъ стала Лаконія. Государство это, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ греческихъ странъ, слѣдовало въ своемъ развитіи совершенно военному направленію и потому противоположность между дорянами и не-дорянами стала со временемъ еще гораздо разительнѣе. Кромѣ того, завоеваніе Пелопоннеса дорянами и вторженіе

ѳессалійцевъ въ страну, названную ихъ именемъ, вызвало сильную эмиграцію. Вслѣдствіе того къ востоку и западу отъ Греціи возникло много греческихъ колоній. Колоніи эти принялись такъ хорошо и размножились до такой степени, что въ короткое время все прибрежье Средиземнаго и Чернаго морей было заселено греками. Благосостояніе, котораго эти колоніи достигли, и степень образованности, которую они успѣли развить, отразились поощряющимъ образомъ на самой Греціи и, такимъ образомъ, создалась та блистательная цивилизація, благодаря которой имя греческаго народа навсегда останется безсмертнымъ.

2. Греческія колоніи.

Уже непосредственно послѣ Троянской войны толпы грековъ покинули свою родину, и основали колоніи въ Италіи и Сициліи. Нѣсколько поколѣній спустя, движеніе племенъ, преобразившее Ѳессалію, среднюю Грецію и Пелопоннесъ, вызвало новую и болѣе значительную эмиграцію, которая была главнымъ образомъ направлена въ Малую Азію, и имѣла слѣдствіемъ основаніе тамъ большаго числа колоній. Войны между различными греческими племенами и внутренніе ихъ раздоры вели за собою новыя выселенія и основаніе новыхъ колоній. Колоніи возникали и потому, что интересы торговли побуждали самихъ переселенцевъ основывать новыя поселенія, преимущественно на отдаленныхъ берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей. Наконецъ, какъ метрополіи, такъ и колоніи, были иногда побуждаемы къ основанію новыхъ поселеній чрезмѣрною густотою своего населенія и желаніемъ увеличить свое могущество.

Такимъ образомъ, впродолженіе пяти вѣковъ слѣдовавшихъ за возвращеніемъ гераклидовъ, постепенно возникло чрезвычайное множество греческихъ колоній, покрывавшихъ собою бо́льшую часть южно-европейскаго и малоазійскаго прибрежья, отъ Испаніи до сѣверныхъ и восточныхъ предѣловъ Чернаго моря, также какъ и лежавшую къ западу отъ Египта страну Барку и большинство

острововъ Средиземнаго моря. Около 600 г. до р. X. число греческихъ колоній простиралось по крайней мѣрѣ до двухсотъ пятидесяти. Самымъ сѣвернымъ изъ этихъ поселеній былъ городъ Танаисъ при устьѣ рѣки Дона; самымъ восточнымъ — Фазисъ въ нынѣшней Имеретіи; самымъ южнымъ — Кирена въ Баркѣ, самымъ западнымъ — Менака въ испанской области Андалузіи. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ греческихъ колоній и острововъ вновь заселенныхъ греками по возвращеніи гераклидовъ:

I. Въ Малой Азіи важнѣе другихъ были колоніи, лежавшія на западномъ берегу этого полуострова. Прибрежья Мизіи, Лидіи и Каріи, между Геллеспонтомъ и островомъ Родосомъ, были покрыты такимъ множествомъ колоній, основанныхъ греческими племенами эолянъ, іонянъ и дорянъ, что занятыя ими страны стали называться Эолидою, Іоніей и Доридой. Первая заключала въ себѣ часть западнаго берега Мизіи или пространство къ востоку и юго-востоку отъ острова Лесбоса. Іонія составляла западную часть прибрежья Лидіи, къ востоку и къ юго-востоку отъ острова Хіоса. Дорида занимала западную Карію или часть берега между островами Родосомъ и Самосомъ. Впрочемъ этими же именами обозначали иногда и ближайшіе къ берегу острова.

Самыми древними изъ греческихъ поселеній въ Азіи были колоніи эолійскія. Преданіе приписываетъ основаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ одному изъ сыновей Ореста. Позднѣе, переселенія ѳессалійцевъ и дорянъ вызвали эмиграцію эолянъ изъ Беотіи и ахеянъ изъ Пелопоннеса, и, такимъ образомъ, возникли остальныя колоніи. Имя эолійскихъ колоній было дано имъ потому, что большая часть ихъ населенія принадлежала къ эолійскому племени. На твердой землѣ было основано имъ двѣнадцать городовъ, самыми важными изъ которыхъ были Кима и Смирна. Послѣдній изъ этихъ городовъ еще въ весьма отдаленныя времена присоединился къ сосѣднимъ іонійскимъ колоніямъ и потому называется обыкновенно іонійскимъ городомъ. Эоляне поселились также и на островѣ Лесбосѣ, гдѣ процвѣталъ знаменитый городъ Мити-

лене, по имени котораго этотъ островъ и называется теперь Метелиномъ. Впослѣдствіи были также основаны древними эолійскими городами новыя колоніи на островѣ Тенедосѣ, на лежащемъ къ сѣверу отъ Эоліи берегу Мизіи, и въ другихъ странахъ. Вѣроятно, что двѣнадцать древнѣйшихъ эолійскихъ городовъ составляли союзъ, въ которомъ важнѣйшія общія дѣла рѣшались по общему совѣщанію.

Поселенія въ Іоніи были основаны преимущественно іонянами, изгнанными изъ Ахаіи, по возвращеніи гераклидовъ, и на короткое время переселившимися въ Аттику. Но и многіе другіе греки также переселились въ Іонію и смѣшались тамъ съ іонянами. Іонійскихъ городовъ было также двѣнадцать. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Милетъ, Колофонъ, Эфесъ, Теосъ, Фокея, Самосъ и Хіосъ. Эти двѣнадцать городовъ составляли союзъ. Для религіозныхъ торжествъ и разсужденій о мирѣ, войнѣ и другихъ важныхъ дѣлахъ, всѣ граждане союзныхъ городовъ въ опредѣленные дни собирались у храма, называвшагося Паніоніономъ, и лежавшаго на мысѣ Микале. Іонійскіе города также имѣли много колоній; напримѣръ Милетъ, въ разное время основалъ болѣе семидесяти поселеній.

Въ Доридѣ колоніи возникли позднѣе, чѣмъ въ Эолидѣ и Іоніи. Онѣ были основаны выходцами изъ различныхъ государствъ Пелопоннеса, и состояли изъ шести, также соединенныхъ между собою, городовъ. Трое изъ нихъ находились на островѣ Родосѣ, и впослѣдствіи были соединены въ одинъ городъ—Родосъ. Остальные три были: Галикарнасъ, Книдъ и лежавшій на островѣ того же имени Косъ. Дорійскія колоніи служили также исходными точками для новыхъ поселеній.

Основаніе греческихъ колоній въ Малой Азіи не встрѣтило большихъ затрудненій, потому что первобытные жители Эолиды, Іоніи и Дориды состояли изъ множества малочисленныхъ племенъ, большею частью враждовавшихъ между собою. Побѣдить ихъ было легко, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ, какъ

напримѣръ, морскіе разбойники карійцы, была лишена всѣхъ преимуществъ цивилизаціи. Сверхъ того, греческіе поселенцы вовсе не думали о распространеніи своего владычества внутри страны, и, какъ народъ промышленный и торговый, весьма скоро сдѣлались необходимы для туземцевъ, которымъ доставляли оружіе. Такое положеніе дѣлъ принесло дѣятельнымъ и способнымъ грекамъ ту выгоду, что они быстро достигли внѣшняго благосостоянія, между тѣмъ какъ сношенія съ народами самыхъ противоположныхъ нравовъ содѣйствовали ихъ умственному развитію.



Положеніе мало-азійскихъ грековъ измѣнилось, когда съ седьмаго вѣка до р. Х. стали постоянно возрастать владѣнія и могущество Лидійской монархіи, подъ властью царствовавшихъ одинъ за другимъ Гигеса, Ардія, Садіатта, Аліатта и Креза. Борьба съ могущественнымъ и искусно управляемымъ государствомъ была не подъ силу мало-азійскимъ колоніямъ, не составлявшимъ сомкнутаго цѣлаго, и, разбросанныя на огромномъ протяженіи, всѣ онѣ легко могли быть одолѣваемы порознь. Колоніи эти боролись долго, но были почти всѣ покорены послѣднимъ лидійскимъ царемъ Крезомъ. Когда персы подъ предводительствомъ Кира завоевали Лидійское царство, эоляне и доряне покорились новому повелителю передней Азіи, и, какъ кажется, добровольно. Изъ іонянъ на это согласились одни только граждане Милета; а остальные города, напротивъ, посовѣтовавшись между собою, рѣшились сопротивляться персамъ и просить помощи у спартанцевъ. Но послѣдніе отказали имъ въ этой просьбѣ, и іонійскіе города, одинъ за другимъ, были покорены персами. Только граждане Фокеи и Теоса рѣшились не подчиняться персамъ ни въ какомъ случаѣ и, какъ это ужъ было разсказано въ персидской исторіи, (стр. 130) захотѣли лучше разстаться съ родиной, чѣмъ со свободой. Мы уже говорили и о возстаніи іонійскихъ грековъ въ правленіе Дарія Гистаспа, и вторичномъ покореніи ихъ персами (стр. 138). Страна сильно пострадала отъ грабежей персидскаго войска, а жители были жестоко наказаны. Особенно печальна была участь Милета, быв-

шаго центромъ возстанія. Городъ былъ разграбленъ и частью разрушенъ; значительная часть жителей перерѣзана, а большинство остальныхъ отправлено во внутреннюю Азію и поселено на берегахъ Тигра. Городъ однако снова возникъ изъ своихъ развалинъ.

До временъ покоренія мало-азійскихъ грековъ персами наибольшее значеніе между эолійскими, іонійскими и дорійскими колоніями имѣли Милетъ, Фокея и Самосъ. Милетъ былъ въ древности самою богатою и могущественною изъ всѣхъ этихъ колоній. Онъ достигъ такого могущества, что имѣлъ отъ восьмидесяти до ста военныхъ кораблей. Въ Милетѣ были сильно развиты промышленная дѣятельность и овцеводство. Его превосходные ковры и ткани славились во всемъ древнемъ мірѣ. Торговое вліяніе Милета простиралось въ одну сторону до внутренней Азіи, въ другую до Гибральтарскаго пролива, но главнымъ его рынкомъ были прибрежья Чернаго моря, гдѣ милетскіе купцы за вино, ткани и другіе продукты греческой промышленности вымѣнивали у полудикихъ жителей шкуры, мѣха, шерсть и невольниковъ. Поэтому большая часть колоній Милета и находилась на берегахъ Чернаго моря. Изъ нихъ Гераклея, Синопъ, Амисъ, Керасунтъ, Трапезунтъ, Фастисъ, Одессъ, Ольвія, Пантикапея, Фанагорія и Танаисъ сдѣлались важными торговыми городами. Впрочемъ Милетъ отличался не одной только торговлей и промышленностью. Тамъ уже весьма рано разцвѣло высокое умственное развитіе, и Милетъ славился какъ родина нѣкоторыхъ изъ самыхъ извѣстныхъ греческихъ писателей древности, какъ, напримѣръ, философовъ Талеса и Анаксимандра и историка Гекатея. Вблизи города находился усердно посѣщавшійся греками чрезвычайно древній храмъ, такъ называемаго, дидимейскаго Аполлона, съ знаменитымъ оракуломъ и наслѣдственными жрецами изъ рода Бранхидовъ.

Фокея владѣла небольшимъ пространствомъ земли и, во время возстанія іонянъ противъ персидскаго владычества, могла присоединить къ союзному флоту только три военные корабля.

Но блистательный примѣръ любви къ свободѣ, данный фокейцами послѣ неудачнаго окончанія возстанія, доставилъ имъ болѣе славы, чѣмъ милетцамъ и другимъ малоазійскимъ грекамъ ихъ роскошь и богатство. Энергическимъ и дѣятельнымъ фокейцамъ принадлежитъ еще та заслуга, что вмѣстѣ съ самосцами они прежде всѣхъ другихъ грековъ стали плавать къ далекимъ берегамъ Испаніи, строить большіе военные корабли, и перенесли въ южную Францію и Испанію начала греческой цивилизаціи и воздѣлываніе маслины и винограда. Торговля фокейцевъ была главнымъ образомъ направлена къ западнымъ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ они въ числѣ другихъ колоній основали Массилію, нынѣшнюю Марсель.

Славный своимъ плодородіемъ островъ Самосъ, съ главнымъ городомъ того же имени, пріобрѣлъ большое значеніе для мореходства и искусства грековъ. Самосцы, главнымъ рынкомъ которыхъ было, какъ кажется, африканское прибрежье, прежде другихъ грековъ прошли чрезъ Гибральтарскій проливъ. Искусства развились у нихъ очень рано, столица ихъ, до возвышенія Аѳинъ, считалась однимъ изъ прекраснѣйшихъ греческихъ городовъ и находившійся тамъ храмъ Юноны былъ, какъ говорятъ, величайшимъ зданіемъ въ цѣлой Греціи. Всѣ извѣстія изъ греческой старины утверждаютъ, что Самосъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ средоточій греческаго искусства и сказочному современнику Дедала, столько же знаменитому какъ и онъ, Смилису преданіе приписываетъ изваяніе Юноны въ самосскомъ храмѣ. Искусства процвѣтали на Самосѣ и въ позднѣйшее время, и этому острову принадлежитъ между прочимъ та честь, что, во времена Поликрата, два самосскіе художника открыли искусство отливки бронзы.

Въ государственной жизни самосцевъ господствовала вѣчная борьба партій, и часто случалось, что какой нибудь предпріимчивый человѣкъ, пользуясь несогласіями гражданъ, объявлялъ себя единодержавнымъ правителемъ или, какъ греки называли такихъ незаконныхъ владѣтелей свободныхъ государствъ, — тираномъ.

Знаменитѣйшимъ изъ государей Самоса былъ Поликратъ, властвовавшій, вѣроятно, съ 565 по 522 г. до р. Х. Поликратъ поддерживалъ свое могущество наемными войсками, громадными предпріятіями, доставлявшими народу занятіе, и великолѣпіемъ, ослѣплявшимъ его. Подобно древнему критскому царю Миносу, онъ стремился къ морскому владычеству и хотѣлъ подчинить себѣ весь Архипелагъ. Поликратъ дѣйствительно успѣлъ покорить многіе острова и нѣсколько городовъ мало-азійскаго прибрежья, вступилъ въ союзъ съ египтянами и персами и всѣми силами старался увеличить свои сокровища, чтобы имѣть возможность покрывать расходы на содержаніе большой арміи, сильнаго флота и своего двора. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ онъ пользовался такимъ неизмѣннымъ счастіемъ и такъ быстро лишился его, что, какъ сказано выше (стр. 74), позднѣйшіе греки часто приводили его судьбу въ примѣръ непостоянства счастія. Онъ разбилъ могущественныхъ милетцевъ въ большомъ морскомъ сраженіи, подавилъ опасное возстаніе, не смотря на то, что оно было поддерживаемо спартанцами и коринѳянами, и былъ такъ богатъ, что могъ содержать флотъ изъ ста большихъ военныхъ кораблей, стражу изъ тысячи тѣлохранителей и многочисленное наемное войско, могъ предпринимать большія постройки и окружилъ себя великолѣпнымъ дворомъ. Поликратъ искалъ также славы покровителя наукъ и искусствъ. Онъ долгое время имѣлъ при своемъ дворѣ двухъ знаменитыхъ поэтовъ, Симонида и Анакреона, и былъ основателемъ одной изъ самыхъ древнихъ греческихъ библіотекъ. Не смотря однако на эту наружную любовь къ благороднѣйшимъ человѣческимъ стремленіямъ, правленіе его было ознаменовано притѣсненіями и жестокостями, возбуждавшими всеобщую ненависть и принудившими знаменитѣйшаго философа того времени, Пиѳагора оставить свою родину Самосъ.

Корыстолюбіе Поликрата было причиной его погибели. Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ персидскимъ царемъ Камбисомъ. Сатрапъ Малой Азіи, Оретъ воспользовался этимъ, и,

предложивъ свою помощь для новыхъ завоеваній, успѣлъ заманить къ себѣ самосскаго тирана и приказалъ умертвить его. Въ Самосѣ тотчасъ же вспыхнули новые раздоры за управленіе государствомъ, и это облегчило персамъ покореніе острова. При завоеваніи его большая часть жителей пала жертвой грабежей и убійствъ грубыхъ азіатцевъ. Правителемъ Самоса, какъ вассалъ персидскаго царя, сдѣлался братъ Поликрата Силосонъ, бывшій прежде его соправителемъ, но потомъ изгнанный имъ изъ Самоса и съумѣвшій пріобрѣсть милость царя Дарія Гистаспа. Самосцы приняли участіе въ возстаніи іонянъ противъ персовъ, но въ рѣшительномъ сраженіи перешли на сторону непріятеля, и, такимъ образомъ, много содѣйствовали пораженію своихъ соотечественниковъ. Въ послѣдующія времена Самосъ постоянно падалъ все ниже и ниже, и уже не могъ воротить торговаго величія, блистательнѣйшимъ періодомъ котораго было правленіе Поликрата.

Изъ остальныхъ греческихъ колоній въ Малой Азіи, слѣдуетъ назвать эолійскій городъ Смирну; не потому, чтобы она имѣла большое значеніе въ древности, а потому, что этотъ городъ одинъ изъ всѣхъ малоазійскихъ греческихъ городовъ сохранилъ свое прежнее имя, и сдѣлался въ наше время важнѣйшимъ портомъ восточнаго берега Архипелага. Еще лѣтъ за 700 до р. Х. Смирна присоединилась къ іонійскому союзу, число городовъ котораго возрасло, такимъ образомъ, до тринадцати. Нѣсколько времени спустя она была разрушена однимъ изъ лидійскихъ царей, и поднялась изъ своихъ развалинъ не ранѣе какъ черезъ четыреста лѣтъ. Эта новая Смирна быстро развилась и сдѣлалась значительнымъ торговымъ городомъ.

На островѣ Лесбосѣ было основано шесть независимыхъ другъ отъ друга городовъ, изъ которыхъ Митилена вскорѣ сдѣлалась самымъ могущественнымъ и получила преобладаніе надъ прочими. Въ этой столицѣ Лесбоса, также какъ и въ другихъ греческихъ колоніяхъ, отъ времени до времени вспыхивали кровавые внутренніе раздоры, которыми нѣкоторые граждане пользовались

для пріобрѣтенія себѣ единодержавной власти. Утомленные ссорами и насиліемъ, митиленцы, въ 589 г. до р. Х. рѣшились наконецъ назначить прославленнаго своею мудростью гражданина Питтака неограниченнымъ властителемъ на неопредѣленное время, для прочнаго утвержденія спокойствія и порядка. Питтакъ правилъ десять лѣтъ, установилъ въ это время новые законы и обычаи, и послѣ того добровольно отказался отъ власти. Но Мителена не долго наслаждалась республиканской свободой, возстановленною Питтакомъ; и вскорѣ, вмѣстѣ съ остальной Малой Азіей, должна была покориться персамъ. Блистательнѣйшимъ временемъ этого города и всего острова Лесбоса было правленіе Питтака, когда успѣхи винодѣлія и обширная торговля распространили на всемъ островѣ высокую степень благосостоянія и веселое довольство, и когда жили знаменитѣйшая греческая поэтесса, Сафо и столько же славный лирическій поэтъ Алкей, бывшіе уроженцами Лесбоса. Сто лѣтъ спустя другой лесбосскій поэтъ. Терпандръ, ввелъ такія важныя усовершенствованія въ греческой музыкѣ, что долженъ считаться однимъ изъ творцевъ ея.

Колофонъ былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ центровъ греческой философіи, отличался превосходствомъ своихъ лошадей и кавалеріи, и владѣлъ значительными морскими силами. Городъ Эфесъ славился преимущественно храмомъ Діаны, куда ходили на поклоненіе изъ всей Малой Азіи. Въ 356 г. до р. Х. храмъ этотъ былъ сожженъ, и за тѣмъ снова отстроенъ съ такимъ величіемъ и роскошью, что сталъ считаться однимъ изъ чудесъ свѣта. Въ позднѣйшій періодъ древности, Эфесъ былъ первымъ торговымъ городомъ Малой Азіи, но сначала далеко уступалъ въ этомъ отношеніи Милету, Фокеѣ и другимъ мало-азійскимъ городамъ.

Теосъ хотя и былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Іоніи, но собственно прославился пламенной любовью своихъ жителей къ свободѣ и тѣмъ, что былъ родиною поэта Анакреона. Подобно части фокейцевъ, жители Теоса предпочли свободу родинѣ, оста-

вили свой городъ, не имѣя средствъ сопротивляться персамъ, и поселились на свободномъ ѳракійскомъ берегу (стр. 130).

Островъ Хіосъ, съ столицей того же имени, славился преимущественно своимъ усовершенствованнымъ винодѣліемъ и большими морскими силами. Хіосское вино считалось въ древности лучшимъ во всей Греціи. Тамъ же добывалась лучшая мастика, и теперь еще. составляющая главный продуктъ острова. Во время возстанія іонянъ противъ персовъ, Хіосъ выставилъ наибольшее число кораблей и, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ во время борьбы ново-грековъ съ турками, былъ совершенно опустошенъ персами, при чемъ большая часть жителей была отведена въ рабство.

Островъ Родосъ отличался тѣмъ, что еще задолго до прихода дорійскихъ пришельцевъ, во время Троянской войны, на немъ процвѣтали ремесла и торговля. Впослѣдствіи жители его были также участниками въ развитіи мореходства и торговли грековъ, плавали къ берегамъ Испаніи и основали колоніи во многихъ далекихъ странахъ. Но свое наибольшое значеніе пріобрѣлъ Родосъ уже послѣ Александра Великаго, когда, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, игралъ въ Архипелагѣ туже роль, какую впродолженіи значительной части среднихъ вѣковъ занимала Венеція во всей восточной половинѣ Средиземнаго моря. Городъ Родосъ славился также своимъ превосходнымъ государственнымъ устройствомъ и тѣмъ, что первые встрѣчаемые въ исторіи морскіе законы были составлены и введены въ употребленіе родосцами.

Большой, красивый и хорошо укрѣпленный Галикарнассъ прославился уже послѣ завоеванія его персами, благодаря царственной фамиліи, которая, подъ верховнымъ владычествомъ Персіи, управляла всей Каріей и избрала Галикарнассъ своей резиденціей; исторія этихъ карійскихъ государей, между которыми особенно замѣчательны двѣ Артемизіи, принадлежитъ уже позднѣйшему времени.—О городѣ Книдѣ и островѣ Косѣ можно замѣтить только, что на послѣднемъ находился одинъ изъ славнѣйшихъ хра-

мовъ Эскулапа, и родился самый знаменитый изъ греческихъ врачей, Гиппократъ, и въ немъ, также какъ и въ Книдѣ, еще въ ранней древности существовали знаменитыя школы врачебной науки.

2. Колоніи, лежавшія на сѣверномъ берегу Малой Азіи, составляли часть многочисленныхъ поселеній, основанныхъ на прибрежьи Чернаго моря или, какъ называли его греки и римляне — понта Эвксинскаго. Большинство изъ нихъ принадлежало къ важнѣйшимъ изъ мелкихъ государствъ древняго міра. Онѣ всѣ находились на выдающихся въ море мысахъ или въ весьма близкомъ разстояніи отъ моря. Сосѣдями ихъ были грубыя и воинственныя племена. Но умъ и трудолюбіе грековъ вскорѣ обратили всю страну, прилегавшую къ ихъ поселеніямъ, въ одинъ непрерывный садъ, и сосѣдніе варвары должны были подчиниться переселенцамъ. Почти во всѣхъ этихъ городахъ науки и искусства достигли высокаго развитія, особенно въ позднѣйшее время, когда событія мѣшали ихъ успѣхамъ въ собственной Греціи. Важнѣйшими изъ этихъ колоній были: Гераклея, въ Виѳиніи, для отличія отъ другихъ городовъ этого имени называемая понтійскою. Основанная жителями Мегары, она была весьма важнымъ торговымъ городомъ во время владычества персовъ въ Малой Азіи. Синопъ, въ Пафлагоніи, колонія милетцевъ, нѣкогда самый богатый и блестящій торговый пунктъ на Черномъ морѣ, и теперь еще одна изъ важнѣйшихъ гаваней сѣвернаго прибрежья Малой Азіи. Амисъ, также милетская колонія въ Пафлагоніи, и теперь еще, подъ именемъ Самсуна, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ турецкихъ портовъ на Черномъ морѣ. Керасунтъ, въ Каппадокіи, нынѣшній Кересунъ, колонія Синопа. Отсюда, незадолго до рождества Христова были перенесены въ Италію вишни, которыя и были названы по имени этого города (cerasus). Трапезунтъ, лежащій въ той же области и также основанный Синопомъ, достигъ наибольшаго значенія уже въ концѣ среднихъ вѣковъ, и, подъ именемъ Требизонда, до сихъ поръ еще принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ городовъ Малой Азіи.

3. Въ Колхидѣ или на восточномъ берегу Чернаго моря находились Фазисъ или нынѣшній Поти, и Діоскурія, нынѣшняя Искурія, оба въ Мингреліи, были основаны милетцами. Послѣдній изъ нихъ былъ такимъ важнымъ пунктомъ для сношеній грековъ съ грубыми племенами Кавказа и сосѣднихъ земель, что, по разсказамъ древнихъ писателей, конечно преувеличеннымъ, на бывавшей въ этомъ городѣ ярмаркѣ происходили объясненія на трехстахъ различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

4. На берегу южной Россіи греки, именно милетцы, основали многія колоніи, бывшія посредницами въ торговыхъ сношеніяхъ между цивилизованнымъ греческимъ міромъ и грубыми бродячими ордами тѣхъ странъ. Важнѣйшія изъ этихъ колоній находились на Крымскомъ полуостровѣ, — древней Тавридѣ, — или не далеко оттуда. Города Пантикапея и Фанагорія сдѣлались впослѣдствіи главными городами, такъ называемаго, Боспорскаго царства. Первый изъ нихъ былъ построенъ на самомъ полу-островѣ, а другой противъ него, по ту сторону Еникальскаго пролива, или древняго Босфора Киммерійскаго. Отъ обоихъ сохранились однѣ развалины. Танаисъ, при устьяхъ Дона, былъ главнымъ рынкомъ сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, промѣнивавшихъ здѣсь рабовъ, кожи, мѣха и шерсть на ткани, вино и другія произведенія. Ольбія лежала въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моря при впаденіи Буга въ Днѣпръ.

5. На западномъ берегу Чернаго моря особенно замѣчателенъ приморскій пунктъ Одессъ, колонія Милета, лежавшій недалеко отъ нынѣшней турецкой крѣпости Варны и, подобно Синопу, Ольбіи и Византіи, производившій большую торговлю соленымъ мясомъ и рыбой.

6. Черное море соединяется съ Архипелагомъ посредствомъ Константинопольскаго пролива, — Ѳракійскаго босфора древнихъ, — Мраморнаго моря или Пропонтиды и Дарданелловъ или Геллеспонта. Европейское прибрежье этихъ водъ при-

надлежало Ѳракіи; азіатское — Мизіи и Виѳиніи. На обоихъ берегахъ было множество греческихъ колоній. У выхода изъ Ѳракійскаго босфора въ Пропонтиду лежалъ на азіатскомъ берегу Халкедонъ, а на европейскомъ Византія. Первый былъ основанъ жителями Мегары, и сдѣлался немаловажнымъ торговымъ пунктомъ; но въ сравненіи съ Византіей никогда не достигалъ большаго значенія. Напротивъ того, Византія — самая замѣчательная изъ всѣхъ дорійскихъ колоній, самое знаменитое и исторически важное изъ всѣхъ греческихъ поселеній вообще. Она была основана въ 659 г. до р. Х. выходцами изъ Мегары, но впослѣдствіи въ нее переселилось много аѳинянъ и милетцевъ. Окруженная плодородными полями, омываемая моремъ, изобилующимъ рыбою, имѣя превосходную гавань и находясь на границѣ двухъ частей свѣта и при сліяніи двухъ морей — Византія обладала такими естественными преимуществами, какія едва ли имѣлъ или имѣетъ какой нибудь другой городъ въ свѣтѣ. Но возникшее вслѣдствіе этого огромное значеніе города стало развиваться уже во второй половинѣ древней исторіи, а до этого времени полное развитіе естественныхъ преимуществъ Византіи было стѣсняемо сосѣдствомъ грубыхъ ѳракійскихъ племенъ и соперничествомъ многихъ другихъ греческихъ колоній. Въ древности значеніе этого города основывалось на выгодномъ рыбномъ промыслѣ и торговлѣ его соленой рыбой и хлѣбомъ. Византія была разрушаема два раза: за пятьсотъ лѣтъ до р. Х. персами, въ правленіе Дарія I, и въ 196 г. по р. Х. римскимъ императоромъ Септиміемъ Северомъ. Со времени ея основанія до нашихъ дней, она была осаждаема двадцать девять разъ и восемь разъ была взята непріятелемъ. Въ первой половинѣ IV вѣка по р. Х. Константинъ Великій сдѣлалъ ее столицей Римской имперіи. Съ тѣхъ поръ она стала называться Константинополемъ, и навсегда осталась однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ въ мірѣ; до того, вмѣстѣ съ Родосомъ, она долгое время считалась важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ восточной Европы.

На Пропонтидѣ или Мраморномъ морѣ важнѣйшимъ городомъ азіятскаго берега былъ Кизикъ, милетская колонія, не имѣвшая сначала большаго значенія. Но впослѣдствіи, благодаря своему хорошему государственному устройству и развитію торговли, онъ достигъ такого богатства и процвѣтанія, что, около рождества Христова, считался однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ вольныхъ городовъ древняго міра. Онъ былъ превосходно укрѣпленъ, и потому игралъ важную роль въ азіатскихъ войнахъ римлянъ. Вблизи этого города находилась гора Диндимъ съ храмомъ фригійской богини Кибелы. Другая гора, тогоже имени, находилась близь Пессина во Фригіи, и, по имени этихъ двухъ горъ, Кибела называлась иногда Диндименой. Богиня эта была олицетвореніемъ земли или природы, и часто считалась также матерью боговъ. Таинственный, фантастическій и отчасти безнравственный культъ этой богини, совершенно противорѣчащій духу греческой религіи, вѣроятно уже изъ Кизика былъ введенъ въ нѣкоторыя мѣстности Греціи. Важнѣйшими городами европейскаго берега Пропонтиды были города Селимбрія и Перинтъ. Первый былъ основанъ мегарянами, а второй — самосцами.

На Геллеспонтѣ лежали милетскія колоніи города Лампсакъ и Абидосъ, а въ Европѣ противъ послѣдняго изъ нихъ Сестъ, основанный эолянами. Всѣ три города были въ особенности важны какъ мѣста переправы изъ Европы въ Азію. Лампсакъ, кромѣ того, имѣлъ для древнихъ грековъ весьма важное значеніе въ религіозномъ отношеніи. Главнымъ божествомъ его былъ Пріапъ, обыкновенно называемый богомъ полей и садовъ, но въ сущности бывшій олицетвореніемъ силъ природы, считавшихся у многихъ восточныхъ народовъ божественными существами. Его культъ имѣлъ тотъ развращенный характеръ, въ который такъ легко впадаетъ необузданная фантазія востока, и состоялъ изъ обрядовъ еще болѣе отвратительныхъ, чѣмъ культъ Кибелы. Возникъ онъ также во Фригіи, и черезъ Лампсакъ проникъ въ Грецію, чтобы тамъ, какъ впослѣдствіи въ Италіи, исказить простую

вѣру болѣе разсудительныхъ народовъ фантастическими таинствами и безнравственными церемоніями.

7. На южномъ берегу Ѳракіи и Македоніи были особенно замѣчательны слѣдующія колоніи: Кардія, основанная милетцами; Абдера, построенная бѣжавшими отъ персовъ гражданами Теоса, послѣ неудачной попытки другаго іонійскаго города основать колонію на томъ же самомъ мѣстѣ; Амфиполисъ, колонія Аѳинъ, основаніе которой однако относится только къ пятому вѣку до р. Х.; Стагира, построенная выходцами съ кикладскаго острова Андроса, родина знаменитаго философа Аристотеля; Олинтъ, происхожденіе котораго неизвѣстно, но могущественнѣйшая греческая колонія на всемъ сѣверномъ берегу Эгейскаго моря; наконецъ Потидея, поселеніе коринѳянъ.—Изъ этихъ городовъ Абдера прославилась у грековъ мнимой глупостью своихъ жителей, точно также какъ у насъ Пошехонье. Выраженіе: „абдеритская выходка„ было у грековъ въ большомъ употребленіи и черезъ ихъ писателей перешло къ образованнымъ народамъ Европы. Послѣдніе три города лежали на полуостровѣ, подобно Пелопоннесу отличавшемся глубоко вдающимися въ землю заливами. Въ древности онъ назывался Халкидикой, потому что на немъ были колоніи, основанныя переселенцами изъ эвбейскаго города Халкиды.

8. Вслѣдствіе переворота, вызваннаго возвращеніемъ гераклидовъ, на островахъ Эгейскаго моря населеніе большею частью увеличилось толпами новыхъ поселенцевъ. Киклады были вновь заселены іонянами и дорянами, лежащіе же въ сѣверной части этого моря острова, Лемносъ, Тазосъ, Самотракія и Имбросъ, изъ которыхъ второй былъ въ особенности важенъ въ древнемъ мірѣ своими золотыми рудниками, долго сохраняли свое прежнее пеласгическое населеніе. На нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ уже издавна находились финикійскіе поселенцы, и тамошніе жители еще въ глубокой древности имѣли сношенія съ отдаленнымъ Египтомъ; но важнѣйшее значеніе эти остро-

ва получили потому, что тамъ существовала чрезвычайно древняя религія, чуждая греческимъ вѣрованіямъ, и по окончаніи героическаго періода обнаружившая вліяніе на религіозныя идеи остальныхъ грековъ. Средоточіемъ этой религіи, сущность которой неизвѣстна, была Самофракія и жрецы излагали посвященнымъ свое ученіе въ видѣ мистерій или таинствъ. Многіе греческіе государственные люди, философы и поэты послѣдующаго времени были посвящаемы въ эти таинства, и, такимъ образомъ, перенесли въ Грецію многія религіозныя идеи и миѳы восточнаго происхожденія.

Населеніе Эвбеи было увеличено толпами іонійскихъ выходцевъ, переселившихся изъ Аттики, и вскорѣ эвбейскіе города Халкида и Эретрія достигли значенія важныхъ торговыхъ пунктовъ и стали соперничать съ Милетомъ и другими соплеменными городами, между прочимъ и въ основаніи колоній.

Къ островамъ, наиболѣе важнымъ въ ранней древности, принадлежитъ Эгина, лежавшая между Аттикой и Арголидой, и долгое время имѣвшая такое же значеніе какъ Милетъ, Фокея и Самосъ. Ея процвѣтаніе началось съ водворенія на ней дорійскихъ переселенцевъ, утвердившихся послѣ возвращенія гераклидовъ на этомъ неплодородномъ и до тѣхъ поръ незначительномъ островѣ. Съ этого времени Эгина мало по малу достигла высокой степени могущества и богатства, и эгинцы впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ играли главную роль на моряхъ Греціи. Они владѣли многими кораблями, пріобрѣли промышленностью и торговлею большія сокровища, оказали большія услуги искусствамъ и первые въ Греціи стали чеканить серебряную монету (въ половинѣ восьмаго вѣка до р. Х). Островъ ихъ былъ населенъ очень густо и могущество эгинцевъ развилось до такой степени, что самосцы, не уступавшіе имъ въ силѣ, и аѳиняне, въ то время едва начинавшіе пріобрѣтать торговое значеніе, съ непримиримою завистью смотрѣли на Эгину; по этому эгинцы часто были вовлекаемы въ войны, которыя были ведены съ перемѣннымъ счастіемъ. Когда наконецъ Дарій I снарядилъ свою первую экспедицію противъ Греціи, и

Эгина, по торговымъ разсчетамъ, тотчасъ покорилась персидскому царю, — аѳиняне воспользовались этимъ обстоятельствомъ во вредъ острову. По ихъ проискамъ эгинцы были строго наказаны спартанцами. Впослѣдствіи во время персидскихъ войнъ эгинцы мужественно доказали свою любовь къ родинѣ; но это не спасло ихъ отъ грозившей имъ гибели, тогда какъ Аѳины, вслѣдствіе этихъ же войнъ, стали первой морской державой Греціи. Чрезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ начала персидскихъ войнъ, Эгина пала предъ своимъ могущественнымъ врагомъ. Островъ былъ завоеванъ аѳинянами, жители его изгнаны и замѣнены аѳинскими поселенцами.

На островѣ Критѣ, вскорѣ послѣ возвращенія гераклидовъ, поселились доряне, скоро составившіе преобладающую часть населенія, хотя по словамъ преданія еще въ глубокой древности островъ былъ заселенъ другими поколѣніями дорянъ. Этой дорійской части своего населенія островъ и былъ вѣроятно обязанъ описаннымъ выше (стр. 174) государственнымъ устройствомъ, которое приписываютъ знаменитому царю первобытнаго періода Миносу I. Это устройство было основано на угнетеніи остальныхъ жителей другаго происхожденія. Доряне одни принимали участіе въ управленіи и проводили свою жизнь въ военныхъ упражненіяхъ, охотѣ и войнѣ; въ то время какъ остальное населеніе въ качествѣ рабовъ, крѣпостныхъ людей или свободныхъ земледѣльцевъ должно было добывать все необходимое для собственнаго пропитанія и для содержанія дорянъ. Десять ежегодно избираемыхъ должностныхъ лицъ составляли правительственную власть и замѣняли царей, званіе которыхъ было уже давно уничтожено. Изъ этихъ правителей пополнялся сенатъ, состоявшій изъ тридцати пожизненныхъ членовъ и рѣшавшій важныя дѣла. Воспитаніе, находившееся подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства и направленное къ развитію мужества и силы, постоянныя упражненія съ оружіемъ, и, наконецъ, общіе обѣды всѣхъ дорянъ развили между ними въ сильной степени рыцарскій и общественный духъ.

Но по этому самому ремесла, торговля, науки и искусства не могли достигнуть на Критѣ того развитія, какъ на другихъ островахъ.

9. Принадлежащій къ Азіи островъ Кипръ имѣлъ уже въ глубокой древности разнородное населеніе, состоявшее изъ финикіянъ и греческихъ выходцевъ, и долгое время былъ подчиненъ первенствовавшимъ городамъ Финикіи. Возвративъ свою независимость, островъ распался на многія мелкія владѣнія, и вслѣдствіе того, никогда не могъ достигнуть могущества. Въ половинѣ шестаго вѣка до р. X. онъ былъ даже принужденъ платить дань египтянамъ, а потомъ персамъ. Значеніе Кипра въ древнемъ мірѣ основывалось только на его плодородіи, значительной торговлѣ разнообразными произведеніями страны и на финикійскомъ суевѣріи, которое оттуда проникло и въ религію грековъ.

10. Африканская колонія Кирена была однимъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ государствъ древняго міра и лежала среди небольшой плоской возвышенности, носившей у древнихъ римлянъ имя Киренаики, а нынѣ называемой Баркой, по имени одного изъ тамошнихъ древне-греческихъ городовъ. Эта холмистая, богатая источниками, чрезвычайно плодородная и отличающаяся роскошной растительностью страна лежитъ къ западу отъ Египта на границѣ Триполиса, и окружена моремъ и степями. Здѣсь то, въ половинѣ седьмаго вѣка до р. X., была основана Кирена выходцами съ небольшаго кикладскаго острова Теры, гдѣ во времена переселеній гераклидовъ утвердились дорійскіе поселенцы. Избытокъ населенія и неурожай принудили часть жителей эмигрировать. Они обратились къ дельфійскому оракулу за совѣтомъ, въ какую страну имъ лучше переселиться, и умный царь терскій, подкупивъ оракула, склонилъ его указать имъ на африканское прибрежье. Такимъ образомъ, возникъ городъ Кирена, жители котораго впослѣдствіи основали въ той же странѣ еще четыре другія важныя поселенія. Эти пять колоній обыкновенно называли общимъ именемъ пентаполиса, т. е. пятиградія. Предводитель переселенцевъ былъ возведенъ ими въ царское достоинство

и эта правительственная форма держалась тамъ около 200 лѣтъ, при длинномъ рядѣ царей, называвшихся попеременно Баттами и Аркесилаями. Настоящее процвѣтаніе Кирены началось при третьемъ изъ этихъ царей, Баттѣ II Счастливомъ (560 до р. X.), а до того времени жители были слишкомъ заняты борьбою съ кочевыми туземцами. Киренейцы съумѣли въ то время усилить себя множествомъ новыхъ поселенцевъ изъ Крита, Пелопоннеса и другихъ странъ Греціи. Притѣсняемые сосѣдніе номады просили помощи египетскаго царя Апрія; но онъ былъ разбитъ, а его преемникъ счелъ болѣе благоразумнымъ заключить съ киренейцами союзъ. Тогда колонія стала быстро развиваться и распространять свои предѣлы къ востоку и къ западу. Вслѣдствіе того она пришла въ непріязненное столкновеніе съ могущественнымъ африканскимъ торговымъ государствомъ — Карѳагеномъ, и, такимъ образомъ, завязался ожесточенный споръ о границахъ, кончившійся опредѣленіемъ пограничной черты, за которую ни та, ни другая сторона не имѣла права переходить. Въ Киренѣ не было хорошаго государственнаго устройства и, кромѣ того, жители ея имѣли неодинаковыя права, смотря по давности ихъ водворенія въ колоніи; потому, вмѣстѣ съ развитіемъ благосостоянія города, начались и внутреннія безпокойства. Они постепенно пріобрѣли большую важность, когда сынъ и преемникъ Батта Счастливаго сталъ стремиться къ неограниченному господству, и тѣмъ возбудилъ неудовольствіе не только въ народѣ, но и въ собственномъ своемъ семействѣ. Часть недовольныхъ оставила Кирену и основала новый городъ, названный Баркой. Не смотря на то, раздоры и несогласія не утихали, и наконецъ народъ рѣшился обратиться къ дельфійскому оракулу, который и прислалъ киренейцамъ Демонакса, гражданина аркадскаго города Мантинеи, для утвержденія порядка и прочнаго государственнаго устройства. Демонаксъ раздѣлилъ гражданъ на три класса: на потомковъ первоначальнаго терскаго населенія, на переселенцевъ изъ Пелопоннеса и Крита, и на выходцевъ съ другихъ греческихъ острововъ. Каждая изъ этихъ

трехъ частей населенія получила извѣстныя права. Самое государство было обращено Демонаксомъ въ аристократическую республику, а за государемъ остались только царскія почести, наслѣдственное званіе первосвященника и доходъ съ царскихъ имѣній. Вскорѣ послѣ введенія этой конституціи, одинъ изъ киренейскихъ царей, сдѣлавъ попытку ниспровергнуть ее, возбудилъ междоусобную войну, кончившуюся тѣмъ, что призванные царскою партіею персы совершенно опустошили страну. Городъ Барка былъ почти совершенно разрушенъ ими; Кирена же выдержала напоръ многочисленныхъ персидскихъ силъ и затѣмъ окончательно уничтожила царское достоинство (около 432 г. до р. Х). Послѣ уничтоженія царской власти и установленія чисто аристократической республики началась эпоха самаго полнаго процвѣтанія Кирены, продолжавшаяся около ста лѣтъ. Наконецъ, въ 323 г. до р. Х. вслѣдствіе смутъ, повторявшихся все чаще и чаще, по причинѣ совершеннаго внутренняго разложенія государства, — Кирена была покорена греческими царями Египта, и навсегда лишилась своей самостоятельности.

Кирена и остальные города Пентаполиса вели значительную сухопутную и морскую торговлю, направленную съ одной стороны къ верхнему Египту, Нубіи и восточной части внутренней Африки; а съ другой имѣвшую главнымъ рынкомъ Грецію и Малую Азію. Карѳагеняне, напротивъ того, занимались преимущественно посредничествомъ по обмѣну произведеній между западной половиной Африки и западомъ южной Европы. Африканскимъ народамъ киренейцы доставляли произведенія греческой промышленности и хлѣбъ своихъ собственныхъ плодородныхъ полей; а въ Грецію привозили лошадей, шерсть, шерстяныя ткани, знаменитое растеніе сильфіумъ, аметисты, ониксы, карнеолы и другіе драгоцѣнные камни, получаемые ими изъ внутренней Африки и съ береговъ Аравійскаго залива. Продававшійся киренейцами сильфіумъ или лазерпитіумъ было растеніе, которое въ древности росло въ одной только Киренаикѣ. Другія растенія, сходныя

съ нимъ, и называемыя тѣмъ же именемъ, воздѣлывались въ Мидіи и восточной Персіи. Привозимая въ новѣйшее время изъ Остъ-Индіи и Леванта аса-фетида, по дѣйствію своему, всего болѣе подходитъ къ соку киренейскаго сильфіума, хотя и добывается изъ совершенно другаго растенія. Киренейскій сильфіумъ имѣлъ различное употребленіе. Листья его считались необыкновенно полезною приправою къ овечьему корму; стебель, у грековъ и римлянъ, употреблялся какъ лакомство, а высушенный сокъ растенія былъ у нихъ любимой приправой, примѣшиваемою во многія кушанья для вкуса и облегченія пищеваренія, и долгое время покупался на вѣсъ золота. Вслѣдствіе такого разнообразнаго примѣненія, сильфіумъ, росшій въ Киренаикѣ только на менѣе плодородныхъ поляхъ, былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія тамошнихъ греческихъ колоній. Но и изъ другихъ продуктовъ своей роскошной родины киренейцы извлекали огромныя богатства. Они производили много хлѣба, вина, масла, шафрана и южныхъ плодовъ. Ихъ сады, славившіеся во всемъ свѣтѣ великолѣпными розами, лиліями, фіалками и другими цвѣтами, доставляли имъ превосходнѣйшее розовое масло и другія эссенціи. Кромѣ того киренейцы имѣли значительныя стада овецъ и превосходныхъ лошадей, считавшихся самыми лучшими въ древнемъ мірѣ.

Промышленная дѣятельность также процвѣтала у жителей Киренаики и города этой страны славились искусствомъ своихъ рѣзчиковъ на камнѣ, литейщиковъ и превосходной чеканкой монетъ. Высокая степень благосостоянія, которой достигли киренейцы, вызвала у нихъ, какъ и вездѣ у грековъ, цвѣтущее состояніе искусствъ и науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь въ Киренаикѣ сдѣлалась столь роскошною и изнѣженною, что пышность ея жителей и ихъ страсть къ наслажденіямъ стали знамениты во всемъ свѣтѣ.

11. **Н а о с т р о в а х ъ, л е ж а щ и х ъ у з а п а д н ы х ъ б е р е г о в ъ Г р е ц і и**, прежнее населеніе эолійскаго племени сохранилось, кажется, во всей своей чистотѣ. Только на Коркирѣ явились новые дорійскіе поселенцы изъ Кориноа, который также основалъ

въ Адріатическомъ морѣ на иллирійскомъ прибрежьи нѣсколько колоній, изъ которыхъ замѣчательнѣйшею была Эпидамнъ или Дирраxій.

12. Колоніи въ южной Италіи и въ Сициліи имѣли для греческой цивилизаціи такое же, если не большее, значеніе чѣмъ мало-азійскія. Преданіе говоритъ, что сношенія грековъ съ южной Италіей и Сициліей и основаніе тамъ греческихъ колоній началось тотчасъ же послѣ Троянской войны. Но положительныя извѣстія объ этихъ поселеніяхъ не восходятъ далѣе начала осьмаго вѣка до р. X. Этимъ колоніямъ отчасти пришлось бороться съ большими затрудненіями, но, не смотря на это, онѣ достигли такого благосостоянія и могущества, что заслужили удивленіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. На южномъ берегу нижней Италіи было нѣсколько городовъ, съ многочисленнымъ населеніемъ, значительными морскими силами, обширною торговлею, пользовавшихся почти невѣроятнымъ благосостояніемъ. А между тѣмъ на всемъ этомъ берегу нѣтъ ни одной безопасной или глубокой гавани, а морской берегъ весьма нездоровъ отъ вредныхъ испареній и множества болотъ, которыя сильно, и въ наше время, препятствуютъ численному приращенію тамошняго населенія и увеличенію его благосостоянія. Но трудолюбіе грековъ умѣло побѣждать всѣ эти препятствія, создать искуственныя гавани, осушить болота и обратить ихъ въ роскошные сады. Греки умѣли пріобрѣтать богатства тамъ, гдѣ нынѣшніе жители едва могутъ находить средства къ существованію. Такимъ путемъ греческія колоніи въ Италіи и Сициліи достигли благосостоянія и могущества, не смотря на то, что имъ сначала пришлось защищаться отъ полу-дикихъ воинственныхъ туземцевъ, отражать нападенія тирренскихъ или этрусскихъ пиратовъ и, наконецъ, выдерживать соперничество карѳагенянъ, не менѣе дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ, чѣмъ греки. Греческіе поселенцы встрѣтили въ нихъ такихъ соперниковъ, какихъ никогда не имѣли соплеменники ихъ на Черномъ морѣ и въ Малой Азіи.

Въ нижней Италіи греки селились преимущественно по южному берегу. Впрочемъ поселенія ихъ возникли и за предѣлами его, какъ, напримѣръ, городъ Кумы на западномъ берегу Италіи, недалеко отъ Неаполя, бывшій самой сѣверной изъ греческихъ колоній въ Италіи. Этихъ колоній было такъ много, и онѣ достигли такого значенія, что жители сосѣднихъ странъ и, отчасти, населеніе Сициліи, усвоили себѣ языкъ и нравы грековъ. Во всей нынѣшней Калабріи греческій языкъ сталъ господствующимъ, и удерживался тамъ болѣе полуторы тысячи лѣтъ. Онъ началъ исчезать въ этой странѣ не ранѣе XIV вѣка нашей эры, но и до сихъ поръ на самомъ югѣ Италіи, какъ кажется, сохранился еще остатокъ этого древняго населенія, говорящій чисто греческимъ языкомъ. Вслѣдствіе столь совершеннаго преобразованія южной Италіи, она получила въ древности имя **Великой Греціи**. Сначала подъ этимъ названіемъ разумѣли только юговосточный берегъ нижней Италіи, а потомъ и всю страну къ югу отъ Неаполя. Имя это было дано ей не по сравненію съ самою Греціей, не уступавшею ей по величинѣ. Великою страною грековъ назвали сначала юго-восточное прибрежье Италіи потому, что оно было покрыто непрерывнымъ рядомъ греческихъ колоній, тогда какъ на другихъ пунктахъ Италіи колоніи эти были разбросаны.

Важнѣйшими колоніями нижней Италіи на юго-восточномъ берегу, начиная по порядку съ сѣвера, были слѣдующія: **Тарентъ**, нынѣшній Таранто, основанный спартанцами лѣтъ за 700 до р. Х. Долгое время онъ былъ одной изъ незначительнѣйшихъ колоній нижней Италіи, но около пятаго вѣка превзошелъ ихъ всѣхъ развитіемъ своихъ морскихъ силъ и торговли. **Метапонтъ**, поселеніе ахеянъ, сравнительно съ другими колоніями, никогда не имѣлъ большаго значенія; но теперь обращаетъ на себя вниманіе своими развалинами. **Сирисъ**, на рѣкѣ того же имени, называемый также **Гераклеей на Сирисѣ**, былъ замѣчателенъ только тѣмъ, что нѣкоторое время тамъ собирался конгрессъ греческихъ и южно-итальянскихъ колоній. **Сибарисъ**, основанный

ахеянами около 700 лѣтъ до р. Х. и весьма быстро сдѣлавшійся самымъ цвѣтущимъ и могущественнымъ торговымъ городомъ Великой Греціи. Торговля его были чрезвычайно обширна, а въ самой Италіи ему были подвластны четыре племени и двадцать пять городовъ. Городъ Сибарисъ имѣлъ въ окружности два съ половиною часа ходьбы, и имѣлъ, какъ говорятъ, до ста тысячъ полноправныхъ гражданъ, — что, безъ сомнѣнія, преувеличено. Его богатство было громадно, но всего болѣе Сибарисъ славился роскошью и изнѣженностью своихъ гражданъ; имя ихъ вошло даже въ пословицу у древнихъ грековъ, и до сихъ поръ у новѣйшихъ цивилизованныхъ народовъ слово „сибаритъ“ имѣетъ значеніе человѣка изнѣженнаго, преданнаго чувственнымъ наслажденіямъ. Сибарисъ палъ въ 510 году до р. Х. въ войнѣ съ неизнѣженными еще жителями Кротона. Вслѣдствіе совершенно противоположнаго характера сибаритовъ и зависти, возбуждаемой ихъ превосходствомъ, кротонцы питали къ нимъ такую ненависть, что при взятіи Сибариса перебили всѣхъ жителей, не успѣвшихъ бѣжать, и не только до основанія разрушили самый городъ, но и направили на него русло одной сосѣдней рѣки. Чрезъ шестьдесятъ шесть лѣтъ послѣ разрушенія Сибариса, потомки его бѣжавшихъ гражданъ, при помощи аѳинянъ, основали близь прежняго города новое поселеніе Туріемъ. Этотъ городъ вскорѣ достигъ такого могущества, что рѣшился начать войну съ самимъ Тарентомъ, но впослѣдствіи принужденъ былъ искать помощи у римлянъ, и, такимъ образомъ, подалъ поводъ къ покоренію послѣдними всѣхъ колоній нижней Италіи.

Кротонъ, основанный ахеянами почти въ одно время съ Сибарисомъ, по разрушеніи послѣдняго, сдѣлался могущественнѣйшей греческой колоніей въ нижней Италіи, и всего болѣе прославился тѣмъ, что нигдѣ на западѣ не обращали такого вниманія на простоту и чистоту нравовъ и не заботились такъ о развитіи тѣлесныхъ силъ ежедневными гимнастическими упражненіями. Изъ

этого города былъ Милонъ, знаменитѣйшій атлетъ или борецъ древности.

Жители Кротона, съ развитіемъ своего благосостоянія поддавшіеся сначала подобно сибаритамъ страсти къ роскоши и наслажденіямъ, обязаны, какъ говорятъ, сохраненіемъ простоты своихъ нравовъ и умѣренности знаменитому философу Пиѳагору, уроженцу острова Самоса, жившему въ шестомъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія. Онъ долго пробылъ въ Египтѣ, возбуждавшемъ удивленіе грековъ своею оригинальною цивилизаціею, колоссальными памятниками, правильною, спокойною системою управленія и считавшемся у многихъ источникомъ всякой мудрости. Пиѳагоръ изучилъ египетскія религіозныя таинства, и былъ восхищенъ тѣмъ, что жрецы, какъ единственные ученые, составляли священный орденъ и обладали властью, заставляя служить себѣ невѣжественный народъ. Полный сочувствія къ этому порядку вещей, и проникнутый идеей о строгой нравственной чистотѣ, — Пиѳагоръ напалъ на мысль, что нравственное облагороживаніе гражданъ должно быть цѣлью каждаго государства, и что этой цѣли, также какъ и прочнаго порядка и спокойствія, можно достигнуть только тамъ, гдѣ власть принадлежитъ однимъ добрымъ и мудрымъ, которымъ безсознательно повинуются всѣ остальные. Видя, что на востокѣ, подъ вліяніемъ кастоваго устройства, посвященныя въ мудрость составляли замкнутое сословіе, обладавшее извѣстными преимуществами, содержавшее въ тайнѣ свои религіозныя и политическія идеи и цѣли, и управлявшее народомъ какъ дѣтьми, Пиѳагоръ полагалъ, что подобное учрежденіе въ болѣе чистой и облагороженной формѣ можетъ быть введено и въ греческія государства. Въ Греціи, во многихъ республикахъ, власть находилась въ рукахъ олигархіи, т. е. небольшаго числа гражданъ. Основавъ союзъ или общество мудрости и нравственности, открывъ доступъ въ него только лучшимъ, и стараясь постоянно развивать его членовъ въ умственномъ и моральномъ отношеніи, — можно было, по мнѣнію Пиѳагора, создать

самую лучшую олигархію, потому что, такимъ образомъ, образовался бы кружокъ людей дѣйствительно способныхъ къ управленію.

Съ этою мыслью Пиѳагоръ возвратился изъ Египта и другихъ восточныхъ странъ въ Грецію. На родинѣ своей, Самосѣ, гдѣ тогда правилъ Поликратъ, онъ не могъ ожидать осуществленія своихъ идей. Оттуда онъ отправился въ нижнюю Италію, и въ Кротонѣ былъ не только дружелюбно принятъ, но и нашелъ порядокъ вещей, совершенно приспособленный къ приведенію въ исполненіе его плана. Пиѳагору было тѣмъ легче достичь своей цѣли, что онъ былъ образованнѣйшій, опытнѣйшій человѣкъ своего времени, пользовался извѣстностью, имѣлъ прекрасную наружность, отличался чистотою жизни и краснорѣчіемъ. Его поученія и рѣчи такъ расположили къ нему всѣхъ кротонцевъ и возбудили въ нихъ такой энтузіазмъ, что въ Кротонѣ произошелъ совершенный переворотъ въ нравахъ и учрежденіяхъ, — даже женщины сняли съ себя всѣ украшенія и принесли ихъ въ даръ богинѣ Юнонѣ. Тогда Пиѳагоръ основалъ въ Кротонѣ знаменитое общество пиѳагорейцевъ, которое должно было служить школой для образованія самыхъ мудрыхъ и благородныхъ людей и превосходнѣйшихъ правителей. Каждый, желавшій присоединиться къ нему, подвергался строгому и продолжительному послушничеству для испытанія чистоты его образа мыслей и для приготовленія къ участію въ обществѣ, посредствомъ привычки къ молчанію, повиновенію и точности въ исполненіи своихъ обязанностей. Общество, подобно египетской жреческой кастѣ, имѣло нѣсколько степеней, и переходъ изъ одной въ другую сопровождался символическими обрядами. У пиѳагорейцевъ было введено общинное владѣніе, и вся жизнь опредѣлялась извѣстными предписаніями. Ежедневно они вмѣстѣ обѣдали и занимались учеными разговорами, молитвой, тѣлесными упражненіями и обсуживаніемъ общественныхъ дѣлъ. Ученіе пиѳагорейцевъ раздѣлялось на эзотерическое или тайное и экзотерическое или общедоступное. Первое было извѣстно только членамъ общества, а послѣднее могло быть сообщаемо каждому.

Самъ Пиѳагоръ пользовался у своихъ учениковъ значеніемъ пророка, посланнаго богомъ. Его слова ставились ими выше всего и выраженіе „онъ такъ сказалъ“ — считалось у нихъ самымъ неопровержимымъ доказательствомъ.

Союзъ пиѳагорейцевъ былъ встрѣченъ въ Кротонѣ и въ другихъ греческихъ городахъ нижней Италіи съ величайшимъ сочувствіемъ. Главнымъ его средоточіемъ всегда оставался Кротонъ, но ученіе его распространилось и за предѣлами этого города. Пиѳагорейцы повсюду утверждали, что обладаютъ истинною правительственной мудростью и проповѣдывали народу смиреніе, послушаніе и вѣру. Казалось, что духъ востока воскреснетъ въ Италіи, и что для греческаго міра наступитъ періодъ клерикальнаго владычества и аскетизма. Въ Кротонѣ правительство уже нѣсколько десятковъ лѣтъ находилось въ рукахъ ордена; та же участь грозила и другимъ городамъ, но прирожденный грекамъ политическій инстинктъ вдругъ ниспровергнулъ усилія пиѳагорейцевъ. Тотчасъ послѣ разрушенія Сибариса кротонская чернь возстала противъ ихъ власти и избрала своимъ предводителемъ человѣка, которому прежде было отказано въ принятіи въ орденъ. Нѣкоторые изъ членовъ союза были умерщвлены, остальные изгнаны, и основанное пиѳагорейцами государственное устройство рушилось. Той же участи подвергся орденъ и въ другихъ городахъ. Самъ Пиѳагоръ или былъ убитъ при этомъ переворотѣ, или, что вѣроятнѣе, спасся бѣгствомъ въ Метапонтъ, гдѣ и умеръ ненавидимый гражданами того города, который такъ долго поклонялся ему какъ пророку. Такимъ образомъ, кончилась совершенной неудачей попытка перенести въ Грецію кастовый и клерикальный бытъ, и, наперекоръ духу народа, измѣнить его политическое устройство и нравы по требованіямъ отвлеченной теоріи. Союзъ пиѳагорейцевъ и послѣ смерти своего основателя нѣкоторое время существовалъ въ нижней Италіи въ видѣ тайнаго общества съ извѣстными знаками, по которымъ члены его узнавали другъ друга; но онъ уже не имѣлъ никакого значенія. Напротивъ того, многія чисто научныя идеи Пиѳагора уко-

ренились у грековъ, и долгое время существовала секта приверженцевъ его научной философіи, называвшихъ себя пиѳагорейцами.

Во время владычества пиѳагорейцевъ, жители Кротона, какъ уже сказано, покорили и разрушили городъ Сибарисъ подъ предводительствомъ атлета Милона, также принадлежавшаго къ пиѳагорейскому союзу. Вслѣдствіе этого событія Кротонъ сдѣлался могущественнѣйшимъ городомъ нижней Италіи, и сохранялъ такое значеніе до возвышенія Тарента. Въ Кротонѣ процвѣтали поэзія, пластическія искусства и науки. Этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ средоточій врачебной науки, и кротонскіе врачи долгое время считались лучшими въ Греціи.

Городъ Локры Эпизефирскіе, т. е. западные Локры, основанный греками разныхъ племенъ и государствъ, не принадлежалъ къ числу колоній, прославившихся торговымъ величіемъ и могуществомъ, но за то былъ знаменитъ своимъ оригинальнымъ государственнымъ устройствомъ, замѣчательнымъ потому, что оно было основано на древнѣйшихъ письменныхъ законахъ упоминаемыхъ въ греческой исторіи. Законодателемъ Локровъ былъ Залевкъ, жившій около 660 г. до р. Х., немного спустя послѣ построенія самого города. Потребность въ опредѣленномъ и прочномъ государственномъ устройствѣ рано выразилась въ этомъ городѣ потому, что населеніе его состояло изъ смѣси различныхъ греческихъ племенъ, и, вслѣдствіе того, городъ съ самаго начала сдѣлался жертвою раздоровъ, которыя могли быть окончательно устроены не иначе, какъ ясными законами, опредѣляющими права каждаго. Залевкъ, родившійся, какъ говорятъ, въ нисшемъ сословіи, далъ родному городу учрежденія, гдѣ главное вниманіе было обращено на нравственное развитіе и на поддержаніе чистоты нравовъ. По духу его законодательства, государство должно было служить какъ бы школою для гражданъ, и потому Залевкъ больше заботился о наблюденіи за нравственностью, о религіозности и правосудіи, чѣмъ о правительственныхъ и административныхъ формахъ. Государству

онъ далъ форму аристократической республики. Члены правительства могли быть выбираемы только изъ первыхъ ста фамилій города, а законодательное собраніе состояло изъ тысячи гражданъ. Въ законодательствѣ Залевка особенно замѣчательно то обстоятельство, что онъ, первый изъ грековъ, назначилъ за извѣстныя преступленія опредѣленныя наказанія, тогда какъ до него это было совершенно предоставлено произволу судей. Еще замѣчательнѣе чисто нравственное направленіе большей части его законовъ. За нарушеніе каждаго закона было опредѣлено строгое наказаніе, точно также какъ и за каждое ругательное слово. Употребленіе вина было дозволено не иначе, какъ по предписанію врачей. Ни одна женщина не имѣла права носить золотыхъ украшеній, выходить ночью за городъ, и являться въ публикѣ въ сопровожденіи болѣе чѣмъ одной рабыни. Но прежде всего Залевкъ старался внушить своимъ согражданамъ мысль, забывая которую всякій народъ нравственно развращается и падаетъ, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ. „Не жертвы, говоритъ онъ, не приношенія злыхъ людей примиряютъ боговъ, а чистая жизнь добрыхъ и духъ святости праведныхъ“. Для предупрежденія ненужныхъ измѣненій государственнаго устройства, Залевкъ постановилъ, чтобы община выбирала одного изъ своихъ старѣйшихъ членовъ для того, чтобы, въ случаѣ нужды, объяснять законы, и, при всякомъ требованіи измѣненій или отмѣны закона, являться его защитникомъ. Это должно было происходить въ присутствіи тѣхъ тысячи гражданъ, которые одни имѣли право на участіе въ правленіи. Они выслушивали предложенія людей, требовавшихъ измѣненія въ законѣ. Послѣдніе являлись въ собраніе съ петлей на шеѣ, и если не могли провести своего предложенія, то подвергались смертной казни. О самомъ Залевкѣ разсказываютъ, что онъ принесъ собственную жизнь въ жертву строгости своихъ законовъ. Онъ запретилъ, подъ страхомъ смерти, являться въ народное собраніе вооруженнымъ, и однажды, въ разсѣянности, забылъ соблюсти это правило. Когда ему замѣ-

тили это нарушеніе закона, онъ самъ закололъ себя, сказавъ: „Я не нарушу, а подтвержу законъ.“

Лежавшій въ Мессинскомъ проливѣ городъ Регій, нынѣшній Реджіо, былъ колоніей халкидцевъ, т. е. жителей эвбейскаго города Халкиды, основавшихъ многія поселенія на западномъ прибрежьи Средиземнаго моря. Къ этому первоначальному населенію впослѣдствіи присоединились эмигранты изъ Мессеніи. Этотъ городъ также достигъ высокой степени богатства и силы, благодаря развитію своей морской торговли.

Въ Салернскомъ заливѣ лежалъ городъ Посидонія или Пестъ, колонія Сибариса. Онъ достоинъ вниманія не по своему значенію въ исторіи древняго міра, а по сохранившимся отъ него большимъ развалинамъ, изъ которыхъ чаще всего упоминается и описывается одинъ храмъ.

Неаполь былъ колоніей лежавшаго недалеко отъ него города Кумъ и не игралъ значительной роли. Поэты древнихъ и новыхъ временъ часто называютъ его городомъ Партенопы, по имени одной сирены, которой поклонялись его жители.

Только что названный, городъ Кумы лежалъ къ западу отъ Неаполя и былъ основанъ выходцами изъ городовъ Халкиды и Эретріи. Это самая древняя изъ всѣхъ греческихъ колоній къ западу отъ Греціи. Она достигла значенія важнаго торговаго города, но въ четвертомъ вѣкѣ до р. Х. подпала власти жителей Кампаніи, отъ которыхъ перешла къ римлянамъ. Имя этого города знаменито всего болѣе потому, что тамъ находился оракулъ, провѣщательница котораго, Сивилла, пользовалась большимъ уваженіемъ у коренныхъ жителей средней Италіи. Предсказанія, записанныя въ древности жрецами этого оракула, долгое время хранились въ Римѣ какъ священныя книги.

Изъ колоній, основанныхъ греками на островѣ Сициліи, самыми важными были Сиракузы и Агригентъ, а древнѣйшею Наксосъ, возникшій въ 736 г. до р. Х. Всѣ эти поселенія обязаны своимъ существованіемъ дорянамъ и іонянамъ. Іонійскія колоніи

были всѣ основаны выходцами эвбейскаго города Халкиды, а дорійскія — жителями Мегары, Коринѳа, Родоса и Мессеніи. Благодаря этимъ колоніямъ, Сицилія также стала полу-греческой страной, и тамошнія греческія поселенія достигли такого процвѣтанія, что во владѣніяхъ двухъ наибольшихъ изъ нихъ, Сиракузахъ и Агригентѣ, было больше жителей, чѣмъ теперь во всей Сициліи.

Замѣчательнѣйшими колоніями восточнаго берега Сициліи, начиная съ сѣвера, были: Занкла, Тавроменій, Наксосъ, Катана, Мегара и Сиракузы. З а н к л а, колонія Кумъ и Халкиды, была въ половинѣ седьмаго вѣка до р. Х. неожиданно аттакована и захвачена мессенцами. Прежніе жители большею частію эмигрировали, а завоеватели дали городу новое имя Мессены. Онъ достигъ большаго благосостоянія, впослѣдствіи игралъ роль въ римской исторіи, и существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ Мессины. Т а в р о м е н і й, нынѣшняя Таормина, поселеніе халкидцевъ, былъ значительнымъ торговымъ городомъ, но обязанъ своею знаменитостью не значенію своему въ древности, а величественнымъ развалинамъ его театра, живописное положеніе которыхъ восхваляется путешественниками. Н а к с о с ъ замѣчателенъ только какъ древнѣйшая греческая колонія въ Сициліи.

К а т а н а, нынѣшняя Катанія, была основана халкидцами еще въ первыя времена колонизаціи Сициліи и сдѣлалась знаменитою преимущественно своимъ законодательствомъ, которое впослѣдствіи было принято всѣми халкидскими поселеніями въ Сициліи и нижней Италіи, также Туріемъ и нѣкоторыми другими городами. Творцомъ этихъ учрежденій былъ нѣкто Х а р о н д ъ, уроженецъ Катаны. Время жизни его не извѣстно съ точностью, но, по всему вѣроятію, онъ былъ современникомъ Залевка. Его законы совершенно сходны съ постановленіями локрскаго законодателя: подобно послѣднимъ, они имѣли въ виду преимущественно нравственную цѣль, и дошедшія до насъ отрывочныя узаконенія Харонда опредѣляютъ за любовь къ роскоши, трусость, лож-

ные доносы и другіе безнравственные поступки такія же строгія наказанія, какъ и законы Залевка.

О Мегарѣ, прозванной Гиблой, колоніи мегарянъ, нельзя сказать ничего достойнаго замѣчанія. Но тѣмъ важнѣе Сиракузы, бывшіе въ древности настоящей столицей Сициліи. Они были колоніей коринѳянъ, и, по времени своего основанія, занимаютъ второе мѣсто въ ряду греческихъ поселеній въ Сициліи, потому что были основаны въ 735 году, то есть черезъ годъ послѣ Наксоса. Сиракузы были построены на самомъ лучшемъ мѣстѣ всего восточнаго берега и имѣли двѣ превосходныя гавани, раздѣленныя другъ отъ друга маленькимъ островкомъ Ортиріей. Сначала городъ былъ заложенъ только на этомъ островѣ; но вскорѣ перешелъ и на твердую землю, и постепенно достигъ такихъ размѣровъ, что былъ наконецъ раздѣленъ на четыре главныя части или города. Первоначальное его населеніе составляли дорійскіе выходцы изъ Коринѳа и покоренные туземцы, обращенные въ крѣпостное состояніе и обработывавшіе поля побѣдителей. Вслѣдствіе очень важнаго въ торговомъ отношеніи положенія города, населеніе его вскорѣ увеличилось выходцами изъ различныхъ частей Греціи, составившими третій классъ жителей. Они пользовались личною свободою, но не принимали никакого участія въ управленіи, находившемся въ рукахъ однѣхъ только древнѣйшихъ дорійскихъ фамилій. Въ этой разнородности населенія заключался зародышъ частыхъ внутреннихъ смутъ, волновавшихъ Сиракузы, также какъ и другія Сицилійскія колоніи. Нужно еще прибавить, что исключительное господство немногихъ семействъ, введенное въ большей части дорійскихъ колоній, могло поддерживаться только тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Спартѣ и на островѣ Критѣ, эти господствующія фамиліи обращали главное вниманіе на военныя упражненія, и, такимъ образомъ, имѣли возможность защищаться и отъ внѣшнихъ враговъ и отъ недовольныхъ согражданъ. Въ Сиракузахъ этого не было. Напротивъ того, господствующія фамиліи занимались тамъ торговлей, и, достигнувъ большаго богатства,

привыкали къ наслажденіямъ и комфорту. Потому онѣ брали въ свою службу наемныя войска, содержать которыя могли легко, благодаря своему громадному богатству; но этой мѣрой правители Сиракузъ вызвали новую опасность. Грубые наемники часто приходили къ сознанію, что государство держится ими, и любимый начальникъ, при ихъ содѣйствіи, могъ легко овладѣвать властью. Другіе греческіе города Сициліи, также имѣвшіе разнородное населеніе, старались оградить себя отъ всѣхъ этихъ опасностей тѣмъ, что посредствомъ конституцій въ настоящемъ смыслѣ этого слова и подробнаго законодательства учреждали у себя управленіе сообразное съ существовавшимъ порядкомъ вещей и тщательно опредѣляли права гражданъ. Но въ Сиракузахъ къ этому средству прибѣгли только въ концѣ пятаго вѣка до р. X., потому что тамошнимъ олигархамъ непріятно было разставаться съ дорійской системою управленія. До тѣхъ поръ они не хотѣли вводить преобразованій въ государственное устройство, и, при внутреннихъ безпокойствахъ, употребляли мѣры, которыя могли ихъ ограждать лишь на короткое время.

Этотъ порядокъ вещей объясняетъ собою исторію Сиракузъ въ первые триста лѣтъ ихъ существованія. Только въ концѣ этого періода были уничтожены привилегіи дорійской аристократіи и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось все направленіе сиракузской исторіи. Главнымъ средствомъ, которымъ долгое время пользовалось господствующее сословіе для избѣжанія опасностей, было основаніе новыхъ колоній. Эта мѣра отъ времени до времени освобождала аристократію отъ недовольныхъ, и, въ тоже время, служила къ распространенію торговли и могущества города. Въ 484 г. до р. X. аристократія была побѣждена всеобщимъ возстаніемъ остальныхъ гражданъ и крѣпостныхъ людей и изгнана изъ Сиракузъ. Она обратилась тогда съ просьбой о помощи къ Гелону, правителю города Гелы, и при его содѣйствіи снова овладѣла Сиракузами, но, въ тоже время, должна была признать его своимъ повелителемъ.

Гелонъ перенесъ свою резиденцію въ Сиракузы и царствовалъ тамъ съ 484 по 477 годъ. Онъ уничтожилъ привилегіи аристократіи; подъ его твердымъ, но кроткимъ управленіемъ городъ достигъ высшей точки своего могущества и богатства. Гелонъ умѣлъ устранить всѣ внутреннія смуты, подчинилъ себѣ большую часть Сициліи, содержалъ большое и прекрасное войско, усилилъ сиракузскій флотъ, и посредствомъ его обеспечилъ вновь развившуюся торговлю города. Онъ отличался также талантами полководца, и въ сраженіи при Гимерѣ, продолжавшемся съ ранняго утра до поздняго вечера, разбилъ многочисленную армію карѳагенянъ, старавшихся утвердиться на островѣ. Сраженіе это происходило почти въ одно время съ блистательной побѣдой, которую соотечественники Гелона въ собственной Греціи одержали надъ персидскимъ флотомъ при Саламинѣ (480 до р. X.).

Могущество и значеніе Гелона до того увеличились, что, казалось, всѣ греки въ Сициліи будутъ соединены въ одно государство. Но Гелонъ умеръ слишкомъ рано; а правленіе брата и преемника его Гіерона (477—467 до р. X.) отличалось блескомъ и покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, но не было проникнуто стремленіемъ къ великой цѣли, и не могло быть названо искуснымъ. Его преемникъ и младшій братъ Трасибулъ ознаменовалъ свое правленіе только высокомѣріемъ и насиліемъ, и черезъ годъ былъ изгнанъ изъ Сиракузъ. Аристократія не успѣла однако ни тогда, ни впослѣдствіи, возвратить себѣ прежнія привилегіи. Въ Сиракузахъ была введена чистая демократія, т. е. народное правленіе. Впослѣдствіи городъ неразъ подвергался сильнымъ потрясеніямъ и испытывалъ превратности судьбы. Но событія эти тѣсно связаны съ общей исторіей Греціи послѣдующихъ періодовъ, и не могутъ быть изложены здѣсь отдѣльно.

На южномъ берегу Сициліи важнѣйшими греческими поселеніями были Гела, Агригентъ и Селинунтъ. Гела, колонія Родоса, была основана въ 690 г. до р. X., и вскорѣ достигла большаго благосостоянія. Но около 500 года одинъ изъ ея гражданъ

овладѣлъ правленіемъ, и второй его преемникъ, Гелонъ, нетолько перенесъ свою резиденцію въ Сиракузы, но и перевелъ туда половину населенія Гелы. Вслѣдствіе этого, городъ навсегда потерялъ свое значеніе.

Агригентъ, нынѣшній Джирдженти, основанный выходцами изъ Гелы, былъ важнѣйшимъ городомъ Сициліи послѣ Сиракузъ. Онъ находился въ одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей острова, и пріобрѣлъ несмѣтныя богатства, производя хлѣбъ, вино и оливковое масло, которыми велъ торговлю съ Африкою. Городъ, благодаря этой торговой дѣятельности, такъ разросся, что имѣлъ двѣ нѣмецкихъ мили въ окружности, до двухсотъ тысячъ жителей, и въ томъ числѣ сто восемьдесятъ тысячъ состояли изъ неполноправныхъ поселенцевъ, иностранцевъ и рабовъ. Благосостояніе гражданъ было такъ велико, что нѣкоторые по своему необыкновенному богатству и роскоши пользовались извѣстностью, даже послѣ своей смерти. Агригентъ отличался также великолѣпными и громадными зданіями; многочисленныя и величественныя развалины этого города до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ. Величайшимъ зданіемъ Агригента былъ храмъ Юпитера, въ триста сорокъ футовъ длины и съ такими колоссальными колоннами, что въ продольные желобки одной еще сохранившейся полуколонны можетъ помѣститься человѣкъ, а окружность этой колонны равняется кругу изъ двадцати двухъ человѣкъ, стоящихъ одинъ подлѣ другаго.

Правительственныя формы и государственная жизнь въ Агригентѣ сложились также какъ въ Сиракузахъ, потому ходъ внутренней его исторіи имѣетъ много сходства съ внутренней исторіей Сиракузъ. Городъ, еще въ первое время своего существованія (560 до р. Х.), подпалъ подъ власть одного изъ своихъ гражданъ, провозгласившаго себя тиранномъ. Этотъ человѣкъ, исторія котораго не вполнѣ извѣстна, назывался Фаларидомъ и прославился жестокостью. Изъ орудій мученія, употреблявшихся имъ для наказанія заговорщиковъ и подозрительныхъ людей, всего

чаще упоминается бронзовый быкъ, въ пустую внутренность котораго запирали осужденныхъ на смерть, и, разведя подъ быкомъ огонь, сжигали несчастнаго. Художникъ Периллъ устроилъ внутренность этого быка такъ, что смертный крикъ запертаго тамъ преступника походилъ на ревъ живаго быка. Фаларидъ былъ, говорятъ, очень обрадованъ этимъ изобрѣтеніемъ; но, для опыта, приказалъ сжечь въ быкѣ самого художника. Разсказываютъ, что тираннъ былъ наконецъ низвергнутъ всеобщимъ возстаніемъ агригентцевъ, которые закидали его каменьями.

Чрезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ Фаларида, въ Агригентѣ явился правитель совершенно другихъ свойствъ, Теронъ, избранный, вѣроятно, самими гражданами и отличавшійся такою кротостью и любовью къ справедливости, что, еще долгое время послѣ его смерти, ему поклонялись въ особомъ храмѣ, какъ одному изъ величайшихъ благодѣтелей Агригента. Онъ былъ тестемъ Гелона сиракузскаго и принималъ участіе въ его блистательной побѣдѣ при Гимерѣ. Его сынъ наслѣдовалъ ему во власти; но деспотическое правленіе его заставило гражданъ изгнать его. Послѣ того въ Агригентѣ была установлена республика, новая конституція для которой была, какъ говорятъ, составлена агригентскимъ философомъ Эмпедокломъ, отказавшимся отъ предложеннаго ему гражданами царскаго достоинства. Въ послѣдующія времена въ Агригентѣ еще нѣсколько разъ утверждалось единовластіе. Однажды городъ былъ почти совершенно разрушенъ карѳагенянами (406 до р. Х.), и впослѣдствіи много потерпѣлъ во время войнъ ихъ съ римлянами, но всегда успѣвалъ поправляться послѣ этихъ бѣдствій.

Селинунтъ, основанный въ 627 году до р. Х. выходцами изъ Мегары-Гиблы, былъ замѣчателенъ по своему богатству и прекраснымъ зданіямъ, хотя его и нельзя сравнивать съ Агригентомъ и Сиракузами. О великолѣпіи этого города до сихъ поръ еще свидѣтельствуютъ громадныя развалины, покрывающія мѣсто, гдѣ стоялъ древній Селинунтъ.

На сѣверномъ берегу Сициліи замѣчательны только два города Сегеста и Гимера. Оба они были основаны халкидскими выходцами изъ города Занклы, хотя преданіе относитъ основаніе Сегеста къ временамъ разрушенія Трои и приписываетъ его толпѣ троянскихъ бѣглецовъ. Оба города имѣли немаловажное значеніе. Гимера знаменита въ особенности блистательною побѣдою, одержанною сицилійскими греками, подъ стѣнами ея, надъ карѳагенянами въ 480 г. до р. Х. Въ отмщеніе за это, въ 409 году городъ былъ совершенно разрушенъ карѳагенянами, и жители его перерѣзаны, или обращены въ рабство.

13. Греки имѣли также колоніи на островахъ Сардиніи и Корсикѣ, во Франціи и въ Испаніи. Сардинскія и корсиканскія поселенія были незначительны. Напротивъ того, основанная въ южной Франціи, при устьи Роны, Массилія или Массалія, нынѣшняя Марсель, сдѣлалась важнѣйшей колоніей грековъ на западѣ. Она была поселеніемъ іонійскаго города Фокеи, и время ея основанія относятъ къ 600 году до р. Х. Чрезъ нѣсколько поколѣній, къ населенію ея присоединились свободолюбивые граждане Фокеи, не захотѣвшіе покориться персамъ, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ колонизаціонныхъ попытокъ, прибывшіе къ своимъ землякамъ въ Массилію. Жители Массиліи превратили сухую и скалистую почву Прованса въ масличные сады и виноградники, произведенія которыхъ сдѣлались главными предметами ихъ торговли. Они распространились по всему прибрежью южной Фраціи и торговали почти исключительно съ Испаніей, гдѣ, также какъ и во Франціи, основали нѣсколько колоній. Продолжительная и кровопролитная война, вспыхнувшая въ третьемъ вѣкѣ между римлянами и карѳагенянами, принесла городу Массиліи большія выгоды, потому что римляне всѣми средствами помогали массильцамъ, чтобы только повредить Карѳагену. Массильцы были тогда вытѣснены карѳагенянами изъ Испаніи; но за то ихъ торговля распространилась на всю сѣверную и среднюю Италію. Когда наконецъ Карѳагенъ палъ въ борбѣ съ Римомъ, массильцы

наслѣдовали всю его морскую торговлю, притомъ не имѣя нужды держать вооруженную силу, всегда столь опасную для торговыхъ государствъ. Послѣ того, Массилія продолжала возвышаться все больше и больше и, около р. X., пріобрѣла еще особенное значеніе, сдѣлавшись однимъ изъ средоточій греческой науки, такъ сказать, мѣстомъ одного изъ наиболѣе посѣщаемыхъ римскою молодежью университетовъ; и по р. X. стала она въ ученомъ отношеніи еще важнѣе, чѣмъ въ торговомъ. Римляне поступали съ нею какъ съ независимымъ городомъ, и до разрушенія Римской имперіи она оставалась свободною и цвѣтущею.

Кромѣ того Массилія отличалась своимъ превосходнымъ государственнымъ устройствомъ и особеннымъ духомъ своихъ гражданъ. Ея правительственныя учрежденія считались одними изъ лучшихъ въ древнемъ мірѣ. Сначала въ Массиліи, какъ и въ большей части іонійскихъ колоній, была установлена демократія или народное правленіе. Но вскорѣ эта государственная форма была замѣнена другою, которая хотя имѣла аристократическій характеръ, но не отдавала все управленіе въ руки патриціевъ, какъ это бывало обыкновенно въ вольныхъ городахъ. Въ Массиліи управленіе государствомъ находилось въ рукахъ небольшаго числа гражданъ, имѣвшихъ нѣкоторыя преимущества, но оно не передавалось изъ рода въ родъ по наслѣдству, и не было исключительнымъ правомъ нѣсколькихъ фамилій. Шестьсотъ выборныхъ гражданъ, женатыхъ, имѣвшихъ дѣтей и, по крайней мѣрѣ, прадѣдъ которыхъ уже былъ массильскимъ гражданиномъ, — составляли большой совѣтъ, а пятнадцать человѣкъ, избранные изъ среды ихъ, составляли малый совѣтъ, на попеченіи котораго лежали всѣ текущія дѣла. Изъ членовъ малаго совѣта выбиралось трое, которыхъ можно сравнить съ бургомистрами свободныхъ городовъ Германіи. Такимъ образомъ, вся правительственная власть находилась въ рукахъ гражданъ, хорошо знакомыхъ съ духомъ и нравами роднаго города, и бывшихъ, по мнѣнію своихъ соотечественниковъ, самыми способными къ управленію. Избраніемъ ихъ на всю жизнь госу-

дарство предохранялось отъ потрясеній и отъ неудобствъ частой перемѣны должностныхъ лицъ; а такъ какъ ихъ права не были наслѣдственными и не ограничивались какими нибудь немногими фамиліями, — то ни одинъ способный гражданинъ не былъ исключенъ изъ участія въ управленіи. Вводя у себя эти учрежденія, массильцы сохранили впрочемъ свои древніе, перенесенные изъ Малой Азіи, законы; потому что опытъ доказалъ ихъ превосходство. Эти законы были записаны и выставлены публично, чтобы граждане знали свои права и чтобы предотвращался всякій произволъ властей.

Древняя Массилія имѣла большое сходство съ Женевой XVI и XVII вѣковъ. Подобно ей, Массилія отличалась умѣренностью, домовитостью, бережливостью и общественнымъ порядкомъ. Въ обоихъ городахъ торговля сначала не давала большихъ выгодъ и потому только бережливость могла довести гражданъ до благосостоянія. Притомъ же, Массилія была долгое время окружена грубыми воинственными племенами, у которыхъ приходилось оспаривать съ боя каждый шагъ земли. Неблагодарная ея почва только черезъ настойчивый трудъ могла сдѣлаться источникомъ богатства. Это повело къ тому, что въ Массиліи домовитость, прилежаніе и умѣренность не только стали господствующими качествами, но и вызвали со стороны правительства мѣры, имѣвшія цѣлью поддержать эти добродѣтели между гражданами. Въ Массиліи, какъ и въ Женевѣ, существовали законы противъ роскоши. Женщины были ограничены въ своей страсти къ нарядамъ; онѣ и несовершеннолѣтніе мущины не могли пить вино; на театрахъ запрещены были всѣ представленія вредныя для нравственности. Также какъ и Женевѣ, въ Массиліи не терпѣли иностранцевъ, старавшихся личиною благочестія расположить къ себѣ простодушныхъ гражданъ, чтобы жить въ праздности на счетъ ихъ прилежанія. Вообще массильцы были очень осторожны относительно иностранцевъ. Такъ, вѣроятно вслѣдствіе сосѣдства грубыхъ галльскихъ племенъ, было предписано, чтобы каждый при входѣ въ городъ снималъ съ себя ору-

жіе, возвращавшееся ему только при выходѣ. Наконецъ, Массилія походила на Женеву еще и въ томъ отношеніи, что граждане ея любили науки, и основали одно изъ превосходнѣйшихъ учебныхъ заведеній.

Большая часть испанскихъ колоній была основана массильцами. Однако самая знаменитая и единственная достойная вниманія греческая колонія въ Испаніи обязана своимъ основаніемъ не имъ, а жителямъ острова Закинта или Занте. Это былъ Сагунтъ, нынѣшній Мурвіедро къ сѣверу отъ Валенсіи. Городъ этотъ также достигъ торговлею большаго благосостоянія и значенія, но прославился всего болѣе своею геройскою погибелью (219 до р. Х.), которая послужила поводомъ ко второй войнѣ между Римомъ и Карѳагеномъ, и будетъ разсказана въ римской исторіи.

На предшествовавшихъ страницахъ перечислены важнѣйшія греческія колоніи и важнѣйшіе моменты ихъ первоначальной исторіи. Отношенія этихъ поселеній къ метрополіямъ имѣли совершенно другой характеръ, чѣмъ отношенія колоній новѣйшей Европы. Послѣднія составляютъ часть основавшаго ихъ государства и управляются его правителями. Колоніи древнихъ грековъ, напротивъ того, съ самаго начала дѣлались самостоятельными государствами. Мы видимъ только одно отступленіе отъ этого правила въ Потидеѣ, гдѣ главный правитель былъ всегда гражданиномъ метрополіи и избирался послѣднею. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ греческомъ мірѣ всегда существовали тѣ естественно возникающія отношенія, вслѣдствіе которыхъ колоніи смотрѣли на свои метрополіи иначе, чѣмъ на остальныя государства и оказывали имъ особенное уваженіе. Греческій городъ или государство считались какъ бы однимъ семействомъ. Поэтому въ пританеѣ или думѣ каждаго города находился жертвенникъ богини Весты, покровительницы семействъ, на которомъ поддерживался вѣчный огонь, какъ символическое изображеніе общаго очага всѣхъ гражданъ. Колонія была какъ бы дочь этой семьи, вступившая въ бракъ съ дру-

гою страною или сдѣлавшаяся независимою. Въ своихъ желаніяхъ и поступкахъ она уже не зависѣла отъ матери, но оставалась ея дочерью, и должна была всегда показывать ей уваженіе и благодарность. Это отношеніе выражалось символически тѣмъ, что при основаніи колоніи переселенцы брали съ собой огонь изъ пританея метрополіи и зажигали имъ огонь въ пританеѣ молодаго поселенія. Такимъ образомъ, обязанности переселенцевъ къ метрополіи имѣли чисто человѣческій характеръ и нисколько не стѣсняли самостоятельности колоніи. Въ общихъ дѣлахъ колонія уступала первое мѣсто родному городу и по днямъ важнѣйшихъ торжествъ метрополіи отправляла туда пословъ, обращалась съ ея послами почтительнѣе, чѣмъ съ послами другихъ государствъ, и считала незаконнымъ вести съ нею войну безъ самой крайней необходимости.

3. Греки этого періода вообще.

Вслѣдствіе переселеній ѳессалійцевъ, беотійцевъ и въ особенности дорянъ или такъ называемаго возвращенія гераклидовъ, почти всѣ царства героическаго періода были уничтожены и замѣнены новыми государствами, большая часть которыхъ продолжала существовать во все дальнѣйшее время греческой исторіи. Въ эту эпоху полнаго преобразованія общественныхъ отношеній въ Греціи возникло также впервые общее имя для всей греческой націи, и явилось обыкновеніе дѣлить всѣхъ грековъ на четыре племени, производя ихъ, какъ родственныя части одного народа, отъ сыновей и внуковъ Девкаліона.

Имя эллены, вошедшее тогда въ употребленіе для означенія всей массы греческихъ племенъ, во время героическаго періода принадлежало нѣкоторымъ немногочисленнымъ племенемъ Ѳессаліи. Въ противоположность этому общему имени всей греческой націи явилось другое имя — варвары, которымъ Греки называли всѣ остальные народы земнаго шара. Происхожденіе и настоящій смыслъ этого слова до сихъ поръ еще не изслѣдованы съ достовѣрностью.

Первоначально, это имя давалось греками народамъ не одного съ ними происхожденіе и значило только не-эллены. Но впослѣдствіи, когда греки въ умственномъ и политическомъ развитіи далеко опередили другіе народы, они, сознавая свое превосходство, связали съ словомъ „варвары" дополнительное понятіе чего то несвободнаго, неблагороднаго и необразованнаго. Наконецъ, когда Грецiя утратила свою самостоятельность, а цивилизація и могущество перешли къ римлянамъ, слово варвары стало названіемъ всѣхъ народовъ, лишенныхъ греческаго и римскаго образованія. Позднѣе, христіанскіе народы вмѣстѣ съ образованіемъ греко-римскаго міра переняли и это слово, которое теперь, на языкахъ всѣхъ народовъ, достигшихъ высшей цивилизаціи, выражаетъ идею умственной и нравственной грубости.

Греческая нація дѣлилась на четыре племени: дорянъ, іонянъ, ахеянъ и эолянъ. Д о р я н ъ было всего больше въ Пелопоннесѣ, гдѣ они владѣли всѣми землями, кромѣ Аркадіи, Ахаіи и Элиды. За предѣлами полуострова, дорійское населеніе утвердилось только въ Доридѣ и въ Мегарѣ. Этому же племени принадлежала значительная часть греческихъ колоній какъ на востокѣ, такъ на западѣ и на югѣ отъ метрополіи. І о н я н а м и были, изъ всѣхъ племенъ греческой твердой земли, одни только жители Аттики. Но іонійское населеніе было распространено на Эвбеѣ и другихъ островахъ Архипелага. Наконецъ, третью часть этого племени составляли іонійскія колоніи на востокѣ и западѣ. Іоняне, поселившіеся въ Малой Азіи, преимущественно передъ другими назывались этимъ именемъ. Вслѣдствіе того слово іоняне пріобрѣло двойной смыслъ, и означало иногда цѣлое племя, а иногда только извѣстную его часть. Въ ежедневномъ языкѣ греки употребляли это слово только въ послѣднемъ смыслѣ, потому что изъ всѣхъ частей іонійскаго племени только мало-азійскіе іоняне составляли замкнутое цѣлое, и потому еще, что единственное іонійское государство греческой твердой земли, Аѳины, стало такъ могущественно, что могло одно

оспоривать преобладаніе у всѣхъ дорянъ и потому противоположностью дорянамъ считались собственно одни аѳиняне.

Доряне и іоняне были важнѣйшими племенами греческой націи. Причина этого заключается въ великомъ значеніи двухъ главныхъ городовъ этихъ племенъ — Спарты и Аѳинъ. До временъ Александра Великаго, почти вся греческая исторія вращается вокругъ этихъ городовъ, какъ около всеобщаго центра. Изъ остальныхъ двухъ племенъ, ахейское, игравшее главную роль въ героическомъ періодѣ, въ позднѣйшее время стало самымъ незначительнымъ. Только въ концѣ греческой исторіи, оно снова пріобрѣтаетъ важность, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ о немъ едва упоминается. Къ этому племени принадлежала большая часть подвластныхъ ѳессалійцамъ жителей Ѳессаліи и народовъ, покоренныхъ дорійцами въ Пелопоннесѣ. И тѣ и другіе никогда не возвращали своей независимости, и единственной самостоятельною частью ахейскаго племени было только населеніе Ахаіи. Кромѣ того, существовали еще ахейскія колоніи въ Малой Азіи, въ нижней Италіи и Сициліи; но первыя вскорѣ слились съ мало-азійскими эолянами, а прочія оставались разобщенными, и потому не доставили своему племени никакого прочнаго значенія.

Къ эолійскому племени принадлежатъ элійцы и, за исключеніемъ Аттики, Дориды и Мегары, большая часть жителей греческой метрополіи, кромѣ Пелопоннеса, также эолійскіе поселенцы въ Малой Азіи. Важнѣйшимъ народомъ этого племени были беотійцы, стоявшіе въ позднѣйшее время, впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, въ главѣ всей греческой націи. Не смотря на далекое распространеніе эолійцевъ, они не пріобрѣтали значенія какъ особое племя, никогда не составляли одного цѣлаго, и отчасти утратили даже свой племенной характеръ. Бытъ эолійцевъ въ Элидѣ и Беотіи былъ сходенъ съ бытомъ дорійскихъ племенъ; а въ Малой Азіи они, частью, усвоили себѣ характеръ тамошнихъ іонянъ. — Только одинъ народъ во всей Греціи не причисляется ни къ которому изъ этихъ четырехъ племенъ. Это аркадяне —

остатокъ древнѣйшаго населенія Греціи, неизмѣнявшаго своего первобытнаго мѣста жительства, и избѣжавшаго смѣшенія съ другими племенами. Бытъ аркадянъ съ теченіемъ времени сталъ весьма похожъ на бытъ дорійскихъ племенъ, которыми они были окружены почти со всѣхъ сторонъ.—

Въ періодъ своего процвѣтанія греки метрополіи и колоній составляли далеко распространившуюся націю, общую численность которой доводятъ до двадцати милліоновъ. Но нація эта никогда не была соединена въ одно государство, а постоянно раздѣлялась на множество независимыхъ племенъ. Ни одно изъ этихъ племенъ не составляло державы значительной по своему пространству, напротивъ того, многія изъ нихъ занимали территорію не больше республики Санъ-Марино, самаго небольшаго изъ государствъ Европы. Отличительными, прирожденными качествами всей націи были: мужество, сила, разсудительность и, наконецъ, поэтическій и художественный инстинктъ. У нѣкоторыхъ племенъ и народовъ Греціи мы видимъ преобладаніе одного или нѣсколькихъ изъ этихъ качествъ; — у другихъ они были развиты всѣ. Поэтому однимъ изъ характеристическихъ свойствъ греческой націи является чрезвычайное разнообразіе быта и цивилизаціи. У дорянъ, напримѣръ, особенно у спартанцевъ и критянъ, господствовали энергія и сила. Беотійцы отличались грубостью и суровостью. У аѳинянъ и у остальныхъ іонійскихъ грековъ преобладалъ элементъ нѣжности и подвижности.

Отъ греческихъ племенъ произошли разнаго рода смѣшенія, а знакомство съ различными народами, доставленное имъ торговлей и колоніями, вызвало у нихъ могущественное умственное движеніе. Наконецъ, они жили подъ яснымъ и привѣтливымъ небомъ и занимали самыя богатыя и прекрасныя страны умѣреннаго пояса. Народы Греціи не знали недостатка и положительной бѣдности. Когда подобная опасность грозила имъ, часть гражданъ выселялась, и основывала на берегу какой нибудь другой земли новое государство, гдѣ было легче добывать средства къ жизни.

Внѣшнія занятія, на которыя обращена была дѣятельность націи, были также весьма разнообразны и, въ свою очередь, вызывали различіе нравовъ и учрежденій. Главными занятіями грековъ были: земледѣліе, скотоводство, торговля, мореплаваніе, рыбная ловля и разнаго рода ремесла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе занималось только одною изъ этихъ отраслей промышленности, а въ другихъ нѣсколькими. Но, не смотря на большое различіе въ родѣ дѣятельности и степени развитія отдѣльныхъ частей націи, каждая изъ нихъ сохраняла характеристическія свойства греческаго племени. Такъ, напримѣръ, мы видимъ у всѣхъ греческихъ народовъ поэтическій и художественный инстиктъ, стремленіе къ наслажденіямъ и торжествамъ, и приспособленное къ этому богослуженіе.

Итакъ, хотя и раздѣленные на множество незначительныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, государствъ, греки все таки составляли одну націю. Причина этого заключалась въ сходствѣ основнаго характера ихъ цивилизаціи, образа мыслей и нравовъ, въ общемъ языкѣ, религіи и, наконецъ, въ общихъ историческихъ воспоминаніяхъ. Такимъ образомъ, между отдѣльными греческими государствами была внутренняя связь, соединявшая ихъ. Слѣдовательно, чтобы объяснить себѣ развитіе и сохраненіе греческой независимости, нѣтъ надобности пріискивать какія нибудь внѣшнія и видимыя причины, и видѣть ихъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, въ извѣстныхъ періодическихъ національныхъ торжествахъ, изъ которыхъ важнѣйшими и знаменитѣйшими были олимпійскія игры, и въ такъ называемыхъ амфиктіоніяхъ или храмовыхъ собраніяхъ разныхъ греческихъ государствъ. Послѣднія, въ теченіе своего долгаго существованія, имѣли для цѣлой Греціи лишь второстепенное значеніе. Что же касается первыхъ, то возбужденіе національнаго духа вовсе не было ихъ настоящей и первоначальной цѣлью. Напротивъ, этотъ національный духъ и придалъ имъ важность, и только тогда ихъ вліяніе отразилось на немъ.

У древнихъ грековъ были постоянные союзы отдѣльныхъ го-

сударствъ, имѣвшіе цѣлью взаимную защиту и совѣщательныя собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ. Почти тоже самое мы видимъ и у новѣйшихъ народовъ. Такого рода союзомъ былъ, напримѣръ, союзъ іонійскихъ колоній. Собранія или сходки союзниковъ происходили обыкновенно вблизи какого нибудь храма, и были связаны съ общимъ религіознымъ торжествомъ. Совершенно иной характеръ имѣли другія соединенія греческихъ государствъ, называвшіяся амфиктіоніями. Въ новѣйшей Европѣ уже нельзя подобрать ничего похожаго на нихъ. Цѣль подобнаго рода союзовъ, которыхъ въ Греціи было нѣсколько, заключалась уже не во взаимной защитѣ отъ общаго врага и не въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся общаго внутренняго управленія, но въ общемъ праздновании нѣкоторыхъ религіозныхъ торжествъ, въ поддержаніи и защитѣ того или другаго храма и, наконецъ, въ предотвращеніи слишкомъ большой жестокости въ войнахъ между государствами союза. Слѣдовательно, это были просто храмовыя собранія, имѣвшія не политическую, а религіозную цѣль, хотя конечно сильные члены союза иногда пользовались ими, какъ орудіями своей политики. Особенную важность получили они еще и потому, что союзные храмы, вслѣдствіе своей особой святости и покровительства, которымъ они пользовались, служили въ тоже время банками или хранилищами сокровищъ. Наконецъ, храмовые праздники привлекали и торговый міръ, потому были обыкновенно соединены съ большими ярмарками.

Преданіе, которое любитъ все олицетворять, производитъ слово „амфиктіонія“ (названіе этихъ храмовыхъ собраній), отъ Амфиктіона, мнимаго сына Девкаліона, являющагося въ легендахъ основателемъ важнѣйшей изъ всѣхъ существовавшихъ у грековъ амфиктіоній. Въ дѣйствительности, слово это означаетъ собраніе живущихъ въ окрестностяхъ, т. е. собраніе племенъ, поселившихся вокругъ общаго храма. Одна изъ знаменитѣйшихъ амфиктіоній сходилась на островѣ Делосѣ. Тамъ, въ извѣстные дни, собирались жители двѣнадцати другихъ острововъ для общаго поклоненія

богу Аполлону. Делосъ сталъ вслѣдствіе этого средоточіемъ обширныхъ торговыхъ оборотовъ, важность которыхъ съ ходомъ времени постоянно возрастала. Но знаменитѣйшей изъ всѣхъ амфиктіоній была дельфійская, которую часто просто называютъ союзомъ амфиктіоновъ. Она была основана еще въ глубокой древности и состояла изъ двѣнадцати греческихъ племенъ. Собранія ея происходили два раза въ годъ — весною и осенью. Мѣстомъ этихъ собраній были, поочередно, Дельфы и лежащій недалеко отъ Термопилъ храмъ Діаны. Охраненіе храма Аполлона въ Дельфахъ было главною цѣлью союза амфиктіоновъ. Союзный совѣтъ, состоявшій изъ депутатовъ отдѣльныхъ государствъ, долженъ былъ наблюдать за неприкосновенностью его святынь и сокровищъ, и распоряжаться ходомъ празднествъ. Клятва, которую должны были приносить депутаты, всего лучше показываетъ дѣйствительную и конечную цѣль дельфійской амфиктіоніи. Именемъ своихъ государствъ они клялись всѣми силами защищать храмъ Аполлона въ Дельфахъ, и, въ случаѣ войны съ городомъ, принадлежащимъ къ союзу, никогда не разрушать его до основанія и не отводить отъ него воду.

Храмъ Аполлона и принадлежавшій къ нему дельфійскій оракулъ имѣютъ большое значеніе въ исторіи Греціи. Храмъ этотъ считался важнѣйшимъ въ цѣлой Греціи и былъ общей святыней всей націи. Его оракулъ пользовался у всѣхъ грековъ величайшимъ уваженіемъ. Такого значенія дельфійскій оракулъ достигъ вслѣдствіе того, что правители греческихъ государствъ въ важныхъ случаяхъ пользовались имъ, чтобы легче достигнуть той или другой цѣли. Блистательнѣйшимъ временемъ этого оракула была эпоха между переселеніемъ гераклидовъ и персидскими войнами. Особенную важность дельфійскому храму дало разселеніе дорійскаго племени по всему полуострову Греціи. Дорійскіе народы считали храмъ Аполлона въ Дельфахъ общей святыней цѣлаго племени, и съ отдаленнѣйшихъ временъ обращались къ его оракулу чаще, чѣмъ остальные греки. При составленіи оракульскихъ изреченій, дель-

фійскіе жрецы руководствовались, большею частью, желаніями правителей тѣхъ самыхъ государствъ, которыя обращались къ оракулу. Они облекали свои отвѣты въ загадочную форму, позволявшую имъ прибѣгать къ уловкамъ и удовлетворять желаніямъ спрашивавшихъ. Такимъ образомъ, правители имѣли возможность толковать мнимый голосъ божества сообразно своимъ личнымъ политическимъ цѣлямъ, достиженіе которыхъ облегчалось тѣмъ, что народъ смотрѣлъ на оракула какъ на божество. Національное значеніе оракула было такъ велико, что частныя лица не прибѣгали къ нему для рѣшенія своихъ домашнихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что жертвоприношенія и приношенія богу стоили большихъ суммъ.

Храмъ Аполлона находился внѣ городской черты Дельфовъ, вблизи Кастальскаго источника, водѣ котораго приписывали свойство возбуждать поэтическое вдохновеніе. Въ оракульскихъ церемоніяхъ этого храма важную роль играло узкое и глубокое отверстіе, изъ котораго постоянно выходилъ дымъ. Приговоръ бога произносился жрицею — Пиѳіей. Она садилась на треножникъ, поставленный надъ этимъ отверстіемъ, и дымъ приводилъ ее въ восторженное состояніе. Дары, приносившіеся богу, доставили храму такія богатства, что въ слѣдующемъ періодѣ греческой исторіи его сокровища цѣнили въ десять тысячъ талантовъ. (14 милліоновъ).—

Національныя игры грековъ были религіозными торжествами, съ которыми соединялись разнаго рода состязанія. Такихъ праздничныхъ сходокъ было много; въ большей части изъ нихъ принимали участіе только жители ближайшихъ окрестностей; но четыре мало по малу достигли такого значенія, что стали настоящими національными торжествами всей Греціи. Собранія эти назывались олимпійскими, пиѳійскими, немейскими и истмійскими играми. Всего усерднѣе посѣщались олимпійскія игры, носившія по преимуществу характеръ всеобщности.

Олимпійскія игры происходили въ элидскомъ городѣ Олимпіи. Онѣ праздновались еще въ героическомъ періодѣ, и пре-

даніе называетъ ихъ учредителемъ главнаго героя первобытныхъ временъ Грецiи — Геркулеса. Но только гораздо позднѣе пріобрѣли онѣ вліяніе, распространившееся за предѣлы ближайшихъ окрестностей,—вліяніе, виновникомъ котораго былъ Ифитъ, потомокъ переселившагося въ Элиду этолійца Оксила. Этотъ элидскій царь, жившій во времена спартанскаго законодателя Ликурга, возвысилъ, какъ говорятъ, значеніе олимпійскихъ игръ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно преобразовалъ. Съ этого времени онѣ стали національнымъ праздникомъ Пелопоннеса, а потомъ и всей Греціи. Черезъ сто лѣтъ послѣ Ифита, въ 776 году до р. Х., когда элидецъ Коребъ остался побѣдителемъ на играхъ и получилъ почетнѣйшую награду, — имена побѣдителей стали вносить въ особый списокъ, публично выставленный въ Олимпіи. Съ тѣхъ поръ это дѣлалось постоянно, и такъ какъ періодъ возобновленія игръ никогда не мѣнялся, то 776 годъ и принимается за начало достовѣрнаго лѣтосчисленія грековъ. Позднѣйшіе греческіе историки пользовались спискомъ побѣдителей для точнаго опредѣленія времени отдѣльныхъ событій. Олимпійскія игры происходили черезъ каждые четыре года; поэтому и время дѣлилось на четырехлѣтніе періоды, называвшіеся олимпіадами. Первую изъ этихъ олимпіядъ начинали 776 годомъ до р. Х., а слѣдующія означали числомъ ихъ по порядку или именемъ главнаго побѣдителя.

Олимпійскія игры были главной и почти единственной причиной того значенія, которое имѣла Элида въ греческомъ мірѣ и въ его исторіи. Она была сборнымъ мѣстомъ, гдѣ въ опредѣленное время сходились всѣ греки, и потому ее превозгласили священной страной, съ которой нельзя было вести войну, и черезъ которую запрещалось даже проходить вооруженнымъ. Вслѣдствіе того элидцы оставались нейтральными во всѣхъ войнахъ, какія велись греками. Взамѣнъ этого, они обязаны были устроивать олимпійскія игры и связанныя съ ними богослужебныя церемоніи, и наблюдать за сохранностью олимпійскихъ памятниковъ и священныхъ принадлежностей. Во время игръ всѣ греческія государства, на-

ходившіяся въ войнѣ между собою, должны были заключать перемиріе.

Мѣсто гдѣ происходили игры называлось Олимпіей и находилось вблизи рѣки Алфея. На немъ было построено много священныхъ и другихъ общественныхъ зданій, и тамъ же была священная масличная роща. Передъ этой рощей стоялъ знаменитый храмъ, посвященный Зевсу или Юпитеру, извѣстный подъ именемъ храма Юпитера олимпійскаго и принадлежавшій къ самымъ большимъ зданіямъ въ Греціи. Во второй половинѣ пятаго вѣка до р. Х. тамъ была поставлена знаменитая колоссальная статуя Юпитера, сдѣланная изъ слоновой кости и золота, и изваянная Фидіемъ, величайшимъ скульпторомъ Греціи. Въ срединѣ олимпійской священной рощи находилось нѣсколько жертвенниковъ храма Юноны, гипподромъ и, такъ называемая, стадія. Стадіею называлось мѣсто, назначенное для бѣга, имѣвшее шестьсотъ греческихъ или пятьсотъ шестьдесятъ девять парижскихъ футовъ длины, и окруженное возвышеніями, гдѣ помѣщались зрители. Его имя употреблялось греками для обозначенія географическимъ разстояній: сорокъ стадій составляютъ приблизительно одну нѣмецкую милю. Гипподромомъ называлось мѣсто, служившее для скачекъ и ристанія. Оно находилось подлѣ стадіи.

Олимпійскія игры праздновались въ началѣ каждаго пятаго года, въ первое полнолуніе послѣ лѣтняго поворота солнца. Празднество это, на которомъ не имѣли права присутствовать женщины, продолжалось пять дней и посвящалось главнымъ образомъ жертвоприношеніямъ, хвалебнымъ пѣснямъ въ честь боговъ и разнымъ состязаніямъ. Послѣднія состояли изъ бѣганья въ запуски, игры въ кольцо, кулачнаго боя, метанія диска (тяжелаго кружка, который бросали въ вышину и длину), прыганья, гонки колесницъ и скачекъ на лошадяхъ. Награда за побѣду въ каждомъ изъ этихъ состязаній была одинакова; но побѣдитель въ бѣганьѣ считался главнымъ, и по его имени называли олимпіаду. Боевыми судьями могли быть только элидцы. Тѣхъ, кто исполнялъ

эту должность, называли элленодиками, т. е. судьями элленовъ. Къ состязанію допускались только природные греки, и потому всякій, желавшій принять въ немъ участіе, долженъ былъ передъ началомъ игръ доказать свое греческое происхожденіе. Иностранцы могли быть только зрителями. Въ часы когда не было состязаній, собравшаяся толпа занималась произведеніями греческихъ художниковъ, поэтовъ и писателей. Многіе изъ нихъ пріѣзжали на праздникъ, чтобы представить свои картины, статуи или сочиненія на судъ публики, сошедшейся изъ всей Грецiи. Наградъ имъ при этомъ не выдавали; но уже одно одобреніе соотечественниковъ, стекавшихся со всѣхъ концевъ Греціи, привлекало ихъ на олимпійскія игры.

Послѣдній день праздника былъ посвященъ прославленію побѣдителей. Въ присутствіи всѣхъ зрителей они торжественно входили въ олимпійскую священную рощу. Послѣ великолѣпнаго жертвоприношенія, имена побѣдителей провозглашались среди ликованій народа, и каждаго изъ нихъ украшали простымъ масличнымъ вѣнкомъ. Этотъ вѣнокъ считался у грековъ величайшею честью, какой только можетъ достигнуть человѣкъ. Побѣдители носили этотъ вѣнокъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни. И этой наградой гордился не одинъ только побѣдитель, но и весь городъ, къ которому онъ принадлежалъ. При возвращеніи его на родину, ему дѣлали торжественнѣйшій пріемъ и воздавали новыя почести. Обыкновенно дѣлали изъ мрамора его статую и ставили ее въ Олимпіи, гдѣ его имя и названіе его города на вѣчныя времена сохранялись для потомства въ публичномъ спискѣ побѣдителей. Кромѣ того, пѣсни доносили его славу до отдаленнѣйшихъ странъ, заселенныхъ греками и удерживали его имя въ народной памяти. Неудивительно, что, при такихъ полубожескихъ почестяхъ, одинъ старикъ умеръ отъ избытка счастія, обнимая сына, оставшагося побѣдителемъ. Другой старикъ, Діагоръ родосскій, самъ получившій въ молодости масличный вѣнокъ, явившись однажды на игры вмѣстѣ съ двумя своими сыновь-

ями, имѣлъ счастье видѣть, какъ оба они удостоились награды. Получивъ вѣнки, молодые люди тотчасъ же надѣли ихъ на отца, и, чтобы оказать ему почетъ передъ лицомъ всей Греціи, понесли его на своихъ плечахъ. Присутствующіе восторженно рукоплескали благородству чувствъ сыновей и чрезмѣрному счастью отца. Вдругъ раздался голосъ изъ толпы: „Умри, Діагоръ, ты достигъ крайнихъ предѣловъ счастія.“ И въ самомъ дѣлѣ старикъ, не выдержавъ избытка радости, упалъ мертвымъ съ плечъ своихъ дѣтей.

Олимпійскія игры были національнымъ праздникомъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, и во многихъ отношеніяхъ имѣли вліяніе на развитіе греческой жизни. Въ Олимпіи соединялись въ извѣстные, періодически повторявшіеся сроки, подъ божественной охраной, различныя части греческой націи, часто раздѣленныя ненавистью и ссорами. Здѣсь выказывались племенныя особенности и происходило знакомство съ нравами и изобрѣтеніями различныхъ частей націи; здѣсь эти части, иногда разрозненныя долгими и ожесточенными войнами, снова привѣтствовали другъ друга, какъ члены одной семьи.

Изъ трехъ остальныхъ болѣе или менѣе общихъ національныхъ торжествъ подобнаго же рода, первое мѣсто занимаютъ пиѳійскія игры. Онѣ праздновались недалеко отъ Дельфовъ, въ честь бога Аполлона, который, въ память объ убитомъ имъ драконѣ Пиѳонѣ, носилъ прозваніе пиѳійскаго. Эти игры также происходили черезъ каждые четыре года, и всегда въ маѣ втораго года каждой олимпіады. Распорядителями и судьями на этихъ играхъ были депутаты союза амфиктіоновъ. Наградой служилъ вѣнокъ, сплетенный изъ вѣтвей лавроваго дерева—растенія, посвященнаго Аполлону. Немейскія игры были посвящены Юпитеру, и происходили близъ арголидскаго города Немеи. Онѣ праздновались черезъ каждые два года. Наградой побѣдителю служилъ плющевый вѣнокъ. Истмійскія игры происходили на Истмѣ или Коринѳскомъ перешейкѣ, сначала черезъ каждые три года, а потомъ черезъ

каждые пять лѣтъ. Онѣ были установлены въ честь бога Нептуна. Побѣдитель награждался сосновымъ вѣнкомъ. —

Политическая исторія греческихъ племенъ, въ періодѣ между переселеніемъ гераклидовъ и персидскими войнами, группируется главнымъ образомъ вокругъ революцій и народныхъ движеній, благодаря которымъ всѣ греческія государства ввели у себя республиканскую форму правленія и разносторонне ее выработали. Царская власть была уничтожена почти повсемѣстно. Въ тѣхъ же немногихъ государствахъ, гдѣ ее удержали, она подверглась такимъ ограниченіямъ, что продолжала существовать только по имени. Въ восьмомъ вѣкѣ до р. X. оставалось уже весьма немного царей, а около конца седьмаго вѣка, ихъ не было ни въ одномъ изъ государствъ собственной Греціи, за исключеніемъ Спарты и Эпира.

Монархическая форма правленія была замѣнена республиканскими учрежденіями, имѣвшими цѣлью развитіе свободы, дѣятельности и счастливой, довольной жизни. Въ бóльшей части городовъ они подвергались частымъ измѣненіямъ. У грековъ было больше разнообразія въ учрежденіяхъ и вообще въ политической жизни, чѣмъ у какого бы то ни было другаго народа. Число греческихъ государствъ было почти вдвое больше всего числа государствъ нынѣшней Европы, и тѣмъ не менѣе каждое изъ нихъ имѣло свое особое устройство, несходное съ остальными. Кромѣ того, политическая жизнь грековъ отличалась еще основнымъ своимъ принципомъ и большимъ развитіемъ идеи государства. Въ основаніи всѣхъ греческихъ государствъ, даже и аристократическихъ, лежалъ демократическій элементъ. Вездѣ народное собраніе принимало участіе въ законодательствѣ и въ управленіи государствомъ, и, говоря вообще, ни одинъ свободный гражданинъ не былъ только безмолвнымъ исполнителемъ постановленій правительства, — напротивъ того, каждый такъ или иначе участвовалъ въ управленіи. Кромѣ того, почти до самаго конца греческой исторіи, права гражданъ нигдѣ не передавались представителямъ народа или депутатамъ, — но вездѣ

народное собраніе состояло изъ всей массы свободныхъ гражданъ. Почти повсемѣстно существовало правило не выбирать должностныхъ лицъ долѣе, чѣмъ на годъ. Лица эти были отвѣтственны передъ народнымъ собраніемъ. Наконецъ, нигдѣ, за исключеніемъ одной только Спарты, не было особеннаго судейскаго сословія. Народное собраніе или само служило судилищемъ, или назначало въ члены суда людей, выбранныхъ изъ всей массы гражданъ. По понятіямъ грековъ идея государства обнимала всѣ обстоятельства жизни. У нихъ государство было не просто формой общественной жизни, а самой жизнью, или по крайней мѣрѣ средоточіемъ ея. Въ греческомъ государствѣ каждое частное дѣло могло быть обращено въ общественное, и ни одинъ грекъ не могъ уклоняться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ своего государства, или вести частную жизнь въ нашемъ смыслѣ этого слова. Государство такъ далеко входило во всѣ отношенія жизни, что, напримѣръ, религія, нравы и общественныя увеселенія не только находились подъ надзоромъ властей, но считались государственнымъ дѣломъ, частью государственной цѣли.

Въ государственныхъ учрежденіяхъ грековъ мы видимъ двѣ основныя черты различія, обозначившіяся въ началѣ болѣе яснаго періода ихъ исторіи. Первая изъ нихъ, по отношенію къ которой два главныя греческія племени составляли прямую противоположность, заключалась въ томъ, что въ іонійскихъ государствахъ преобладалъ демократическій, а въ дорійскихъ аристократическій элементъ. Іонійскія общины рано отказались отъ нравовъ и учрежденій героическаго періода, и постоянно стремились къ уравненію правъ своихъ гражданъ, къ предоставленію имъ бо́льшаго участія въ управленіи. Дорійскія государства, напротивъ, остались вѣрны древнегреческой идеѣ о томъ, что власть должна быть ввѣрена небольшому числу знатныхъ фамилій. Они не хотѣли отступиться отъ правительственныхъ формъ, построенныхъ на этомъ принципѣ, и только отъ времени до времени видоизмѣняли ихъ, сообразно съ требованіями обстоятельствъ. Другое различіе между

дорійскими и іонійскими общинами заключалось въ томъ, что доряне, основывая свои государства во время переселенія гераклидовъ, подавили греческое населеніе завоеванныхъ земель, и потому были принуждены, для удержанія насильственной власти, обратить главное вниманіе на развитіе и поддержаніе въ своихъ гражданахъ силы, мужества и воинственнаго духа. Вслѣдствіе того, настоящіе граждане дорійскихъ государствъ стали какъ бы рыцарями, главными занятіями которыхъ были военныя упражненія и управленіе государственными дѣлами. Впрочемъ, такой порядокъ вещей сохранился вполнѣ только въ двухъ дорійскихъ государствахъ: въ Спартѣ и на островѣ Критѣ. Остальныя обратились къ торговлѣ и промышленной дѣятельности. Съ этими занятіями уже нельзя было согласить военнаго направленія жизни. Кромѣ того, они повели за собой бо́льшее разнообразіе въ отношеніяхъ между гражданами и болѣе частыя измѣненія этихъ отношеній. Поэтому, у большей части дорійскихъ народовъ, прежнія учрежденія не могли удержаться и стали постепенно принимать господствовавшую у іонянъ демократическую форму, или, по крайней мѣрѣ, утратили свое военное направленіе. При всемъ томъ, дорійскія государства всегда сохраняли нѣкоторыя существенныя черты прежняго порядка. Исключеніе составляютъ только тѣ изъ нихъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Тарентѣ, завѣщанная дѣдами аристократія была замѣнена чистѣйшей демократіей.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ явленіи, не разъ повторявшемся въ жизни свободныхъ государствъ Греціи. Явленіе это — т и р а н н і я. Случалось иногда, что какой нибудь гражданинъ, ловко воспользовавшись обстоятельствами, безъ всякаго законнаго права, становился единодержавнымъ властителемъ государства. Такого правителя греки называли тиранномъ. Подъ этимъ словомъ они понимали только узурпатора, т. е. такого правителя, который захватывалъ власть вопреки существующимъ законамъ и безъ выбора гражданъ. Понятіе о насиліи и о злоупотребленіи власти, являющееся у насъ на первомъ планѣ въ словѣ ти-

раннъ, у грековъ не составляло необходимой принадлежности тиранніи. Всего чаще появлялись въ Греціи такіе правители въ седьмомъ и шестомъ вѣкахъ до р. Х. Знаменитѣйшими изъ тогдашнихъ тиранновъ были Поликратъ самосскій и Періандръ коринѳскій.

О Коринѳѣ, также какъ и сосѣднемъ съ нимъ Сикіонѣ, должно сказать здѣсь нѣсколько словъ. Исторія Греціи, въ періодъ между переселеніемъ гераклидовъ и персидскими войнами, тѣсно связана съ судьбою Спарты и Аѳинъ, о которыхъ мы и будемъ говоритъ подробнѣе. Остальныя государства играли въ теченіе этого времени второстепенную роль, и потому могутъ быть пропущены безъ вниманія. Исключеніе только составляютъ Коринѳъ и Сикіонъ — города, имѣвшіе тогда большое вліяніе на развитіе греческаго искусства и торговли.

Коринѳъ процвѣталъ торговлей и мореходствомъ еще задолго до того, какъ Аѳины сдѣлались первымъ городомъ въ Греціи. Развитіемъ своего благосостоянія онъ обязанъ былъ тому обстоятельству, что находился на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ среднюю Грецію съ Пелопоннесомъ, по сосѣдству двухъ морей. Тотчасъ послѣ основанія греческихъ колоній, возникла все болѣе и болѣе оживлявшаяся торговля между Малой Азіей, нижней Италіей и Сициліей. Тогдашніе моряки вообще не смѣли терять изъ виду береговъ; потому, въ отдаленныя времена, очень рѣдко рѣшались пускаться въ опасное плаванія вокругъ южной оконечности Пелопоннеса, и, какъ съ восточной, такъ и съ западной стороны, предпочитали направляться къ Коринѳу, гдѣ товары сухимъ путемъ перевозились къ противоположному берегу, и сдавались на новыя суда. Вслѣдствіе того, Коринѳъ сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Греціи. Этотъ городъ съ давнихъ поръ отличался присутствіемъ множества разныхъ иностранцевъ, значительной степенью богатства, быстрымъ развитіемъ искусствъ и промышленности, — но въ то же время и страшной испорченностью нравовъ.

Послѣ уничтоженія царской власти, въ Коринѳѣ установилась

олигархія. Но, по прошествіи нѣкотораго времени, фамиліи, управлявшія городомъ, поссорились съ остальными гражданами, и одинъ предпріимчивый человѣкъ, Кипселъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ захватилъ въ свои руки власть (657 до р. Х.) Онъ управлялъ кротко, пріобрѣлъ любовь подданныхъ, и, вслѣдствіе того, успѣлъ сдѣлать власть наслѣдственною въ своемъ родѣ. Его потомки могли бы удержать ее, еслибы подобно ему искали любви народа и управляли строго по закону. Но уже сынъ его, Періандръ, своими злоупотребленіями повредилъ прочности владычества, основаннаго Кипселомъ. Періандръ, царствовавшій съ 627 по 587 годъ, причисляется къ такъ называемымъ семи греческмъ мудрецамъ. Подобно Поликрату самосскому, онъ любилъ науки и искусства и. способствовалъ ихъ развитію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, держался насильственной и произвольной системы правленія и совершилъ много жестокостей. Его преемникъ слѣдовалъ тѣмъ же принципамъ, и потому, черезъ три года послѣ вступленія на престолъ, былъ свергнутъ съ престола коринѳянами и явившимися къ нимъ на помощь спартанцами. Тогда снова была введена олигархическая форма правленія, сохраненная коринѳянами и въ послѣдующія времена греческой исторіи.

Исторія Сикіона очень похожа на исторію Коринѳа. И здѣсь тоже, около 700 года до Христа, гражданинъ Ортагоръ провозгласилъ себя тиранномъ и сдѣлалъ власть наслѣдственною въ своемъ домѣ. По духу его правленія и по правительственнымъ пріемамъ, его можно сравнить съ Кипселомъ. Знаменитѣйшимъ изъ его преемниковъ былъ послѣдній изъ нихъ, Клистенъ. Онъ управлялъ съ большимъ благоразуміемъ и прославился счастливыми войнами и блескомъ своего двора. Неизвѣстно, удержалъ ли онъ власть до конца своей жизни, или потерялъ ее вслѣдствіе насильственнаго переворота. Достовѣрно только, что, когда прекратилось его владычество (около 600 г. до р. Х.), въ Сикіонѣ снова было введено республиканское устройство. Вѣроятно, что характеръ этихъ новыхъ учрежденій былъ скорѣе демо-

кратическій, чѣмъ аристократическій. Затѣмъ остается только сказать, что въ Сикіонѣ, особенно во время владычества тиранновъ, искусства и промышленность достигли высокой степени развитія.

4. Исторія спартанцевъ до персидскихъ войнъ.

Часть переселившихся въ Пелопоннесъ дорянъ основала въ Лаконіи государство, прославившееся въ исторіи подъ именемъ Спартанскаго или Лакедемонскаго. Близнецы Проклъ и Эвристенъ, сыновья Гераклида Аристодема, умершаго во время похода въ Пелопоннесъ, были первыми царями и управляли сообща. Отъ нихъ пошелъ двойной рядъ царей, называющихся по именамъ Прокла и сына Эвристена Агиса I, — проклидами и агидами. Династіи эти удерживали за собою власть въ теченіе почти всей исторіи Спарты, и на престолѣ постоянно находилось два царя, изъ которыхъ одинъ былъ проклидъ, а другой агидъ.

Поселившіеся въ Лаконіи доряне составили высшій классъ населенія и назывались спартанцами, потому что жили исключительно въ городѣ Спартѣ. Покоренные ими ахеяне раздѣлялись на два класса. Часть ихъ, называвшаяся лакедемонянами или періэками, т. е. окружными жителями, пользовалась личной свободой и владѣла прежней своей землей. Она была обязана платежемъ извѣстной дани, и принимала лишь незначительное участіе въ управленіи. Впрочемъ, не всѣ періэки были ахейцами по происхожденію: къ нимъ же причислялись потомки смѣшанныхъ браковъ между дорянами и ахеянами. Другая часть покореннаго населенія состояла изъ тѣхъ ахеянъ, которые не подчинились побѣдителямъ добровольно на извѣстныхъ условіяхъ или изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи старались возвратить свою независимость. Вся эта часть населенія была обращена въ рабство, и роздана въ собственность отдѣльнымъ спартанскимъ семействамъ. Они прислуживали имъ и обработывали ихъ поля. Владѣльцамъ ихъ запрещалось убивать ихъ или продавать за границу. Невольни-

ковъ этихъ называли **гелотами**. Преданіе производитъ это имя отъ города Гелоса, возставшіе жители котораго были прежде другихъ обречены на рабство; но вѣроятнѣе что оно произошло отъ греческаго слова, означающаго „брать въ плѣнъ.“ Слова спартанцы и лакедемоняне, собственно принадлежащія только двумъ первымъ классамъ населенія Лаконіи, употребляются также для означенія всего этого государства и всѣхъ его гражданъ вообще.

Первыя столѣтія спартанской исторіи наполнены съ одной стороны частыми ссорами народа съ дорійскою аристократіею и этой аристократіи съ царями, а съ другой еще чаще возобновлявшейся борьбой дорянъ съ ахеянами. Лишь понемногу удалось спартанцамъ покорить ихъ; да и послѣ того мѣстами вспыхивали возстанія. Положеніе ахеянъ было, какъ кажется, не вездѣ одинаково, и зависѣло отъ условій, выговоренныхъ побѣжденными при заключеніи договора на покорность. Кажется даже, что относительно ихъ многое оставалось неопредѣленнымъ, и потому было предоставлено произволу. Точно также и отношенія дорійской части населенія, т. е. собственно спартанцевъ, не были ясно опредѣлены и подчинялись произволу и случайностямъ. Это и было источникомъ тѣхъ безпрестанныхъ ссоръ, о которыхъ мы говорили. Такое положеніе дѣлъ въ государствѣ вызвало потребность въ положительныхъ установленіяхъ, и, лѣтъ за 900 до р. Х., кончилось введеніемъ новыхъ учрежденій. Сводъ этихъ учрежденій, по имени ихъ составителя, называютъ законодательствомъ Ликурга.

Исторія этого знаменитаго законодателя до такой степени искажена преданіемъ, что въ ней уже невозможно съ достовѣрностью отдѣлить истину отъ вымысла. Даже время его жизни нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. По всей вѣроятности, онъ жилъ въ началѣ девятаго вѣка до рождества Христова. Время его законодательства обыкновенно относятъ къ 884 году. Ликургъ, родомъ проклидъ, былъ младшій братъ царя Полидекта, который умеръ во время беременности своей жены. Въ ожиданіи рожденія ребенка, власть перешла къ Ликургу. Ему было бы не трудно удержать за

собой престолъ навсегда, но онъ не захотѣлъ поступить такимъ образомъ, и, вскорѣ послѣ смерти брата, объявилъ, что если его вдова родитъ сына, то онъ станетъ править уже не какъ царь, а какъ опекунъ своего племянника. Говорятъ, что свояченица просила его жениться на ней, и предлагала убить ребенка. Но Ликургъ, въ отвѣтъ на это, приказалъ строго наблюдать за честолюбивой женщиной, и велѣлъ тотчасъ послѣ родовъ отнять у ней ребенка. Ликургъ сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ знатнѣйшими спартанцами, когда ему принесли новорожденнаго мальчика. Онъ тотчасъ же, передъ всѣми присутствующими, провозгласилъ его царемъ, и объявилъ, что съ этого времени будетъ править только какъ опекунъ племянника. Ребенку онъ далъ имя Харилая, которое значитъ „радость народа“. Разсерженная свояченица и ея приверженцы употребляли, говорятъ, всевозможныя средства, чтобы только отмстить Ликургу. Разсказываютъ, напримѣръ, что они старались обвинить Ликурга въ желаніи убить ребенка, надѣясь этимъ путемъ пріобрѣсти и упрочить за собой царство. Говорятъ даже, что для отклоненія отъ себя этого подозрѣнія, Ликургъ сложилъ съ себя власть и уѣхалъ изъ родины. Нѣтъ сомнѣнія однако, что эта причина его удаленія просто выдумана въ позднѣйшее время. Продолжительное путешествіе Ликурга было, по всей вѣроятности, предпринято съ единственной цѣлью приготовиться къ составленію законодательства, въ необходимости котораго онъ былъ убѣжденъ давно, также какъ и соправитель его изъ дома агидовъ и, безъ сомнѣнія, многіе другіе знатные спартанцы.

Преданіе говоритъ, что Ликургъ провелъ внѣ Спарты десять лѣтъ. Онъ посѣтилъ различныя страны, чтобы изучить ихъ нравы и учрежденія, и, въ особенности долго прожилъ на островѣ Критѣ. Мы уже говорили выше (стр. 173) о критскомъ устройствѣ, приписываемомъ знаменитому царю Миносу I. Нѣтъ сомнѣнія однако, что учрежденія Крита были только, приспособленными къ обстоятельствамъ, видоизмѣненіями прежнихъ обычаевъ и

установленій, свойственныхъ дорійскому племени. Поэтому критское устройство, скорѣе чѣмъ всякое другое, могло служить Ликургу образцомъ для реформъ, въ которыхъ нуждалась Спарта. Въ ней, какъ на Критѣ, жила вѣтвь дорійскаго племени, основавшая свое господство на порабощеніи прежнихъ обитателей страны. Она также сохранила свои прежнія учрежденія, но уже не могла держаться, не сдѣлавъ въ нихъ измѣненій, согласныхъ съ требованіями времени. На Критѣ Ликургъ познакомился съ прославившимся своею мудростью поэтомъ Талесомъ, который, по его просьбѣ, отправился въ Спарту, чтобы во время путешествія Ликурга по Малой Азіи, мирить ссорившихся между собою спартанцевъ и приготовить ихъ къ принятію законодательства Ликурга. Говорятъ также, что Ликургъ привезъ изъ Малой Азіи творенія Гомера, до тѣхъ поръ неизвѣстныя въ собственной Греціи.

Въ Спартѣ, во время отсутствія Ликурга, снова вспыхнули сильныя междоусобія и всѣ жаждали возстановленія и утвержденія порядка. Достигнуть этогонадѣялись при посредствѣ Ликурга, и потому просили его вернуться въ родной городъ. Съ согласія извѣстной части аристократовъ, онъ рѣшился ввести правильное устройство или, вѣрнѣе, примѣнить древніе обычаи и учрежденія къ измѣненнымъ обстоятельствамъ и дать имъ новый и опредѣленный видъ. Готовясь приняться за выполненіе этого плана, онъ отправился сначала въ Дельфы, чтобы получить отъ Аполлона, главнаго бога спартанцевъ, посвященіе на роль законодателя. Принимаясь за дѣло во имя божества,, какъ человѣкъ имъ вдохновленный, Ликургъ облегчалъ себѣ задачу государственнаго переворота и упроченіе своихъ учрежденій. При входѣ его въ храмъ, дельфійская жрица обратилась къ нему съ слѣдующими словами: „Ликургъ, любимецъ Зевса и всѣхъ остальныхъ боговъ, я незнаю, богомъ или человѣкомъ называть тебя; мнѣ кажется скорѣе, что ты богъ.

Ликургъ не былъ составителемъ новаго законодательства, но явился только реформаторомъ древнихъ дорійскихъ учрежденій

Спарты. Онъ обновилъ греческіе обычаи и установленія древнѣйшихъ временъ, сохранившіеся у народовъ дорійскаго происхожденія лучше, чѣмъ у остальныхъ племенъ, измѣнивъ ихъ лишь на столько, на сколько это было необходимо; далъ имъ опредѣленность, привелъ ихъ въ согласіе между собою, и, такимъ образомъ, навсегда упрочилъ ихъ, какъ въ государственной, такъ и въ частной жизни спартанцевъ. Въ этомъ и заключалась сущность его законодательства.

Основаніемъ учрежденій Ликурга было совершенное рабство двухсотъ тысячъ людей, такъ называемыхъ гелотовъ. Они не имѣли человѣческихъ правъ, и рождались только для работы и прислуживанія. За то сами спартанцы могли проводить время въ аристократической праздности. Свободные отъ всякаго труда, они на досугѣ воспитывали въ себѣ рыцарскій духъ, занимались только военными упражненіями и государственными дѣлами. Ликургъ оставилъ прежнее раздѣленіе населенія Лаконіи на три класса. Гелоты по прежнему остались прислуживающими и безправными, періэки получили нѣкоторое участіе въ правленіи, но однимъ только спартанцамъ было предоставлено настоящее управленіе государствомъ. Число послѣднихъ доходило (по крайней мѣрѣ нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ Ликурга) до девяти тысячъ; число періэковъ до тридцати. И тѣ и другіе имѣли право на участіе въ народномъ собраніи; но изъ однихъ спартанцевъ выбирались правители и должностныя лица, между тѣмъ какъ періэки и въ народное собраніе могли являться только тогда, когда дѣло шло о рѣшеніи мира или войны. Итакъ, Спартанское государство состояло изъ большаго числа крѣпостныхъ крестьянъ и рабовъ (гилоты), изъ свободныхъ гражданъ, занимавшихся ремеслами, торговлей и земледѣліемъ (періэки), и изъ немногихъ рыцарскихъ дворянскихъ фамилій, захватившихъ въ свои руки государственное управленіе, жившихъ въ праздности и занимавшихся только военными упражненіями, охотой, да войной. Періэки уже весьма рано прониклись характеромъ дорянъ и считали себя счаст-

ливыми и свободными. Разсчетъ и гордость такъ тѣсно связали ихъ съ спартанцами противъ порабощенной массы гелотовъ, что, во все продолженіе спартанской исторіи, ни разу не говорится не только о возмущеніи періэковъ, но даже и о простомъ нарушеніи согласія между ними и спартанцами.

Во главѣ государства Ликургъ оставилъ двухъ царей изъ дома праклидовъ и агидовъ, ограничивъ только ихъ власть. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Ликурга, власть царей сдѣлалась еще незначительнѣе, вслѣдствіе увеличившагося значенія должностныхъ лицъ, называвшихся эфорами. Съ этихъ поръ вліяніе царей на государство стало зависѣть исключительно отъ ихъ личнаго значенія. Даже власть ихъ, какъ предводителей войска во время войны, постепенно все уменьшалась. Законодательство Ликурга поставило ихъ почти въ тоже положеніе, въ какомъ находились цари героическаго періода. Они были первосвященниками, предсѣдательствовали въ сенатѣ, гдѣ имѣли однако только одинъ голосъ, сзывали народныя собранія и, сначала, руководили ихъ преніями. Въ военное время имъ принадлежало главное начальство надъ войсками, и, въ этомъ званіи, они, за предѣлами государства, пользовались неограниченною властью. Другимъ спартанцамъ главное начальство надъ войсками никогда не ввѣрялось. Только впослѣдствіи стали отступать отъ этого правила въ морскихъ войнахъ и экспедиціяхъ въ дальнія страны. Другихъ правъ цари не имѣли и не пользовались никакими преимуществами передъ остальными спартанцами, кромѣ развѣ нѣкотораго оказываемаго имъ почета. Такъ, напримѣръ, на общественныхъ пирахъ они получали двойныя порціи и занимали первыя мѣста на всѣхъ торжествахъ. Но въ частной жизни всѣ отличія исчезали, и знатные спартанцы обращались съ ними, какъ съ равными. Содержанія они не получали вовсе, точно также, какъ и всѣ чиновники въ Греціи вообще. Ихъ наслѣдственныя владѣнія были немногимъ больше, чѣмъ у другихъ спартанцевъ. Кромѣ

того, они пользовались извѣстнымъ доходомъ отъ суммъ, которыя имъ давали на жертвоприношенія.

Дѣйствительная правительственная власть находилась въ рукахъ сената, называвшагося герусіей или совѣтомъ старцевъ. Онъ состоялъ изъ двухъ царей и двадцати восьми пожизненныхъ членовъ. Сенаторы выбирались народнымъ собраніемъ изъ спартанцевъ не моложе шестидесяти лѣтъ. Въ рукахъ сената находилось все государственное управленіе. Онъ былъ высшимъ уголовнымъ судилищемъ, обсуживалъ и рѣшалъ всѣ общественныя дѣла, хотя важнѣйшія изъ нихъ и долженъ былъ представлять на утвержденіе народнаго собранія. Народное собраніе происходило постоянно разъ въ мѣсяцъ, именно въ каждое полнолуніе. Оно было двоякаго рода: большое и малое. Въ первомъ принимали участіе всѣ спартанцы и періэки; во второмъ — одни только спартанцы. Участниками собранія могли быть только лица, достигшія тридцатилѣтняго возраста. Роль предсѣдателя въ этихъ собраніяхъ занимали цари или члены герусіи, а впослѣдствіи иногда и эфоры. Рѣшеніе выражалось не подачей отдѣльныхъ голосовъ, а общимъ восклицаніемъ. Народное собраніе выбирало сенаторовъ и должностныхъ лицъ, утверждало новые законы, постановляло приговоры въ вопросахъ о спорномъ престолонаслѣдіи, о смѣщеніи должностныхъ лицъ, о преступленіяхъ противъ государства и народа и, наконецъ, о войнѣ и мирѣ. Такимъ образомъ, ему было предоставлено рѣшеніе всѣхъ общественныхъ дѣлъ, но граждане не имѣли права разсуждать о предлагаемомъ вопросѣ, а должны были прямо выразить свое согласіе или несогласіе. Только впослѣдствіи, когда народное собраніе пріобрѣло большія права, сдѣлано было отступленіе и отъ этого правила. Точно также не могло народное собраніе само отъ себя дѣлать никакихъ предложеній или сбираться безъ созванія.

Эфорами назывались пять человѣкъ, выбиравшихся народнымъ собраніемъ изъ среды спартанцевъ, уже не обращая вниманія на возрастъ, и срокомъ только на одинъ годъ. Сначала они

составляли родъ полицейскаго управленія, но впослѣдствіи власть ихъ стала постоянно возрастать, такъ что, наконецъ, они пріобрѣли господство надъ сенатомъ. Вліяніе эфоровъ начало возрастать черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ Ликурга, когда, по предложенію царя Теопомпа, ихъ сдѣлали царскими намѣстниками на время отсутствія царей. Съ этого времени эфоры, подобно народнымъ трибунамъ Рима, стали чисто демократическимъ учрежденіемъ и выступили какъ представители правъ народа противъ царей и сената. Они слѣдили за поведеніемъ царей и должностныхъ лицъ, призывали ихъ къ отвѣту, обвиняли передъ судилищемъ, состоявшимъ изъ сенаторовъ и другихъ должностныхъ лицъ, и даже собственною властью подвергали ихъ наказаніямъ. Они позволяли себѣ сзывать народное собраніе и слѣдили за исполненіемъ его постановленій. Такъ какъ война и миръ, заключеніе договоровъ и союзовъ, требовали утвержденія народа, то эфоры постепенно успѣли поставить всѣ внѣшнія отношенія государства въ полную зависимость отъ себя. Впослѣдствіи они принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ, и мало-по-малу совершенно уничтожили ихъ значеніе. Наконецъ, цари и въ походы стали ходить въ сопровожденіи двухъ эфоровъ, составлявшихъ военный совѣтъ, и имѣвшихъ огромное вліяніе на ихъ распоряженія.

Судебная власть не была, какъ въ другихъ греческихъ государствахъ, ввѣрена коммиссіи гражданъ, выбранныхъ народнымъ собраніемъ. Въ Спартѣ уголовнымъ судомъ служилъ сенатъ, споры по имуществу рѣшались эфорами, семейныя дѣла представлялись на разсмотрѣніе царей. Кромѣ того, каждому должностному лицу въ кругу его дѣятельности была предоставлена судебная и исполнительная власть.

Ликургъ ввелъ также въ Спартѣ равенство состояній и для поддержанія его издалъ особенные законы. Земля была раздѣлена по числу спартанцевъ и періэковъ на девять тысячъ большихъ и тридцать тысячъ меньшихъ участковъ. Такимъ образомъ, государство состояло изъ тридцатидевяти тысячъ помѣщичьихъ

семействъ, изъ которыхъ девять тысячъ составляли аристократію, а тридцать сословіе гражданъ. Поземельные участки нельзя было ни отчуждать, ни дѣлить. Они были наслѣдственны въ мужескомъ поколѣніи и переходили изъ рукъ въ руки по праву первородства. Младшіе братья получали содержаніе отъ старшаго брата — землевладѣльца. Дочери были устранены отъ наслѣдованія земли. При отсутствіи сыновей, участокъ могъ перейти въ руки дочери, которая въ такомъ случаѣ могла взять въ мужья только безземельнаго гражданина. Это учрежденіе имѣло вредныя послѣдствія. Многіе отцы, изъ желанія пристроить повыгоднѣе своихъ дочерей, впадали въ скупость и корыстолюбіе. Богатыя наслѣдницы стали уже весьма рано играть важную роль въ государствѣ. Наконецъ, отдѣльныя фамиліи постепенно достигли чрезмѣрнаго богатства, соединили въ своихъ рукахъ почти всю поземельную собственность, и пріобрѣли господствующее вліяніе на управленіе государствомъ. Чтобы предупредить союзы отдѣльныхъ семействъ и облегчить обсужденіе общественныхъ дѣлъ, также какъ и для того, чтобы дружескимъ сожительствомъ смягчить ссоры между партіями и устранить роскошь и нѣгу, — Ликургъ установилъ такъ называемыя сисситіи, т. е. ежедневные общественные и публичные обѣды. Это былъ старый дорійскій обычай, существовавшій также и у нѣкоторыхъ народовъ Италіи. Всѣ спартанцы, не исключая и царей, были обязаны принимать участіе въ этихъ общественныхъ обѣдахъ; тѣ же, которые по бѣдности не могли дѣлать опредѣленнаго взноса на нихъ, лишались части своихъ гражданскихъ правъ. Такія лица не могли, напримѣръ, занимать государственныхъ должностей. Въ общественныхъ обѣдахъ участвовали только мущины; женщины, напротивъ того, обѣдали дома. Мущины составляли для этого артели, большею частью по пятнадцати въ каждой. Кушанія подавались простыя. Всего чаще являлась, такъ называемая, черная похлебка, состоявшая, какъ полагаютъ, изъ отвара свинины, крови, уксуса и соли. Про похлебку эту одинъ спартанецъ сказалъ какому то азіатскому го-

сударю, что она можетъ казаться вкусной только тѣмъ, кто купается въ рѣкѣ Эвротѣ.

Разсказываютъ также, что Ликургъ, для поддержанія въ спартанцахъ прежней простоты и неиспорченности нравовъ, запретилъ золотыя и серебряныя деньги, введя желѣзныя, запретилъ ѣздить за границу и затруднилъ пребываніе иностранцевъ въ странѣ. Все это, также какъ и многое другое что приписывается этому законодателю, не должно быть принимаемо въ буквальномъ смыслѣ; — многое установлено только въ позднѣйшее время, просто стариннымъ обычаемъ, естествено возникшимъ изъ условій народной жизни. Такъ, напримѣръ, весьма вѣроятно, что во времена Ликурга монетъ еще не было въ Греціи, и уже по одному этому онъ не могъ запретить употребленіе золотой и серебряной монеты. Сношенія съ иностранцами, путешествія за границу, торговля и промышленность конечно не могли нравиться спартанцу, привыкшему къ обществу такихъ же рыцарей, какимъ былъ онъ самъ. Кромѣ того, такихъ частныхъ запрещеній было бы недостаточно, чтобы установить и поддержать въ спартанцахъ ту воинственность и простоту нравовъ, которыхъ искалъ Ликургъ. Эти національныя черты были результатомъ всей его законодательной системы и того общаго характера, который онъ такъ надолго умѣлъ дать спартанской жизни. Поэтому многія узаконенія приписываемыя греческими писателями Ликургу, какъ напримѣръ, постановленіе о томъ, чтобы при постройкѣ крышъ работали только топоромъ, при дѣланіи двери только пилой, — слѣдуетъ считать господствующимъ обычаемъ, а вовсе не дѣломъ законодательнаго вмѣшательства. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, они не имѣютъ такой важности, чтобы о нихъ стоило упоминать особенно.

Главною цѣлью законодательства Ликурга было развитіе въ его соплеменникахъ рыцарскихъ и военныхъ свойствъ, которыя могли бы обезпечить за ними постоянный перевѣсъ надъ остальными народами и покореннымъ населеніемъ страны. Поэтому

война или военныя упражненія были ежедневнымъ занятіемъ спартанцевъ. Когда спартанецъ не былъ въ походѣ, то день его почти исключительно былъ занятъ охотой, гимнастическими упражненіями, управленіемъ государства или засѣданіями въ сисситіяхъ и частныхъ совѣщаніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ. Городъ Спарта не былъ обнесенъ стѣнами. Лучшей его стѣной считалось мужество и воинственный духъ его жителей. Говорятъ, что Ликургъ запретилъ укрѣплять городъ, чтобы беззащитность его возбуждала и поддерживала военную дѣятельность населенія. По законамъ Ликурга, только надъ могилами гражданъ убитыхъ на войнѣ можно было ставить памятники. Трусъ терялъ часть своихъ гражданскихъ правъ. Наконецъ, чтобы предупредить увеличеніе предѣловъ государства и развитіе въ немъ богатства, роскоши и изнѣженности гражданъ, — спартанскій законодатель запретилъ часто вести войну съ однимъ и тѣмъ же народомъ и далеко преслѣдовать бѣгущаго непріятеля. Вслѣдствіе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ постановленій Ликурга, война сдѣлалась настоящей стихіей и предметомъ наслажденія спартанцевъ. Только идя на бой наряжался спартанецъ. Передъ битвой онъ надѣвалъ вѣнокъ на свои длинные волосы, и шелъ на непріятеля подъ звуки флейтъ и военныхъ пѣсень. По настоящему войско состояло только изъ спартанцевъ, военной одеждой которыхъ былъ красный плащъ. Періэковъ не всегда посылали на войну, а къ вооруженію части гелотовъ прибѣгали уже въ случаѣ крайней нужды. Изъ нихъ составляли тогда легкую пѣхоту, имѣвшую значеніе нынѣшнихъ ополченій. Кавалеріи было немного; да и это небольшое количество служило только для прикрытія фланговъ. Независимо отъ этой кавалеріи была еще особенная гвардія, состоявшая изъ 300 частью пѣшихъ и частью конныхъ молодыхъ людей. Отрядъ этотъ формировался изъ самыхъ удалыхъ юношей, и, вмѣстѣ съ командовавшимъ войсками царемъ, всегда помѣщался въ срединѣ боевой линіи. Движенія войска въ сомкнутыхъ массахъ отличались порядкомъ и отчетливостью, а благодаря расчлененію на многія мелкія части, оно было

также очень способно къ эволюціямъ и къ партизанской войнѣ. Вооруженіе пѣхоты состояло изъ очень большаго щита, мѣдныхъ латъ, длиннаго копья и короткаго меча.

Спартанцы и періэки были одинаково подвергнуты суровому воспитанію и постояннымъ военнымъ упражненіямъ. Воспитаніе считалось чисто государственнымъ дѣломъ и было направлено къ развитію воинственныхъ способностей, общественнаго духа и повиновенія закону, къ поддержанію чисто-спартанскихъ нравовъ и образа мыслей. Каждое новорожденное дитя подвергалось осмотру особенныхъ должностныхъ лицъ, и, если они находили его дурно сложеннымъ, ребенка бросали въ пропасть, въ извѣстномъ мѣстѣ Тайгетской горы. Остальныя дѣти до седьмаго года ввѣрялись попеченію родителей, обязанныхъ воспитывать ихъ самымъ суровымъ образомъ. Съ седьмаго года каждый мальчикъ поступалъ въ вѣдѣніе государства и получалъ общественное воспитаніе вдали отъ родительскаго дома. Всѣхъ такихъ мальчиковъ распредѣляли группами, и они росли подъ наблюденіемъ особенныхъ надзирателей и учителей. Въ нихъ старались развить тѣлесную силу, ловкость въ употребленіи оружія, послушаніе, мужество, славолюбіе, воздержность, настойчивость и хитрость.

Въ этомъ заключалась главная цѣль спартанскаго воспитанія. Развитіе умственныхъ силъ было также направлено только къ тому, чтобы образовать воина и гражданина; о высшемъ образованіи и чисто-человѣческомъ облагороженіи личности нисколько не заботились. Умственный капиталъ увеличивался только для цѣлей практической жизни. Такъ, напримѣръ, молодыхъ людей пріучали къ быстротѣ и ясности пониманія и выраженія. Это качество было доведено у спартанцевъ до такой степени, что слово „лаконическій“ вошло въ поговорку для означенія краткаго и мѣткаго выраженія. Пѣніе, составлявшее вмѣстѣ съ элементарнымъ обученіемъ и гимнастикой одну изъ главныхъ отраслей воспитанія у всѣхъ греческихъ племенъ, было также предметомъ занятія и спартанскаго юношества; но тамъ были въ ходу преимущественно

военныя пѣсни. Повиновеніе младшихъ мальчиковъ старшимъ и вообще молодыхъ людей взрослымъ было основнымъ закономъ. Узаконенія, относившіяся къ тѣлеснымъ упражненіямъ, имѣли цѣлью развитіе силы, ловкости и закаленности тѣла. Мальчикъ долженъ былъ спать на камышѣ, спокойно выдерживать голодъ и жажду, жаръ и холодъ, и пріучаться къ тому, чтобы равнодушно переносить тѣлесныя страданія. Разъ въ годъ, въ опредѣленный день, юношей сѣкли до крови, и малѣйшее движеніе со стороны того, кого били, считалось величайшимъ позоромъ. Говорятъ, что многіе падали мервыми, не испустивъ ни одного стона. Для пріученія ихъ къ хитрости, имъ было позволено красть себѣ за столомъ лишнія порціи, лишь бы только этого никто не замѣтилъ. Въ видѣ военнаго упражненія производилась также, отъ времени до времени, такъ называемая криптея или травля гелотовъ. Молодые люди должны были, спрятавшись въ засаду, неожиданно нападать на возвращавшихся съ поля гелотовъ, преслѣдовать ихъ и убивать.

Воспитаніе дѣвушекъ было проникнуто тѣмъ же духомъ. Мы не знаемъ, брали ли ихъ отъ родителей или нѣтъ; но послѣднее вѣроятнѣе. Воспитаніе ихъ также состояло, главнымъ образомъ, въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, какъ, напримѣръ, въ бѣганіи, плаваніи, киданіи диска или кружка и даже во владѣніи копьемъ. Ихъ тоже пріучали къ перенесенію страданій. Цѣль ихъ воспитанія состояла только въ томъ, чтобъ дѣлать изъ нихъ сильныхъ матерей и мужественно настроенныхъ женщинъ. Для развитія болѣе нѣжныхъ чувствъ сердца и истинной женственности Спарта была плохимъ мѣстомъ. Семейной жизни тамъ не было; — она была невозможна, какъ по свойствамъ женскаго воспитанія, такъ и вслѣдствіе общественнаго воспитанія мальчиковъ и артельной жизни мущинъ.

Вотъ главные законы и учрежденія, существовавшіе въ Спартѣ со временъ Ликурга. Они не были записаны, и говорятъ, что Ликургъ запретилъ записывать вообще какой бы то ни было законъ, чтобы онъ не сдѣлался пустой формальностью, а оставался сознанною народомъ частью народныхъ нравовъ. Законодательство

Ликурга держалось почти во все продолженіе существованія Спартанскаго государства. Въ послѣднее время однако оно, подобно рыцарскимъ учрежденіямъ средневѣковой Германіи, перешло въ порядокъ вещей, основанный на притѣсненіи и кулачномъ правѣ. Введенное Ликургомъ равенство спартанскихъ фамилій исчезло очень рано, не смотря на мѣры принятыя имъ для его поддержанія. Вмѣсто этого равенства явилось чрезмѣрное вліяніе и господство небольшаго числа семействъ. Система Ликурга сдѣлала спартанцевъ рыцарями, руководившимися во всѣхъ отношеніяхъ жизни военною гордостью. Ихъ государство стало военно-рыцарской общиной, игравшей въ послѣдующія времена ту же роль въ Греціи, какъ Венеція въ Средніе вѣка и до XVII столѣтія въ ряду итальянскихъ республикъ. Большая часть древнихъ писателей, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые жили въ неспокойныхъ демократическихъ республикахъ, какъ напримѣръ въ Аѳинахъ, очень хвалили и прославляли аристократически-военныя учрежденія Спарты, а Ликургомъ восхищались, какъ однимъ изъ самыхъ мудрыхъ законодателей. Причина этихъ похвалъ и восхищеній заключается въ томъ, что они видѣли, какъ остальныя греческія государства подвергались вѣчнымъ переворотамъ, и какъ отъ частыхъ сношеній съ другими племенами ихъ нравы и обычаи постепенно разлагались. Спарта же представляла имъ картину неизмѣннаго единства въ управленіи, рѣдко нарушаемаго согласія между гражданами и заботливаго сохраненія древне-греческихъ обычаевъ. Но за то Спартанское государство было основано на притѣсненіи древнихъ жителей страны, а все его знаменитое законодательство и все воспитаніе направлено только къ насильственному господству и къ войнѣ. Даже знаменитая простота и неиспорченность спартанцевъ была не столько добродѣтелью, сколько необходимымъ условіемъ ихъ существованія. Неизмѣнность и долговѣчіе спартанскаго устройства были, главнымъ образомъ, основаны на убѣжденіи въ собственныхъ достоинствахъ и на гордости, которую военныя занятія всегда и вездѣ внушали людямъ. Хотя власть и со-

средоточивалась въ Спартѣ въ рукахъ немногихъ стариковъ, но сознаніе своей силы и превосходства надъ другими народами и мысль, что эти испытанные старики, долгое время бывшіе какъ бы властителями всей Греціи, выбраны изъ ихъ же среды, — наполняла всѣхъ спартанцевъ одинаковой рыцарской гордостью, одинаковымъ презрѣніемъ ко всѣмъ низкимъ идеямъ и занятіямъ, ко всякой низости и трусости, и тѣмъ благороднымъ духомъ, который держался въ нихъ, пока искушенія не сдѣлались чаще и всѣмъ намъ прирожденная чувственность не взяла верхъ надъ обычаями и законамъ.

Но при всей односторонности и лишеніяхъ спартанской жизни, она имѣла свои заманчивыя черты и могла дать пищу душѣ человѣка. Какъ средневѣковой рыцарь проникался возвышенными чувствами и мыслями подъ вліяніемъ религіи, обрядовъ и поэзіи, такъ и спартанецъ вдохновлялся немногими переданными ему свѣдѣніями и запечатлѣнными въ памяти твореніями могучей народной поэзіи. Кругъ его мыслей былъ тѣсенъ; но въ этомъ тѣсномъ кругу душа, удаленная воспитаніемъ и привычкой отъ всякой пошлости и разврата, сохраняла все свое первобытное благородство, пока наконецъ и въ Спартѣ, какъ въ новѣйшее время въ Голландіи и Швейцаріи, долго державшіеся нравы не уступили дѣйствію всеуничтожающаго времени. Наконецъ, просвѣтляющимъ элементомъ спартанской жизни являлись искусства, поэзія, музыка и періодическія національныя торжества, гдѣ, подъ защитой родныхъ божествъ, собирался для поклоненія имъ весь народъ, властители и подвластные, всѣ — кромѣ бѣдняковъ гелотовъ. Такимъ образомъ, мракъ жизни безъ ремеслъ и торговли, безъ литературы и театра хотя отчасти прояснялся этими чертами греческаго быта.

Послѣдніе годы и смерть знаменитаго спартанскаго законодателя являются въ разсказахъ древнихъ въ той же сказочной формѣ, какъ и вообще вся его жизнь. Его учрежденія были введены не безъ затрудненій, и сначала вызвали многія безплодныя попытки частнаго сопротивленія. По окончаніи дѣла Ликургъ объявилъ,

говорятъ, народному собранію, что для довершенія его необходима еще одна мѣра; но что на счетъ ея онъ долженъ сначала спросить совѣта у дельфійскаго оракула. Затѣмъ онъ взялъ со всѣхъ гражданъ клятвенное обѣщаніе не дѣлать до возвращенія его никакихъ измѣненій въ законахъ. Въ Дельфахъ оракулъ сообщилъ ему, что учрежденія его превосходны, и что Спарта будетъ государствомъ могущественнымъ и славнымъ, пока останется имъ вѣрна. Ликургъ передалъ спартанцамъ изреченіе оракула, но самъ къ нимъ уже не возвращался, чтобы не развязать ихъ отъ данной ими присяги. Куда онъ отправился, и гдѣ онъ кончилъ жизнь — трудно рѣшить, — показанія древнихъ объ этомъ противорѣчатъ другъ другу. По однимъ, онъ умеръ недалеко отъ Дельфовъ; по другимъ — въ Элидѣ; по третьимъ — на островѣ Критѣ. Преданіе говоритъ также, что, умирая, Ликургъ приказалъ сжечь свой трупъ и пепелъ его бросить въ море, чтобы перенесеніе его въ Спарту не подало какъ нибудь спартанцамъ повода счесть себя освобожденными отъ исполненія своей клятвы.

Въ ближайшее послѣ Ликурга время, спартанцы подчинили себѣ остававшуюся свободной часть ахейскаго населенія Лаконіи, и вели войну съ сосѣдами своими аргосцами. Вскорѣ послѣ того вспыхнула продолжительная и упорная борьба между ними и мессенцами. Борьба эта, продолжавшаяся девятнадцать лѣтъ (съ 743 по 724 до р. Х.), извѣстна подъ именемъ первой Мессенской войны. Обстоятельства ея, также какъ и ходъ второй войны того же имени, дошли до потомства только въ пѣсняхъ и легендахъ, гдѣ они являются въ весьма изукрашенномъ видѣ, такъ что относительно частныхъ эпизодовъ никакъ нельзя доискаться истины. Поводомъ къ первой войнѣ были частные споры пограничныхъ жителей. Преданіе говоритъ, что еще прежде одинъ спартанскій царь съ нѣсколькими юношами, переряженными въ дѣвушекъ, напалъ, во время общественнаго богослуженія, на собравшихся знатныхъ мессенцевъ и при этомъ лишился жизни. По другому источнику, толпа мессенцевъ похитила спартанскихъ дѣвушекъ и убила

спѣшившаго на выручку ихъ царя. Начались переговоры, тянувшіеся до тѣхъ поръ, пока одинъ спартанецъ не продалъ стада, довѣреннаго его надзору мессенцемъ, и не убилъ присланнаго къ нему сына этого человѣка. Мессенецъ пошелъ жаловаться въ Спарту, и, не получивъ удовлетворенія, перебилъ на обратномъ пути всѣхъ встрѣчавшихся ему спартанцевъ. Переговоры, начатые по этому случаю, также затянулись, и были наконецъ прерваны спартанцами, внезапно и безъ объявленія войны вторгнувшимися въ Мессенію.

Перевѣсъ въ начавшейся войнѣ, большею частью, находился на сторонѣ спартанцевъ. Въ ежегодныхъ нападеніяхъ своихъ на Мессенію, спартанцы постоянно пріобрѣтали господство надъ всей плоской частью края. Мессенцы могли держаться противъ нихъ только въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны такого рода, мессенцы рѣшились бросить всѣ свои города и сосредоточить всю свою силу въ горной крѣпости Итомѣ. Здѣсь, во все остальное время войны, происходила ожесточенная борьба, похожая на борьбу троянъ и грековъ героическаго періода, и поэтическія легенды точно также изукрасили и прославили это событіе. Мессенцы, съ самаго начала, послали спросить совѣта у дельфійскаго оракула, и получили въ отвѣтъ, что они въ томъ только случаѣ могутъ надѣяться на побѣду, если принесутъ въ жертву богамъ дѣвушку изъ царскаго рода. По этому случаю между мессенцами возникаютъ споры, прекращенные наконецъ Аристодемомъ, главнымъ героемъ Мессеніи и членомъ ея царскаго дома. Аристодемъ рѣшается принести въ жертву свою собственную дочь. Женихъ ея не соглашается на это и раздраженный отецъ собственноручно зарѣзываетъ дочь. Приговоръ оракула приводитъ спартанцевъ въ уныніе, хотя собственно царская дочь была принесена въ жертву не богамъ, а гнѣву своего отца. Аристодемъ, Гекторъ Итомы, совершаетъ тогда блистательные подвиги. Въ это время къ мессенцамъ присоединяются аргосцы, сикіонцы и аркадцы, и когда бездѣтный царь ихъ погибаетъ въ нерѣшительномъ сраженіи, то на его мѣсто выбирается Аристодемъ. Спартанцы подверга-

ются совершенному пораженію. Но вскорѣ счастіе опять переходитъ на ихъ сторону. Мессенцамъ сообщается новое изреченіе оракула, о которомъ спартанцы узнаютъ однако прежде ихъ. Оракулъ обѣщалъ побѣду тому народу, который первый поставитъ сто треножниковъ въ итомскомъ храмѣ Юпитера. Мессенцы не спѣшили этимъ дѣломъ, такъ какъ предсказаніе хранилось въ тайнѣ отъ спартанцевъ, и кромѣ того казалось, что имъ невозможно его исполнить. Но одинъ спартанецъ, переодѣвшись, успѣлъ пробраться въ Итому, и поставилъ въ назначенномъ храмѣ сто маленькихъ глиняныхъ треножниковъ.

Отчаяніе овладѣваетъ тогда мессенцами, тѣмъ болѣе что и разныя другія примѣты безпрестанно предсказывали имъ несчастіе. Аристодемъ, преслѣдуемый страшными сновидѣніями, впалъ въ безнадежность, и лишилъ себя жизни на гробѣ напрасно принесенной въ жертву дочери. Тогда союзники отступились отъ мессенцевъ; въ ихъ горной крѣпости обнаружился недостатокъ припасовъ, и, наконецъ, послѣ пяти мѣсяцевъ страданій и геройской защиты, они были принуждены прекратить войну. Часть ихъ бѣжала въ Аркадію, Аргосъ и Сикіонъ, а прочіе сдались спартанцамъ, разрушившимъ тотчасъ Итому. Оставшіеся мессенцы подверглись тяжелой участи. Они лишились политической свободы, и хотя имущество было имъ оставлено, но часть ихъ прибрежья была отдана спартанскимъ періэкамъ. Кромѣ того, они были обложены тяжелою данью половины полеваго сбора и обязаны были, при похоронахъ всякаго спартанскаго царя, надѣвать трауръ.

Такое униженіе и жестокость естественно должны были довести месенцевъ до отчаянія и, рано или поздно, вызвать возстаніе и новую войну. Это было тѣмъ необходимѣе, что и другіе народы Пелопоннеса не могли безъ опасенія видѣть значительное возрастаніе спартанскаго могущества. И дѣйствительно, чрезъ тридцать девять лѣтъ послѣ паденія Итомы вспыхнула вторая Мессенская война. Она продолжалась съ 685 до 670 года, и была ведена спартанцами съ гораздо большимъ ожесточеніемъ

чѣмъ первая, такъ какъ тутъ дѣло шло уже объ усмиреніи возставшихъ подданныхъ. Главнымъ героемъ этой войны былъ мессенецъ Аристоменъ, молодой человѣкъ, принадлежавшій къ царскому дому. Онъ былъ непосредственнымъ виновникомъ возстанія, и во время войны явился предводителемъ мессенцевъ, отказавшись отъ предложеннаго ему соотечественниками царскаго достоинства. Подробности этой войны тоже дошли до потомства только въ пѣсняхъ и легендахъ, потому разсказы о ней также баснословны, какъ и разсказы о первой войнѣ. Въ особенности были воспѣты подвиги и приключенія Аристомена, и преувеличенные разсказы о нихъ у мессенцевъ точно также переходили отъ отца къ сыну, какъ въ Аѳинахъ исторія Тезея или въ Ѳивахъ преданія о Кадмѣ и Эдипѣ.

Аристоменъ, выросшій въ Аркадіи, собравъ вокругъ себя сыновей и внуковъ мессенскихъ эмигрантовъ, и обезпечивъ себѣ поддержку аркадскаго и аргосскаго населенія, вторгнулся въ Мессенію, сопровождаемый толпами своихъ соотечественниковъ и многихъ другихъ пелопоннесцевъ присоединившихся къ нему. Едва вступилъ онъ на родную почву, какъ все населеніе страны возстало и вскорѣ вся Мессенія вооружилась поголовно. Вслѣдъ за тѣмъ произошло сраженіе съ спартанцами. Мессенцы не выиграли его, но и не испытали пораженія, потому почувствовали довѣріе къ успѣху своего дѣла и къ способностямъ своего предводителя. Аристоменъ, котораго преданіе рисуетъ храбрымъ, какъ Ахиллеса, и хитрымъ, какъ Одиссея, умѣлъ смѣлыми подвигами возвысить мужество своихъ согражданъ и навести ужасъ на непріятеля. Разсказываютъ, напримѣръ, что однажды онъ пробрался въ Спарту переодѣтымъ, и въ тамошнемъ храмѣ богини войны поставилъ щитъ съ надписью „Этотъ щитъ, часть добычи отнятой у спартанцевъ, — Аристоменъ посвящаетъ Минервѣ.“

Тогда спартанцы обратились за совѣтомъ къ дельфійскому оракулу, и получили, говорятъ, въ отвѣтъ, что они должны выпросить себѣ предводителя у аѳинянъ. Аѳиняне, изъ зависти и не-

нависти къ Спартѣ, послали имъ хромаго и незнакомаго съ войной школьнаго учителя Тиртея, но этимъ самымъ помогли спартанцамъ больше, чѣмъ еслибы отправили къ нимъ отличнаго полководца. Тиртей былъ великій поэтъ и могуществомъ своихъ пѣсень снова возбудилъ мужество и патріотизмъ въ обезнадеженныхъ и перессорившихся между собою спартанцахъ. Такъ говоритъ самая баснословная и потому пользовавшаяся наибольшимъ довѣріемъ легенда о второй Месенской войнѣ. Очевидно, что это чистая выдумка позднѣйшаго времени, когда между спартанцами и аѳинянами загорѣлась долго непотухавшая непріязнь. Другое преданіе говоритъ, что Тиртей, отъ котораго и до насъ дошло нѣсколько превосходныхъ военныхъ пѣсень, былъ гражданиномъ Дориды. Можетъ быть, все дѣло заключается просто въ томъ, что спартанцы, по совѣту дельфійскаго бога, ввѣрили главное начальство иностранцу. Изреченіе оракула и, съ другой стороны, раздоръ и недовѣріе, поселившееся между спартанцами, дали этому иностранцу большее значеніе, чѣмъ то, какимъ пользовались прежніе спартанскіе полководцы; и, благодаря этому, также какъ и вслѣдствіе пробужденія нравственной силы спартанцевъ, онъ могъ дать ходу войны новый оборотъ. Въ томъ, что Тиртей былъ великимъ поэтомъ и военнымъ героемъ, не можетъ быть сомнѣнія. До позднѣйшаго времени пѣсни его пѣлись въ Спартѣ для возбужденія мужества. Ихъ уважали какъ преданіе о подвигахъ предковъ, и пользовались ими для воспитанія и развитія юношества. Но военная его слава меркнетъ передъ пѣснями, которыя доводятъ блестящіе подвиги Аристомена до предѣловъ чудеснаго. Можетъ быть, что виновниками этого были сами спартанцы, въ особенности если Тиртей былъ не доріецъ, а аѳинянинъ, какъ говоритъ одна легенда.

Но не смотря на то, что появленіе Тиртея снова возбудило упавшее мужество спартанцевъ, счастіе все таки еще долго благопріятствовало мессенцамъ. Въ одномъ большомъ сраженіи Аристоменъ одержалъ даже такую блестящую побѣду, что спартанцы уже

хотѣли отказаться отъ продолженія войны, и только Тиртей удержалъ ихъ отъ этого намѣренія. Аристоменъ вступаетъ въ предѣлы Лаконіи, и даже рѣшается проникнуть до ближайшихъ окрестностей Спарты. Однажды на храмовомъ праздникѣ онъ нападаетъ на спартанскихъ женщинъ, попадается имъ въ плѣнъ, но вскорѣ ускользаетъ отъ нихъ, и совершаетъ еще много другихъ похожденій подобнаго рода. Наконецъ дѣло доходитъ до новаго сраженія. Оно проигрывается Аристоменомъ вслѣдствіе измѣны, подкупленнаго спартанцами аркадскаго царя Аристократа, и мессенцы испытываютъ кровавое пораженіе. Спартанцы пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого господство надъ низменной частью края, а противники ихъ удаляются, какъ нѣкогда въ Итому, въ горную крѣпость Иру, за обладаніе которой война тянется еще одиннадцать лѣтъ.

Эта продолжительная оборона находилась въ связи съ партизанской войной, въ которой мессенцы такъ сильно тревожили своихъ противниковъ набѣгами, что тѣ принуждены были отказаться на нѣкоторое время отъ обработки полей занятой ими Мессеніи. Поэтическое преданіе украшаетъ этотъ періодъ войны самыми удивительными подвигами и приключеніями мессенскаго героя. Однажды онъ, между прочимъ, попался въ плѣнъ вмѣстѣ съ пятидесятью товарищами, сопровождавшими его въ партизанскомъ набѣгѣ. Вмѣстѣ съ ними его столкнули въ Каядасъ, скалистую пропасть, находившуюся въ Спартѣ. Туда обыкновенно бросали государственныхъ преступниковъ или ихъ трупы. Всѣ плѣнники погибли при этомъ паденіи, одинъ только Аристоменъ невредимо достигъ дна пропасти. Онъ пролежалъ тамъ три дня, и уже думалъ, что ему придется погибнуть голодной смертью, когда его спасла лисица, подкравшаяся къ трупамъ. Онъ уцѣпился за ея хвостъ, и, такимъ образомъ, пробрался по запутаннымъ изгибамъ скалы. Благополучно выйдя изъ непріятельскаго города, онъ къ величайшей радости своихъ соплеменниковъ снова явился въ крѣпости Ирѣ. Здѣсь Аристоменъ отпраздновалъ

гекатомфонію, — рѣдкое торжество, которое у древнихъ могъ праздновать только тотъ, кто собственною рукою убилъ сто человѣкъ непріятелей. Праздникъ этотъ три раза повторялся въ жизни Аристомена. Вскорѣ затѣмъ онъ снова былъ пойманъ критскими стрѣлками, нанятыми Спартой. Они потащили его связаннымъ, съ намѣреніемъ привести въ Спарту. На слѣдующую ночь, не успѣвъ еще миновать границу Мессеніи, зашли они въ домъ одной вдовы. Дочь этой женщины, желая спасти героя своей родины, перепоила стрѣлковъ, освободила плѣнника, и убѣжала вмѣстѣ съ нимъ и своею матерью. Аристоменъ выдалъ свою избавительницу за сына своего Горга.

Но, не смотря на все мужество и счастіе Аристомена, для Иры и мессенцевъ, какъ нѣкогда для Трои и ея героевъ, наступилъ часъ паденія. Въ бурную ночь мессенская стража ушла съ одного изъ крѣпостныхъ постовъ. Спартанцы узнали объ этомъ черезъ перебѣжчиковъ и взобрались на крѣпостной валъ. Три дня и три ночи защищались еще мессенцы подъ начальствомъ Аристомена. Наконецъ, выбившись изъ силъ, они были принуждены уступить превосходству непріятеля и гоненію судьбы. Аристоменъ потребовалъ свободнаго отступленія съ оружіемъ въ рукахъ. Спартанцы согласились на это, и Аристоменъ вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ товарищами отступилъ въ Аркадію (670 до р. Х.) Здѣсь онъ тотчасъ составилъ планъ неожиданнаго нападенія на Спарту, войска которой все еще находились въ Мессеніи. Но отъ плана этого пришлось отказаться, потому что спартанцы узнали о немъ отъ аркадскаго царя, котораго подданные за эту измѣну побили каменьями. Аристоменъ отправился тогда въ городъ Галисъ, на островѣ Родосѣ. Царь этого города Дамагетъ спрашивалъ дельфійскаго оракула, кого ему слѣдуетъ взять въ жены? Оракулъ отвѣчалъ: „дочь величайшаго изъ грековъ.“ Вслѣдствіе того Дамагетъ женился на дочери Аристомена, котораго онъ взялъ съ собою на Родосъ. Здѣсь вскорѣ и умеръ Аристоменъ.

Мессенскіе эмигранты, чтобы найти себѣ новое отечество, по-

плыли, подъ предводительствомъ Горга, къ городу Регію въ нижней Италіи. Отсюда они овладѣли сицилійскимъ городомъ Занклою, и, выгнавъ прежнихъ жителей, дали ему имя своего роднаго края — Мессены. Это имя, измѣнившееся въ Мессину, городъ сохраняетъ и до сихъ поръ. Мессенцевъ оставшихся на родинѣ постигла самая ужасная участь, они всѣ были обращены въ гелотовъ. Это злоупотребленіе побѣдой было также гибельно для спартанцевъ, какъ и для побѣжденнаго народа. Жестоко притѣсненные мессенцы не пропускали ни одного удобнаго случая, чтобы возставать противъ своихъ владыкъ, и враги Спарты всегда пользовались этимъ обстоятельствомъ въ войнахъ съ нею. Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ окончанія второй Мессенской войны, возстаніе мессенцевъ, къ которому присоединились и другіе гелоты, привело къ продолжительной, но несчастной для нихъ борьбѣ, извѣстной подъ именемъ третьей Мессенской войны. Спустя сто лѣтъ, ѳиванцы Эпаминондъ и Пелопидъ, во время побѣдоносной борьбы съ Спартой, возстановили независимость Мессеніи, и тѣмъ навсегда поколебали могущество Спарты. Нельзя однако отрицать, что притѣсненіе мессенцевъ и вообще гелотство имѣли для спартанцевъ и свою полезную сторону. Мысль о внутреннемъ врагѣ, готовомъ каждую минуту присоединиться къ враждебнымъ сосѣдямъ, всего сильнѣе поощряла спартанцевъ и періэковъ крѣпко держаться учрежденій, которыя изъ каждаго спартанца дѣлали воина и всю ихъ страну обращали въ вооруженный станъ.

Народъ, безпрерывно преданный военнымъ упражненіямъ, естественно долженъ былъ часто ссориться съ своими сосѣдями. Это лежало въ самой природѣ вещей, и въ поводахъ къ войнѣ не могло быть недостатка. Могущественнѣйшими противниками Спарты въ Пелопоннесѣ были аркадцы и аргосцы, съ которыми ей не разъ приходилось вести войну. Аркадія, какъ и большая часть пелопоннесскихъ государствъ, должна была наконецъ заключить со Спартой союзъ, и, подобно имъ, лишилась вслѣдствіе этого своей независимости. Арголида, послѣ долгой борьбы, потеряла въ 550 го-

ду до р. Х. прилегавшій къ Лаконіи округъ Кинурію, и съ тѣхъ поръ уже не въ силахъ была воевать съ Спартой. Она не заключала, по примѣру другихъ пелопоннесскихъ государствъ, союза съ Спартою; напротивъ того, постоянно уклонялась отъ участія во всѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ Спарта являлась предводительницей пелопоннесцевъ, но была уже не въ силахъ лишить Спарту ея преобладающаго значенія, или хотя бы только ослабить его. Около половины шестаго вѣка до р. Х. къ союзу со Спартой принадлежали всѣ государства Пелопоннеса, за исключеніемъ одной только Арголиды и незначительной Ахаіи, долгое время не принимавшей никакого участія въ дѣлахъ Греціи. Отношенія Спарты къ союзникамъ заключались въ томъ, что въ общихъ войнахъ она распоряжалась ихъ войсками, давала направленіе общимъ дѣламъ союза, и въ союзномъ совѣтѣ, рѣшавшемъ вопросы о мирѣ или войнѣ, имѣла рѣшительный перевѣсъ, не смотря на равенство голосовъ всѣхъ членовъ союза. Такое отношеніе сильной державы къ другимъ самостоятельнымъ государствамъ обыкновенно называютъ гегемоніей — словомъ заимствованнымъ изъ греческаго языка. Такимъ образомъ, Спарта, еще до начала персидскихъ войнъ, стояла въ главѣ Пелопоннеса, сосредоточивала въ рукахъ своихъ всю силу дорійскаго племени, считалась и у грековъ и у не грековъ первымъ государствомъ Греціи, и дѣйствительно имѣла право на это мѣсто, пока Аѳины, ставъ во главѣ іонійскаго племени, не лишили ее большей части ея значенія.

Въ послѣднемъ десятилѣтіи шестаго вѣка, Спарта, союзниками которой, кромѣ большей части государствъ Пелопоннеса, были еще Мегара и Эгина, заговорила рѣшительнымъ тономъ и за предѣлами своего полуострова, вмѣшавшись вмѣстѣ съ своими союзниками во внутреннія дѣла аѳинянъ. Впрочемъ достопамятная борьба между ею и Аѳинами за гегемонію Греціи начинается уже въ слѣдующемъ столѣтіи.

Въ заключеніе, замѣтимъ еще, что въ концѣ этого періода одинъ спартанскій царь былъ низложенъ съ престола и, убѣжавъ въ Пер-

сію, всталъ въ ряды враговъ своей родины. Этого царя, соправителя властолюбиваго Клеомена I, звали Дамаратомъ. Онъ поссорился съ своимъ товарищемъ, и оба они всячески старались вредить другъ другу, пока наконецъ Клеомену не удалось погубить менѣе ловкаго противника. Онъ объявилъ, что Дамаратъ не царскій сынъ, а подкидышъ, воспитанный въ домѣ его предшественника. Рѣшеніе этого вопроса было предоставлено дельфійскому оракулу. Клеоменъ умѣлъ склонить его на свою сторону, и Дамарату пришлось оставить престолъ (491 до Х.). Горя желаніемъ отмстить, Дамаратъ отправился въ Персію, царь которой снаряжалъ въ то время экспедицію противъ Греціи.

5. Исторія аѳинянъ отъ Тезея до начала Персидскихъ войнъ.

Аттика, столицею которой были Аѳины, имѣла почву большею частью каменистую и не плодородную, и занимала пространство въ сорокъ или сорокъ пять нѣмецкихъ квадратныхъ миль. Такимъ образомъ, по величинѣ она была не больше какого нибудь тюринго-саксонскаго герцогства. Населеніе ея, въ самый цвѣтущій періодъ ея исторіи, не превосходило пятисотъ тысячъ человѣкъ. Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ нужно еще прибавить, что чрезвычайное развитіе торговли и мореплаванія Эгины долгое время не позволяли жителямъ Аттики держаться въ морѣ. И не смотря на все это, Аѳины вступили въ побѣдоносную борьбу съ могущественными и воинственными дорянами Пелопоннеса, и достигли безпримѣрной въ исторіи степени блеска, который черезъ нихъ озарилъ и все іонійское племя. Аѳиняне не только стали въ главѣ всѣхъ государствъ Греціи, но умѣли соединить и усовершенствовать все, сдѣланное въ другихъ греческихъ странахъ, другими племенами Греціи. Они довели греческую цивилизацію до послѣдней степени совершенства, до лучшаго ея выраженія, и стали, вслѣдствіе того, красою человѣчества.

Только обстоятельства особеннаго рода, вызванныя персидскими войнами, могли доставить жителямъ такой маленькой и бѣдной земельки это громадное всемірно-историческое значеніе. Демократическая конституція Солона, благопріятствовавшая развитію ума, искусствъ и промышленности, способствовала этому въ значительной степени, но далеко не была единственной причиной величія и значенія аѳинянъ. Еще до нея, они успѣли занять важное мѣсто въ ряду грековъ, и уже затѣмъ это измѣненіе государственнаго порядка и благопріятныя внѣшнія обстоятельства поставили ихъ на необыкновенную степень высоты. —

Послѣ смерти царя Менестея, выгнавшаго героя Тезея изъ Аѳинъ, потомки Тезея снова овладѣли престоломъ. Значеніе Аѳинъ было въ то время такъ ничтожно, что подъ Троей царь ихъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду греческихъ государей. Въ эпоху возвращенія гераклидовъ, іоняне, выгнанные изъ Ахаіи Тисаменомъ, вмѣстѣ съ частью ахейскаго населенія другихъ мѣстностей Пелопоннеса бѣжали въ Аттику. Въ числѣ этихъ ахеянъ находился Мелантъ, потомокъ прославившагося въ Троянской войнѣ царя Нестора. Онъ спасъ аѳинянъ въ одной изъ ихъ войнъ съ жителями Беотіи, выйдя побѣдителемъ изъ единоборства, отъ котораго отказался аѳинскій царь, правнукъ Тезея. Царь этотъ былъ за то согнанъ съ престола, отданнаго Меланту.

Преемникомъ Меланта является сынъ его, Кодръ, исторія котораго, какъ и вообще вся исторія отдаленныхъ временъ, искажена сказками и прикрасами. Во время его царствованія аѳиняне вели войну съ дорянами Пелопоннеса, и дельфійскій оракулъ обѣщалъ побѣду тому народу, чей царь будетъ убитъ непріятелемъ. Кодръ рѣшился пожертвовать собою для блага отечества, и такъ какъ дорянамъ было приказано щадить жизнь аѳинскаго царя, то онъ отправился къ нимъ въ лагерь переодѣтый поселяниномъ, завязалъ тамъ ссору съ нѣсколькими солдатами, и былъ ими убитъ (около 1068 г. до р. Х.). Тогда доряне, отчаявшись въ побѣдѣ, вышли изъ Аттики, оставивъ однако за собой обладаніе Мега-

рой, которая до тѣхъ поръ была подвластна Аѳинамъ. По словамъ преданія, аѳиняне, послѣ смерти Кодра, отмѣнили у себя царское достоинство, говоря, что нѣтъ человѣка достойнаго занять мѣсто такого благороднаго царя. Достовѣрно только то, что послѣ Кодра аѳинскіе правители назывались уже не царями, а архонтами (владыками). Многіе считаютъ себя въ правѣ выводить изъ этого обстоятельства то заключеніе, что послѣ смерти Кодра царская власть была весьма ограничена; но это сомнительно. Напротивъ того, безспорно достовѣрно другое событіе, происшедшее, какъ полагаютъ, тогда же, и имѣвшее важное значеніе въ греческой исторіи. Сыновья Кодра поссорились за обладаніе престоломъ, и тѣ изъ нихъ, которые потерпѣли неудачу, были принуждены эмигрировать. Аттика была тогда переполнена пелопоннескими бѣглецами, и потому большая часть іонянъ, пришедшихъ изъ Ахаіи, поплыла вмѣстѣ съ этими сыновьями Кодра къ берегамъ Малой Азіи. Результатомъ было основаніе Милета, Эфеса и другихъ іонійскихъ колоній, доставившихъ впервые важность въ Греціи Аѳинамъ, городу, не имѣвшему до тѣхъ поръ никакого значенія. Іонійскія колоніи развились быстро и блистательно; вслѣдствіе того поднялась и метрополія ихъ — Аѳины, значеніе которой относительно спартанцевъ и другихъ дорянъ стало рости въ той самой мѣрѣ, въ какой развивались сила и богатство іонійскихъ государствъ Малой Азіи и основанныхъ ими колоній.

Въ Аѳинахъ весьма рано обнаружилось вліяніе знатныхъ родовъ, называвшихся эвпатридами. Съ ходомъ времени вліяніе это усилилось, и монархическая форма правленія стала все болѣе и болѣе переходить въ аристократическую. Нѣкоторыя изъ знатныхъ фамилій еще съ героическихъ временъ наслѣдственно владѣли жреческими должностями, и вслѣдствіе того пользовались большимъ значеніемъ. А цари не могли надѣяться на поддержку сосѣднихъ дорійскихъ государствъ, и даже не имѣли права содержать стражу, которая могла бы оградить ихъ власть силою оружія. Съ другой стороны, іонійскія колоніи,

скоро сдѣлавшіяся республиками, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своей метрополіей, которая и сама всегда славилась трудолюбіемъ и дѣятельностью своихъ гражданъ больше, чѣмъ военнымъ могуществомъ. Всѣ эти обстоятельства должны были приблизить монархическую форму правленія Аѳинъ къ республиканской. Царская власть постепенно теряла значеніе, и наконецъ должна была уступить мѣсто аристократіи. Прежде всего (752 до р. X.) были отмѣнены наслѣдственность и пожизненность достоинства архонтовъ. Положено было, что назначеніе въ архонты производится не иначе, какъ по выбору. Архонтомъ нельзя было оставаться долѣе десяти лѣтъ, по прошествіи которыхъ бывшій архонтъ былъ обязанъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сначала архонтовъ выбирали изъ потомства Кодра, но потомъ званіе это стало доступно всѣмъ эвпатридамъ. Въ 682 г. до р. X. сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ, и постановлено вмѣсто одного архонта выбирать ихъ девять и срокомъ всего на одинъ годъ. Всѣ девять архонтовъ выбирались изъ среды эвпатридовъ. Трое изъ нихъ занимались собственно правительственными дѣлами, а остальные шесть — судебной частью. Послѣднихъ называли *тесмотетами* (т. е. ревизорами, охранителями законовъ). Званіе первыхъ трехъ архонтовъ считалось высшимъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ особенный титулъ. Перваго звали архонтомъ—эпонимомъ, т. е. архонтомъ дающимъ имя, потому что въ Аѳинахъ означали годъ его именемъ, какъ въ Римѣ именами консуловъ. Онъ считался главнымъ между архонтами, и завѣдывалъ различными дѣлами. Втораго звали архонтомъ—царемъ, потому что онъ занимался главнымъ образомъ религіозными дѣлами, подлежавшими прежде вѣдѣнію царя. Наконецъ третьяго, по роду его занятій, называли архонтомъ — полемархомъ, т. е. военнымъ министромъ.

Такъ установилась въ Аѳинахъ чистѣйшая аристократія. Она правила сурово и жестоко, и естественнымъ образомъ не могла долго продолжаться. Управленіе государствомъ безусловно сосредоточивалось въ рукахъ дворянства. Только эвпатриды могли

быть судьями, и приговоры ихъ составлялись на основанiи незаписанныхъ, имъ однимъ извѣстныхъ и потому совершенно произвольныхъ, узаконенiй. Жрецами важнѣйшихъ божествъ были опять, по праву наслѣдства, члены тѣхъ же фамилiй, въ рукахъ которыхъ находилась и судебная часть. Такимъ образомъ, пока держалось это чисто аристократическое устройство, гражданинъ, оскорбленный въ правахъ своихъ, не могъ съ довѣрiемъ обратиться ни къ правительству, ни къ судамъ, ни къ жрецамъ. Обстоятельства неизбѣжно приводили его къ самоуправству, и отсюда возникали всякаго рода безпорядки. Къ счастiю аѳинскiе граждане сохранили еще отъ героическихъ временъ право собираться и издавать законы. Поэтому, если народъ находилъ руководителя, то онъ могъ вынуждать эвпатридовъ къ уступкамъ въ свою пользу. Такимъ образомъ, въ 624 году аристократiя была принуждена уступить желанiю народа, и изданiемъ письменныхъ законовъ былъ положенъ конецъ судебному произволу. Тогдашнiй архонтъ, Драконъ былъ уполномоченъ эвпатридами на составленiе такого законодательства. Много пособить дѣлу это однако не могло, потому что корень зла заключался не въ законахъ, а въ политическомъ устройствѣ и въ томъ, что народъ, исключенный изъ всѣхъ должностей, не имѣлъ достаточно силъ, чтобъ заставлять уважать законы.

Законодательство Дракона совершенно не касалось политическаго устройства, а измѣняло только законы, на основанiи которыхъ должны были составляться судебные приговоры. Наказанiя, опредѣленныя ими, были такъ жестоки, что даже за легкiе проступки, какъ, напримѣръ, за кражу фруктовъ и т. п. была положена смертная казнь. Впослѣдствiи про законы эти говорилось, что они писаны не чернилами, а кровью. Очевидно, что уступая народному требованiю объ изданiи письменныхъ законовъ, эвпатриды имѣли намѣренiе подавить просыпавшееся сознанiе народа гнетомъ крайне жестокихъ наказанiй. Поэтому законодательство Дракона вскорѣ стало предметомъ глубокой ненависти, страданiя народа оста-

лись прежнія, и раздоръ между аристократіею и гражданами продолжалъ разгораться.

Вскорѣ послѣ изданія законовъ Дракона (около 598 или, что вѣроятнѣе, около 610 года) вспыхнули сильные раздоры между самими эвпатридами. Они раздѣлились на двѣ партіи, спорившія между собой о первенствѣ. Предводитель одной изъ нихъ, Килонъ, рѣшился воспользоваться этими смутами, чтобы сдѣлаться единственнымъ правителемъ города. Килонъ былъ зятемъ тиранна сосѣдняго города Мегары, получилъ оттуда подкрѣпленіе вооруженными людьми, и, кромѣ того, досталъ отъ дельфійскаго оракула предсказаніе, которымъ надѣялся оправдать свой поступокъ въ глазахъ народа. Ему было тѣмъ легче составить этотъ планъ, что тогдашнее положеніе Греціи особенно благопріятствовало появленію тиранновъ. Обнаружившаяся впослѣдствіи всеобщая ненависть къ владычеству одного въ то время не успѣла еще развиться; да и гнетъ аристократіи облегчалъ тираннамъ осуществленіе ихъ цѣли. Килонъ неожиданно напалъ на Акрополисъ или Аѳинскую цитадель и овладѣлъ ею. Но онъ не разсчиталъ свои силы и силы своихъ противниковъ. Аристократія и архонты вооружили своихъ сельскихъ вассаловъ, нарушители спокойствія были заперты въ Акрополисъ и обречены на голодную смерть. Килонъ и братъ его успѣли пробраться мимо непріятельскихъ сторожевыхъ постовъ и благополучно достигли Мегары, остальнымъ не удалось бѣжать. Когда нѣкоторые изъ нихъ уже погибли отъ голода, они бросились искать спасенія у жертвенниковъ боговъ, которые въ Греціи всегда считались неприкосновенными убѣжищами. Но и тамъ были перерѣзаны. Это преступленіе противъ божества было сдѣлано подъ руководствомъ архонтовъ, т. е. было дѣломъ государственнымъ, и по понятіямъ грековъ наказаніе за грѣхъ должно было упасть на весь аѳинскій народъ; но такъ какъ всего болѣе дѣйствовала при этомъ одна изъ знатнѣйшихъ аѳинскихъ фамилій, Алкмеониды, то на нее въ особенности должна была пасть вся тяжесть не-

беснаго проклятія. Въ позднѣйшее время партіи часто пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы возбуждать суевѣрный народъ противъ того или другаго изъ проклятыхъ небомъ Алкмеонидовъ, и вытѣснять ихъ съ политическаго поприща.

Вскорѣ послѣ этого событія, Аѳины начали опасаться гнѣва боговъ и, по предложенію въ первый разъ явившагося тутъ на политическомъ поприщѣ, знаменитаго впослѣдствіи Солона, участники убійства были обвинены судебнымъ порядкомъ. Тѣ изъ нихъ, которые остались въ живыхъ, были принуждены удалиться изъ Аттики, а кости умершихъ были вырыты изъ земли и вывезены за границу. Но народъ все таки неуспокоился и когда принадлежавшій къ Аттикѣ островъ Саламинъ былъ завоеванъ жителями Мегары, а въ Аѳинахъ распространилась зараза, то въ этихъ событіяхъ аѳиняне увидѣли гнѣвъ боговъ и сочли за необходимое общественнымъ покояніемъ очистить отъ грѣха весь городъ. Для приличнаго совершенія этого покаянія призвали въ Аѳины знаменитаго Эпименида критскаго, друга Солона (597 до р. Х.). Эпименидъ, подобно Пиѳагору, соединялъ въ себѣ таинственную внѣшность восточнаго жреца, съ прозорливостью, правдивостью и безкорыстіемъ греческаго политика и мудреца. Ему приписывали сношенія съ богами и, въ числѣ другихъ его чудесъ, разсказывали, что еще въ юности онъ впалъ однажды въ глубокій сонъ, продолжавшійся не менѣе сорока лѣтъ. Пригласивъ въ Аѳины этого мудреца, другъ Эпименида, Солонъ показалъ себя однимъ изъ тѣхъ людей, которые, прославляя и даже поощряя развитіе свободы народа, въ тоже время старались сдерживать ее посредствомъ религіи, прилаживая мистическіе обряды востока къ политическому быту Греціи. Эпименидъ очистилъ Аѳины отъ грѣха посредствомъ различныхъ странныхъ церемоній, успѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовать весь аѳинскій культъ, и старался помочь пріятелю своему Солону привести въ исполненіе задуманную имъ тогда государственную реформу.

Черезъ три года послѣ этого очищенія (594) Солонъ выполнилъ свое намѣреніе и составилъ знаменитое свое законодательство. Извѣстный какъ поэтъ и одинъ изъ семи, такъ называемыхъ, греческихъ мудрецовъ, онъ принадлежалъ, по рожденію, къ знатнѣйшимъ аѳинскимъ фамиліямъ. Одаренный большими способностями, онъ умѣлъ пріобрѣсти знаніе людей и усвоить себѣ все образованіе того времени. Съ этою цѣлью онъ предпринималъ путешествія въ различныя страны и, по возвращеніи на родину, успѣлъ пріобрѣсти такое значеніе, что могъ уже принять, какъ мы видѣли, участіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за возстаніемъ Килона. Со времени очищенія, совершеннаго Эпименидомъ, онъ сталъ первымъ лицомъ въ государствѣ и вслѣдъ затѣмъ помогъ своимъ согражданамъ завоевать обратно Саламинъ, какъ говорятъ, посредствомъ двойной хитрости. Аѳиняне нѣсколько разъ возобновляли нападенія на этотъ островъ, но были постоянно отражаемы съ такими потерями, что наконецъ грозили смертною казнью тому, кто еще разъ заговоритъ объ этомъ предпріятіи. Не смотря на то Солонъ, сговорившись съ нѣсколькими другими гражданами, вскорѣ вызвалъ безнаказанно новую попытку возвратить Саламинъ. Распространивъ слухъ о томъ, что онъ часто подвергается припадкамъ умопомѣшательства, онъ явился однажды въ народное собраніе, притворившись сумасшедшимъ, и прочелъ сочиненные имъ же стихи, воспламенившіе народъ къ новому нападенію на Саламинъ. Когда, при посредствѣ друзей его, предпріятіе это было рѣшено, ему поручили начальство надъ экспедиціею, и онъ, посредствомъ военной хитрости, отнялъ островъ у жителей Мегары.

Вслѣдъ затѣмъ Солонъ вызвалъ первую изъ такъ называемыхъ священныхъ войнъ, веденныхъ государствами союза амфиктіоновъ для защиты храма Аполлона въ Дельфахъ. Жители фокидскаго города Кирры обременяли разными поборами путниковъ, шедшихъ къ оракулу, и наконецъ сдѣлали разбойническое нападеніе на владѣнія самого бога. Мнѣнія въ союзѣ амфиктіоновъ, который долженъ былъ наказать за это преступленіе, раздѣлились,

и рѣшеніе его замедливалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ Солонъ, въ званіи представителя Аѳинъ, не успѣлъ склонить союзъ къ начатію первой священной войны. Война это продолжалась съ 600 по 590 годъ, и кончилась тѣмъ, что городъ Кирра былъ разрушеніе, а округъ его посвященъ богу Аполлону, и произнесено страшное проклятіе каждому, кто когда нибудь осмѣлится воздѣлывать эту землю. Усердіе, съ которымъ Солонъ хлопоталъ объ отмщеніи за бога, доставило ему большое уваженіе какъ въ Аѳинахъ, такъ и во всей Греціи.

Между тѣмъ неправильность общественныхъ отношеній въ Аѳинахъ такъ усилилась, что явилась необходимость измѣнить ихъ и уничтожить зло съ корнемъ. Значительная часть народа впала въ страшные долги, поставившіе ихъ въ полную зависимость отъ аристократіи, и которыхъ нельзя было уплатить правильнымъ образомъ. Должники и кредиторы почти открыто воевали другъ противъ друга.. Въ вопросѣ о государственномъ управленіи, населеніе Аттики точно также дѣлилось на три партіи, соотвѣтствовавшія, отчасти, различнымъ географическимъ особенностямъ страны, и имѣвшія сообразныя съ этимъ имена. Педіэями, или жителями плоской части страны, разстилавшейся къ сторонѣ Мегары, называли знатныхъ землевладѣльцевъ, старавшихся удержать аристократическое правленіе; діакріями или гиперакріями, т. е. горными жителями, первоначально называли жителей гористыхъ округовъ въ сѣверной и восточной части Аттики, но въ смыслѣ партіи, этимъ именемъ означали всю массу бѣдныхъ, желавшую полнаго государственнаго переворота и установленія демократіи. Наконецъ, подъ именемъ паралiевъ, т. е. собственно прибрежныхъ жителей южной Аттики, разумѣли зажиточную часть городскаго сословія, желавшую смѣшаннаго правленія. Чтобы ослабить раздоры этихъ партій и введеніемъ новаго законодательства радикально излечить общественныя язвы, аѳиняне выбрали архонтомъ Солона, вмѣстѣ съ тѣмъ поручивъ ему сдѣлать

въ правленіи и въ законахъ всѣ измѣненія, какія онъ сочтетъ необходимыми.

Первое, за что взялся Солонъ, было улучшеніе крайне напряженныхъ отношеній между должниками и кредиторами, или, такъ называемыя, сейсахтія, т. е. буквально: сбрасываніе бремени. Это не было уничтоженіемъ долговъ; чрезмѣрное неравенство состояній Солонъ смягчилъ, главнымъ образомъ, только измѣненіемъ монеты. Онъ понизилъ ее на 27 или 28 процентовъ, и этимъ на столько же возвысилъ цѣнность наличныхъ денегъ относительно тѣхъ, какія полагалось чеканить впредь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя на должникахъ обязанность уплатить всю сумму ихъ долговъ, онъ приказалъ производить уплату новыми деньгами. Должники выигрывали такимъ образомъ 27 или 28 процентовъ. Кромѣ того, Солонъ отмѣнилъ старый законъ, по которому кредиторъ могъ удовлетворять себя продажей должника въ рабство.

Солонъ ввелъ въ Аѳины демократію, къ которой однако очень ловко и почти непримѣтно былъ примѣшанъ аристократичесікй элементъ. Замѣчательнѣйшей, всемірно-исторической чертой этого правленіе было то, что Солонъ первый замѣнилъ аристократію рожденія — тимократіей, т. е. аристократіей богатства. Другими словами, онъ первый поставилъ большую или меньшую степень правительственнаго участія гражданъ въ зависимость отъ ихъ имущества; между тѣмъ какъ прежде различіе политическихъ правъ опредѣлялось рожденіемъ, т. е. было наслѣдственнымъ. Ниже будетъ показано, какъ Солонъ, посредствомъ особенныхъ учрежденій, все таки оставилъ за знатными нѣкоторую долю вліянія на управленіе.

Населеніе Аттики дѣлилось на три класса: на гражданъ, рабовъ и такъ называемыхъ метековъ, т. е. жителей, пользовавшихся покровительствомъ. Послѣдніе были лично свободны, но не имѣли никакого участія въ администраціи и законодательствѣ, потому что къ этому классу причислялись только поселившіеся въ Аттикѣ иностранцы или отпущенники и ихъ потомки. Рабы не пользовались никакими

правами, и законъ только ограждалъ ихъ отъ полнаго произвола владѣльцевъ. Высшія политическія права составляли исключительную принадлежность гражданъ. Къ нимъ причислялись всѣ, родившіеся отъ законнаго брака между гражданиномъ и гражданкою, и тѣ, кому народное собраніе давало право гражданства. Граждане съ давнихъ поръ дѣлились на четыре разряда, называвшіеся **филами**. Филы эти возникли по географическимъ причинамъ и распадались на второстепенныя подраздѣленія. Солонъ сохранилъ ихъ, но, кромѣ того, раздѣлилъ гражданъ еще на четыре класса, по степени ихъ зажиточности. Лица, собиравшія ежегодно пятьсотъ мѣръ хлѣба и столько же вина и масла, принадлежали къ первому классу. Триста такихъ мѣръ были наименьшею нормою дохода для лицъ втораго класса, а двѣсти — для третьяго. Четвертый классъ состоялъ изъ тѣхъ, которые собирали менѣе двухсотъ мѣръ или не собирали ничего. Итакъ, для опредѣленія зажиточности гражданъ были приняты доходы съ поземельной собственности. Тѣмъ же самымъ опредѣлялись въ законахъ Солона права и обязанности гражданъ, различныя для каждаго класса. Лица четвертаго класса, называвшіяся **тетами**, не платили податей и принимали участіе въ войнѣ только какъ легко-вооруженные воины или какъ морскіе солдаты. За то они не допускались ни къ какимъ должностямъ, и высшія политическія права ихъ заключались только въ томъ, что въ народномъ собраніи они имѣли голосъ наравнѣ съ гражданами первыхъ классовъ и могли быть выбираемы въ судьи. Члены первыхъ трехъ классовъ имѣли одинаковыя права на занятіе всѣхъ должностей, съ тѣмъ только исключеніемъ, что званіе архонтовъ и членовъ, такъ называемаго, ареопага было доступно однимъ гражданамъ перваго класса. Подати соразмѣрялись съ поземельнымъ доходомъ. Военная повинность распредѣлялась между различными классами также неодинаково. Лица перваго класса, называвшіяся **пентекосіомедимнами**, т. е. гражданами пяти сотъ мѣръ (медимновъ), преимущественно занимали высшія военныя должности. Чле-

ны втораго класса были обязаны являться на войну на конѣ и содержать для этого лошадь, почему ихъ и называли гиппеями, т. е. всадниками. Наконецъ, изъ третьяго класса составлялась въ военное время тяжеловооруженная пѣхота, и его члены назывались зевгитами, потому что были въ состояніи содержать зевгъ, т. е. запряжку для полевыхъ работъ.

Народное собраніе, въ которомъ всѣ граждане участвовали съ равнымъ правомъ голоса, было высшею правительственною властью; въ немъ, за немногими исключеніями, всѣ дѣла рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ. Для участія въ собраніи необходимо было имѣть 18 или 20 лѣтъ отъ роду. По правиламъ, оно созывалось сенатомъ или предводителемъ войскъ по четыре раза въ каждые тридцать пять дней. Обыкновеннымъ мѣстомъ его былъ, такъ называемый, Пниксъ, холмъ, обдѣланный съ одной стороны полукругомъ, въ видѣ театра, съ рядами ступеней для сидѣнья. Для того, чтобы ни одинъ гражданинъ не могъ уйти изъ собранія прежде окончанія его, улицу, ведущую къ Пниксу, на это время загораживали. Передъ началомъ собранія точно также запирались городскія ворота и прекращалась торговля на рынкахъ. Всѣхъ гражданъ, встрѣчавшихся въ это время на улицахъ, принуждали отправляться въ собраніе. Предсѣдательство принадлежало сначала президенту сената, но впослѣдствіи было ввѣрено девяти сенаторамъ, выбираемымъ по жребію изъ тѣхъ, которые не принадлежали къ такъ называемымъ пританамъ или сенатскому комитету. Въ собраніи, всегда открывавшемся религіозными церемоніями, могъ говорить о дѣлахъ всякій, кто не подвергался наказаніямъ, съ которыми была соединена потеря этого права. Впрочемъ само собою разумѣется, что и въ народномъ собраніи и въ сенатѣ на это рѣшались только люди, имѣвшіе значительное вліяніе на управленіе государствомъ, и для которыхъ государственныя дѣла были постояннымъ занятіемъ. Занимаясь только этими дѣлами, они серьёзно готовились къ тому и отказывались отъ всякой промышленной дѣятельности.

Народное собраніе имѣло законодательную власть, выбирало государственныхъ чиновниковъ, оправдывало или смѣщало тѣхъ изъ нихъ, которые подвергались обвиненіямъ, опредѣляло налоги, требовало отчетъ въ употребленіи государственныхъ суммъ, рѣшало миръ и войну, также какъ и всѣ внѣшнія дѣла вообще, и выслушивало иностранныхъ пословъ. Оно же давало право гражданства иностранцамъ, для чего однако требовалось не менѣе шести тысячъ голосовъ, распоряжалось религіозными дѣлами, торжествами и выраженіями народной благодарности, наконецъ, судило государственныя преступленія. Предоставивъ народному собранію такую обширную власть, Солонъ принялъ въ тоже время мѣры, чтобы не допустить демократію перейти въ анархію. Такимъ образомъ, въ народное собраніе не могъ быть внесенъ ни одинъ вопросъ, не обсужденный предварительно сенатомъ. Вопросъ, отвергнутый имъ, не могъ уже быть предложенъ народу раньше года. При каждомъ предложеніи объ измѣненіи или отмѣнѣ существующаго закона для защиты его являлись особенныя должностныя лица; послѣ этого онъ разсматривался комитетомъ гражданъ и снова былъ защищаемъ въ народномъ собраніи назначенными для того пятью лицами; потомъ проектъ новаго закона долженъ былъ получить одобреніе сената, и уже послѣ всего этого окончательно обсуждался народомъ.

Сенатъ или совѣтъ былъ высшимъ административнымъ мѣстомъ и управлялъ государственными дѣлами. По закономъ Солона, онъ состоялъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ, выбираемыхъ ежегодно, по сту изъ каждой филы. Сенатъ имѣлъ, такимъ образомъ, значеніе правительственной коллегіи, мѣнявшейся ежегодно, и такъ какъ сенаторы выбирались изъ всѣхъ четырехъ филъ, и притомъ по жребію, то его можно считать комитетомъ народнаго собранія, въ который по очереди поступали почти всѣ граждане и такимъ образомъ какъ бы поочередно управляли другъ другомъ. Неизвѣстно, исключилъ ли Солонъ гражданъ четвертаго класса изъ сената, или нѣтъ. Достовѣрно только, что чрезъ сто лѣтъ послѣ него

выборъ въ члены сената производился безразлично изъ всѣхъ четырехъ классовъ. Наименьшій возрастъ, опредѣленный для поступленія въ сенатъ, былъ тридцатилѣтній, и каждый избранный долженъ былъ доказать, что онъ пользуется правами гражданства и не былъ запятнанъ проступками, ведущими за собою потерю высшихъ политическихъ правъ. Совѣтъ собирался ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, и засѣданія его, по всей вѣроятности, обыкновенно происходили публично. Онъ наблюдалъ за всѣми отраслями администраціи и за финансами, и совѣщался о государственныхъ дѣлахъ прежде ихъ представленія народному собранію. Онъ могъ и самъ отъ себя издавать узаконенія, но они имѣли силу только на одинъ годъ его службы. Изъ десятой части сената составлялся особенный комитетъ, члены котораго мѣнялись чрезъ каждые тридцать пять дней, такъ что въ немъ поочередно засѣдали всѣ сенаторы. Этотъ комитетъ назывался *пританіей*, а члены его *пританами*. Онъ занимался текущими дѣлами, и большую часть дня проводилъ въ особенномъ зданіи, называвшемся *пританеемъ*, чтобы имѣть возможность распорядиться въ случаѣ какого бы-то ни было происшествія. Поэтому пританы и обѣдали тамъ на государственный счетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и тѣми гражданами, которымъ, въ награду за ихъ государственныя заслуги, было предоставлено это право, въ видѣ особенной почести. Одинъ изъ пританов выбирался по жребію въ президенты пританіи и совѣта, но всегда только на одинъ день. Этотъ президентъ хранилъ государственную печать, также ключи отъ казны и государственнаго архива.

Должностныя лица назначались въ народномъ собраніи по выбору или по жребію. Предъ вступленіемъ въ должность они подвергались испытанію такого же рода, какъ и члены совѣта, и по окончаніи службы точно также должны были дать въ ней отчетъ. Занятіе государственныхъ должностей считалось почетомъ, и всѣ онѣ исправлялись безвозмездно. Почетнѣйшими должностными лицами были девять *архонтовъ*, которые могли быть выби-

раемы только изъ перваго класса гражданъ. Прежде они стояли въ главѣ правленія, но, по законамъ Солона, значеніе ихъ перешло къ пританамъ, а за ними остался только прежній почетъ и небольшая часть прежнихъ занятій. Первый архонтъ, именемъ котораго по прежнему обозначали годъ, завѣдывалъ главнымъ образомъ судебною частью по дѣламъ брачнымъ, опекунскимъ и по завѣщаніямъ. Второй преимущественно занимался религіозными дѣлами. Третій или полемархъ, хотя и принималъ еще нѣкоторое участіе въ военномъ управленіи, которое въ сущности перешло въ руки десяти стратеговъ или полководцевъ, но главнымъ предметомъ его занятій были личныя и семейныя дѣла метековъ и иностранцевъ. Изъ шести остальныхъ, называвшихся тесмотетами, составленъ былъ совѣтъ, предсѣдательствовавшій въ судахъ и производившій слѣдствія.

Высшее управленіе военною частью сосредоточивалось въ рукахъ десяти стратеговъ или полководцевъ, ежегодно избиравшихся народнымъ собраніемъ. Черезъ восемьдесять лѣтъ послѣ Солона, когда изъ четырехъ филъ сдѣлали десять, стратеги стали выбираться по одному изъ каждой филы. Въ мирное время они завѣдывали военными дѣлами, а на войнѣ командовали войсками. При этомъ они иногда распоряжались всѣ вмѣстѣ, а иногда главное начальство ввѣрялось одному или нѣкоторымъ изъ нихъ. Народное же собраніе назначало и другихъ высшихъ военачальниковъ. Съ 18 до 60 лѣтъ, каждый гражданинъ былъ обязанъ нести военную службу, и притомъ безвозмездно. Только черезъ полтораста лѣтъ послѣ Солона было положено жалованье служащимъ.

Судебныя мѣста имѣли устройство судовъ присяжныхъ. Изъ всей массы гражданъ, достигшихъ тридцатилѣтняго возраста, архонты ежегодно назначали по жребію шесть тысячъ человѣкъ, которые и составляли судейское сословіе на текущій годъ. Они назывались геліастами, тотчасъ послѣ избранія давали судейскую присягу и распредѣлялись между десятью существовавшими въ Аттикѣ судебными мѣстами, вѣдомству которыхъ подле-

жали уголовныя и гражданскія дѣла. Геліасты очень рѣдко собирались всѣ вмѣстѣ и составляли одинъ судъ. Такимъ образомъ, суды, также какъ и сенатъ, были комитетами народнаго собранія, которое само произносило судебные приговоры по государственнымъ преступленіямъ. Предсѣдателями судовъ были архонты. Жалобы подавались письменно, а судопроизводство было изустное и публичное.

Весьма важнымъ правительственнымъ мѣстомъ былъ ареопагъ — единственная въ Аѳинахъ коллегія, члены которой не мѣнялись ежегодно, а избирались на всю жизнь. Членами ареопага были всѣ архонты, кончившіе свою службу. Имя свое онъ получилъ отъ возвышенія, на которомъ происходили его засѣданія. Это было судилище, существовавшее съ отдаленнѣйшихъ временъ, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла по умышленнымъ убійствамъ и нанесенію ранъ, поджогамъ и отравленіямъ. Народъ издавна былъ проникнутъ особеннымъ суевѣрнымъ уваженіемъ къ ареопагу, и соединялъ съ нимъ понятіе о нѣкоторой святости. Солонъ рѣшился еще болѣе усилить значеніе и почетъ ареопага, потому что хотѣлъ, придавъ ему олигархическій характеръ, воспользоваться имъ для ограниченія народнаго владычества, легко переходящаго въ анархію. Поэтому онъ оставилъ ареопагу его прежнюю судебную власть, и, кромѣ того, ввѣрилъ ему надзоръ за ненарушимостью законовъ и нравами. Нельзя съ точностью опредѣлить, въ чемъ собственно состояла власть, данная Солономъ ареопагу. Можетъ быть Солонъ нарочно не изложилъ этого подробно. Вѣроятно только, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ ареопагъ имѣлъ рѣшительный голосъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, и, кромѣ того, составлялъ родъ высшаго моральнаго и полицейскаго управленія, наблюдавшаго за неприкосновенностью религіи и чистотою нравовъ. Такъ, напримѣръ, онъ слѣдилъ за нравственнымъ воспитаніемъ юношества, старался ограничивать роскошь и изнѣженность, собиралъ свѣдѣнія о промыслахъ гражданъ и т. п. Его судебныя засѣданія происходили ночью и въ темнотѣ, чтобы судьи не были подкуплены жалобнымъ видомъ

подсудимаго. Обвинитель долженъ былъ принести страшную клятву въ томъ, что обвиненіе его будетъ правдиво. И ему и обвиненному запрещалось присоединять къ изложенію дѣла все, что къ нему прямо не относилось и было разсчитано на возбужденіе чувства и страстей. Все производство дѣла имѣло глубоко торжественный и сильно поражающій характеръ.

Таковы главныя черты устройства, которое Солонъ далъ аѳинянамъ, и вокругъ котораго вращаются послѣдующія событія ихъ внутренней исторіи. Кромѣ того, Солонъ издалъ многія отдѣльныя узаконенія, относившіяся къ частной жизни гражданъ, и такъ какъ они обнаруживаютъ настоящую цѣль его усилій, то и слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Человѣкъ, уклонявшійся отъ военной службы, или по трусости бросившій ввѣренный ему постъ, терялъ свои политическія права. Напротивъ того, дѣти убитыхъ на войнѣ воспитывались на счетъ государства. Такъ какъ въ демократической республикѣ раздѣленіе на партіи неизбѣжно, и потому тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, вредно, чтобы лучшіе люди уклонялись отъ участія въ этихъ партіяхъ, — то Солонъ постановилъ, чтобы, въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ, каждый гражданинъ непремѣнно присоединялся къ той или другой партіи. Каждый аѳинянинъ былъ обязанъ, по требованію ареопага, отдавать ему отчетъ въ своихъ занятіяхъ, а праздношатающіеся были наказываемы ареопагомъ. На родителяхъ лежала обязанность научить дѣтей какому нибудь ремеслу, а дѣти, подъ страхомъ лишенія высшихъ гражданскихъ правъ, должны были содержать своихъ недостаточныхъ родителей, если только они исполнили свои обязанности относительно ихъ воспитанія. Нѣкоторые законы противъ роскоши умѣряли пышность женскихъ нарядовъ, великолѣпіе похоронъ и тому подобнаго нелѣпаго тщеславія.

Эти постановленія Солона, и все его законодательство вообще, служатъ доказательствомъ, что онъ не хотѣлъ, какъ Ликургъ, обратить своихъ согражданъ въ воиновъ — рыцарей, а старался сдѣ-

лать ихъ народомъ промышленнымъ и дѣятельнымъ, основывающимъ благосостояніе свое на трудахъ своихъ рукъ и на торговлѣ; народомъ, который бы любилъ свое общественное устройство, также какъ и спартанцы, но который бы самъ управлялъ собою и, равнымъ участіемъ въ управленіи всей массы гражданъ, постоянно поддерживалъ и развивалъ свои духовныя силы. Благодаря своему государственному устройству, аѳинскіе граждане, которыхъ въ позднѣйшее время считалось до двадцати тысячъ, дѣйствительно могли управляться демократически; между тѣмъ какъ это едва ли осуществимо въ торговомъ городѣ новѣйшаго времени. Ходъ дѣлъ въ народномъ собраніи, большое число судей и должностныхъ лицъ и частая перемѣна ихъ, вслѣдствіе ежегодныхъ выборовъ, знакомили почти каждаго аѳинянина съ порядкомъ управленія и распространяли во всѣхъ классахъ политическую проницательность и пониманіе общественныхъ дѣлъ. Конечно это имѣло и свою дурную сторону, — впослѣдствіи большая часть аѳинянъ обратилась въ софистовъ и адвокатовъ; но за то умственныя ихъ силы выработались такъ, что въ Аѳинахъ образованность, и по высотѣ своей и по степени распространенія, стояла выше, чѣмъ когда нибудь въ какомъ бы то ни было другомъ большомъ или маломъ государствѣ.

Введенное Солономъ устройство было демократіей, оно уничтожило прежнее аристократическое правленіе древнихъ знатныхъ родовъ. Но Солонъ сохранилъ и прежніе элементы, насколько они были нужны для поддержанія его законовъ. Сословіе благородныхъ все еще сохраняло преобладающее вліяніе въ государствѣ; не только потому, что составляло самую богатую часть гражданъ и болѣе всего было способно занимать высшія должности, но и потому, что ему одному ввѣрялись нѣкоторыя жреческія и богослужебныя должности, и что только изъ перваго класса выбирались архонты. Такимъ образомъ, мѣста въ священномъ судилищѣ, ареопагѣ, по прежнему остались въ рукахъ богатыхъ. Ареопагъ и другія учрежденія, имѣвшія цѣлью наблюденіе за нравами, пеклись о томъ, чтобы народъ,

не смотря на свое значительное участіе въ управленіи, не могъ впасть въ анархію. Впослѣдствіи, когда высокое развитіе могущества повлекло за собой развращеніе нравовъ, учрежденія Солона также исказились; нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ самихъ уже скрывался зародышъ анархіи. Законы Солона постоянно возбуждали къ образованію партій, признавали ихъ даже положительно необходимыми, чтобы честолюбіе однихъ удерживало въ границахъ честолюбіе другихъ, и чтобы каждая личность, ничтожная сама по себѣ, имѣла значеніе, подавая голосъ въ пользу той или гой партіи.

По самому своему характеру, законодательство Солона должно было легко приняться и тотчасъ же пустить глубокіе корни. Учрежденіе правительственнаго совѣта изъ четырехсотъ членовъ, мѣнявшихся ежегодно, должно было расположить въ пользу законовъ Солона такую массу гражданъ, что нечего было и думать объ ихъ отмѣнѣ. Но обезпечивъ, такимъ образомъ, прочность своихъ учрежденій въ цѣломъ ихъ составѣ, Солонъ, кажется, боялся, чтобы граждане не приступили слишкомъ рано къ частнымъ преобразованіямъ, которыя могли бы повлечь за собою паденіе всего государственнаго устройства. Поэтому онъ заставилъ аѳинянъ поклясться, что въ теченіе десяти лѣтъ они ничего не будутъ измѣнять въ его законахъ. Послѣ десятилѣтней привычки къ учрежденіямъ, — особенно къ учрежденіямъ, которыя соотвѣтствовали государственнымъ и народнымъ потребностямъ, — желаніе ввести новыя естественно должно было исчезнуть. —

Внутренніе безпорядки, бывшіе слѣдствіемъ отношенія аристократовъ къ народу и между собою, не прекратились и послѣ обнародованія законодательства Солона. Новыя учрежденія открывали доступъ къ должностямъ только первымъ классамъ, и потому должны были вызвать борьбу отдѣльныхъ фамилій и частныхъ лицъ за почести и преобладаніе; а какъ народное собраніе и избиравшіеся изъ среды его сенатъ и суды стали теперь доступны всему народу, то борьба эта необходимо должна была усилиться и пріобрѣ-

сти гораздо большій интересъ въ глазахъ всѣхъ гражданъ. Отдѣльныя личности, при нѣкоторомъ искусствѣ, могли возбуждать важные безпорядки, расположивъ въ свою пользу массу гражданъ четвертаго класса, участвовавшихъ въ народномъ собраніи и въ судахъ. Кромѣ того, Солонъ не былъ въ состояніи уничтожить раздоръ партій педіэевъ, паралійцевъ и діакрійцевъ. Поэтому вскорѣ снова начались сильные раздоры. Мегаклъ, глава Алкмеонидовъ, преступленіе которыхъ было на время забыто, явился предводителемъ паралійцевъ, а Ликургъ руководителемъ педіэевъ. Оба они старались вредить другъ другу, и вліяніе Солона было кажется не довольно сильно, чтобы прекратить эти раздоры. Онъ оставилъ тогда (и можетъ быть именно поэтому) свой родной городъ, и отправился въ Малую Азію и въ Египетъ (571 до р. X.). Во время этого путешествія и произошло упомянутое выше (стр. 129) свиданіе его съ лидійскимъ царемъ Крезомъ. Черезъ десять лѣтъ, Солонъ вернулся въ Аѳины, гдѣ все еще продолжалась борьба партій. И на этотъ разъ онъ не могъ прекратить ее и дожилъ даже до того, что предводитель одной изъ партій сдѣлался тиранномъ въ Аѳинахъ.

Во время отсутствія Солона, близкій родственникъ его, Писистратъ, рядомъ съ прежними двумя партіями, составилъ третью, имѣвшую чисто-демократическое направленіе, и потому называвшуюся діакрійской. Цѣлью его было единовластіе, и для достиженія его, онъ сталъ во главѣ народной партіи, такъ какъ въ безпокойныхъ демократіяхъ путь этотъ всего легче приводитъ къ этой цѣли. Его партія была всѣхъ многочисленнѣе, а самъ онъ обладалъ всѣми личными качествами, которыми можно расположить къ себѣ народъ и увлечь его за собой, и далеко превосходилъ всѣхъ своихъ противниковъ хитростью и ловкостью. Пріобрѣтя безграничную любовь народа, Писистратъ однажды показалъ собравшимся на рынкѣ гражданамъ кровавую рану, которую самъ нанесъ себѣ, увѣрилъ ихъ что его хотѣли измѣннически убить враги, и просилъ защиты народа, говоря, что рвеніе о

народномъ благѣ подвергаетъ его жизнь опасности. Ему удалось тогда достигнуть цѣли своихъ давнихъ желаній, права составить себѣ стражу изъ пятидесяти человѣкъ. Всѣ усилія Солона удержать народъ отъ такого рѣшенія остались безплодными, а Писистратъ между тѣмъ тайкомъ увеличивалъ понемногу число своихъ тѣлохранителей, и вдругъ совершенно неожиданно овладѣлъ аѳинской цитаделью (560). Солонъ старался, говорятъ, убѣдить противниковъ Писистрата отнять у него захваченную цитадель; но тѣ, испугавшись, обратились въ бѣгство. Писистратъ остался обладателемъ цитадели и, какъ глава преданной ему массы народа, сдѣлался единовластнымъ повелителемъ или тиранномъ Аѳинъ. Какъ и всѣ благоразумные люди, изъ числа такъ называемыхъ тиранновъ, онъ понималъ, что властью своею обязанъ демократіи, и что при всякомъ устройствѣ легко расположить къ себѣ толпу. Поэтому онъ не нарушалъ формы учрежденій Солона. Съ самимъ Солономъ, котораго друзья напрасно уговаривали бѣжать, онъ обращался почтительно, и въ важныхъ случаяхъ даже совѣтовался съ нимъ. Великій законодатель, видѣвшій паденіе народной свободы, пережилъ и конецъ владычества Писистрата, управленіе котораго продолжалось менѣе года. Солонъ умеръ вскорѣ послѣ его паденія (559 до р. X.), на восьмидесятомъ году своей жизни.

Обѣ враждебныя Писистрату партіи соединились для низверженія тиранніи, и онъ былъ принужденъ уступить ихъ превосходству и удалиться изъ города. Едва только враги освободились отъ него, какъ снова перессорились между собою и обратили оружіе другъ противъ друга. Партія Ликурга одержала верхъ, и это естественнымъ образомъ сблизило педіэевъ Мегакла съ демократической партіей. Мегаклъ, также мечтавшій о верховной власти, отчаявшись достигнуть ея, рѣшился по крайней мѣрѣ доставить ее своему потомству. Поэтому онъ вступилъ въ переговоры съ Писистратомъ и обѣщалъ помочь ему въ достиженіи единовластія съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на его дочери и передалъ свое наслѣдіе сыну, котораго можно было ожидать отъ этого брака. Писистратъ согласился,

женился на дочери Мегакла, и, черезъ шесть лѣтъ послѣ перваго своего изгнанія, вернулся, при помощи тестя, въ Аѳины, гдѣ снова сталъ единовластнымъ правителемъ (553 до р. Х.). Разсказываютъ, что, для достиженія своей цѣли, Писистратъ и Мегаклъ должны были прибѣгнуть къ хитрости, слишкомъ грубой, чтобы ее можно было счесть вѣроятной. Во всякомъ случаѣ на нее слѣдуетъ смотрѣть не какъ на средство, облегчившее возстановленіе власти Писистрата, а какъ на простую церемонію, придуманную для того, чтобы подѣйствовать на простой народъ. Говорятъ, что они одѣли въ костюмъ, въ которомъ обыкновенно изображается Минерва, одну цвѣточницу, отличавшуюся красотою и большимъ ростомъ, и ввезли ее въ городъ на великолѣпной колесницѣ. Впереди шли герольды, кричавшіе; „Аѳиняне, встрѣчайте съ радостью Писистрата, котораго сама Минерва уважаетъ больше всѣхъ другихъ людей и теперь вводитъ въ вашъ городъ!“ Народъ будто бы повѣрилъ этимъ словамъ, поклонился мнимой богинѣ, и допустилъ Писистрата войти повелителемъ въ Аѳины и цитадель.

Писистратъ снова сдѣлался аѳинскимъ тиранномъ на два года и на этотъ разъ опять не произвелъ никакихъ перемѣнъ въ учрежденіяхъ и законахъ государства, потому что и теперь онъ нисколько не нуждался въ этомъ: огромная популярность, блестящія дарованія и богатство доставляли ему средства распоряжаться дѣлами по своей волѣ. Но вскорѣ онъ обнаружилъ намѣреніе передать власть сыну отъ перваго брака, и потому Мегаклъ, лишавшійся всѣхъ выгодъ союза съ нимъ, рѣшился низложить его. Для этого онъ употребилъ то же средство, которымъ воспользовался прежде, т. е. снова примирилъ обѣ партіи враждебныя Писистрату, который добровольно уступилъ перевѣсу противниковъ, и вторично оставилъ Аѳины съ намѣреніемъ вернуться, когда наступитъ благопріятное время для прочнаго утвержденія его власти. Онъ отправился въ свои огромныя помѣстья на островѣ Эвбеѣ и провелъ тамъ одиннадцать лѣтъ, живя какъ государь и поддерживая сношенія съ разными державами.

Наконецъ, при помощи нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ и своихъ аѳинскихъ друзей, онъ сдѣлалъ послѣднее покушеніе на свободу Аѳинъ. Предводительствуя довольно значительными силами, онъ вдругъ вторгнулся въ Аттику и занялъ мѣстечко Маратонъ. Здѣсь къ нему присоединились его приверженцы и многіе недовольные аѳиняне. Войска высланныя противъ него были имъ разбиты и разсѣяны, и онъ безъ сопротивленія вступилъ въ городъ, гдѣ въ третій разъ сталъ единовластнымъ правителемъ (около 540 года до р. X.).

На этотъ разъ Писистратъ спокойно удерживалъ за собою власть до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 527 году. Это былъ человѣкъ рожденный для власти и одаренный превосходными качествами ума и сердца. Достигнувъ цѣли своего честолюбія, онъ управлялъ съ большою кротостью. Многіе изъ его противниковъ или погибли въ сраженіи съ его войсками, или тотчасъ послѣ того бѣжали. Важнѣйшихъ изъ оставшихся онъ принудилъ отдать ему своихъ дѣтей въ заложники и ввѣрилъ ихъ надзору своего друга, тиранна наксосскаго, но не касался ничьей личности. Онъ постоянно держалъ наемныхъ солдатъ; но, подобно Кипселу коринѳскому, поддерживалъ власть свою мѣрами кротости и содѣйствіемъ народной партіи, а не силою оружія. Благодаря этимъ мѣрамъ и богатству, ему удалось сохранить за собою единовластіе. И теперь онъ не нарушалъ правительственныхъ формъ и узаконеній Солона, и до такой степени щадилъ даже чисто аристократическіе элементы, что не побоялся однажды лично явиться на судъ ареопага. Онъ былъ кротокъ съ тѣми, которые забывались передъ нимъ, помогалъ бѣднымъ и несчастнымъ, умѣлъ покорять сердца своихъ подданныхъ врожденнымъ любезнымъ обращеніемъ, въ которомъ властитель никогда не затмѣвалъ человѣка. Въ его сады и помѣстья былъ открытъ свободный входъ всякому аѳинянину, съ правомъ пользоваться фруктами.

Правленіе его было непрерывнымъ рядомъ благодѣяній для Аѳинъ, обязанныхъ ему началомъ своего процвѣтанія. Писистратъ

оживилъ земледѣліе, поднялъ торговлю, и съ искреннею любовью поощрялъ науки и искусства. Онъ и одинъ изъ его сыновей собрали, какъ разсказываютъ, отрывочныя стихотворенія Гомера, сохранявшіяся только въ устахъ рапсодовъ или пѣвцовъ, и дали имъ ту форму, въ которой они, подъ именемъ Иліады и Одиссеи, дошли до насъ. Они же установили обыкновеніе читать публично эти стихи на праздникѣ панатенеевъ. Позднѣйшіе писатели древности приписываютъ имъ же основаніе публичной библіотеки. Писистратъ украсилъ Аѳины различными зданіями; онъ вѣроятно строилъ ихъ по той же причинѣ, какъ и Поликратъ самосскій, т. е., чтобы занять простой народъ и доставленіемъ ему выгодной работы расположить его въ пользу своего владычества.

Когда Писистратъ умеръ, въ 527 году, власть перешла къ старшему его сыну Гиппію, который предоставилъ младшему своему брату Гиппарху такое вліяніе на дѣла, что ихъ обоихъ, подъ именемъ писистратидовъ, считаютъ обыкновенно нераздѣльными правителями Аѳинъ. Хотя Гиппій былъ деспотъ по природѣ, а Гиппархъ любилъ шумныя удовольствія, роскошь и чувственныя наслажденія, но сначала оба брата управляли въ духѣ своего отца. Гиппархъ отличался, кромѣ того, образованностью и любовью къ наукамъ и искусствамъ, приглашалъ знаменитыхъ поэтовъ, какъ напримѣръ Анакреона и Симонида Кеосскаго, къ своему двору, старался развить любовь къ просвѣщенію въ своемъ народѣ. Аѳиняне находились подъ властью писистратидовъ въ томъ же самомъ положеніи, какъ подъ властію ихъ отца, и не имѣли повода къ неудовольствію. Не смотря на это Гиппархъ палъ жертвой заговора и его убійцы впослѣдствіи считались у аѳинянъ героями и мучениками свободы. Но не отвращеніе къ тиранніи, а частная месть была причиной погибели младшаго писистратида. Гармодій, молодой аѳинянинъ оскорбленный Гиппархомъ, рѣшился, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Аристогитономъ, отмстить ему, Для этой цѣли, молодые люди воспользовались любовью нѣкоторыхъ гражданъ къ свободѣ и составили заговоръ, ближайшею цѣлью

котораго было умерщвленіе писистратидовъ. Городъ былъ доволенъ ихъ властью; но немногіе граждане, присоединившіеся къ Гармодію и Аристогитону, надѣялись, что, по врожденной ненависти ко всякой наслѣдственной власти, народъ возмется за оружіе по призыву къ свободѣ. Рѣшено было, что писистратиды падутъ подъ кинжалами заговорщиковъ во время праздника панатенеевъ, когда всѣ граждане участвовали въ торжественной процессіи вооруженные щитами и копьями. Но въ минуту выполненія дѣла, заговорщикамъ показалось, что имъ измѣнили; благодаря этому Гиппій успѣлъ спастись, и одинъ только Гиппархъ былъ убитъ. Гиппій тотчасъ же приказалъ обыскать всѣхъ участниковъ церемоніи, задержать тѣхъ, у кого найдутся кинжалы, и, такимъ образомъ, съ большимъ присутствіемъ духа, подавилъ заговоръ въ самомъ его началѣ (514 до р. X.)

Съ этой минуты правленіе Гиппія сдѣлалось жестокимъ и тиранническимъ. Гармодій былъ убитъ придворной стражей тотчасъ послѣ умерщвленія Гиппарха; Аристогитонъ и остальные заговорщики подверглись смертной казни. Послѣ изгнанія Гиппія, обоимъ предводителямъ заговора поставили бронзовыя статуи; память ихъ въ позднѣйшія времена была прославляема пѣснями и торжествами, и потомство поклонялось имъ какъ героямъ свободы. Между тѣмъ, ими руководила только частная месть. Писатели позднѣйшаго времени разсказываютъ объ ихъ геройствѣ и любви къ свободѣ многія подробности, очевидно выдуманныя впослѣдствіи. Такъ, напримѣръ, увѣряютъ, что Аристогитонъ, подвергнутый пыткѣ, назвалъ своими соучастниками друзей Гиппія, которыхъ тутъ же и казнили. Говорятъ также, что участвовавшая въ заговорѣ любовница Аристогитона во время пытки откусила себѣ языкъ, чтобы лишить себя возможности выдать остальныхъ участниковъ.

Гиппій, сдѣлавшись подозрительнымъ и недовѣрчивымъ, далъ тогда полную волю своему деспотическому характеру и старался утвердить свою власть посредствомъ внѣшней поддержки. Полу-

чивъ по наслѣдству отъ отца весьма значительныя помѣстья въ Малой Азіи и Ѳракіи, которыя были тогда подвластны персидскому царю, онъ прежде всего позаботился о заключеніи съ нимъ союза. Съ этою цѣлью онъ выдалъ свою дочь за правителя лампсакскаго, вассала Персіи, бывшаго въ большей милости у царя. Изгнанные Писистратомъ Алкмеониды и другіе эмигранты, между тѣмъ, всѣми средствами старались найти себѣ опору въ греческихъ государствахъ, чтобы съ помощью ихъ свергнуть тиранна. Еще во времена Писистрата и тотчасъ послѣ его смерти дѣлали они нѣсколько неудачныхъ попытокъ освободить Аѳины. По смерти Гиппарха можно было надѣяться на лучшій успѣхъ, но и Гиппій въ теченіе трехъ лѣтъ отражалъ всѣ нападенія Алкмеонидовъ. Несмотря на то, они не потеряли надежды возвратиться, и изъ крѣпости, построенной ими на границѣ Аттики, всячески старались привести свой планъ въ исполненіе. Чтобы пріобрѣсти расположеніе другихъ греческихъ государствъ и дельфійскихъ жрецовъ, они пожертвовали значительную часть своего огромнаго богатства на возстановленіе храма Аполлона въ Дельфахъ, сгорѣвшаго въ 548 году, и въ то время вновь строившагося на счетъ членовъ амфиктіонова союза. Подкупленный Алкмеонидами оракулъ, всякій разъ, когда обращались къ нему спартанцы, требовалъ отъ нихъ содѣйствія къ возстановленію свободы въ Аѳинахъ.

Спартанцы, незадолго передъ тѣмъ помогшіе нѣсколькимъ государствамъ изгнать тиранновъ, но находившіеся въ союзѣ и весьма дружескихъ сношеніяхъ съ Гиппіемъ, воспользовались требованіемъ оракула, чтобъ низвергнуть и этого властителя. Оффиціально они не дали Алкмеонидамъ никакой помощи, но позволили одному изъ знатнѣйшихъ своихъ гражданъ поддержать новое нападеніе Алкмеонидовъ небольшимъ спартанскимъ отрядомъ. Услышавъ объ этомъ, Гиппій соединился съ однимъ ѳессалійскимъ владѣтелемъ, и, съ помощью ѳессалійской кавалеріи, разбилъ спартанцевъ, высадившихся недалеко отъ Аѳинъ, причемъ погибъ и

ихъ предводитель. Тогда оскорбленная честь Спарты требовала уже открытой войны. Царь Клеоменъ I явился съ войскомъ передъ Аѳинами, взялъ этотъ городъ, при содѣйствіи Алкмеонидовъ, и принудилъ Гиппія запереться въ цитадели. Затѣмъ началась осада Акрополя, но спартанцы выступили въ обратный походъ черезъ нѣсколько дней послѣ ея начала, потому что цитадель была изобильно снабжена всѣмъ необходимымъ и могла долго держаться. Аѳиняне продолжали осаду, но вѣроятно не имѣли бы успѣха, еслибы Гиппію не пришла въ голову несчастная мысль выслать дѣтей своихъ изъ Аттики въ болѣе безопасное мѣсто. Они попались въ плѣнъ, и для ихъ освобожденія Гиппій согласился очистить цитадель и удалиться изъ Аттики (510 до р. X). Онъ отправился въ свои мало-азійскія помѣстья и оттуда ко двору персидскаго царя Дарія, который принялъ его какъ государя и впослѣдствіи, въ походѣ противъ Греціи, пользовался его совѣтами.

Такимъ образомъ, Аѳины возвратили себѣ свободу; но борьба партій тотчасъ же возобновилась. Государственное устройство Солона осталось въ полной силѣ, также какъ при Писистратѣ и его сынѣ. Эти послѣдніе достигли перваго мѣста посредствомъ внѣшней силы, а новымъ партіямъ приходилось, для пріобрѣтенія власти, искать или расположенія народа или содѣйствія аристократіи. Клистенъ, глава Алкмеонидовъ, успѣлъ привязать къ себѣ народъ, и, вслѣдствіе этого, сталъ первымъ лицомъ въ государствѣ. Противникъ его, Исагоръ, имѣлъ на своей сторонѣ аристократію и спартанцевъ, вездѣ поддерживавшихъ олигархію и благоволившихъ къ Исагору тѣмъ болѣе, что онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ царемъ ихъ Клеоменомъ. Чтобы вполнѣ обезпечить себѣ содѣйствіе народа, Клистенъ принялъ мѣру, которая потрясла законодательство Солона въ самыхъ его основаніяхъ, дала демократическому элементу рѣшительный перевѣсъ и открыла путь нововведеніямъ всѣхъ позднѣйшихъ преобразователей. Въ 509 году онъ провелъ законъ о раздѣленіи народа на десять филъ, вмѣсто четырехъ, и о томъ, чтобы сенатъ, состоявшій до тѣхъ поръ изъ ста-

гражданъ каждой филы, на будущее время составлялся изъ пятидесяти членовъ каждой изъ десяти новыхъ филъ. Такимъ образомъ, составъ сената былъ усиленъ ста человѣками. Эта мѣра давала сенату болѣе смѣшанный и демократическій характеръ, искореняла послѣдніе остатки прежней аристократіи, уничтожала всякую прежнюю зависимость и освобождала избраніе сенаторовъ отъ вліянія знати. Прежде глава какой нибудь знатной фамиліи могъ имѣть вліяніе на цѣлую филу, т. е. на четвертую часть гражданъ и, кромѣ того, часть должностныхъ лицъ разныхъ народныхъ общинъ и ихъ подраздѣленій избиралась постоянно изъ членовъ дворянскихъ фамилій. Теперь все это миновалось. Различныя подраздѣленія націи стали самостоятельными обществами, у каждаго изъ нихъ явились свои должностныя лица, собранія и религіозныя торжества. Увеличеніе числа филъ и ихъ подраздѣленій умножило, такимъ образомъ, число союзовъ гражданъ, и усилило власть народа. Кромѣ того, Клистенъ увеличилъ число гражданъ принятіемъ метековъ и иностранцевъ.

Ему же приписываютъ введеніе въ Аѳины такъ называемаго остракизма, т. е. народнаго суда, по приговору котораго нѣкоторыхъ изъ гражданъ объявляли опасными для государства, вслѣдствіе пріобрѣтеннаго ими вліянія, и на десять лѣтъ изгоняли изъ Аѳинъ. Приговоръ этого суда не считался наказаніемъ, и потому нисколько не безчестилъ человѣка и не былъ соединенъ съ потерей имущества, обыкновенно сопровождавшей изгнаніе. Судъ этотъ собирался періодически, въ извѣстные сроки, и получилъ свое названіе отъ греческаго слова, означающаго черепокъ, потому что каждый гражданинъ получалъ для подачи своего голоса черепокъ, на которомъ писалъ имя изгоняемаго. Для приговора требовалось по крайней мѣрѣ шесть тысячъ голосовъ. Остракизмъ служилъ средствомъ лишать силы людей, слишкомъ могущественныхъ и потому опасныхъ для существованія республики. Это учрежденіе было безъ сомнѣнія несправедливымъ и отчасти жестокимъ, но республиканское устрой-

ство иногда требуетъ пожертованія однимъ для безопасности цѣлаго. Тоже самое, только въ иной формѣ, мы видимъ и у другихъ народовъ. Древніе римляне дѣлали тоже самое, когда удаляли на время слишкомъ опаснаго по своему вліянію человѣка, давъ ему противъ его воли назначеніе внѣ предѣловъ государства. Когда въ Средніе вѣка сюзеренъ безъ суда изгонялъ опаснаго вассала — это опять таки былъ остракизмъ. . . . .

Исагоръ не рѣшался прямо напасть на новыя учрежденія, принятыя народомъ, но старался сначала изгнать изъ города ихъ виновника. Онъ воспользовался для этого своимъ другомъ царемъ Клеоменомъ, съ которымъ сговорился и на счетъ дальнѣйшихъ мѣръ къ возстановленію аристократіи. Клеоменъ убѣдилъ своихъ соотечественниковъ обратиться къ аѳинянамъ съ требованіемъ удалить изъ города Алкмеонидовъ, какъ фамилію, несущую на себѣ бремя тяжкаго грѣха. Аѳиняне были не въ состояніи противиться насилію, и Клистену, вмѣстѣ съ своими приближенными, пришлось удалиться въ изгнаніе. Вслѣдъ затѣмъ Клеоменъ явился въ Аѳины съ небольшимъ отрядомъ, чтобы помочь своему другу въ исполненіи его плановъ. Онъ выгналъ изъ города семьсотъ семействъ, указанныхъ ему Исагоромъ, и хотѣлъ, кромѣ того, распустить сенатъ, чтобы замѣнить его совѣтомъ изъ трехсотъ аристократовъ. Но это переполнило мѣру терпѣнія аѳинянъ. Сенатъ не исполнилъ его требованія, и вмѣстѣ съ гражданами возсталъ противъ обоихъ правителей. Они принуждены были запереться въ цитадели и сдались на третій день. Имъ позволили безпрепятственно удалиться, но приверженцы Исагора поплатились при этомъ жизнью. Клистенъ и другіе изгнанники вернулись въ Аѳины.

Война со Спартой казалась неизбѣжною, и аѳиняне рѣшились обратиться къ помощи персовъ, потому что въ то же время были во враждѣ съ сосѣдями своими беотійцами, эвбейцами и эгинцами. Они отправили пословъ къ персидскому сатрапу Ар-

таферну, жившему въ лидійскомъ городѣ Сардахъ. Имъ обѣщали желаемую помощь, но только подъ условіемъ, чтобы они, отъ имени свего государства, признали себя персидскими вассалами. Послы согласились на это требованіе, но аѳиняне объявили ихъ слова недѣйствительными, и отказались отъ союза съ Персіей. Таковы были первыя дипломатическія сношенія между Персіей и однимъ изъ государствъ Греціи. Клеоменъ собралъ между тѣмъ армію изъ спартанцевъ и пелопоннесскихъ союзниковъ, и уговорилъ жителей Беотіи, Халкиды и Эвбеи напасть на аѳинскія владѣнія. Самъ Клеоменъ двинулся въ Аттику и уже дошелъ до Элевзина, когда коринѳяне, которымъ, также какъ и другимъ союзникамъ, при требованіи отъ нихъ вспомогательныхъ войскъ не объявили о цѣли похода, отказались служить Клеомену орудіемъ его личной мести и вернулись домой. Другой спартанскій царь, Демаратъ, также не захотѣлъ принять участіе въ мстительныхъ замыслахъ Клеомена, а вслѣдъ затѣмъ его оставили и прочіе союзники, такъ что ему пришлось съ остатками арміи поспѣшно отступить изъ Аттики.

Такимъ образомъ, учрежденія и самостоятельность Аѳинъ были совершенно неожиданно избавлены отъ грозившей имъ опасности. Съ этихъ поръ демократія сохранялась уже ненарушимо, и маленькое государство стало развиваться съ новой энергіей. Тотчасъ послѣ удаленія спартанцевъ, аѳиняне обратили всѣ свои силы противъ беотійцевъ и халкидцевъ, и въ одинъ день разбили обоихъ противниковъ. У халкидцевъ они отняли значительную часть ихъ земли, которая тотчасъ же была распредѣлена между четырьмя тысячами недостаточныхъ гражданъ. Это пріобрѣтеніе было очень важно для Аѳинъ особенно въ военномъ отношеніи: новыя ихъ владѣнія заключали, между прочимъ, пастбища для лошадей, въ которыхъ аѳиняне до тѣхъ поръ терпѣли совершенный недостатокъ. Беотійцы обратились съ просьбою о помощи къ жителямъ Эгины, которые, съ давнихъ поръ враж-

дуя съ Аѳинами, согласились на эту просьбу и опустошили прибрежье Аттики. Борьба съ Эгиной — одной изъ первыхъ морскихъ державъ Греціи, — была не подъ силу аѳинянамъ. Поэтому они рѣшились увеличить свой маленькій флотъ; но едва начали свои вооруженія, какъ новая и еще бо́льшая опасностъ стала угрожать имъ со стороны Спарты. Мстительный Клеоменъ уговорилъ спартанское правительство снова произвести нападеніе на Аѳины. Предлогомъ для этого объявили незаконность изгнанія Гиппія, говоря, что теперь только узнали о подкупѣ дельфійскихъ жрецовъ Алкмеонидами, и вслѣдствіе того пригласили Гиппія въ Пелопоннесъ, чтобы ввести его въ Аѳины. Для предупрежденія вторичнаго отпаденія союзниковъ, спартанцы предварительно собрали ихъ пословъ въ Спарту для совѣщанія. Но планъ этотъ не удался вслѣдствіе благородной откровенности, съ которою коринѳскій уполномоченный Сосиклъ, обличивъ низкія интриги Клеомена, явился заступникомъ свободы Аѳинъ. Союзники не захотѣли помогать спартанцамъ, принужденнымъ такимъ образомъ отказаться отъ своего намѣренія, а Гиппій вернулся въ Малую Азію. Здѣсь онъ расположилъ въ свою пользу сатрапа Артаферна, потребовавшаго, чтобъ аѳиняне снова подчинились Гиппію. Но его угрозъ никто не испугался. Исходъ войны съ Беотіей и Эгиной намъ неизвѣстенъ. Тотчасъ послѣ разсказанныхъ событій, аѳиняне вмѣшались въ возстаніе іонянъ противъ персидскаго царя, оскорбили этимъ властителя передней Азіи и возбудили продолжительныя войны между персами и греками.

6. Умственная жизнь грековъ въ древнѣйшую эпоху ихъ исторіи.

Какъ и вся исторія грековъ вообще, исторія ихъ литературы и искусствъ начинается легендами и миѳами. По части искусствъ

до насъ дошли имена людей, которые, какъ Дедалъ на островѣ Критѣ и Смилисъ на островѣ Самосѣ, прославились своими художественными произведеніями еще въ отдаленной древности. Преданіе разсказываетъ о нихъ разныя басни и даже приписываетъ имъ основаніе школъ, передавшихъ потомству духъ ихъ художественныхъ твореній. Сверхъ того легенды называютъ намъ цѣлыя племена, какъ напримѣръ циклоповъ, тельхиновъ и другихъ (стр. 167), отличавшіяся особеннымъ художественнымъ развитіемъ и бывшія строителями древнѣйшихъ памятниковъ греческаго зодчества. Извѣстія о начаткахъ греческой литературы имѣютъ такой же характеръ, какъ и эти легенды о зарожденіи искусствъ. Преданіе сохранило намъ имена очень многихъ людей, въ глубокой древности сочинявшихъ поэтическія произведенія и поучавшихъ высокой мудрости. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ разсказываются такія же чудеса, какъ и про Дедала и другихъ художниковъ. До насъ дошли даже различныя произведенія съ именами этихъ первобытныхъ писателей, но всѣ они подложны, написаны въ позднѣйшее время, и выданы были за древнія точто также, какъ это теперь дѣлается съ монетами и другими древностями. Только въ немногихъ изъ нихъ сохранились, можетъ быть, отдѣльныя идеи первобытныхъ временъ и остатки тѣхъ древнихъ формулъ, въ которыхъ у всѣхъ народовъ смутно выражаются грубые начатки богопознанія и поклоненія божеству. Поэзія этихъ миѳическихъ поэтовъ имѣетъ преимущественно характеръ религіозный, и въ легендарныхъ преданіяхъ они играютъ роль священныхъ пѣвцовъ или разсказчиковъ и прорицателей.

Знаменитѣйшими изъ миѳическихъ поэтовъ и первобытныхъ писателей Греціи считаются: Линъ халкидскій, называемый сыномъ Аполлона и одной изъ девяти музъ. Мелампъ, понимавшій языкъ звѣрей, и потому владѣвшій могучимъ даромъ прорицателя. Тамирисъ ѳракіецъ, вызвавшій однажды музъ на поэтическое состязаніе. Сивиллы или пророчицы первобытныхъ временъ, которыя однако не всѣ принадлежали къ греческой на-

ціи, и извѣстнѣйшей изъ которыхъ была сивилла кумская, въ нижней Италіи. Но наибольшей знаменитости между этими поэтами достигли Орфей и Музей, — съ именами ихъ и до нашего времени дошли нѣкоторыя сочиненія, которыя также должны считаться подложными. Орфей, время жизни котораго относятъ къ четырнадцатому вѣку до р. Х., былъ, по словамъ легенды, сыномъ одного ѳракійскаго царя и музы Калліопы. Онъ участвовалъ въ походѣ аргонавтовъ, и обладалъ такимъ искусствомъ въ пѣніи и игрѣ на лирѣ, что привлекалъ дикихъ звѣрей, заставлялъ деревья и скалы слѣдовать за собою, и даже могъ удерживать теченіе рѣкъ и движеніе вѣтра. Могучей силой своего пѣнія онъ склонилъ однажды неумолимыхъ боговъ подземнаго міра возвратить ему жену его, Эвридику. О смерти его преданіе повѣствуетъ различно, но въ большей части легендъ говорится, что во время празднованія неистовыхъ торжествъ Вакхова культа, его растерзали ѳракійскія женщины, потому что Орфей былъ противникомъ этихъ буйныхъ церемоній. Изъ приписываемыхъ ему сочиненій болѣе всего знамениты гимны и повѣствовательная поэма о походѣ аргонавтовъ. Поэту Музею, родившемуся въ Аттикѣ и бывшему ученикомъ, а по другимъ источникамъ учителемъ, Орфея, — также приписываются нѣкоторыя стихотворенія, сочиненныя въ позднѣйшее время и сохранившіяся до нашихъ дней.

Въ героическомъ періодѣ исторія греческой цивилизаціи уже становится достовѣрнѣе. Мы имѣемъ двѣ большія поэмы, Иліаду и Одиссею, написанныя въ концѣ этого періода, и уже сами по себѣ служащія положительнымъ свидѣтельствомъ тогдашней степени развитія грековъ. Кромѣ того, какъ уже было сказано выше (стр. 211), онѣ знакомятъ насъ съ жизнью и образованіемъ этого времени содержащимися въ нихъ картинами и описаніями. Героическій періодъ грековъ былъ временемъ эпоса или героической поэмы. Отважная и полная случайностей жизнь на войнѣ и охотѣ, соединенная съ простотою и веселостью духа, поддерживаетъ въ душѣ высокое настроеніе, развиваетъ любовь къ пѣснямъ, на пи-

рахъ и обѣдахъ всего чаще наводитъ разговоръ на подвиги и приключенія героевъ. Потому эпическая поэзія развивается въ этомъ періодѣ народной жизни полнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, и на этой ступени народнаго развитія являются поэты посвящающіе себя поэтическому описанію геройскихъ подвиговъ и изложенію своихъ произведеній въ кругу собравшихся героевъ. Греки называли ихъ пѣвцами или рапсодами, а германскіе народы бардами и скальдами.

Иліада и Одиссея приписываются поэту Гомеру, жившему вѣроятно за тысячу лѣтъ до р. Х. Исторія его покрыта таинственнымъ мракомъ, но существованіе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Онъ былъ уроженецъ Іоніи, но неизвѣстно, въ какомъ именно изъ ея городовъ онъ родился. Въ позднѣйшее время семь городовъ спорили между собою о чести быть его родиной. По мнѣнію древнихъ, всѣхъ основательнѣе были притязанія Смирны и Хіоса. Преданіе изображаетъ Гомера слѣпымъ, но произведенія его доказываютъ, что это неправда.

Въ новѣйшее время нѣмецкій ученый, Фридрихъ Августъ Вольфъ, съ большимъ остроуміемъ старался доказать, что героическія поэмы, приписанныя древними греками Гомеру, вовсе не были созданіемъ одного человѣка, а представляются только сборникомъ отдѣльныхъ стихотвореній, сочиненныхъ различными поэтами героическихъ временъ, и уже гораздо позднѣе соединенныхъ въ одно цѣлое. Это положеніе основывается главнымъ образомъ на томъ, что греки временъ Гомера еще не были знакомы съ письменами, и что въ различныхъ частяхъ Иліады и Одиссеи встрѣчаются неровности въ языкѣ и въ построеніи мыслей. Чтобы понять воззрѣнія Вольфа, нужно дать себѣ ясный отчетъ о характерѣ поэзіи героическихъ временъ. Какъ всѣ герои этой простой эпохи являются проникнутыми однимъ и тѣмъ же духомъ, такъ и современная имъ поэзія имѣетъ опредѣленный ровный характеръ. Всѣ поэты этого періода имѣютъ одинаковый взглядъ на пред-

меты и одинаковую манеру изображенія. Произведенія ихъ являются въ одной и той же формѣ, и съ однимъ и тѣмъ же тономъ. Рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ новѣйшей поэзіи, поэзія первобытныхъ временъ имѣетъ такой характеръ, что всѣ ея созданія можно легко принять за произведенія одного человѣка, и слѣдовательно соединить въ одно большое цѣлое. Кромѣ того, пѣсни этихъ поэтовъ обыкновенно не записываются а излагаются ими изустно, и изустнымъ же преданіемъ удерживаются въ памяти потомства.

Взглядъ Вольфа и теперь еще составляетъ спорный предметъ между учеными, которые частью согласились съ нимъ, а частью все еще держатся мнѣнія древнихъ грековъ, т. е. полагаютъ, что не однѣ отрывочныя части Иліады и Одиссеи написаны Гомеромъ, но что обѣ эти поэмы цѣликомъ принадлежатъ ему. Неоспоримо только то, что обѣ онѣ записаны гораздо позднѣе, чѣмъ были сочинены, и въ теченіе этого времени подверглись многимъ внѣшнимъ измѣненіямъ. Но также несомнѣнно и то, что, не смотря на эти передѣлки, онѣ въ сущности остались неизмѣнными и отмѣчены неподражаемой печатью той самобытной цивилизаціи и тѣхъ нравовъ, которые мы встрѣчаемъ впослѣдствіи у древнихъ германцевъ, скандинавовъ, шотландцевъ и бриттовъ. Въ заключеніе скажемъ еще, что, по разсказамъ древнихъ, Ликургъ первый привезъ творенія Гомера изъ Малой-Азіи въ Грецію, и что триста лѣтъ спустя Писистратъ и Гиппархъ собрали и записали ихъ остатки. По мнѣнію однихъ трудъ этотъ состоялъ въ томъ, что твореніе уже готовое было нѣсколько переработано и записано. Другіе, напротивъ того, полагаютъ, что собранные матеріалы только тогда были въ первый разъ слиты въ форму двухъ героическихъ поэмъ, Иліады и Одиссеи, съ именемъ Гомера, какъ знаменитѣйшаго изъ древне-греческихъ бардовъ.

Гомеру приписываютъ еще разныя мелкія стихотворенія. Всѣ они были сочинены впослѣдствіи и нѣкоторыя даже гораздо позже людьми, поддѣлывавшимися подъ духъ и языкъ его произведеній.

Изъ этихъ мелкихъ произведеній, приписываемыхъ Гомеру, всего болѣе извѣстны гимны, которыхъ считается около тридцати. Героическія поэмы Гомера имѣютъ, въ ряду произведеній отдаленныхъ временъ Греціи, первостепенное значеніе, принадлежащее имъ не только потому, что онѣ самыя совершенныя изъ героическихъ поэмъ всѣхъ вѣковъ, но и потому, что у позднѣйшихъ грековъ онѣ предпочитались всѣмъ другимъ произведеніямъ ихъ литературы и, такимъ образомъ, были важнѣйшей ихъ народной книгой и однимъ изъ главныхъ источниковъ греческой цивилизаціи. —

Героическія времена кончились съ десятымъ вѣкомъ до рождества Христова, и съ девятаго вѣка во всѣхъ странахъ, заселенныхъ греками, начался новый періодъ развитія искусствъ и образованности. Средоточіемъ этой новой цивилизаціи были колоніи и тамъ она слѣдовала тѣмъ же путемъ, которымъ шло развитіе промышленности и политическихъ учрежденій. Такимъ образомъ, прежде всего она явилась у дорянъ, между которыми при Ликургѣ и непосредственно послѣ него, въ Пелопоннесѣ и въ Сициліи, прославилось нѣсколько художниковъ и поэтовъ. Въ восьмомъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія науки и искусства стали развиваться въ мало-азійскихъ колоніяхъ, на островахъ и въ Великой Греціи. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій они всего болѣе процвѣтали въ Малой-Азіи и на островахъ. Самосъ и Эгина, въ особенности, считались тогда разсадниками греческаго искусства, и только въ позднѣйшее время Аѳины являются средоточіемъ духовной жизни грековъ, достигшей въ этомъ городѣ высшаго своего развитія.

Искусства и поэзія въ то время столь повсемѣстно распространились по всѣмъ греческимъ странамъ, достигли такого развитія даже въ мелкихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, что уже древніе римляне были поражены этимъ, а людямъ новѣйшаго времени это явленіе кажется еще болѣе удивительно и необъяснимо. Всѣ племена и отрасли греческой націи приняли въ немъ участіе. Греческая жизнь всюду обусловливалась искусствами, по-

эзіей и философіей точно также, какъ законодательствомъ; богатства другихъ народовъ, стекаясь къ грекамъ путемъ промышленности и торговли, служили къ развитію этихъ сторонъ жизни; благодаря имъ, греческая цивилизація могла достичь такой высокой степени развитія, такого повсемѣстнаго распространенія.

Промежутокъ между героическимъ періодомъ и персидскими войнами, отличаясь энергическимъ развитіемъ умственной жизни грековъ, которое шло одновременно съ распространеніемъ націи посредствомъ колоній, — имѣетъ еще и ту особенность, что въ это время впервые проникли въ Грецію идеи и понятія востока. Впрочемъ греческій духъ всегда сохранялъ перевѣсъ надъ ними, и слѣды вкравшихся къ грекамъ восточныхъ представленій и формъ составляютъ лишь второстепенную и несущественную часть греческой цивилизаціи, а никакъ не характеристическую ея черту. Сношенія восточныхъ острововъ и колоній съ Фригіей, Лидіей, Финикіей и Египтомъ были первою причиной проникновенія въ Грецію свойственнаго востоку міросозерцанія. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ вскорѣ послѣ Гомера, уже виднѣется восточный колоритъ, совершенно еще чуждый Иліадѣ и Одиссеѣ и изображаемымъ въ этихъ двухъ поэмахъ грекамъ. Вслѣдствіе столкновеній съ востокомъ, Кизикъ, Лампсакъ, Самотракія и другіе города и острова стали проводниками, посредствомъ которыхъ египетскія мистеріи, финикійскія, фригійскія и лидійскія идеи проникли въ религію и философію грековъ. Мало по малу вошло даже въ обычай, чтобы государственные люди, поэты и мудрецы, какъ Пиѳагоръ, Солонъ, или философъ Ѳалесъ, искали источника истинной мудрости въ таинственныхъ ученіяхъ востока.

Слѣдствіемъ этого было нѣкоторое измѣненіе духа и формы религіозной поэзіи и богослуженія грековъ. Къ народной религіи приспособлялись заимствованныя съ востока мистеріи или таинства; самые разумные греки видѣли въ нихъ превосходное средство умѣрять демократическую разнузданность. Служа государствен-

нымъ цѣлямъ, таинства были поставлены въ непосредственныя отношенія къ государству, и находились подъ его надзоромъ и правленіемъ, какъ чисто государственное учрежденіе. Главными божествами, въ честь которыхъ совершалось это богослуженіе, доступное только посвященнымъ, были Церера и Вакхъ; потому что ихъ, какъ боговъ земледѣлія и винодѣлія, считали виновниками и распространителями высшей человѣческой цивилизаціи. Идеи такого рода лежали въ основаніи всѣхъ греческихъ таинствъ, но, являясь всегда въ символической формѣ, были загадочны и мало понятны. Знаменитѣйшими изъ греческихъ таинствъ, кромѣ упомянутыхъ нами самотракійскихъ, были элевсинскія, въ Аттикѣ. Ихъ называли также элевсиніями. Распорядителемъ на этихъ таинствахъ являлся отъ имени государства второй архонтъ; а первосвященникъ ихъ принадлежалъ къ старинной аѳинской фамиліи Эвмолпидовъ, въ которой званіе это было наслѣдственнымъ. —

Исторія произведеній греческой мысли, внѣшній ходъ которой былъ уже вкратцѣ указанъ, является по внутреннему своему развитію, сначала въ связи съ поэзіей героическаго періода. Во времена Гомера, героическая поэзія была распространена по прибрежью и островамъ Малой Азіи и процвѣтала особенно у іонянъ; на островѣ Хіосѣ долгое время послѣ Гомера существовало нѣчто въ родѣ школы пѣвцовъ или поэтовъ, члены которой назывались гомеридами, и держались духа Гомеровой поэзіи. Но уже вскорѣ послѣ Гомера поэзія грековъ приняла новое направленіе, отличное отъ того, какое она имѣла въ героическомъ періодѣ, и характеръ этотъ остался въ ней господствующимъ приблизительно до начала седьмаго вѣка до р. Х. Она сохранила свое прежнее повѣствовательное или эпическое направленіе и прежнюю свою форму; но приняла болѣе азіатскій характеръ, выразившійся въ таинственномъ жреческомъ тонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились содержаніе и цѣль поэтическихъ произведеній. Прежде цѣлью поэта было простое изображеніе слу-

чившагося или завѣщаннаго преданіемъ, и, слушая его пѣніе, герои наслаждались непосредственнымъ созерцаніемъ подвиговъ и приключеній, являвшихся передъ ними въ поэтическомъ свѣтѣ; теперь, напротивъ того, въ твореніяхъ поэтовъ явилось стремленіе къ поученію и претензія на многозначительность. Поэзія перестала быть чисто героической и эпической, а приняла направленія священное и миѳически-историческое.

Стихотворенія этого періода распадаются на два разряда: на нравственно-религіозныя и на миѳически-историческія. Послѣдній разрядъ состоитъ изъ произведеній тѣхъ эпическихъ поэтовъ, которыхъ, для отличія отъ рапсодовъ или бардовъ героическихъ временъ, называютъ циклическими поэтами, потому что въ своихъ произведніяхъ они передавали отдѣльныя легенды и такимъ образомъ поэтически обработали почти весь циклъ или кругъ греческихъ преданій, отъ начала міра до смерти Одиссея. Циклическіе поэты составляли свои произведенія по образцу Иліады и Одиссеи; подражая разсказамъ о Троянской войнѣ и странствованіяхъ Одиссея, они старались давать эпическую форму всѣмъ прочимъ легендамъ. Но они на столько же отстали отъ произведеній Гомера, на сколько ихъ время отличалось отъ его времени. Они разсказывали исторію боговъ и героевъ потому только, что имъ хотѣлось изобразить въ стихахъ легенду, еще не имѣвшую стихотворной формы. Такимъ образомъ они писали безъ истиннаго поэтическаго вдохновенія, безъ любви къ самому событію и къ его изображенію, и безъ единства въ представленіи. Ихъ произведенія носятъ различныя названія, смотря по содержанію передаваемыхъ въ нихъ легендъ. Они называются космогоніями, когда заключаютъ въ себѣ преданія о происхожденіи міра; теогоніями или генеалогіями, когда занимаются происхожденіемъ или родственными отношеніями боговъ; титаномахіями, аргонавтиками, ѳиваидами, эпигоніями, тезеидами и т. п. когда предметомъ ихъ является исторія титановъ, аргонавтовъ, первыхъ ѳиванцевъ, эпигоновъ, Тезея и дру-

гихъ. Отъ всѣхъ этихъ произведеній до насъ дошли лишь незначительные отрывки.

Другой разрядъ поэтовъ можно бы было, по характеру большинства изъ нихъ, назвать священными. Къ нимъ относятся тѣ, которые прославляли боговъ въ своихъ гимнахъ, передавали въ стихотворной формѣ теологическія и нравственно-религіозныя поученія и наставленія для жизни и практической дѣятельности, описывали разныя событія и легенды, съ цѣлью просвѣтить слушателя на счетъ религіи и человѣческихъ обязанностей. Въ такомъ же духѣ была составлена большая часть теогоній и космогоній, потому сюда слѣдуетъ отнести и тѣхъ циклическихъ поэтовъ, которымъ принадлежатъ эти произведенія. Въ этихъ повѣствовательныхъ, также какъ и въ поучительныхъ стихотвореніяхъ, поэтъ говоритъ уже не какъ пѣвецъ, а какъ бого-вдохновенный пророкъ. Къ священнымъ поэтамъ принадлежитъ Ѳалесъ критскій, стихи котораго облегчили Ликургу введеніе его законодательства. Но самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ Гесіодъ, изъ Кумъ въ Эоліи, жившій около 900 лѣтъ до р. Х. До насъ дошли съ его именемъ два главныхъ произведенія. Первое — Теогонія, въ которой, подъ разными картинами и божественными миѳами, скрыто теологическое ученіе. Другое его твореніе называющееся: „Труды и дни“, состоитъ изъ ряда поученій, относящихся къ сельскому и домашнему хозяйству, мореплаванію, воспитанію и другимъ обстоятельствамъ ежедневной жизни. Но, обращая главное вниманіе на практическія занятія и нравственныя обязанности, книга эта содержитъ въ себѣ и нѣкоторые миѳическіе разсказы или аллегоріи. —

Съ начала седьмаго вѣка до р. Х., изъ циклическихъ и религіозно-нравственныхъ стихотвореній прошедшаго времени стала развиваться новая литература, сѣмена которой уже лежали въ прежней, но только тогда разрослись въ новыя формы умственной дѣятельности. Подобно прежней, новая литература все еще

носила характеръ поэтическій; потому что пѣсни, танцы, музыка и наслажденія искусствомъ обращали въ непрерывный праздникъ беззаботную жизнь свободныхъ гражданъ мелкихъ греческихъ общинъ. Дошедшіе до насъ остатки произведеній этого періода доказываютъ, что тогдашняя Греція кипѣла дѣятельною внутреннею жизнью, и въ то время уже имѣла значительную литературу, передававшуюся потомству не черезъ книги, а самою жизнью, какъ принадлежность торжествъ, общественныхъ собраній и пировъ.

Произведенія этого періода литературы, продолжавшагося приблизительно отъ 700 г. до р. Х. до Персидскихъ войнъ, раздѣляются на четыре отдѣла: на политически и нравственно поучительныя или сатирическія, и на лирическія, философскія и историческія. Послѣдній изъ этихъ отдѣловъ тѣсно связанъ съ циклической поэзіей. Остальные же три развились изъ священной литературы, содержавшей въ себѣ теогоніи, космогоніи, гимны, нравственныя и религіозныя поученія.

Первый отдѣлъ состоитъ изъ произведеній политической и нравственной дидактической поэзіи. Къ нимъ относятся произведенія, заключавшія въ себѣ поученія опыта и житейской мудрости, или излагавшія, въ легко запоминаемыхъ стихахъ, главные законы и установленія общественной жизни. Такіе стихи декламировались извѣстнымъ размѣромъ или пѣлись, съ аккомпаниментомъ лиры, на праздникахъ и пирахъ. Другія стихотворенія этого отдѣла выражали возвышенныя чувства благородныхъ и мужественныхъ душъ или боролись со зломъ посредствомъ поэтическаго выраженія насмѣшки или гнѣва. Къ этому же роду поэзіи относится и названное нами сочиненіе Гесіода, Труды и дни, и изреченія оракуловъ, которыя съ отдаленнѣйшихъ временъ излагались короткими стихами. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе на поэтическое изложеніе законовъ, бывшее въ употребленіи во многихъ изъ древнѣйшихъ государствъ. Такъ Ликургъ, или современники его, облекли въ форму короткихъ

стихотвореній всѣ важнѣйшія положенія спартанскаго устройства, чтобы они легче удерживались въ памяти и безъ искаженій переходили къ потомству. Знаменитыя постановленія Залевка локрскаго и Харонда катанскаго были, какъ говорятъ, также изложены въ стихахъ. Поэзіей пользовались и для того, чтобы особенными пѣснями дѣйствовать на чувства гражданъ и, такимъ образомъ, облегчать себѣ достиженіе политическихъ цѣлей. Такъ поступали, напримѣръ, Пиѳагоръ въ Кротонѣ, Солонъ въ Аѳинахъ и Тиртей въ Спартѣ. Послѣдній изъ нихъ, жившій во время второй Мессенской войны (стр. 300), былъ не простымъ сочинителемъ военныхъ пѣсень, а истиннымъ народнымъ поэтомъ Спарты. Кромѣ военныхъ гимновъ, которые еще долго послѣ него пѣлись спартанцами на войнѣ и въ пылу сраженій, онъ сочинялъ также поучительныя, смягчающія и возвышающія душу стихотворенія, и, посредствомъ ихъ, возвратилъ спартанцамъ исчезнувшую довѣренность къ ихъ силамъ и снова оживилъ въ нихъ единство, любовь къ родинѣ и терпѣніе въ трудахъ и лишеніяхъ. Изъ его стихотвореній, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ отрывковъ, сохранилось только три.

Ближайшее мѣсто подлѣ произведеній этой политической поэзіи занимаютъ такъ называемыя гномическія стихотворенія, которыя впрочемъ могутъ быть отнесены и къ лирическому, и къ философскому отдѣлу поэзіи. Они названы такъ потому, что состоятъ изъ гномовъ, т. е. изъ пословицъ, имѣвшихъ цѣлью распространеніе мудрости, набожности и житейскаго благоразумія. Знаменитѣйшіе изъ гномическихъ поэтовъ — Теогнидъ мегарскій и Фокилидъ милетскій, жившіе оба около 550 года до р. Х. Съ именемъ перваго до сихъ поръ еще сохранилось собраніе поговорокъ; но изъ гномовъ Фокилида до насъ дошли только весьма немногіе. Къ гномическимъ поэтамъ часто причисляютъ также и Пиѳагора, потому что имя его помѣщено на собраніи гномовъ, озаглавленномъ „Золотыя Слова," но нѣтъ никакого сомнѣнія, что изреченія эти вовсе не принадлежатъ Пиѳагору, а написаны ка-

кимъ нибудь послѣдователемъ его философіи. Наконецъ, къ знаменитѣйшимъ гномическимъ поэтамъ обыкновенно причисляютъ и законодателя Солона, потому что онъ сочинялъ стихотворенія, посредствомъ которыхъ старался облагородить нравы своихъ соотечественниковъ. Отъ его произведеній до насъ дошли лишь немногіе отрывки.

И по духу и по характеру своего вліянія, къ гномическимъ и политическимъ поэтамъ весьма близко подходятъ такъ называемые семь мудрецовъ, которые всѣ, за исключеніемъ одного только Ѳалеса, имѣли большое вліяніе на управленіе своихъ государствъ, прославились своею житейскою и государственною мудростью, и посредствомъ изреченій, изложенныхъ въ стихахъ, пріобрѣли вліяніе даже за предѣлами отечества. Исторія ихъ большею частью облечена въ сказочную форму. Всѣ они жили въ одно и то же время, и преданіе утверждаетъ даже, что они были связаны тѣснѣйшей дружбой и часто видались между собою. Изреченія, въ которыхъ они выражали важнѣйшіе выводы своихъ размышленій и знанія людей и свѣта, приведены были впослѣдствіи въ форму сборниковъ, дошедшихъ до насъ въ трехъ различныхъ редакціяхъ. Каждый изъ мудрецовъ имѣлъ, говорятъ, одно любимое изрѣченіе, которое считалъ какъ бы главнымъ правиломъ или девизомъ своей жизни. Вотъ имена этихъ семи мудрецовъ, вмѣстѣ съ ихъ девизами. Знаменитѣйшими изъ нихъ были Солонъ и Ѳалесъ милетскій. Первый, избравшій своимъ девизомъ выраженіе: „никогда (не дѣлай) черезъ мѣру“ прославился какъ законодатель Аѳинъ. Послѣдній, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ гораздо болѣе древнимъ Ѳалесомъ критскимъ, отличался какъ великій философъ. Его девизомъ были слова: „Поручись и пострадаешь!“ Остальные мудрецы были: Питтакъ митиленскій, о которомъ (стр. 232) уже было упомянуто (Тщательно соображай время). Клеобулъ, изъ Линда, на островѣ Родосѣ (Всему знай мѣру); упомянутый нами (стр. 280) коринѳскій тираннъ Періандръ (Обдумывай все заранѣе); Хилонъ спартанскій (Познай самого

себя); Біантъ изъ Пріены въ Іоніи (Когда многіе возмутся за дѣло, то сдѣлаютъ дурно).

Къ поучительной поэзіи этого періода относятся также басня и сатира. Басня, появленіе которой требуетъ жизни среди природы и близкаго знакомства съ характеромъ различныхъ животныхъ, впервые развилась у грековъ въ этомъ періодѣ. Между греческими баснописцами болѣе всѣхъ прославился Эзопъ, современникъ Солона, и по его имени этотъ родъ поэзіи называютъ также Эзоповой басней. Жизнь его очень искажена преданіемъ. Разсказываютъ, что онъ былъ рабомъ во Фригіи.

Сатира, какъ особенный родъ поэзіи, появилась въ началѣ седьмаго вѣка до р. Х. и выработалась изъ нравственно-поучительныхъ (дидактическихъ) стихотвореній. Начатки ея заключались въ томъ, что насмѣшка и горечь присоединились къ нравственному поученію, на страхъ злымъ и ободреніе добрымъ. Образцовымъ писателемъ въ этомъ родѣ считался у древнихъ Архилохъ паросскій, жизнь котораго сообщена преданіемъ въ такой же сказочной формѣ, какъ и жизнь поэта Эзопа. Его считаютъ изобрѣтателемъ ямба, стихотворнаго размѣра, которымъ преимущественно пользовались греки для сатиры. Кромѣ его, можно также назвать Алкея, изъ Митилены, знаменитаго лирическаго поэта, жившаго около 600 года до р. Х. Одушевленный безграничной любовью къ свободѣ, онъ весь предался тому, чтобы клеймить своими стихами тиранновъ Малой-Азіи и греческихъ острововъ и постоянно возбуждать народъ къ возстанію. Съ особенною горечью преслѣдовалъ онъ своими жгучими стихами Питтака повелителя своего роднаго города. —

Второй отдѣлъ стихотвореній этого періода относится къ лирической поэзіи. Самостоятельное появленіе этой отрасли поэзіи связано внѣшнимъ образомъ съ успѣхами греческой музыки, которая тогда значительно усовершенствовалось и вызвала большое разнообразіе въ поэтическихъ формахъ. Но, по существу своему, лирическія произведенія этого времени находятся въ тѣсной связи

съ нравоучительною поэзіей предъидущаго отдѣла. Въ обоихъ господствуетъ то же ученіе: „Человѣкъ смертенъ и слабъ; жизнь коротка. Поэтому или наслаждайтесь ею вполнѣ, или ищите неизмѣняющагося въ самихъ себѣ и избѣгайте всякаго ложнаго и непрочнаго наслажденія.“ Такимъ образомъ, лирическая поэзія этого времени имѣетъ двѣ стороны. Она вызываетъ къ полному наслажденію жизнью и проповѣдуетъ ничтожество всѣхъ земныхъ радостей и блаженство созерцательнаго покоя — два полюса жизненной мудрости, обыкновенно появляющіеся вмѣстѣ въ исторіи цивилизаціи народовъ, когда, при извѣстной степени образованности, число наслажденій увеличивается. Въ этомъ періодѣ роскошь въ особенности развилась у іонійскихъ и эолійскихъ грековъ Малой Азіи; потому у нихъ мы видимъ особенное процвѣтаніе этого двойственнаго направленія философіи и лирики.

Въ ряду знаменитѣйшихъ лирическихъ поэтовъ этого періода, еще не названныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, первое мѣсто по времени принадлежитъ Алкману изъ Сардъ, въ Лидіи. Онъ жилъ при дворѣ, въ своемъ родномъ городѣ, и сравненіе немногихъ дошедшихъ до насъ отрывковъ его стихотвореній съ произведеніями современника его Тиртея рѣзко показываетъ противоположность между древне-спартанскою дисциплиною и нравами, и чувственной философіей и страстью къ наслажденіямъ роскошныхъ фригійцевъ и лидійцевъ. Его стихи также рѣшительно вызываютъ ко всякаго рода наслажденіямъ, какъ стихи спартанскаго поэта проповѣдуютъ мужественныя добродѣтели, храбрость и настойчивость. Около того же времени жилъ лесбіецъ Терпандръ, сочинявшій народныя и застольныя пѣсни, и прославившійся своими усовершенствованіями въ музыкѣ. Соотечественникъ его Аріонъ (около 600 г. до р. Х.) въ особенности прославился, благодаря древне-греческой легендѣ о спасеніи его дельфиномъ. Во время Аріона жила также поэтесса Сафо изъ Лесбоса, отъ которой до насъ дошли, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ отрывковъ, только двѣ оды, гдѣ, также какъ и въ произведеніяхъ слѣдующихъ ли-

риковъ, обнаруживается философія страсти и наслажденія. Ея исторія сильно искажена преданіемъ, и весьма вѣроятно, что разсказы о ея безнравственности и о самоубійствѣ, внушенномъ безнадежною любовью, не болѣе, какъ чистая выдумка. Подругой ея была Эринна, также родившаяся на Лесбосѣ или, по крайней мѣрѣ, жившая тамъ. Она умерла на двадцатомъ году своей жизни, и, не смотря на это, успѣла прославиться у древнихъ какъ одна изъ величайшихъ женщинъ-поэтовъ. Современникомъ Сафо и Эринны былъ поэтъ Мимнермъ колофонскій, которому приписываютъ примѣненіе элегическаго размѣра стиховъ для выраженія жалобнаго и горестнаго настроенія духа. Слово элегія, которымъ у насъ означается всякое стихотвореніе тоскливаго и грустнаго содержанія, у грековъ означало только извѣстную внѣшнюю форму лирическихъ стихотвореній. Такъ называлось, совершенно независимо отъ содержанія, всякое стихотвореніе, состоящее изъ двустишій т. е. изъ одного гексаметра и одного пентаметра. Стихи Мимнерма оплакиваютъ непостоянство благъ земныхъ, кратковременность жизни и изобиліе человѣческихъ страданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ къ наслажденію. Немного позднѣе его жилъ Стесихоръ, изъ Гимеры, въ Сициліи, который далъ одѣ форму, впослѣдствіи разработанную Пиндаромъ. Современникомъ Стесихора былъ Ибикъ, изъ Регія, въ нижней Италіи, или изъ Мессины, въ Сициліи. Въ Германіи онъ извѣстенъ всѣмъ по Шиллеровой балладѣ, гдѣ разсказана легенда о его смерти.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ лирическихъ поэтовъ Греціи Анакреонъ изъ Теоса, въ Іоніи, былъ современникомъ и другомъ Поликрата, Писистрата, Гиппія и Гиппарха, жилъ при дворахъ этихъ правителей и умеръ въ 474 году до р. X., достигнувъ восьмидесяти пяти лѣтъ. Изящнѣе всѣхъ греческихъ поэтовъ проповѣдывалъ онъ философію наслажденія, и имя его стало типическимъ для означенія великаго пѣвца любви и вина. Младшимъ современникомъ его былъ Симонидъ изъ Кеоса, одного изъ Кикладскихъ острововъ. Онъ былъ также близкимъ другомъ Писистрати-

довъ, Питтака митиленскаго и Гіерона сиракузскаго, и умеръ на девяностомъ году своей жизни въ 469 году до р. Х. Онъ знаменитъ особенно своими грустными стихами, и, послѣ Мимнерма, былъ первый хорошимъ элегическимъ поэтомъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. У него также безпрестанно повторяется мысль о кратковременности жизни и необходимости спѣшить наслаждаться ею. Лѣтъ за сто до него прославился, какъ поэтъ, дѣдъ его, Симонидъ изъ Аморга, одного изъ Спорадскихъ острововъ. Ему приписывается полу-сатирическая поэма о женщинахъ. Это превосходное изображеніе современныхъ ему женщинъ, гдѣ съ одной стороны выставляются заблужденія тщеславія, кокетства, любопытства и болтливости, а съ другой значеніе женщины какъ хозяйки, жены, матери и собесѣдницы. —

Третій родъ поэтическаго творчества въ этомъ періодѣ, философская поэзія, развился изъ прежнихъ теогоній и космогоній: поэтическія легенды о происхожденіи міра и боговъ вызвали первое появленіе физики, математики, астрономіи и философіи. Мѣстомъ возникновенія этой поэзіи были колоніи Іоніи и нижней Италіи. Она подготовила появленіе настоящей философіи, которая въ слѣдующемъ періодѣ сосредоточилась въ Аѳинахъ. Въ философской поэзіи отличаютъ три рода.

Первый изъ нихъ — философія природы, извѣстная подъ именемъ іонійской философіи, потому что возникла въ Іоніи (около 600 года). Іонійская философія болѣе прочихъ приближалась къ прежнимъ космогоніямъ и теогоніямъ, но старалась путемъ мышленія и умозаключенія отыскать причину вещей, скрывавшуюся въ миѳическихъ образахъ космогоній. Языкъ ея оставался по прежнему поэтическимъ. Ѳалесъ милетскій, одинъ изъ семи мудрецовъ, былъ древнѣйшимъ философомъ іонійской школы, и потому называется также творцомъ греческой философіи. Онъ принялъ воду за первоначальную матерію, т. е. за начало всего существующаго, или, точнѣе, полагалъ, что эту матерію слѣдуетъ воображать въ видѣ жидкости. Ѳалесу приписываютъ также перенесеніе

изъ Египта въ Грецію математики и астрономіи, и говорятъ, что онъ первый въ Греціи предсказалъ солнечное затмѣніе. Другъ и ученикъ его Анаксимандръ, желая рѣзко отличить философское начало вещей отъ всякаго отдѣльнаго вещества, назвалъ его безконечнымъ. Изъ позднѣйшихъ философовъ іонійской школы особенно знамениты: Анаксименъ милетскій, ученикъ Анаксимандра, и Анаксагоръ изъ Клазоменъ, въ Іоніи, родившійся около 500 года до р. Х. Послѣдній перенесъ іонійскую философію въ Аѳины, привелъ ее въ положительную систему, и, первый изъ греческихъ философовъ принялъ высшій разумъ или высшее сознательное существо за причину, давшую жизнь, образъ, движеніе и порядокъ мертвой и, по его мнѣнію, вѣчной массѣ (матеріи).

Другой видъ философской поэзіи, имѣвшій всего болѣе послѣдователей въ Италіи и Сициліи, называется итальянской или пиѳагорейской школой. Учителемъ этихъ поэтовъ-философовъ былъ знаменитый Пиѳагоръ, о которомъ уже было говорено выше (стр. 248). Разсказываютъ, что слово „философъ“ обязано ему своимъ происхожденіемъ. Онъ изъ скромности не хотѣлъ допустить, чтобы его называли софосомъ, т. е. мудрецомъ, и вмѣсто того выдумалъ слово философосъ, т. е. другъ мудрости или стремящійся къ ней. Пиѳагоръ первый ввелъ въ философію нравственное начало или мораль. Онъ облекъ свое ученіе о высшихъ вопросахъ въ математическія формы, и, напримѣръ, начальную причину всего называлъ единицей, матерію — двойственностью, а добродѣтель считалъ гармоніей или единствомъ души. Міръ, по философіи Пиѳагора, есть гармонически устроенное цѣлое, состоящее изъ десяти большихъ тѣлъ, гармонически движущихся вокругъ солнца какъ своего центра. Божество въ ученіи Пиѳагора называется душою міра, души людей—его изліяніями; онѣ, послѣ странствованія по многимъ тѣламъ, снова соединяются съ нимъ. Пиѳагоръ первый далъ твердое основаніе математическимъ наукамъ въ Греціи, и открылъ одно изъ основныхъ положеній математики — такъ

называемую теорему Пиѳагора. Между пиѳагорейцами и впослѣдствіи были люди, которые значительно содѣйствовали развитію астрономіи, механики и другихъ отраслей математики.

Какъ философски-политическое стремленіе, основанное Пиѳагоромъ, сосредоточилось въ Кротонѣ, такъ третья отрасль философіи имѣла исходнымъ пунктомъ весьма богатый въ то время городъ Колофонъ въ Іоніи; философская поэзія довольно долго процвѣтала и въ этомъ городѣ. Тамъ родился и воспитывался Ксенофанъ, переселившійся во второй половинѣ шестаго вѣка въ греческую колонію Элею въ нижней Италіи, гдѣ основалъ элеатскую школу философіи. Онъ и ученики его проповѣдывали пантеизмъ. Другими словами, основной мыслью элеатиковъ была идея о томъ, что все существующее составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, и что слѣдовательно божество и вселенная одно и то же. Элеатская философія была первой научной системой, выработавшейся у грековъ. Кромѣ того, элеатики прежде другихъ провели рѣзкую черту между чувственными впечатлѣніями и умственнымъ познаваніемъ, и провозгласили обманчивость и призрачность первыхъ. Они излагали свое ученіе въ поэтической формѣ, отчасти сходной съ тою формой дидактической поэзіи, которая появляется уже въ позднѣйшіе періоды цивилизаціи, и въ Греціи появилась также послѣ Александра Великаго. Между элеатиками всѣхъ болѣе знамениты Парменидъ и Зенонъ изъ Элеи, — два ученика самого Ксенофана; Левкиппъ, родина и время жизни котораго неизвѣстны, и Демокритъ, изъ Абдеры, жившій въ пятомъ вѣкѣ до р. Х. Въ Малой Азіи излагалъ пантеистическое ученіе Гераклитъ эфесскій, который не былъ ученикомъ элеатской школы и жилъ около 500 года до р. Х. Эмпедоклъ агригентскій, славившійся около половины пятаго вѣка, держался другой системы, но также излагалъ свое ученіе въ поэтичсской формѣ, между тѣмъ какъ Демокритъ писалъ уже прозой. Вообще, послѣдніе изъ названныхъ нами поэтовъ всѣ писали въ формѣ близкой къ дидактической, и помогли философіи перейти

изъ области поэзіи въ прозу. Этимъ переходомъ, также какъ и направленіемъ своихъ мыслей, они вызвали настоящую философію, возникшую въ Аѳинахъ, въ слѣдующемъ столѣтіи. —

Четвертый и послѣдній отдѣлъ литературныхъ произведеній этого періода составляетъ переходъ къ исторіи. Онъ развился изъ прежней киклической поэзіи, которая однако втеченіе извѣстнаго времени все еще держалась рядомъ съ вновь возникшимъ направленіемъ. Этомъ новый, появившійся въ то время способъ излагать переданные разсказы называютъ логографіей, т. е. правдивымъ историческимъ разсказомъ въ прозѣ. Она занимаетъ промежуточное мѣсто между поэзіей и настоящей исторіей и получила свое названіе въ противоположность миѳографіи, т. е. простому записыванію легендъ, и эпосу, т. е. поэтическому ихъ изложенію. Всѣ разсказчики историческихъ событій до Геродота, съ котораго начинается настоящая исторія, принадлежатъ къ числу логографовъ. Отъ произведеній ихъ и киклическихъ поэтовъ до насъ дошли лишь немногіе отрывки. По этому невозможно опредѣлить, какимъ именно образомъ изъ поэтическаго изложенія легенды возникъ прозаическій разсказъ и какъ онъ, въ свою очередь, постепенно превратился въ настоящую исторію. Первымъ прозаикомъ называютъ Ферекида, іонійскаго философа, бывшаго уроженцемъ кикладскаго острова Сироса, и жившаго около половины шестаго вѣка до р. Х. Самымъ древнимъ логографомъ былъ Кадмъ милетскій, написавшій исторію своего города. Кромѣ того извѣстны Маникъ лесбосскій и Гекатей милетскій, который былъ въ тоже время однимъ изъ самыхъ древнихъ географовъ Греціи.

IV. ИСТОРІЯ ГРЕКОВЪ

ОТЪ НАЧАЛА ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ ДО КОНЦА ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ.

---

1. Начало Персидскихъ войнъ.

Персидская монархія, раздвинувшаяся при Кирѣ до береговъ Архипелага, была распространена Камбисомъ до западныхъ предѣловъ Египта, а преемникомъ его Даріемъ I до сѣверныхъ границъ Греціи. При завоевательномъ направленіи, принятомъ этимъ государствомъ, оно необходимо должно было прійти рано или поздно въ непріязненныя столкновенія съ государствами европейской Греціи. Поводомъ къ тому послужила помощь, данная Аѳинами и эвбейскимъ городомъ Эретріей возставшимъ противъ Дарія мало-азійскимъ грекамъ (стр. 139). Такимъ образомъ, страсть къ завоеваніямъ и оскорбленная этой поддержкой гордость персидскихъ царей возбудила, въ началѣ пятаго вѣка до рождества Христова, длинный рядъ войнъ, которыя съ одной стороны приготовили паденіе Персидской монархіи, а съ другой чрезвычайно усилили могущество греческой націи и довели цивилизацію ея до высшаго развитія. Подавивъ возстаніе мало-азій-

скихъ городовъ, Дарій рѣшился распространить завоеванія свои на Грецію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмстить за оскорбленіе, нанесенное ему Аѳинами и Эретріею, осмѣлившимися помогать мятежникамъ. Греческая легенда говоритъ, что поддержка эта такъ разсердила Дарія, что при первомъ же извѣстіи о ней онъ поклялся отмстить аѳинянамъ и эретрійцамъ, и приказалъ одному изъ слугъ своихъ каждый день во время обѣда три раза произносить слова: „Государь, помни объ аѳинянахъ.“

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ подавленія мало-азійскаго возстанія, были посланы въ Европу армія и флотъ съ дессантными войсками подъ начальствомъ зятя Дарія, Мардонія, чтобы черезъ Ѳракію и Македонію проникнуть въ Грецію (492 до р. Х.). Армія, эта достигнувъ границъ Македоніи, подверглась здѣсь нападенію одного воинственнаго племени, надолго задержавшаго ее и истребившаго большую часть войска. Флотъ былъ застигнутъ страшной бурей у опаснаго Аѳонскаго мыса, составляющаго одну изъ южныхъ оконечностей ѳракійскаго полуострова Халкидики, и почти весь погибъ, вмѣстѣ съ находившимися на немъ войсками. Мардоній въ томъ же году былъ принужденъ отвести обратно въ Азію остатки своихъ ополченій.

Въ слѣдующемъ году персы покорили островъ Тазосъ и снарядили новую экспедицію. Кромѣ того въ греческія государства были посланы царскіе герольды съ обычнымъ требованіемъ земли и воды для персидскаго царя, т. е. иными словами, покорности ему. Ѳивы, почти всѣ остальные города Беотіи и большая часть острововъ Архипелага покорились. Въ Спартѣ же и въ Аѳинахъ не только не послушались персидскихъ герольдовъ, но даже убили ихъ. Въ Аѳинахъ ихъ бросили въ пропасть, куда обыкновенно бросали преступниковъ, а въ Спартѣ — въ колодезь, чтобы они тамъ сами достали себѣ земли и воды. Впослѣдствіи частыя повторенія неблагопріятныхъ примѣтъ при жертвоприношеніяхъ заставили спартанцевъ раскаяться въ этомъ

нарушенія международнаго права, и они пытались смыть его особеннаго рода покаяніемъ. Спартанскій сенатъ обратился къ народу съ вопросомъ, не найдется ли въ немъ гражданъ готовыхъ умереть въ видѣ искупительной жертвы за этихъ герольдовъ, и два благородные спартанца вызвались на то. Ихъ тотчасъ же отправили къ Ксерксу, сыну и преемнику Дарія, чтобы онъ смертью ихъ удовлетворилъ себя за умерщвленіе своихъ пословъ. На пути въ Персію спартанцы эти были представлены Гидарну, сатрапу Малой Азіи. Гидарнъ вѣжливо принялъ ихъ и настоятельно убѣждалъ склонить своихъ соотечественниковъ къ покорности персамъ, которые доставили бы имъ за то преобладаніе надъ всей Греціей. Спартанцы отвергли предложеніе его, отвѣтивъ сатрапу, что онъ самъ хорошо не понимаетъ о чемъ проситъ. Когда обоихъ спартанцевъ привезли въ Сузу, ихъ хотѣли принудить, согласно персидскому обычаю, поклониться въ ноги царю. Они положительно отказались отъ этого, и объявили, что въ Спартѣ не существуетъ такого обычая, и что свободные греки ни въ какомъ случаѣ не согласятся на такое выраженіе подобострастія передъ человѣкомъ. Когда они объявили царю цѣль своего путешествія, онъ приказалъ немедленно отправить ихъ назадъ въ Спарту, сказавъ что не желаетъ, подобно спартанцамъ, пятнать себя преступленіемъ, и не будетъ настолько безуменъ, чтобы снять съ враговъ своихъ позоръ беззаконно пролитой крови.

Аѳиняне воспользовались изъявленною жителями почти всѣхъ островов готовностью подчиниться персамъ, чтобы повредить эгинцамъ, своимъ могущественнымъ противникамъ и соперникамъ. Они обвинили ихъ передъ Спартою, какъ главою дорійско-пелопоннесскаго союза, и объявили, что эгинцы только для того покорились персамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними побѣдить аѳинянъ. Спартанцы признали жалобу аѳинянъ справедливою, и послали для наказанія жителей Эгины царя своего Клеомена, потребовавшаго выдачи гражданъ особенно расположенныхъ къ

персамъ и посовѣтовавшихъ остальнымъ покориться; но эгинцы отказали ему въ исполненіи его требованій, тайно возбужденные къ сопротивленію другимъ спартанскимъ царемъ, Демаратомъ. Изъ ненависти къ Демарату, Клеоменъ низвергъ его тогда съ престола, назвавъ подкидышемъ прежняго царя и подкупивъ дельфійскаго оракула, которому было предоставлено рѣшеніе этого вопроса. Низложенный Демаратъ оставилъ родину и отправился въ Персію. Тамъ онъ былъ очень радушно принятъ Даріемъ, но не могъ принести пользы своими совѣтами ни ему, ни его преемнику; потому что въ Персіи слушали только тѣхъ, которые умѣли кланяться и говорить по придворному. Мѣсто Демарата занялъ Леотихидъ, ближайшій наслѣдникъ престола въ домѣ проклидовъ. Клеоменъ вмѣстѣ съ нимъ снова отправился на Эгину, гдѣ на этотъ разъ ему безъ всякаго сопротивленія выдали заложниками десять самыхъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ. Чтобы отмстить эгинцамъ, Клеоменъ поручилъ надзоръ за этими заложниками аѳинянамъ, заклятымъ врагамъ Эгины. Вскорѣ потомъ этотъ мстительный, властолюбивый человѣкъ умеръ въ припадкѣ бѣшенаго сумашествія, и послѣ его смерти эгинцамъ удалось добиться того, чтобы спартанцы потребовали у аѳинянъ обратной выдачи заложниковъ. Требованіе это не было исполнено, и между Аѳинами и Эгиной началась новая война, продолжавшаяся до появленія персовъ въ Греціи.

2. Вторая Персидская война.

Между тѣмъ въ Персіи были окончены приготовленія къ новому походу противъ Греціи и въ 490 г. до р. Х. персидское войско сѣло на корабли, подъ начальствомъ сатраповъ Датиса и Артаферна, замѣнившихъ Мардонія. Сила этой арміи опредѣляется писателями древности весьма различно. Писистратидъ Гиппій присоединился къ этому ополченію, чтобы совѣтами своими

помогать персидскимъ полководцамъ. Экспедиція отправилась на этотъ разъ чрезъ Архипелагъ; главною цѣлью дѣйствій ея были Аѳины и эвбейскій городъ Эретрія. Высадившись на Эвбеѣ, персы, послѣ нѣкотораго сопротивленія, взяли Эретрію и отправили ея жителей въ рабство въ Азію. Изъ Эвбеи они переправились чрезъ Эврипскій проливъ и высадились на восточномъ берегу Аттики. Тотчасъ же послѣ паденія Эретріи, аѳиняне обратились къ Спартѣ съ просьбою о помощи. Спартанцы обѣщали поддержать ихъ, но не могли отправить войскъ своихъ ранѣе, чѣмъ черезъ пять дней, потому что старинный религіозный законъ запрещалъ имъ выступать въ походъ прежде полнолунія. Аѳиняне оказались, такимъ образомъ, предоставленными своимъ собственнымъ силамъ. Къ нимъ присоединилась только тысяча гражданъ небольшаго беотійскаго города Платеи. Но къ счастію Аѳинъ, въ ихъ стѣнахъ жилъ въ то время одинъ прежній вассалъ персидскаго царя, не только спасшій ихъ отъ гибели, но и вознесшій на высшую степень славы.

Это былъ Мильтіадъ, аѳинскій гражданинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣтель небольшаго государства въ Херсонесѣ, т. е. на полуостровѣ, образуемомъ европейскимъ берегомъ Геллеспонта. Въ то время, когда Писистратъ въ первый разъ достигъ единовластія, здѣсь была основана греческая колонія, и предводитель переселенцевъ, Мильтіадъ, членъ древней аѳинской фамиліи, успѣлъ пріобрѣсти верховную власть какъ въ самой колоніи, такъ и на всемъ полуостровѣ, заселенномъ тогда ѳракійцами. Послѣ его смерти власть перешла къ его племяннику Стесагору, а по смерти этого втораго правителя, къ брату его, также носившему имя Мильтіада. Когда всѣ города и владѣтели ѳракійскаго прибрежья были принуждены покориться персамъ, Мильтіадъ сталъ вассаломъ персидскаго царя, и сопровождалъ его въ скиѳскомъ походѣ. При этомъ случаѣ онъ предложилъ греческимъ уроженцамъ, бывшимъ полководцами въ персидской арміи, и вмѣстѣ съ нимъ охранявшимъ мостъ черезъ Дунай, — сломать этотъ мостъ, чтобы погубить царя вмѣстѣ со всей его арміей (стр. 137).

Не смотря на это предложеніе онъ сохранилъ свое владѣніе. Но когда возставшіе предводители іонійцевъ были снова порабощены и наказаны Даріемъ, Мильтіадъ уже пересталъ считать себя въ безопасности, и бѣжалъ въ Аѳины съ своими сокровищами и пятью военными кораблями. Одинъ изъ этихъ кораблей, которымъ командовалъ сынъ его, попался въ руки погнавшемуся за ними персидскому флоту, и сынъ Мильтіада былъ отправленъ къ Дарію. Персидскій царь, по великодушному своему характеру, не хотѣлъ наказывать сына за вину отца, принялъ его какъ вельможу, подарилъ ему помѣстья и женилъ на знатной персіянкѣ. Мильтіадъ съ остальными четырьмя кораблями благополучно достигъ Аѳинъ, гдѣ его тотчасъ потребовали къ суду за то, что онъ сдѣлался тиранномъ аѳинской колоніи; впрочемъ онъ тотчасъ же былъ оправданъ. Пребываніе Мильтіада въ Аѳинахъ со времени похода Мардонія противъ Греціи было большимъ счастіемъ для аѳинянъ. Онъ былъ превосходнымъ полководцемъ, вполнѣ зналъ характеръ и образъ дѣйствій персовъ, владѣлъ значительными богатствами, и привелъ съ собой четыре большихъ корабля. Два послѣднихъ обстоятельства тотчасъ же доставили ему огромное значеніе въ городѣ. Морская сила аѳинянъ была такъ незначительна, что въ это время они, для борьбы съ Эгиной, были принуждены занять двадцать кораблей у коринѳянъ. Сокровища и корабли Мильтіада поставили ихъ вдругъ въ совершенно другое отношеніе къ Греціи.

Когда стали снаряжать армію противъ Датиса и Артаферна, Мильтіада избрали однимъ изъ десяти стратеговъ или полководцевъ, ежегодно избиравшихся, по числу филъ, для управленія военною частью и командованія войсками во время войны. При извѣстіи о высадкѣ персовъ въ Аттикѣ, армія двинулась имъ навстрѣчу; но половина стратеговъ не хотѣла рѣшиться на бой съ далеко превосходными силами непріятеля, и предполагала ограничиться оборонительною войною. Силою своихъ доводовъ Мильтіадъ склонилъ общее мнѣніе къ рѣшимости на битву и такимъ

образомъ онъ спасъ Аѳины отъ мгновенной опасности, а одержанной побѣдой положилъ начало ихъ будущему величію.

Относительная сила армій противныхъ сторонъ опредѣляется древними писателями весьма различно, такъ что положительно можно сказать только, что персы численностью своею далеко превосходили аѳинянъ. При всемъ томъ, зная характеръ воевавшихъ сторонъ, нельзя удивляться ни побѣдѣ аѳинянъ, ни вообще тому, что малочисленная греческая нація отразила всѣ нападенія персовъ, господствовавшихъ надъ большей половиной Азіи. Персидская монархія была простою машиной, гдѣ слѣпое послушаніе и неподвижность чисто механическихъ учрежденій уничтожали возможность развитія, свободной дѣятельности и воодушевленія. Разумный ходъ управленія въ Персіи зависѣлъ отъ личностей и случайныхъ обстоятельствъ. Еще гораздо рѣже случалось, чтобы какое нибудь учрежденіе мѣнялось сообразно урокамъ опыта и обстоятельствъ, или чтобы предпріятія были соображаемы съ требованіями времени, свойствами края и населенія. Въ своихъ войнахъ персы выставляли очень многочисленныя войска. Но они состояли изъ нестройныхъ массъ вооруженныхъ людей, лишенныхъ всякаго общаго духа и сознанія своего достоинства. Напротивъ того греки, достигшіе въ это время полнаго развитія своихъ народныхъ силъ, составляли мелкія государства, сила которыхъ состояла не въ многолюдствѣ, а въ образованіи, любви къ родинѣ и въ мужественномъ соревнованіи гражданъ. Составъ, обученіе и вооруженіе ихъ войскъ имѣли чисто національный характеръ, основанный на народныхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ. При свободномъ развитіи государственной жизни и всѣхъ ея силъ, опытъ времени и новыя открытія постоянно отражались на всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ. Во всѣхъ греческихъ государствахъ, главная часть арміи,—такъ называемые тяжеловооруженные воины,—состояла только изъ зажиточныхъ гражданъ, имѣвшихъ значительное вліяніе на управленіе государствомъ и достигшихъ извѣстной степени образованія и потому арміи эти нельзя сравнивать

ни съ одною арміею нашего времени, за исключеніемъ развѣ такъ называемыхъ рейтаровъ среднихъ вѣковъ. Кромѣ того всѣ начальническія мѣста замѣщались ежегодно вновь, и составъ а организація греческой арміи демократическаго періода были таковы, что каждый солдатъ могъ замѣнить офицера, и большею частью они были на столько образованы, что могли бы быть и полководцами, обладая, кромѣ знаній, и чувствомъ собственнаго достоинства, необходимымъ для главнокомандующаго. Такая армія далеко превосходила бы равный по числу отрядъ войскъ даже нашего времени, сдѣлавшаго такіе громадные успѣхи въ военномъ искусствѣ. Ко всему этому нужно еще прибавить что каждый грекъ былъ съ юныхъ лѣтъ воиномъ, и что въ греческихъ государствахъ народныя пѣсни, богослуженіе, все устройство общественной жизни и наконецъ безчисленные памятники искусства — постоянно возбуждали и поддерживали въ гражданахъ любовь къ свободѣ и родинѣ.

На небольшой равнинѣ близъ мѣстечка Мараѳона, лежавшаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Аѳинъ, произошло, 29 сентября 490 г. до р. X., первое сраженіе между персами и европейскими греками. Аѳинянами въ этотъ день командовалъ Мильтіадъ. Главное начальство мѣнялось въ аѳинской арміи между десятью стратегами такъ, что каждый изъ нихъ пользовался властью въ теченіе одного только дня. Пять стратеговъ, изъ которыхъ всѣхъ болѣе извѣстенъ Аристидъ, уступили свои дни Мильтіаду, какъ самому способному и опытному изъ ихъ среды. Но онъ, чтобы снять съ товарищей отвѣтственность, распорядился такимъ образомъ, что сраженіе произошло именно въ тотъ день, когда ему по очереди приходилось командовать арміей. Мастерски воспользовавшись мѣстностью, благопріятнымъ временемъ и энтузіазмомъ своихъ согражданъ, Мильтіадъ успѣлъ выиграть сраженіе, въ которомъ персами командовалъ Гиппій. Несмѣтная добыча, громкая слава и владычество надъ моремъ были ближайшими результатами побѣды. Въ числѣ захваченной добычи были и цѣпи, привезенныя персами

изъ Азіи для греческихъ плѣнныхъ, и глыба паросскаго мрамора, изъ которой они хотѣли воздвигнуть памятникъ, будучи совершенно увѣрены въ побѣдѣ. Впослѣдствіи аѳиняне поручили великому своему ваятелю, Фидію, высѣчь изъ этого мрамора статую богини Немезиды, карательницы людскаго высокомѣрія. Статуя эта была поставлена на полѣ Мараѳонской битвы. Въ честь этой битвы были сооружены и другіе памятники, и аѳиняне еще долго спустя праздновали день ея. Потеря персовъ убитыми была впрочемъ незначительна: они лишились только шести тысячъ четырехсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и тираннъ Гиппій. Греки потеряли всего сто девяносто двухъ человѣкъ. Примѣромъ ихъ мужества и пламенной любви къ родинѣ можетъ служить геройская смерть Кинегира, брата знаменитаго поэта Эсхила. Во время преслѣдованія непріятеля, побѣжавшаго къ своимъ судамъ, Кинегиръ ухватился правою рукою за одну лодку. Когда ее отрубили, онъ точно также пожертвовалъ лѣвой рукой, потомъ ухватился за лодку зубами и удерживалъ ее такимъ образомъ, пока не упалъ мертвый подъ ударами персовъ. Разсказываютъ также, что одинъ аѳинскій гражданинъ, тотчасъ послѣ сраженія, побѣжалъ въ Аѳины, чтобы принести своимъ согражданамъ извѣстіе о побѣдѣ. Прибѣжавъ къ рынку, человѣкъ этотъ упалъ мертвый, успѣвъ только произнести слова: „Радуйтесь, мы побѣдили.“ —На другой день послѣ сраженія, къ Мараѳону прибыли спартанцы, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Они выступили тотчасъ послѣ полнолунія, и такъ торопились, что разстояніе между Спартой и Аѳинами, составляющее около тридцати нѣмецкихъ миль (210 верстъ), прошли въ три дня.

Тотчасъ послѣ сраженія, персидскій флотъ, оставившій въ рукахъ аѳинянъ семь кораблей, поплылъ вдоль береговъ Аттики, чтобы неожиданно напасть на Аѳины, до возвращенія туда греческой арміи. Но Мильтіадъ, угадавшій намѣреніе враговъ, предупредилъ ихъ, и потому персы, тотчасъ послѣ появленія своего передъ гаванью города, снова отплыли въ открытое море.

Они отправились прямо въ Азію, потому что наступало зимнее время, неудобное для военныхъ дѣйствій. Съ плѣнными эретрійцами, которыхъ они увезли съ собой, Дарій поступилъ такъ же человѣколюбиво, какъ нѣкогда съ милетцами: онъ далъ имъ свободу и отвелъ мѣсто для поселенія во внутреннихъ областяхъ своей монархіи.

3. Время между второй и третьей Персидской войной.

Аѳинянамъ конечно слѣдовало наказать тѣхъ грековъ, которые помогали предпріятію персовъ. Они тѣмъ охотнѣе должны были взяться за это, что такимъ образомъ являлся предлогъ увеличить могущество государства, а бѣднѣйшимъ гражданамъ представлялась возможность обогатиться на счетъ побѣжденныхъ. Мильтіадъ принялъ это за ближайшую цѣль аѳинской политики, и уговорилъ аѳинянъ снарядить флотъ изъ семидесяти кораблей. Но при этомъ онъ сдѣлалъ ту ошибку, что не высказалъ своихъ настоящихъ намѣреній, и даже не назвалъ тѣхъ, съ кѣмъ хотѣлъ сражаться, а объявилъ только, что экспедиція имѣетъ цѣлью обогащеніе аѳинянъ и распространеніе ихъ власти. Являясь съ такимъ предложеніемъ, онъ, само собою разумѣется, бралъ на себя и всю отвѣтственность за исходъ обременительнаго предпріятія. Народъ согласился на задуманную имъ экспедицію, и даже ввѣрилъ ему начальство надъ флотомъ и войсками. Мильтіадъ прежде всего обратился противъ острова Пароса, жители котораго не только покорились персамъ, но даже присоединили къ ихъ флоту свой военный корабль. Счастіе не благопріятствовало аѳинянамъ. Мильтіадъ двадцать шесть дней осаждалъ столицу острова, и, заболѣвъ опасно отъ ушиба, былъ принужденъ отплыть съ своимъ флотомъ назадъ въ Аѳины. Тамъ его потребовали къ суду за неудачное предпріятіе. Собственно говоря, къ нему никогда не имѣли полнаго довѣрія, такъ какъ онъ былъ властителемъ Херсонеса, а демократическій духъ аѳинянъ заста-

влялъ ихъ ревниво слѣдить за всякимъ, кто стремился подняться выше другихъ. Алкмеониды, которыхъ Мильтіадъ оттѣснилъ на второй планъ, воспользовались такимъ настроеніемъ гражданъ, и глава этой фамиліи, Ксантиппъ, обвинилъ побѣдителя при Мараѳонѣ въ уголовномъ преступленіи. Ссылаясь на исходъ дѣла, стоившій городу большихъ суммъ и жизни многихъ гражданъ, онъ объявилъ, что Мильтіадъ обманулъ народъ, обѣщая ему выгоды, для которыхъ была снаряжена экспедиція. Между тѣмъ болѣзнь Мильтіада усилилась, и онъ не могъ самъ защищаться; друзья же успѣли только спасти его отъ смертной казни. Онъ былъ приговоренъ къ уплатѣ издержекъ паросской экспедиціи, что составляло сумму въ пятьдесятъ талантовъ (65,000 р. с.), и вслѣдствіе этого приговора, подвергся тому же, чему, по аѳинскимъ законамъ, долженъ былъ въ подобномъ случаѣ подвергнуться всякій аѳинскій гражданинъ; т. е., до внесенія должной имъ суммы, былъ лишенъ гражданскихъ правъ, и въ случаѣ нужды могъ быть заключенъ въ темницу. Въ позднѣйшее время этотъ приговоръ надъ освободителемъ Аѳинъ былъ несправедливо поставленъ въ вину аѳинянамъ, какъ черта постыдной и преступной неблагодарности. Мильтіадъ вскорѣ умеръ отъ своей болѣзни; неизвѣстно, въ тюрьмѣ ли, какъ говорятъ нѣкоторые писатели древности, или на свободѣ. Прославившійся впослѣдствіи сынъ его, Кимонъ, выплатилъ должную имъ сумму, которую, по аѳинскимъ законамъ, правительство могло взыскать изъ всего имущества осужденнаго.

Со времени возвращенія Мильтіада изъ Херсонеса, онъ былъ настоящимъ руководителемъ аѳинянъ. Послѣ его смерти мѣсто его заняли Ксантиппъ, Аристидъ и Ѳемистоклъ. Особенную знаменитость пріобрѣли двое послѣднихъ. Аристидъ, въ годъ смерти Мильтіада, занимавшій должность перваго архонта, былъ одинъ изъ честнѣйшихъ людей, когда либо жившихъ въ Аѳинахъ. Вслѣдствіе этой идеальной честности, онъ во всю свою жизнь ни разу не руководствовался честолюбивыми цѣлями и эгоистиче-

скими интересами, но постоянно жертвовалъ всякими личными выгодами благу своей родины. За безкорыстіе и прямоту характера соотечественники дали ему почетное прозваніе справедливаго или праведнаго, и такъ вѣрили въ его безпристрастіе, что многіе, вмѣсто того чтобы обращаться къ судамъ, прибѣгали къ нему какъ къ третейскому судьѣ. Совершенно другимъ человѣкомъ былъ Ѳемистоклъ, родившійся отъ бѣдныхъ родителей, но, по великимъ дарованіямъ своего ума, скорѣе всякаго способный управлять государствомъ. Честолюбіе было его страстью, и онъ съ молодыхъ лѣтъ стремился къ цѣли, соотвѣтствовавшей природнымъ его талантамъ. Про него разсказываютъ, что еще мальчикомъ онъ отличался въ политическихъ и военныхъ наукахъ, но имѣлъ отвращеніе отъ всего что, какъ напримѣръ музыка, облагораживаетъ сердце и украшаетъ жизнь. Подобнымъ же образомъ всѣ анекдоты, относящіеся къ первымъ годамъ его совершеннолѣтія, указываютъ на его честолюбіе и на убѣжденіе въ природномъ своемъ призваніи къ роли государственнаго человѣка и полководца. Не получивъ музыкальнаго образованія, онъ не имѣлъ возможности принимать участіе въ разговорахъ объ этомъ искусствѣ, какъ требовалось въ Аѳинахъ отъ всякаго образованнаго человѣка. Когда съ нимъ однажды заговорили объ этомъ, онъ сказалъ въ извиненіе, что если не умѣетъ ударять по струнамъ, то за то можетъ сдѣлать маленькое и слабое государство могучимъ и грознымъ для другихъ. Разсказываютъ также, что когда послѣ Мараѳонскаго сраженія имя Мильтіада явилось во всѣхъ устахъ, онъ вдругъ перемѣнилъ образъ жизни, началъ избѣгать веселыхъ кружковъ своихъ друзей, сталъ грустенъ, задумчивъ, проводилъ цѣлыя ночи безъ сна, и на вопросъ о причинѣ такой перемѣны, отвѣчалъ, что торжество Мильтіада лишаетъ его сна.

По смерти Мильтіада, Ѳемистоклъ и Аристидъ три года сряду оставались во главѣ государства и трудились вмѣстѣ. Первый явился бережливымъ распорядителемъ финансовъ и честнымъ человѣкомъ; второй — политикомъ, готовымъ на вся-

кое средство, лишь бы оно вело къ цѣли. Но въ 486 году Ѳемистоклъ вытѣснилъ Аристида изъ участія въ управленіи и возбудилъ аѳинянъ изгнать его изъ города остракисмомъ. Разсказываютъ, что при подачѣ голосовъ, одинъ аѳинянинъ, не умѣвшій писать, обратился съ своимъ черепкомъ къ Аристиду, котораго не зналъ въ лицо, и попросилъ его написать на черепкѣ его же собственное имя. Когда же тотъ спросилъ его, что ему Аристидъ сдѣлалъ дурнаго, аѳинянинъ отвѣчалъ: „Ничего, я даже не знаю его; но мнѣ досадно, что всѣ называютъ его справедливымъ.„

Освободившись отъ соперника, Ѳемистоклъ остался одинъ во главѣ государства и сталъ руководить народомъ, благодаря пріобрѣтенному имъ огромному вліянію. Воспользовавшись средствами, которыя демократія даетъ даровитымъ людямъ, онъ изъ неважнаго городка сдѣлалъ Аѳины столицею міра. Ѳемистоклъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: сдѣлать себя необходимымъ и прославить свою родину, — и вполнѣ достигъ этихъ цѣлей. Аѳины въ то время не имѣли никакихъ политическихъ связей, тогда какъ Спарта была признана главою дорійско-пелопоннесскаго союза; въ ближайшемъ же сосѣдствѣ съ Аѳинами находилась враждебная имъ Эгина, превосходившая ихъ силами. Кромѣ того, аѳиняне должны были ожидать новаго нападенія персовъ, которые казались тѣмъ страшнѣе, что имъ повиновались всѣ страны отъ Геллеспонта до Ѳессаліи и почти всѣ острова Архипелага. Поэтому для аѳинянъ было всего важнѣе усилить свой флотъ. Ѳемистоклъ понялъ это, и всѣми силами старалсся увеличивать морскія силы города, чтобы этимъ вѣрнымъ и естественнымъ путемъ возвысить значеніе Аѳинъ, и дать имъ средства на борьбу съ Эгиной и персидскимъ царемъ. До тѣхъ поръ ежегодный доходъ съ серебряныхъ рудниковъ горы Лавріона, въ Аттикѣ, постоянно распредѣлялся между гражданами. Ѳемистоклъ уговорилъ ихъ отказаться отъ этихъ денегъ, пока не соберется сумма, на которую можно будетъ снарядить флотъ

сильнѣе эгинскаго. Аѳины довели такимъ образомъ число кораблей своихъ до двухсотъ. Это конечно не были отличныя военныя суда; они имѣли всего только пол-палубы, но многочисленность ихъ всетаки поставила морскія силы Аѳинъ на первое мѣсто въ Греціи.

Аѳины все еще вели кровавую борьбу съ Эгиной, когда въ Греціи было получено извѣстіе о чудовищныхъ приготовленіяхъ персовъ къ новому походу. Въ такихъ обстоятельствахъ греки должны были направить всѣ свои силы къ огражденію своей свободы отъ новой опасности, угрожавшей со стороны Азіи. Дальнѣйшій ходъ разсказа покажетъ, какую громадную пользу принесло имъ усиленіе аѳинскаго флота. Геродотъ справедливо замѣчаетъ, что война съ Эгиной, принудившая Аѳины построить большой военный флотъ, была настоящей спасительницей Греціи.

4. Третья персидская война.

Возстаніе, вспыхнувшее въ Египтѣ, и распри сыновей Дарія за престолонаслѣдіе помѣшали этому царю продолжать войну съ Греціей. Послѣ смерти его (485 г. до р. Х.), сынъ и преемникъ его, Ксерксъ, также не могъ начать войны съ греками до тѣхъ поръ, пока въ Египтѣ продолжалось волненіе. Во второй годъ его царствованія Египетъ былъ снова покоренъ, и послѣ того, въ теченіе четырехъ лѣтъ, Персія была занята громадными приготовленіями къ завоеванію Греціи. Ксерксъ организовалъ національный походъ цѣлой Азіи. Изъ всѣхъ народовъ громадной персидской монархіи, отъ Индіи и земли скиѳовъ до предѣловъ Ѳракіи и Египта, была составлена чудовищная армія. Не считая несмѣтнаго обоза, въ ней было, говорятъ, до милліона семисотъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и восемдесять тысячъ всадниковъ. Но во всей этой массѣ не было и двухсотъ тысячъ годныхъ для войны, и только десять тысячъ могли быть названы регулярными войсками. Огромное большинство арміи состояло изъ недисциплини-

рованной толпы, многочисленность которой легко могла сдѣлаться для нея же самой гибельнѣе всякаго боя съ непріятелемъ. Флотъ состоялъ изъ тысячи двухсотъ семи военныхъ кораблей и трехъ тысячъ транспортныхъ судовъ, съ экипажемъ въ пятьсотъ семнадцать тысячъ человѣкъ. Корабли были выставлены подвластными Персіи приморскими народами западныхъ частей монархіи. Лучшими изъ нихъ были финикійскіе, которыхъ считалось около трехсотъ. Покоренные персами мало-азійскіе греки и острова выставили до четырехсотъ пятидесяти военныхъ кораблей, изъ числа которыхъ до ста пятидесяти приходилось на однихъ іонянъ. Для продовольствованія громаднаго ополченія, двинувшагося на Европу по сушѣ и по водѣ, были устроены вдоль береговъ магазины, линіи которыхъ тянулась до границъ Македоніи. Кромѣ того, флотъ долженъ былъ постоянно слѣдовать близъ береговъ параллельно съ арміей, чтобы снабжать ее всѣмъ нужнымъ во время похода: плохая опора для такой массы народовъ, жизнь которыхъ была, такимъ образомъ, поставлена въ зависимость отъ существованія флота! Чтобы избѣжать опаснаго плаванія вокругъ ѳракійскаго мыса Аѳона, у котораго претерпѣла крушеніе первая экспедиція персовъ,— на перешейкѣ, соединяющемъ этотъ мысъ съ твердой землей, былъ прорытъ широкій и глубокій каналъ. Наконецъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Геллеспонта, гдѣ проливъ этотъ имѣетъ всего около двухъ тысячъ шаговъ въ ширину, были наведены два большихъ пловучихъ моста, назначенныхъ для перехода арміи въ Европу. За это пришлось приниматься два раза, потому что сильное теченіе пролива снесло первые мосты, вскорѣ послѣ ихъ окончанія. По недостовѣрнымъ разсказамъ грековъ, Ксерксъ не только казнилъ людей, распоряжавшихся работами, но приказалъ даже высѣчь воду Геллеспонта и бросить въ нее пару ножныхъ цѣпей.

Извѣстіе о чудовищныхъ вооруженіяхъ Персіи убѣдило грековъ въ настоятельной необходимости отложить всѣ свои домашніе споры и приготовиться къ дружному сопротивленію варварамъ. И дѣйствительно, — всякая вражда была забыта. Аѳины и

Эгина помирились, всѣ греки заключили союзъ и, подъ руководствомъ спартанцевъ, приняли необходимыя мѣры для защиты родины. Одинъ Аргосъ, не могъ забыть своей старой ненависти къ спартанцамъ и не желая сражаться подъ ихъ начальствомъ, отказался приступить къ союзу. Кромѣ того, отъ него уклонились острова Критъ и Коркира. Гелонъ, тиранъ сиракузскій, съ которымъ не могло равняться, по могуществу, ни одно греческое государство, изъявилъ согласіе участвовать въ союзѣ, и даже предложилъ двѣсти военныхъ кораблей, двадцать восемь тысячъ войска и продовольствіе на всю греческую армію во все время войны, — но взамѣнъ того требовалъ главнаго начальства надъ всѣми вооруженными силами грековъ или, по крайней мѣрѣ, надъ ихъ флотомъ. Спартанская гордость не могла согласиться на это; потому Гелонъ отказалъ грекамъ въ помощи, и, хвастаясь своимъ могуществомъ, приказалъ, между прочимъ, сказать спартанцамъ, что съ ихъ стороны отказываться отъ этого предложенія также безумно, какъ отнимать у года прелесть весны. Нѣкоторыя греческія государства, приставшія къ союзу, потеряли однако мужество и тайно покорились персамъ, которые, до прихода своего, послали въ Грецію герольдовъ съ требованіемъ земли и воды. Союзные греки, съ своей стороны, во время приготовленій къ войнѣ, послали въ Малую Азію лазутчиковъ, чтобы разузнать о планахъ непріятеля, о числѣ и составѣ его войскъ и т. п. Ѳемистоклъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы обратить Аѳины въ чисто морскую державу и успѣлъ въ этомъ при помощи дельфійскаго оракула, который, сначала указавъ аѳинянамъ на бѣгство какъ на единственное средство къ спасенію, на вторичный вопросъ отвѣтилъ, что только за деревянными стѣнами найдутъ аѳиняне неодолимую защиту. Ѳемистоклъ убѣдилъ своихъ соотечественниковъ, что слова эти указываютъ на морское сраженіе, и, такимъ образомъ, склонилъ ихъ построить новые корабли.

Сопровождаемый Демаратомъ и другими греческими эмигрантами, Ксерксъ, весною 480 г. до р. Х., выступилъ въ походъ изъ

города Сардеса. Воды Скамандра, омывающаго бывшія владѣнія Трои, и нѣсколькихъ другихъ рѣкъ оказалось не достаточно, чтобы напоить милліоны его арміи. У береговъ Скамандра, гдѣ въ первый разъ Азія и Европа столкнулись другъ съ другомъ, Ксерксъ принесъ жертву тѣнямъ троянскихъ героевъ. Дойдя до Геллеспонта, онъ сдѣлалъ смотръ своей огромной арміи и флоту. Увидавъ Геллеспонтъ, запруженный кораблями, и всѣ окрестности, покрытыя массами войскъ, онъ испыталъ минуту увлекательнаго сознанія своего несравненнаго могущества. Но вскорѣ настроеніе его духа измѣнилось, — видъ чудовищнаго столпленія людей пробудилъ въ немъ чувство грусти и извлекъ слезы изъ его глазъ. Когда его старый дядя, Артабанъ, стоявшій подлѣ царя, спросилъ Ксеркса о причинѣ этой внезапной скорби, онъ отвѣчалъ ему, что видъ милліоновъ людей пробудилъ въ немъ мысль о краткости земной жизни и о томъ, что немногіе изъ всей этой массы воиновъ доживутъ до старости. Артабанъ, старавшійся уже прежде отклонить племянника отъ похода въ Грецію, какъ отъ предпріятія пагубнаго для монархіи, сказалъ ему теперь, принаравливаясь къ его настроенію: „О, жизнь человѣка имѣетъ еще гораздо болѣе печальную сторону. Какъ ни коротка она, но нѣтъ человѣка, ни между этими милліонами, ни гдѣ бы то ни было на свѣтѣ, который былъ бы такъ неизмѣнно счастливъ, чтобы для него не наступали минуты, когда смерть казалась бы ему милѣе жизни. Разныя скорби омрачаютъ счастіе каждаго; оттого и короткое время человѣческой жизни часто кажется ему слишкомъ длиннымъ, и смерть является ему наконецъ желаннымъ избавителемъ отъ трудностей земной жизни. Къ сладостямъ жизни, которыя божество намъ дало, оно примѣшало и горькія капли страданія.“ Ксерксъ, не привыкшій долго выносить серьёзныхъ размышленій такого рода, вдругъ перемѣнилъ разговоръ и обратился къ предстоявшему предпріятію. На рубежѣ Европы и Азіи, Артабанъ еще разъ попытался убѣдить племянника, что именно въ громадной числительности ополченія персовъ заключается для нихъ самая большая опасность. Онъ вы-

ставлялъ Ксерксу, что чѣмъ многочисленнѣе армія, тѣмъ болѣе она подвержена случайностямъ судьбы, тѣмъ легче можетъ погибнуть отъ голода и болѣзней и, въ случаѣ пораженія, тѣмъ скорѣе приходитъ въ замѣшательство и въ безвыходное положеніе. Но Ксерксъ оставался непоколебимъ и Артабанъ возвратился въ Сузу, чтобы управлять государствомъ въ отсутствіе царя.

На слѣдующій день началась переправа персидской арміи черезъ Геллеспонтъ; передъ этимъ, Ксерксъ обратился съ молитвой къ солнцу и въ жертву ему бросилъ въ море чашу, золотой кубокъ и персидскую саблю. Семь дней и семь ночей продолжалась переправа, хотя войска безостановочно шли по мостамъ. Переправившись, персы имѣли глупость не развести мостовъ и они вскорѣ были разрушены теченіемъ и сильными бурями. На Дорискской равнинѣ, близъ устьевъ рѣки Гебра, во Ѳракіи, Ксерксъ еще разъ сдѣлалъ смотръ арміи и флоту и приказалъ пересчитать это громадное сборище. Счетъ войску производили слѣдующимъ образомъ: отсчитали миріаду или десять тысячъ человѣкъ, поставили ихъ въ кружокъ сколь возможно тѣснѣе и огородили занятое ими пространство. Послѣ того, всѣ части войска водились одна за другою въ этотъ загонъ и армія была сосчитана миріадами. Послѣ смотра Ксерксъ разговаривалъ съ бывшимъ спартанскимъ царемъ Демаратомъ о необыкновенной силѣ своей арміи, повинующейся одной его волѣ, и о незначительномъ числѣ войскъ разъединенныхъ на многія государства и несогласныхъ между собою грековъ. Демаратъ напрасно старался дать персидскому царю ясное понятіе о томъ, въ чемъ заключается настоящая сила народа. Тщетно старался онъ убѣдить его, что свободную, образованную и неизнѣженную греческую націю нельзя сравнивать съ другими народами по одной только многочисленности, а слѣдуетъ судить о ней по оживляющему ее духу, господствующему направленію и характеру общественной жизни; онъ прибавилъ, что спартанцы, въ особенности, нисколько не боятся превосходства силъ Персіи, и твердо рѣшились, не обращая вниманія на размѣры непріятельской арміи,

защищать свою свободу до послѣдняго человѣка. Ксерксъ нашелъ это увѣреніе смѣшнымъ. При дальнѣйшемъ движеніи арміи, онъ еще увеличилъ свое ополченіе ѳракійцами, македонянами и ѳессалійцами. На всемъ пути отъ Дориска до Термопильскаго прохода, персы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія.

Между тѣмъ собравшіеся въ Коринѳѣ представители греческихъ государствъ, послѣ совѣщанія о мѣрахъ къ защитѣ родины, рѣшили преградить персамъ путь въ Грецію, поставивъ армію въ Темпейскомъ ущельѣ. Десять тысячъ тяжело-вооруженныхъ, съ присоединившейся къ нимъ ѳессалійской кавалеріей, расположились, подъ начальствомъ спартанца Эвенета и аѳинянина Ѳемистокла, въ этомъ узкомъ ущельѣ, составляющемъ единственный доступъ въ Грецію. Но эта армія оставалась здѣсь лишь нѣсколько дней. Во первыхъ, потому что нельзя было довѣрять ѳессалійцамъ, дѣйствительно перешедшимъ вскорѣ на сторону персовъ и вмѣстѣ съ ними сражавшимся противъ остальныхъ грековъ; во вторыхъ, потому, что къ этой части прибрежья прилегаетъ открытое море, и греческій флотъ не могъ бы поддерживать сухопутныхъ войскъ при сраженіи въ Темпейской долинѣ. Наконецъ, греки узнали о намѣреніи Ксеркса пройти въ Ѳессалію черезъ проходъ, находящійся въ сѣверо-западной части страны, обойти греческую армію и отрѣзать ее отъ сообщенія съ соотечественниками. Поэтому греки сѣли на свои корабли, стоявшіе на якорѣ у выхода изъ Темпейской долины, и поплыли назадъ къ Коринѳу. Одобривъ это распоряженіе, представители Греціи вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили предоставить непріятелю всю Ѳессалію и встрѣтить его уже на границѣ средней Греціи, въ Термопильскомъ проходѣ. Этою мѣрою сокращалась оборонительная линія, что весьма важно въ борьбѣ съ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ, и кромѣ того, распорядившись такимъ образомъ, греки дѣйствительно выбрали лучшій планъ военныхъ дѣйствій, какой только можно было придумать. Т е р м о п и л ь с к і й   п р о х о д ъ состоитъ изъ узкой полосы земли, пролегающей между крутымъ обрывомъ не-

доступнаго хребта Эты и Зейтунскимъ заливомъ. Въ древности полоса эта была такъ узка, что въ одномъ ея мѣстѣ нельзя было разъѣхаться двумъ повозкамъ. Небольшое число храбрыхъ воиновъ могло легко защищать этотъ проходъ, а наступающій непріятель, какъ бы ни было велико превосходство его силъ, не имѣлъ возможности напасть на нихъ иначе, какъ равными силами. Къ этому нужно еще прибавить, что прилегающій къ Термопиламъ заливъ, и съ сѣверной стороны и со стороны западнаго прибрежья Эвбеи, имѣетъ лишь узкіе фарватеры, плаваніе по которымъ затрудняется подводными камнями и частыми бурями. Пользуясь этимъ, маленькій греческій флотъ могъ заградить входъ въ заливъ несравненно многочисленнѣйшему непріятельскому флоту и не позволить ему подойти къ Термопиламъ. Еслибы войско, поставленное въ проходѣ, мужественно продержалось нѣсколько недѣль, громадная армія персовъ во все это время не могла бы сдѣлать ни шагу впередъ. Съ другой стороны, еслибы греческій флотъ исполнилъ свою обязанность, персидскіе корабли не могли бы подойти къ своей арміи и подвезти ей необходимое продовольствіе. Өессалія же не могла прокормить долгое время нѣсколько милліоновъ человѣкъ, сосредоточенныхъ на одномъ пунктѣ. Такимъ образомъ, персидская армія отдана была бы на жертву голода, который вскорѣ привелъ бы ее въ совершенное разстройство.

Для достиженія этой цѣли прежде всего было необходимо, чтобы поставленный въ Термопилахъ отрядъ обладалъ достаточною стойкостью и мужествомъ, и чтобы флотъ, расположенный къ сѣверу отъ Эвбеи, имѣлъ хорошаго начальника. Неизвѣстно, былъ ли этотъ планъ дѣйствительно составленъ греками; но мѣры, принятыя ими, придаютъ этому предположенію большую вѣроятность. Флотъ изъ двухсотъ семидесяти одного большаго корабля, въ составъ котораго входили и аѳинскіе корабли подъ начальствомъ Өемистокла, былъ посланъ подъ командою спартанскаго адмирала Эврибіада къ сѣвернымъ берегамъ Эвбеи и здѣсь у мыса Артемизія дожидался непріятеля. Къ Термопиламъ былъ

отправленъ отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и въ то же время были приняты мѣры, чтобы успокоить населеніе ближайшихъ къ проходу областей средней Греціи и внушить имъ мужество и довѣріе къ божественной помощи. Разосланныя для этого лица объясняли народу, что занятіе Термопильскаго прохода и флотъ, поставленный у входа въ прилегающее къ нему море, совершенно предохраняютъ ихъ отъ опасности, и что хотя силы персовъ очень велики, но бояться ихъ не слѣдуетъ, потому что на завоеваніе родины идетъ не богъ, а человѣкъ, который, какъ бы ни былъ могуществененъ, все же не можетъ отвратить отъ себя несчастія. Напротивъ, чѣмъ онъ могущественнѣе, тѣмъ тяжеле бываютъ обыкновенно удары, которымъ подвергаетъ его рокъ, и поэтому не слѣдуетъ сомнѣваться, что персидскій царь будетъ обманутъ въ своихъ высокомѣрныхъ ожиданіяхъ.

Еще прежде столкновенія своего съ греками, персидскій флотъ испыталъ большое несчастіе. У мыса Сепія, составляющаго юговосточную оконечность Ѳессаліи, онъ былъ застигнутъ бурею, продолжавшеюся три дня, и потопившею нѣсколько сотъ кораблей съ находившимися на нихъ людьми. Отсюда онъ поплылъ далѣе, и встрѣтился съ греками у Артемизія. Прежде чѣмъ началась между ними битва, Ксерксъ съ сухопутнымъ войскомъ уже достигъ Термопилъ, и завязалъ бой съ поставленнымъ тамъ греческимъ отрядомъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ спартанцевъ, аркадцевъ, коринѳянъ, флiузійцевъ, гражданъ Микенъ, беотійцевъ, фокидцевъ и опунтскихъ локровъ. Начальство надъ ними было ввѣрено спартанскому царю Леониду I, вступившему на престолъ послѣ брата своего Клеомена. Леонидъ рѣшился съ точностью выполнить свое порученіе, потому заботливо выбралъ тѣхъ трехсотъ воиновъ, которыхъ Спарта отправила въ армію, и принялъ въ число ихъ только людей уже возмужалыхъ и имѣвшихъ дѣтей. Явившись передъ Термопилами, Ксерксъ очень удивился, что нѣсколько тысячъ человѣкъ надѣются выдержать напоръ его громадной арміи. Онъ тотчасъ же послалъ всадника, чтобы рекогносциро-

вать расположеніе грековъ. Приблизившись къ передовымъ постамъ греческой арміи, занятымъ въ этотъ день спартанцами, посолъ этотъ былъ изумленъ, увидя, что нѣкоторые изъ нихъ занимались гимнастическими играми, а другіе заплетали себѣ волосы. Ксерксу это показалось страннымъ и смѣшнымъ, и онъ обратился къ Демарату съ вопросомъ на этотъ счетъ. Спартанскій царь отвѣчалъ ему, что это показываетъ рѣшимость грековъ драться въ Термопилахъ на жизнь и смерть, потому что въ подобныхъ случаяхъ спартанцы всегда украшаютъ себѣ голову; что нѣтъ на свѣтѣ людей храбрѣе тѣхъ, которыхъ онъ теперь видитъ передъ собою и если ему удастся ихъ побѣдить, то онъ можетъ быть увѣренъ, что ни одинъ народъ не будетъ въ силахъ противиться ему. Персидскій царь всетаки не повѣрилъ, что спартанцы и ихъ сподвижники рѣшились бороться съ нимъ, обрекая себя такимъ образомъ на вѣрную погибель, и прождалъ въ бездѣйствіи цѣлыхъ четыре дня, полагая, что спартанцы одумаются и отступятъ.

На пятый день Ксерксъ послалъ въ бой часть своихъ войскъ. Они дрались до вечера, но были отбиты съ большимъ урономъ. Увидавъ тогда мужество грековъ, царь поручилъ дальнѣйшее нападеніе на Термопилы отборной части своей арміи — такъ называемому отряду безсмертныхъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ десяти тысячъ лучшихъ персидскихъ воиновъ, и носилъ свое имя потому, что всякая убыль въ немъ немедленно пополнялась, такъ что онъ всегда сохранялъ полный комплектъ. Безсмертные сражались очень храбро противъ войскъ Леонида, но также ничего не могли сдѣлать, и понесли большія потери. Неодолимое сопротивленіе грековъ поставило Ксеркса въ большое затрудненіе, потому что громадныя его ополченія не могли долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ не подвергаясь голоду и болѣзнямъ, и всему его предпріятію грозилъ, такимъ образомъ, самый неудачный конецъ. Изъ этого бѣдственнаго положенія выручилъ его измѣнникъ грекъ, по имени Эфіальтъ, принадлежавшій къ сосѣднему ѳессалій-

скому племени малійцевъ. Недалеко отъ Термопильскаго прохода была малоизвѣстная тропинка, по которой можно было перейти черезъ хребетъ, минуя Термопилы. Соблазнившись мыслью о наградѣ, Эфіальтъ рѣшился показать эту тропинку персидскому царю. Впослѣдствіи страхъ мести соотечественниковъ заставилъ измѣнника бѣжать изъ родины, но амфиктіоны оцѣнили его голову, и, черезъ нѣсколько времени, онъ былъ убитъ однимъ грекомъ, уроженцемъ города Трахиса.

Измѣна Эфіальта спасла персовъ отъ гибели и разстроила планъ, составленный греками. Эфіальтъ ночью провелъ отрядъ безсмертныхъ черезъ горы, съ тѣмъ чтобы напасть на грековъ въ одно время и спереди и сзади. На разсвѣтѣ персы, достигнувъ вершины хребта, нашли ее занятой тысячью фокидцевъ, которыхъ Леонидъ съ самаго начала изъ предосторожности послалъ охранять эту тропинку. Безсмертные отбросили ихъ въ сторону, а сами поспѣшно спустились съ горы, чтобы успѣть выполнить задуманное нападеніе. Перебѣжчикъ изъ персидской арміи, грекъ, уроженецъ малоазійскаго города Кумъ успѣлъ однако вовремя предупредить Леонида о случившемся. Получивъ это извѣстіе въ первомъ часу утра, Леонидъ тотчасъ же собралъ военный совѣтъ. Всѣ его союзники объявили дальнѣйшую борьбу безполезной, и рѣшились какъ можно скорѣе оставить Термопилы. Исключеніе составилъ только небольшой отрядъ изъ беотійскаго города Теспіи. Самъ Леонидъ рѣшилъ, что тамъ, гдѣ возможенъ выборъ только между смертью или поспѣшнымъ отступленіемъ, похожимъ на бѣгство, долгъ спартанца—избрать смерть. Въ этой геройской рѣшимости его укрѣпляли и предсказанія дельфійскаго оракула, при самомъ началѣ войны объявившаго спартанцамъ, что должна погибнуть Спарта или одинъ изъ ея царей, и мысль о безсмертіи его имени и о вліяніи, которое примѣръ его самоотверженной любви къ родинѣ долженъ былъ имѣть на современниковъ и потомство. Онъ распустилъ по домамъ всѣхъ союзниковъ, кромѣ теспійцевъ, рѣшившихся раздѣлить со спартанцами и славу ихъ и смерть. Только однихъ ѳи-

ванцевъ, уже съ самаго начала неохотно отправившихся за нимъ къ Термопиламъ, задержалъ онъ противъ ихъ воли, потому что имѣлъ основаніе подозрѣвать Ѳивы въ намѣреніи отпасть отъ Греціи. О защитѣ прохода уже нельзя было и думать. Оставалось только умереть со славой, и, при этомъ, еще разъ нанести непріятелю сколь возможно болѣе вреда. Поэтому Леонидъ объявилъ своимъ спартанцамъ, семи стамъ теспійцамъ и четыремъ стамъ подозрительнымъ ѳиванцамъ, чтобы они готовились къ смерти. Онъ пригласилъ ихъ передъ боемъ подкрѣпить себя пищей и питьемъ, и завтракать съ мыслью, что обѣдать придется уже въ подземномъ мірѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца персидскія войска, по условію, заключенному съ Эфіальтомъ, выступили изъ лагеря, и начался кровопролитный бой. Греки бросились на встрѣчу приближавшемуся непріятелю, и дрались съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ, что перебили и перетопили въ морѣ множество персовъ, и персидскимъ начальникамъ приходилось гнать солдатъ своихъ въ бой нагайками. Когда пики переломались или иступились, греки взялись за мечи и изрубили еще множество непріятелей. Въ числѣ убитыхъ были и два брата Ксеркса. У грековъ также пало много воиновъ и, въ числѣ прочихъ, царь Леонидъ, подававшій другимъ примѣръ величайшаго геройства. За трупъ его завязалась отчаянная борьба. Персы хотѣли непремѣнно овладѣть имъ, и четыре раза возобновляли свои нападенія. Греки однако же успѣли удержать его за собой. Въ эту минуту они увидали позади себя десятитысячный отрядъ безсмертныхъ, приведенныхъ Эфіальтомъ по горной тропинкѣ, и удалились тогда на небольшую высоту, находившуюся за стѣной, въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода. Здѣсь рѣшились они вступить въ послѣдній бой и сложить свои головы. Ѳиванцы воспользовались этимъ движеніемъ, чтобы отдѣлиться отъ нихъ и, съ распростертыми объятіями, побѣжали навстрѣчу персамъ; но при этомъ многіе изъ нихъ были перебиты въ пылу битвы. Спартанцы и теспійцы были вскорѣ окружены со всѣхъ сторонъ, но

сражались противъ напиравшихъ на нихъ массъ непріятеля до последней капли крови и наконецъ всѣ до единаго пали въ геройской борьбѣ.

Ксерксъ убѣдился тогда въ справедливости словъ Демарата, и, озлобленный потерей многихъ тысячъ солдатъ, приказалъ, въ пылу гнѣва, обезглавить и распять трупъ спартанскаго царя: поступокъ совершенно противорѣчившій древне-персидскимъ идеямъ; потому что, по словамъ современника Ксеркса Геродота, персы до тѣхъ поръ не менѣе всякаго другаго народа умѣли уважать храбрыхъ.

Для грековъ память Леонида и тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали за родину, осталась священною во всѣ времена ихъ исторіи. Убитыхъ героевъ похоронили въ одной общей могилѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ послѣдній ихъ бой съ персами, а памятники и надписи сохранили славу ихъ въ грядущихъ поколѣніяхъ. Имена трехсотъ спартанцевъ помнили еще долгое время послѣ ихъ смерти, и тысячи пѣсень всѣхъ племенъ греческой націи прославляли подвигъ, совершенный ими и теспійцами. Съ теченіемъ времени народное тщеславіе все болѣе и болѣе изукрашивало разсказы о геройствѣ и патріотическомъ духѣ этихъ людей, и многіе изъ анекдотовъ, помѣщенныхъ въ книгахъ греческихъ писателей, были выдуманы впослѣдствіи. Разсказы эти, очевидно, сложились у грековъ точно также, какъ слагаются у всѣхъ народовъ и во всѣ времена разные анекдоты о великихъ людяхъ и событіяхъ. Но въ нихъ выражается мнѣніе народа, который всегда любитъ воплощать свою мысль въ разсказѣ; въ нихъ выражается впечатлѣніе, которое великія дѣла всегда производятъ на умъ и чувство человѣка. По этой причинѣ, но особенно потому, что о нихъ такъ часто говорятъ. слѣдуетъ привести здѣсь нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что Ксерксъ, въ первый день послѣ прихода къ Термопиламъ, послалъ Леониду требованіе о выдачѣ оружія. „Приди и возьми“ былъ лаконическій отвѣтъ спартанскаго царя. Когда кто-то сказалъ, что число персовъ такъ велико,

что стрѣлы ихъ затмятъ солнце,—одинъ изъ храбрѣйшихъ спартанцевъ воскликнулъ: „Тѣмъ лучше, мы будемъ сражаться въ тѣни!“ На предложеніе, въ случаѣ сдачи спартанцевъ, увеличить владѣнія Спарты, Леонидъ отвѣтилъ: „Спартанцы завоевываютъ земли мечемъ, а не покупаютъ ихъ измѣной“. Леониду хотѣлось сохранить жизнь двухъ особенно любимыхъ имъ спартанцевъ, и потому передъ послѣднимъ боемъ онъ хотѣлъ отправить ихъ въ Спарту съ порученіемъ. Но тѣ отказались итти, сказавъ, что они явились въ Термопилы не затѣмъ, чтобы служить гонцами, а для того чтобы сражаться. Одинъ изъ трехсотъ спартанцевъ, отправленный гонцомъ въ сосѣднее мѣстечко и такимъ образомъ оставшійся въ живыхъ, считался въ Спартѣ обезчещеннымъ и съ горя лишилъ себя жизни. О двухъ другихъ спартанцахъ, находившихся въ отсутствіи въ утро послѣдняго дня, разсказываютъ слѣдующее, и должно быть, что это правда, потому что Геродотъ выражается объ этомъ положительно, и называетъ ихъ по именамъ. Обоихъ ихъ отправили въ сосѣдній городъ, потому что они заболѣли глазами. Узнавъ, что, вслѣдствіе измѣны Эфіальта, персы обошли ихъ соотечественниковъ, одинъ изъ нихъ, Эвритъ, потребовалъ, чтобы его отвезли въ Термопилы, бросился въ схватку и погибъ смертью героя. Другой, Аристодемъ, напротивъ того, бѣжалъ въ Спарту, но былъ принужденъ влачить тамъ позорную жизнь. Никто не хотѣлъ говорить съ нимъ,, и его называли не иначе, какъ бѣглецъ Аристодемъ. Однако черезъ годъ онъ загладилъ вину и позоръ своимъ мужествомъ и смертью на полѣ сраженія.

Во время битвы въ Термопилахъ, греческій флотъ также имѣлъ столкновеніе съ персидскимъ. Онъ стоялъ на якорѣ близъ мыса Артемизія, у сѣверныхъ береговъ Эвбеи, когда въ первый разъ показался передъ нимъ персидскій флотъ, послѣ бури при мысѣ Сепіи. Видя приближеніе громадной массы непріятельскихъ кораблей, Эврибіадъ и нѣкоторые другіе начальники грековъ потеряли присутствіе духа. На военномъ совѣтѣ большинство склонилось въ пользу отступленія, и оно бы дѣйствительно

совершилось, если бы Θемистоклъ, доводы котораго не имѣли успѣха, не употребилъ болѣе сильнаго средства. Жители сѣвернаго прибрежья Эвбеи, которые съ отступленіемъ грековъ были бы совершенно преданы ярости персидскихъ солдатъ, тайно обѣщали Θемистоклу тридцать талантовъ (40,000 р.) если онъ удержитъ греческій флотъ отъ отступленія и введетъ его въ бой. Θемистоклъ, знавшій съ кѣмъ имѣетъ дѣло, подкупилъ главнаго начальника флота, Эврибіада, пятью талантами, а начальника коринѳскихъ кораблей тремя, — и греческій флотъ остался у Артемизія.

Персидскіе адмиралы рѣшились не вступать въ бой, пока тайно отправленная ими эскадра изъ двухсотъ большихъ кораблей не обойдетъ Эвбеи и не станетъ въ тылу грековъ. Но одинъ грекъ, служившій въ персидскомъ флотѣ, бѣжалъ къ своимъ соотечественникамъ и увѣдомилъ ихъ объ этомъ намѣреніи. Тогда греки тотчасъ же двинулись противъ персидскаго флота, значительно ослабленнаго отдѣленіемъ двухсотъ кораблей. Побѣда осталась нерѣшенной, но греки все таки отняли у персовъ тридцать кораблей. Въ слѣдующую ночь персы много потерпѣли отъ разразившейся грозы, между тѣмъ какъ греки, стоя въ гавани Артемизія, были защищены отъ непогоды. Но гораздо важнѣе было то, что та же буря истребила и двѣсти кораблей, посланныхъ въ обходъ вокругъ Эвбеи. Тридцать пять аѳинскихъ кораблей, прибывшихъ на другой день къ Артемизію, усилили греческій флотъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привезли ему эту радостную вѣсть. Къ вечеру грекамъ удалось отрѣзать небольшое число непріятельскихъ судовъ и пустить ихъ ко дну. На слѣдующій день произошло второе большое сраженіе между враждебными флотами. Обѣ стороны дрались очень храбро, и хотя персы были наконецъ принуждены отступить, но грекамъ не удалось отнять у нихъ ни одного корабля, между тѣмъ какъ ихъ собственныя суда очень пострадали. Потому они принуждены были оставить свою стоянку. Въ этомъ намѣреніи еще болѣе утвердило ихъ прибытіе корабля, поставлен-

наго у Термопилъ, чтобы немедленно увѣдомить о взятіи прохода. Оставаться у Эвбеи уже не было цѣли, и греческій флотъ, снявшись съ якоря, поплылъ между этимъ островомъ и твердой землей. Мѣстомъ новой стоянки былъ избранъ проливъ между островомъ Саламиномъ и южнымъ берегомъ Аттики. Храбрый Ѳемистоклъ и при этомъ отступленіи съумѣлъ повредить непріятелю и принести пользу своимъ. Въ мѣстахъ, гдѣ греческій флотъ на пути своемъ запасался водой, и гдѣ должны были останавливаться и персы, онъ приказывалъ дѣлать на скалахъ надписи, которыми приглашалъ малоазійскихъ грековъ, служившихъ въ персидскомъ флотѣ, перейти на сторону своихъ соотечественниковъ или, если это неудобоисполнимо, по крайней мѣрѣ принимать возможно меньшее участіе въ битвѣ и, такимъ образомъ, облегчить грекамъ побѣду. Слова эти, даже если малоазійскіе греки оставили бы ихъ безъ вниманія, были полезны уже потому, что должны были возбудить въ персидскихъ начальникахъ подозрѣніе на счетъ вѣрности самой большой и лучшей части ихъ флота, и помѣшать имъ назначить ей въ бою важное мѣсто.

Между тѣмъ сухопутныя силы персовъ вступили черезъ Термопилы въ среднюю Грецію и двинулись въ Аттику, черезъ Фокиду и Беотію, опустошая на пути весь край, и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Часть населенія еще прежде тайно покорилась имъ, а остальная чувствовала себя слишкомъ слабой, чтобы противиться непріятелю; пелопоннесскія государства думали только о защитѣ своего полуострова и сосредоточили свои войска въ укрѣпленіи позади Истма. Персы свирѣпствовали на пути своемъ какъ дикіе звѣри, оскорбляли жителей самымъ возмутительнымъ образомъ, жгли и разоряли всѣ села и города. Дельфы и сокровища тамошняго оракула были однако спасены, благодаря хитрости жрецовъ и счастливой случайности. Жрецы уговорили жителей города бѣжать въ сосѣднія скалистыя горы, спрятали, по всей вѣроятности, сокровища храма, и, чтобы запугать персовъ, распространили слухъ, что Аполлонъ обѣщалъ самъ защищать свою святыню и истребить непрія-

теля. Узнавъ, что городъ пустъ, персы безпечно приближались къ Дельфамъ (куда со стороны Беотіи дорога шла по дикимъ горамъ и узкимъ ущеліямъ), какъ вдругъ были аттакованы спрятавшимися въ горахъ дельфійцами, которые стали скатывать на нихъ камни и обломки скалъ. Не имѣя возможности защищаться, и не видя непріятеля, персы пришли въ страшное смятеніе, тѣмъ болѣе, что въ это же время случайно разразилась жестокая гроза. Совершенно смѣшавшись, они обратились въ бѣгство. Дельфійцы, скрываясь за высотами, долго преслѣдовали персовъ и перебили многихъ изъ нихъ. Спасеніе этого совершенно пустаго города и его святынь было такъ необыкновенно, что современники не нашли возможности объяснить его иначе, какъ чудомъ, и въ греческомъ народѣ положительно утвердилось мнѣніе, что Аполлонъ дѣйствительно самъ защищалъ свой храмъ противъ непріятеля. Многіе дельфійцы увѣряли даже, что они видѣли, какъ существа сверхъестественнаго роста боролись съ персами. Въ одномъ изъ храмовъ ихъ города показывались впослѣдствіи два обломка скалы, по преданію брошенные въ непріятеля самимъ дельфійскимъ богомъ.

Рѣшеніе пелопоннесскихъ грековъ послѣ паденія Термопилъ защищать только доступъ къ ихъ полуострову, — точно также предавало непріятелю всю среднюю Грецію, какъ, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, удаленіе греческихъ войскъ изъ Темпейской долины отдало въ его власть Өессалію. Аттику, безъ помощи пелопоннесцевъ, было также невозможно защищать, какъ и всѣ другія части средней Греціи; потому, когда Ксерксъ изъ Беотіи подошелъ къ Аттикѣ, жителямъ ея оставалось избрать или подчиненіе ему, или бѣгство. Они рѣшились на послѣднее и искали спасенія на морѣ, гдѣ проницательный Өемистоклъ видѣлъ возможность рѣшительной побѣды. Большая часть аөинскихъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, сѣла на корабли. Остальные, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, удалились въ Трезену и на острова Эгину и Саламинъ; и только весьма немногіе остались въ укрѣпленномъ Акрополѣ роднаго города. Вскорѣ въ Аөинахъ

явились персы, опустошавшіе, между тѣмъ, на пути своемъ Аттику, Акрополь былъ взятъ приступомъ, всѣ оставшіеся въ немъ граждане перерѣзаны, а городъ отданъ приверженцамъ изгнанной партіи писистратидовъ, вернувшимся изъ Азіи вмѣстѣ съ персидской арміей.

Проницательность и ловкость Ѳемистокла, при помощи его флота, спасли независимость Греціи. Флотъ грековъ состоялъ въ то время изъ трехсотъ восьмидесяти большихъ кораблей; изъ нихъ до ста восьмидесяти принадлежали однимъ аѳинянамъ, тогда какъ наибольшое число судовъ, выставленныхъ каждымъ изъ другихъ государствъ Греціи, едва доходило до сорока. Начальники, во главѣ которыхъ, какъ командиръ всего флота стоялъ Эврибіадъ, были не согласны во мнѣніяхъ. Одни, въ томъ числѣ Ѳемистоклъ, требовали сраженія въ Саламинскомъ проливѣ, и, конечно, лучшаго мѣста для битвы нельзя было выбрать. Другіе, и съ ними Эврибіадъ, хотѣли дать сраженіе при Коринѳскомъ перешейкѣ; потому что, въ случаѣ пораженія у Саламина, завоеванная персами средняя Греція не могла дать убѣжища, и Саламинъ легко могъ быть окруженъ, между тѣмъ какъ у береговъ Пелопоннеса спасеніе матросовъ разбитаго флота было обезпечено. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ въ военномъ совѣтѣ греческихъ начальниковъ. Но осуществленіе этого плана должно было погубить грековъ. Сражаясь въ узкомъ проливѣ, персидскій флотъ скорѣе долженъ былъ прійти въ разстройство и, кромѣ того, не имѣлъ бы возможности воспользоваться всѣми своими силами, далеко превосходившими силы грековъ. Наконецъ, и это всего важнѣе, можно было ожидать, что при общемъ тревожномъ настроеніи умовъ, послѣ отплытія отъ Саламина, часть греческаго флота отдѣлится отъ остальныхъ кораблей и отправится домой. Поэтому Ѳемистоклъ убѣдилъ главнокомандующаго еще разъ посовѣтоваться съ адмиралами. Это второе засѣданіе было такъ шумно, что разсказываютъ даже, будто Эврибіадъ занесъ свою палку надъ головой Ѳемистокла, который

хладнокровно сказалъ ему: „Бей, только выслушай меня!„ Предводитель аѳинянъ доставилъ наконецъ перевѣсъ своему мнѣнію, угрожая, что если не будетъ дано сраженіе въ Саламинскомъ проливѣ, то онъ, Ѳемистоклъ, съ аѳинскими кораблями, составлявшими почти половину всего флота, отправится основывать новое поселеніе въ какой нибудь далекой странѣ, и броситъ остальныхъ грековъ на жертву персамъ.

Между тѣмъ, въ персидскомъ флотѣ, шедшемъ отъ Артемизія по слѣдамъ греческаго, и остановившемся на якорѣ недалеко отъ Аѳинъ, господствовало также различіе во мнѣніяхъ; но у персовъ лучшее мнѣніе не одержало побѣды. На военномъ совѣтѣ, собранномъ Ксерксомъ, вдова покореннаго персами правителя галикарнасскаго, Артемизія, наслѣдовавшая своему мужу въ управленіи, обратила вниманіе на безполезность битвы вообще, и на страшную опасность, которой она можетъ подвергнуть персовъ. Однако, на ея доводы никто не обратилъ вниманія. Хотя такимъ образомъ обѣ стороны положили дать рѣшительное сраженіе, но легко могло быть, что дѣло не кончилось бы такъ скоро, еслибы хитрость Ѳемистокла не ускорила развязки. Онъ зналъ, что многіе изъ греческихъ начальниковъ были недовольны принятымъ намѣреніемъ, и потому долженъ былъ опасаться, что въ случаѣ, если сраженіе будетъ отложено, значительная часть греческихъ кораблей отправится домой. Чтобы помѣшать этому, Ѳемистоклъ тайно отправилъ къ Ксерксу надежнаго раба, родомъ перса, поручивъ ему, подъ видомъ измѣны, сообщить царю, что греки отъ страха и несогласія рѣшились разойтись, и что онъ навсегда упуститъ благопріятный случай уничтожить весь ихъ флотъ, если не поспѣшитъ нападеніемъ. Ксерксъ дался въ обманъ, и тотчасъ сдѣлалъ всѣ распоряженія, чтобы на слѣдующій же день аттаковать грековъ.

Такимъ то образомъ и произошла, въ концѣ сентября 480 г. до р. Х., знаменитая битва при Саламинѣ. Ночью персы приготовились къ нападенію. Греки узнали объ этомъ черезъ

Аристида, который, хотя изгнанный несправедливо соотечественниками, рѣшился пренебречь всѣми личными интересами и неудовольствіемъ, чтобы въ минуту бѣдствія родины оказать ей услугу по мѣрѣ силъ своихъ. Съ опасностью жизни пробрался онъ изъ Эгины чрезъ массу персидскихъ кораблей, и явился сообщить своему смертельному врагу, Ѳемистоклу, о намѣреніяхъ непріятеля. Битва началась на разсвѣтѣ. Ксерксъ и его армія смотрѣли на нее съ высотъ берега Аттики. Обѣ стороны сражались съ удивительнымъ мужествомъ; наконецъ греки побѣдили, и подавшіеся назадъ корабли первой линіи персовъ произвели страшное замѣшательство во всемъ ихъ флотѣ, и довершили тѣмъ пораженіе. Персы были разбиты на голову, и большая часть ихъ флота истреблена. Побѣдителямъ досталась несмѣтная добыча. Разсказываютъ, что царица Артемизія также отличилась въ этомъ сраженіи своимъ присутствіемъ духа, какъ прежде въ военномъ совѣтѣ своимъ благоразуміемъ. Когда все уже было потеряно и персы бросились бѣжать, за ней погнался одинъ аѳинскій корабль. Чтобы спастись, она пустила ко дну ближайшій къ ней персидскій корабль, которымъ командовалъ враждебный ей вассалъ Персіи. Аѳинскій морякъ, полагая, что ея корабль былъ изъ числа тѣхъ, которые передались на сторону грековъ, бросилъ ея преслѣдованіе. Говорятъ, что Ксерксъ, при видѣ хитрой уловки, къ которой прибѣгнула Артемизія, чтобы спасти себя, воскликнулъ: „Мужчины стали женщинами, а женщины мужчинами“.

Черезъ пораженіе при Саламинѣ, персы, флотъ которыхъ былъ частью истребленъ, частью разсѣянъ, лишились возможности держаться долѣе въ Греціи. Уцѣлѣвшіе персидскіе корабли спѣшили укрыться въ Геллеспонтѣ, а сухопутное войско, подъ начальствомъ царя, отступило въ Ѳессалію. Здѣсь Ксерксъ оставилъ триста тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Мардонія, для возобновленія военныхъ дѣйствій на слѣдующую весну, а самъ, съ небольшимъ остаткомъ своихъ ополченій, поспѣшилъ къ Геллеспонту. На пути, вслѣдствіе быстроты отступленія и не-

достатка въ запасахъ, войска такъ сильно терпѣли отъ голода и болѣзней, что часто должны были питаться травой и древесной корой и большею частью погибли. Геродотъ разсказываетъ, что послѣ сраженія при Саламинѣ, Ѳемистоклъ сначала настаивалъ, чтобы греки вполнѣ воспользовались побѣдой, и, предупредивъ персовъ у Геллеспонта, отрѣзали имъ отступленіе. Когда на это не согласились, то, по словамъ того же историка, Ѳемистоклъ отправилъ къ Ксерксу раба съ притворно дружескимъ извѣстіемъ, что греки хотѣли преслѣдовать остатки его флота и сломать мосты на Геллеспонтѣ, но что онъ, Ѳемистоклъ, удержалъ ихъ отъ исполненія этого плана. Позднѣйшіе историки, вмѣсто того, сообщаютъ менѣе вѣроятное извѣстіе, что Ѳемистоклъ, желая ускорить отступленіе персовъ, послалъ сказать Ксерксу о мнимомъ намѣреніи сломать эти мосты.

Въ тотъ самый день, какъ при Саламинѣ греки сокрушили могущество надменныхъ варваровъ, соотечественники ихъ въ Сициліи также одержали блестящую побѣду, избавившую ихъ отъ величайшей опасности. Карѳагеняне съ сильнымъ флотомъ и многочисленнымъ войскомъ напали на сицилійскія колоніи, но при Гимерѣ были на голову разбиты соединенными силами грековъ, подъ начальствомъ Гелона сиракузскаго и Терона агригентскаго, и потеряли при этомъ всю свою армію и флотъ.

Въ собственной Греціи, послѣ побѣды при Саламинѣ, часть флота направилась противъ нѣкоторыхъ изъ острововъ, чтобы наказать ихъ контрибуціями за измѣну родинѣ. Разсказываютъ, что Ѳемистоклъ, получившій главное начальство надъ экспедиціею, пріобрѣлъ при этомъ значительныя богатства. Послѣ того совершены были благодарственныя жертвоприношенія богамъ за одержанную побѣду, а предводители стали совѣщаться между собою о раздачѣ почетныхъ наградъ. Первая награда не могла быть присуждена никому, потому что каждый объявлялъ на нее притязаніе; но вторая большинствомъ голосовъ была предоставлена Ѳемистоклу. Когда эскадры отдѣльныхъ государствъ отплыли до-

мой, Ѳемистоклъ тотчасъ поѣхалъ въ Спарту, зная, что тамъ ему будутъ оказаны высокія почести, и расчитывая, что такіе знаки уваженія со стороны первой державы въ Греціи возвысятъ его значеніе въ Аѳинахъ и вообще во всей Греціи. Спартанцы дѣйствительно приняли избавителя Греціи съ чрезвычайнымъ почетомъ. Хотя они и присудили своему адмиралу высшую награду, состоявшую изъ масличнаго вѣнка, но такой же вѣнокъ былъ поднесенъ и Ѳемистоклу, въ награду за его военныя дарованія. Сверхъ того они подарили ему колесницу, и, когда онъ уѣзжалъ, его провожалъ до границы отрядъ царскихъ тѣлохранителей, состоявшій изъ трехсотъ всадниковъ, — почесть, которая никому еще не была оказываема въ Лаконіи.

Весною слѣдующаго года (479 до р. X.) возобновились военныя дѣйствія. Персидскій флотъ, вновь снаряженный во время зимы, сталъ на якорѣ у острова Самоса. Онъ не долженъ былъ принимать участія въ войнѣ, но имѣлъ назначеніе удерживать въ покорности острова и греческія мало-азійскія колоніи. Предводитель оставшейся въ Ѳессаліи сухопутной арміи персовъ, Мардоній, рѣшился до начала похода расположить аѳинянъ въ свою пользу и съ этою цѣлью отправилъ въ Аѳины, жители которыхъ вернулись въ городъ вскорѣ послѣ побѣды при Саламинѣ, македонскаго царя Александра I, вассала Персіи. Этому государю, родъ котораго съ давнихъ поръ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Аѳинами, было поручено предложить аѳинянамъ союзъ съ персидскимъ царемъ. Чтобы склонить ихъ къ этому, ему было позволено обѣщать аѳинянамъ полное вознагражденіе за всѣ убытки войны, какое угодно увеличеніе владѣній и, наконецъ, сохраненіе полной независимости. Аѳиняне очень благоразумно не допустили его къ оффиціальному изложенію этого порученія передъ народнымъ собраніемъ, до прибытія въ Аѳины спартанскихъ пословъ, а тогда послѣ непродолжительнаго совѣщанія ему отвѣчали, что пока солнце не измѣнитъ своего теченія, до тѣхъ поръ Аѳины не подружатся съ персами, но рѣшились

защищаться противъ персидскихъ силъ въ надеждѣ на помощь боговъ, храмы и статуи которыхъ разрушены Ксерксомъ. Царя же Александра они просили никогда болѣе не являться къ нимъ съ подобными предложеніями, если только онъ желаетъ сохранить дружбу Аѳинъ.

По возвращеніи своего посла, Мардоній выступилъ въ походъ, и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія успѣлъ дойти до границъ Атики. Спартанцы поступили въ этомъ случаѣ недостойнымъ образомъ: не обращая вниманія на просьбы аѳинянъ, они упорствовали въ своемъ рѣшеніи защищать только доступъ въ Пелопоннесъ, и отдали Аѳины въ жертву непріятелю. Вслѣдствіе этого аѳиняне были принуждены еще разъ бѣжать изъ города со всѣмъ своимъ имуществомъ, и искать убѣжища на Саламинѣ. Впрочемъ, на этотъ разъ они могли по крайней мѣрѣ тамъ считать себя безопасными, такъ какъ въ европейской части Архипелага не было ни одного персидскаго корабля. Изъ опустѣвшихъ Аѳинъ, Мардоній отправилъ посла на островъ Саламинъ, въ надеждѣ, что, безчестно оставленные союзниками, аѳиняне можетъ быть согласятся на союзъ съ персами. Но его посла даже не допустили въ народное собраніе. Онъ былъ выслушанъ только совѣтомъ пятисотъ, и вслѣдъ затѣмъ отправленъ назадъ безъ всякаго успѣха. Одинъ изъ сенаторовъ, Ликидъ, подалъ во время совѣщанія мнѣніе принять предложеніе персовъ и представить его на разсмотрѣніе народнаго собранія. Но его сограждане пришли отъ этого въ такую ярость, что тотчасъ же бросились на него и до смерти забили каменьями. Геродотъ говоритъ, что при извѣстіи объ этомъ аѳинскія женщины ворвались въ домъ Ликида, и умертвили его жену и дѣтей.

Въ Спартѣ, куда аѳиняне, платейцы и жители Мегары отправили пословъ, эфоры, имѣвшіе въ то время огромную силу, не хотѣли и слышать о сраженіи внѣ предѣловъ полуострова. Наконецъ Павсанію I, управлявшему въ качествѣ опекуна малолѣтняго сына Леонида, удалось устранить ихъ вліяніе и

вынудить согласіе на помощь, требуемую аѳинянами. Онъ двинулся въ среднюю Грецію съ пятью тысячами спартанцевъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ по семи легко-вооруженныхъ гелотовъ. Впослѣдствіи къ этой арміи присоединилось еще пять тысячъ періэковъ, также имѣвшихъ при себѣ по одному вооруженному гелоту. Заклятые враги спартанцевъ, аргосцы тотчасъ извѣстили объ этомъ Мардонія, кототый, опустошивъ Аттику и разрушивъ Аѳины, двинулся въ Беотію. Когда спартанская армія съ приставшими къ ней ополченіями другихъ пелопоннесскихъ государствъ прибыла въ среднюю Грецію, къ ней присоединились еще войска мегарянъ, платейцевъ, эгинцевъ, нѣкоторыхъ другихъ государствъ и, наконецъ, восемь тысячъ аѳинянъ. Послѣдніе находились подъ начальствомъ Аристида, снова возвращеннаго въ Аѳины, послѣ патріотическаго дѣла его подъ Саламиномъ. Прибывши въ Беотію, греческая армія, подъ главнымъ начальствомъ Павсанія, расположилась противъ арміи персовъ, и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, вступила наконецъ въ рѣшительную битву при Платеѣ (въ сентябрѣ 479 года). Незадолго передъ тѣмъ между греками произошла ссора, которая легко могла бы повредить имъ, еслибы ее не прекратилъ вскорѣ благородный поступокъ Аристида. Поводомъ къ ней было слѣдующее: у грековъ почетнѣйшимъ мѣстомъ въ бою считалось правое крыло, а слѣдующимъ послѣ него — лѣвое. Первое всегда уступалось спартанцамъ; но за второе возникъ споръ между гражданами аркадскаго города Тегеи и аѳинянами. Одни ссылались на то, что всегда занимали этотъ постъ въ пелопоннесской арміи, а другіе на значеніе Аѳинъ какъ могущественнѣйшаго въ Греціи государства послѣ Спарты. Тегейцы основывали свои притязанія на разсказахъ о блестящихъ подвигахъ своихъ предковъ, но рѣчь Аристида, исполненная благороднѣйшихъ мыслей, доставила ему побѣду. „Мы пришли сюда, сказалъ онъ отъ имени аѳинянъ, не съ намѣреніемъ произносить рѣчи, но для того, чтобы одержать

побѣду надъ войскомъ варваровъ. И мы, аѳиняне, могли бы, подобно аркадцамъ, похвалиться громкими подвигами минувшихъ временъ; но дѣло не въ томъ, чѣмъ мы были, а въ томъ, что мы теперь. Достаточно было бы указать на одно Мараѳонское сраженіе, гдѣ мы одни побѣдили армію, состоявшую изъ сорока шести племенъ. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ неприлично спорить о первенствѣ. Рѣшайте вы, лакедемоняне, и поставьте насъ куда хотите! Мы исполнимъ ваше приказаніе, и на всякомъ мѣстѣ, какое бы вы намъ ни дали, покажемъ себя храбрыми воинами!„ Спартанская армія единогласно присудила аѳинянамъ почетное мѣсто на лѣвомъ крылѣ.

Послѣ десяти дней, проведенныхъ обѣими арміями въ бездѣйствіи другъ противъ друга, Мардоній рѣшился аттаковать грековъ и дать рѣшительное сраженіе. Въ ночь, предшествовавшую этому дню, македонскій царь Александръ, потерявшій уже довѣріе къ успѣху персовъ, тайно оставилъ ихъ лагерь, и отправился верхомъ къ греческимъ аванпостамъ. Онъ сообщилъ имъ о намѣреніи непріятеля и прибавилъ, что персы терпятъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и, слѣдовательно, будутъ принуждены оставить свой лагерь, еслибы даже битвы не произошло по какому нибудь случаю. Когда на слѣдующее утро Мардоній хотѣлъ двинуться противъ грековъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что они не только готовы были принять сраженіе, но даже сдѣлали въ своемъ боевомъ порядкѣ перемѣну сообразную съ расположеніемъ персовъ. Дѣйствительно, спартанцы, по предложенію Павсанія, помѣнялись мѣстомъ съ аѳинянами, потому что противъ праваго крыла грековъ были поставлены собственно персидскія войска, съ боевыми пріемами которыхъ аѳиняне уже имѣли случай познакомиться. Вслѣдствіе того Мардоній также измѣнилъ свой боевой порядокъ, заставивъ грековъ, въ свою очередь, занять прежнія мѣста. Въ этотъ день Мардоній дѣйствовалъ противъ нихъ только кавалеріей, которая имѣла нѣкоторый успѣхъ, успѣла отрѣзать ихъ отъ единственнаго источника

гдѣ они брали воду, и захватила шедшій къ нимъ транспортъ съѣстныхъ припасовъ. Греки были принуждены бросить свою позицію и, выступая среди глубокой ночи, пришли въ нѣкоторое разстройство. Мардоній принялъ это отступленіе за бѣгство, и потому на разсвѣтѣ двинулъ впередъ свою пѣхоту для преслѣдованія непріятеля. Этимъ и началось сраженіе. Число грековъ, принимавшихъ въ немъ участіе, доходило до ста десяти тысячъ. Изъ нихъ тридцать восемь тысячъ были тяжело-вооруженные. Армія персовъ была втрое сильнѣе; но Мардоній имѣлъ въ своихъ рядахъ много греческихъ войскъ, изъ которыхъ большая часть не могла внушать ему довѣрія, и многіе послѣдовали за нимъ только по принужденію. Главной причиной неудачнаго исхода сраженія былъ, однако, онъ самъ, потому что, дѣйствуя противъ непріятеля не имѣвшаго кавалеріи, не умѣлъ воспользоваться своей конницей. Персы были разбиты на-голову и самъ Мардоній погибъ въ битвѣ. Сорокъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Артабаза, успѣли вовремя уйти съ поля сраженія и спаслись быстрымъ отступленіемъ къ Геллеспонту. Остальные бѣжали въ укрѣпленный лагерь и почти всѣ погибли при взятіи его приступомъ. Въ живыхъ осталось лишь нѣсколько тысячъ. Греки, по словамъ одного историка, потеряли тысячу триста шестьдесятъ человѣкъ; по другимъ свѣдѣніямъ уронъ ихъ простирался до десяти тысячъ.

Побѣдителямъ досталась несмѣтная добыча деньгами, золотыми и серебряными вещами и другими драгоцѣнностями. По древнему греческому обычаю, десятая часть ея была отдѣлена на приношенія богамъ, особенно дельфійскому Аполлону и Юпитеру олимпійскому. Десятая часть остальнаго была отдана Павсанію, какъ главнокомандующему, и затѣмъ все прочее распредѣлено между участниками въ побѣдѣ. Послѣ этого греки приступили къ торжественному погребенію убитыхъ. Между павшими находился и Аристодемъ, избѣжавшій смерти въ Термопилахъ, и потому считавшійся обезчещеннымъ. Въ Спартѣ памяти храбрѣйшихъ бойцовъ оказывались особенныя почести, и, несмо-

тря на то, что, по общему мнѣнію спартанцевъ, Аристодемъ сражался храбрѣе всѣхъ своихъ соотечественниковъ, его все таки поставили только четвертымъ въ ряду героевъ этого дня, говоря, что онъ сражался такъ храбро только потому, что отъ стыда искалъ смерти. Воздавъ послѣдній долгъ убитымъ, предводители грековъ приступили къ совѣщанію о томъ, какой народъ выказалъ наибольшую храбрость и заслуживаетъ награду. И аѳиняне и спартанцы предъявляли права свои, и между ними возникла по этому случаю серьёзная ссора. Наконецъ рѣшено было не давать награду ни той ни другой сторонѣ, а присудить ее платейцамъ.

Изъ Платеи, побѣдоносная армія грековъ двинулась прямо въ Ѳивы, для наказанія этого города, обнаружившаго особенную преданность персамъ. Послѣ осады, продолжавшейся нѣсколько недѣль, ѳиванцы выдали предводителей персидской партіи и Павсаній отвелъ ихъ съ собой въ Коринѳъ, гдѣ они были приговорены къ смерти.

Въ тотъ самый день, когда Павсаній, при Платеѣ, уничтожилъ персидскую армію, греческому флоту также удалось одержать блестящую побѣду. Командиромъ этого флота былъ спартанскій царь Леотихидъ, аѳинскій же контингентъ его находился подъ начальствомъ Ксантиппа, о которомъ уже было говорено, какъ о противникѣ Мильтіада. Леотихидъ провелъ все лѣто на островѣ Делосѣ, близъ котораго флотъ его стоялъ на якорѣ. Отсюда онъ велъ тайные переговоры съ іонійскими греками Малой-Азіи, и наконецъ, съ наступленіемъ осени, поплылъ къ Самосу, чтобы вмѣстѣ съ тамошними жителями напасть на стоявшій близь этого острова персидскій флотъ. Услышавъ о намѣреніи грековъ, персидскій командиръ тотчасъ оставилъ Самосъ, и направился къ сосѣднему мысу Микале, на іонійскомъ берегу, гдѣ, для наблюденія за іонійцами, стояла шестидесятитысячная армія. Онъ приказалъ вытащить суда свои на берегъ, какъ это дѣлали древніе передъ наступленіемъ зимы, и обнести ихъ частоколомъ, за которымъ расположился съ сво-

ими войсками. Рѣшившись отказаться на этотъ годъ отъ дѣйствій на морѣ, онъ еще до отъѣзда изъ Самоса отпустилъ домой финикійскіе корабли, составлявшіе лучшую часть его флота. Это побудило грековъ, по прибытіи къ Самосу, напасть на непріятельскій флотъ при Микале. Явившись туда и увидя, что персы совершенно очистили море, они рѣшились дать сраженіе на сушѣ и высадившись на берегъ напали на укрѣпленія персовъ, іонійскія войска которыхъ были въ заговорѣ съ своими соотечественниками и вскорѣ перешли на ихъ сторону. Передъ началомъ сраженія, между греками распространился, какъ говорятъ черезъ самого Леотихида, радостный о слухъ побѣдѣ, будто бы одержанной въ Греціи надъ Мардоніемъ. Персы сражались храбро, но потерпѣли совершеннѣйшее пораженіе, и были большею частью перебиты. Лагерь и флотъ ихъ достались побѣдителямъ и были сожжены ими.

Важнѣйшими результами сраженія при Микале было изгнаніе персовъ изъ Архипелага и потрясеніе ихъ безусловнаго владычества надъ мало-азійскими греками. Самосцы, хіосцы и жители нѣкоторыхъ другихъ острововъ тотчасъ же приступили къ союзу грековъ, а колоніи твердой земли ждали только новаго появленія разошедшагося по домамъ флота своихъ соотечественниковъ, чтобы выгнать персовъ изъ своихъ владѣній. Для европейской Греціи исчезла уже всякая опасность со стороны Персидской монархіи, и потому древніе греческіе писатели считаютъ сраженіе при Микале окончаніемъ персидской или, какъ ее иначе называютъ, мидійской войны. Дальнѣйшая борьба съ персами имѣла цѣлью уже не освобожденіе Греціи, а распространеніе ея могущества, и угрожала собственнымъ владѣніямъ персовъ.

5. Исторія грековъ отъ битвы при Платеѣ до смерти Кимона.

Побѣдоносный исходъ войны, веденной греками за освобожденіе родины, обезопасилъ плаваніе ихъ кораблей отъ нападеній пер-

сидскаго флота и освободилъ отъ персидскаго владычества многіе торговые города восточнаго прибрежья Архипелага. Это было въ особенности выгодно для Аѳинъ, сдѣлавшихся, въ теченіе этой войны, первой морской державой Греціи. Теперь они уже легко могли достигнуть господства на морѣ и гегемоніи надъ всей Греціей. Но для достиженія этой цѣли имъ необходимо было укрѣпить свой городъ и пріобрѣсть достаточно обширную и безопасную гавань. До тѣхъ поръ, слабо укрѣпленнымъ Аѳинамъ каждая война грозила разрушеніемъ, а незначительная гавань Фалеръ, которой они пользовались, была и очень мелка и недовольно прикрыта отъ вѣтровъ. Проницательность и благоразуміе Ѳемистокла, положившія начало тогдашнему могуществу Аѳинъ, помогли аѳинянамъ и укрѣпить свой городъ, и пріобрѣсть лучшую гавань въ цѣлой Греціи.

Въ послѣдній годъ персидской войны, Ѳемистоклъ не получилъ никакого назначенія. Арміей и флотомъ командовали противники его, Аристидъ и Ксантиппъ. Причина этого заключалась или въ томъ, что его громадныя заслуги возбудили зависть народа, или въ томъ, что враги его ловко воспользовались неудовольствіемъ, возбужденнымъ въ Аѳинахъ почестями, оказанными ему въ Спартѣ. Но, вскорѣ послѣ сраженія при Платеѣ, онъ снова сталъ первымъ лицомъ въ Аѳинахъ и, благодаря своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, руководилъ всѣми рѣшеніями народнаго собранія. Когда аѳиняне вернулись съ Саламина, городъ лежалъ въ развалинахъ. Ѳемистоклъ тотчасъ вызвалъ постановленіе народа, по которому рѣшено было обнести городъ крѣпкой и прочной стѣной, а всѣмъ жителямъ вмѣнялось въ обязанность не браться за возстановленіе полуразрушенныхъ жилищъ своихъ, до тѣхъ поръ, пока укрѣпленія города не будутъ приведены къ концу. Ѳемистоклъ предвидѣлъ, что укрѣпленіе Аѳинъ возбудитъ неудовольствіе въ различныхъ греческихъ государствахъ и особенно въ спартанцахъ, ревниво охранявшихъ свое первенство. И точно, едва началась постройка стѣнъ, какъ жители Эгины отправили въ Спарту пословъ

съ просьбою помѣшать исполненію этого дѣла. Спартанцы тотчасъ же снарядили посольство въ Аѳины, объявивъ имъ, что выгоды всей націи не позволяютъ согласиться на укрѣпленіе какого нибудь города за предѣлами Пелопоннеса, потому что не слѣдуетъ давать вторгнувшемуся непріятелю мѣста, гдѣ бы онъ могъ утвердиться, и что одинъ Пелопоннесъ долженъ служить Греціи естественнымъ укрѣпленіемъ, гдѣ, въ случаѣ нужды, всѣ остальные греки могутъ найти себѣ убѣжище.

Еслибы Спарта и ея союзники рѣшились поддержать это требованіе оружіемъ, аѳиняне рѣшительно не были бы въ силахъ противиться имъ съ успѣхомъ. Поэтому имъ пришлось для достиженія своей цѣли обратиться къ системѣ проволочекъ и обмановъ. Нельзя было найти человѣка болѣе ловкаго для подобной политики, чѣмъ Ѳемистоклъ, потому аѳиняне послѣдовали его совѣту, и дали ему полную власть на веденіе дѣла. Они отвѣчали спартанскимъ посламъ, что не предпримутъ ничего вреднаго интересамъ Греціи, и, для дальнѣйшихъ переговоровъ, пришлютъ въ Спарту посольство. Послами были избраны Ѳемистоклъ, Аристидъ и Аброяихъ. Уговорившись съ остальными насчетъ хода дѣла, первый изъ нихъ тотчасъ отправился въ Спарту, между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ укрѣпленіе города продолжалось съ усиленнымъ напряженіемъ. Всѣ жители, безъ различія сословій, даже женщины и дѣти, принимали участіе въ этихъ работахъ. Для ускоренія ихъ были употреблены, какъ матеріалъ, камни съ надгробныхъ памятниковъ и скульптурныя украшенія храмовъ. Пріѣхавъ въ Спарту, Ѳемистоклъ не сдѣлалъ положенныхъ оффиціальныхъ визитовъ, и не извѣстилъ сената о своемъ прибытіи въ качествѣ посланника. На всѣ вопросы по этому предмету, онъ отвѣчалъ, что долженъ подождать товарищей, и рѣшительно не понимаетъ, почему они такъ мѣшкаютъ. Въ Спартѣ, однако, естественно должны были знать о томъ, что дѣлается въ Аѳинахъ; но, когда спрашивали объ этомъ Ѳемистокла, онъ отвѣчалъ, что все это ложь или преувеличеніе. Такимъ образомъ, онъ отдѣлывался сколько могъ; но настоянія спартан-

скаго правительства не прекращались. Доведенный до невозможности выдерживать свою роль, Ѳемистоклъ объявилъ, что въ государственныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ полагаться на частныя извѣстія, и посовѣтовалъ отправить въ Аѳины посольство, которое могло бы дать спартанцамъ точныя свѣдѣнія о тамошнемъ положеніи дѣлъ. Такъ и случилось. Въ Аѳинахъ, откуда товарищи Ѳемистокла наконецъ выѣхали, спартанскихъ пословъ задерживали подъ всевозможными предлогами, и даже рѣшились въ случаѣ нужды употребить для этого силу, чтобы дать Ѳемистоклу, Аристиду и Аброниху время вернуться домой. Рѣшившись на такую коварную политику, необходимо было обезпечить себя на тотъ случай, что спартанцы задержатъ аѳинскихъ пословъ, и выдадутъ ихъ не иначе, какъ подъ извѣстными условіями.

Товарищи Ѳемистокла привезли ему извѣстіе, что стѣны города уже достаточно высоки, чтобы выдержать осаду. Тогда онъ сбросилъ маску и объявилъ спартанскому сенату, что аѳиняне, городъ которыхъ теперь достаточно защищенъ отъ непріятельскаго нападенія, сами знаютъ что́ полезно какъ для нихъ, такъ и для всей греческой націи, и что, по ихъ мнѣнію, укрѣпленіе города было необходимо и въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Онъ прибавилъ, сверхъ того, что государства, заключившія между собою союзъ, должны имѣть одинаковыя средства защищать свою самостоятельность, или уже всѣ отъ нея отказаться. Такимъ образомъ, спартанскій сенатъ обманутый въ своихъ намѣреніяхъ, уже не имѣлъ возможности предпринять враждебныхъ дѣйствій противъ аѳинянъ. Аѳинскіе послы были отпущены, а вслѣдъ затѣмъ и спартанскіе вернулись домой.

Чтобы еще болѣе возвысить значеніе Аѳинъ, Ѳемистоклъ устроилъ для нихъ новую гавань и укрѣпилъ ее. Онъ выбралъ для этой цѣли бухту, лежавшую къ западу отъ Фалера, въ двухъ миляхъ отъ Аѳинъ, и называвшуюся Пиреемъ. Бухта эта имѣла три гавани, и могла вмѣстить довольно значительное число кораблей. По предложенію Ѳемистокла, она была приведена въ нѣ-

сколько лучшій видъ еще передъ третьей персидской войной. Теперь же онъ настоялъ на томъ, чтобы ее оцѣпили крѣпкой стѣной по всему протяженію берега. Стѣна эта была выстроена чрезвычайно прочно и была готова уже на второй годъ послѣ Платейской битвы. При этомъ Ѳемистоклъ опять успѣлъ обмануть спартанцевъ и успокоить ихъ недовѣріе.

Между тѣмъ, союзный флотъ грековъ, подъ начальствомъ Павсанія, помогалъ освобожденію греческихъ городовъ на Геллеспонтѣ и нѣкоторыхъ острововъ, все еще занятыхъ персами. При этомъ случаѣ подвергся нападенію и городъ Византія, нынѣшній Константинополь, взятый греками штурмомъ послѣ долгаго сопротивленія. Въ руки побѣдителей попались многіе персидскіе вельможи — обстоятельство, имѣвшее случайнымъ образомъ большое вліяніе на развитіе преобладенія Аѳинъ. Гордый и властолюбивый царь Павсаній, ослѣпленный своимъ счастіемъ, пошелъ путемъ, который долженъ былъ погубить его. Онъ одержалъ при Платеѣ блистательнѣйшую побѣду, какая, по выраженію Геродота, была только извѣстна грекамъ, а добыча, доставшаяся на его долю, дала ему при этомъ случаѣ богатство, чрезмѣрное для спартанца. Успѣшныя предпріятія, совершенныя имъ въ главѣ греческаго флота, еще болѣе увеличили и его гордость и его сокровища. Съ этого времени онъ сталъ стремиться не только къ удержанію власти, ввѣренной ему, какъ опекуну малолѣтняго двоюроднаго брата, но и къ тому, чтобы управлять неограниченно и надъ болѣе обширными владѣніями. Произвольная власть персидскаго сатрапа, подчиненнаго только одному человѣку, да и то лишь по формѣ, соотвѣтствовала его настроенію гораздо болѣе, чѣмъ званіе спартанскаго царя, стремленія и поступки котораго находились подъ неослабнымъ надзоромъ сената и эфоровъ. Сравнивая простой и однообразный родъ жизни, на который законодательство Ликурга обрекало спартанцевъ, съ роскошью и нѣгой персидскихъ вельможъ, жившихъ на трудъ народа, онъ точно также прельщался ихъ положеніемъ, и рѣшился измѣною удовле-

творить своей гордости и своему властолюбію. Въ Византіи ему представился отличный случай осуществить это намѣреніе. Онъ нашелъ здѣсь, между плѣнными, многихъ знатныхъ персовъ и, въ числѣ прочихъ, познакомился съ грекомъ Гонгиломъ, уроженцемъ Эретріи, который во времена Дарія также измѣнилъ отечеству и былъ за это награжденъ владычествомъ надъ четырьмя богатыми эолійскими городами. Этого то человѣка Павсаній взялъ въ сообщники своего плана. Онъ ввѣрилъ ему высшую власть въ Византіи и охраненіе тамошнихъ знатныхъ плѣнныхъ. Вскорѣ послѣ того Гонгилъ, по заключенному съ Павсаніемъ условію, далъ убѣжать своимъ плѣнникамъ и переслалъ персидскому царю письмо Павсанія, въ которомъ онъ объявлялъ себя виновникомъ освобожденія знатнѣйшихъ персовъ, просилъ руки одной изъ дочерей Ксеркса и предлагалъ свою помощь для подчиненія Греціи. Персидскій царь охотно принялъ эти предложенія и тотчасъ назначилъ намѣстникомъ Фригіи Артабаза, человѣка особенно способнаго къ подобнаго рода дѣламъ, поручивъ ему веденіе дальнѣйшихъ переговоровъ.

Павсаній тогда вполнѣ предался побужденіямъ своей высокомѣрной души и сталъ вести себя совершенно такъ, какъ будто уже достигъ цѣли своихъ измѣнническихъ плановъ. Онъ окружилъ себя персидскимъ великолѣпіемъ и азіатской роскошью, принялъ одежду сатраповъ и составилъ себѣ изъ плѣнныхъ родъ охранной стражи. Не довольствуясь этимъ, онъ сталъ даже обращаться съ подчиненными ему войсками съ тиранскимъ высокомѣріемъ и чрезмѣрною строгостью. Естественнымъ послѣдствіемъ такого поведенія было что греческіе союзники скоро отказались повиноваться ему. Пелопоннесцы поплыли домой, а остальные греки передали начальство надъ соединеннымъ флотомъ аѳинскимъ командирамъ Аристиду и Кимону, кротость и справедливость которыхъ были прямо противоположны характеру и образу дѣйствій Павсанія. Этимъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ поступкомъ союзниковъ Аѳины были преимущественно обязаны личности Аристида,

который пріобрѣлъ своею честностью величайшую довѣренность всѣхъ грековъ и особенно жителей Эгины, первой морской державы дорянъ. Спартанское правительство немедленно отозвало Павсанія и назначило на его мѣсто другаго командира, но почти всѣ союзники отказались признать его главнымъ начальникомъ. Тогда спартанцы отозвали назадъ корабли свои и отказались отъ командованія, котораго и безъ того не могли бы удержать, по незначительности своихъ морскихъ силъ. Можетъ быть также, что въ вопросѣ о поддержаніи ихъ значенія въ Греціи, главное начальство надъ флотомъ не имѣло въ ихъ глазахъ той важности, какая въ дѣйствительности была соединена съ нимъ. Такимъ образомъ, въ 477 году гегемонія на морѣ перешла отъ Спарты къ Аѳинамъ, которые пріобрѣли вскорѣ перевѣсъ надъ спартанцами и на сухомъ пути.

Прибывъ въ Спарту, Павсаній былъ призванъ къ суду, но вліяніемъ своимъ избавился отъ наказанія. Онъ не только не оставлялъ своихъ властолюбивыхъ плановъ, но рѣшился даже, при помощи персовъ, отмѣнить званіе эфоровъ и пріобрѣсти неограниченную власть. Съ этою цѣлью онъ отправился, какъ частный человѣкъ, въ Византію и отсюда продолжалъ свои интриги, но дѣйствовалъ такъ неосторожно, что намѣренія его вскорѣ обнаружились. Тогда спартанцы отправили къ нему гонца съ приказаніемъ вернуться въ Спарту. Павсаній повиновался, надѣясь на свое богатство и на склонность вліятельныхъ людей своего города къ взяткамъ. И дѣйствительно, можно было уже разсчитывать на подобныя средства, такъ далеки были въ то время спартанцы отъ духа законодательства Ликурга. Подкупъ государственныхъ людей былъ тогда дѣломъ далеко не рѣдкимъ, и не задолго передъ тѣмъ бѣжалъ изъ Лаконіи царь Леотихидъ, побѣдитель при Микале, замаранный такимъ же грязнымъ поступкомъ. По пріѣздѣ Павсанія въ Спарту, его немедленно арестовали, но вскорѣ освободили, и такимъ образомъ вторично простили ему его преступленія. Онъ продолжалъ изъ Спарты переписку свою съ Артабазомъ, и въ то же

время возбуждалъ волненіе между гелотами, надѣясь съ ихъ помощью ниспровергнуть правительство. Это также не осталось тайною, но, по законамъ Ликурга, показаніе раба противъ спартанца не имѣло силы. Наконецъ, измѣнникъ попался въ собственныя сѣти. Павсаній просилъ Артабаза убивать всѣхъ людей, которыхъ онъ будетъ присылать ему съ письмами. Одинъ гелотъ, посланный съ подобнымъ порученіемъ, рѣшился вскрыть письмо и нашелъ въ концѣ просьбу убить подателя, также какъ и его предшественниковъ. Онъ передалъ это письмо эфорамъ, которые посовѣтовали ему бѣжать въ храмъ и сдѣлать такъ, чтобъ Павсаній узналъ объ этомъ. Измѣнникъ тотчасъ же поспѣшилъ туда, потребовалъ отчета у слуги, но разговоръ этотъ былъ подслушанъ нѣсколькими эфорами, удостовѣрившимися такимъ образомъ въ измѣнѣ. Тотчасъ отдано было приказано арестовать Павсанія, но одинъ изъ эфоровъ предупредилъ его и Павсаній бѣжалъ въ храмъ. Отсюда, какъ изъ священнаго убѣжища, его нельзя было вытащить насильно; тогда въ храмъ задѣлали входъ, чтобъ голодомъ заставить выйти измѣнника. Но онъ не оставилъ своего убѣжища. Передъ смертью его вынесли изъ храма, чтобы присутствіемъ трупа не осквернять святыни, и онъ умеръ черезъ нѣсколько минутъ (469 г. до Р. Х.).

Въ катастрофу Павсанія былъ впутанъ и Ѳемистоклъ, родной городъ котораго подвергся незадолго передъ тѣмъ важной перемѣнѣ въ государственномъ устройствѣ. Аристидъ пріобрѣлъ въ Аѳинахъ первенствующее вліяніе, и, воспользовавшись этимъ, провелъ мѣру, имѣвшую самыя важныя послѣдствія. Чтобы вознаградить низшіе классы за мужество, выказанное ими въ персидской войнѣ, — собственно же для того, чтобы увеличить число платящихъ подати, — Аристидъ склонилъ народное собраніе издать законъ, по которому граждане всѣхъ четырехъ классовъ должны были пользоваться равными правами и нести одинаковыя обязанности. Свободные до тѣхъ поръ отъ податей, граждане четвертаго класса или теты, подвергались теперь уплатѣ наравнѣ

съ прочими, но за то имъ было предоставлено право на занятіе всѣхъ должностей. Съ этого времени они постепенно начали овладѣвать всѣми мѣстами и давать тонъ во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ. Эта важная мѣра дала политическому развитію Аѳинъ совершенно демократическое направленіе и вызвала рѣшительное раздѣленіе партій — борьбу, которой Аѳины обязаны своими блистательнѣйшими талантами, лучшими украшеніями, величайшими ораторами и государственными людьми. Аристидъ до конца жизни оставался любимцемъ народа; Ѳемистоклъ, которому Аѳины обязаны были спасеніемъ и величіемъ, сдѣлался жертвой зависти своихъ согражданъ. Его значеніе уменьшалось по мѣрѣ того, какъ расло вліяніе Аристида, и онъ палъ наконецъ подъ соединенными усиліями своихъ противниковъ. Онъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ остракизмомъ (471 г.) и удалился въ Аргосъ. Но и въ изгнаніи его преслѣдовали зависть враговъ и ненависть спартанцевъ. Послѣ смерти Павсанія, послѣдніе обвинили его передъ аѳинянами въ томъ, что онъ, какъ оказывается по слѣдствію, былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ спартанскимъ измѣнникомъ. Неизвѣстно, справедливо ли это обвиненіе; но какъ бы то ни было, оно было предъявлено и противники Ѳемистокла въ Аѳинахъ воспользовались тѣмъ, чтобы совершенно погубить его. Аѳиняне согласились на требованіе спартанцевъ, чтобы Ѳемистоклъ былъ задержанъ и представленъ на судъ амфиктіоновъ, какъ измѣнникъ греческой націи.

Узнавъ объ этомъ Ѳемистоклъ бѣжалъ въ Коркиру и оттуда въ Эпиръ къ своему старинному врагу, молосскому царю Адмету, гдѣ нашелъ убѣжище и защиту. Ѳемистоклъ явился въ его столицу, когда Адметъ былъ въ отсутствіи. Получивъ отъ царицы обѣщаніе заступничества, онъ при возвращеніи царя взялъ на руки его маленькаго сына и сѣлъ у очага — священнѣйшаго мѣста въ греческомъ домѣ. Адметъ не устоялъ противъ этой просьбы и когда спартанцы и аѳиняне потребовали выдачи Ѳемистокла, онъ не послушался ихъ, а отправилъ своего гостя подъ вооруженнымъ

прикрытіемъ въ Пидну, въ Македоніи, чтобы дать ему возможность бѣжать въ Азію на кораблѣ. Скрываясь подъ чужимъ именемъ, Ѳемистоклъ благополучно достигъ мало-азійскаго берега. Отсюда онъ обратился съ письмомъ къ персидскому царю, который принялъ его съ великою радостію. Доходы съ трехъ мало-азійскихъ городовъ были назначены ему въ содержаніе и Ѳемистоклъ, скоро выучившійся по персидски и примѣнившійся къ тамошнимъ нравамъ, черезъ годъ отправился въ Сузу, и пріобрѣлъ при дворѣ такое значеніе, какого не имѣлъ еще ни одинъ грекъ. Относительно его смерти показанія древнихъ не согласны между собою. Онъ игралъ въ Персіи совсѣмъ иную роль, чѣмъ другіе греки эмигранты. Персидскій царь надѣялся, что при своихъ военныхъ дарованіяхъ, ловкости и знаніи положенія дѣлъ въ Греціи, Ѳемистоклъ скорѣй чѣмъ кто либо можетъ помочь ему, и дѣйствительно сдѣлаетъ это. Самъ же Ѳемистоклъ, даже если допустить въ немъ готовность сдѣлаться врагомъ отечества, долженъ былъ отлично понимать невозможность завоеванія Греціи такой державой какъ Персія; но, несмотря на то, онъ не могъ и разочаровывать персовъ въ ихъ ожиданіяхъ. Послѣ его смерти, между греками распространился слухъ, что онъ обѣщалъ персидскому царю свою помощь въ экспедиціи противъ Греціи, но долго задерживалъ дѣло и наконецъ, когда это уже стало невозможнымъ, отравилъ себя подъ вліяніемъ чувства любви къ родинѣ и яснаго пониманія невозможности хорошаго исхода. Извѣстіе это, однако, не имѣетъ положительныхъ основаній, и вѣроятнѣе, что онъ умеръ естественною смертью. Въ одномъ изъ трехъ городовъ, назначенныхъ для его содержанія, былъ поставленъ ему памятникъ, но, говорятъ, что тѣло Ѳемистокла было, по его желанію, тайно перевезено въ Аѳины и погребено тамъ. Годъ его смерти неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что онъ умеръ на шестидесятомъ году отъ рожденія.

Между тѣмъ Аѳины нашли въ Аристидѣ и Кимонѣ людей, которые постоянно возвышали могущество своего роднаго города и распространяли его власть. Аѳиняне стали, вмѣсто спартанцевъ,

въ главѣ мало-азійскихъ грековъ и островов. Мѣстомъ совѣщаній союза, по предложенію Аристида, назначили однако не Аѳины, а островъ Делосъ; — умный государственный человѣкъ не хотѣлъ возбуждать недовѣрія къ Аѳинамъ, прежде чѣмъ новыя отношенія упрочатся на твердыхъ основаніяхъ. Въ Делосѣ много разъ происходили совѣщанія союзниковъ, но, вслѣдствіе превосходныхъ правительственныхъ распоряженій Аристида и Кимона, совѣщанія эти были только формальностью, за которою скрывалось владычество Аѳинъ. Для покрытія издержекъ на продолженіе войны составлена была изъ ежегодныхъ взносовъ особенная сумма, хранившаяся въ делосскомъ храмѣ Аполлона. Главнымъ казначеемъ союза былъ сдѣланъ Аристидъ, такъ какъ всѣ имѣли полное довѣріе къ его честности. Послѣ его удаленія, союзники разрѣшили аѳинянамъ назначать на эту должность своихъ гражданъ по ежегодному выбору, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ замѣщались въ Аѳинахъ всѣ высшія должности. Такимъ образомъ, союзная казна окончательно перешла въ руки аѳинянъ. Казна эта была весьма значительна, потому что ежегодные взносы союзниковъ составляли не менѣе четырехсотъ шестидесяти талантовъ (приблизительно 600,000 р. сер.) Взносы эти постоянно увеличивались и лѣтъ черезъ двадцать или тридцать стали почти вдвое больше.

Аристидъ, которому послѣ Ѳемистокла Аѳины были всего больше обязаны выгодами своего положенія, умеръ черезъ четыре года послѣ изгнанія своего противника. Смерть его еще разъ обнаружила черту характера, отличавшую его отъ всѣхъ прочихъ государственныхъ людей Греціи. Ѳемистоклъ, наслѣдственное имущество котораго составляло всего, какъ говорятъ, три таланта (4,000 р. с.) сдѣлался, въ теченіе своей политической дѣятельности, однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Аѳинахъ. Послѣ Аристида не осталось ровно ничего, такъ что семейству его не на что было похоронить его. Государство приняло издержки эти на себя, взяло также на себя заботу о воспитаніи его дѣтей и почтило его памятникомъ, поставленнымъ въ одной изъ гаваней аѳинскихъ.

Первое время послѣ его смерти во главѣ государства стоялъ одинъ Кимонъ, управлявшій до того дѣлами вмѣстѣ съ Аристидомъ. Съ 470 года, когда Кимонъ въ первый разъ получилъ главное начальство надъ арміей и флотомъ аѳинянъ, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ ежегодно назначался стратегомъ и почти каждый годъ успѣвалъ прославиться какимъ нибудь блестящимъ подвигомъ. Богатый по наслѣдству и еще болѣе разбогатѣвшій черезъ женитьбу на богатой Ѳракіянкѣ, одаренный изворотливымъ умомъ и природной любезностью, популярный по принципу, — онъ долго удерживался въ милости народа, несмотря на то, что по убѣжденіямъ своимъ былъ аристократъ. Избранный стратегомъ, онъ прежде всего занялся завоеванімъ тѣхъ мѣстностей ѳракійскаго прибрежья, которыя оставались еще подвластны персамъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ со стороны персидскаго гарнизона города Эйона такое сопротивленіе, какое рѣдко попадается въ исторіи восточныхъ государствъ. Несмотря на всѣ свои усилія, Кимонъ не могъ принудить персидскаго полководца къ сдачѣ города, и, когда голодъ уничтожилъ возможность дальнѣйшей защиты, Персъ рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ сдаться непріятелю. Онъ убилъ своихъ женъ, дѣтей и невольниковъ и, приказавъ бросить въ рѣку все золото и серебро какое было въ городѣ, лишилъ себя жизни. Тогда сдался гарнизонъ, проданный греками въ рабство.

Кимонъ выгналъ персовъ изъ всѣхъ остальныхъ городовъ Ѳракіи, за исключеніемъ Дориска. Этотъ городъ, одинъ во всей Европѣ, неудалось грекамъ отнять у персовъ, и онъ еще долго оставался въ ихъ власти. Затѣмъ, Кимонъ уничтожилъ разбойничье гнѣздо на островѣ Скиросѣ, гдѣ нѣкогда умеръ Тезей, продалъ жителей въ рабство и основалъ тамъ аѳинскую колонію. Въ тоже время онъ воспользовался легендой о Тезеѣ, чтобы упрочить за собой расположеніе аѳинскаго народа и возвысить значеніе древней аристократіи. Онъ перенесъ, съ торжественными церемоніями, въ Аѳины мнимые останки этого миѳическаго благодѣтеля города, и устроилъ

въ честь его блестящія празднества, на которыхъ, между прочимъ, поэты Эсхилъ и Софоклъ выступили на поэтическое состязаніе. Тезею, какъ полубогу, былъ поставленъ въ Аѳинахъ храмъ, называвшійся тезеономъ.

Аѳиняне, подъ предводительствомъ Кимона, направили свое оружіе и противъ свободныхъ грековъ. Основываясь на громадномъ превосходствѣ своихъ силъ, они уже тогда стали считать себя не руководителями союзныхъ государствъ, а повелителями ихъ. Съ большою суровостью взыскивали они уплату ежегодныхъ взносовъ въ союзную казну, строжайшимъ образомъ наказывали за всякое замедленіе въ присылкѣ кораблей для составленія союзнаго флота и за всякое ослабленіе энергіи въ веденіи войны, и даже лишили свободы одно изъ союзныхъ государствъ, хотя особенная статья союзнаго договора гарантировала независимость всѣхъ членовъ союза. Эта участь постигла отпавшихъ отъ союза жителей острова Наксоса. Кимонъ покорилъ ихъ и подчинилъ Аѳинамъ. Впрочемъ, въ это время большая часть союзниковъ сдѣлала грубую ошибку, которая, также какъ и завоеванія союзнаго флота, увеличила власть Аѳинъ на счетъ остальныхъ грековъ. Перевѣсъ Аѳинянъ на Делосскомъ конгрессѣ былъ такъ значителенъ, что рѣшено было продолжать съ персами войну на морѣ, хотя для большей части союзниковъ она была очень обременительна. Чтобы освободиться отъ обязанности постоянно высылать корабли и войско, и избѣжать соединенныхъ съ этимъ торговыхъ и промышленныхъ неудобствъ, многіе изъ союзниковъ заключили съ аѳинянами условіе, по которому обѣщали выплачивать имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ, взамѣнъ которой они должны были уже сами заботиться о снаряженіи кораблей и поставкѣ войскъ. Такимъ образомъ, они своими деньгами увеличивали морскую силу Аѳинъ, и, ослабляя себя, совершенно подчинились произволу аѳинянъ. Эта ошибочная политика большей части союзниковъ, вызванная, какъ кажется, хитрымъ предложеніемъ Кимона, доставила аѳинянамъ полное господство на морѣ. Они содержали на чужой

счетъ сильный и хорошо обученный флотъ, а колоніи, основанныя ими тогда на островахъ и прибрежьяхъ твердой земли, служили имъ превосходными наблюдательными постами, изъ которыхъ можно было слѣдить за всякимъ движеніемъ союзниковъ и варваровъ.

Подчинивъ Наксосъ, Кимонъ поплылъ къ южнымъ берегамъ Малой Азіи, покорилъ тамъ многіе приморскіе города и одержалъ при Эвримедонѣ въ 469 до р. Х. блистательную побѣду надъ сухопутными и морскими силами персовъ. Флотъ персовъ стоялъ на якорѣ недалеко отъ этой памфилійской рѣки, и близъ того же мѣста былъ расположенъ лагерь многочисленной персидской арміи. Кимонъ напалъ сначала на флотъ и нанесъ ему такое пораженіе, что взялъ въ плѣнъ двѣсти большихъ кораблей и потопилъ бо́льшую часть остальныхъ. Тотчасъ послѣ побѣды онъ высадилъ войска свои на берегъ, чтобы аттаковать и персидскій лагерь, куда вѣсть объ истребленіи флота еще не успѣла дойти. Часть греческой арміи переодѣлась въ платье взятыхъ въ плѣнъ персовъ, прошла сквозь непріятельскіе передовые посты, не подозрѣвавшіе опасности и, такимъ образомъ, не обнажая меча, проникла въ самый лагерь. Изумленные персы пришли въ разстройство и были частью перерѣзаны, частью взяты въ плѣнъ. Такимъ образомъ, Кимонъ въ одинъ день одержалъ двѣ знаменитыя побѣды, однимъ ударомъ истребивъ и армію и флотъ непріятеля. Послѣ этого славнаго подвига, онъ, вмѣстѣ съ флотомъ, вернулся въ Аѳины.

Плодомъ побѣдоносныхъ предпріятій Кимона была, между прочимъ, громадная добыча, привезенная имъ въ Аѳины. Значительная часть ея досталась, по греческому обычаю, главнокомандующему, а остальное было сложено въ государственную казну, или употреблено на награду храбрѣйшихъ воиновъ арміи. Кимонъ употребилъ свою часть на упроченіе своего значенія и на возвышеніе слабой аристократической партіи въ Аѳинахъ. Но, кромѣ того, онъ позаботился чтобы суммы значительно обогащенной государственной казны были употреблены на усиленіе могущества Аѳинъ и на украшеніе города. По его предложенію была

начата постройка двухъ такъ называемыхъ длинныхъ стѣнъ, посредствомъ которыхъ Аѳины были соединены съ Пиреемъ, отстоявшимъ отъ нихъ на два часа, и съ гаванью Мунихіей. Постройка эта была кончена уже впослѣдствіи Перикломъ. Эти крѣпкія стѣны, которыя, въ видѣ сторонъ треугольника, шли отъ Аѳинъ къ противоположнымъ оконечностямъ двухъ гаваней, служили защитой пространству между городомъ и моремъ и ограждали Аѳины отъ опасности потерять сообщеніе съ гаванью. Кимонъ же устроилъ мѣсто гулянья, извѣстное подъ именемъ академіи. Академія эта впослѣдствіи была любимымъ мѣстомъ Платона, и, благодаря ему и его ученикамъ, пріобрѣла всемірную извѣстность. Кромѣ того, Кимонъ украсилъ большую рыночную площадь города аллеями платановъ и первый построилъ въ Аѳинахъ, такъ называемую, стóю, т. е. одну изъ тѣхъ колоннадъ, которыя такъ любятъ въ жаркихъ странахъ юга. Наконецъ, онъ увеличилъ пышность общественныхъ празднествъ и учредилъ новыя. Богатствомъ, великолѣпіемъ и щедростью Кимонъ старался упрочить за собой милость народа и расположить его въ пользу своихъ политическихъ цѣлей. Подобно Писистрату, онъ открылъ всѣмъ гражданамъ входъ въ свои великолѣпные сады и позволилъ посѣтителямъ пользоваться фруктами. Въ его домѣ ежедневно готовилась пища для бѣдныхъ гражданъ. На неимущихъ онъ издерживалъ большія суммы денегъ, принималъ особенное участіе въ людяхъ, старавшихся скрыть свою нищету, и при встрѣчѣ съ бѣдно одѣтымъ гражданиномъ тотчасъ предлагалъ ему одежду одного изъ своихъ рабовъ, которыхъ ходило за нимъ всегда очень много.

Хотя персы были уже совершенно вытѣснены изъ европейскихъ морей, но греки все-таки продолжали нападать на нихъ. Аѳиняне стремились только къ распространенію своего могущества и для достиженія этой цѣли жертвовали своими союзниками. Новое предпріятіе аѳинянъ было направлено противъ жителей греческаго острова Тазоса. Жители его владѣли на Ѳракійскомъ берегу, гдѣ аѳиняне въ то время начали основывать колоніи, золо-

тыми и серебряными рудниками и вели выгодную торговлю внутри Ѳракіи. Эти обстоятельства возбудили зависть Аѳинъ и были причиною ссоръ, побудившихъ жителей Тазоса отдѣлиться отъ союза. Аѳиняне отправили противъ нихъ флотъ подъ начальствомъ Кимона, но встрѣтили упорное сопротивленіе и въ теченіе трехъ лѣтъ тщетно осаждали городъ Тазосъ. Во время осады тазосцы обратились къ спартанцамъ, прося ихъ о помощи. Спартанцы обѣщали имъ двинуть армію свою въ Аттику и сдержали бы свое слово, если бъ не вспыхнуло возстаніе гелотовъ, надолго задержавшее ихъ въ Лаконіи. Въ 463 до р. Х. тазосцы были принуждены сдаться. Аѳиняне предписали имъ самыя тяжелыя условія. Они принуждены были выдать всѣ свои военные корабли, выплатить извѣстную сумму денегъ, срыть укрѣпленія, отказаться отъ всякихъ притязаній на владѣнія на твердой землѣ и уплачивать ежегодную дань.

Въ то время какъ Кимонъ сражался съ тазосцами, въ Аѳинахъ въ первый разъ выступилъ на политическое поприще Периклъ, величайшій изъ государственныхъ людей древне-греческаго міра. Онъ былъ сынъ Ксантиппа, побѣдителя при Микале, и принадлежалъ къ знатному дому Алкмеонидовъ, но въ политикѣ явился приверженцемъ демократической партіи, посредствомъ которой надѣялся достигнуть единовластія. Партія эта, во главѣ которой, вмѣстѣ съ нимъ, стоялъ тогда Эфіальтъ, возвысилась во время отсутствія Кимона и, по возвращеніи его, сочла себя достаточно сильной, чтобъ начать съ нимъ борьбу. Она обвинила передъ народомъ ненавистнаго противника въ томъ, что онъ былъ подкупленъ македонскимъ царемъ, и потому пропустилъ случай завоевать эту страну. Но значеніе Кимона было утверждено такъ прочно, что достаточно было нѣсколькихъ словъ его, чтобъ обвиненіе тотчасъ же было отвергнуто народомъ. Кимонъ успѣлъ даже склонить аѳинянъ поддержать спартанцевъ, сильно стѣсненныхъ въ борьбѣ съ гелотами.

Въ 464 г. страшное землетрясеніе подвергло Спарту величайшей опасности и вызвало возстаніегелотовъ. Землетрясеніе произо-

шло въ обѣденную пору; оно оторвало цѣлыя скалы отъ Тайгетской горы и разрушило почти всѣ дома въ Спартѣ. Многіе молодые люди, принадлежавшіе къ лучшимъ спартанскимъ фамиліямъ, были убиты развалинами зданія, въ которомъ они занимались тогда гимнастикой, а общее число людей погибшихъ въ Спартѣ, простиралось, говорятъ, до двадцати тысячъ. Гелоты тотчасъ же воспользовались катастрофою и всеобщимъ смятеніемъ, перерѣзали господъ своихъ, овладѣли городомъ и всею страною. Каждый думалъ только о собственномъ спасеніи, потому имъ, можетъ быть, и удалось бы достигнуть цѣли, если бы царь Архидамъ II наскоро не собралъ вокругъ себя нѣсколькихъ людей и звукомъ боевой трубы не призвалъ спартанцевъ къ оружію. Привыкшіе къ строгому военному послушанію, спартанцы по данному сигналу тотчасъ вооружились, собрались на рынкѣ и построились въ боевой порядокъ. Гелоты не могли рѣшиться на бой съ регулярнымъ войскомъ и въ безпорядкѣ бросились вонъ изъ города. Они удалились въ плоскую часть страны, призвали собратій по несчастію къ поголовному возстанію, овладѣли мессенской горной крѣпостью Итомой, снова укрѣпили ее и рѣшились тутъ защищаться противъ спартанцевъ. Такъ какъ большинство возставшихъ принадлежало къ потомству несчастныхъ мессенцевъ, то борьбу эту обыкновенно называютъ третьей Мессенской войной. Она продолжалась десять лѣтъ (съ 464 до 454 г. до р. Х.) и поставила спартанцевъ въ большое затрудненіе. Они успѣли очень скоро вытѣснить гелотовъ изъ равнины и принудили ихъ сосредоточиться въ одной только Итомѣ, но никакъ не могли взять ее, потому что никогда не умѣли вести осадной войны. Кромѣ того, они каждую минуту должны были ожидать новаго возстанія со стороны вновь покоренныхъ гелотовъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, безплодно проведенныхъ подъ стѣнами Итомы, они обратились съ просьбою о помощи къ аѳинянамъ, считавшимся самыми искусными изъ всѣхъ грековъ въ осадной войнѣ.

Аѳины не были расположены помогать сильной соперницѣ, и въ особенности демократическая партія старалась всѣми средства-

ми помѣшать этому. Но Кимонъ, вліяніе котораго все еще было очень сильно, успѣлъ склонить народъ согласиться на просьбу спартанцевъ. Кимонъ, подобно всѣмъ греческимъ аристократамъ, былъ поклонникъ спартанскаго устройства, и его симпатія къ этому государству была такъ велика, что онъ даже назвалъ старшаго сына своего Лакедемоніемъ. Сверхъ того, и для политическихъ его плановъ было весьма важно поддержать власть и значеніе греческаго государства, весь бытъ котораго былъ проникнутъ аристократическимъ элементомъ. Самъ Кимонъ былъ выбранъ народомъ предводителемъ вспомогательнаго войска, отправлявшагося въ Мессенію. Но и аѳиняне не подвинули дѣла впередъ, а столкновеніе съ спартанцами только снова возбудило старую родовую вражду между Аѳинами и Спартой. Обѣ арміи стали почти во враждебное отношеніе другъ къ другу, и недовѣрчивость спартанцевъ къ аѳинянамъ дошла наконецъ до того, что они приписывали умыслу послѣднихъ медленный ходъ ихъ осады. Они объявили, наконецъ, аѳинянамъ, что не нуждаются болѣе въ ихъ помощи, и вспомогательное войско возвратилось въ отечество. Въ то же время, однако, спартанцы удержали контингентъ эгинцевъ и фокидцевъ, тоже приславшихъ имъ свои войска. Это оскорбленіе возбудило въ аѳинянахъ сильнѣйшую ненависть къ Спартѣ и естественно должно было ослабить вліяніе Кимона. Тотчасъ же былъ заключенъ союзъ съ аргосцами, родовыми врагами Спарты, которые, воспользовавшись ея стѣсненнымъ положеніемъ, взяли, и разрушили Микены, городъ издавна враждебный Аргосу. Демократическая партія, руководимая Перикломъ, безъ труда низвергла Кимона, изгнаннаго изъ Аѳинъ остракизмомъ, тотчасъ послѣ возвращенія изъ Мессеніи (461 до р. Х.) Мессенская война продолжалась еще семь лѣтъ и спартанцы были наконецъ принуждены согласиться на заключеніе договора, по которому возставшимъ гелотамъ предоставлялось право безпрепятственно удалиться изъ Пелопоннеса. Аѳиняне очистили мессенскимъ эмигрантамъ городъ Навпактъ, незадолго передъ тѣмъ отнятый ими у озолійскихъ локрійцевъ. Мессенцы, основав-

шіе тамъ подъ покровительствомъ Аѳинъ маленькое государство, въ позднѣйшихъ войнахъ между аѳинянами и спартанцами оказали первымъ очень значительныя услуги.

По слѣдамъ Кимона думали идти въ Аѳинахъ Толмидъ и Ѳукидидъ старшій. Но они не имѣли ни его средствъ, ни его талантовъ, а противниками ихъ были очень пылкіе демагоги, какъ напримѣръ Эфіальтъ, Леократъ и Миронидъ. Среди борьбы обѣихъ этихъ партій проложилъ себѣ дорогу великій Периклъ. Онъ преклонялся передъ демократіей, но не потому, чтобы она служила ему цѣлью, а только потому, что хотѣлъ воспользоваться ею какъ простымъ орудіемъ. Демократы одолѣли противниковъ и одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ ими въ это время, было почти совершенное уничтоженіе послѣдняго аристократическаго элемента, державшагося еще въ аѳинскмъ устройствѣ. Въ самый годъ удаленія Кимона, Эфіальтъ, тайно поддерживаемый Перикломъ, предложилъ отнять у ареопага такую значительную долю его прежней власти и значенія, что за нимъ почти не оставалось никакихъ прежнихъ правъ. Ареопагъ былъ лишенъ всякой дѣятельности, кромѣ судебной, и даже она была отчасти стѣснена. Только послѣ пелопоннесской войны было возстановлено его прежнее значеніе.

Аѳины достигли въ это время высшей степени могущества, тѣмъ болѣе, что тогда же (около 460 г.), была перенесена изъ Делоса въ Аѳины союзная казна, и аѳиняне стали считать ее своею собственностью, а союзниковъ своими подданными. Чтобы поддерживать въ дѣятельности и увеличивать свои военныя силы, они продолжали, какъ и во времена Кимона, держаться завоевательной политики. Прежде всего они снарядили двѣсти военныхъ кораблей, чтобъ отнять у персовъ богатый островъ Кипръ. Но едва корабли эти успѣли прибыть къ мѣсту назначенія, какъ аѳинянамъ открылась новое поприще для завоевательныхъ плановъ. Около этого времени сбросили съ себя персидское иго египтяне, предводительствуемые Инаромъ, стоявшимъ во главѣ нѣскольких африканскихъ племенъ, и чтобы удержать свободу обратились къ помощи аѳинянъ. Въ

Аѳинахъ просьбу Инара приняли охотно, и флоту было приказано направиться изъ Кипра прямо въ Египетъ. Союзныя войска аѳинянъ и египтянъ успѣли нанести полное пораженіе спѣшившей на усмиреніе Египта персидской арміи. Побѣжденные отступили къ Мемфису. Двѣ трети города было вскорѣ отнято у нихъ; но они продолжали упорно держаться въ остальной части.

Между тѣмъ и въ собственной Греціи Аѳины вмѣшались въ новую войну. Жители Мегары поссорились съ коринѳянами по какимъ то пограничнымъ дѣламъ, отпали отъ пелопоннесскаго союза и просили помощи у аѳинянъ. Между обоими государствами былъ заключенъ союзъ и Аѳины послали въ Мегару свой гарнизонъ. Вслѣдствіе этого между аѳинянами и коринѳянами вспыхнула война, въ которой приняла также участіе Эгина, какъ союзница послѣднихъ. Аѳиняне, подъ начальствомъ Миронида, разбили коринѳянъ; вслѣдъ за тѣмъ ихъ войско, предводительствуемое Леократомъ, заперло эгинцевъ въ ихъ столицѣ и наконецъ (456) принудило ихъ сдаться на капитуляцію, подъ условіями выдать свои военные корабли, срыть укрѣпленія и платить ежегодную дань. Спартанцы, ослабленные несчастіями, происшедшими отъ землетрясенія, и все еще занятые борьбой съ мессенскими гелотами, не принимали сначала никакого участія въ этомъ дѣлѣ; но вскорѣ случай вызвалъ открытую войну между ними и аѳинянами. Когда фокійцы вдругъ напали на жителей Дориды, спартанцы поспѣшили на помощь соплеменникамъ и выгнали фокійцевъ изъ Дориды. Возвращаясь въ Пелопоннесъ, они воспользовались пребываніемъ своимъ въ Беотіи, и помогли ѳиванцамъ достигнуть господства надъ другими тамошними городами; а взамѣнъ этой помощи пріобрѣли въ нихъ сильныхъ союзниковъ противъ Аѳинъ. Слѣдствіемъ этого была война, начавшаяся въ 457 году, въ которой ѳиванцы явились союзниками Спарты, а ѳессалійцы и аргосцы союзниками Аѳинъ. При Танагрѣ, въ Беотіи, гдѣ встрѣтились войска противниковъ, аѳиняне потерпѣли пораженіе, ближайшимъ и важнѣйшимъ послѣдствіемъ котораго было возвращеніе Кимона.

Передъ сраженіемъ Кимонъ, какъ нѣкогда Аристидъ при Саламинѣ, поспѣшилъ къ аѳинской арміи, чтобы сражаться въ ея рядахъ. Предложеніе его не было принято, но, уѣзжая, онъ умолялъ друзей своихъ въ арміи, бывшихъ, также какъ и онъ, въ недовѣріи за аристократическій образъ мыслей, чтобы они мужествомъ въ бою спасли честь партіи. Друзья его поклялись другъ другу умереть скорѣе чѣмъ бѣжать, и всѣ погибли въ битвѣ смертью героевъ. Эта любовь къ родинѣ, такъ блистательно доказанная на дѣлѣ, должна была возвысить значеніе Кимона и его партіи тѣмъ болѣе, что понесенное пораженіе уменьшило довѣріе народа къ демократическимъ правителямъ Аѳинъ. Самъ Периклъ теперь предложилъ для спасенія Аѳинъ призвать Кимона, и народъ тотчасъ же утвердилъ это предложеніе.

Война продолжалась семь лѣтъ (до 450 г.) и большей частью была ведена съ перевѣсомъ на сторонѣ Аѳинъ. Черезъ шестьдесятъ два дня послѣ битвы при Танагрѣ, Миронидъ смылъ стыдъ пораженія блистательной побѣдою, одержанной имъ надъ беотійцами при Энофитѣ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ принудилъ всѣ города Беотіи, за исключеніемъ Ѳивъ, фокидцевъ и опунтскихъ локрійцевъ, ввести у себя демократическое устройство и приступить къ аѳинскому союзу. Толмидъ и Периклъ производили высадки въ различныхъ мѣстахъ Пелопоннеса и разорили тамъ много приморскихъ городовъ и верфей спартанскихъ союзниковъ. Спартанцы всю эту войну вели какъ то вяло, но при всемъ томъ было очень трудно склонить ихъ прекратить непріязненныя дѣйствія. Кимонъ тотчасъ послѣ возвращенія сталъ хлопотать о заключеніи мира и о направленіи аѳинскихъ силъ противъ Персіи; но ему удалось примирить Спарту съ Аѳинами только послѣ трехлѣтнихъ переговоровъ. Наконецъ было заключено перемиріе на пять лѣтъ.

Тогда немедленно былъ снаряженъ флотъ и отправленъ подъ начальствомъ Кимона въ Египетъ, гдѣ персы успѣли между тѣмъ побѣдить соединенныя войска аѳинянъ и Инара. Персидскій полководецъ, Мегабазъ, явился въ Египетъ съ большой арміей, раз-

билъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ войска инсургентовъ и ихъ союзниковъ и, такимъ образомъ, совершенно подавилъ возстаніе. Предводитель его Инаръ попался въ плѣнъ и былъ распятъ. Изъ вспомогательнаго отряда аѳинянъ только незначительная часть спаслась въ греческой колоніи Киренѣ; а пятьдесятъ военныхъ кораблей, посланныхъ Аѳинами въ Египетъ, почти всѣ были пущены ко дну близъ египетскихъ береговъ или захвачены въ плѣнъ. Такъ кончилось, послѣ шестилѣтней борьбы, египетское возстаніе, и такова была развязка похода, предпринятаго аѳинянами для его поддержанія (455 г.). До перемирія съ Спартой, Аѳины не могли и думать о возстановленіи своей чести въ Египтѣ. Но когда вслѣдъ затѣмъ Кимонъ съ двумя стами кораблей возобновилъ войну противъ персовъ нападеніемъ на Кипръ, онъ тотчасъ же отправилъ шестьдесятъ кораблей въ Египетъ. Тамъ одинъ изъ предводителей возстанія, Амиртей, все еще держался въ болотахъ дельты, и Кимонъ хотѣлъ, такимъ образомъ, отвлечь вниманіе непріятеля отъ Кипра и раздѣлить его силы. Смерть Кимона, послѣдовавшая черезъ годъ послѣ начала войны (449), не позволила аѳинянамъ достигнуть главной цѣли экспедиціи, т. е. завоеванія Кипра; но, до возвращенія въ Аѳины, флотъ ихъ одержалъ еще одну побѣду недалеко отъ кипрскаго города Саламина. Недостатокъ продовольствія заставилъ аѳинянъ снять осаду Китія, во время которой Кимонъ заболѣлъ и умеръ. На высотѣ Саламина персидскій флотъ напалъ на ихъ корабли, но потерпѣлъ полное пораженіе. Въ тоже самое время аѳинскія войска, неуспѣвшія еще сѣсть на суда, одержали на сосѣднемъ берегу побѣду надъ сухопутными силами персовъ. Затѣмъ аѳиняне поплыли домой, вмѣстѣ съ эскадрой, посланной Кимономъ въ Египетъ. По одному (весьма неправдоподобному) преданію Кимонъ, говорятъ, умирая, приказалъ предводителямъ грековъ скрывать смерть его до слѣдующаго сраженія, чтобы не привести войска въ уныніе. Такимъ образомъ вышло, что онъ и мертвый одержалъ побѣду.

Нѣкоторые историки древности пишутъ, что Кимонъ еще при

жизни принудилъ персовъ къ заключенію формальнаго мира, называемаго ими Кимоновымъ. Другіе писатели относятъ этотъ миръ къ 469 году и выставляютъ его результатомъ сраженіе при Эвримедонѣ. По условіямъ его, персы обязались признать независимость всѣхъ мало-азійскихъ грековъ, не держать арміи въ разстояніи трехъ дней пути отъ западнаго берега и не приближать на такое же разстояніе къ этому берегу своихъ военныхъ кораблей. Но достовѣрнѣйшіе историки Греціи ничего не говорятъ отъ этомъ мирѣ, а всѣ извѣстія о событіяхъ ближайшаго затѣмъ времени положительно доказываютъ, что война между Персіей и Греціей не прерывалась, что персидскій царь никогда не переставалъ считать всю Малую-Азію со всѣми ея греческими городами страной ему подвластной и обязанной давать дань, и что даже тотчасъ послѣ смерти Кимона часть этихъ городовъ платила персидскому правительству наложенную на нихъ подать. Въ новѣйшее время тщательныя изысканія положительно доказали, что ни послѣ Эвримедонскаго сраженія, ни во времена ближайшія къ смерти Кимона, греки не заключали съ персами никакого мира. Писатели, разсказывавшіе объ этомъ мирѣ, впали въ свою ошибку потому, что персы вслѣдствіе успѣховъ Кимона были надолго вытѣснены изъ греческихъ морей.

6. Периклъ и Аѳины.

По смерти Кимона во главѣ Аѳинскаго государства сталъ Периклъ, долгое время управлявшій народомъ почти какъ неограниченный государь, не смотря на то, что аѳинское устройство перешло тогда въ самую необузданную и безпорядочную демократію. Исторія этого величайшаго изъ аѳинскихъ государственныхъ людей требуетъ болѣе подробнаго изложенія.

Периклъ, сынъ Ксантиппа, принадлежалъ къ богатой и знатной фамиліи Алкмеонидовъ и такъ напоминалъ своею наружностью знаменитаго по красотѣ своей Писистрата, что уже однимъ этимъ

расположилъ въ свою пользу всѣхъ аѳинскихъ демократовъ. Его обширныя природныя дарованія, развитыя превосходнымъ воспитаніемъ, дополненнымъ въ зрѣлыхъ годахъ, сдѣлали его образованнѣйшимъ человѣкомъ того времени. Готовясь къ вступленію на политическое поприще, онъ старался путемъ философіи достигнуть глубокаго пониманія религіи и всего человѣческаго, и кромѣ того занимался искусствами, изученіемъ краснорѣчія и государственныхъ наукъ. Фидій, величайшій скульпторъ Греціи, Дамонъ, одинъ изъ лучшихъ учителей краснорѣчія, философъ Анаксагоръ и другія лица, прославившіяся блистательными дарованіями, были его друзьями и постоянно оставались съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Въ позднѣйшее время жизни Перикла, къ кругу его друзей присоединилась Аспазія, уроженка Милета, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ древняго міра. Она была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя у грековъ назывались гетерами, т. е. подругами, и со временъ Перикла стали пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Греческія женщины не принимали никакого участія въ политическихъ стремленіяхъ и общественныхъ дѣлахъ мущинъ; по господствовавшимъ тогда понятіямъ о приличіи и женской нравственности, онѣ жили вообще въ такомъ удаленіи отъ свѣта, что почти не выходили изъ дому, появляясь только на похоронахъ и на нѣкоторыхъ религіозныхъ торжествахъ. Поэтому, онѣ значительно отстали отъ мущинъ и въ образованіи; а это, при развитіи цивилизаціи, дало большое значеніе такъ называемымъ гетерамъ, которыя, вопреки обычаю, знакомились съ мущинами и отличались тонкостью обращенія, умомъ и образованіемъ. Впослѣдствіи всѣ онѣ предались разврату, но во времена Перикла, по крайней мѣрѣ, большинству изъ нихъ никакъ нельзя было сдѣлать этого упрека. Всѣ аѳинскія гетеры были иностранки, потому что законъ и общественное мнѣніе не позволяли гражданкамъ вести такой образъ жизни. Своими блестящими личными свойствами гетеры въ особенности привлекали къ себѣ людей высоко-поставленныхъ и

развитыхъ, которые, вслѣдствіе воспитанія и общественнаго положенія гражданокъ, не имѣли возможности пользоваться порядочнымъ женскимъ обществомъ. Аспазія была самой знаменитой изъ аѳинскихъ гетеръ. Въ числѣ друзей ея находились замѣчательнѣйшіе люди Аѳинъ того времени, и между прочими даже философъ Сократъ, признававшійся, что знакомство съ ней много помогло его развитію. Периклъ также проводилъ время, свободное отъ занятій, преимущественно въ ея обществѣ и впослѣдствіи, разведясь съ своей первой женой, женился на ней.

Краснорѣчіемъ, составлявшимъ одно изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ достоинствъ государственнаго человѣка въ республикахъ древняго міра, Периклъ такъ далеко превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, что его прозвали олимпійскимъ за способность прекрасно говорить и вообще за политическія дарованія. Про него говорили, что слова его напоминаютъ собою молнію и громъ и такъ же поражаютъ какъ они. Периклъ принадлежалъ къ ораторамъ, заботившимся только о содержаніи, а не о формѣ рѣчи. Краснорѣчіе его было основано на высокомъ философскомъ развитіи и на глубокомъ знаніи человѣческой натуры, и хотя онъ не пренебрегалъ искусственными средствами убѣжденія, но никогда не подлаживался подъ образъ мыслей своихъ слушателей простолюдиновъ, а, напротивъ, постоянно старался поднять ихъ до своего уровня.

Принадлежа по рожденію къ аристократіи, онъ, при вступленіи на политическое поприще, не иначе могъ обратить на себя общее вниманіе, какъ являясь сторонникомъ демократіи, потому что аристократическая партія уже имѣла вождей въ Кимонѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Но демократія служила ему не цѣлью, а только средствомъ. Способствуя необузданности демократіи или, по крайней мѣрѣ, допуская другихъ довести ее до крайнихъ предѣловъ развитія, онъ хотѣлъ дать народу безграничную власть только для того, чтобы черезъ него самому сдѣлаться неограниченнымъ правителемъ государства. Этой цѣли онъ достигъ вполнѣ. Хотя въ Аѳинахъ и установилось самое крайнее демократическое устрой-

ство, но Периклъ до послѣдняго дня своей жизни оставался властителемъ въ полномъ смыслѣ этого слова и производилъ на непослушнѣйшій въ мірѣ народъ такое же чарующее дѣйствіе, какъ Наполеонъ на свою, обезумѣвшую отъ славы, армію. Онъ умѣлъ сдѣлать власть свою до такой степени необходимой, что впослѣдствіи могъ часто сбрасывать маску популярности, порицать народъ, грозить ему и даже играть отчасти роль монарха, не возбуждая демократической ревности аѳинянъ и не подвергаясь опасности со стороны своихъ многочисленныхъ враговъ.

Средства, которыми Периклъ пріобрѣлъ и упрочилъ за собою это положеніе, были такъ искусно выбраны и такъ разнообразны, какъ ихъ умѣютъ подбирать и разнообразить только люди съ величайшими дарованіями. Онъ былъ такъ благоразуменъ, что прежде чѣмъ успѣлъ упрочить за собой расположеніе народа, никогда не выступалъ на сцену какъ настоящій глава партіи, и для достиженія власти никогда не прибѣгалъ къ незаконнымъ средствамъ, какъ многіе другіе. Периклъ былъ строго неподкупенъ и чрезвычайно добросовѣстенъ въ управленіи государственною казною. Средства, которыя онъ отъ времени до времени употреблялъ для упроченія своего владычества, были всегда принаровлены къ обстоятельствамъ и характеру аѳинскаго народа. Онъ содѣйствовалъ основанію новыхъ колоній, чтобы обезпечить существованіе тысячамъ бѣдныхъ гражданъ, устроивалъ на государственный счетъ раздачу хлѣба и производилъ большія постройки, чѣмъ украшалъ городъ и возвышалъ свое значеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ доставлялъ занятіе и пропитаніе толпамъ рабочихъ и художниковъ. Точно также онъ установилъ много новыхъ празднествъ и увеличилъ блескъ прежнихъ, отчасти для того, чтобы этимъ блескомъ и публичными пиршествами привязать къ себѣ гражданъ, отчасти же съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать ихъ развитію поучительными и возвышенными удовольствіями. Послѣднее обстоятельство имѣло особенную важность въ Аѳинахъ. При высокой степени образованности тамошнихъ гражданъ и огромномъ значеніи искусствъ и литературы у всѣхъ пле-

27 *

менъ греческой націи и при существовавшей во всемъ греческомъ мірѣ тѣсной связи между этою стороною человѣческой жизни, государствомъ и его цѣлями — устройство празднествъ и зрѣлищъ имѣло въ Аѳинахъ такое же значеніе, какъ въ большихъ столицахъ нашего времени забота о дешевизнѣ хлѣба. Потому-то Периклъ и устроилъ такъ называемый т е о р и к о н ъ, т. е. особенную кассу, изъ которой бѣднѣйшимъ гражданамъ выдавались деньги на входъ въ театръ. Жажда зрѣлищъ, любовь къ искусству и страсть къ наслажденіямъ были у аѳинянъ такъ сильны, что вскорѣ послѣ Перикла, для увеличенія блеска празднествъ, стали употреблять, сверхъ суммъ этой кассы, и другіе государственные доходы, имѣвшіе иное назначеніе; былъ даже изданъ законъ, грозившій смертною казнью тому, кто предложитъ воспользоваться суммами теорикона для военныхъ издержекъ.

Периклъ ввелъ также раздачу жалованья судьямъ. По его предложенію всѣ граждане, выбранные въ судьи, стали получать за каждое засѣданіе по одному оболу (три коп. сер.), а можетъ быть и по три, потому что неизвѣстно, Периклъ ли ввелъ эту тройную плату или она была установлена чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ него. Какъ сильно должна была подобная мѣра расположить въ пользу Перикла бѣднѣйшихъ гражданъ изъ числа шести тысячъ ежегодно выбиравшихся въ судьи, можно судить уже потому, что въ Аѳинахъ, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, семейный человѣкъ могъ въ то время содержать себя и семью свою на 100 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, три обола удовлетворяли насущнымъ потребностямъ бѣднаго гражданина. Установленіе платы за участіе въ народномъ собраніи также приписываютъ Периклу. Плата эта была однако незначительна (не болѣе одного обола), и выдавалась каждому члену народнаго собранія, являвшемуся за ея полученіемъ. Только въ 393 г. до р. Х. ее возвысили до трехъ оболовъ. Эта мѣра также привлекла къ Периклу нѣсколько тысячъ бѣдныхъ гражданъ; но она имѣла результатомъ своимъ то, что почти всѣ эти бѣдные граждане стали являться въ каждое народное собра-

ніе и вслѣдствіе этого правосудіе, законодательство и управленіе государствомъ перешли къ людямъ необразованнымъ, бывшимъ слѣпыми орудіями каждаго кто умѣлъ повелѣвать ими.

Периклъ расположилъ къ себѣ народъ еще нѣсколькими подобными мѣрами. Онъ провелъ законъ о томъ, чтобы государство давало жалованье и продовольствіе гражданамъ служащимъ въ войскѣ, между тѣмъ какъ прежде служба эта отправлялась безплатно. Жалованье гоплита, т. е. тяжело-вооруженнаго, никогда не было ниже двухъ оболовъ и столько же получалъ онъ на свое продовольствіе. Низшіе начальники получали вдвое, а всадники втрое болѣе. Если вспомнить, что цѣнность денегъ была тогда въ шесть или восемь разъ выше чѣмъ теперь, то легко понять, что въ то время одна война давала тысячамъ гражданъ средства жить не хуже нашихъ чиновниковъ средней руки. Периклъ постоянно заботился о томъ, чтобы флотъ по крайней мѣрѣ изъ шестидесяти аѳинскихъ кораблей ежегодно выходилъ въ море, что опять таки давало ему возможность въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году содержать на счетъ казны множество гражданъ, которыхъ онъ не могъ занять и прокормить общественными работами. Наконецъ разныя военныя предпріятія также помогали ему обогащать гражданъ добычей и грабежомъ. Это средство обогащенія, введенное въ употребленіе Кимономъ, было еще болѣе развито Перикломъ.

Всѣ эти мѣры должны были привести аѳинянъ къ гибели, когда, со смертью Перикла, они лишились разумнаго руководителя. Но ему онѣ дали возможность осуществить то, что было не по силамъ даже могущественнѣйшимъ государямъ. Онъ не только поставилъ аѳинянъ въ безусловную зависимость отъ себя, но и далъ жизни ихъ такой характеръ, искусству — такой блескъ, наукѣ — такое благородство, что впослѣдствіи даже гордые римляне должны были признать превосходство аѳинянъ въ этомъ отношеніи. Смѣло можно сказать, что въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за смертію Перикла, самый простой аѳинянинъ по своему изяществу, художественному вкусу и внѣшней изысканности не уступалъ обра-

зованнѣйшимъ людямъ всѣхъ вѣковъ. Периклъ поставилъ искусство и науку въ ряду существенныхъ элементовъ жизни демократическихъ Аѳинъ, распространилъ высшую образованность во всей массѣ своихъ согражданъ и сдѣлалъ Аѳины блистательнѣйшимъ городомъ, мѣстомъ процвѣтанія всѣхъ искусствъ и промышленности и средоточіемъ умственной жизни Греціи. Каждый аѳинянинъ, безъ исключенія, занимался искусствами и долженъ былъ заниматься ими, потому что о нихъ шла рѣчь вездѣ, гдѣ собирались граждане: на рынкѣ, въ цирульняхъ, въ лавкахъ, въ портикахъ и публичныхъ садахъ. Онъ долженъ былъ заниматься ими еще и потому, что изъ двадцати гражданъ по крайней мѣрѣ трое имѣли внѣшнее, дѣловое отношеніе къ той или другой отрасли искусствъ. Грамматика и діалектика, т. е. наука писать и разсуждать, точно также имѣли огромное значеніе въ обыденной жизни аѳинянъ. Каждому могла ежеминутно встрѣтиться надобность отдать отчетъ въ запутаннѣйшемъ дѣлѣ, и каждый слышалъ въ судахъ и въ народномъ собраніи превосходныя рѣчи. Чтобы развить себя аѳинскій гражданинъ не нуждался ни въ трудномъ изученіи, ни въ чужомъ языкѣ; его достаточно развивали площадь, ежедневныя занятія и суды, т. е. обстоятельства непосредственно связанныя съ его бытомъ, — самая жизнь его. Удивительно ли, что каждый аѳинянинъ временъ Перикла могъ считать себя лучшимъ судьей въ искусствѣ, поэзіи и краснорѣчіи, чѣмъ ученѣйшіе знатоки всякой другой эпохи?

При Периклѣ, и преимущественно благодаря ему, Аѳины стали господствующимъ и дающимъ направленіе государствомъ въ Греціи, и притомъ не только по внѣшнему своему положенію и могуществу, но и въ отношеніи искусствъ, науки, промышленности и образа жизни. Все, что до тѣхъ поръ въ разрозненномъ и нестройномъ видѣ выработалось въ греческомъ народѣ, сгруппировалось тогда въ Аѳинахъ. Аѳины стали образцовымъ выраженіемъ истинно-греческаго быта; тамъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась вся духовная жизнь даровитѣйшей въ мірѣ націи, и уже оттуда свѣтлые лучи ея распространились по всей Греціи, за исключеніемъ Спарты и Беотіи.

Внѣшними причинами, способствовавшими высокому развитію и громадному значенію аѳинянъ, были богатство, стекавшееся въ ихъ городъ, возможность скоро найти себѣ работу и дешевизна жизни. Аѳины были въ то время первымъ торговымъ городомъ и главою обширнаго государства. Они сдѣлались средоточіемъ сношеній и правительственнымъ центромъ населенія почти въ 15 милліоновъ. Между государствами подвластными Аѳинамъ было нѣсколько далеко превосходившихъ ихъ числомъ своихъ жителей. Аѳиняне основали въ различныхъ странахъ множество колоній и завоевали обширныя пространства земли. Кромѣ того, они стояли въ главѣ обширнаго союза греческихъ государствъ, которыми повелѣвали какъ своими подданными. Союзную казну они считали капиталомъ, принадлежащимъ не тѣмъ, кто платитъ подати, а тѣмъ, кто ихъ собираетъ и распоряжается ими; Периклъ однажды прямо высказалъ эту мысль въ народномъ собраніи. Наконецъ, во времена Перикла почти всѣ союзныя государства мало-по-малу потеряли даже право собственнаго суда и были принуждены подвергать всѣ свои тяжбы разсмотрѣнію аѳинскихъ судовъ. Только Хіосъ и лидійскій городъ Метимна отстояли свою независимость, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи.

Цифра доходовъ Аѳинскаго государства неизвѣстна, но ее можно приблизительно опредѣлить по нѣкоторымъ отдѣльнымъ статьямъ, и по тому обстоятельству, что, не смотря на большія суммы, истраченныя на постройки, художественныя произведенія, празднества и сценическія представленія, аѳиняне могли, въ эпоху вообще бѣдную деньгами, составить значительный капиталъ изъ излишка своихъ доходовъ. Одни союзники платили около тысячи талантовъ (около 1.500,000 р. сер.) податей. Увеличивъ эту цифру въ шесть или восемь разъ, сообразно тогдашней цѣнности денегъ, окажется, что уже одна эта статья дохода давала сумму, превышавшую доходы многихъ государствъ Германскаго союза. Богатство Аѳинскаго государства было такъ велико, что, не смотря на всѣ издержки, Периклу удалось въ нѣсколько лѣтъ составить запасный

капиталъ въ восемь тысячъ талантовъ (10.000,000 руб. сер.), т. е. отъ 60 до 80 милліоновъ, если взять въ разсчетъ нынѣшнюю стоимость денегъ. Богатство гражданъ также чрезвычайно увеличилось. Во времена Солона состояніе въ семь талантовъ (9,000 р. сер.) считалось очень большимъ, а при Периклѣ были граждане, владѣвшіе, какъ напримѣръ знаменитый Никій, сотней талантовъ и державшіе до тысячи рабовъ въ своихъ рудникахъ. Нѣкто Каллій, человѣкъ, прославившійся своимъ богатствомъ, имѣлъ такое состояніе, что могъ заплатить возложенную на него пеню въ пятьдесятъ талантовъ (72,000 руб. сер.). Родовое имущество Алкивіада считаютъ также болѣе чѣмъ въ сто талантовъ. Ко всему этому нужно еще прибавить, что во времена Перикла жизнь вообще была очень дешева, а способы пріобрѣтенія легки и разнообразны. Потому-то аѳинянинъ, безъ значительнаго ущерба для своихъ домашнихъ дѣлъ, могъ посвящать бо́льшую часть своего времени искусствамъ, философскимъ бесѣдамъ и другимъ умственнымъ наслажденіямъ.

Громадное могущество и богатство Аѳинъ имѣли впрочемъ и весьма вредныя послѣдствія. Уже одно военное жалованье могло обогатить гражданина, потому что во времена Перикла полное ежедневное содержаніе всадника составляло двѣнадцать оболовъ (36 коп. сер.), тогда какъ количество хлѣба, нужное для дневнаго пропитанія человѣка, стоило въ тридцать два раза менѣе. Это обстоятельство и легкость заработыванія денегъ вообще имѣли слѣдствіемъ наполненіе города и всего края знатными праздношатающимися. Возникшее неравенство состояній, въ связи съ самымъ полнымъ владычествомъ народа, имѣло слѣдствіемъ страшный деспотизмъ худшей части богатыхъ надъ бѣдными, между тѣмъ какъ, напротивъ, благороднѣйшіе и лучшіе изъ богатыхъ людей были постоянными предметами преслѣдованія толпы. Еще въ началѣ Персидскихъ войнъ остатки старой аристократіи пользовались уваженіемъ и держали остальныхъ гражданъ въ почтительномъ отдаленіи отъ себя. Теперь же, когда демократизмъ проникъ во всѣ жилы

націи, установилась, напротивъ того, настоящая тираннія простаго народа. Высокомѣріе богатыхъ вышло изъ всякихъ границъ и имѣло пагубное вліяніе на управленіе и нравы. Въ республикѣ, также какъ и въ монархіи, все идетъ хорошо только тогда, когда выше всего стоитъ законъ. Но когда государственное устройство становится охлократіей, т. е. владычествомъ простаго народа, тогда, также какъ и въ деспотіи, страсти, ненависть партій и суевѣріе берутъ верхъ надъ всякимъ правомъ. А если къ этому присоединяется еще гибельное вліяніе богатства и роскоши, то уже не остается ничего святаго и все приносится въ жертву властолюбію и жадности отдѣльныхъ лицъ и партій. Конечно такой порядокъ вещей будитъ и оживляетъ также всѣ силы ума: вмѣстѣ со страстями являются и развиваются и таланты. Поэтому аѳинская община все еще составляла совершеннѣйшую противоположность съ монархіями Востока, гдѣ счастіе каждаго зависитъ отъ личности одного, управляющаго всѣмъ государственнымъ механизмомъ и произвольно разрѣшающаго всякій споръ. Въ Аѳинахъ, напротивъ того, состояніе государства было результатомъ самостоятельныхъ стремленій всѣхъ отдѣльныхъ личностей, ихъ взаимно поощряющихъ и умѣряющихъ другъ друга достоинствъ и пороковъ, и всѣми вмѣстѣ установленнаго закона. Впрочемъ лучшая часть аѳинянъ естественно не имѣла симпатіи къ демократіи, обратившейся въ настоящую тираннію, и стремилась, хотя и напрасно, къ установленію аристократіи въ прежнемъ, хорошемъ смыслѣ этого слова. Это видно и въ твореніяхъ лучшихъ писателей того времени: Ѳукидида, Аристофана и Платона, которые впрочемъ не впадаютъ въ ошибку историка Ксенофонта, тоже аристократа по убѣжденіямъ, считавшаго спартанскую олигархію установленіемъ, достойнымъ желаній Аѳинъ.

Богатство и необыкновенно увеличившіеся денежные обороты Аѳинъ были особенно вредны, какъ имъ самимъ, такъ и всей Греціи вообще, потому что вызвали систему наемныхъ войскъ, начавшую быстро развиваться съ конца пятаго вѣка до рождества

Христова. Расширеніе предѣловъ государства принудило Аѳины принимать въ службу множество наемниковъ, и это обстоятельство сдѣлалось столь же пагубнымъ для государства и его финансовъ, какъ для голландцевъ ихъ владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта и какъ, рано или поздно, станетъ пагубно для англичанъ ихъ владычество въ Индіи. Прежде въ наемники шли только критяне и аркадцы, теперь же аѳинское золото сдѣлало военную службу выгоднѣйшимъ ремесломъ и превратило Грецію въ военную школу. Уже въ концѣ пелопоннесской войны аѳинскіе граждане находили, что нанимать войска выгоднѣе, чѣмъ служить самимъ. Богатѣйшіе изъ нихъ продолжали еще записываться въ число всадниковъ, но вмѣсто себя ставили наемниковъ. Флотъ былъ также снабжаемъ наемными матросами, которые толпами переходили къ непріятелю, если онъ предлагалъ имъ высшую плату.

Изъ общаго духа всей аѳинской демократіи, какою она стала въ пятомъ вѣкѣ до р. Х., развилось особенное финансовое учрежденіе, совершенно чуждое государствамъ новѣйшаго времени, такъ называемыя литургіи, существовавшія и въ прежнее время, но получившія полное развитіе только съ окончательнымъ установленіемъ владычества народа. Словомъ литургія, которое по гречески значитъ служба для общественнаго дѣла, греки означали разныя поставки натурою, падавшія на богатѣйшихъ гражданъ. Въ Аѳинахъ былъ законъ, по которому богатые люди должны были принимать на себя извѣстныя государственныя издержки. Этому особаго рода налогу поочередно подлежали всѣ граждане, имѣвшіе состояніе не ниже трехъ талантовъ (4000 р. сер.); каждый изъ нихъ могъ попасть на очередь не иначе, какъ черезъ годъ. Налогъ этотъ считался не обремененіемъ, а напротивъ почетомъ, и очередной плательщикъ обыкновенно давалъ больше, чѣмъ требовалъ законъ. Посредствомъ литургій всѣ значительныя государственныя издержки были постепенно сложены на однихъ богатыхъ, которые сначала охотно несли обременительное преимущество, потому что оно служило средствомъ пріобрѣтать много

друзей въ самой ревнивой демократіи, не возбуждая неудовольствія, и владѣть большимъ состояніемъ, не навлекая на себя ненависти и преслѣдованій. Но впослѣдствіи это усердіе ослабѣло, и литургіи сдѣлались невыгодны для государства въ томъ отношеніи, что предпріятія его стали замедляться неаккуратностью этихъ поставокъ. Литургіи были двоякаго рода: періодическія и чрезвычайныя. Къ первымъ принадлежали: хорегія, гимнасіархія, гестіасія и архитеорія. Изъ числа послѣднихъ особенно важна тріерархія. Хорегіей называлось снаряженіе хора, необходимаго для театральнаго представленія или какого нибудь общественнаго торжества. Лицо, обязанное взять на себя эту поставку, должно было на свой счетъ нанять и содержать членовъ хора, и на свой же счетъ нарядить и обучить ихъ. Гимнасіархія состояла въ томъ, что богатый гражданинъ долженъ былъ подобнымъ же образомъ заботиться о снаряженіи бойцовъ для праздничныхъ игръ. Гестіасія и архитеорія взымались рѣже. Первая состояла въ томъ, что при извѣстныхъ торжествахъ гражданинъ, на котораго выпадала эта повинность, устроивалъ на свой счетъ пиръ для гражданъ какой нибудь филы. Предметомъ второй было снаряженіе и отправленіе священныхъ посольствъ къ дельфійскому и другимъ священнымъ храмомъ, а также на торжества, совершавшіяся за предѣлами Аттики. Самой разорительной изъ всѣхъ литургій была тріерархія, или обязанность снабдить всѣми необходимыми принадлежностями и поддерживать въ надлежащемъ видѣ военный корабль, выставленный государствомъ. Повинность эта отбывалась только въ теченіе года, по прошествіе котораго плательщикъ былъ два года свободенъ отъ всякой тріерархіи. Въ концѣ пятаго вѣка до рождества Христова порядокъ исполненія тріерархіи былъ измѣненъ въ томъ отношеніи, что бѣднѣйшіе изъ зажиточныхъ гражданъ получили позволеніе отбывать ее вскладчину. Наконецъ, когда въ 357 году число тріерарховъ оказалось недостаточнымъ, принята была слѣдующая мѣра: тысяча двѣсти самыхъ достаточныхъ гражданъ были раздѣлены на двадцать классовъ,

называвшихся симморіями, и имѣвшихъ дальнѣйшія подраздѣленія. Каждое такое подраздѣленіе, заключавшее въ себѣ отъ 5 до 16 человѣкъ, должно было сообща заботиться о снабженіи одного корабля всѣмъ необходимымъ. Во время Пелопоннесской войны, когда погибло очень много кораблей, тріерархіи были причиной разоренія очень многихъ семействъ. Остальныя литургіи обходились гораздо дешевле, и, повторяясь періодически, стоили богатому аѳинянину среднимъ числомъ никакъ не больше пятой части таланта (270 р. сер.) Желаніе блеснуть и отличиться заставляло впрочемъ весьма часто платить больше, чѣмъ требовалъ законъ. Такъ въ 410 году одинъ гражданинъ, взявъ на себя двѣ хорегіи, издержалъ на нихъ почти цѣлый талантъ (около 1,350 р. сер).

Во время Перикла, и преимущественно благодаря ему, Аѳины украсились величественными и прекраснѣйшими произведеніями искусствъ, и въ этомъ отношеніи стали первымъ городомъ въ мірѣ. Всѣ искусства сосредоточились въ Аѳинахъ, и достигли здѣсь высшаго своего развитія. Тамъ жили въ это время цѣлыя толпы художниковъ, изъ которыхъ самыми знаменитыми были: Фидій, величайшій скульпторъ Греціи, Мнесиклъ, Иктинъ и Калликратъ, первые зодчіе своего времени, Полигнотъ и Паррасій, причисляемые къ лучшимъ живописцамъ древности. Важнѣйшими изъ произведеній искусствъ, украсившихъ тогда Аѳины, были статуи и зданія, но зданія только общественныя. До временъ Александра Великаго, греческое зодчество служило исключительно религіознымъ и государственнымъ цѣлямъ. Господствующее стремленіе къ тому, чтобы дать частной жизни возможно удобную и изящную обстановку, развившееся въ зодчествѣ послѣ эпохи Александра, въ то время еще не проявлялось. Вслѣдствіе того жилища частныхъ лицъ въ художественномъ отношеніи такъ отстали отъ общественныхъ зданій, что, напримѣръ, во времена Перикла самые важные граждане имѣли очень тѣсныя жилища, между тѣмъ какъ строившееся въ то время въ Аѳинахъ государственное зданіе Пропилеи стоило около 3 милліоновъ р. Въ Аѳинахъ было тогда по-

строено такъ много прекрасныхъ зданій, что въ этомъ отношеніи они превзошли всѣ остальные греческіе города. Особенно богатъ художественными произведеніями былъ Акрополь или цитадель Аѳинъ.

Изъ зданій, воздвигнутыхъ тогда въ Аѳинахъ, особенно замѣчательны: Парѳенонъ, Пропилеи, Одеонъ и нѣкоторыя стои. Парѳенонъ, главный храмъ Аѳинъ, былъ посвященъ богинѣ Минервѣ, заступницѣ города, и названъ такъ потому, что Минерва, подобно Діанѣ и Вестѣ, оставалась дѣвою, и носила имя Парѳены т. е. дѣвственницы. Этотъ храмъ, весь сложенный изъ мрамора и до сихъ поръ еще довольно хорошо сохранившійся — одно изъ прекраснѣйшихъ зданій въ мірѣ. Онъ находился въ Акрополѣ, и имѣлъ видъ продолговатаго четыреугольника, окруженнаго дорическими колоннами. Построенъ онъ былъ при Периклѣ, зодчими Иктиномъ и Калликратомъ. Работы продолжались съ 448 по 438 годъ. Великій скульпторъ Фидій украсилъ его своими произведеніями. Изъ барельефовъ этого храма многіе сохранились и до нашего времени. Теперь они почти всѣ находятся въ Британскомъ музеѣ, и называются Эльгинскими мраморами, по имени привезшаго ихъ въ Англію лорда Эльгина. Всѣ эти барельефы сдѣланы самимъ Фидіемъ или исполнены его учениками, подъ непосредственнымъ его руководствамъ. Внутри храма стояло одно изъ лучшихъ созданій Фидія, — статуя Минервы, въ тридцать шесть футовъ высотою; статуя эта, уже давно погибшая, была сдѣлана изъ золота и слоновой кости. Золото составляло одежду богини, которая была такъ прилажена, что въ случаѣ нужды ее можно было снять и обратить на государственныя потребности. Стоимость золота, составлявшаго одежду богини, опредѣляютъ въ 750.000 р. сер. Фидій сдѣлалъ еще двѣ другія статуи Минервы или Паллады. Одна изъ нихъ, отлитая изъ бронзы, купленной на десятую часть Мараѳонской добычи, стояла на самомъ верху цитадели и была такъ велика, что

увѣряютъ, будто ея сіяющій шлемъ и копье были видны съ Сунійскаго мыса, отстоящаго на пять миль отъ Аѳинъ.

Имя Пропилеевъ, т. е. передовыхъ дворовъ или залъ, носили, теперь уже совершенно разрушенныя, зданія, посредствомъ которыхъ Периклъ дополнилъ укрѣпленіе Акрополя, начатое Кимономъ. Они строились съ 437 по 433 годъ, зодчимъ Мнесикломъ, состояли изъ нѣсколькихъ соединенныхъ другъ съ другомъ зданій, расположенныхъ на единственной дорогѣ, которая вела въ Акрополь, и составлявшихъ входъ въ цитадель. Пропилеи не были отдѣльно стоящими воротами, въ родѣ напримѣръ Бранденбургскихъ воротъ въ Берлинѣ, построенныхъ по образцу одной части Пропилеевъ, но состояли изъ заключавшаго въ себѣ пять большихъ залъ, мраморнаго портика, къ которому вела великолѣпная лѣстница, и изъ нѣсколькихъ другихъ зданій стоявшихъ впереди по обѣ стороны. Однимъ изъ нихъ была стоя или колоннада (портикъ), стѣна которой была украшена живописью работы Полигнота. Одеономъ называлось зданіе, также построенное во времена Перикла, и назначенное для поэтическихъ и музыкальныхъ состязаній. Видъ его напоминалъ отбитую нѣкогда у персовъ палатку Ксеркса. Крыша его была сложена изъ мачтъ и рей съ захваченныхъ персидскихъ кораблей, такъ что онъ служилъ въ то же время памятникомъ великой борьбы за свободу. Стоями назывались колоннады или портики, открытые къ сторонѣ улицы. Здѣсь, смотря по времени года, можно было найти убѣжище отъ дождя или солнца. Въ Аѳинахъ, какъ и во всѣхъ греческихъ городахъ, было много такихъ портиковъ. Знаменитѣйшій изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ Пекиле, т. е. пестрой залы, потому что внутренная часть его была украшена живописью работы Полигнота и другихъ художниковъ. Картины эти изображали сцены изъ Троянской войны, изъ легендъ о Тезеѣ и изъ эпизодовъ Мараѳонской битвы.

7. Исторія грековъ отъ смерти Кимона до начала Пелопоннесской войны.

Вскорѣ послѣ смерти Кимона, война въ Греціи загорѣлась снова, потому что взаимныя отношенія греческихъ государствъ не допускали прочнаго міра. Аѳины были слишкомъ могущественны и заносчивы, чтобъ жить долго въ мирѣ съ своею соперницею, Спартою. Къ тому же демократическая партія въ Аѳинахъ, для частныхъ своихъ выгодъ, почти постоянно хлопотала о войнѣ. Аѳинскіе аристократы, во главѣ которыхъ стоялъ Ѳукидидъ старшій, употребляли тогда всѣ усилія, чтобы достигнуть преобладанія; но они уступали въ рѣшимости и дарованіяхъ своимъ противникамъ, руководимымъ Перикломъ. Демократы употребляли всѣ средства, которыя только могли привлечь на ихъ сторону народъ; а къ нимъ принадлежали и войны, обогащавшія народъ и льстившія его тщеславію, но тѣмъ самымъ глубоко оскорблявшія и раздражавшія большую часть остальныхъ греческихъ племенъ. Естественно, что, среди такихъ обстоятельствъ, миръ между греками былъ только временнымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Наконецъ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, между двумя главными городами завязалась продолжительная борьба на жизнь и смерть, извѣстная подъ именемъ Пелопоннесской войны, и составляющая одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ исторіи древняго міра.

Черезъ годъ послѣ смерти Кимона (448), споръ между дельфійцами и остальными жителями Фокиды послужилъ поводомъ къ войнѣ между союзниками Аѳинъ и Спарты. Фокидцы требовали, чтобы охраненіе дельфійскаго храма было признано общимъ правомъ всѣхъ жителей страны; дельфійцы, напротивъ, хотѣли удержать это право исключительно за собою. Спартанцы помогли имъ, послали въ Фокиду войска и доставили обладаніе храмомъ дельфійцамъ. Но едва успѣлъ удалиться спартанскій отрядъ, какъ аѳиняне двинули къ Дельфамъ свою армію подъ начальствомъ

Перикла, и передали храмъ фокидцамъ. Спартанцы снесли это насильственное уничтоженіе сдѣланныхъ ими распоряженій, вѣроятно потому, что аѳиняне, владѣя Мегарой, господствовали надъ входомъ въ среднюю Грецію; къ тому же общее положеніе дѣлъ въ Спартѣ было слишкомъ неблагопріятно для рѣшительной борьбы съ Аѳинами. Эту распрю между Фокидой и Дельфами называютъ обыкновенно второй священной войной. Она отличалась отъ другихъ священныхъ войнъ тѣмъ, что союзъ амфиктіоновъ, которому принадлежало рѣшеніе спора, не принялъ въ немъ никакого участія.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ послѣ священной войны, въ Беотіи, Эвбеѣ и Мегарѣ вспыхнули, одно за другимъ, возстанія противъ аѳинскsй гегемоніи. Борьба съ беотійцами была для аѳинянъ несчастна. При Коронеѣ они были разбиты на голову, и потеряли своего предводителя Толмида; это принудило ихъ заключить миръ и признать независимость Беотіи. Другая часть аѳинскаго войска, подъ предводительствомъ Перикла, еще не успѣла кончить борьбы съ мегарянами и эвбейцами, когда Спарта рѣшилась воспользоваться затруднительнымъ положеніямъ аѳинянъ и объявила имъ войну. Спартанская армія подъ начальствомъ молодаго царя Плистонакса, сына Павзанія, къ которому для совѣта былъ приставленъ Клеандридъ, неожиданно появилась въ Аттикѣ и расположилась вблизи Элевзина (446 до р. Х.). Периклъ поспѣшно стянулъ къ этому пункту всѣ силы Аѳинъ, и расположился лагеремъ въ виду спартанской арміи. Дать рѣшительное сраженіе показалось ему, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, слишкомъ смѣлымъ, и онъ повелъ дѣло иначе. Зная, до какой степени большая часть знатныхъ спартанцевъ падка на взятки, онъ рѣшился дѣйствовать этимъ путемъ. Ему дѣйствительно удалось подкупить Клеандрида, и спартанская армія вернулась въ отечество безъ всякихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Клеандридъ вскорѣ бѣжалъ изъ роднаго города и заочно былъ приговоренъ къ смерти; царь Плистонаксъ, не имѣвшій средствъ выпла-

тить наложенной на него пени, также долженъ былъ оставить Спарту. Но испорченнаго дѣла уже нельзя было поправить, — Аѳины успѣли въ это время снова подчинить себѣ Эвбею и сосредоточить свои силы. Сумма, употребленная Перикломъ на взятки, составляла десять талантовъ (14,500 рублей серебромъ). Въ отчетѣ объ издержкахъ, сдѣланныхъ имъ во время командованія арміей, онъ помѣстилъ эту сумму подъ рубрикой; „употреблено на нужныя издержки“ и народъ, слушая чтеніе отчета, пропустилъ безъ малѣйшаго затрудненія столь неопредѣленно выраженную статью. Вотъ примѣръ громаднаго довѣрія, которымъ пользовался Периклъ у недовѣрчивыхъ аѳинянъ. Въ Спартѣ, напротивъ, нравственность государственныхъ людей упала такъ низко, что нѣкоторые историки говорятъ, будто Периклъ, какъ въ новѣйшее время Людовикъ XIV, формально держалъ враговъ своихъ на жалованьи и ежегодно посылалъ имъ въ Спарту десять талантовъ. Периклъ снова подчинилъ возставшихъ эвбейцевъ, и раздѣлилъ часть ихъ владѣній между аѳинскими поселенцами. Исходъ возстанія мегарянъ неизвѣстенъ. Со Спартой, вскорѣ послѣ отступленія ея арміи (446 до р. Х.), было заключено новое перемиріе на тридцать лѣтъ. По условіямъ его, аѳиняне обязались очистить двѣ мегарскія гавани и нѣсколько занятыхъ ими пунктовъ на Пелопоннесѣ.

Вслѣдъ за этимъ перемиріемъ Периклъ достигъ полнаго господства въ Аѳинахъ. Ему удалось изгнать Ѳукидида, единственнаго изъ противниковъ, который могъ до извѣстной степени бороться съ нимъ; аристократическая партія, лишившись способнѣйшаго изъ своихъ дѣятелей, совершенно разсѣялась. Только теперь, освободившись отъ соперниковъ, является Периклъ истинно великимъ. Къ первымъ пяти годамъ перемирія, прошедшимъ безъ открытыхъ столкновеній, относится бóльшая часть тѣхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ великій правитель развилъ аѳинскую демократію, достигъ единовластія, возвелъ городъ на высшую степень процвѣтанія, оживилъ въ душахъ гражданъ гор-

дое чувство собственнаго достоинства, и обезпечилъ бѣдныхъ постройками, военными экспедиціями и колонизаціей.

По прошествіи пяти лѣтъ, оружіе Аѳинъ снова было направлено противъ одного изъ союзныхъ острововъ. Между Милетомъ и Самосомъ вспыхнула ссора. Аѳиняне вступились за милетцевъ и принудили жителей Самоса, гдѣ незадолго передъ тѣмъ одержала верхъ аристократическая партія, снова ввести у себя демократическое правленіе, а въ обезпеченіе своей покорности выдать заложниковъ. Вслѣдствіе того многіе изъ аристократовъ уѣхали съ острова, и просили персидскаго намѣстника въ Сардахъ помочь имъ ниспровергнуть народное владычество въ ихъ отечествѣ. Просьба была исполнена, и, съ помощью персовъ, они овладѣли властью, освободили заложниковъ, отвезенныхъ аѳинянами на Лемносъ, и даже выслали противъ Милета нѣсколько военныхъ кораблей. Узнавъ объ этомъ, Периклъ не медля поплылъ съ аѳинскимъ флотомъ къ Самосу, разбилъ и разсѣялъ высланные противъ Милета корабли самосцевъ, и окружилъ ихъ столицу съ моря и суши. Затѣмъ онъ направился къ карійскому прибрежью, чтобы навести страхъ на стоявшій тамъ персидскій флотъ. Самосцы, воспользовавшись его отсутствіемъ, истребили оставшіеся аѳинскіе корабли, но, не получивъ просимой помощи отъ пелопоннесскаго союза, и слабо поддерживаемые персами, не могли, по возвращеніи Перикла къ Самосу, бороться съ аѳинянами. Послѣ девяти-мѣсячной осады, они были принуждены сдаться, и подверглись той же суровой участи, которую прежде ихъ испытали эгинцы, а позднѣе лесбосцы, мелосцы и другіе отпавшіе отъ Аѳинъ союзники. Часть ихъ острова была опустошена, военные корабли отняты, укрѣпленія срыты; кромѣ того, имъ пришлось уплатить военныя издержки и дать заложниковъ. По возвращеніи флота въ Аѳины, на обычномъ празднествѣ въ честь убитыхъ, Периклъ говорилъ надгробную рѣчь, и слова его возбудили въ слушателяхъ такой энтузіазмъ, что, когда онъ сошелъ съ ораторской трибуны, женщины украсили его вѣнками и лентами, какъ украшали побѣдителей на

общественныхъ играхъ. Одна Эльпиника, сестра Кимона, не высказала Периклу никакого сочувствія, и, проникнувшись духомъ брата, сказала оратору: „Развѣ это подвигъ, развѣ стоитъ вѣнчать тебя за то, что ты повелъ на смерть столькихъ доблестныхъ гражданъ, и побѣдилъ не персовъ, а соплеменныхъ, союзныхъ грековъ?“

Аѳиняне были теперь неограниченными властелинами на морѣ. Ни одно изъ морскихъ государствъ Греціи не могло уже тягаться съ ними. Даже дорійскія колоніи, какъ напримѣръ Византія и Потидея, подчинились имъ и слушались ихъ приказаній; такимъ образомъ вліяніе аѳинянъ распространилось до крайнихъ предѣловъ Чернаго моря. На азіатскомъ берегу этого моря они изгнали синопскаго тиранна изъ его владѣній, и поселили на его земляхъ шестьсотъ аѳинскихъ гражданъ. Подобнымъ же образомъ основали они незадолго передъ тѣмъ колоніи въ Херсонесѣ ѳракійскомъ, недалеко отъ Амиса, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, а въ 444 году до р. Х. возстановили въ Италіи разрушенный Сибарисъ подъ именемъ Турія. Вслѣдствіе такого громаднаго могущества, рѣшительное вліяніе котораго простиралось отъ Кипра и мѣстъ близкихъ къ Кавказу до греческихъ поселеній на западѣ, заносчивость аѳинянъ вышла изъ всякихъ границъ. Масса аѳинскаго населенія совершенно поддалась побужденіямъ тщеславія, властолюбія и впечатлѣніямъ минуты. Аѳиняне стали мечтать о покореніи Сициліи и о подчиненіи этрусковъ и карѳагенянъ,—важнѣйшихъ морскихъ державъ запада. Съ другой стороны ихъ живую фантазію привлекало завоеваніе Египта и береговыхъ областей Персіи. Высокомѣріе безъ сомнѣнія вовлекло бы аѳинянъ въ безумныя предпріятія, если бы ихъ не сдерживали благоразуміе и энергія Перикла, котораго аѳиняне любили и боялись. Великій государственный человѣкъ никогда не упускалъ изъ виду ближайшихъ интересовъ и съ непоколебимою твердостью сопротивлялся всякимъ далекимъ планамъ. Но и ему показалось, что вмѣшательство въ дѣла острова Коркиры дастъ аѳинянамъ возможность значительно

ослабить дорійскій союзъ, и онъ не счелъ себя въ правѣ пропустить такой благопріятный случай. Отсюда возникли разныя несогласія и споры, которые вызвали наконецъ рѣшительную борьбу между Спартой и Аѳинами или такъ называемую Пелопоннесскую войну.

8. Пелопоннесская война до смерти Перикла.

Война государствъ пелопоннесскаго союза съ Аѳинами, которую, по имени первыхъ, и называютъ Пелопоннесской войной, началась въ 431 году до р. Х. и длилась, съ однимъ только небольшимъ перерывомъ, до 404 года. Поводомъ къ ней послужили два обстоятельства: смуты на островѣ Коркирѣ, нынѣшнемъ Корфу, и дѣла македонскаго города Потидеи.

Съ паденіемъ могущества Эгины, республика Коркира, колонія Коринѳа, достигла такой степени процвѣтанія, что флотъ ея сталъ первымъ въ Греціи послѣ аѳинскаго. Онъ одинъ въ цѣлой Греціи могъ сопротивляться морскимъ силамъ аѳинянъ, а въ соединеніи съ флотомъ Коринѳа вѣроятно не уступилъ бы имъ. Отношенія Коркиры къ Коринѳу, какъ колоніи къ метрополіи, естественно привели бы ихъ къ такому союзу, если бы торговое соперничество и превосходство коркирянъ не зажгли глубокой ненависти между обоими государствами. Ненависть эта привела наконецъ къ открытой борьбѣ, которая и была однимъ изъ поводовъ Пелопоннесской войны. Въ иллирійскомъ городѣ Эпидамнѣ или Дирраҳіи, основанномъ вмѣстѣ коркирянами и коринѳянами, шла такая же борьба между демократами и аристократами, какую мы видѣли во всѣхъ греческихъ государствахъ; послѣдніе были, наконецъ, выгнаны изъ города. Проигравши дѣло, изгнанные аристократы не успокоились, а вступили въ сношенія съ сосѣдними разбойничьими иллирійскими племенами, и съ ихъ помощью старались сколько могли вредить своимъ противникамъ въ Эпидамнѣ. Городъ былъ поставленъ въ край-

не затруднительное положеніе, и просилъ заступничества коркирянъ. Но въ Коркирѣ въ то время по всей вѣроятности господствовали аристократы, и эпидамнцы получили отказъ. Тогда они, по совѣту дельфійскаго оракула, обратились къ Коринѳу, который считали своей второй метрополіей. Тамъ просьба ихъ была принята съ большею готовностью; коринѳяне отправили въ Эпидамнъ войска для охраненія города и новыхъ поселенцевъ для увеличенія числа гражданъ. Узнавъ объ этомъ, коркиряне тотчасъ же рѣшились вступиться за выгнанныхъ аристократовъ и заставить коринѳянъ уйти изъ Эпидамна. Они послали туда войска, и, вмѣстѣ съ приверженцами аристократической партіи, осадили городъ. Тогда коринѳяне, поддержанные жителями Мегары и нѣкоторыхъ другихъ государствъ, снарядили флотъ и объявили коркирянамъ войну (435 до р. Х.); но коринѳскій флотъ былъ разбитъ, и Эпидамнъ принужденъ былъ сдаться коркирянамъ. Этимъ война не прекратилась; коркиряне напротивъ продолжали ее съ невѣроятнымъ озлобленіемъ. Они перерѣзали часть плѣнныхъ, производили нападенія на гавани коринѳянъ и ихъ союзниковъ, разорили и сожгли у нихъ нѣсколько приморскихъ городовъ и верфей, и вообще старались вредить имъ, какъ только могли.

Когда коринѳяне стали поспѣшно снаряжать многочисленный флотъ, коркирянами овладѣла боязнь тѣмъ болѣе сильная, что они не принадлежали ни къ пелопоннесскому ни къ аѳинскому союзу, а коринѳяне, какъ члены перваго, могли, въ случаѣ нужды, опереться на него. Вслѣдствіе того коркирянамъ также пришлось искать чужой помощи; а при тогдашнихъ обстоятельствахъ они могли найти ее только у аѳинянъ. Они обратились къ нимъ съ просьбой о союзѣ, и аѳиняне согласились на эту просьбу, не смотря на протестъ коринѳскаго посольства, присланнаго по этому случаю въ Аѳины. Соглашаясь на просьбу Коркиры, аѳиняне прежде всего имѣли въ виду, что, въ случаѣ общей войны, они лишатъ такимъ образомъ соплеменниковъ коркирянъ поддержки чрезвычайно важной морской державы. Но такъ какъ кор-

киряне находились въ открытй войнѣ съ Коринѳомъ, то заключить съ ними формальный оборонительный союзъ значило бы объявить войну Коринѳу, т. е. нарушить перемиріе, заключенное Аѳинами за десять съ не большимъ лѣтъ, со Спартой и другими членами пелопоннесскаго союза. Потому аѳиняне старались устроить дѣло такъ, чтобъ избѣжать этой опасности, а между тѣмъ привлечь къ себѣ коркирянъ, и вмѣстѣ ослабить коринѳянъ и ихъ союзниковъ. Они не заключили наступательнаго и оборонительнаго союза съ Коркирой, а только обязались взаимной защитой, и дали приказъ командиру десяти кораблей, посланныхъ на помощь острову, не вступать въ бой съ коринѳянами, пока они не сдѣлаютъ попытки къ высадкѣ. Въ морскомъ сраженіи, происшедшемъ скоро послѣ этого, аѳинскіе корабли дѣйствительно не принимали участія въ бою, но присутствіе ихъ не мало заботило коринѳянъ. Въ сраженіи этомъ коркиряне одержали побѣду на одномъ флангѣ, но на другомъ были отбиты съ большимъ урономъ. Втораго сраженія не произошло, потому что аѳиняне прислали подкрѣпленіе изъ двадцати кораблей. Коринѳяне, не рѣшаясь возобновить бой при этихъ условіяхъ, поплыли домой.

Давно озлобленные противъ Аѳинъ, коринѳяне признали ихъ дѣйствія нарушеніемъ мира. Но спартанцы взглянули на дѣло иначе, и колебались объявить простую присылку кораблей нарушеніемъ перемирія, заключеннаго на тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ, начало войны между двумя главными государствами Греціи и поддерживавшими ихъ союзниками можетъ быть отсрочилось бы еще, еслибъ не новое столкновеніе, заставившее пелопоннесцевъ объявить войну аѳинянамъ. Столкновеніе это произошло въ македонскомъ городѣ Потидеѣ, колоніи коринѳянъ. Потидейцы, какъ и большая часть поселенцевъ македонскаго берега, съ нѣкотораго времени платили аѳинянамъ дань, не смотря на то, что все еще оставались въ прежнихъ отношеніяхъ къ Коринѳу, и по прежнему ежегодно получали оттуда должностное лицо, совершавшее извѣстныя торжественныя жертвоприношенія и имѣвшее нѣкоторое влія-

ніе на управленіе. Послѣ войны съ Коркирой, коринѳяне рѣшились отмстить аѳинянамъ, освободивъ Потидею отъ ея обязательствъ относительно Аѳинъ. Для этого они соединились съ сосѣднимъ царемъ македонскимъ Пердиккою II, который незадолго передъ тѣмъ поссорился съ аѳинянами, и возбуждалъ противъ нихъ другіе города македонскаго прибрежья. Узнавъ объ этомъ, аѳиняне стали готовиться къ войнѣ и въ тоже время, чтобы предупредить отпаденіе потидейцевъ, послали имъ приказаніе дать заложниковъ, срыть половину городской стѣны, выслать присланнаго къ нимъ коринѳянина и не принимать уже новаго. Потидейцы оставили требованія эти безъ вниманія, и вмѣстѣ съ коринѳянами тайно отправили въ Спарту пословъ съ просьбой о заступничествѣ. Получивъ отвѣтъ, что въ случаѣ нападенія аѳинянъ на Потидею, пелопоннесская армія вступитъ въ Аттику, они тотчасъ же открыто возстали противъ Аѳинъ. Примѣру ихъ послѣдовали нѣкоторые сосѣдніе города. Вскорѣ на македонскомъ берегу явились аѳинскія и коринѳскія войска. Аѳиняне окружили Потидею, разбили соединенную армію потидейцевъ и коринѳянъ, и повели осаду съ такою настойчивостью, что черезъ годъ послѣ начала пелопоннесской войны Потидея была принуждена сдаться.

Осада Потидеи вызвала, наконецъ, войну. Побуждаемые Коринѳомъ и другими государствами, спартанцы созвали въ Спарту представителей пелопоннесскаго союза, въ 432 г. до р. Х., и собраніе, выслушавъ жалобы коринѳянъ, мегарянъ, эгинцевъ и другихъ союзниковъ, объявило, что аѳиняне дѣйствіями своими нарушили заключенное за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ перемиріе, и рѣшило начать съ ними войну. Чтобы выиграть время для приготовленій, пелопоннесскій союзъ отправилъ въ Аѳины, одно за другимъ, три посольства. Первое должно было напомнить аѳинянамъ о совершенномъ за полтораста лѣтъ слишкомъ убійствѣ Килона и его приверженцевъ (стр. 310), и потребовать, чтобы для умилостивленія боговъ была изгнана изъ Аѳинъ виновная въ немъ фамилія Алкмеонидовъ, къ которой принадлежалъ и Пе-

риклъ. Пелопоннесцы не разсчитывали на исполненіе этого требованія; но имъ казалось, что оно будетъ имѣть для нихъ ту выгоду, что сдѣлаетъ даровитѣйшаго изъ аѳинянъ какъ бы главнымъ виновникомъ предстоявшей войны и соединенныхъ съ ней бѣдствій, и, такимъ образомъ, ослабитъ до извѣстной степени его могущество и вліяніе. Спарта и ея союзники могли тѣмъ болѣе надѣяться на это, что именно въ то время враги Перикла дѣйствовали противъ него въ Аѳинахъ довольно успѣшно, и настроеніе народа становилось враждебнымъ ему. Чтобы ослабить значеніе великаго человѣка и подготовить противъ него обвиненіе, противники Перикла стали нападать на его друзей. Прежде всего было введено двойное обвиненіе противъ Фидія. Говорили, что при отдѣлкѣ статуи Минервы Парѳенонской, онъ утаилъ часть золота, даннаго ему на эту работу, и сверхъ того оскорбилъ богиню, помѣстивъ на щитѣ ея, гдѣ была изображена борьба амазонокъ, портреты своего друга Перикла и свой собственный. Первое обвиненіе нетрудно было опровергнуть, потому что золото, украшавшее статую, могло быть снято и взвѣшено (стр. 429). Но всѣ усилія Перикла защитить Фидія отъ втораго обвиненія оказались тщетны. Великій художникъ былъ объявленъ виновнымъ и посаженъ въ тюрьму. Онъ умеръ или въ темницѣ или въ Элидѣ, куда, по словамъ одного историка, ему удалось бѣжать. Другой другъ Перикла, сдѣлавшійся жертвой его враговъ, былъ знаменитый философъ Анаксагоръ, о которомъ уже упомянуто выше (стр. 350). Его обвинили въ томъ, что онъ отвергаетъ боговъ и объясняетъ явленія природы противно ученію религіи. Периклъ спасъ друга, давъ ему средство бѣжать изъ Аѳинъ. Аспазія была также потребована къ суду врагами Перикла. Ея обвинили въ безнравственности, и Периклу только съ большимъ трудомъ удалось оправдать любимую женщину.

Послѣ такихъ событій пелопоннесцы могли надѣяться, что требованіе ихъ еще больше уронитъ значеніе Перикла. Но надежды эти не оправдались; Периклъ держался еще очень твердо во мнѣ-

нія народа, и, кромѣ того, при началѣ войны былъ слишкомъ нообходимъ аѳинянамъ. На жалобу спартанцевъ объ оскверненіи аѳинскихъ храмовъ отвѣчали указаніемъ на голодную смерть Павсанія въ спартанскомъ храмѣ и нѣкоторыя другія нарушенія спартанцами права храмоваго убѣжища. Второе посольство пелопоннесцевъ требовало снятія осады Потидеи и нѣкоторыхъ другихъ мѣръ, относившихся къ Мегарѣ и Эгинѣ. Ему былъ данъ прямо отказъ. Наконецъ, третье потребовало возстановленія независимости всѣхъ государствъ подвластныхъ Аѳинамъ. Аѳиняне отвѣчали, что готовы исполнить это требованіе, если спартанцы точно также возвратятъ свободу своимъ такъ называемымъ союзникамъ. Дальнѣйшихъ переговоровъ уже небыло, и въ началѣ 431 года открылась война.

Въ войнѣ этой, въ первое время на сторонѣ спартанцевъ были всѣ пелопоннесскія государства, кромѣ Аргоса и городовъ Ахайи, изъ которыхъ къ спартанцамъ присоединилась одна только Пеллена, а прочіе остались нейтральными. Сверхъ того за предѣлами Пелопоннесса сторону спартанцевъ держали: мегаряне, ѳиванцы и большинство остальныхъ беотійцевъ, фокидцы, опунтскіе локрійцы, два акарнанскихъ города, лежащій близь акарнанскихъ береговъ островъ Левкадія и эпирскій городъ Амбракія. Союзниками Аѳинъ, кромѣ многихъ подвластныхъ имъ острововъ и прибрежныхъ городовъ Эгейскаго моря, были платейцы, навпактскіе мессенцы, большинство акарнанцевъ, жители острововъ Коркиры, Закинта и Кефалленіи, озолійскіе локрійцы, хіосцы, лесбосскій городъ Метимна и нѣкоторые города Ѳессаліи. Ядро аѳинской арміи состояло изъ тринадцати тысячъ тяжеловооруженныхъ, годныхъ для полевой службы, и изъ шестнадцати тысячъ, которыхъ можно было употреблять для гарнизонной службы и для обороны городовъ. Все это были люди болѣе или менѣе зажиточные, державшіе одного или нѣсколькихъ слугъ и имѣвшіе возможность приготовиться къ походу на собственный счетъ. Къ этимъ войскамъ слѣдуетъ еще присоединить тысячу двѣсти

всадниковъ и конныхъ стрѣлковъ, тысячу шестьсотъ пѣшихъ стрѣлковъ и флотъ изъ трехсотъ большихъ во‹е›нныхъ кораблей, экипажъ которыхъ состоялъ изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, Аѳины выставили до девяносто двухъ тысячъ человѣкъ; но само собой разумѣется, что это были силы не маленькаго центра страны Аттики, а могущественной столицы обширнаго Аѳинскаго государства. Сухопутныя силы пелопоннесцевъ состояли изъ шестидесяти тысячъ отборнаго войска; но нужно замѣтить, что въ поле выступала только неполная треть спартано-лакедемонскаго ополченія. Союзники также выслали не болѣе двухъ третей своихъ вооруженныхъ силъ. По рѣшенію, принятому въ началѣ войны, флотъ пелопоннесцевъ долженъ былъ состоять изъ пятисотъ большихъ военныхъ кораблей, которые потребовали бы восемьдесятъ тысячъ человѣкъ экипажа. Такой силы онъ однако не достигъ, хотя во второй половинѣ войны, когда къ спартанцамъ присоединились сицилійцы и персы, до этой цифры недоставало лишь немногаго. Въ Аѳинахъ, богатѣйшемъ городѣ Греціи, были собраны громадныя сокровища; но и пелопоннесцы имѣли въ своемъ распоряженіи огромныя денежныя средства съ тѣхъ поръ, какъ въ войну вмѣшались персы. Субсидіи, полученныя ими отъ персовъ, превышали $5\frac{1}{2}$ мил. р. сер., и хотя командиръ спартанскаго флота Лисандръ много взялъ себѣ и роздалъ большія суммы друзьямъ и роднымъ, но все таки въ государственную кассу поступило болѣе 3 мил. р. с. Никогда еще такія массы правильно организованной физической силы и денежныхъ средствъ не вступали въ борьбу другъ съ другомъ подъ руководствомъ такихъ талантливыхъ людей какъ члены спартанскаго сената и правители аѳинскаго народа.

Пелопоннесская война, ходъ которой зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ принциповъ, дарованій и судьбы руководящихъ людей обѣихъ сторонъ, началась въ 431 г. вслѣдствіе происшествія въ Беотіи, безъ котораго открытіе военныхъ дѣйствіи вѣроятно замедлилось бы еще на нѣкоторое время. Въ городѣ Платеѣ, со

времени Мараѳонскаго сраженія тѣсно связанномъ съ аѳинянами, было установлено демократическое правленіе, противъ котораго, естественно, интриговали аристократы. Партія ихъ составила планъ возвратить Платею къ союзу беотійцевъ, во главѣ котораго стояли аристократическія Ѳивы, и тѣмъ доставить себѣ перевѣсъ. Съ этою цѣлью платейскіе аристократы заключили союзъ съ ѳиванцами, и однажды, среди глубокой ночи, всѣ ѳиванскіе граждане двинулись къ Платеѣ, чтобы неожиданно напасть на нее (въ маѣ 431 г. до р. X.). Триста ѳиванцевъ, выступившихъ прежде, проникли въ городъ съ помощью платейскихъ аристократовъ, и успѣли овладѣть имъ, потому что ихъ небольшой отрядъ показался въ темнотѣ значительнымъ ополченіемъ. Они провозгласили аристократическое правленіе и союзъ съ Ѳивами; но не подвергали насиліямъ предводителей противной партіи. При наступленіи дня, платейцы, увидѣвъ слабость непріятеля, напали на него и одолѣли его, — главная ѳиванская армія не поспѣла во время, вслѣдствіе темноты ночи и сильнаго дождя, помѣшавшаго ей переправиться чрезъ разлившуюся рѣку. Многіе изъ трехсотъ погибли въ борьбѣ; остальные, принадлежавшіе большею частью къ знатнѣйшимъ ѳиванскимъ фамиліямъ, попали въ плѣнъ. Городъ былъ хорошо охраняемъ, и потому армія ѳиванцевъ, не успѣвъ добиться никакихъ результатовъ, вернулась домой. Изъ Аѳинъ, куда тотчасъ же отправили гонца, было прислано приказаніе щадить плѣнныхъ, но платейцы въ порывѣ ярости уже успѣли умертвить ихъ. Эта жестокость сильно озлобила остальныхъ беотійцевъ и весь пелопоннесскій союзъ, и заставила ихъ ускорить военныя приготовленія. Въ іюлѣ пелопоннесская армія вступила въ Аттику подъ начальствомъ спартанскаго царя Архидама II.

Аѳиняне послали для защиты Платеи небольшой отрядъ, а жители ея, чтобы лучше выдержать осаду, отправили въ Аѳины бо́льшую часть женщинъ и всѣхъ дѣтей. Въ тоже время аѳиняне продолжали осаждать Потидею, сдавшуюся наконецъ въ мартѣ втораго года войны. Чтобы отмстить за это спартанцы рѣшились

отнять у аѳинянъ Платею и, въ началѣ третьяго года, въ мартѣ 429 года, сдѣлали нападеніе на этотъ городъ. Эта осада, продолжавшаяся два года, одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ Пелопоннесской войны. Ни въ одномъ событіи не выказались такъ ярко настоящій духъ того времени и та врожденная любовь къ самобытности, свободѣ и славѣ, которая одушевляла въ то время жителей даже самыхъ ничтожныхъ мѣстечекъ. По этому, ходъ ея заслуживаетъ подробнаго изложенія.

Гарнизонъ города состоялъ всего изъ четырехъ сотъ платейцевъ и восьмидесяти аѳинянъ. Когда царь Архидамъ съ сильнымъ войскомъ подошелъ къ Платеѣ и потребовалъ сдачи, этотъ ничтожный гарнизонъ отвѣчалъ ему отказомъ и рѣшился драться до послѣдней крайности. Осаждающіе окружили городъ рвомъ и валомъ, и такимъ образомъ тѣсно замкнули его. Когда мѣра эта оказалась недостаточной, и платейцы съ успѣхомъ отразили всѣ попытки разрушить ихъ стѣны, — пелопоннесцы начали формальную блокаду. Къ первому валу они прибавили второй, защищавшій ихъ отъ нападенія съ поля, между этими двумя насыпями построили укрѣпленныя жилища, и поселили тамъ войско, которое должно было въ нихъ оставаться на зиму и лѣто, отрѣзывая осажденнымъ подвозъ продовольствія. Платея подверглась неописаннымъ бѣдствіямъ, потому что запасы скоро начали истощаться. Но никакія лишенія не могли сломить мужества защитниковъ города. На второй годъ осады (428), когда было истреблено уже почти все что можно было ѣсть и дальнѣйшее сопротивленіе казалось невозможнымъ, гарнизонъ принялъ смѣлое рѣшеніе выйти изъ города среди глубокой зимы и пробиться сквозь непріятеля. Сначала къ этой мысли пристали всѣ; но исполнителями опаснаго предпріятія явилось только 220 человѣкъ, — остальные отчаялись въ успѣхѣ его.

Въ бурную февральскую ночь эти двѣсти двадцать героевъ перелѣзли черезъ городскую стѣну и направились въ промежутокъ между двумя изъ башень, построенныхъ осаждающими вокругъ го-

рода: они надѣялись пробраться через непріятельскія укрѣпленія. Но едва успѣла часть изъ нихъ благополучно перейти черезъ ровъ и подняться на валъ, какъ упавшая черепица привлекла вниманіе стражи на ближайшей башнѣ и вскорѣ вся армія была призвана къ оружію. Платейцамъ, большинство которыхъ еще не успѣло подняться на первый валъ, безъ сомнѣнія, пришлось бы погибнуть, еслибъ ихъ сподвижники, оставшіеся въ городѣ, не сдѣлали вылазки съ противоположной стороны, и, такимъ образомъ, не ввели непріятеля въ заблужденіе. Вслѣдствіе этого платейцемъ, рѣшившимся пробиться, пришлось бороться только съ нѣсколькими стами человѣкъ. Они бросились бѣжать по крышамъ жилищъ осаждающихъ, такъ сказать по головамъ своихъ противниковъ, и спаслись всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, принужденныхъ вернуться въ городъ, и одного, попавшагося въ плѣнъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ убитъ. Двѣсти тринадцать человѣкъ, успѣвшихъ спастись, благополучно достигли Аѳинъ.

Перенося величайшія страданія и не получая никакой поддержки отъ Аѳинъ, оставшіеся продолжали упорно держаться въ городѣ, пока, наконецъ, весною слѣдующаго года (427) голодъ не заставилъ ихъ принять предложенія о капитуляціи. Они сдались на условіи, что спартанцы, выбранные ими судьями, накажутъ только виновныхъ, и притомъ не иначе, какъ по предварительному слѣдствію. Спартанцы объявили виновнымъ всякаго, кто не оказалъ во время войны какой нибудь услуги пелопоннесцамъ. Но измѣнниковъ не было, и потому всѣ были казнены. Число жертвъ простиралось до 225, въ томъ числѣ 25 аѳинянъ. Женщинъ продали къ рабство. Городъ былъ подаренъ ѳиванцамъ, которые срыли его до основанія, а его владѣнія отдали на откупъ, какъ государственное имущество. Немногіе оставшіеся въ живыхъ платейцы получили право гражданства въ Аѳинахъ.

Подобно мученической смерти геройскихъ защитниковъ Пла-

теи, страшная участь, которой аѳиняне подвергли Эгину, достаточно показываетъ жестокое направленіе, которое война приняла съ самаго начала, и свирѣпую натуру всѣхъ, даже благороднѣйшихъ племенъ южной Европы,—натуру, которая въ тѣхъ же краскахъ обрисуется и въ борьбѣ средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ. Въ первый годъ войны эгинцы были всѣ выгнаны изъ роднаго острова, за то что они будто бы были главными виновниками разрыва. Оставленныя ими жилища и земли были розданы аѳинскимъ гражданамъ. Бездомные бѣглецы возбудили участіе спартанцевъ, уступившихъ имъ городъ Тирею, лежавшій на границѣ Лаконіи съ Арголидой. Здѣсь, въ 424 г. до р. X., они подверглись нападенію аѳинскаго флота, подошедшаго къ этимъ берегамъ. Ихъ новая родина была выжжена, а сами они повлечены въ Аѳины, гдѣ, какъ нѣкогда платейцы, всѣ были казнены — только потому, что стояли въ рядахъ непріятеля.

Что касается общаго хода войны, то, въ первое время, обѣ стороны думали не о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, а только о томъ, чтобы нанести другъ другу возможно большій вредъ, и, такимъ образомъ, принудить противника къ миру. Въ первые два года спартанцы вторгались въ Аттику, но каждый разъ оставались тамъ не болѣе полутора мѣсяца. Аѳиняне дѣйствовали по плану предложенному Перикломъ и наступательныя попытки спартанцевъ оказывались совершенно безплодными. Слѣдуя совѣту Перикла, они рѣшились дѣйствовать исключительно на морѣ, полагаясь на превосходство своихъ морскихъ силъ. Вторженіе пелопоннесцевъ въ Аттику они встрѣчали тѣмъ, что собирали въ свой хорошо укрѣпленный городъ все населеніе плоской части края, а поля и села бросали непріятелю безъ всякихъ попытокъ къ оборонѣ. Потомъ за разореніе ихъ они платили опустошеніемъ непріятельскихъ береговъ. Это было придумано чрезвычайно умно и необходимо должно было увѣнчаться успѣхомъ, потому что пелопоннесцы, естественно, устали бы раньше аѳинянъ. Но этотъ планъ не удалось выполнить до конца; онъ былъ слишкомъ невыгоденъ для аристо-

кратовъ землевладѣльцевъ. При появленіи спартанской арміи, они были принуждены бѣжать въ Аѳины вмѣстѣ съ своими арендаторами и вассалами, и тамъ, наполняя собою народное собраніе, — гдѣ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ никогда не являлись, — кричали о разореніи принадлежавшихъ имъ полей и селъ. Вслѣдствіе того Периклъ лишился на короткое время милости народа, и въ 430 году не былъ выбранъ въ число десяти годовыхъ стратеговъ. Къ несчастію на второй годъ войны, именно въ то время, когда городъ былъ полонъ сельскими жителями, въ Аѳинахъ развилась зараза, которая произвела страшныя опустошенія.

Болѣзнь эта, которую преданіе выводитъ изъ Египта и Эѳіопіи, появилась сначала въ Пирейской гавани, и вскорѣ съ страшной силой стала свирѣпствовать во всемъ городѣ. Всѣ другія болѣзни переходили въ нее; кромѣ того она вдругъ развивалась и у совершенно здоровыхъ людей. Зараза начиналась воспаленіемъ и страшной краснотой глазъ, языка и гортани. Больнаго мучила боль въ груди и въ желудкѣ. Потомъ у него начинались судороги; кожа покрывалась вередами, и въ тѣлѣ развивался такой страшный жаръ, что больные не могли выносить никакой одежды, и многіе, остававшіеся безъ присмотра, кидались въ колодцы, чтобы только умѣрить жажду и мучительный внутренній огонь. Во все время болѣзни больной не могъ спать. Имъ овладѣвало совершенное уныніе, дѣлавшее его равнодушнымъ ко всему, не исключая и смерти. Бо́льшая часть больныхъ умирала на седьмой или девятый день; но и тѣ, которые переживали этотъ срокъ, рѣдко избѣгали смерти. Выздоравливали весьма не многіе. Да и тѣ большею частью лишались зрѣнія и употребленія рукъ и ногъ, а нѣкоторые навсегда теряли память. Масса умиравшихъ была такъ велика, что хоронить всѣхъ не было возможности; тѣмъ болѣе, что городъ былъ тогда наполненъ людьми всѣхъ сословій и многія семейства не имѣли средствъ на погребеніе своихъ родныхъ. Полицейскій порядокъ совершенно исчезъ, и бѣдствіе имѣло страшныя нравственныя послѣдствія. Былъ за-

быть всякій божескій и человѣческій законъ, потому что болѣзнь одинаково постигала и хорошихъ и дурныхъ людей. Среди всеобщаго смятенія народъ забылъ и страхъ и стыдъ, чтобы не пропустить безъ наслажденій послѣднихъ минутъ, которыя, быть можетъ, ему оставалось жить. Такимъ образомъ, рядомъ со смертью, въ Аѳинахъ господствовали всякія внѣшнія бѣдствія и величайшая безнравственность, а война разносила зло и въ отдаленныя отъ столицы мѣста. Въ аѳинской арміи, занятой тогда осадой Потидеи, въ теченіе четырнадцати дней отъ этой болѣзни умерло тысяча пятьдесятъ человѣкъ.

Для правителя Аѳинъ, Перикла, это бѣдствіе было жестокимъ ударомъ судьбы: оно стало причиной народнаго ожесточенія противъ него. Война была начата по его совѣту, и онъ же составилъ планъ, вслѣдствіе котораго въ Аѳины стеклось слишкомъ много населенія; потому его и объявили виновникомъ страданій народа. Всѣ усилія Перикла ободрить аѳинянъ и возвратить имъ довѣріе къ собственнымъ силамъ и къ тому, кому они ввѣрились прежде, были напрасны: онъ сталъ жертвой всеобщаго отчаянія. Его лишили власти и подвергли пени, которую историки греческіе опредѣляютъ различно, но которая, по самому умѣренному показанію, простиралась до пятнадцати талантовъ (около 20,000 р. сер.). Въ это же время Периклу пришлось испытать большія семейныя несчастія. Болѣзнь похитила у него многихъ изъ членовъ его семейства и лишила нѣкоторыхъ изъ самыхъ дорогихъ и лучшихъ друзей. Наконецъ, ему пришлось увидѣть смерть единственнаго сына, остававшагося еще въ живыхъ. Всѣ эти удары онъ перенесъ съ величайшею твердостью и присутствіемъ духа. Но когда, по греческому обычаю, обязывавшему ближайшаго изъ родныхъ надѣть вѣнокъ на голову покойника, ему пришлось исполнить этотъ долгъ любви надъ трупомъ послѣдняго сына, горе сломило его и онъ зарыдалъ, громко жалуясь на свою судьбу.

Аѳиняне скоро одумались; Периклъ былъ имъ необходимъ и они возвратили ему прежнюю должность. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ

оказать отечеству новыя услуги, смерть, въ роковой для Аѳинъ часъ, похитила его у нихъ (429 г.). Свирѣпствовавшая болѣзнь свела его въ гробъ. Разсказываютъ, что когда друзья, окружавшіе смертную постель Перикла, заговорили о великихъ дѣлахъ совершенныхъ имъ, умирающій правитель еще разъ приподнялся и сказалъ: „Вы славите счастливыя и блестящія дѣла мои, и забываете что лучшее и величайшее въ нихъ было то, что ни одинъ изъ моихъ согражданъ не носилъ траура по моей винѣ“!

9. Пелопоннесская война со смерти Перикла до Никіева мира.

Событія слѣдующихъ лѣтъ войны не имѣли важныхъ послѣдствій, не смотря на страшныя опустошенія, произведенныя обѣими сторонами на непріятельской землѣ. Послѣ смерти Перикла, въ Аѳинахъ не было ни одного оратора или государственнаго человѣка, который могъ бы въ одно и тоже время руководить разумною частью населенія и дѣйствовать на простой народъ, въ рукахъ котораго находилась власть. Вліятельнѣйшими изъ дѣятелей этого времени въ Аѳинахъ были: Никій, Демосѳенъ, Ламахъ и Клеонъ. Никій, самый богатый изъ нихъ, далеко не соотвѣтствовалъ роли руководителя народа; но его спокойствіе и благоразуміе могли быть иногда полезны на войнѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и о Демосѳенѣ. Ламахъ былъ только храбрымъ солдатомъ. Онъ любилъ блескъ военнаго наряда, и въ дополненіе къ фатовству былъ еще слишкомъ бѣденъ, чтобы внушить расположеніе кому бы то ни было, кромѣ молодыхъ офицеровъ, собиравшихся вокругъ него. Гораздо болѣе значенія умѣлъ пріобрѣсти Клеонъ. Этотъ демагогъ былъ обязанъ своимъ вліяніемъ не заслугамъ, образованію, происхожденію или богатству, а только своей энергіи, увѣренности въ себя, дерзости, и злобной ненависти ко всѣмъ знатнымъ или образованнымъ людямъ, посредствомъ которой

онъ возбуждалъ народъ противъ этихъ мнимыхъ аристократовъ, и возвышалъ себя въ его глазахъ. За такой образъ дѣйствій, народъ сталъ считать его своимъ истиннымъ другомъ, и принималъ его крикъ за краснорѣчіе, а брань и ругательство за доказательство ума. По своему ремеслу Клеонъ былъ владѣльцемъ большаго кожевеннаго завода, на которомъ работали его рабы. Комикъ Аристофанъ и философъ Платонъ называютъ его по этому кожевникомъ. Они смѣются надъ этимъ кожевникомъ, управлявшимъ государствомъ, потому что, не смотря на всю демократичность Аѳинъ, тамъ, какъ и у насъ, на политическое поприще выступали, обыкновенно, только люди, исключительно посвящавшіе себя государственнымъ дѣламъ и отказавшіеся отъ всякихъ коммерческихъ занятій.

Послѣ смерти Перикла война продолжалась по прежней системѣ: ополченіе пелопоннесцевъ ежегодно производило опустошительныя вторженія въ Аттику, въ то время какъ флоты обѣихъ воюющихъ сторонъ грабили и разоряли приморскія мѣстности, поддерживали вспыхивавшія мѣстами возстанія и отъ времени до времени вступали въ незначительныя схватки, въ которыхъ перевѣсъ оставался большею частью на сторонѣ аѳинянъ. На четвертый годъ войны (428) отъ Аѳинъ отдѣлился островъ Лесбосъ; но въ слѣдующемъ году аѳиняне снова покорили его, не смотря на поспѣшившій къ нему на помощь пелопоннесскій флотъ. Столица острова, Митилена, выдержала продолжительную осаду, но наконецъ принуждена была къ безусловной сдачѣ. По предложенію Клеона, аѳинское народное собраніе рѣшило казнить всѣхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей продать въ рабство. Но на слѣдующій день лучшая часть гражданъ успѣла дать народной волѣ другое направленіе, и жестокое рѣшеніе было измѣнено: къ смерти приговорили только тѣхъ митиленцевъ, которыхъ аѳинскіе полководцы пришлютъ въ Аѳины какъ зачинщиковъ возстанія; остальнымъ была, по крайней мѣрѣ, сохранена жизнь. Корабль, посланный съ вѣстью объ этомъ новомъ рѣшеніи, къ сча-

стію поспѣлъ еще во время. Но участь митиленцевъ всетаки была очень тяжела: они принуждены были выдать всѣ свои военные корабли, ихъ укрѣпленія были срыты, а земли розданы аѳинскимъ поселенцамъ. Плѣнные, число которыхъ доходило почти до тысячи человѣкъ, были всѣ казнены.

Эти демократическіе ужасы не были впрочемъ исключительною принадлежностью аѳинскаго народа. Въ этой войнѣ, разгорячившей всѣ народныя страсти, борьба партій вездѣ приняла жестокій и кровавый характеръ. Страшный примѣръ такого ожесточенія показываетъ намъ островъ Коркира, въ томъ самомъ году, когда несчастные платейцы были перерѣзаны по приказанію спартанцевъ. Въ столицѣ острова, городѣ Коркирѣ, съ нѣкотораго времени было введено демократическое правленіе, и потому аристократы, поддержанные коринѳскимъ золотомъ, рѣшились на отчаянное усиліе, чтобы измѣнить государственное устройство, оторвать островъ отъ союза съ Аѳинами и передать его пелопоннесцамъ. Когда мирныя попытки оказались безполезными, аристократы прибѣгли къ насилію. Однажды они, съ оружіемъ въ рукахъ, ворвались въ совѣтъ и убили шестьдесятъ человѣкъ своихъ противниковъ. Послѣ того, поддержанные экипажемъ присланнаго къ нимъ коринѳскаго корабля, они напали на беззащитный народъ, одержали надъ нимъ верхъ и захватили власть. Побѣжденная партія удалилась въ цитадель и въ верхнюю часть города, и оттуда разослала гонцовъ по окрестностямъ сзывать къ ней на помощь рабовъ, которымъ за это была обѣщана свобода. Рабы явились цѣлыми толпами и демократы, соединившись съ ними, черезъ два дня послѣ испытаннаго пораженія, съ яростью бросились на своихъ противниковъ. Завязался кровопролитный бой, продолжавшійся цѣлый день; въ немъ принимали участіе даже женщины. Къ вечеру аристократы были наконецъ принуждены уступить. Спасаясь бѣгствомъ, они подожгли многіе дома, чтобы затруднить преслѣдованіе, и, такимъ образомъ, значительная часть города стала добычею пламени. На слѣдующій день въ коркирской гавани явилась небольшая аѳинская эскадра, командиру которой,

Никострату, удалось склонить обѣ партіи къ примиренію. Дѣло казалось конченнымъ. Но когда Никостратъ сталъ готовиться къ отплытію, демократы, снова достигшіе власти, просили его оставить имъ для защиты пять аѳинскихъ кораблей и вмѣсто нихъ увезти пять кораблей коркирскихъ. Никостратъ согласился на эту просьбу, и коркирскій совѣтъ назначилъ въ составъ экипажа отправлявшихся съ аѳинянами кораблей исключительно приверженцевъ аристократіи. Боясь, что ихъ хотятъ обманомъ увезти плѣнниками въ Аѳины, аристократы, въ числѣ четырехсотъ человѣкъ, скрылись въ храмъ Юноны. Это опять возбудило страшное волненіе умовъ и Никостратъ едва успѣлъ предотвратить новое кровопролитіе. Укрывшіеся въ храмѣ не смѣли уже выйти оттуда, и потому могли опасаться голодной смерти; съ другой стороны и противники ихъ боялись нечаяннаго нападенія. Поэтому первые согласились наконецъ повѣрить клятвенному обѣщанію, что ихъ не тронутъ, и промѣняли свое убѣжище на небольшой скалистый островокъ, лежавшій недалеко отъ берега.

Черезъ нѣсколько дней, въ виду Коркиры, появился пелопоннесскій флотъ, и въ сраженіи съ нимъ коркиряне были разбиты. Послѣ этого можно было опасаться высадки, потому четыреста аристократовъ были перевезены съ острова въ храмъ Юноны. Но, по неспособности непріятельскаго командира, неумѣвшаго воспользоваться своей побѣдой, опасность пронеслась надъ головами коркирянъ, и когда къ нимъ явился на помощь аѳинскій флотъ изъ шестидесяти кораблей, пелопоннесцы отплыли отъ острова. Появленіе этого флота возбудило въ коркирянахъ не одну радость о неожиданномъ спасеніи и минованіи грозной опасности, но снова разожгло въ нихъ страсти и ненависть партій. Демократы и народъ бросились на приверженцевъ аристократической партіи и, въ теченіе семи дней, городъ оставался театромъ всякихъ ужасовъ. Нѣкоторые аристократы были заморены голодомъ; изъ четырехсотъ человѣкъ, укрывшихся въ храмѣ Юноны, пятьдесятъ имѣли неосторожность повѣрить обѣщаніямъ противниковъ и вы-

шли изъ своего убѣжища; ихъ всѣхъ перерѣзали. Остальные большею частью сами лишили себя жизни. Около пятисотъ человѣкъ успѣли бѣжать изъ города и поселиться на лежащемъ противъ Коркиры эпирскомъ берегу. Отсюда старались они частыми высадками наносить вредъ врагамъ своимъ, и даже овладѣли однимъ укрѣпленнымъ пунктомъ на самой Коркирѣ. Изъ этого убѣжища они въ теченіе двухъ лѣтъ безпокоили родной городъ своими разбойничьими нападеніями, но въ 425 году аѳинскій вспомогательный отрядъ принудилъ ихъ къ сдачѣ. Они сопротивлялись очень долго, но наконецъ сдались съ условіемъ, что судьею ихъ будетъ аѳинскій народъ. Передъ отправленіемъ въ Аѳины, ихъ перевезли на небольшой прибрежный островокъ и объявили, что малѣйшая попытка къ бѣгству, хотя одного изъ нихъ, будетъ принята за нарушеніе условій капитуляціи. Этимъ воспользовались ихъ противники, опасавшіеся, что аѳиняне оставятъ ихъ въ живыхъ. Подославъ къ плѣнникамъ нѣсколькихъ человѣкъ, успѣвшихъ пріобрѣсть довѣренность нѣкоторыхъ изъ нихъ и убѣдить, что аѳиняне имѣютъ намѣреніе предать ихъ на жертву ярости коркирской черни, они тайно предлагали имъ средства къ побѣгу. Несчастные попались въ ловушку. Нѣсколько человѣкъ бѣжало; ихъ поймали, и тогда аѳинскіе полководцы дѣйствительно предоставили всѣхъ остальныхъ плѣнниковъ произволу народа. Ихъ перевели въ одно большое зданіе, изъ котораго выводили связанными, человѣкъ по двадцати за-разъ, и убивали, подвергая самымъ ужаснымъ истязаніямъ. Когда человѣкъ шестьдесятъ погибло такимъ образомъ, остальные рѣшились не выходить изъ зданія и сопротивляться. Тогда кровожадная чернь влѣзла на крышу, разобрала ее и стала бросать на нихъ сверху черепицы и стрѣлы. Беззащитные плѣнники большею частью сами лишили себя жизни: одни убивали себя пущенными въ нихъ стрѣлами, другіе рѣшились повѣситься на своихъ разорванныхъ одеждахъ. Эти ужасныя сцены продолжались цѣлую ночь. На слѣдующее утро плѣнники, число которыхъ простиралось до нѣсколькихъ сотъ, были уже всѣ перебиты.

Тѣла ихъ вывезли за городъ и похоронили кучею. Женщинъ, оставшихся въ живыхъ, продали въ рабство. Такова была развязка ужасной двухлѣтней борьбы партій на островѣ Коркирѣ.

Между тѣмъ война приняла весьма благопріятный для аѳинянъ оборотъ, не смотря на то, что зараза вторично появилась въ ихъ городѣ. Эта ужасная болѣзнь, при первомъ своемъ появленіи продолжавшаяся два года, и послѣ того не прекращавшаяся совершенно, въ концѣ 427 года возобновилась съ новой силой и свирѣпствовала цѣлый годъ, прежде чѣмъ окончательно исчезла. Число жертвъ, павшихъ отъ заразы, неизвѣстно. Ѳукидидъ говоритъ только, что изъ числа тяжело-вооруженныхъ гражданъ погибло четыре тысячи четыреста, а изъ всадниковъ—триста человѣкъ. Опредѣлить число остальныхъ жертвъ онъ считаетъ невозможнымъ.

Аѳиняне мало-по-малу оставляли придуманную Перикломъ систему оборонительной войны, поддерживаемой опустошительными набѣгами ихъ флота, и стремились посредствомъ завоеваній увеличить свое могущество на счетъ врага. Въ 427 году они даже рѣшились отправить часть своего флота въ Сицилію. Еще во времена Перикла демагоги льстили народу надеждой на завоеваніе этого острова, но великій правитель отклонилъ тогда предложеніе мечтателей. Теперь имъ удалось увлечь народъ за собою. Халкидская колонія Леонтины, лежавшая на восточномъ берегу Сициліи, между Катаной и Мегарой—Гиблой, начала войну съ сиракузянами и просила помощи аѳинянъ. Просьба эта была принята, и съ тѣхъ поръ аѳинскій флотъ постоянно крейсировалъ около итальянскихъ или сицилійскихъ береговъ, хотя это нисколько не способствовало успѣху войны въ отечествѣ. На одномъ изъ флотовъ, отправленныхъ въ 425 году въ Сицилію, находился отрядъ дессантныхъ войскъ, подъ начальствомъ Демосѳена. Во время плаванія вдоль пелопоннесскихъ береговъ, этотъ полководецъ высадился на берегъ и въ мессенской гавани Пилосѣ, тамъ, гдѣ теперь находятся прославленныя морской побѣдой надъ турками мѣстечки старый и новый Наваринъ, — основалъ укрѣпленіе. Въ этой не-

большой крѣпости онъ остался съ пятью кораблями и частью войска, и вскорѣ вокругъ него собралось множество бѣжавшихъ гелотовъ и окрестныхъ мессенцевъ. Основаніе непріятельской крѣпости на берегу подвластной имъ Мессеніи страшно безпокоило спартанцевъ, и дѣйствительно это могло имѣть для нихъ очень невыгодныя послѣдствія. Потому они аттаковали Пилосъ и съ моря и со стороны суши, но были разбиты и обращены въ бѣгство аѳинскимъ флотомъ, возвращавшимся изъ Коркиры. Четыреста двадцать спартанцевъ, большею частью принадлежавшихъ къ первымъ фамиліямъ города, съ самаго начала заняли лежавшій у входа въ Пилосскую бухту островъ Сфактерію, надѣясь такимъ образомъ запереть входъ въ гавань вновь приходящимъ непріятельскимъ кораблямъ. Послѣ пораженія спартанцевъ, отрядъ этотъ остался отрѣзаннымъ, и былъ окруженъ аѳинскимъ флотомъ. Чтобы спасти ихъ, спартанцы рѣшились предложить миръ на выгодныхъ для аѳинянъ условіяхъ, и, въ ожиданіи его, заключили съ Демосѳеномъ перемиріе. Но, къ сожалѣнію, народное собраніе находилось тогда подъ вліяніемъ демагога Клеона, совершенно некстати вмѣшивавшагося во всѣ дѣла. Онъ увѣрилъ народъ, что спартанцы доведены до такой крайности, что принуждены будутъ принять какія угодно требованія, и что если гарнизонъ Сфактеріи не сдался еще, то это слѣдуетъ приписать умышленному нерадѣнію аѳинскихъ аристократовъ. Онъ склонилъ аѳинянъ къ самымъ неумѣреннымъ требованіямъ, на которыя Спарта никакъ не могла согласиться, — и война опять возобновилась.

Аѳинскіе полководцы, для подкрѣпленія которыхъ было прислано бо́льшее число кораблей, крейсировали день и ночь вокругъ лѣсистаго и необитаемаго острова, чтобы пресѣчь осажденнымъ всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Спартанцы съ своей стороны не щадили ничего, чтобы доставить своему гарнизону средства къ сопротивленію. За доставку провіанта на островъ они обѣщали гелоту свободу, а свободному человѣку — значительную сумму денегъ. Поэтому осажденные, не смотря на всю бдительность

аѳинянъ, получали такъ много разныхъ запасовъ и выказывали такую энергію въ оборонѣ, что необходимость сдачи была отсрочена на очень долгое время. Опытные аѳинскіе полководцы знали, что минута эта рано или поздно должна была наступить, и потому выжидали время, не вызывая осажденныхъ на отчаянный бой, хотя войска ихъ сами терпѣли недостатокъ въ водѣ и продовольствіи. Клеонъ воспользовался этимъ, чтобы оклеветать Демосѳена и его товарищей. Онъ обвинилъ ихъ въ трусости и неумѣньи взяться за дѣло, и увѣрялъ, что нѣтъ ничего легче, какъ справиться съ небольшимъ отрядомъ защитниковъ Сфактеріи. Никій, одинъ изъ тогдашнихъ стратеговъ, находившійся въ народномъ собраніи, сказалъ ему, что если онъ лучше знаетъ дѣло, то пусть приметъ начальство, и попытается овладѣть островомъ. Крикунъ смутился и отклонилъ это предложеніе, говоря, что въ стратеги выбранъ не онъ, а Никій. Но чѣмъ болѣе отказывался Клеонъ, тѣмъ сильнѣе народъ настаивалъ, чтобы онъ принялъ начальство; и когда Никій вызвался уступить ему свою должность, онъ былъ наконецъ принужденъ согласиться на желаніе народа. Дерзость и тутъ не оставила его; среди громкаго хохота народа, онъ обѣщалъ черезъ двадцать дней или истребить всѣхъ защитниковъ Сфактеріи, или привести ихъ плѣнниками въ Аѳины. Случай благопріятствовалъ ему. Сильный пожаръ, незадолго передъ тѣмъ вспыхнувшій на островѣ, истребилъ бо́льшую часть лѣса, составлявшаго главную защиту спартанцевъ, и когда Клеонъ явился въ армію, Демосѳенъ уже успѣлъ довести ихъ до послѣдней крайности. Нападеніе, произведенное Клеономъ вмѣстѣ съ Демосѳеномъ, удалось вполнѣ и спартанцы, послѣ упорнаго сопротивленія, были наконецъ принуждены сдаться (425 до р. X.). Всѣхъ плѣнныхъ было двѣсти девяносто два; остальная часть отряда погибла во время осады. Сопровождаемый этими плѣнниками, изъ которыхъ двѣсти двадцать принадлежали къ первымъ фамиліямъ Спарты, Клеонъ съ торжествомъ вернулся въ Аѳины.

Спартанцы, подвергавшіеся безпрестаннымъ нападеніямъ аѳинска-

го гарнизона бывшаго въ Пилосѣ, и желавшіе возвратить свободу своимъ плѣннымъ соотечественникамъ, нѣсколько разъ предлагали заключить миръ. Но аѳиняне, были опьянены своими успѣхами, и крикунъ Клеонъ, вообразившій, что знаетъ уже все неисключая и военнаго дѣла, подстрекалъ народъ къ самымъ дерзкимъ требованіямъ. Счастіе благопріятствовало всѣмъ предпріятіямъ аѳинянъ. Между прочимъ они завоевали и укрѣпили коринѳскій городъ Метону, взяли укрѣпленную гавань Мегары, Нисею, и заняли лежавшій близъ береговъ Лаконіи островъ Китеру. Послѣднее обстоятельство имѣло для спартанцевъ особенную важность, потому что торговыя суда, шедшія въ Лаконію изъ Африки, бросали якорь у этого острова, и оттуда всего удобнѣе было защищать лаконскій берегъ отъ нападеній пиратовъ. Счастіе, до сихъ поръ не оставлявшее аѳинянъ, увлекаемыхъ Клеономъ отъ одной опрометчивости въ другую, внезапно оставило ихъ, когда искусный спартанскій полководецъ Брасидъ перенесъ главный театръ войны въ Македонію и Ѳракію. Брасидъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ спартанцевъ, которые умѣли соединять кротость и обходительность съ суровой добродѣтелью своего племени. Въ борьбѣ и побѣдѣ онъ постоянно обнаруживалъ блестящее мужество и истинно спартанскій духъ; когда же нужно было пріобрѣсти или удержать за собою дружбу союзниковъ, являлся человѣкомъ внимательнымъ, любезнымъ и желающимъ свободы для всѣхъ. Въ этой войнѣ онъ первый изъ всѣхъ спартанцевъ удостоился публичной похвалы за то, что въ первую компанію отважнымъ подвигомъ спасъ окруженный аѳинянами городъ Метону. Въ слѣдующіе годы Брасидъ постоянно отличался храбростью, искусствомъ и казался человѣкомъ, которому суждено было кончить войну въ пользу Спарты. Въ 424 году спартанцы ввѣрили ему начальство надъ экспедиціей, посланной въ Македонію и Ѳракію, и это дало войнѣ новое направленіе.

Передъ отправленіемъ Брасида изъ Спарты, тамошніе олигархи совершили неслыханное злодѣйство, заставляющее человѣчество съ омерзеніемъ отвернуться отъ подобнаго правительства. Отправле-

ніе арміи въ далекую Θракію возбуждало опасенія олигарховъ насчетъ спокойствія гелотовъ, между которыми въ то время было замѣтно довольно сильное волненіе, поддерживаемое эмиссарами изъ Пилоса, куда не задолго передъ тѣмъ переселилось изъ Навпакта значительное число мессенцевъ. Аристократы рѣшились обезопасить себя отъ самой энергической части гелотскаго населенія, и для этого прибѣгли къ самому коварному средству. Они объявили, что всякому гелоту, желающему получить свободу, предоставляется право заслужить ее своимъ мужествомъ на войнѣ; этимъ хотѣли распознать въ массѣ людей, всего болѣе жаждущихъ освобожденія, и, слѣдовательно, всего болѣе склонныхъ къ возстанію. Когда двѣ тысячи гелотовъ отвѣтили на вызовъ, ихъ украсили цвѣтами и торжественнно водили по храмамъ, какъ будто имъ въ самомъ дѣлѣ была дана свобода. Но вскорѣ всѣ они исчезли, потому что были тайно перерѣзаны одинъ за другимъ. Кромѣ того съ Брасидомъ послано было еще семьсотъ гелотовъ.

Экспедиція, отправленная въ Македонію и Θракію, имѣла цѣлью отнять у аѳинянъ владычество надъ тамошними колоніями, и присоединить ихъ къ пелопоннесскому союзу. Особенное вниманіе спартанцевъ обращали на себя города Халкидики, уже возставшіе противъ Аѳинъ. Брасидъ двинулся сухимъ путемъ, счастливо прошелъ черезъ греческія государства, лежавшія на пути его, и спасъ по дорогѣ Мегару, сильно тѣснимую тогда аѳинянами. Въ Македоніи къ нему присоединилась армія царя Пердикки II. Дѣйствуя въ союзѣ съ нею, онъ склонилъ большую часть македонскихъ и θракійскихъ городовъ перейти на сторону пелопоннесскаго союза и казалось, что владычество Аѳинъ въ этихъ мѣстахъ уже навсегда рушилось. Блистательнымъ успѣхомъ кампаніи Брасидъ былъ обязанъ своему благородному и обходительному характеру, своему искусству и тому спокойствію, которое онъ, какъ человѣкъ дѣйствительно энергическій и твердый, обнаруживалъ въ минуту опасности. Счастіе также благопріятствовало его предпріятію тѣмъ, что аѳиняне въ тоже самое время были разбиты въ Беотіи.

Подавленные демократы беотійскихъ городовъ заключили съ Аѳинами союзъ, посредствомъ котораго надѣялись низвергнуть аристократическія правительства своей родины. Чтобы поддержать эту революцію, аѳинская армія подъ начальствомъ Гиппократа должна была занять лежавшій въ Танагрскомъ округѣ Делійскій храмъ. Но она еще не успѣла кончить приготовленій къ оборонѣ этого пункта, какъ беотійскія правительства соединили свои силы, и планъ демократовъ рушился прежде, чѣмъ былъ приведенъ въ исполненіе. Недалеко отъ Делія произошло сраженіе, въ которомъ аѳинская армія была разбита на голову и потеряла нѣсколько тысячъ человѣкъ (осенью 424 года).

Это пораженіе снова усилило вліяніе миролюбиваго Никія, который въ то время почти ежегодно выбирался въ стратеги, и не только распоряжался военною частью, но и управлялъ государственными дѣлами. Весною слѣдующаго года (423), онъ и его друзья успѣли заключить перемиріе на одинъ годъ. Аѳинянъ склонили къ этому успѣхи Брасида въ Македоніи и Ѳракіи; а спартанцевъ — желаніе добиться путемъ переговоровъ освобожденія плѣнныхъ, взятыхъ на Сфактеріи. Клеонъ, хотя осмѣянный и опозоренный на сценѣ великимъ комикомъ Аристофаномъ и кромѣ того подвергшійся обвиненію въ растратѣ государственныхъ суммъ, — вслѣдствіе чего былъ приговоренъ къ уплатѣ пени въ пять талантовъ (6,500 руб. сер.), — выступилъ на сцену, какъ ярый противникъ перемирія. Народъ согласился на эту мѣру преимущественно вслѣдствіе затруднительнаго положенія дѣлъ во Ѳракіи и Македоніи, потому Клеонъ обратился къ той же тактикѣ, которую употребилъ въ вопросѣ о Сфактеріи. Онъ сталъ порицать неспособность аѳинскихъ полководцевъ и имѣлъ нахальство хвастаться своими военными талантами. Тогда обѣ партіи, и аристократы и демократы, единогласно избрали его въ число стратеговъ на 422 годъ и ввѣрили ему новую армію, высланную противъ Брасида. Одни разсчитывали на то, что онъ несомнѣнно погубитъ

себя, и Аѳины освободятся отъ несноснаго демагога; другіе были увлечены его крикомъ и надѣялись, что онъ побѣдитъ.

По истеченіи срока перемирія, Клеонъ съ тридцатью кораблями и отборной арміей поплылъ къ полуострову Халкидикѣ. Высадившись на берегъ, онъ вступилъ въ Брасидомъ въ бой при Амфиполѣ, гдѣ былъ разбитъ на голову, и самъ погибъ въ постыдномъ бѣгствѣ. Въ этомъ сраженіи кончилъ свое непродолжительное и блестящее поприще и спартанскій герой. Онъ погибъ славною смертью, и почести, оказанныя его памяти, всего лучше показываютъ, какъ глубоко спартанцы и союзники ихъ уважали его военныя дарованія, благородный, кроткій характеръ и благоразуміе. Тѣло его было похоронено съ величайшей торжественностью на Амфипольской площади, въ присутствіи всей арміи, а надъ его гробницею былъ поставленъ памятникъ, воздвигнутый на общественный счетъ. Всѣ знаки, напоминавшіе аѳинскаго основателя колоніи Амфиполя, были уничтожены, народъ назвалъ Брасида основателемъ города, и положилъ учредить въ честь его, какъ полубога, ежегодныя игры и жертвоприношенія.

Смерть благороднаго Брасида и жалкаго Клеона повела за собою окончаніе войны. Оба они были противниками мира. Одинъ— потому что любилъ войну и, зная себя, могъ разсчитывать на блистательное ея окончаніе; другой потому, что только среди волненій и напряженнаго состоянія, которое война поддерживала въ умахъ аѳинянъ, ему представлялась возможность разыгрывать свою площадную роль. Мѣсто ихъ заняли два человѣка, рѣшительно стремившіеся къ миру. Въ Аѳинахъ—Никій, всегда бывшій противникомъ войны, и получившій тогда огромное вліяніе. Въ Спартѣ — царь Плистонаксъ, возвращенный на родину послѣ девятнадцатилѣтняго изгнанія по совѣту подкупленнаго имъ дельфійскаго оракула (стр. 432), и только въ мирное время способный имѣть нѣкоторое значеніе между своими соотечественниками. Мирные переговоры начались весьма скоро послѣ Амфипольской битвы, и были ведены Никіемъ и Плистонаксомъ

съ одинаковымъ рвеніемъ. Они тянулись всю зиму, а весною 421 г. былъ заключенъ миръ на пятьдесятъ лѣтъ. Миръ этотъ, распространявшійся и на союзниковъ обѣихъ сторонъ, обыкновенно называютъ Никіевымъ. Главныя условія его состояли въ томъ, что обѣ стороны положили обмѣняться плѣнными, и возвратить другъ другу, за весьма немногими исключеніями, всѣ сдѣланныя ими завоеванія. Коринѳяне, беотійцы, и жители Элиды и Мегары не захотѣли приступить къ нему, не соглашаясь на нѣкоторыя изъ статей мирнаго договора.

10. Исторія грековъ отъ Никіева мира до возобновленія Пелопоннесской войны.

Тотчасъ послѣ заключенія мира аѳинская демократія запятнала себя новою жестокостью, отмстивъ кровавымъ образомъ жителямъ халкидикскаго города Скіоны за то, что они въ началѣ 423 года перешли на сторону пелопоннесцевъ. Аѳиняне долго осаждали этотъ городъ безъ всякаго успѣха; но послѣ заключенія мира, онъ скоро былъ принужденъ къ безусловной сдачѣ. Тогда аѳиняне исполнили рѣшеніе, принятое ими по предложенію Клеона еще при первомъ извѣстіи объ отпаденіи города. Всѣ мужчины города были казнены, женщинъ и дѣтей продали въ рабство, а земли розданы платейцамъ. Съ этимъ совершеннымъ истребленіемъ скіонскаго населенія сходенъ другой поступокъ аѳинянъ, совершенный ими за два года передъ тѣмъ и состоявшій въ томъ, что они изгнали всѣхъ делосцевъ, съ женами и дѣтьми, съ ихъ роднаго острова. Несчастные нашли убѣжище у одного изъ персидскихъ сатраповъ Малой-Азіи. Послѣ заключенія мира, суевѣрные аѳиняне воротили ихъ на родину, потому что приписали неудачи послѣдняго времени войны гнѣву боговъ, раздраженныхъ этою жестокостью.

При разнообразіи греческихъ государственныхъ учрежденій, при существованіи наслѣдственныхъ симпатій и антипатій, при

отсутствіи всякаго національнаго средоточія и при множествѣ горячихъ головъ, спокойствіе въ Греціи было конечно невозможно. Можно даже сказать, что волненіе было необходимо для того, чтобы отъ бездѣйствія силы народа не ослабѣли или не получили вреднаго направленія. Но кромѣ этихъ общихъ причинъ, въ возобновленіи войны много участвовало и огромное честолюбіе одного аѳинянина. Это былъ Алкивіадъ, еще молодой человѣкъ, тогда только что начинавшій принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и превосходно умѣвшій пользоваться наклонностью своихъ согражданъ къ обширнымъ предпріятіямъ. Онъ былъ очень богатъ, и, подобно Периклу, принадлежа къ старинному благородному роду, гордился своей родословной и огромными помѣстьями; но при всемъ томъ взялся за роль Клеона, только разыгрывалъ ее съ нѣсколько бо́льшимъ достоинствомъ и въ другомъ родѣ. Воспитанный подъ опекой Перикла, приходившагося ему близкимъ родственникомъ, необыкновенно красивый собой, обладавшій уже огромными наслѣдственными богатствами, а со времени женитьбы своей на сестрѣ богатаго Каллія, за которой взялъ въ приданое десять тысячъ талантовъ ($13\frac{1}{2}$ милліоновъ р. сер.), разбогатѣвшій до того, что его состояніе считалось бы громаднымъ и въ современной Англіи, любимый всѣми философами, даровитый, остроумный, храбрый, рожденный полководцемъ — онъ, по словамъ Платона, сталъ бы вторымъ Перикломъ, еслибъ еще нѣсколько лѣтъ спокойно готовился къ политической дѣятельности. Но обычный ходъ вещей казался ему слишкомъ скучнымъ; онъ вдругъ сдѣлался государственнымъ человѣкомъ, и аѳиняне съ радостью предались геніальному юношѣ, который былъ также великъ въ оргіяхъ своей буйной жизни, какъ въ политическихъ интригахъ и хитростяхъ.

Множество внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствъ, соединявшихся въ Алкивіадѣ, и полная случайностей и приключеній жизнь дѣлаютъ его одною изъ личностей наиболѣе привлекающихъ вниманіе тѣхъ, кто ищетъ въ исторіи одной только занимательности.

Вотъ почему древніе писатели, державшіеся этой точки зрѣнія, и сообщаютъ намъ про него такое множество анекдотовъ. Многіе изъ нихъ очень далеки отъ истины, но о нихъ все таки слѣдуетъ упомянуть, потому что часто приходится встрѣчать намеки на эти разсказы. Кромѣ того, многіе изъ нихъ наглядно знакомятъ насъ съ нравами грековъ того времени. Нѣкоторые въ особенности служатъ разительнымъ примѣромъ того, до какой степени развратился аѳинскій народъ и какъ много можетъ позволять себѣ вліятельный человѣкъ въ такой демократіи, какова была аѳинская.

Честолюбіе, одушевлявшее этого замѣчательнаго человѣка въ теченіе всей его жизни, и смѣлое, ничѣмъ нестѣсняющееся своеволіе составляютъ главныя черты его характера, даже и въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ числѣ многихъ другихъ анекдотовъ, гдѣ видно задорное упрямство, обнаруживавшееся въ немъ еще въ ребяческіе годы, про него разсказываютъ, что онъ ни за что не хотѣлъ учиться играть на флейтѣ, говоря что игра на флейтѣ искажаетъ черты лица и играющему нельзя говорить или пѣть. Въ видѣ дополненія къ этому анекдоту, Алкивіаду приписывается тотъ же отвѣтъ, который далъ въ подобномъ случаѣ Ѳемистоклъ (стр. 366). Разсказываютъ, что однажды Алкивіадъ сказалъ, намекая на отличавшихся необразованостью жителей Беотіи: „предоставьте флейту сынамъ ѳиванцевъ, которые не умѣютъ говорить, какъ мы, аѳиняне!“ Въ юношескомъ возрастѣ Алкивіадъ близко сошелся съ философомъ Сократомъ. Это былъ единственный человѣкъ, на котораго Алкивіадъ обращалъ какое нибудь вниманіе. Да и то къ обществу Сократа его привлекало только простое личное уваженіе къ благородному и сильному характеру и желаніе говорить съ геніальнымъ человѣкомъ; а не то чтобы онъ плѣнялся ученіемъ Сократа или его нравственнымъ величіемъ. Сократъ не имѣлъ никакого вліянія ни на образъ мыслей, ни на поступки Алкивіада. Отношенія этихъ двухъ людей объясняются еще тѣмъ, что при осадѣ Потидеи, которою началась Пелопоннесская война, Сократъ

спасъ жизнь Алкивіада, заплатившаго ему подобною услугой нѣсколько лѣтъ спустя, въ несчастномъ сраженіи при Деліи.

Громадное честолюбіе и геніальное легкомысліе Алкивіада во второмъ періодѣ его молодости видны изъ многихъ частью подлинныхъ, а частью и вымышленныхъ разсказовъ. Чтобы привлечь къ себѣ вниманіе всей Греціи, онъ однажды послалъ на олимпійскія игры семь колесницъ, запряженныхъ великолѣпными конями (чего до тѣхъ поръ еще никогда не бывало) и съ этими колесницами ему удалось получить на состязаніи три приза. Въ Аѳинахъ онъ весьма рано сталъ искать популярности блестящими хорегіями, состязаніями и т. п. Разсказываютъ также, что однажды онъ купилъ за нѣсколько тысячъ рублей (считая на наши деньги) какую то рѣдкую собаку, и потомъ страшно изуродовалъ ее единственно съ тою цѣлью, чтобы заставить говорить о себѣ. Онъ былъ такимъ отчаяннымъ и наглымъ развратникомъ, что вводилъ любовницъ даже въ свой собственный домъ, и этимъ заставилъ свою чрезвычайно скромную жену разстаться съ нимъ и просить развода. По аѳинскимъ законамъ, женщина могла это сдѣлать не иначе, какъ явившись лично съ своей жалобой на городской площади. Алкивіадъ, узнавъ объ этомъ, тоже пришелъ на площадь, вмѣстѣ съ товарищами своихъ похожденій, и насильно увелъ свою жену домой, показавъ такимъ образомъ всему городу, какъ мало онъ обращаетъ вниманія на государственныя учрежденія и законы. Точно также поступилъ онъ, когда ему пришлось однажды отдѣлывать за-ново свой домъ, и приглашенный имъ живописецъ объявилъ что, имѣя уже очень много заказовъ, не можетъ взяться за это дѣло. Алкивіадъ заманилъ его къ себѣ, и заставилъ работать, удерживая плѣнникомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Политическая дѣятельность Алкивіада началась тотчасъ послѣ заключенія мира. Мирный договоръ нисколько не уладилъ взаимныхъ отношеній греческихъ государствъ. Исполненіе нѣкоторыхъ статей трактата оказывалось затруднительнымъ: жители Элиды и Мегары, коринѳяне и беотійцы не хотѣли признать ихъ; и дѣй-

ствія этихъ четырехъ державъ, до тѣхъ поръ союзныхъ Спартѣ, такъ встревожили ее, что въ томъ же году когда состоялся миръ, она заключила оборонительный союзъ съ аѳинянами. Это побудило и коринѳянъ искать безопасности въ союзѣ съ другими государствами; они обратились къ Аргосу. Аргосцы, наслѣдственные враги спартанцевъ, имѣли съ своей стороны причину согласиться на этотъ союзъ, потому что въ 420 году истекалъ срокъ перемирію, заключенному ими со Спартой за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, и при тогдашнихъ обстоятельствахъ можно было ожидать возобновленія войны. Кромѣ того, они льстили себя надеждою, что, явившись во главѣ союза греческихъ государствъ противъ Спарты, они снова успѣютъ достигнуть преобладанія въ Пелопоннесѣ. Къ аргосскому союзу, кромѣ коринѳянъ, приступили жители Элиды, аркадскаго города Мантинеи и халкидикскія колоніи, также непризнавшіе Никіева мира, снова отдававшаго ихъ во власть Аѳинъ. Но аристократическія правительства Беотіи и Мегары не могли имѣть довѣрія къ союзу, во главѣ котораго стоялъ демократическій Аргосъ. Попытка привлечь къ союзу нѣкоторыя другія государства также не удалась, и союзникамъ пришлось убѣдиться въ невозможности составить сильную коалицію противъ Спарты и Аѳинъ. Въ то же время стала пробуждаться прежняя недовѣрчивость и между этими двумя государствами, тѣмъ болѣе, что ни та, ни другая сторона не исполняла условій договора, по непрочности новыхъ отношеній, или сопротивленію союзниковъ. Отъ этого возникали разнаго рода затрудненія и новые союзы, большей частью очень скоро распадавшіеся. Для молодаго и хитраго Алкивіада, выступавшаго тогда на политическое поприще, такія обстоятельства были какъ нельзя болѣе кстати. Пользуясь ими, онъ всего легче могъ удовлетворить своему честолюбію.

Алкивіадъ ненавидѣлъ спартанцевъ, потому что при веденіи переговоровъ они постоянно обращались къ Никію, а на него, какъ на юношу еще, не обращали никакого вниманія. Это сердило

его тѣмъ болѣе, что онъ всячески заботился о спартанцахъ, взятыхъ въ плѣнъ при Сфактеріи, и потому надѣялся возобновить дружественныя отношенія, въ которыхъ его предки находились къ Спартѣ, и которыя были прерваны его дѣдомъ. Теперь, изъ досады, онъ всѣми силами старался вредить спартанцамъ, и составилъ планъ союза Аѳинъ съ Аргосомъ, Элидой и Мантинеей, которые все еще держались вмѣстѣ. Алкивіадъ имѣлъ сношенія со всѣми частями Греціи, и ему не трудно было навести эти государства на мысль обратиться къ Аѳинамъ съ предложеніемъ о заключеніи союза. Узнавъ объ этомъ, спартанцы тотчасъ же отправили посольство въ Аѳины, чтобы помѣшать этому соглашенію устраненіемъ недоразумѣній возникшихъ между спартанцами и аѳинянами. Алкивіадъ перехитрилъ этихъ пословъ; но поступилъ такъ грубо и безстыдно, что не знаешь, чему больше удивляться: его наглости и безсовѣстности, наивности спартанскихъ пословъ или, наконецъ, терпѣнію аѳинянъ, сносившихъ подобныя выходки. Аѳинскій сенатъ, которому принадлежала инициатива всѣхъ дѣлъ, и который поэтому первый выслушалъ представителей Спарты, принялъ ихъ хорошо, и Алкивіадъ долженъ былъ опасаться, что они будутъ имѣть успѣхъ на слѣдующій день въ народномъ собраніи. Чтобы помѣшать этому, онъ пошелъ къ нимъ и сказалъ, что если они объявятъ народу, какъ объявили сенату, что имъ дано неограниченное полномочіе, то народъ потребуетъ отъ нихъ невозможнаго, и они ничего не успѣютъ сдѣлать. Посовѣтовавъ имъ остерегаться этой ошибки, онъ обѣщалъ всѣми силами поддерживать ихъ дѣло. Послы дались въ обманъ, и въ народномъ собраніи объявили, что имѣютъ лишь ограниченныя полномочія. Тогда Алкивіадъ тотчасъ же обратился къ народу съ восклицаніемъ: „Слышите! Сегодня они говорятъ сенату одно, а завтра народному собранію другое; можно ли связываться съ такимъ ненадежнымъ правительствомъ?“ Естественно, что послѣ этого народъ не захотѣлъ слышать о союзѣ съ Спартой, и, не смотря на всѣ представленія Никія и другихъ, заключилъ по

совѣту Алкивіада союзъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой (420 до р. X.).

Слѣдствіемъ этого союза была война между спартанцами и аргосцами. Она продолжалась нѣсколько лѣтъ и въ ней приняли участіе аѳиняне, какъ союзники аргосцевъ. Кромѣ того, въ Аргосѣ вспыхнула ожесточенная борьба партій, вызвавшая двѣ революціи и кончившаяся наконецъ тѣмъ, что въ 416 году аѳиняне схватили триста гражданъ аристократической партіи и на двадцати корабляхъ развезли ихъ по разнымъ островамъ Эгейскаго моря. Въ томъ же году отъ произвола аѳинянъ пострадалъ островъ Мелосъ, обыкновенно причисляемый къ Кикладамъ. Жители его подверглись той же участи, какую испытали несчастные скіонцы. Мелійцы, принадлежавшіе къ дорійскому племени и до тѣхъ поръ соблюдавшіе нейтралитетъ, были принуждены подчиниться Аѳинамъ. Они защищались съ большимъ мужествомъ, но должны были наконецъ уступить превосходству непріятельскихъ силъ и сдаться. Жестокій аѳинскій народъ страшно наказалъ ихъ за геройскую защиту свободы. Всѣ мущины острова были казнены, женщины и дѣти проданы въ рабство, а земли розданы пятистамъ аѳинскимъ поселенцамъ.

11. Возобновленіе Пелопоннесской войны и предпріятія аѳинянъ въ Сициліи.

Военныя дѣйствія, о которыхъ мы говорили выше, не были считаемы ни спартанцами ни аѳинянами за нарушеніе мира; но при всемъ томъ онъ не могъ быть проченъ. Поводомъ къ возобновленію войны были событія въ Сициліи, въ 416 году. Война аѳинянъ противъ Сиракузъ и другихъ сицилійскихъ городовъ, начатая ими съ 427 года, была, вообще, довольно удачна, но въ 424 году усилія одного сицилійскаго патріота положили конецъ ей. Слѣдуя примѣру двухъ городовъ, которые въ предшествовавшую зиму отдѣлились отъ своихъ союзниковъ и заключили между собою миръ, другія сицилійскія государства послали

въ одинъ изъ этихъ городовъ депутатовъ для переговоровъ о прекращеніи войны. На этомъ собраніи уроженцу Сиракузъ Гермократу удалось убѣдить своихъ соотечественниковъ въ неблагоразуміи давать поводъ ко вмѣшательству аѳинянъ въ дѣла Сициліи, и въ необходимости, для выгодъ всѣхъ государствъ острова, удалить ихъ оттуда и прекратить для этого всѣ внутреннія распри. Вслѣдствіе этихъ соображеній сицилійцы заключили всеобщій миръ, и аѳинскій флотъ, оставленный своими союзниками, былъ принужденъ отправиться въ Грецію. По возвращеніи его въ Аѳины, народъ наказалъ трехъ главныхъ начальниковъ за то, что они не съумѣли помѣшать заключенію союза. Ихъ заподозрили въ подкупѣ, и двоихъ изъ нихъ сослали, а третій, пользовавшійся большою популярностью, былъ приговоренъ къ уплатѣ денежной пени.

Восемь лѣтъ спустя (въ 416 году), города Сегеста и Селинунтъ поссорились между собою; послѣдній былъ поддерживаемъ могущественными Сиракузами, а противники его рѣшились просить помощи Аѳинъ. Въ исполненіи этой просьбы Алкивіадъ увидѣлъ вѣрнѣйшій путь къ тому, чтобы играть блестящую роль, и потому употребилъ всѣ бывшія въ его рукахъ средства, чтобы расположить народъ въ пользу этого предпріятія. Онъ представилъ аѳинянамъ, что оно дастъ ихъ городу превосходнѣйшій случай не только покорить Сиракузы, могущественный дорійскій городъ, но и утвердить демократію во всей Сициліи, и такимъ образомъ сдѣлать первый шагъ къ всемірному владычеству. Благоразумные граждане, въ томъ числѣ Никій, старались своими основательными возраженіями удержать народъ отъ увлеченія; но усилія ихъ были напрасны. Побѣда осталась за Алкивіадомъ, планъ котораго льстилъ самолюбію народа, и въ 415 году, безъ всякаго знанія о положеніи дѣлъ, было рѣшено отправить экспедицію противъ острова, размѣры и населенность котораго не были даже приблизительно извѣстны большей части аѳинянъ, и завоеваніе котораго составляло почти столь же трудную задачу, какъ покореніе Пелопоннеса.

Приготовленія аѳинянъ къ войнѣ съ Сициліей были громадны. На это опасное предпріятіе они употребили всѣ сокровища государства, всѣ отборнѣйшія войска свои и самые лучшіе корабли. Флотъ, снаряженный ими, состоялъ изъ ста тридцати четырехъ большихъ кораблей, изъ которыхъ тридцать четыре были выставлены союзниками. Въ войскѣ, составленномъ изъ аѳинянъ, аргосцевъ, мантинейцевъ и другихъ союзниковъ, считалось 5100 тяжело-вооруженныхъ и 1300 человѣкъ легкихъ воиновъ. Никогда еще отдѣльное греческое государство не снаряжало такихъ значительныхъ силъ; и правительство, и граждане, участвовавшіе въ этомъ вооруженіи лично или тріерархіями, не щадили ничего, чтобы дать экспедиціи возможно блистательный видъ. Все населеніе Аѳинъ соперничало въ усиліяхъ, чтобы и войско и флотъ не имѣли себѣ подобныхъ, прославили могущество роднаго города передъ лицомъ всей Греціи и соотвѣтствовали тѣмъ блестящимъ ожиданіямъ и надеждамъ, ради которыхъ снаряжалась экспедиція. Начальниками ея сдѣлали Никія, Ламаха и Алкивіада. Только такой человѣкъ, какъ Алкивіадъ, былъ въ состояніи съ успѣхомъ выполнить предпріятіе, гдѣ всего нужнѣе было умѣніе пріобрѣсти довѣріе арміи и флота и искусство вести переговоры съ враждующими партіями различныхъ сицилійскихъ государствъ, и гдѣ тактическія свѣдѣнія являлись уже на второмъ планѣ. Къ несчастію для Аѳинъ, армія лишилась этого предводителя, вскорѣ послѣ высадки своей въ Сициліи.

Алкивіадъ имѣлъ въ Аѳинахъ очень много враговъ, потому что его роскошь и оргіи, также какъ громадные дерзкіе планы, обнаруживавшіеся при каждомъ удобномъ случаѣ, заставляли многихъ аѳинянъ подозрѣвать его въ стремленіи къ единовластію. До отправленія флота, они чрезвычайно дѣятельно, но напрасно, старались отнять командованіе у Алкивіада и отдать его въ другія руки. Флотъ отплылъ; но враги продолжали замышлять погибель Алкивіада, и для этого воспользовались происшествіемъ, случившимся въ Аѳинахъ. Въ этомъ го-

родѣ было множество такъ называемыхъ гермовъ, маленькихъ четыреугольныхъ столбовъ, верхній конецъ которыхъ былъ изваянъ въ видѣ человѣческой головы, и которые считаются остатками первобытнаго способа изображать людей и боговъ. Гермы ставились на площадяхъ, передъ храмами и жилищами, и служили украшеніемъ и указательными столбиками, но такъ какъ большая часть изъ нихъ была посвящена богу Гермесу или Меркурію, то ихъ считали отчасти священными. Однажды ночью, незадолго до отплытія флота, почти всѣ эти гермы были изуродованы. Въ государствѣ, гдѣ право не зависитъ отъ буквы закона, все приносится въ жертву суевѣрію, страстямъ и ненависти партій. Въ этомъ отношеніи все равно, зависитъ ли правительство отъ произвола одного лица, платящаго дань страстямъ и предразсудкамъ, или отъ прихотей многочисленной, грубой толпы. Суевѣріе беретъ верхъ надъ религіей, всякій поступокъ можно назвать преступнымъ заговоромъ, и обвинить въ немъ кого угодно. Происшествіе съ гермами взволновало Аѳины и враги Алкивіада воспользовались этимъ, чтобы возбудить въ народѣ подозрѣніе, что преступленіе это совершено Алкивіадомъ и товарищами его ночныхъ похожденій. Въ то же время былъ распущенъ слухъ, что Алкивіадъ осквернилъ элевсинскія таинства (стр. 342), осмѣлившись, вмѣстѣ съ своими пріятелями, пародировать во время оргіи священныя церемоніи Элевсина. Вмѣстѣ съ этими слухами, которыми старались взволновать народъ, въ немъ распространяли мнѣніе, что такіе поступки Алкивіада имѣютъ связь съ его тайными посягательствами на свободу и учрежденія государства. Понявъ намѣренія своихъ враговъ, Алкивіадъ потребовалъ передъ отъѣздомъ въ походъ чтобы надъ нимъ было наряжено слѣдствіе, но враги его употребили всѣ средства, чтобъ воспрепятствовать этому. Онъ имѣлъ въ Аѳинахъ громадное вліяніе. Молодежь боготворила его, старики боялись, мантинейская и аргосская часть арміи, согласившаяся итти въ походъ только ради его, могла въ случаѣ его осужденія отказаться отъ участія въ экспедиціи. Потому, можно было считать несомнѣн-

нымъ, что Алкивіадъ, правый или виноватый, будетъ оправданъ во всякомъ случаѣ. Во избѣжаніе такого результата враги его уговорили народъ постановить, что экспедиція не должна быть замедляема этимъ происшествіемъ, и Алкивіаду слѣдуетъ отправиться вмѣстѣ съ ней, а судъ надъ нимъ откладывается до другаго времени.

По удаленіи Алкивіада, врагамъ его открылось свободное поле дѣйствій, и они повели противъ него уголовное слѣдствіе самымъ возмутительнымъ образомъ. Нельзя безъ отвращенія глядѣть на демократическое государство, гдѣ, по проискамъ личныхъ враговъ, судебное дѣло могло быть ведено такъ безпорядочно и такъ тираннически, подъ видомъ законности. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого процесса, весьма подробно разсказаннаго въ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ сочиненій, можно почти думать, что Алкивіадъ, не смотря на свой развратъ и безсовѣстность, всетаки былъ однимъ изъ лучшихъ гражданъ въ Аѳинахъ, по крайней мѣрѣ, если сравнить его съ другими обвиненными и съ обвинителями. Враги Алкивіада, во главѣ которыхъ стоялъ демагогъ Андроклъ, прежде всего привели въ народное собраніе одного изъ слугъ Алкивіада, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ метекомъ. Тотъ объявилъ, что однажды своими глазами видѣлъ, какъ Алкивіадъ съ нѣсколькими пріятелями пародировалъ священные обряды таинствъ. На основаніи этого показанія, которое кажется было вѣрно и нисколько не противорѣчитъ характеру Алкивіада и его товарищей, одного изъ обвиненныхъ метекомъ схватили и подвергли смертной казни. Остальные успѣли бѣжать. Послѣ того обвинители пріискали подобныхъ же свидѣтелей; на основаніи ихъ показаній были схвачены и казнены еще нѣсколько человѣкъ. Доносчикамъ давали большія денежныя награды, потому многочисленные аѳинскіе законники, сообразивъ какъ выгодно это дѣло, присоединили къ слѣдствію происшествіе съ гермами, и новые свидѣтели еще болѣе взволновали народъ. Два демагога, назначенные слѣдственными судьями, воспользовались своею должностью, какъ средствомъ пріобрѣсти расположеніе народа. Было

рѣшено, что дѣло это нужно изслѣдовать глубже, что подъ нимъ скрывается опасный заговоръ, въ которомъ замѣшано много лицъ, что цѣль его — уничтоженіе народнаго владычества и т. п. Одинъ гражданинъ, впослѣдствіи признавшійся, что его подговорили къ фальшивому показанію, явился обвинителемъ трехсотъ человѣкъ; народъ увѣнчалъ его за то, какъ спасителя отечества, и допустилъ къ чести обѣдать въ пританеѣ. Послѣдовали новые аресты и казни; нѣкоторые изъ арестованныхъ купили себѣ прощеніе ложными показаніями. Алкивіада велѣно было схватить, привезти въ Аѳины и казнить тамъ, вмѣстѣ съ другими. За нимъ послали, въ Сицилію, аѳинскій корабль. Но всѣмъ была извѣстна привязанность арміи къ Алкивіаду, и посланному герольду было приказано не задерживать его прямо, а любезно предложить ему вернуться вмѣстѣ съ нимъ въ Аѳины, чтобы оправдаться тамъ во взведенныхъ на него обвиненіяхъ.

Въ Сициліи до тѣхъ поръ все шло прекрасно, потому что Алкивіадъ искусно велъ предпріятіе. Когда явился корабль присланный за нимъ (августъ 415 года), Алкивіадъ спокойно исполнилъ требованіе герольда, дѣлая видъ, что хочетъ явиться въ судъ. Но въ гавани Турія, въ нижней Италіи, онъ внезапно скрылся. Тогда аѳиняне заочно приговорили его къ смерти. Изъ Турія Алкивіадъ бѣжалъ въ Аргосъ, гдѣ имѣлъ большія связи. Но и здѣсь онъ не могъ оставаться долго, потому что аѳиняне требовали его выдачи. Поэтому онъ обратился къ спартанцамъ, получилъ отъ нихъ обѣщаніе радушнаго пріема, и вслѣдъ затѣмъ отправился въ Спарту. Тамъ онъ поддержалъ посольство сиракузянъ, явившееся просить помощи у спартанскаго сената и своей метрополіи, Коринѳа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ научилъ спартанцевъ какъ нужно вести войну въ Греціи, дѣйствительно пагубную для Аѳинъ. Вскорѣ потомъ въ Спартѣ былъ снаряженъ отрядъ въ три тысячи человѣкъ (большею частью коринѳянъ), и посланъ въ Сицилію подъ начальствомъ спартанца Гилиппа.

Между тѣмъ Никій и Ламахъ успѣшно продолжали войну и осадили Сиракузы. Ламахъ вскорѣ былъ убитъ въ незначительномъ сраженіи; но Никій, получившій изъ Аѳинъ достаточно кавалеріи и около 500.000 руб., (на наши деньги), успѣлъ довести сиракузянъ до послѣдней крайности. Городъ уже готовился къ сдачѣ, когда въ его стѣнахъ явился Гилиппъ, совершенно измѣнившій положеніе дѣлъ (414 до р. Х.). Этотъ искусный спартанскій полководецъ оживилъ упавшій духъ сиракузянъ, отлично усилилъ ихъ оборонительныя средства и соединилъ разрозненныя силы различныхъ дорійскихъ государствъ въ Сициліи. Никій поставленный въ крайне затруднительное положеніе былъ вскорѣ окруженъ съ моря и суши. Въ концѣ того же года (414) онъ уже писалъ аѳинянамъ, что принужденъ будетъ отказаться отъ осады, если не получитъ подкрѣпленія войскомъ и кораблями. Въ это время военныя дѣйствія возобновились и въ самой Греціи. Аѳиняне, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же отозвать изъ Сициліи всѣ остававшіяся тамъ силы, весною слѣдующаго года послали туда на помощь Никію своего лучшаго полководца, Демосѳена, съ семидесятью тремя кораблями и пятью тысячами тяжело-вооруженныхъ. Но и сиракузяне, флотъ которыхъ состоялъ тогда уже изъ ста восьмидесяти кораблей, также были подкрѣплены пелопоннесскими кораблями. По прибытіи Демосѳена, аѳиняне произвели рѣшительный приступъ противъ Сиракузъ, но были отбиты съ огромнымъ урономъ. Послѣ того, несчастія слѣдовали за несчастіями. Аѳинскій флотъ былъ уничтоженъ въ четырехъ неудачныхъ сраженіяхъ, и сухопутное войско увидѣло себя наконецъ принужденнымъ отступить во внутренность острова. Аѳиняне раздѣлились на два отряда и совершенно изнеможенные, терпя недостатокъ въ продовольствіи и безостановочно преслѣдуемые сиракузянами, потянулись черезъ мѣстности, гдѣ все было имъ чуждо и враждебно, а знакомо и открыто непріятелю. Отряды эти были наконецъ отрѣзаны одинъ отъ другаго, и Демосѳену пришлось положить оружіе. Тогда и Никій, потерявъ

всякую возможность сопротивляться послѣ непродолжительнаго боя, также сдался непріятелю (сентябрь 413 года).

Судьба плѣнныхъ, число которыхъ простиралось до семи тысячъ, была ужасна: оба начальника сдѣлались жертвами ярости сиракузянъ, которые тогда ввели у себя демократическія учрежденія. Гилиппъ тщетно старался спасти ихъ, желая отвести съ собою въ Спарту и такимъ образомъ увеличить блескъ своихъ подвиговъ. Сиракузяне и пелопоннесскіе ихъ союзники ненавидѣли Демосѳена, какъ своего всегдашняго противника. Никій былъ, напротивъ того, постояннымъ приверженцемъ мира и спартанскихъ учрежденій; но противъ него были озлоблены коринѳяне и, кромѣ того, многіе изъ жителей Сиракузъ, находившіеся въ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ, боялись, что имена ихъ будутъ открыты, если онъ останется живъ. Потому, и Демосѳенъ, и Никій были приговорены къ смерти и казнены. Всѣ прочіе плѣнные подверглись жестокому рабству. Ихъ отвели въ сиракузскія каменоломни, гдѣ работали одни преступники. Тутъ имъ пришлось исполнять изнурительныя работы, выносить всякаго рода бѣдствія: днемъ ихъ жгло солнце, ночью они не имѣли защиты отъ холода. Ихъ заставляли терпѣть голодъ и жажду, и на ночь загоняли въ чрезвычайно тѣсное помѣщеніе. Многіе изъ нихъ заболѣли послѣ нѣсколькихъ дней такой жизни, но и больнымъ не было оказано никакой помощи. Тѣла умершихъ страдальцевъ оставляли въ каменоломняхъ безъ погребенія. Только чрезъ семьдесятъ дней, когда получили свободу плѣнные сицилійцы, часть изъ нихъ была избавлена отъ этихъ ужасныхъ мученій. Кромѣ аѳинянъ, работавшихъ въ каменоломняхъ, были взяты въ плѣнъ и всѣ тѣ, которые пытались спастись бѣгствомъ еще до сдачи арміи. Ихъ также обратили въ рабство. Во всѣхъ сицилійскихъ городахъ встрѣчались рабы, бывшіе граждане Аѳинъ. Немногіе успѣли вернуться на родину. Разсказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ были обязаны своимъ освобожденіемъ трагедіямъ Эврипида. Они старались облегчить свою участь пѣніемъ отрывковъ изъ произведеній этого пи-

сателя; и пѣніе ихъ тронуло сердца ихъ господъ. Освободившись, они тотчасъ по возвращеніи на родину пошли благодарить поэта, которому были обязаны своею свободою.

Въ Аѳинахъ сначала не хотѣли вѣрить бѣдственному исходу сицилійской экспедиціи, но положительное извѣстіе о немъ произвело величайшее смятеніе. Народъ, лишившійся великолѣпнаго флота и лучшихъ своихъ войскъ, вылилъ свой гнѣвъ на тѣхъ, которые нѣкогда защищали мысль его экспедиціи или, какъ жрецы-гадатели, предсказывали ей счастливую развязку. Въ то же время всѣми овладѣлъ паническій страхъ за послѣдствія этого пораженія. Въ Сициліи погибъ цвѣтъ аѳинской молодежи; число оставшихся кораблей не удовлетворяло потребностямъ времени; казна была пуста. А между тѣмъ Аѳины снова находились въ открытой враждѣ съ пелопоннесцами, къ которымъ присоединились персы и недовольные аѳинскіе союзники. Алкивіадъ училъ неопытныхъ спартанцевъ какъ обманывать при политическихъ переговорахъ и помогъ имъ образовать громадный союзъ. Мысль о страшныхъ опасностяхъ, грозившихъ государству, побудила аѳинянъ прибѣгнуть къ величайшимъ усиліямъ, и народъ одобрилъ всѣ мѣры, какія только казались нужными для удержанія за Аѳинами ихъ мѣста въ ряду греческихъ государствъ. Вслѣдствіе того были ограничены государственные расходы, построены новые корабли, приняты необходимыя предосторожности для наблюденія за союзниками и, наконецъ, для распоряженій по всѣмъ этимъ предметамъ, была учреждена особенная коммиссія изъ людей, уже достигшихъ преклоннаго возраста.

12. События Пелопонесской войны въ собственной Греціи, отъ возобновленія военныхъ дѣйствій до возвращенія Алкивіада въ Аѳины.

Весною 413 года до р. Х. война возобновилась въ самой Греціи и, благодаря совѣту, данному спартанцамъ Алкивіадомъ, съ самаго же начала приняла оборотъ очень опасный для Аѳинъ.

Алкивіадъ обратилъ вниманіе враговъ своей родины на безплодность ихъ прежнихъ ежегодныхъ вторженій въ Аттику, посовѣтовалъ имъ занять какое нибудь одно укрѣпленное мѣсто, неподалеку отъ Аѳинъ, и уже оттуда постоянно опустошать Аттику и поддерживать страхъ въ тамошнемъ населеніи. Спартанцы приняли этотъ совѣтъ и избрали мѣстечко Декелію въ Аттикѣ, отстоявшее мили на три отъ Аѳинъ и отъ Ѳивъ, и удобное для возведенія на немъ укрѣпленій. Тамъ былъ поставленъ значительный гарнизонъ, очень сильно тревожившій аѳинянъ и затруднявшій сообщенія ихъ съ собственными владѣніями въ Аттикѣ, такъ что до 407 года, когда Алкивіадъ снова вернулся въ Аѳины, аѳиняне не иначе, какъ моремъ, могли совершать свои торжественныя процессіи въ Элевсинъ.

Въ то самое время, когда Аѳины были такъ стѣснены въ самой Аттикѣ, имъ стала угрожать большая опасность и на морѣ. Нѣкоторые изъ ихъ важнѣйшихъ союзниковъ: Эвбея, Лесбосъ, Хіосъ и городъ Эритры въ Іоніи, завели тайные переговоры съ непріятелемъ и ждали только появленія спартанскаго флота, чтобы отложиться отъ Аѳинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ нихъ вооружился и персидскій царь. Въ Персіи съ 423 года царствовалъ Дарій II, сынъ Артаксеркса I, прозванный греками Нотомъ, т. е. побочнымъ, потому что былъ рожденъ не отъ законнаго брака. Персы нашли, что положеніе аѳинянъ даетъ имъ благопріятный случай снова подчинить своему владычеству малоазійскіе города, покоренные греками. Поэтому два персидскихъ сатрапа, Фарнабазъ, намѣстникъ Геллеспонта, и Тиссафернъ, намѣстникъ Іоніи и Каріи, отправили въ Спарту пословъ своихъ въ то самое время, когда туда были посланы депутаты Эритры, Хіоса и Лесбоса. По заключенному тамъ условію, пелопоннесскій флотъ, подъ начальствомъ спартанца Халкидея, поплылъ въ 412 году къ берегамъ Іоніи. На флотѣ находился и знатокъ въ дѣлѣ переговоровъ и обмана — Алкивіадъ. Лишь только спартанскіе корабли появились въ этихъ водахъ, Хіосъ и Эритры отпали отъ Аѳинъ. Другой іонійскій городъ, Клазомены, послѣдовалъ ихъ примѣру, а чрезъ нѣ-

сколько времени къ пелопоннескому союзу пристали также Теосъ, Милетъ и, нѣсколько позднѣе, могущественный Родосъ.

Чтобы послать къ берегамъ Малой Азіи достаточно сильный флотъ, аѳиняне принуждены были обратиться къ своей запасной кассѣ, т. е. къ той тысячѣ талантовъ (1.350,000 р. сер.), которую они въ началѣ войны отложили на случай крайней опасности. Но спартанцы незадолго передъ тѣмъ заключили съ Тиссаферномъ два договора, по которымъ признали верховное владычество персовъ надъ греческими городами Малой Азіи, а Тиссафернъ, обязался выплачивать слѣдующее матросамъ пелопоннесскаго флота жалованье. Вслѣдствіе этого спартанцы, къ которымъ присоединились и сицилійскіе корабли, стали сильнѣе аѳинянъ и на морѣ. Произошло нѣсколько сраженій, въ которыхъ счастіе переходило то на ту, то на другую сторону. Ни одно изъ нихъ не имѣло рѣшительнаго вліянія на ходъ войны. Но по поводу нѣкоторыхъ статей договора, заключеннаго спартанцами съ Тиссаферномъ, между ними возникли недоразумѣнія. Споры эти уладились, но послѣдствія ихъ были важны, потому что они облегчили осуществленіе дальнѣйшихъ плановъ Алкивіаду, въ отношеніяхъ котораго къ спартанцамъ тогда произошла перемѣна.

Въ Спартѣ, гдѣ знатныя женщины вели довольно свободную жизнь, Алкивіадъ вступилъ въ весьма близкія отношенія къ женѣ царя Агиса I, и тѣмъ навлекъ на себя его ожесточенную ненависть. Значительное вліяніе на государственныя дѣла, пріобрѣтенное Алкивіадомъ, еще болѣе усилило ихъ вражду; потому положеніе Алкивіада быстро измѣнилось, когда другъ его, командиръ спартанскаго флота Халкидей, вмѣстѣ съ нимъ отправленный въ Малую Азію, былъ убитъ въ сраженіи. Въ это же время мѣста эфоровъ были заняты новыми лицами, такъ что Алкивіадъ вдругъ потерялъ все свое прежнее вліяніе, и его стали даже подозрѣвать въ недоброжелательствѣ и враждебныхъ замыслахъ. Новые правители послали командиру флота Астіо-

ху приказаніе тайно отдѣлаться отъ него. Алкивіадъ, узнавшій объ этомъ, не могъ быть спокоенъ даже за свою жизнь. Онъ избѣжалъ преслѣдованій враговъ тѣмъ, что сначала уѣхалъ къ Тиссаферну, а потомъ старался искусными мѣрами облегчить себѣ возвращеніе въ Аѳины. Прежде всего онъ уговорилъ Тиссаферна уменьшить жалованье пелопоннесцамъ, обративъ вниманіе сатрапа на то, что аѳиняне всегда платили своимъ морякамъ вдвое меньше, чѣмъ онъ пелопоннесцамъ. Потомъ онъ доказалъ ему, что политика Персіи требуетъ не возвышенія Спарты насчетъ Аѳинъ, а поддержанія равновѣсія и постоянной вражды между этими двумя державами. Подобными доводами Алкивіадъ успѣлъ склонить сатрапа отказать пелопоннесцамъ въ присылкѣ обѣщанныхъ имъ финикійскихъ кораблей, и тѣмъ принудилъ флотъ ихъ къ бездѣйствію.

Въ то же время Алкивіадъ хлопоталъ чтобъ ему дозволили возвратиться въ Аѳины. Для этого онъ воспользовался слабымъ вліяніемъ, которое имѣлъ на Тиссаферна, и тайно предложилъ одному изъ важнѣйшихъ лицъ аѳинскаго флота уговорить персовъ разорвать союзъ со Спартой. Онъ утверждалъ что сатрапъ, уступившій его настояніямъ объ уменьшеніи жалованья, точно также согласится совершенно прекратить спартанцамъ платежъ субсидій; спартанцы же не могутъ продолжать войну на морѣ безъ персидскаго золота. Значительнѣйшіе изъ гражданъ находившихся въ аѳинскомъ флотѣ и всѣ его командиры, за исключеніемъ двухъ Фриниха и Скиронида, отъ которыхъ дѣло это было скрыто, согласились начать переговоры. Съ ними Алкивіадъ и условился какія мѣры нужно принять, чтобъ сдѣлать возможнымъ его возвращеніе. Онъ ясно видѣлъ, что оно невозможно, пока въ Аѳинахъ не перестанутъ господствовать изгнавшіе его демагоги; а ихъ нельзя было удалить, не измѣнивъ государственнаго устройства. Потому обѣ договаривавшіяся стороны условились ввести олигархію, и для этого положено было отправить въ Аѳи-

ны Писандра съ нѣсколькими другими депутатами. Между тѣмъ слухи о планахъ, составлявшихся въ пользу Алкивіада и олигархіи, дошли до Фриниха. Узнавъ о нихъ, онъ старался помѣшать дѣлу сообщивъ объ всемъ командиру спартанскаго флота. Но Астіохъ, бывшій клевретомъ Тиссаферна и, какъ говорятъ, получавшій отъ него жалованье, воспользовался сообщенными свѣдѣніями совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Фринихъ, а передалъ все Тиссаферну и самому Алкивіаду. Такимъ образомъ Фринихъ не достигъ своей цѣли, а напротивъ того, поставилъ самаго себя въ чрезвычайно опасное положеніе. Алкивіадъ извѣстилъ объ этомъ дѣлѣ своихъ сторонниковъ въ аѳинскомъ флотѣ, и Фринихъ только необыкновенно хитрымъ поведеніемъ успѣлъ выпутаться изъ сѣтей, которыя самъ себѣ разставилъ. Депутаты войска явились въ Аѳины въ началѣ 411 года и стали хлопотать о возвращеніи Алкивіада и объ измѣненіи управленія. Сначала народъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Но Писандръ, обративъ его вниманіе на затруднительность положенія Аѳинъ въ отношеніи пелопоннесцевъ и персовъ, принудилъ этимъ замолчать враговъ Алкивіада и вообще всѣхъ гражданъ, имѣвшихъ нѣкоторое вліяніе, и нѣсколько примирилъ народъ съ мыслью объ олигархіи. Народное собраніе рѣшило отправить Писандра съ десятью другими гражданами въ Персію, для переговоровъ съ Тиссаферномъ и Алкивіадомъ. Въ то же время Фринихъ и Скиронидъ были замѣнены двумя другими стратегами. Дѣло шло отлично; но, чтобы послѣ отъѣзда пословъ оно не повернуло въ другую сторону, Писандръ обратился къ синомосіямъ или аристократическимъ клубамъ, которые составлялись въ Аѳинахъ богатѣйшими гражданами для дружнаго преслѣдованія различныхъ плановъ, потому что только такимъ путемъ и можно было сдѣлать что нибудь противъ демагоговъ. Эти клубы старались въ отсутствіи Писандра кончить начатое имъ дѣло.

По возвращеніи Писандра къ флоту, положеніе дѣлъ оказа-

лось не совсѣмъ такимъ, какъ думали. Алкивіадъ не имѣлъ безусловнаго вліянія надъ Тиссаферномъ, державшимъ сторону пелопоннесцевъ. Когда послы явились къ персидскому сатрапу, онъ обратился къ нимъ съ требованіями, на которыя они никакъ не могли согласиться, и потому аѳиняне оставили его, ничего не достигнувъ, а Тиссафернъ тотчасъ же заключилъ съ спартанцами новый договоръ, возстановлявшій ихъ прежнія отношенія. Эти обстоятельства побудили Писандра и другихъ заговорщиковъ въ арміи не заботиться больше объ Алкивіадѣ, а для собственной своей выгоды осуществить планъ перемѣны управленія въ Аѳинахъ и въ союзныхъ государствахъ. Писандръ и половина коммиссаровъ, посланныхъ съ нимъ народнымъ собраніемъ, были тотчасъ же отправлены назадъ въ Аѳины. Имъ поручили отмѣнить демократію, какъ въ самихъ Аѳинахъ, такъ и во всѣхъ союзныхъ государствахъ, гдѣ придется высаживаться на пути. Для введенія олигархіи въ прочихъ государствахъ аѳинскаго союза, отправились, порознь, остальные коммиссары. Кажется, что попытка эта имѣла успѣхъ у всѣхъ союзниковъ. Но слѣдствіемъ ея было то, что многія изъ новыхъ олигархическихъ правительствъ отпали отъ аѳинянъ и пристали къ спартанцамъ, союзъ съ которыми представлялъ имъ гораздо болѣе ручательствъ въ поддержаніи выгоднаго для нихъ устройства.

Между тѣмъ въ Аѳинахъ сторонники Писандра уже успѣли все приготовить къ его возвращенію. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: ораторъ Антифонъ, душа всей партіи, Терменъ, впослѣдствіи еще болѣе прославившійся, какъ одинъ изъ такъ называемыхъ тридцати тиранновъ, бывшій стратегъ Фринихъ, примкнувшій къ олигархамъ, какъ только послѣдніе отступились отъ Алкивіада, Аристархъ, Аристократъ и Алексиклъ. Они со своими приверженцами уже сбыли съ рукъ самаго вліятельнаго изъ демагоговъ, Андрокла, и другихъ предводителей враждебной партіи, и перебили всѣхъ граждан,

осмѣливавшихся возвышать противъ нихъ голосъ въ народномъ собраніи. Олигархи держали городъ въ такомъ страхѣ, что ни народъ, ни совѣтъ, не смѣли ничего рѣшить противъ ихъ желанія, и боялись даже назначить слѣдствіе по поводу совершенныхъ убійствъ. Среди такихъ обстоятельствъ, заговорщикамъ было тѣмъ легче измѣнить управленіе тотчасъ послѣ пріѣзда Писандра (мартъ 411 года), что незадолго передъ тѣмъ спартанская армія, подъ начальствомъ Деркиллида, явилась на Геллеспонтѣ и отняла у Аѳинъ Абидосъ, Сестъ и Лампсакъ, а эвбейскіе города открыто возстали. Совѣтъ и народное собраніе были распущены, и первый замѣненъ коммиссіею изъ четырехсотъ человѣкъ. Сто изъ нихъ были избраны народомъ, и затѣмъ каждый изъ этихъ ста выбралъ еще трехъ. Новый совѣтъ, учредившій для охраненія себя вооруженную стражу, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю правительственную власть; онъ имѣлъ право по собственному усмотрѣнію созывать народное собраніе изъ пяти тысячъ человѣкъ, для совѣщанія съ нимъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Олигархи начали свое управленіе ужасными жестокостями, умертвили нѣкоторыхъ подозрительныхъ имъ людей, а другихъ заключили въ темницу или изгнали. Пятитысячное народное собраніе не было созвано ими ни разу. Изъ прежнихъ изгнанниковъ, они не возвратили на родину никого, опасаясь, чтобы вмѣстѣ съ ними не вернулся какъ нибудь и талантливый Алкивіадъ. За то они отправили посольства въ Декелію къ царю Агису и въ Спарту, для переговоровъ о мирѣ.

Аѳинская армія, находившаяся вмѣстѣ съ флотомъ въ Самосѣ, и въ которой демократическая партія уже прежде имѣла перевѣсъ, очень неблагопріятно приняла извѣстіе о государственномъ переворотѣ, происшедшемъ въ Аѳинахъ. Руководимые двумя молодыми военачальниками, Трасибуломъ и Трасилломъ, войска объявили, что не намѣрены принимать приказаній отъ олигарховъ. По требованію своихъ предводителей всѣ воины

дали клятву въ ненависти къ олигархіи, въ неизмѣнной преданности родинѣ и въ готовности рѣшиться на все для противодѣйствія спартанцамъ. Послѣ того они смѣстили своихъ полководцевъ и всѣхъ подозрительныхъ начальниковъ, и ввѣрили командованіе надъ арміей и флотомъ Трасибулу и Трасиллу. Въ томъ же мѣсяцѣ (апрѣлѣ) отъ Аѳинъ отпала Византія, и это обстоятельства при тогдашнемъ положеніи дѣлъ должно было заставить войско призвать къ себѣ Алкивіада. Убѣжденіе въ его необыкновенныхъ дарованіяхъ было такъ распространено и такъ сильно, что даже Трасибулъ, человѣкъ рожденный полководцемъ, видѣлъ въ его возвращеніи единственное средство отвратить грозившую опасность. Войска охотно приняли его предложеніе. Алкивіадъ, тотчасъ же явившійся въ Самосъ, былъ сдѣланъ главнокомандующимъ вмѣстѣ съ Трасибуломъ и Трасилломъ, и блистательный успѣхъ вполнѣ оправдалъ возложенныя на него ожиданія.

Прежде всего Алкивіадъ занялся успокоеніемъ ярости войскъ, горѣвшихъ желаніемъ мести, отклонилъ ихъ отъ намѣренія отправиться въ Аѳины и уничтожить олигарховъ. Этой мѣрой онъ спасъ Аѳины отъ страшныхъ междоусобій и отъ опасности, угрожавшій со стороны внѣшняго врага. По его предложенію армія объявила олигархамъ, что готова согласиться на существованіе народнаго собранія только изъ пяти тысячъ гражданъ, но требуетъ распущенія коммиссіи четырехсотъ, возстановленія прежняго совѣта и не допускаетъ ни какихъ уступокъ пелопоннесцамъ. Въ Аѳинахъ, между тѣмъ, олигархи перессорились между собой, и большинство ихъ, предводительствуемое Тераменомъ и Аристократомъ, соглашалось сдѣлать эти уступки демократіи. Прибытіе депутаціи отъ арміи въ Аѳины поддержало ихъ въ этомъ намѣреніи и, опираясь на демократовъ, они рѣшительно взяли сторону народа. Остальные, во главѣ которыхъ стояли Антифонъ, Фринихъ, Писандръ и Аристархъ, всячески хлопотали о мирѣ съ спартанцами, и при входѣ въ Пирей построили фортъ, какъ для прикрытія Аѳинъ отъ возможнаго нападенія со стороны стоявшаго въ Самосѣ флота,

такъ и для обезпеченія себя отъ своихъ враговъ въ самомъ городѣ. Этими мѣрами они еще болѣе раздражили своихъ противниковъ, и навели на себя подозрѣніе въ предательскихъ сношеніяхъ со Спартой. Потому когда Фринихъ, отправленный посломъ въ Спарту, вернулся въ Аѳины, его публично убили на площади. Волненіе все становилось сильнѣе и наконецъ перешло въ открытое возстаніе. Построенный въ Пиреѣ фортъ былъ срытъ, и олигархамъ стоило большихъ трудовъ успокоить Аѳины. Но народъ окончательно возсталъ, когда спартанскій флотъ явился передъ Эвбеей, совершенно уничтожилъ высланный противъ него аѳинскій флотъ и овладѣлъ этимъ островомъ, откуда аѳиняне получали въ то время бóльшую часть жизненныхъ припасовъ. Граждане собрались въ Пниксѣ, гдѣ обыкновенно происходили народныя собранія, объявили совѣтъ четырехсотъ распущеннымъ и передали управленіе пяти тысячамъ гражданъ, въ число которыхъ могъ быть принятъ всякій, внесенный въ списки тяжело-вооруженныхъ (въ концѣ іюня 411). Писандръ, Алексиклъ, Аристархъ и большинство ихъ приверженцевъ обратились въ бѣгство и удалились въ Декелію къ спартанцамъ. Спасаясь бѣгствомъ, Аристархъ успѣлъ завладѣть небольшою крѣпостцою Эноею, на границѣ Беотіи, и отдалъ ее непріятелю. Тотчасъ послѣ низложенія олигарховъ, народъ рѣшилъ призвать Алкивіада.

Новое устройство, принятое тогда аѳинскимъ народомъ, было умѣренною демократіею. Ѳукидидъ хвалитъ ее, какъ весьма разумное соединеніе олигархіи съ народнымъ владычествомъ, и говоритъ, что введеніе ея было первымъ шагомъ къ избавленію Аѳинъ отъ затруднительнаго положенія. Совѣтъ пятисотъ былъ возстановленъ, и сталъ завѣдывать дѣлами, но вмѣсто прежняго народнаго собранія, заключавшаго всю массу гражданъ, составилось новое, только изъ пяти тысячъ человѣкъ. Впрочемъ пора было кончить всякія внутреннія распри; потому что потеря Эвбеи, гдѣ за аѳинянами осталось только нѣ-

сколько городовъ, до самыхъ основаній потрясла могущество Аѳинъ. Алкивіадъ, Трасибулъ и Трасиллъ явились тогда спасителями отечества. Послѣдніе двое, въ половинѣ іюля, одержали побѣду надъ новымъ командиромъ спартанскаго флота, Миндаромъ, на Геллеспонтѣ, между Сестомъ и Абидосомъ; въ сентябрѣ Алкивіадъ разбилъ его же при Абидосѣ. Вскорѣ послѣ того (въ началѣ 410 года) Алкивіадъ, отправившись къ Тиссаферну, былъ задержанъ имъ и отвезенъ плѣнникомъ въ Сарды; но черезъ мѣсяцъ онъ убѣжалъ оттуда и вернулся на флотъ. Между тѣмъ положеніе ясно обрисовалось и аѳиняне поняли очень хорошо, что имъ нечего разсчитывать ни на денежную помощь персовъ, ни даже на расторженіе ихъ союза съ пелопоннесцами. Поэтому Алкивіадъ объявилъ войску, что нужно отважиться на рѣшительное сраженіе, потому что совершенно безпомощные Аѳины не въ силахъ долго выдерживать борьбу противъ персидскаго золота. Получивъ подкрѣпленіе изъ сорока новыхъ кораблей, приведенныхъ Трасибуломъ и Тераменомъ, онъ поплылъ на встрѣчу непріятелю, и при Кизикѣ далъ сраженіе, въ которомъ самъ Миндаръ былъ убитъ, а всѣ корабли пелопоннесцевъ потоплены или захвачены (въ іюлѣ 410 года). Какъ важенъ былъ этотъ успѣхъ, всего лучше видно изъ перехваченнаго аѳинянами письма, посланнаго помощникомъ Миндара спартанскому сенату, послѣ Кизикскаго сраженія. Письмо это по спартанскому обычаю состояло изъ немногихъ словъ: „Счастіе измѣнило. Миндаръ убитъ; люди наши терпятъ голодъ; мы не знаемъ что дѣлать!„ Вслѣдствіе этой побѣды, Алкивіадъ овладѣлъ Кизикомъ и нѣкоторыми другими пунктами на Геллеспонтѣ, и посредствомъ контрибуцій собралъ значительныя денежныя средства.

Слѣдующій годъ (409) прошелъ безъ важныхъ событій. Трасиллъ, отразивъ нападеніе царя Агиса на Аѳины, явился потомъ въ мало-азійскихъ водахъ съ подкрѣпленіемъ изъ тысячи тяжеловооруженныхъ и пятидесяти кораблей. Онъ и Алкивіадъ одержали, каждый отдѣльно, нѣсколько незначительныхъ побѣдъ надъ спар-

танцами и ихъ союзниками, которыхъ постоянно поддерживали персы. Но, въ концѣ предшествовавшаго года, спартанцы потеряли провосходнаго моряка, сиракузянина Гермократа, лишеннаго команды по проискамъ враждебной ему партіи въ Сициліи. Осенью оба предводителя аѳинянъ соединились и, втащивъ корабли свои на берегъ, на зимовку, съ сухопутными войсками разбили при Абидосѣ армію Фарнабаза.

Въ слѣдующемъ году (408) счастіе благопріятствовало всѣмъ предпріятіямъ аѳинянъ. Весною Алкивіадъ и Трасиллъ осадили лежавшій при входѣ въ Босфоръ городъ Халкедонъ, разбили спѣшившаго на помощь городу Фарнабаза и принудили его къ заключенію договора, по которому онъ обязался заплатить двадцать талантовъ (27,000 р.) и прекратить военныя дѣйствія. Послѣ того Алкивіадъ взялъ Халкедонъ, ѳракійскій городъ Селимбрію, на Пропонтидѣ, и наконецъ чрезвычайно важную Византію. Вскорѣ Трасибулъ покорилъ и другіе, перешедшіе на сторону спартанцевъ, города Ѳракіи, между тѣмъ какъ Алкивіадъ собиралъ контрибуціи на карійскомъ берегу, а пелопоннесскій флотъ оставался въ бездѣйствіи, не смѣя ничего предпринять.

Въ половинѣ слѣдующаго года (407) Алкивіадъ возвратился въ свой родной городъ, жители котораго все еще были такъ стѣснены спартанскимъ гарнизономъ Декеліи, что почти не смѣли показываться за городскими стѣнами. Народъ привѣтствовалъ возвращеніе его съ восторгомъ; ему одному приписывалось измѣненіе положенія дѣлъ и возстановленіе могущества Аѳинъ. Большая часть аѳинскаго населенія стремилась въ Пирей, на встрѣчу его эскадрѣ, украшенной оружіемъ и носами непріятельскихъ кораблей. Его приняли съ криками восторга, бросали ему вѣнки, и указывали на него дѣтямъ какъ на побѣдоноснаго спасителя отечества. Народное собраніе, гдѣ онъ явился тотчасъ послѣ своего выхода на берегъ, провозгласило его главнокомандующимъ арміи и флота, съ неограниченною властью, и снарядило для него огромныя вооруженныя силы, употребивъ на это всѣ сред-

ства государства. Приближалось время большаго празднества элевсинскихъ таинствъ. Алкивіадъ рѣшился воспользоваться имъ, чтобы еще болѣе возвысить свое значеніе и торжественно снять съ себя взведенное на него когда то обвиненіе въ оскверненіи этого священнаго богослуженія. Со времени занятія Декеліи, торжественное шествіе народа въ Элевсинъ ни разу не могло совершиться сухимъ путемъ. Алкивіадъ разставилъ легкія войска по различнымъ пунктамъ дороги и на близъ лежащихъ высотахъ, послалъ кавалерійскіе разъѣзды по всѣмъ окрестностямъ, прикрылъ процессію тяжело-вооруженными, и такимъ образомъ благополучно провелъ въ Элевсинъ и обратно толпы восхищеннаго народа.

13. Послѣдніе годы Пелопоннесской войны.

Восторгъ аѳинянъ, увидавшихъ опять человѣка, который по ихъ мнѣнію могъ сдѣлать все, что захочетъ, продолжался очень не долго. Когда, черезъ два мѣсяца, Алкивіадъ снова явился на театрѣ военныхъ дѣйствій, онъ нашелъ положеніе дѣлъ значительно измѣнившимся. Командиромъ пелопоннесскаго флота былъ тогда спартанецъ Лисандръ, соединявшій въ себѣ все, что было нужно для успѣшнаго продолженія войны; а персидское правительство, болѣе чѣмъ когда нибудь, благоволило спартанцамъ. Лисандръ обладалъ большими военными дарованіями, и, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было еще важнѣе, отличался удивительною ловкостью и хитростью. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ коварныхъ людей, извѣстныхъ въ исторіи, и очень искусно умѣлъ соединять въ себѣ гордость и жестокость спартанца съ гибкостью и дипломатическою тонкостью персидскаго придворнаго. Его грубая гордость, коварство и безсовѣстность сдѣлались предметомъ анекдотовъ, достовѣрность которыхъ очень подозрительна; но какъ и другіе подобные разсказы про замѣчательныхъ людей, они мѣтко обрисовываютъ характеръ человѣка. Онъ, говорятъ, высказывалъ, какъ прин-

ципъ, что тамъ, гдѣ львиная кожа не годится, нужно надѣвать лисью, и что дѣтей обманываютъ игральными костями, а взрослыхъ клятвами. Когда однажды въ спорѣ за пограничныя владѣнія спартанцевъ съ аргосцами, послѣдніе представляли болѣе основательные доводы, Лисандръ показалъ имъ на свой мечъ, и сказалъ что это лучшій способъ доказательства. Мегарскому посланнику, выражавшемуся очень свободно въ разговорѣ съ нимъ, онъ сказалъ: чтобы говорить такъ, нужно быть представителемъ большаго города. Когда однажды беотійцы не хотѣли пропустить спартанцевъ чрезъ свои владѣнія, Лисандръ объявилъ имъ, что въ сущности рѣчь идетъ только о томъ, какъ спартанцы пройдутъ черезъ Беотію съ поднятыми или съ опущенными копьями.

Такой человѣкъ былъ какъ нельзя болѣе способенъ для веденія переговоровъ съ персидскимъ дворомъ и сатрапами. Въ это же время въ пользу спартанцевъ дѣятельно хлопоталъ одинъ изъ молодыхъ персидскихъ царевичей Киръ Младшій, сынъ царя Дарія Нота и любимецъ матери своей Парисатиды, всячески старавшейся отличить его въ ущербъ старшему брату, будущему царю Артаксерксу Мнемону. Благодаря ея вліянію, онъ получилъ верховное намѣстничество надъ западными приморскими областями Малой Азіи; Тиссафернъ былъ только подчиненнымъ ему намѣстникомъ Іоніи и Каріи. Парисатида хотѣла, чтобы послѣ смерти Дарія на престолъ вступилъ Киръ. Но Артаксерксъ, какъ старшій, былъ уже провозглашенъ наслѣдникомъ, и потому она выхлопотала своему сыну мало-азійское намѣстничество, разсчитывая, что въ Малой Азіи онъ вступитъ въ союзъ съ греками и послѣ смерти царя съ помощью греческихъ наемниковъ свергнетъ брата съ престола. Явившись въ Малую Азію, Киръ всячески старался расположить грековъ и особенно спартанцевъ въ пользу своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Лисандръ, назначенный командиромъ флота, тотчасъ же поѣхалъ въ Эфесъ, а оттуда въ Сарды, къ молодому царевичу, и умѣлъ возбудить въ немъ полное

довѣріе къ себѣ и сочувствіе къ спартанцамъ. Онъ мастерски игралъ роль царедворца и, слѣдуя той политикѣ, которая въ сношеніяхъ съ персидскими правителями одна только могла вести къ цѣли, добился отъ Кира возвышенія жалованья своимъ матросамъ, до четырехъ оболовъ въ день (12 коп. сер.). Прямымъ слѣдствіемъ этого было, что аѳинскіе матросы, получавшіе всего три обола, стали цѣлыми толпами перебѣгать къ спартанцамъ.

Обстоятельства эти поставили Алкивіада въ большое затрудненіе. Флотъ его былъ сильнѣе спартанскаго по числу кораблей; но Лисандръ зналъ, что аѳиняне рано или поздно будутъ побѣждены дѣйствіемъ персидскаго золота, и потому старательно избѣгалъ всякаго столкновенія. Алкивіадъ понялъ его планъ и принялъ свои мѣры; но его погубили заносчивость и ослушаніе одного изъ подчиненныхъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ отправился собирать ихъ на непріятельскій берегъ; онъ думалъ также посовѣтоваться съ Трасибуломъ, прибывшимъ съ своей эскадрой изъ Геллеспонта въ Фокею. Оставивъ флотъ, Алкивіадъ ввѣрилъ его младшему командиру Антіоху, приказавъ ему не вступать въ бой ни подъ какимъ предлогомъ. Человѣкъ тщеславный, Антіохъ не съумѣлъ выдержать искушенія. Онъ далъ битву спартанскому флоту, стоявшему на якорѣ недалеко отъ бухты, гдѣ былъ расположенъ флотъ аѳинянъ, проигралъ сраженіе, потерялъ пятнадцать кораблей и самъ былъ убитъ (октябрь 407 года). Побѣда Лисандра при Эфесѣ была незначительна сама по себѣ; но тѣмъ важнѣе было впечатлѣніе, произведенное ею на аѳинянъ, слава, пріобрѣтенная Лисандромъ, и оживленіе готовности персовъ поддерживать спартанцевъ. Назначивъ Алкивіада главнокомандующимъ, аѳиняне ждали блистательныхъ успѣховъ, и были удивлены извѣстіемъ объ Эфесскомъ пораженіи. Алкивіадъ, нисколько не виноватый въ неудачномъ исходѣ, все таки подвергся упрекамъ. Враги Алкивіада обвинили его передъ народнымъ собраніемъ въ томъ, что онъ оставилъ флотъ только по своей страсти къ кутежу, ввѣривъ его съ непроститель-

ною безпечностью человѣку совершенно неспособному, и утаилъ часть собранныхъ контрибуцій. Легкомысленные аѳиняне, довѣріе которыхъ къ Алкивіаду было уже потрясено укрѣпленіемъ союза между Спартой и персами, дались въ обманъ и повѣрили этимъ клеветамъ. Даже не выслушивши Алкивіада, они отняли у него предоставленную ему власть, и такимъ образомъ сами лишили себя лучшаго изъ полководцевъ. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ преслѣдованій, Алкивіадъ удалился въ свои ѳракійскія помѣстья, гдѣ, чтобы имѣть убѣжище на случай опасности, построилъ незадолго передъ тѣмъ небольшую крѣпостцу.

На мѣсто Алкивіада было назначено десять стратеговъ; способнѣйшими изъ нихъ были Трасиллъ и Кононъ. Къ счастію аѳинянъ, въ то же время вмѣсто Лисандра главнымъ начальникомъ надъ спартанской арміей былъ сдѣланъ Калликратидъ, далеко уступавшій своему предшественнику. Калликратидъ былъ суровый спартанецъ, неспособный толкаться въ переднихъ персидскихъ сатраповъ и покупать недостойной лестью то, чего нельзя было достигнуть прямымъ путемъ. Принявъ начальство надъ флотомъ, онъ отправился въ Сарды, ко двору Кира, но прождавъ напрасно аудіенціи въ теченіе нѣсколькихъ дней, уѣхалъ, не видавши принца и объявивъ, что стыдно грекамъ изъ-за денегъ унижаться передъ варварами. Обиженные этимъ персы поддерживали Калликратида очень вяло; но не смотря на то онъ велъ войну счастливо. Начавъ свои дѣйствія взятіемъ лесбосскаго города Метимны, онъ отрѣзалъ Конона отъ остальной части аѳинскаго флота, отнялъ у него тридцать кораблей, и заперъ его въ митиленской гавани (406 до р. X.) Аѳинскій командиръ Діомедонъ, сдѣлавшій попытку съ двѣнадцатью кораблями выручить Конона, былъ также разбитъ Калликратидомъ и потерялъ десять изъ своихъ кораблей.

Узнавъ о затруднительномъ положеніи Конона, аѳиняне сдѣлали величайшія усилія, и въ тридцать дней снарядили флотъ изъ ста десяти кораблей, въ матросы которыхъ взято было все

населеніе города, способное носить оружіе, не исключая и рабовъ. Флотъ этотъ, соединясь съ кораблями самосцевъ и другихъ союзниковъ и состоя изъ ста пятидесяти кораблей, вступилъ въ бой съ непріятелемъ при Аргинусскихъ островахъ, между Лесбосомъ и мало-азійскимъ берегомъ. Аѳинскіе командиры (изъ числа десяти стратеговъ при флотѣ было восемь) превосходно распоряжаясь въ этой битвѣ, одержали блистательную побѣду. Спартанцы лишились семидесяти кораблей, и самъ Калликратидъ былъ убитъ. Когда лоцманъ его корабля посовѣтовалъ ему бѣжать, онъ отвѣтилъ, что съ его смертью Спарта потеряетъ немного, а спасаться бѣгствомъ стыдно (іюль 405 года).

У Аргинусскихъ острововъ счастіе въ послѣдній разъ улыбнулось аѳинянамъ. Хитрый Лисандръ снова выступилъ на сцену, въ то время какъ аѳиняне сами лишили себя своихъ превосходныхъ полководцевъ, пользовавшихся довѣріемъ флота. Тотчасъ послѣ сраженія, аѳинскіе командиры собрались на совѣщаніе о томъ, слѣдуетъ ли немедленно воспользоваться побѣдой и тотчасъ же двинуться противъ непріятеля, осаждавшаго Конона въ Митиленѣ, или лучше отложить это, а заняться погребеніемъ убитыхъ и спасеніемъ товарищей, носившихся по морю на обломкахъ разбитыхъ кораблей. Сначала рѣшились на первое, съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ боя оставитъ сорокъ шесть кораблей, подъ начальствомъ Трасибула и Терамена, и имъ поручить попеченіе объ утопающихъи мертвыхъ. Но когда хотѣли приступить къ выполненію этого плана, разыгралась сильная буря, не позволившая имъ ни итти на помощь Конону, ни спасать погибающихъ, ни хоронить убитыхъ. Число первыхъ было очень велико, потому что въ сраженіи было потоплено до двадцати пяти аѳинскихъ кораблей, и изъ всего экипажа только немногимъ удалось доплыть до берега. Въ Аѳинахъ смерть столькихъ гражданъ и неисполненіе долга относительно мертвыхъ были вмѣнены начальникамъ флота въ преступленіе. Тераменъ и Трасибулъ, на которыхъ стратеги въ своемъ донесеніи взвалили всю вину, въ свою очередь выступили обвинителями, и всѣ восемь человѣкъ,

командовавшихъ въ сраженіи, были тотчасъ же смѣнены. Двое изъ нихъ, предчувствуя опасность, бѣжали съ флота; остальныхъ отвезли въ Аѳины, немедленно арестовали и обвинили передъ народнымъ собраніемъ. Къ несчастью это было во время большаго народнаго торжества, и видъ множества людей явившихся въ траурѣ глубоко растрогалъ народъ. Враги обвиненныхъ воспользовались этимъ, и успѣли настоять на рѣшеніи, противорѣчившемъ основнымъ законамъ государства. Сенатъ, неправильно уполномоченный на это, составилъ приговоръ, по которому слѣдующее собраніе народа должно было рѣшить судьбу обвиняемыхъ, которыхъ предполагали лишить права дальнѣйшей защиты, казнить тотчасъ же по произнесеніи приговора, а имѣнія ихъ конфисковать. Народъ утвердилъ это постановленіе сената. Тогдашніе пританы пытались было возстать противъ образа дѣйствій, нарушавшаго государственные законы и священнѣйшія права каждаго гражданина; но демагоги отвѣчали имъ угрозами, и заставили замолчать. Не замолчалъ только одинъ философъ Сократъ, продолжавшій настойчиво протестовать противъ незаконности приговора. Всѣ восемь стратеговъ были осуждены на смерть, и шестеро, бывшихъ на лицо, тотчасъ же казнены (октябрь 405 года). Такой поступокъ съ оказавшими услуги отечеству военачальниками является въ глазахъ потомства позорнымъ пятномъ на государственномъ устройствѣ Аѳинъ. Но кто вспомнитъ, что погибшіе въ битвѣ спасли родину отъ величайшей опасности, что въ государствѣ, существованіе котораго основано на нравственныхъ достоинствахъ гражданъ, пренебреженіе къ храбрымъ заставляетъ падать духомъ остальныхъ, что наконецъ, по понятіямъ грековъ, души непогребенныхъ подвергались мученіямъ въ другой жизни,—кто вспомнитъ все это, тотъ, оставляя въ сторонѣ оскорбленіе законныхъ формъ, пожалѣетъ о несчастныхъ стратегахъ,—но не осудитъ народа. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени наряжено было слѣдствіе противъ демагоговъ, поддерживавшихъ обвиненіе и увлекшихъ народъ своими настоя-

ніями къ нарушенію государственнаго устройства; но они успѣли бѣгствомъ избавиться отъ наказанія.

Вскорѣ послѣ пораженія при Аргинусскихъ островахъ, представители союзниковъ Спарты собрались въ Эфесѣ и тамъ рѣшили потребовать, чтобы спартанцы снова ввѣрили главное начальство Лисандру. Необходимость этой мѣры чувствовали и въ Спартѣ, но законы государства не позволяли два раза сряду назначать одного и того же человѣка командиромъ флота. Положено было обойти это затрудненіе соблюденіемъ законной формальности. Флотъ былъ ввѣренъ Араку, человѣку дюжинному, но очень хорошо понимавшему цѣль своего назпаченія, а Лисандръ былъ сдѣланъ эпистоліемъ или младшимъ командиромъ. Онъ немедленно отправился въ Сарды, къ царевичу Киру, привезъ оттуда большія суммы денегъ, и возстановивъ пелопоннесскій флотъ, двинулся противъ богатыхъ приморскихъ городовъ на Геллеспонтѣ, откуда аѳиняне почерпали большую часть своихъ государственныхъ доходовъ. Туда же поплылъ и флотъ афинянъ, подъ начальствомъ Конона и пяти другихъ стратеговъ. Онъ сталъ на якорѣ противъ города Лампсака, не задолго передъ тѣмъ взятаго Лисандромъ, близь устья рѣки Э г о с п о т а м а (козья рѣка). Стоянка эта была выбрана очень неудачно. Ближайшій пунктъ, откуда аѳиняне могли получать продовольствіе, былъ очень удаленъ и, кромѣ того, флотъ ихъ не только не стоялъ въ гавани, но даже не могъ, какъ флотъ спартанцевъ, расположенный на лампсакскомъ рейдѣ, опереться на укрѣпленный городъ. Алкивіадъ, жившій недалеко оттуда, въ одномъ изъ своихъ помѣстій, отправился на флотъ, и показалъ стратегамъ ихъ ошибку; но совѣты его было отвергнуты съ гордостью. Лисандръ тотчасъ же рѣшился воспользоваться оплошностью аѳинянъ, но въ теченіе нѣсколькихъ дней обманывалъ ихъ своими дѣйствіями, чтобы еще болѣе увеличить ихъ безпечность. Наконецъ, на пятый день, когда большая часть аѳинскихъ матросовъ и солдатъ разбрелась по берегу, онъ вдругъ аттаковалъ ихъ флотъ и овладѣлъ имъ безъ боя. Изъ

всѣхъ аѳинскихъ кораблей спаслось только девять. Они находились подъ командою Конона, и, одни во всемъ флотѣ, имѣли во время аттаки Лисандра полный составъ экипажа. Всѣ остальные корабли, число которыхъ доходило до ста семидесяти, сдѣлались добычей побѣдителей (декабрь 405 г.). Большая часть войска и нѣкоторые стратеги также попались въ плѣнъ. Плѣнники были судимы военнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ предводителей союзниковъ, подъ предсѣдательствомъ Лисандра, и всѣ были приговорены къ смерти, за то что аѳинскіе командиры положили рубить всѣмъ своимъ плѣннымъ правыя руки, и недавно перерѣзали экипажъ двухъ захваченныхъ ими пелопоннесскихъ кораблей. Дѣйствительно, всѣ аѳинскіе плѣнные, число которыхъ доходило, какъ говорятъ, до трехъ тысячъ человѣкъ, были казнены, за исключеніемъ одного только — стратега Адиманта, не хотѣвшаго въ военномъ совѣтѣ аѳинянъ согласиться на его жестокія постановленія.

Сраженіе при Эгоспотамѣ нанесло послѣдній ударъ могуществу Аѳинъ. Спасеніе самаго города было невозможно, такъ что Кононъ спѣшилъ укрыться съ своей маленькой эскадрой уже не въ Аѳинахъ, а въ кипрскомъ городѣ Саламинѣ, владѣтель котораго, Эвагоръ, былъ его другомъ. Послѣ побѣды, Лисандръ направился противъ подвластныхъ аѳинянамъ приморскихъ городовъ и острововъ. Онъ завоевалъ почти всѣ аѳинскіе города на Геллеспонтѣ и во Ѳракіи, и овладѣлъ всѣми подвластными аѳинянамъ островами, за исключеніемъ Самоса, который одинъ ему не сдался. Изъ Эгины, которую онъ возвратилъ слабымъ остаткамъ изгнаннаго когда то оттуда населенія, Лисандръ двинулся противъ Саламина и потомъ на Аѳины. Соединившись съ царями Агисомъ и Павсаніемъ II, онъ обложилъ городъ съ моря и суши. Извѣстіе о гибели флота привело уже аѳинянъ въ величайшее смятеніе. Теперь имъ приходилось выдерживать осаду—а это было тѣмъ труднѣе, что Лисандръ нарочно отпустилъ въ Аѳины гарнизоны взятыхъ имъ городовъ, чтобы такимъ образомъ еще бо-

лѣе увеличить въ нихъ многолюдство. Спартанцы со всѣхъ сторонъ отрѣзали отъ города подвозъ продовольствія, и такъ какъ аѳиняне уже не имѣли ни союзниковъ, ни кораблей, то имъ скоро пришлось сдаться. Доведенные до крайности, потерявъ уже множество людей отъ голоду, они увидѣли необходимость капитуляціи. Послы ихъ выразили готовность отказаться отъ всѣхъ владѣній внѣ Аттаки и приступить къ союзу съ Спартой. Но спартанцы не приняли этихъ предложеній, и главнымъ условіемъ мира поставили срытіе длинныхъ стѣнъ (стр. 408) Согласиться на это предложеніе было для аѳинянъ тяжелѣе, чѣмъ терпѣть голодъ: они рѣшились выжидать время. Наконецъ, когда еще многіе умерли отъ голоду, Тераменъ вызвался идти къ Лисандру, чтобы, какъ онъ говорилъ, разузнать о намѣреніяхъ спартанцевъ. Настоящая его цѣль заключалась въ томъ, чтобы затянуть дѣло до тѣхъ поръ, когда городъ будетъ поставленъ въ небходимость сдаться безусловно и тогда, съ помощью спартанцевъ, передать правленіе въ руки олигарховъ. Аѳиняне согласились на предложеніе Терамена; онъ отправился въ лагерь спартанцевъ, и пробылъ тамъ слишкомъ три мѣсяца. Вернувшись въ Аѳины, онъ сложилъ вину проволочки на Лисандра, и объявилъ, что для переговоровъ слѣдуетъ обратиться къ эфорамъ. Тогда было послано въ Спарту посольство, во главѣ котораго стоялъ измѣнникъ Тераменъ, съ неограниченнымъ полномочіемъ. Договоръ, заключенный тамъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, былъ однако скоро утвержденъ аѳинскимъ народомъ.

Въ концѣ апрѣля 404 года Аѳины сдались непріятелю. Условіями мира было: срытіе длинныхъ стѣнъ и всѣхъ прочихъ укрѣпленій, выдача всѣхъ кораблей, кромѣ двѣнадцати, возвращеніе всѣхъ эмигрантовъ и изгнанниковъ, возстановленіе тѣснаго союза со Спартой или, другими словами, подчиненіе Спартѣ, и, что было всего тяжелѣе, уничтоженіе прежняго государственнаго устройства, и замѣна его олигархической коммиссіею изъ тридцати человѣкъ. Эти условія были немедленно приведены въ исполненіе. Срывъ,

подъ звуки флейтъ, укрѣпленія города, Лисандръ поплылъ къ Самосу, жители котораго теперь скоро покорились; они всѣ, за исключеніемъ немногихъ, принадлежавшихъ къ олигархической партіи, были изгнаны изъ родины, и должны были оставить на островѣ все свое имущество. Такъ кончилась пелопоннесская война, продолжавшаяся двадцать съ половиною лѣтъ.

КОНЕЦЪ 1-ГО ТОМА.

